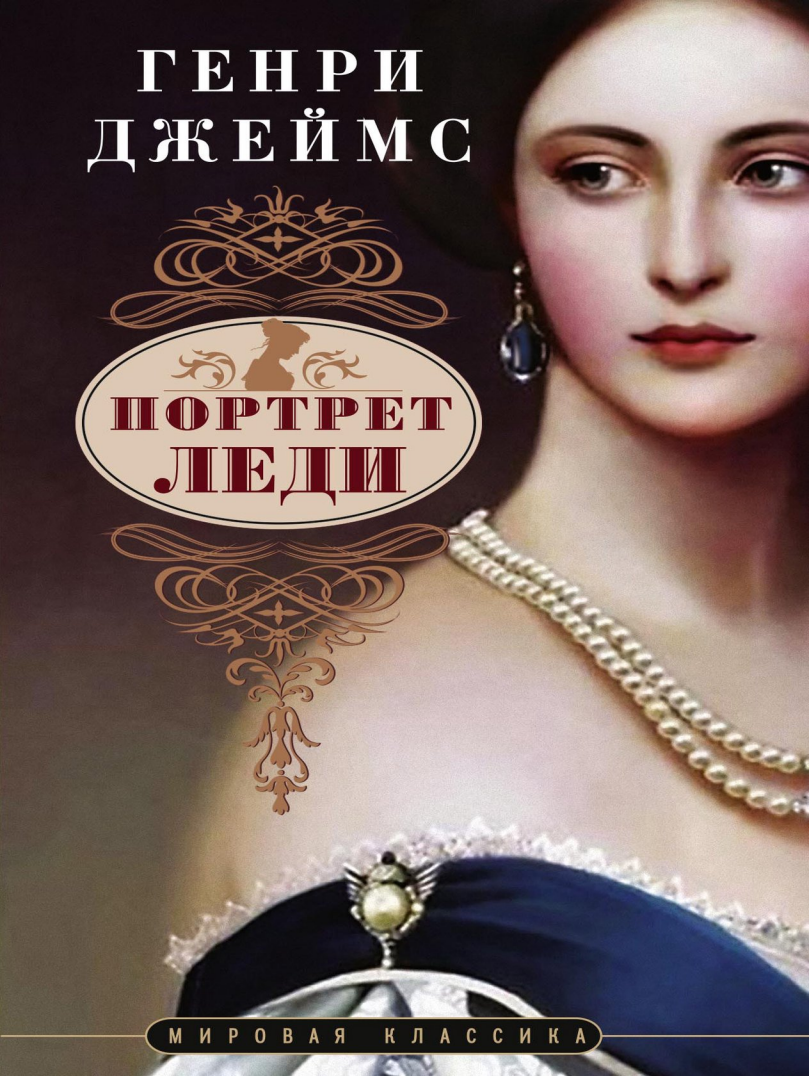
ГЕНРИ
ДЖЕЙМС
ПОРТРЕТ
ЛЕДИ
МИРОВАЯ КЛАССИКА

Портрет леди
Генри Джеймс

Аннотация
Генри Джеймс. Портрет леди
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55

Аннотация

Молодая американка Изабелла Арчер по приглашению тетушки приезжает в Англию. Мисс Арчер хороша собой, обладает живым характером и в целом очаровательна. Ею движет желание увидеть мир, однако, не имея средств, Изабелла может довольствоваться лишь ролью компаньонки своей тетки. Внезап но свалившееся на нее состояние позволяет ей претворить мечты в реальность, однако, разбогатев, Изабелла рискует стать инструментом для достижения поставленных кем-то целей. Генри Джеймс (1843–1916), признанный классик американской литературы, заглядывает в таинственные глубины женской души и создает достоверный и поистине прекрасный портрет, попутно отвечая на извечный вопрос: богатство – дар судьбы или проклятье?..

Генри Джеймс
Портрет леди

Henry James
The portrait of a Lady

© Перевод, «Центрполиграф», 2023
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

Глава 1

При определенных обстоятельствах в жизни нет ничего приятнее часа, посвященного той церемонии, которая известна как вечернее чаепитие. Независимо от того, принимаете вы в ней участие или нет — ведь не все имеют привычку пить чай именно в это время, — восхитительна бывает обстановка сама по себе. Начиная изложение этой простой истории, я представляю себе именно такую чудесную атмосферу невинного времяпрепровождения.

На лужайке перед старым английским загородным домом приготовлены принадлежности для небольшого пиршества, великолепный летний день достиг, я бы сказал, своего совершенства. Часть дня миновала, но другая часть еще впереди, и эти предстоящие часы на редкость хороши. До наступления настоящих сумерек остается еще много времени, однако поток солнечного света начинает тускнеть, воздух становится мягче, на шелковистом густом газоне постепенно удлиняются тени. Все это происходит медленно, и все говорит о покое, который, возможно, и составля-

ет главную радость в таких обстоятельствах и в такой час… Время с пяти часов вечера до восьми порой кажется маленькой вечностью, но в этом случае оно сулит просто вечное блаженство.

Занятые в этой сцене люди наслаждались ею сдержанно; они не принадлежали к тому полу, представительницы которого, как полагают, особенно привержены вышеупомянутой церемонии. На идеально постриженный газон падали ломаные тени; одна из них принадлежала пожилому господину, сидящему в глубоком плетеном кресле у низкого столика, накрытого для чаепития, две другие — молодым мужчинам, которые прохаживались неподалеку и вели между собой не очень связную беседу. В руке пожилой господин держал чашку; необычайно большая и яркая, она отличалась от остального сервиза. Он неторопливо допивал чай, подолгу придерживая чашку у подбородка и повернувшись лицом к дому. Молодые люди то ли завершили чаепитие, то ли остались равнодушными к сей церемонии — они прогуливались и курили. Один из них время от времени внимательно поглядывал на пожилого человека, который, не замечая этого, пристально смотрел на густо-красный фасад своего жилища. Дом, возвышавшийся на краю

лужайки, действительно стоил внимания и представлял собой самую характерную особенность того традиционного английского пейзажа, который я попытался набросать.

Дом стоял на невысоком холме, над рекой — а это была Темза, — примерно в сорока милях от Лондона. Время и непогода оставили на длинной стене из красного кирпича живописные следы, что, однако, послужило лишь к украшению обращенного к лужайке фасада с фронтонами, с теснящимися дымовыми трубами, залатанными плющом стенами и окнами, спрятавшимися в зелени. Дом имел и имя, и историю; старый джентльмен, наслаждавшийся чаепитием, с удовольствием рассказал бы вам, что построили дом при Эдуарде VI[1], что однажды в сих пенатах был гостеприимно предоставлен ночлег великой Елизавете[2] (что вверила тогда свою августейшую особу роскошной огромной прямоугольной кровати, которая до сих составляет гордость

[1] Примечания: 1

Эдуард VI (1537–1553) — король Англии с 1547 по 1553 гг.

[2] Примечания: 2

Елизавета — Елизавета I Тюдор (1553–1603), королева Англии с 1558 по 1603 гг.

спальных покоев), что во время кромвелевских[3] войн дом был сильно поврежден, но потом, во время Реставрации, его отремонтировали и значительно расширили, и что, наконец, после неудачных переделок в XVIII веке он перешел в собственность практичного банкира-американца, который купил его исключительно потому (и вследствие обстоятельств слишком сложных, чтобы объяснять их здесь), что это была очень выгодная сделка, купил, жалуясь на его уродство, ветхость и отсутствие удобств; но теперь, почти двадцать лет спустя, стал испытывать к нему страсть настоящего эстета, который знает свое жилище в мельчайших подробностях, точно укажет, где лучше встать, чтобы дом предстал в наиболее удачном ракурсе, и назовет час, когда тени от разнообразных выступов — они так мягко падали на теплую, потемневшую кирпичную кладку — обретают истинную соразмерность. Кроме того, как я уже сказал, он мог последовательно перечислить почти всех хозяев и обитателей дома, многие из которых снискали себе большую славу, но при этом был тайно убежден, что последняя часть жизни сего дома не

[3] Примечания: 3

Кромвелевские войны — войны периода гражданской войны в Англии во время английской буржуазной революции 1640–1660 гг.

менее почтенна. Главный подъезд располагался в противоположной части здания, а со стороны знакомой нам лужайки было пространство, закрытое от посторонних глаз, и густой травяной ковер, покрывавший вершину холма, казался продолжением роскошного внутреннего убранства дома. Гигантские дубы и буки давали такую плотную тень, что она напоминала бархатные портьеры. Повсюду, словно в помещении, стояли мягкие кресла, а на траве валялись яркие коврики, книги и газеты. В некотором отдалении текла река, и, собственно говоря, там, где земля шла под уклон, лужайка заканчивалась. Но и тропинка, сбегавшая к воде, была не менее очаровательна.

Джентльмен, сидевший за чайным столиком, приехал из Америки тридцать лет назад и привез с собой, помимо багажа, облик настоящего американца; причем не только привез, но и содержал в идеальном порядке, так что при необходимости мог совершенно спокойно вернуться в сём обличье на родину. Но, очевидно, теперь джентльмен никуда не собирался; его путешествия закончились, и он проводил время в покое, который предшествует покою вечному. Выражение его узкого, чисто выбритого лица с правильными чертами было спокойным и про-

ницательным. По всей видимости, на этом лице не часто отражались какие-либо переживания, и сочетание удовлетворения и прозорливости уже было достаточно выразительным. С первого взгляда можно было сказать, что перед вами человек, добившийся в жизни успеха, но успеха не исключительного и не вызывающего враждебного чувства, а, если можно так выразиться, столь же безобидного, как и чья-нибудь неудача. Определенно, этот человек прекрасно разбирался в людях, — но когда он медленно и аккуратно ставил свою большую чашку на стол, его слабая улыбка на худом лице и в насмешливых глазах светилась почти деревенским простодушием. Облаченный в прекрасно вычищенный черный костюм, на коленях он держал сложенную шаль, а обут был в глубокие, украшенные вышивкой домашние туфли. На траве возле его кресла лежал красавец колли и не сводил с хозяина взгляда, полного почти такой же нежности, с какой тот созерцал величественный фасад своего дома. Лохматый беспокойный терьер суетливо сновал вокруг двух других джентльменов.

Один из них, лет тридцати пяти, был превосходно сложен, его лицо — английское в той же степени, в какой лицо вышеописанного джентль-

мена выглядело неанглийским, — красивое, свежее, открытое, с твердыми, правильными чертами и живыми серыми глазами, необыкновенно украшала каштановая бородка. Он был определенно удачлив, принадлежал к избранному кругу — все достижения цивилизации пошли на пользу его счастливому нраву, — и трудно было ему не позавидовать. Джентльмен был в сапогах со шпорами, словно только недавно проделал длинный путь верхом, и в белой шляпе, которая, казалось, была ему великовата; заложив за спину крупные красивые руки, в одной из них он держал запачканные лайковые перчатки.

Его собеседник, шагавший рядом по траве, был совершенно другого склада. Он мог вызвать у вас немалый интерес, но вряд ли вы захотели бы, не раздумывая, оказаться на его месте, как захотели бы оказаться на месте первого джентльмена. Высокий, худощавый, расслабленный, с лицом некрасивым и болезненным, но живым и очаровательным, с клочковатыми усами и бакенбардами, которые совсем не украшали его, он производил впечатление человека умного и нездорового — такое сочетание никак не назовешь удачным. Он держал руки в карманах бархатной коричневой куртки, и было очевидно,

что это его закоренелая привычка. Походка у него была шаркающая и развинченная, словно он не очень уверенно держался на ногах. Как я уже говорил, каждый раз, проходя мимо старика в кресле, он останавливал на нем свой взгляд, и если бы вы в этот момент увидели их лица, то сразу поняли бы, что перед вами отец и сын.

Наконец пожилой джентльмен заметил взгляд сына и ответил ему слабой улыбкой.

— У меня все отлично, — сказал он.

— Ты допил свой чай? — спросил сын.

— Да, с большим удовольствием.

— Налить тебе еще?

Подумав, старик благодушно ответил:

— Может быть, потом.

По его манере говорить можно было безошибочно определить американца.

— Ты не замерз? — осведомился сын.

Отец медленно растирал ноги.

— Право, не знаю. Пока я этого не чувствую.

— Ну, может, найдется кто-то, кто будет чувствовать за тебя, — рассмеялся молодой человек.

— О, надеюсь, всегда найдется кто-нибудь, кто проявит со-чувствие! Вот вы, лорд Уорбартон, — вы готовы со-чувствовать?

— О да, всей душой, — живо отозвался джентль-

мен, которого назвали лордом Уорбартоном. — Готов полностью разделить ваши чувства. Ведь вы, позвольте заметить, выглядите удивительно умиротворенным.

— Да, я почти всем доволен. — Старик посмотрел на зеленую шаль, лежащую на коленях, и расправил ее. — В самом деле, я живу спокойно уже так много лет и так привык к этому, что перестал замечать.

— Да, спокойствие способно наскучить, — заметил лорд Уорбартон. — Мы осознаем, как оно прекрасно, только когда его лишаемся.

— Сдается мне, мы довольно привередливы, — вздохнул его приятель.

— О да, мы, несомненно, привередливы, — согласился лорд Уорбартон.

Все трое на некоторое время погрузились в молчание. Молодые люди смотрели на старика, который в конце концов попросил еще чаю.

— По-моему, вам очень мешает эта шаль, — сказал лорд Уорбартон, пока его приятель снова наполнял чашку.

— Нет, нет, она необходима отцу! — воскликнул тот. — Не надо подавать ему такие идеи.

— Это шаль моей жены, — просто сказал старик.

— О, раз здесь уже речь идет о чувствах… — И лорд Уорбартон сделал извиняющийся жест.

— Когда жена приедет, я отдам ей ее шаль. — продолжал пожилой джентльмен.

— Пожалуйста, не делай ничего подобного. Ты должен укрывать ею свои бедные старые ноги.

— Нечего бранить мои ноги, — возразил старик. — Они ничем не хуже твоих.

— О, что касается моих, можешь бранить их так, как тебе заблагорассудится, — с улыбкой произнес сын, протягивая отцу чашку.

— Мы с тобой оба больные, и я не думаю, что между нами большая разница.

— Очень признателен тебе за то, что ты называешь меня больным. Как чай?

— Ну… он довольно горячий.

— Я надеюсь, ты считаешь это достоинством?

— Да, огромным, — миролюбиво пробормотал в ответ пожилой джентльмен. — Мой сын — прекрасная нянька, лорд Уорбартон.

— Только мне думается, немного неумелая, не правда ли? — отозвался его светлость.

— О, нет, он очень ловок, если учесть его нездоровье. Как болезненный брат милосердия он очень хорош. Я называю его «брат-во-болезни», ведь он сам тоже болен.

— О, отец, довольно! — воскликнул молодой человек.

— Ну, ну… Хотел бы я видеть тебя здоровым, но, верно, тут уж ничего не поделаешь.

— Свежая мысль, — пробормотал молодой человек.

— Вы когда-нибудь ощущали болезненное состояние, лорд Уорбартон? — спросил пожилой джентльмен.

Мгновение помолчав, лорд произнес:

— Да, сэр, однажды. В Персидском заливе.

— Он разыгрывает тебя, папа, — произнес молодой человек. — Это нечто вроде шутки.

— Да, каждый нынче шутит по-своему, — добродушно отозвался его отец. — В любом случае вы не похожи на человека, который когда-нибудь по-настоящему был болен, лорд Уорбартон.

— Он испытывает боль от жизни, он как раз только что говорил мне об этом. В этом смысле он постоянно адски болен, — сказал сын.

— Неужели это правда, сэр? — серьезно спросил старик.

— Если это и так, то ваш сын не способен меня утешить. Этот несчастный — законченный циник и, кажется, ни во что не верит.

— Это снова шутка, — уточнил обвиняемый в

цинизме.

— Он потому циник, что у него плохое здоровье, — пояснил его отец лорду. — Знаете, оно изнуряет, и все начинаешь видеть в мрачном свете; а он к тому же уверил себя, будто у него никогда не было ни единого шанса. Но все это, знаете ли, только его теории. Я не вижу, чтобы нездоровье как-то влияло на состояние его духа. Я не припомню, чтобы он когда-нибудь унывал. Он часто и мне поднимает настроение — как и сейчас, например.

После такого лестного отзыва о себе молодой человек взглянул на лорда Уорбартона и рассмеялся.

— Это пылкий панегирик или обвинение в легкомыслии? Тебе хотелось бы, чтобы я претворял свои теории в жизнь, папа?

— Ей-богу, мы бы увидели нечто любопытное! — воскликнул лорд.

— Надеюсь, ты еще не окончательно усвоил этот вечно насмешливый тон, — проговорил пожилой джентльмен.

— Тон Уорбартона еще хуже моего. Он предпочитает выглядеть скучающим, а мне нисколько не скучно. Я нахожу жизнь слишком интересной.

— А, слишком интересной! Ты же знаешь, в твоей жизни ничего не должно быть слишком.

— Вот у вас мне никогда не бывает скучно, — произнес лорд Уорбартон. — Мы ведем такие необыкновенные бе седы.

— Это тоже шутка? — спросил пожилой джентльмен. — Вам вообще непростительно скучать. В вашем возрасте я ни о чем подобном и не помышлял.

— Должно быть, вы поздно повзрослели.

— Нет, я повзрослел очень рано, в том-то и дело. В двадцать лет я был уже вполне зрелым человеком, работал изо всех сил. Если бы вам было чем заняться, стало бы не до скуки. Но все вы, молодые люди, слишком ленивы. Вы чересчур много думаете об удовольствиях, слишком избалованны и праздны, слишком богаты.

— Вот так так! Вряд ли вам пристало осуждать людей за то, что они слишком богаты! — воскликнул лорд.

— Это потому, что я — банкир? — спросил старик.

— Если хотите, потому. Потому, что вы сами невероятно богаты.

— Да не так уж и богат, — заметил молодой человек, взглянув на отца. — Он раздал столько

денег — огромные суммы.

— Ну, полагаю, это его дело, — сказал лорд Уорбартон. — И разве это не лучшее доказательство богатства? Но если уж заниматься благотворительностью, не стоит рассуждать о том, что кто-то слишком любит удовольствия.

— Папа очень любит получать удовольствие… доставляя его другим.

Старый джентльмен покачал головой.

— Я не претендую на роль благодетеля своих современников.

— Мой дорогой отец, ты слишком скромен!

— Он снова шутит, сэр, — молвил лорд Уорбартон.

— У вас, молодые люди, чересчур много шуток. Не будь их, с чем бы вы остались?

— К счастью, поводов для шуток всегда много, — заметил его сын.

— Я так не думаю, наоборот, я думаю, все куда как серьезно. И вы, молодые люди, скоро это поймете.

— Все куда как серьезно — отличная возможность пошутить.

— Это будут мрачные шутки, — сказал старик. — Я убежден в том, что грядут серьезные перемены. И не к лучшему.

— Совершенно с вами согласен, сэр, — заявил лорд. — Я абсолютно уверен, что грядут перемены, и довольно странные. Вот почему мне так трудно воспользоваться вашим советом. Вы как-то сказали мне, что я должен «ухватиться за что-то». Не уверен, что надо хвататься за что-то, что в следующий момент может взмыть в небеса.

— Вы должны «ухватиться» за привлекательную даму, — сказал его товарищ и пояснил своему отцу: — Он очень старается влюбиться.

— Привлекательную даму тоже может сдуть порывом ветра! — воскликнул лорд Уорбартон.

— Нет, нет, дамы крепко стоят на ногах, — вступил в беседу пожилой джентльмен. — Их мало касаются социальные и политические перемены, на которые я намекал.

— Вы хотите сказать, их невозможно стереть с лица земли? Прекрасно, тогда надо как можно скорее ухватиться за одну из них и повесить на шею, как спасательный круг.

— Женщины действительно спасут нас, — проговорил старик. — Конечно, лучшие из них — ибо они разные. Найдите прекрасную подругу, женитесь — и ваша жизнь станет гораздо интереснее.

Воцарившееся короткое молчание свидетель-

ствовало, вероятно, об уважении слушателей, которое вызвало у них великодушие старика, поскольку ни для сына, ни для гостя не было секрета в том, что его личный матримониальный опыт оказался не очень счастливым. Однако он уточнил, что женщины бывают разные. Эти слова можно было расценивать как признание собственной ошибки; хотя, конечно, ни один из собеседников старика не осмелился заметить, что, очевидно, его избранница не относилась к лучшим представительницам данного пола.

— То есть вы хотите сказать, что, женившись на интересной женщине, я сам обрету интерес к жизни? — спросил лорд Уорбартон. — Но я вовсе не жажду жениться — ваш сын представил меня в неверном свете. Еще неизвестно, что подобная женщина сможет сотворить со мной.

— Хотел бы я посмотреть на женщину, которая, по-вашему, интересна, — сказал его приятель.

— Дружище, идеал невозможно узреть воочию, особенно такой возвышенный, как мой. Если бы я сам мог его увидеть, это был бы огромный шаг вперед.

— Влюбляйтесь, в кого вам заблагорассудится, но только не в мою племянницу, — неожиданно высказался старый джентльмен.

Его сын расхохотался.

— Папа, лорд Уорбартон решит, что ты провоцируешь его! Ты прожил бок о бок с англичанами тридцать лет и научился понимать, что они говорят. Но ты так и не научился понимать, что у них принято о многом умалчивать!

— Я говорю, что хочу, — невозмутимо заявил старик.

— Я не имею чести быть знакомым с вашей племянницей, — сказал лорд Уорбартон. — У меня такое впечатление, я вообще впервые о ней слышу.

— Это племянница моей жены. Миссис Тачетт везет ее в Англию.

Молодой мистер Тачетт пояснил:

— Мама, как вы знаете, провела зиму в Америке, и мы ожидаем ее возвращения. Она пишет, что встретилась со своей племянницей и пригласила ее к нам.

— Понимаю… Очень любезно со стороны вашей матушки, — проговорил лорд Уорбартон. — А она интересная — эта молодая леди?

— Едва ли мы знаем о ней больше вас. Мама не вдавалась в подробности. Она общается с нами в основном с помощью телеграмм, а ее телеграммы довольно загадочны. Говорят, женщины не

способны быть лаконичными, но мама достигла совершенства в искусстве передавать сжатую информацию. «Устала Америки, ужасная жара, возвращаюсь Англию племянницей, первый пароход, приличная каюта». Это последнее сообщение, которое мы от нее получили. Но до него было еще одно, в котором, кажется, впервые упоминается эта племянница. «Поменяла отель, очень плохой, дерзкий коридорный, адрес здесь. Взяла дочь сестры, умерла прошлом году, еду Европу, две сестры, вполне самостоятельно». Над этим сообщением мы с папой долго ломали голову — уж очень по-разному можно его истолковать.

— Ясно одно, — произнес старик. — Она устроила выволочку коридорному.

— Я не уверен даже в этом, поскольку он вынудил ее оставить поле боя. Сначала мы подумали, что упомянутая сестра — это сестра коридорного, но упоминание племянницы в следующей телеграмме скорее говорит в пользу того, что имелась в виду одна из моих теток. Затем возник вопрос, о каких двух сестрах шла речь. Вероятно, это две дочери моей старшей тетки. Но кто «вполне самостоятелен» и подразумевается под этим словом? Ответа мы еще не нашли. Относится оно к

той юной леди, которую опекает моя мать, или характеризует и ее сестер? Речь идет о моральной или материальной независимости? Означает ли это, что им досталось хорошее наследство или что они не хотят никому быть обязанными? Или имеется в виду их независимый характер?

— Что бы еще это выражение ни значило, последнее наверняка имеется в виду, — заметил мистер Тачетт.

— Скоро вы сами все увидите, — сказал лорд Уорбартон. — Когда приезжает миссис Тачетт?

— Мы в полном неведении. Как только найдет приличную каюту. Может быть, она еще дожидается ее; но, с другой стороны, не исключено, что мама уже сошла на английский берег.

— В этом случае она, вероятно, телеграфировала бы вам.

— Она ни за что не пошлет телеграмму, когда вы ее ждете. Только когда вы НЕ ждете, — произнес старый джентльмен. — Она любит нагрянуть неожиданно, думает поймать меня на чем-то недостойном. Ей еще никогда этого не удавалось, но она не отчаивается.

— В этом проявляется ее независимость, — примирительно пояснил сын. — Какими бы независимыми ни оказались те молодые леди,

мама сможет с ними в этом потягаться. Она любит делать все самостоятельно, и не допускает мысли, что кто-то может хоть в чем-то ей помочь. Мама считает, что от меня пользы не больше, чем от почтовой марки без клея, и никогда не простила бы, если бы я отправился в Ливерпуль встретить ее.

— Но вы, по крайней мере, дадите мне знать, когда приедет ваша кузина? — спросил лорд Уорбартон.

— Только при том условии, которое я поставил: что вы не влюбитесь в нее, — снова заявил мистер Тачетт-старший.

— Это очень жестоко. Вы думаете, что я для нее недостаточно хорош?

— Я думаю, что вы даже слишком хороши, потому-то и не хотел бы, чтобы она вышла за вас замуж. Надеюсь, она едет сюда не в поисках мужа. Так поступают многие молоденькие девушки, словно дома нет хороших женихов. Может быть, она помолвлена? Мне кажется, все американские девушки обязательно помолвлены. Я вообще не уверен, получится ли из вас хороший муж.

— Скорее всего, она помолвлена. Я знаком со многими американками, все они были помолвлены. Но, честное слово, это ничего не меняло! Что

до того, буду ли я подходящим мужем, то я тоже в этом не уверен. Но надо хотя бы попытаться!

— Пытайтесь сколько хотите, но только не с моей племянницей, — шутливо настаивал старый джентльмен.

— Хорошо, — согласился лорд Уорбартон так же шутливо. — Может быть, она и не стоит того!

Глава 2

Пока происходил этот обмен любезностями, Ральф Тачетт, держа руки в карманах, своей обычной нетвердой походкой направился в сторону дома. Суетливый терьер по пятам следовал за хозяином, который в задумчивости смотрел себе под ноги и потому не замечал, что за ним наблюдает некая особа, минуту назад появившаяся на пороге. Он обратил на нее внимание только потому, что пес вдруг стремительно бросился вперед, заливаясь лаем, в котором, впрочем, дружелюбия было больше, чем угрозы. Неизвестная особа представляла собой юную леди, которая сразу поняла, что таким образом ее приветствуют, и, когда терьер, неистово лая, остановился перед ней, она без колебаний нагнулась, подхватила его на руки и поднесла к лицу. Пока терьер громко изливал свою радость, его подоспевший хозяин заметил, что новая знакомая Банчи — высокая девушка в черном платье — уже на первый взгляд очень привлекательна. Она была без шляпы, как если бы просто была их гостьей и на минутку вышла из дома, — это привело Ральфа в недоумение, так

как последнее время по нездоровью его отца они никого не принимали. Тем временем два других джентльмена тоже заметили незнакомку.

— Помилуйте, кто это? — спросил лорда старший мистер Тачетт.

— Возможно, это племянница миссис Тачетт — та самая независимая молодая леди, — предположил Уорбартон. — Я сужу по тому, как она усмирила собаку.

Колли тоже изволил обратить внимание на незнакомку в дверях и неторопливо направился к ней, помахивая в такт хвостом.

— Но где же в таком случае моя жена? — пробормотал старик.

— Возможно, молодая леди где-то рассталась с ней — это тоже, я уверен, входит в проявление независимости.

Девушка разговаривала с Ральфом, улыбаясь и продолжая держать терьера на руках.

— Это ваш песик, сэр?

— Минуту назад был моим, но поразительно быстро перешел в вашу собственность.

— Не можем ли мы владеть им совместно? — спросила девушка. — Он такой милый.

Ральф внимательным взглядом изучал ее. Она была удивительно хороша.

— Можете владеть им безраздельно, — произнес молодой человек.

Судя по всему, девушка была уверена в себе настолько же, насколько доверяла другим, но такая внезапная щедрость заставила ее вспыхнуть.

— Должна вам доложить, что, вероятно, я — ваша кузина, — произнесла она, опуская собаку на землю, и, увидев приближающегося колли, быстро добавила: — Ох! Еще один!

— Вероятно? — засмеявшись, воскликнул молодой человек. — Я думаю, в этом не может быть сомнений! Вы приехали с мамой?

— Да, полчаса назад.

— Так что же — она оставила вас, а сама снова уехала?

— Нет, она сразу поднялась к себе и попросила, если я вас увижу, передать, чтобы вы зашли к ней без четверти семь.

Молодой человек взглянул на часы.

— Большое спасибо. Постараюсь быть вовремя. — И он снова взглянул на кузину. — Добро пожаловать в нашу обитель! Я очень рад познакомиться с вами.

Девушка огляделась, переводя заинтересованный взгляд со своего собеседника на собак, на двух джентльменов под деревьями, на окружаю-

щий ее прекрасный пейзаж.

— Никогда не видела такого чудесного места, — сказала она. — Я уже обошла весь дом — он тоже чудный.

— Простите, что вам так долго пришлось оставаться в одиночестве.

— Ваша матушка сказала, что у англичан принято появляться незаметно, и я решила, что все идет правильно. Скажите, один из тех джентльменов — ваш отец?

— Да, старший… тот, что сидит, — ответил Ральф.

Девушка засмеялась.

— Ясно, что не тот, другой. А кто стоит?

— Это наш друг… лорд Уорбартон.

— Боже, я так и знала, что встречу лорда, прямо как в романе! Ах ты, прелестное создание! — вдруг воскликнула она, снова наклоняясь и подхватывая терьера на руки.

Она продолжала стоять на пороге, стройная и очаровательная, как будто не собираясь ни двигаться с места, ни заговаривать с мистером Тачеттом. Ральф даже подумал, не ожидает ли она, что старый джентльмен должен подойти сам и выразить ей свое почтение. Американки вообще привыкли к уважительному отношению,

а эта девушка, судя по выражению лица, была еще и с характером. Но он все-таки осмелился предложить:

— Позвольте мне представить вас моему отцу. Он стар и болен — почти не встает со своего кресла.

— О, бедный! Как жаль! — воскликнула девушка и сразу устремилась к хозяину дома. — А по словам вашей матушки, он всегда был… довольно крепок.

Слегка помедлив, Ральф Тачетт заметил:

— Мама не видела его целый год.

— Во всяком случае, он выбрал для себя отличное место. Пойдемте, собачки!

— Это очень уютный уголок, — произнес молодой человек, искоса взглянув на свою спутницу.

— А как его зовут? — спросила девушка, снова любуясь терьером.

— Моего отца?

— Да, — лукаво сказала юная леди, — только не передавайте ему, что я вас спрашивала об этом.

Тем временем молодые люди подошли к мистеру Тачетту, и тот медленно поднялся с кресла для приветствия.

— Мама приехала, — сказал Ральф. — А это мисс Арчер.

Старик положил руки ей на плечи и несколько мгновений бесконечно доброжелательно смотрел на нее; потом галантно поцеловал.

— Очень рад, что вы уже здесь, жаль только, что у нас не было возможности встретить вас.

— Что вы, нас встретила почти целая дюжина слуг! — воскликнула девушка. — А пожилая женщина даже сделала реверанс.

— Мы придумали бы что-нибудь получше — если бы знали о вашем приезде! — Старик улыбался, потирая руки и покачивая головой. — Но миссис Тачетт не признаёт торжественных встреч.

— Тетя сразу пошла в свою комнату.

— Да, и заперлась там. Она всегда так делает. Полагаю, мы увидим ее на следующей неделе. — И муж миссис Тачетт медленно уселся на свое место.

— О нет, раньше, — возразила мисс Арчер. — Она спустится к обеду[4] в восемь часов. Не забудьте: без четверти семь, — добавила она, с улыбкой повернувшись к Ральфу.

— Что должно случиться без четверти семь?

— Я должен повидать маму.

— Счастливчик… — пробормотал старик. — Вы

---

[4] Примечания: 4

Аналог нашего ужина. У англичан принято обедать поздно.

должны присесть и выпить чаю, — обратился он к племяннице своей жены.

— По приезде мне сразу принесли чай в комнату, — ответила она и, глядя на почтенного хозяина дома, произнесла: — Как жаль, что вам нездоровится!

— Что ж, мне много лет, дорогая, пора быть настоящим стариком. Но я уверен, что в вашем присутствии мне станет гораздо лучше.

Девушка снова стала осматривать все вокруг — лужайку, высокие деревья, заросшую тростником серебристую Темзу, красивый старинный дом, — и при этом успевала тайком бросать изучающие взгляды на своих собеседников, что было вполне естественно для девушки неглупой и к тому же взволнованной. Она отпустила собаку и села, положив на колени руки, на фоне черного платья казавшиеся белоснежными. Голова мисс Арчер была высоко поднята, глаза блестели, и стройная фигурка находилась в постоянном движении. Она была переполнена новыми впечатлениями, которые поглощались ею с ясной, замершей на губах улыбкой.

— В жизни не видела ничего прекраснее, — заявила мисс Арчер.

— Да, здесь очень хорошо, — согласился ми-

стер Тачетт. — Понимаю, как поразил вас этот пейзаж, — я и сам испытал нечто подобное. Но вы и сами так же прекрасны, — любезно добавил он без малейшей иронии, с удовольствием сознавая, что его преклонный возраст дает ему привилегию делать комплименты — даже таким юным девушкам, которых подобные слова обычно смущают.

Было непонятно, насколько сильно смущена мисс Арчер; она внезапно вскочила, покраснев, но неудовольствия ее при этом не ощущалось.

— Да, разумеется, я не дурнушка! — с коротким смешком воскликнула она. — А сколько лет этому дому? Он времен Елизаветы?

— Первых Тюдоров[5], — ответил Ральф Тачетт.

Мисс Арчер повернулась к нему, быстро взглянув в его лицо.

— Первых Тюдоров? Какая прелесть! Наверное, в Англии много таких мест?

— И даже гораздо красивее.

— Не говори так, сынок! — запротестовал старик. — Лучше нашего дома нет.

— К примеру, мой дом тоже очень неплох. Думаю, что в некотором отношении он даже луч-

---

[5] Примечания: 5
Тюдоры — английская королевская династия (1485–1603).

ше, — произнес лорд Уорбартон, который до этого не произнес ни слова, но внимательно наблюдал за мисс Арчер.

Он склонился к ней с легкой улыбкой — с женщинами он был необыкновенно обходителен, и девушка сразу это оценила. К тому же она не забывала, что перед ней настоящий лорд.

— Я с большим удовольствием показал бы вам свое жилище, — добавил он.

— Не верьте ему, — вскричал старик. — Нечего и смотреть — этот ветхий сарай ни в какое сравнение не идет с моим домом!

— Я не видела и не могу судить, — ответила девушка и улыбнулась лорду Уорбартону.

Ральфа Тачетта совершенно не интересовала эта беседа. Он стоял, засунув руки в карманы, и по всему было видно, что он с удовольствием бы продолжил разговор со своей новоявленной кузиной. Для начала он спросил:

— Так вы любите собак?

Это было не слишком удачным началом беседы для столь умного человека.

— Просто обожаю!

— Тогда вы должны быть хозяйкой этого терьера, — все так же неловко продолжал Ральф.

— С удовольствием — пока я тут.

— Надеюсь, вы останетесь подольше.

— Вы очень любезны, но мне трудно сказать. Это решит тетушка.

— Мы обсудим это с ней… без четверти семь. — И Ральф снова взглянул на часы.

— Мне здесь очень нравится, — сказала девушка.

— Не верится, что вы позволяете кому-то решать за себя.

— Конечно, нет; только в том случае, если это совпадает с моими желаниями.

— Я постараюсь, чтобы это совпало и с моими желаниями, — заявил Ральф. — Невероятно, как это мы не познакомились раньше.

— Нужно было просто побывать там, где я была, и познакомиться со мной.

— Где? Что вы имеете в виду?

— В Соединенных Штатах: в Нью-Йорке, в Олбани, в других местах.

— Я посещал эти места, но почему-то не побывал у вас. У меня просто в голове это не укладывается.

Мисс Арчер помедлила.

— Дело в том, что моя мама умерла, когда я была еще ребенком, а после ее смерти между моим отцом и вашей матушкой возникли какие-

то разногласия. Поэтому мы и не помышляли о знакомстве.

— Боже упаси меня ссориться со всеми, с кем у моей матушки разногласия! — воскликнул молодой человек. — Так вы недавно потеряли отца? — сочувственно спросил он.

— Да, чуть больше года назад. И тетя была очень добра — разыскала меня и предложила поехать с ней в Европу.

— Понятно, — произнес Ральф. — Она, случайно, не удочерила вас?

— Удочерила?

Пораженная, мисс Арчер взглянула на него, снова вспыхнув, и смущенный Ральф увидел в ее глазах боль. Он не ожидал, что этот шутливый вопрос произведет на нее такое впечатление. В этот момент подошел лорд Уорбартон, сгоравший от желания рассмотреть мисс Арчер поближе, и девушка перевела свой взгляд на него.

— Нет, она меня не удочеряла. Я совершенно не подхожу на эту роль.

— Примите мои извинения, — пробормотал Ральф. — Я имел в виду… имел в виду… — но едва ли он и сам знал, что имел в виду.

— Вы имели в виду, что она взяла меня под свое крыло. Да, тетя любит опекать. И она очень

добра ко мне, но… — добавила мисс Арчер, и было видно, насколько ей важно, чтобы ее поняли, — я очень ценю свою свободу.

— Вы беседуете о миссис Тачетт? — поинтересовался из своего кресла старик. — Подойдите, моя дорогая, и расскажите мне. Я всегда рад узнать о ней что-нибудь новое.

Поколебавшись всего мгновение, мисс Арчер улыбнулась.

— Тетя поистине великодушна, — ответила она; затем подошла к дяде, которого приятно взволновали ее слова.

Стоя рядом с Ральфом Тачеттом, лорд Уорбартон вдруг негромко сказал:

— Недавно вы хотели увидеть воочию воплощение моего представления об интересной женщине. Так вот оно!

Глава 3

Что и говорить, миссис Тачетт была со странностями, и некоторое представление о них можно было составить уже по тому, каковым было ее возвращение в дом своего мужа после многих месяцев отсутствия. Проще всего так описать ее характер: она все делала по-своему, редко проявляла снисходительность, хотя отнюдь не была лишена великодушия. Миссис Тачетт умела делать добро, но никогда не умела нравиться. Она любила действовать самостоятельно, но, хотя иногда казалась агрессивной, это было отнюдь не так — просто она слишком была не похожа на других. Натура миссис Тачетт порой проявлялась так резко, что причиняла боль людям впечатлительным. Непреклонность этой женщины обнаружилась сразу же по возвращении из Америки. Кажется, в этих обстоятельствах она первым делом должна была бы поздороваться с мужем и сыном. Однако по причинам, которые казались ей более чем достаточными, она всегда в подобных случаях откладывала сентиментальную церемонию, уединяясь, чтобы довести до

совершенства свой туалет, причем это не имело никакого смысла, так как миссис Тачетт были равно чужды и красота, и тщеславие. Эта пожилая некрасивая женщина, абсолютно лишенная кокетства и элегантности, была зато чрезвычайно внимательна к собственным поступкам и всегда могла при случае объяснить мотивы любых своих действий, как правило, разительно отличающиеся от тех, которые ей приписывались. Живя по существу с мужем врозь, она не видела в этом ничего необычного. С самого начала семейной жизни стало ясно, что их желания никогда не совпадут, и это подтолкнуло миссис Тачетт к решению не превращать разногласия в вульгарные скандалы. Она сделала все возможное, чтобы придать своему решению непреложность закона — и еще больше назидательной его стороне, — уехав жить во Флоренцию, где купила себе дом, оставив мужа в Англии заниматься своим банком. Такое положение вещей вполне ее устраивало — оно было в высшей степени определенным. Муж видел его точно таким же — если в туманном Лондоне иногда что четко и вырисовывалось, то именно отъезд жены. Впрочем, мистер Тачетт предпочел бы, чтобы их отношения были не столь определенными. Согласие на такие узаконенные

разногласия далось ему с трудом; он готов был согласиться со всем, кроме этого, и не представлял, почему сходство или несходство взглядов на жизнь должно быть таким непоколебимым. Но миссис Тачетт не позволяла себе ни сожалений, ни размышлений, и, приезжая обычно к мужу раз в год, за этот месяц во что бы то ни стало старалась убедить его, будто принятое ею решение — единственно правильное. Она не любила Англию и имела на то три причины, о которых не уставала напоминать. Не имея ни малейшего отношения к традиционному британскому укладу, они повлияли на ее решение переселиться в другую страну. Во-первых, миссис Тачетт ненавидела хлебную подливку, которая, по ее словам, выглядела словно разведенное для припарки лекарство, а вкусом напоминала мыло; во-вторых, она не могла смириться с тем, что служанки попивают пиво; и в третьих, она утверждала, что британские прачки (а миссис Тачетт была очень разборчива по части постельного белья) вовсе не мастера своего дела. На родину в Америку она наезжала в соответствии со строгим расписанием, однако этот визит оказался продолжительнее предыдущих.

Теперь сомнений почти не оставалось — мис-

сис Тачетт задержалась потому, что решила взять под опеку свою племянницу. Однажды влажным весенним вечером, месяца за четыре до тех событий, с которых начался наш рассказ, эта юная леди в уединении читала книгу. Раз она сидела с книгой, значит, можно сказать, что одиночество было ей совсем не в тягость, ибо любознательность ее была плодотворной, а воображение — богатым. Однако именно в тот раз ей хотелось отвлечься, и визит нежданной гостьи помог как нельзя лучше. О ее приезде никто не доложил; девушка услышала шаги, когда они раздавались уже в соседней комнате. Дело происходило в Олбани — в большом, старом квадратном доме, перестроенном из двух; теперь в окне гостиной виднелось объявление о его продаже. У дома были два входа (одним из них давным-давно не пользовались, но так и не заделали), абсолютно одинаковые: массивные белые двери в арочных проемах, с широкими стеклами по сторонам, над невысокими ступеньками из красного камня, наискосок спускавшимися к выложенному кирпичом тротуару. Когда два дома соединяли в один, разделяющую их стену разрушили, и они стали сообщаться между собой. На втором этаже, куда вела лестница, было огромное количество

комнат, одинаково выкрашенных светло-желтой краской, которая с годами заметно вылиняла. Этажом выше между двумя крыльями дома соорудили сводчатый переход, который Изабелла и ее сестры в детстве называли тоннелем. Светлый и совсем не длинный, девочке он казался таинственным и пустынным, особенно в зимние сумерки. Ребенком, когда здесь жила бабушка, Изабелла не раз гостила у нее, потом — не появлялась в Олбани десять лет; и вернулась лишь незадолго до смерти отца. В прежнее время старая миссис Арчер была очень гостеприимна — в основном по отношению к родне, — и девочки часто проводили под крышей бабушкиного дома целые недели, о которых у Изабеллы остались самые счастливые воспоминания. Жизнь здесь была совсем иной, чем в ее собственном доме, — более свободная, наполненная, открытая. За детьми следили не слишком строго, они могли слушать почти все разговоры взрослых (что очень нравилось Изабелле). То и дело кто-то уезжал, кто-то приезжал; сыновья и дочери бабушки, а также их дети с радостью соглашались погостить у нее, поэтому дом напоминал суматошную провинциальную гостиницу, пожилая и кроткая хозяйка которой время от времени глубоко вздыхает,

но никогда не выставляет постояльцам счетов. Изабелла, конечно, понятия не имела о счетах, но уже тогда, в детстве, считала бабушкино жилище очень живописным. С тыльной стороны дома была крытая веранда, а на веранде — вожделенные качели. Дальше, до конюшни, простирался сад с прекрасными персиковыми деревьями. Изабелла бывала у бабушки в разное время года, но почему-то, независимо от этого, в каждый приезд она ощущала аромат созревших персиков. На противоположной стороне улицы стояло старинное здание из выкрашенных в желтый цвет кирпичей — так называемый Голландский дом — причудливое архитектурное сооружение времен первых переселенцев, увенчанное остроугольной крышей, — достопримечательность, которую показывали всем приезжим. К улице дом был обращен торцом и огорожен шатким деревянным забором. В нем располагалась начальная школа для мальчиков и девочек, а управляла ею — совершенно по-дилетантски — экспансивная дама, которая запомнилась Изабелле чрезмерно взбитыми на висках волосами и тем, что она была вдовой какого-то влиятельного лица. В этом-то заведении и должна была девочка овладевать зачатками знаний, но, проведя в школе всего

один день, она испытала к ней такое отвращение, что ей позволили остаться дома. В сентябре окна в Голландском доме почти всегда держали открытыми, и до Изабеллы доносились голоса учеников, хором повторявших таблицу умножения, отчего она испытывала восторг свободы и неотделимое от него горькое чувство отверженности. Что же касается настоящих знаний, то основа их была заложена в атмосфере праздности бабушкиного дома; так как большинство его обитателей никак нельзя было отнести к любителям чтения, Изабелла получила в свое полное распоряжение богатую библиотеку. Встав на стул, она выбирала себе книгу по вкусу — руководствуясь главным образом тем, что нарисовано на фронтисписе, — и шла с ней в таинственную комнату за библиотекой, которую неизвестно почему принято было называть конторой. Что это за контора и кипела ли в ней когда-то работа, Изабелла так и не узнала; с нее было вполне довольно, что здесь жило эхо и приятно пахло стариной; в эту комнату ссылали мебель, иногда даже без очевидных изъянов (отчего ссылка казалась незаслуженной, а ссыльные — жертвами несправедливости), и с этими вещами, как это свойственно многим детям, девочка установила почти человеческие,

живые отношения. Особенно Изабелла любила обитый грубой тканью из конского волоса диван, которому поверяла сотни своих детских печалей. Мрачную таинственность конторе придавало и то, что в нее вела та самая «отверженная» входная дверь, которой никогда не пользовались. Хрупкая девочка обнаружила, что не может справиться с тугими засовами, но знала, что эта молчаливая неподвижная дверь ведет на улицу и что, если бы стекла не были заклеены зеленой бумагой, она увидела бы маленькое потемневшее крыльцо и истертые кирпичи тротуара. Но девочка не хотела выглядывать наружу, ибо тогда исчезла бы выдуманная ею страна — необыкновенная, таинственная, становившаяся, по настроению, то источником удовольствий, то вместилищем ужасов.

Именно в конторе и сидела Изабелла в тот грустный весенний вечер, о котором я упомянул. К тому времени в ее распоряжении был весь дом, но она выбрала самую мрачную комнату. Девушка так ни разу и не отодвинула засовы и не сняла зеленую бумагу со стекол (конечно, со времен бабушки она давно была заменена на новую), чтобы убедиться, что за дверью лежит обыкновенная улица. Вовсю лил холодный дождь;

весна никак не разрешала в себя поверить. Но Изабелла старалась обращать как можно меньше внимания на причуды этого времени года; она смотрела в книгу и пыталась сосредоточиться. Не так давно девушка обнаружила, что ее мысли склонны к тому, чтобы рассеиваться; призвав все свое умение, она стала учить их держать строй, выполнять различные команды: наступать, отступать, останавливаться, выполнять и более сложные маневры. В этот вечер Изабелла снова отдала приказ: «Марш!» — и ее мысли отправились в утомительный поход по зыбким просторам немецкой философии; вдруг в тишине раздались шаги, но они не совпадали с тем ритмом, в котором продвигались ее мысли; прислушавшись, она поняла, что кто-то идет по библиотеке, примыкавшей к конторе. Поначалу девушка решила, что пришел тот самый человек, визита которого она, по некоторым причинам, могла ожидать; но почти сразу сказала себе, что походка незнакомая и женская — а ее вероятный гость был мужчиной, причем хорошо знакомым. Так могла идти женщина решительная, намеренная увидеть нечто для себя интересное, которая не преминет перешагнуть порог конторы; действительно, в проеме двери тут же появилась дама и, помедлив,

вперила взгляд в нашу героиню. Лицо этой некрасивой пожилой женщины, одетой в просторную непромокаемую накидку, имело выражение жесткое, но не отталкивающее.

— Гм, — произнесла она, оглядев разномастные стулья и столы, — ты здесь обычно и пребываешь?

— Если не жду гостей, — ответила Изабелла, поднявшись, и направилась в библиотеку, как бы предлагая своей гостье следовать за собой. Незваная гостья продолжала глазеть по сторонам.

— Но, кажется, у тебя тут много других комнат, и, наверное, в лучшем состоянии. Правда, все страшно ветхое.

— Вы хотели осмотреть дом? — спросила Изабелла. — Горничная вам его покажет.

— Я не собираюсь покупать дом. А ее я бы посоветовала тебе уволить. Она не производит впечатление сообразительной. Ушла позвать тебя, и, видимо, до сих пор бродит в поисках где-то наверху. Лучше кликни ее и скажи, что все уже в порядке.

Девушка, недоумевая, замешкалась, а нежданная критикесса резко спросила:

— Полагаю, ты одна из дочерей?

Изабелла решила, что у незнакомки довольно

странные манеры.

— Все зависит от того, чьих дочерей вы имеете в виду.

— Покойного мистера Арчера… и моей бедной сестры.

— А-а, — медленно произнесла Изабелла, — должно быть, вы наша сумасбродная тетя Лидия!

— Вот как отец научил вас отзываться обо мне! Я твоя тетя Лидия, но вовсе не сумасбродка. А ты какая по счету?

— Я младшая, Изабелла.

— Да, а те — Лилиан и Эдит. Ты самая хорошенькая?

— Не имею ни малейшего представления, — ответила девушка.

— Похоже на то, — задумчиво сказала тетушка.

Вот так тетя и племянница подружились. После смерти сестры миссис Тачетт поссорилась с зятем: она выговорила ему за то, как он воспитывает трех своих дочерей, мистер Арчер, будучи человеком вспыльчивым, попросил ее не вмешиваться в чужие дела, и она приняла эти слова буквально. В течение многих лет миссис Тачетт не поддерживала с ним никаких отношений, и даже после его смерти ни разу не написала племянницам, воспитанным в неуважении к ней,

что Изабелла как раз сейчас и продемонстрировала. Действия миссис Тачетт были, как всегда, идеально продуманы. Она так или иначе намеревалась приехать в Америку по своим денежным делам (муж к ее вкладам, даром что был крупным финансистом, никакого отношения не имел) и решила воспользоваться случаем, чтобы узнать о положении дел своих племянниц. Писать она необходимости не видела, поскольку не придавала никакого значения сведениям, которые могла бы из писем извлечь, — она всегда верила только тому, что видела своими глазами. Однако Изабелла обнаружила, что тетя знает о них достаточно: и о замужестве старших сестер; и о том, что их бедный отец оставил им очень небольшие средства, но завещал продать доставшийся ему в свое время дом в Олбани и разделить вырученные деньги между собой; знала, наконец, и о том, что муж Лилиан Эдмунд Ладлоу взял на себя эти хлопоты, и потому молодая пара, приехавшая в Олбани во время болезни мистера Арчера, по сию пору оставалась в городе и жила в особняке вместе с Изабеллой.

— Сколько вы думаете выручить за дом? — спросила миссис Тачетт девушку, которая предложила ей присесть в парадной гостиной, и без

особого энтузиазма осмотрела комнату.

— Не имею ни малейшего представления, — ответила Изабелла.

— Ты уже второй раз говоришь мне это, — заметила тетя. — Но ты вовсе не выглядишь бестолковой.

— Я вовсе не бестолкова, но в деньгах ничего не понимаю.

— Да, так вас воспитали — как будто вам в наследство должен был достаться миллион. Кстати, сколько вы получили?

— Я действительно не могу вам сказать. Вам нужно спросить у Эдмунда и Лилиан. Они вернутся через полчаса.

— Во Флоренции мы бы сочли, что этот дом никуда не годится, — сказала миссис Тачетт, — но здесь, я полагаю, за него дадут хорошую цену. Каждой из вас он должен принести значительную сумму. И, надо думать, вдобавок вы получите кое-что еще. Ваша неосведомленность — просто из ряда вон. Ведь самое ценное — это место, на котором стоит дом. Его можно снести и построить торговые ряды. Удивительно, что вы не сделали этого сами; лавки можно очень выгодно сдавать.

Изабелла изумилась; мысль о лавках была для нее внове.

— Надеюсь, дом не станут сносить, — произнесла она. — Я так люблю его.

— Не понимаю, за что ты его так любишь. Здесь умер твой отец.

— Да, но из-за этого я не разлюбила его, — спокойно ответила девушка. — Я люблю места, где происходили какие-то события, пусть даже грустные. Здесь многие умерли, но дом был полон жизни.

— И об этом ты говоришь «дом был полон жизни»?

— Я имею в виду переживания — человеческие чувства, страдания. И не только страдания, я в детстве была здесь очень счастлива.

— Тебе нужно во Флоренцию, если ты любишь дома, где что-то происходило — особенно смерти. Я живу в старинном дворце — в нем были убиты три человека. Три человека, о которых известно, и я не знаю, сколько еще.

— В старинном дворце? — повторила Изабелла.

— Да, моя милая. Это совершенно другое дело. У вас здесь все очень уж… как-то по-мещански.

Поскольку Изабелла всегда была очень высокого мнения о бабушкином доме, она слегка рассердилась, но это не помешало ей искренне

воскликнуть:

— Как бы мне хотелось поехать во Флоренцию!

— Если будешь умницей и станешь делать все, что я тебе скажу, я возьму тебя с собой, — сказала миссис Тачетт.

Волнение Изабеллы усилилось. Она вспыхнула и промолчала. Потом улыбнулась тете.

— Делать все, что вы скажете? Не думаю, что могу обещать вам это.

— Конечно, это на тебя и не похоже. Ты любишь все делать по-своему, но не мне тебя в этом упрекать.

— И все же ради Флоренции, — воскликнула Изабелла, — я готова дать почти любые обещания!

Эдмунд и Лилиан все не возвращались, и целый час ничто не прерывало беседу миссис Тачетт с племянницей, которая нашла тетушку очень необычной и интересной. Тетушка оказалась именно такой оригиналкой, какой Изабелла всегда ее себе и воображала. До сих пор, если она слышала, что кого-то называют эксцентричным, этот человек казался ей неприятным. Само слово вызывало у нее представление о какой-то нелепице, о разрушенной гармонии. Но тетя прояснила ее представление и привнесла столько

свежих впечатлений, что Изабелле пришло в голову, что все это время она преувеличивала прелесть гармонии. Изабелла не встречала никого занимательнее этой маленькой, иноземного вида женщины, с тонкими губами и горящими глазами, у которой изысканные манеры искупали невзрачную внешность и которая, сидя здесь в поношенной накидке, со знанием дела рассказывала о европейских королевских дворах. Миссис Тачетт не была тщеславной, но любила высшее общество, и сознание, что она производит впечатление на искреннюю, впечатлительную племянницу, доставляло ей удовольствие. Но прежде Изабелле было задано множество вопросов, и по ответам миссис Тачетт заключила, что племянница весьма неглупа. В свою очередь Изабелла стала расспрашивать тетку, и все ее ответы казались девушке невероятно увлекательными. Миссис Тачетт дожидалась другой своей племянницы ровно столько, сколько сочла разумным; но так как миссис Ладлоу не появилась и в шесть часов, она собралась уходить.

— Твоя сестра, должно быть, ужасная сплетница, — заметила миссис Тачетт. — Она всегда так долго бегает по гостям?

— Она отсутствует почти столько же, сколько

вы пробыли здесь, — ответила Изабелла. — Она ушла совсем незадолго до вашего прихода.

Миссис Тачетт взглянула на девушку и вовсе не выглядела задетой. Казалось, ей понравилась дерзость, да и хотелось проявить к племяннице великодушие.

— Думаю, у нее не найдется такой уважительной причины, как у меня. Во всяком случае, передай ей, чтобы пришла ко мне сегодня вечером в эту вашу ужасную гостиницу. Если хочет, может взять с собой мужа, а тебе приходить ни к чему. У нас с тобой еще много времени впереди.

Глава 4

Миссис Лилиан Ладлоу была старшей из трех сестер Арчер. О каждой из них существовало некое общественное мнение: Лилиан считалась практичной здравомыслящей особой, Эдит — красавицей, а Изабелла — интеллектуалкой. Миссис Эдит Кейс, средняя сестра, вышла замуж за саперного офицера, и, поскольку в нашей истории она больше не появится, достаточно сказать, что она действительно была прелестна и служила украшением многочисленных военных гарнизонов, в основном в провинциальных западных городках, куда, к ее глубокому огорчению, неизменно направляли ее мужа. Лилиан вышла замуж за юриста из Нью-Йорка, молодого человека с громким голосом, энтузиаста в своем деле. Партия, как и у Эдит, не слишком блестящая, но поговаривали, Лилиан должна быть рада, что ее вообще взяли замуж — такую некрасивую по сравнению с сестрами. Однако она жила очень счастливо и, будучи матерью двух своевольных мальчишек и хозяйкой дома, который демонстрировал свою кладку из нового узкого коричневого камня всей

Пятьдесят третьей улице, чувствовала полное удовлетворение от своего семейного положения. Она была низкорослой толстушкой, но говорили, что замужество пошло ей на пользу. Преклонялась она лишь перед двумя вещами: перед полемическим талантом мужа и оригинальностью Изабеллы.

— Я привыкла воспринимать ее как существо высшего порядка, и не думаю, что это когда-либо изменится, — как-то сказала Лилиан близкой подруге. Такое признание делало ей честь, тем более что сестрой она была очень любящей.

— Мне хочется только одного: чтобы она благополучно вышла замуж, — часто говорила Лилиан мужу.

— Что касается меня, то, признаться, не завидую я ее мужу, — обычно декламировал в ответ Эдмунд Ладлоу.

— Я знаю, ты всегда говоришь так, чтобы поспорить со мной. Из духа противоречия. Не понимаю, что ты имеешь против нее — кроме того, что она так оригинальна?

— Ну да, мне оригиналы не слишком нужны, я люблю читать книги в переводе, — не раз шутливо ответствовал мистер Ладлоу. — Изабелла же «написана» на иностранном языке. Я не мо-

гу ее понять. Ей бы выйти за армянина или за португальца.

— Вот я и боюсь, что она именно это и сделает! — восклицала Лилиан, считавшая, что сестра способна на все.

Она с большим интересом выслушала рассказ о посещении миссис Тачетт и к вечеру была готова выполнять ее повеления. Осталось неизвестным, о чем именно младшая сестра сообщила старшей, но что-то побудило Лилиан сказать мужу, когда они одевались в спальне, собираясь отправиться в отель:

— Я очень надеюсь, что тетя сделает для Изабеллы что-нибудь существенное. Совершенно очевидно, что она к ней прониклась симпатией.

— Чего бы тебе хотелось, чтобы она сделала? — спросил мистер Ладлоу. — Какой-нибудь дорогой подарок?

— Нет, конечно, ничего подобного. Почувствовать к ней интерес, понять ее. Тетя из тех, кто может оценить сестру. Очень долго жила за границей, и все Изабелле про это рассказывала. А ты же сам всегда говорил, что Изабелла похожа на иностранку.

— А, так ты хочешь, чтобы тетка подарила ей немного сочувствия на зарубежный манер? Мало

ей понимания дома?

— Нет, она должна поехать за границу, — произнесла миссис Ладлоу. — Это как раз по ней.

— Так ты хочешь, чтобы старая леди взяла ее с собой, да? — спросил мистер Ладлоу.

— Она уже предложила — смерть как мечтает поехать с Изабеллой! Но мне бы хотелось, чтобы там, когда они приедут, тетушка ей всячески протежировала. Я уверена: все, что мы можем сделать для Изабеллы, — это только дать ей шанс! — воскликнула миссис Ладлоу.

— Что за шанс?

— Возможность совершенствоваться.

— Боже милостивый! — воскликнул мистер Ладлоу. — Надеюсь, Изабелла больше не собирается совершенствоваться!

— Если бы я не была уверена, что ты говоришь это только потому, что привык спорить, то обиделась бы, — ответила его жена. — Но ты и сам знаешь, что любишь ее.

— А ты-то хоть знаешь, что я тебя люблю? — чуть позже шутливо спросил молодой человек Изабеллу, смахивая пылинки со своей шляпы.

— Вот уж до чего мне нет никакого дела! — бросила девушка, хотя голос и улыбка звучали гораздо мягче, чем предполагали такие слова.

— О, она чувствует себя такой важной персоной после посещения миссис Тачетт, — сказала ее сестра.

Но девушка совершенно серьезно опровергла это утверждение:

— Ты не должна так говорить, Лили. Я вовсе не важничаю.

— Право же, в этом нет ничего плохого, — миролюбиво ответила ее сестра.

— Из-за того, что приходила миссис Тачетт, нечего важничать.

— О, — воскликнул мистер Ладлоу, — ты еще никогда не была такой важной!

— Если я и стану когда-нибудь важничать, то по более серьезной причине, — сказала девушка.

Важничала Изабелла или нет, но, во всяком случае, она была очень занята — я имею в виду, занята своими мыслями. Вечером, оставшись одна, девушка некоторое время сидела возле лампы, сложив руки и забыв про все свои обычные занятия. Поднявшись, походила туда-сюда, затем стала бродить из одной комнаты в другую, избегая освещенных мест. Изабелла была смущена, взволнована, ее слегка лихорадило. Чувствовалось, что с ней произошло что-то неизмеримо более важное, чем казалось на первый взгляд.

В ее жизни должны были произойти перемены. Что теперь последует — еще совершенно неизвестно, но в данных обстоятельствах ценность приобретало любое изменение. Изабелла хотела оставить свое прошлое позади и, как она говорила себе самой, «начать сначала». На самом деле это желание родилось не сегодня. Оно было знакомым, как шум дождя за окном, и уже много раз заставляло ее начинать снова. Сидя в темном углу безмолвной гостиной, Изабелла закрыла глаза, но не потому, что пыталась задремать. Наоборот, она чувствовала себя слишком бодрой и хотела побороть ощущение, будто одновременно видит слишком много вещей. Ее воображение, по обыкновению, работало изо всех сил: если дверь перед ним была закрыта, оно находило путь через окно — Изабелла не научилась держать его взаперти. В такие важные моменты, когда она и рада была бы прислушаться только к своему разуму, ей приходилось расплачиваться за привычку поощрять свою способность принимать все не рассуждая. Сейчас, когда предчувствие перемен было таким острым, перед ней один за другим возникали образы прошлого, которое она оставляла позади. Долгодолго, в тишине, нарушаемой лишь тиканьем больших бронзовых часов,

она припоминала прошедшие годы. Жизнь ее была счастливой, а сама она очень удачливой — такой вывод выглядел непреложной истиной. Изабелла получала все самое лучшее, а в мире, где существование многих людей казалось совсем незавидным, само по себе отсутствие тягот было уже несомненным преимуществом. Изабелла считала, что была даже слишком далека от этих тягот, поскольку знала из литературы, что часто они бывают и полезны, и поучительны. Отец ограждал дочь от всяческих невзгод — ее красивый, обожаемый отец, который и сам всегда относился к ним с отвращением. Быть его дочерью казалось счастьем; Изабелла даже гордилась своей родословной. Но после смерти отца у нее возникло смутное ощущение, что они, дети, видели лишь светлую сторону его жизни, а в действительности он бывал в стесненных обстоятельствах чаще, чем ему хотелось бы. Но от этого ее нежность к отцу только росла. И едва ли не столь же мучительной была мысль, что мистер Арчер оказался слишком щедрым, слишком добрым, слишком презиравшим «низменные расчеты». Многие — особенно те, кому он остался должен, — считали, что сие его презрение было чрезмерным, но Изабелла так и осталась непосвя-

щенной в эти дела. Однако читателю может быть интересно, что, признавая покойного замечательно умным джентльменом с привлекательными манерами (и действительно мистер Арчер, как выразился один его знакомый, «всегда привлекал какие-нибудь средства»), многие считали, что он прожил совершенно бесполезную жизнь. Мистер Арчер, к прискорбию, растратил значительное состояние, слишком много веселился и слыл азартным игроком. Особенно строгие судьи заходили еще дальше, утверждая, будто он вовсе не занимался воспитанием своих дочерей; они не получили систематического образования и не имели постоянного дома; их баловали, но не воспитывали; их либо отдавали под опеку горничных и гувернанток (обычно никуда не годных), либо посылали в какие-то непонятные школы, которые содержали иностранцы и из которых девочки в слезах возвращались уже через месяц. Такое мнение вызвало бы у Изабеллы негодование, поскольку, по ее представлению, перед ней были открыты бесчисленные возможности. Даже когда отец оставил своих дочерей на три месяца в Невшателе с французской бонной, которая вскоре сбежала с русским дворянином, жившим в той же гостинице, — даже и в такой из ряда вон

выходящей ситуации Изабелла (тогда одиннадцатилетняя) не была ни смущена, ни испугана, и восприняла всю историю как романтическую и отвечающую принципам либерального воспитания. У мистера Арчера были широкие взгляды на жизнь, и его постоянная неугомонность, а порой и непоследовательность лишь доказывали это. Он мечтал, чтобы его дочери как можно больше поездили по миру. Изабелле еще не было четырнадцати лет, а отец уже трижды пересекал с дочерьми Атлантику, но каждый раз для знакомства с заморскими странами отводил всего несколько месяцев, поэтому интерес нашей любознательной героини оставался неутоленным. Изабелле всегда полагалось принимать сторону отца, поскольку из трех дочерей она была самой любимой, и в последние дни желание мистера Арчера наконец покинуть этот мир, в котором с годами ему становилось все труднее следовать своим привычкам, уступило место чувству горечи, вызванному неизбежным расставанием с его умной, замечательной, лучшей в мире дочерью. Когда путешествия в Европу прекратились, отец продолжал всячески баловать дочерей, и если у него возникали проблемы с деньгами, это никак не сказывалось на девочках — они всегда счита-

ли, что обладают большим состоянием. Изабелла, хотя и очень хорошо танцевала, однако, как ей теперь вспомнилось, не имела большого успеха в нью-йоркском обществе; Эдит, по всеобщему признанию, была гораздо более популярна. Она вообще являла собой пример такого полного и безоговорочного успеха, что Изабелла никогда не питала иллюзий ни по поводу составляющих этого успеха, ни по поводу собственных скромных достижений. Но если девятнадцать человек из двадцати (включая и саму младшую сестру) находили, что Эдит несравненно красивее Изабеллы, то двадцатый не только отвергал общее мнение, но и считал всех остальных сборищем глупцов. В глубине души Изабелла жаждала нравиться даже сильнее, нежели Эдит, но ее желания были надежно скрыты, и целая дюжина своенравных сил не позволяли им показаться на поверхности. Девушка была знакома с многочисленными поклонниками Эдит, но почти все они побаивались ее и полагали, что общение с ней требует особой подготовки: умения поднимать трудные вопросы и поддерживать серьезную беседу. Репутация «начитанной девицы» окружала Изабеллу, как облака — Гомерову богиню; она же вынуждала собеседника Изабеллы касаться сложных вопросов

и держаться в неких рамках. Бедняжке нравилось слыть умной, но свою репутацию книжного червя она ненавидела; она стала читать тайком и, хотя и обладала превосходной памятью, воздерживалась от цитат; стремясь пополнить свои знания, она предпочитала получать их откуда угодно — только не из книг. Ей была крайне интересна жизнь, и она постоянно вглядывалась в нее и размышляла. Изабелла обладала огромным запасом жизненных сил, и ощущение связи между движениями собственного сердца и событиями окружающего мира доставляло ей глубочайшее наслаждение. Поэтому она любила наблюдать за толпой, любоваться просторами, читать о революциях и войнах, рассматривать исторические картины — ради сюжета она могла простить им даже отвратительную живопись. Во время Гражданской войны[6] она была еще совсем маленькой, но на всем протяжении тех лет ее обуревало волнение, и порой она равно восхищалась (к своему величайшему смущению) доблестью обеих армий. Конечно, неосмотрительность окружающей ее молодежи никогда не заходила так далеко, чтобы объявить ее «отще-

[6] Примечания: 6

Между штатами Юга и Севера США, рабовладельческими и промышленными (1861–1865).

пенкой»; число людей, которые, приближаясь к ней, не теряли головы даже при том, что у них билось сердце, было достаточным, чтобы спасти ее от ошибок юности. У Изабеллы было все, чего может желать девушка: забота, восхищение, комплименты, цветы, уверенность в праве на все привилегии ее круга, бесконечная возможность выбора — танцы, коллекции модных платьев, все книжные новинки, лондонский «Спектейтор»[7], знакомство со всем, что происходит в мире прекрасного.

Все, что сейчас оживила память, мелькало перед ней множеством сцен и лиц. Забытое вспоминалось, а то, что недавно казалось важным, исчезало из виду, — словно она смотрела в калейдоскоп и только тогда перестала вращать его, когда вошла горничная, объявившая о приходе гостя. Джентльмена звали Каспар Гудвуд; этот молодой, прямодушный человек был родом из Бостона; с мисс Арчер он познакомился год назад и считал ее самой прекрасной девушкой своего времени, называя, впрочем, это время глупейшим периодом в истории. Иногда он писал Изабелле, а в последнее время его письма при-

[7] Примечания: 7

Лондонский «Спектейтор» («Зритель») — общественно-литературный журнал.

ходили из Нью-Йорка. Она знала, что он вот-вот может появиться, и весь этот ненастный день, не отдавая себе отчета, действительно ждала его. Однако теперь, узнав, что он уже здесь, не ощутила особого желания видеть его. Каспар был самым лучшим из всех молодых людей, когда-либо ею встреченных. Он вызывал в ней чувство уважения, как никто другой. Предполагали, что мистер Гудвуд хочет жениться на Изабелле, но это, разумеется, могли знать только они двое. Однако определенно можно было утверждать, что он специально приехал с ней повидаться. Поначалу он провел несколько дней в Нью-Йорке, надеясь встретить там Изабеллу, но узнал, что она все еще в Олбани. Девушка не сразу вышла навстречу гостю; в сильном замешательстве она еще несколько минут мерила шагами комнату и, наконец, появилась в гостиной. Каспар стоял возле лампы — высокий, крепкий и немного неуклюжий, с сухощавым и смуглым лицом. Он не отличался особенной красотой, но его облик привлекал внимание; если вы находите очарование в пристальном взгляде голубых глаз и почти квадратном подбородке, свидетельствующем о решительности характера, ваше внимание было бы вознаграждено. Изабелла подумала про себя,

что он здесь сегодня с намерением высказать принятое им решение; тем не менее спустя час Каспар Гудвуд, действительно приехавший как с принятым решением, так и с надеждой, отправился домой, чувствуя себя потерпевшим фиаско. Впрочем, он не был человеком, которого могло обескуражить поражение.

Глава 5

Ральф Тачетт был человеком философского склада, но он все же постучал в дверь комнаты матери (без четверти семь) с заметным нетерпением. Даже у философов бывают свои предпочтения, и нужно признать, что, если говорить о родителях, именно отец даровал ему сладкое чувство сыновней привязанности. Отец, как часто говорил себе Ральф, был ему больше матерью; его мать, в свою очередь, относилась к нему по-отечески или даже, если можно так выразиться, по-начальнически. Тем не менее миссис Тачетт очень любила своего единственного сына и всегда настаивала на том, чтобы он проводил с ней три месяца в году. Ральф по справедливости оценивал ее чувство и знал, что забота о сыне находится у нее на третьем месте после заботы о доме и об оранжерее (миссис Тачетт обожала цветы). Он нашел мать полностью одетой к обеду и в перчатках; она обняла сына и, усадив рядом с собой на диван, подробно расспросила о здоровье — его собственном и мужа. Положение оказалось неблестящим, и миссис Тачетт заметила, что

теперь яснее, чем когда-либо, видит, как мудро было с ее стороны уехать из английского климата. Иначе бы у нее тоже могло сдать здоровье. Ральф усмехнулся — он едва ли мог представить свою мать разболевшейся, — но не стал уточнять, что его недомогание не связано с английским климатом, так как значительную часть года он проводил за границей.

Ральф был совсем маленьким, когда его отец Дэниел Трейси Тачетт, уроженец Ратленда, что в штате Вермонт, приехал в Англию в качестве младшего компаньона в банкирском доме, а уже через десять лет возглавил его. Дэниел Тачетт понимал, что ему предстоит прожить в этой стране долгие годы, и с самого начала смотрел на это просто, бодро и с практической точки зрения. Но про себя он решил, что не собирается ни сам становиться англичанином, ни обращать в эту особенную веру единственного сына. Ему легко жилось в Англии и удавалось при этом оставаться самим собой. Так же легко ему было представить, что после его смерти законный наследник поведет дела банка в чисто американском духе. Мистер Тачетт не жалея сил воспитывал этот дух в сыне, правда отсылая его за образованием на родину. Ральф провел в Америке несколько лет,

окончив там школу, а затем университет, и по возвращении так поразил отца своими «слишком американскими» манерами, что был отправлен на три года в Оксфорд. Оксфорд «поглотил» Гарвард, и Ральф наконец стал в достаточной степени англичанином. Внешне он соблюдал все принятые в этой стране условности, но это было только маской, а под ней скрывался склонный к иронии и абсолютно свободный в суждениях ум, который наслаждался своей независимостью и на который ничто не оказывало особенного влияния. Юный Ральф подавал большие надежды. В Оксфорде, к несказанной гордости отца, он сильно выделялся, и все вокруг очень сожалели, что такому способному юноше не суждено сделать политическую карьеру[8]. Ральф мог бы сделать ее на родине (хотя это и нельзя утверждать наверняка), но, даже если бы мистер Тачетт захотел расстаться с сыном (а он этого совершенно не хотел), Ральф сам не пошел бы на то, чтобы водная пустыня (океан вызывал у него отвращение) всегда лежала между ним и стариком-отцом, который был ему лучшим другом. Молодой человек не только любил, но и восхищался им, радовался

[8] Примечания: 8
Как американец, Ральф не мог баллотироваться в парламент.

любой возможности видеть его. Он считал Дэниела Тачетта гением, и, не особенно интересуясь банковским делом, разбирался в нем достаточно, чтобы оценить, каких вершин достиг его отец. Но восхищало его главным образом даже не это, а удивительная способность старого джентльмена жить в согласии с самим собой. Дэниел Тачетт не оканчивал ни Гарварда, ни Оксфорда, и ему некого было винить, кроме себя, что в руках Ральфа оказался ключ к современному скептицизму. Однако Ральф, чью голову наполняли идеи, о которых отец и не догадывался, глубоко почитал самобытный ум последнего. Справедливо или нет, но считается, будто американцы легко приспосабливаются к условиям жизни в чужой стране; однако мистер Тачетт проявил эту способность лишь в определенной степени. Он вполне освоился в Англии, но никогда не пытался изменить образ мышления на британский лад и сохранял в себе множество черт, сложившихся в Вермонте. Сын всегда с удовольствием отмечал, какой образной была речь отца — в таком стиле говорили в районах Новой Англии[9]. Это

[9] Примечания: 9

Новая Англия — шесть северо-восточных штатов США, в т. ч. Вермонт. Поселенцы этих районов сохраняли в языке традиции шекспировского периода и противостояли упрощению языка.

был, особенно к концу жизни, мягкий, изящный, утонченный человек, соединявший в себе необыкновенную проницательность и дружелюбный юмор. Его взгляды на занимаемое им положение были самого демократичного толка. Возможно, по недостатку воображения или из-за так называемого исторического сознания, но ко многим особенностям английской жизни, которые обычно поражают образованных иностранцев, он остался абсолютно глух: не заметил некоторых различий, не усвоил некоторых обычаев, не постиг значения неких темных сторон. Что касается последнего, то, если бы старшему Тачетту это когда-нибудь удалось, его сын хуже стал бы о нем думать.

Покинув Оксфорд, Ральф пару лет путешествовал, а затем вдруг обнаружил себя сидящим на высоком стуле в отцовском банке. Ответственность и важность занимаемой должности, я полагаю, не измеряются высотой стула и зависят от чего-то другого; Ральф, и вправду очень длинноногий, во время работы предпочитал стоять или даже ходить. Однако постепенно он стал посвящать своим занятиям все меньше времени, а года через полтора понял, что серьезно болен — перенесенная жестокая простуда дала

осложнение на легкие. Он был вынужден бросить работу и заняться таким прискорбным делом, как забота о самом себе. Сначала это казалось ему отвратительным; словно он имеет дело вовсе не с собой, а с каким-то неинтересным и ко всему безразличным персонажем, с которым у него нет ничего общего. Однако, познакомившись с этим персонажем поближе, Ральф скрепя сердце стал относиться к нему терпимо и даже со сдержанным уважением. Товарищем по несчастью может оказаться кто угодно, и наш молодой человек, понимая, как много поставлено на карту, — он всегда считал, что ему присущ здравый смысл, — стал ухаживать за своим отвратительным «протеже»; тот принял это с должным вниманием, и по крайней мере один результат был достигнут — бедняга Ральф остался жив. Одно из его легких начало заживать, второе обещало последовать примеру первого, и Ральфу было твердо сказано, что он переживет еще сколько угодно зим, если переберется в какую-нибудь страну с подходящим для таких больных климатом. Он очень любил Лондон и проклинал неумолимые обстоятельства, обрекавшие его на необходимость покинуть его. Но постепенно он обнаружил, что его чувствительные легкие

благодарно откликаются даже на скупые знаки внимания, и стал выказывать их более щедро — перебирался зимовать в теплые края, грелся на солнышке, в ветреные дни не выходил из дома, в дождливые — лежал в постели (и дважды, когда шел снег, чуть навсегда в ней не остался). Тот запас лени, которым обладал Ральф, помог ему справиться с вынужденным ничегонеделанием; ибо даже в лучшие времена он был слишком болен, чтобы заниматься хоть чем-нибудь. Ральф говорил себе, что в мире нет ничего, чем бы ему по-настоящему хотелось заняться, а следовательно, ему ни от чего не пришлось отказываться. Однако время от времени Ральф «чувствовал аромат запретного плода», который напоминал ему, что наслаждаться жизнью можно только там, где кипит деятельность. Нынешнюю его жизнь можно было сравнить с чтением хорошей книги в плохом переводе — жалкое развлечение для молодого человека, который осознает, что в нем погиб блестящий лингвист. Для Ральфа выдавались плохие зимы и хорошие зимы; в хорошие он даже иногда мечтал, представляя себя полностью выздоровевшим. Но за три года до событий, которыми открывается эта история, все надежды его рухнули. В тот раз Ральф остался в Англии

дольше положенного срока, и непогода настигла его раньше, чем он отправился в Алжир. Молодой человек добрался туда еле живой и несколько недель находился между жизнью и смертью. Его выздоровление было чудом, но Ральф понял: чудеса случаются, но — только один раз. Он сказал себе, что час его близок и о нем не следует забывать, но у него есть еще время, которое можно провести с удовольствием — насколько позволят обстоятельства. Отныне простое применение тех способностей, которыми он обладал и которые мог потерять, стало для Ральфа настоящим наслаждением; ему даже казалось, что до него никто не подозревал о радости созерцания. Миновало то время, когда ему был труден вынужденный отказ от мечты о славе — мечты неясной, но от этого ничуть не менее навязчивой, мечты пленительной, хотя и связанной с необходимостью преодолевать врожденную самокритичность. Теперь друзья находили его повеселевшим и, с видом знатоков покачивая головой, объясняли эту перемену тем, что он якобы настроен на выздоровление. А правда заключалась в том, что Ральф просто смирился со своим положением.

Вполне возможно, что именно эта сладость созерцания, о которой я упомянул (поскольку

в последние годы сам склонен замечать скорее приятные вещи, нежели неприятные), и вызвала у Ральфа внезапный интерес к появлению молодой леди, которое явно не сулило скуки. Что-то подсказывало ему: если он будет поблизости, это поможет скрасить череду дней. Здесь, не вдаваясь в подробности, можно добавить, что Ральф Тачетт оставлял для себя даже возможность влюбиться. Безусловно, этой возможностью надо было пользоваться очень умеренно; безопаснее всего, конечно, было переживать все молча, но и этого могло быть недостаточно, и Ральф запретил себе вообще выказывать какие-либо внешние проявления чувств. Созерцать прелестную женщину, не теряя головы, — это казалось ему самым лучшим подарком из всех, предложенных жизнью. А если интерес к ней станет слишком острым, то, конечно, тешил он себя надеждой, ему удастся пережить это так же неприметно, как все другие невзгоды. Тем не менее Ральф уже почти убедил себя, что ему не суждено полюбить кузину.

— А теперь расскажите мне о молодой леди, — попросил он мать. — Что вы намерены с ней делать?

Миссис Тачетт не замедлила с ответом:

— Я намерена просить твоего отца пригласить

Изабеллу погостить три-четыре недели в Гарденкорте.

— Нужны ли такие церемонии? — спросил Ральф. — Разумеется, отец будет согласен.

— Я этого пока не знаю. Она моя племянница, а не его.

— Боже мой, мама, какая вы собственница! Да это для него еще одна причина пригласить ее. Ну а потом — я имею в виду, месяца через три (поскольку это абсурд — приглашать бедняжку на какие-то жалкие три-четыре недели), — потом что вы намерены с ней делать?

— Я намерена взять ее в Париж и заняться ее гардеробом.

— Само собой. А кроме этого?

— Я предложу ей на осень поехать со мной во Флоренцию.

— Это все частности, мама, — заметил Ральф. — Мне бы хотелось знать, что вы собираетесь с ней делать вообще.

— Исполнить свой долг! — заявила миссис Тачетт. — Полагаю, тебе тоже очень жаль ее, — добавила она.

— Да нет, не думаю, что она из тех, кто вызывает жалость. Скорее я склонен завидовать ей. Но все-таки, перед тем как я в этом удостоверюсь,

объясните мне, к чему именно призывает вас чувство долга.

— Оно призывает меня показать ей четыре европейских страны — две из них она может выбрать сама — и дать возможность довести до совершенства ее французский — она его и так уже очень хорошо знает.

Ральф слегка сдвинул брови.

— Звучит довольно невыразительно. Даже при том, что две страны она может выбрать сама.

— Если звучит невыразительно, — усмехнулась миссис Тачетт, — можешь предоставить это Изабелле — она внесет существенное оживление. С ней не соскучишься.

— Вы считаете ее одаренным существом?

— Не знаю, одаренное ли она существо, но она умная девушка, волевая и с пылким характером. Она никогда не унывает.

— Могу себе представить, — произнес Ральф и вдруг добавил: — И как же вы уживаетесь?

— Ты хочешь сказать, что со мной может быть скучно? Вряд ли Изабелла так считает. Некоторым девицам я могу казаться скучной, это понятно, но Изабелла слишком умна. Полагаю, я ее очень развлекаю. Мы отлично находим общий язык, потому что я ее понимаю. Мне знакома эта

порода — Изабелла очень прямодушна, я тоже. Мы точно знаем, чего можно ожидать друг от друга.

— О, дорогая мама, — воскликнул Ральф, — чего можно ожидать от вас — знают все! Вы удивили меня только раз — а именно сегодня, познакомив с хорошенькой кузиной, о существовании которой я не подозревал.

— Ты находишь ее очень хорошенькой?

— Очень. Но дело не в этом. Она как будто что-то излучает, что-то особенное — вот что меня поразило. Кто это редкостное создание? Где вы ее нашли и как произошло ваше знакомство?

— Я нашла ее в старом доме в Олбани. Шел дождь, она сидела в мрачной комнате с толстенной книгой и смертельно скучала. Она сама не знала, что скучает, но, когда я сказала об этом, кажется, была мне благодарна. Может быть, ты считаешь, что я не должна была ее трогать — пусть бы жила как жила. Отчасти это верно. Но я действовала сознательно; я решила, что она предназначена для лучшей доли и что я сделаю доброе дело, если возьму ее с собой, чтобы показать мир. Она, как и большинство молодых американок, думает, будто много знает о нем, — но, как и большинство молодых американок, очень сильно

ошибается. Если хочешь знать, я подумала также, что с Изабеллой будет приятно бывать на людях. Я люблю, чтобы обо мне были хорошего мнения, а для женщины моего возраста нет лучшего украшения, чем привлекательная племянница. Ты знаешь — я много лет не видела детей моей сестры; мне претил образ жизни их отца. Но я всегда намеревалась что-нибудь сделать для них тогда, когда моему зятю придет время удалиться туда, где воздают по заслугам. Выяснив, где их найти, я безо всякого предупреждения к ним явилась. У Изабеллы две сестры, обе замужем. Я видела только старшую, Лилиан Ладлоу, у которой, кстати говоря, довольно неотесанный муж. Лили, как узнала, что я заинтересовалась Изабеллой, так и ухватилась за это. Сказала, что это именно то, что ее сестре нужно, — чтобы кто-то ею заинтересовался. Она говорила об Изабелле так, как ты говоришь о каком-нибудь юном гении, который нуждается в поощрении и поддержке. Возможно, Изабелла и правда талантлива, но я пока еще не поняла, в какой области. Миссис Ладлоу пришла в восторг от моей идеи взять Изабеллу в Европу. Все они смотрят на Европу как на прибежище для эмигрантов, место для размещения излишков населения. Сама Изабелла обрадовалась поездке,

и все легко устроилось. Кое-какие трудности возникли только в связи с тем, что, как я понимаю, она ни в коем случае не желает ни у кого одалживаться. Но у нее была небольшая сумма, и она думает, будто сможет путешествовать на свои деньги.

Ральф внимательно выслушал отчет своей здравомыслящей матери; его интерес к симпатичной кузине отнюдь не ослаб.

— Что же, если она талантлива, — сказал он, — мы должны выяснить, в чем именно. Может быть, в искусстве флирта?

— Не думаю. Поначалу она может показаться кокеткой, но потом становится ясно, что все не так просто.

— Тогда Уорбартон не прав! — воскликнул Ральф Тачетт. — Ему, как мне кажется, показалось именно так.

Его мать покачала головой.

— Лорду Уорбартону не понять ее. И пытаться не стоит.

— Он очень умен, — возразил Ральф, — но ему полезно иногда поломать себе голову.

— Изабелле доставит удовольствие привести лорда в затруднение, — заметила миссис Тачетт.

Ее сын опять слегка нахмурился.

— А что она знает о лордах?

— Ровным счетом ничего. И именно это ему будет очень трудно осознать!

Ральф рассмеялся на эти слова и выглянул в окно.

— Вы не собираетесь спуститься к отцу? — спросил он.

— Без четверти восемь, — ответила миссис Тачетт.

Ральф взглянул на часы.

— Тогда у вас есть еще пятнадцать минут. Расскажите еще что-нибудь об Изабелле.

Но миссис Тачетт отклонила эту просьбу, сказав, что остальное он должен будет выяснить сам.

— Ну хорошо, — произнес Ральф, упрямо продолжая тему. — С ней приятно показаться на людях. Но не причинит ли она при этом вам беспокойства?

— Надеюсь, нет. Но если и причинит, я не отступлю. Я никогда не отступаю.

— Она поражает меня своей непосредственностью, — сказал Ральф.

— Непосредственные люди не причиняют большого беспокойства.

— Это правда, — согласился Ральф. — И вы

— тому доказательство. Вы чрезвычайно непосредственны и, я уверен, никогда никому не причинили беспокойства. Но скажите мне вот что. Это пришло мне в голову только сейчас: умеет Изабелла дать отпор?

— Послушай, — воскликнула мать, — ты задаешь слишком много вопросов! Выясняй это сам.

Однако это был не последний вопрос.

— Но вы так и не сказали, что намереваетесь с ней делать.

— Делать с ней? Ты говоришь об Изабелле, словно это отрез ситца. Я абсолютно ничего не буду с ней делать. Она сама будет делать все, что захочет. Она меня предупредила.

— Значит, в той телеграмме вы хотели сказать о независимости именно ее характера.

— Я никогда не знаю, что хочу сказать в своих телеграммах, особенно в тех, которые отправляла из Америки. Ясность слишком дорого стоит. Давай спустимся к отцу.

— Еще не семь сорок пять, — заметил Ральф.

— Должна же я принять во внимание его нетерпение, — ответила миссис Тачетт.

У Ральфа было собственное мнение на этот счет, но возражать он не стал и предложил матери руку. Это позволило ему, когда они спускались вниз,

задержать ее на площадке лестницы; широкая, пологая, с удобными перилами из потемневшего от времени дуба лестница была одним из самых великолепных украшений Гарденкорта.

— А не собираетесь ли вы выдать ее замуж? — с улыбкой спросил Ральф.

— Замуж? Мне было бы очень жаль сыграть с ней такую штуку! Не говоря уже о том, что Изабелла вполне способна сама найти себе мужа. У нее для этого есть все возможности.

— Ты хочешь сказать, что она уже выбрала себе мужа?

— Не знаю как насчет мужа, но в Бостоне существует некий молодой человек…

Ральф не желал слушать о некоем молодом человеке из Бостона и продолжал:

— Как говорит отец, американки всегда помолвлены!

Мать повторила, что все сведения о своей кузине он должен добыть у нее самой, и вскоре ему представился случай. Он вдоволь наговорился с ней в тот же вечер, когда они остались вдвоем в гостиной. Лорд Уорбартон, прибывший из своего поместья в десяти милях от Гарденкорта верхом, вскочил на лошадь и отправился в обратный путь еще до обеда. А сразу после обеда мистер и миссис

Тачетт, которые, по-видимому, исчерпали темы для беседы, под предлогом усталости разошлись по своим комнатам. Молодой человек провел со своей кузиной около часа. Хотя она полдня провела в пути, по ней нельзя было заметить никаких признаков усталости; однако на самом деле Изабелла была утомлена, сама понимала это и знала, что назавтра поплатится. Но она давно уже взяла за правило терпеть усталость, сколько хватит сил, и сдавалась, когда притворяться было уже невозможно. Сейчас было вполне возможно бороться с усталостью — она была взволнована, все ее интересовало. Она попросила Ральфа показать ей картины; в доме их было множество, большая часть была приобретена по его собственному выбору. Лучшие были развешаны в уютной дубовой галерее, по обоим концам которой располагались гостиные. По вечерам в галерее обычно освещение было недостаточным и картины нельзя было как следует рассмотреть, поэтому лучше было бы подождать до завтра, и Ральф решил посоветовать Изабелле так и поступить. Она продолжала улыбаться, хотя по лицу скользнула тень разочарования.

— С вашего позволения, я бы взглянула на них совсем чуть-чуть, — сказала она. Изабелла была

нетерпелива, знала это за собой, знала, что это очевидно каждому, но ничего не могла с собой поделать.

«Не очень-то она слушает советы», — подумал Ральф, но без раздражения. Ее нетерпение забавляло его и даже чем-то привлекало. Лампы были укреплены на консолях и свет давали хотя и тусклый, но приятный глазу. Он мягко падал на богатые краски полотен и потускневшую позолоту рам, его отблески лежали на навощенном полу галереи. Ральф взял свечу и стал показывать свои любимые вещи; Изабелла, переходя от одной картины к другой, то что-то шептала, то восхищенно восклицала. Она, несомненно, понимала толк в живописи и обладала природным вкусом — это поразило Ральфа. Изабелла тоже взяла свечу и, вглядываясь в полотна, медленно водила ею вверх-вниз; когда она опять подняла руку, Ральф вдруг заметил, что стоит посреди галереи и смотрит не столько на картины, сколько на девичью фигурку. По правде сказать, он ничего не терял, обратив на нее взгляд: она была прекрасней многих произведений искусства — тоненькая, легкая, довольно высокая. Когда хотели уточнить, о какой именно из сестер Арчер идет речь, Изабеллу всегда называли «тростиночкой». Ее

темные, почти черные волосы являлись предметом зависти многих женщин, а светло-серые глаза, в решающие моменты жизни, может быть, слишком пронзительные, когда она улыбалась, приобретали чарующе-мягкое выражение. Когда молодые люди медленно обошли всю галерею, Изабелла сказала:

— Ну вот, теперь я знаю гораздо больше, чем вначале!

— У вас, очевидно, страсть к знаниям, — смеясь, заметил ее кузен.

— Думаю, да. Большинство девушек кажутся мне такими невежественными, — сказала Изабелла.

— По-моему, вы не похожи на это большинство.

— Ну, некоторые девушки очень милы, — пробормотала Изабелла, которая предпочитала поменьше говорить о себе. Чтобы сменить тему разговора, она задала вопрос: — Скажите, здесь водятся привидения?

— Привидения?

— Ну, или духи, призраки… В Америке мы называем их привидениями.

— Мы здесь тоже, когда видим их.

— Значит, вы их видели? Немудрено в таком

старинном романтическом доме.

— Этот дом вовсе не романтический, — сказал Ральф. — Если вы рассчитываете на это, то будете разочарованы. Он убийственно прозаичен. Здесь нет никакой романтики, кроме той, которую, быть может, вы привезли с собой.

— Ну да, привезла, и немало, но мне кажется, привезла в подходящее место.

— Чтобы сохранить ее в неприкосновенности — безусловно. Здесь с ней ничего не случится. Мы с отцом ей не повредим.

Изабелла взглянула на кузена.

— Здесь никого не бывает, кроме вас и вашего отца?

— Мама, конечно.

— О, вашу маму я знаю. Она совсем не романтична. А больше никого не бывает?

— Очень редко.

— Как грустно — я люблю знакомиться с людьми.

— В таком случае, чтобы развлечь вас, мы пригласим сюда все графство, — сказал Ральф.

— Вы смеетесь надо мной, — серьезно ответила девушка. — А этот джентльмен, который был с вами на лужайке, когда я приехала…

— Он наш сосед. Но бывает у нас нечасто.

— Как жаль, он мне понравился, — сказала Изабелла.

— Но ведь вы, как мне показалось, едва обменялись с ним парой фраз, — удивился Ральф.

— Это не важно. Он все равно мне понравился. И ваш отец тоже. Очень понравился.

— По-другому и быть не могло — он милейший старик.

— Мне так жаль, что он болен, — произнесла девушка.

— Так помогите мне ухаживать за ним. Из вас получится отличная сиделка.

— Боюсь, что нет, — и это не мое мнение… Говорят, я слишком много рассуждаю. Но вы не договорили о привидении, — добавила она.

Ральф, однако, не обратил внимания на последнее замечание.

— Итак, вам понравились отец и лорд Уорбартон. Я думаю, мама вам тоже нравится.

— Мне очень нравится ваша мама, потому что… потому что… — Изабелла попыталась найти убедительную причину своей симпатии к миссис Тачетт.

— Да никогда не известно — почему! — со смехом воскликнул ее собеседник.

— А я всегда знаю — почему, — ответила

девушка. — Потому что она не хочет никому понравиться. Ей все равно — нравится она или нет.

— Так вы ее поклонница из чувства противоречия? А ведь я похож на нее, — сказал Ральф.

— Я думаю, вы совсем не похожи. Вы хотите нравиться людям и стараетесь, чтобы они вас полюбили.

— Боже мой, вы видите человека насквозь! — воскликнул Ральф с испугом, и не вполне наигранным.

— Но в любом случае вы мне нравитесь, — продолжала его кузина. — Чтобы покончить с нашим делом — покажите мне привидение.

Ральф грустно покачал головой.

— Я мог бы показать вам его, да вы не увидите. Этой привилегией — незавидной — владеет не каждый. Привидение не может увидеть молодая, счастливая, невинная девушка, как вы. Сначала нужно пройти через страдания, жестокие страдания, постичь, что такое несчастье. Тогда ваши глаза откроются. Я увидел его уже очень давно, — с улыбкой проговорил Ральф.

— Я вам уже говорила, что люблю узнавать все новое, — ответила девушка.

— Да, вы впитывали приятные, интересные знания. Но вы не страдали — и вы не созданы

для страданий. Надеюсь, вы никогда не увидите привидение!

Изабелла слушала внимательно, с улыбкой на губах, но взгляд ее был серьезен. Ральф находил ее такой же очаровательной, как и раньше, но сейчас она показалась ему слишком самонадеянной — правда, в этом тоже заключалось ее очарование. Он с интересом ждал, что кузина скажет в ответ.

— Я не боюсь, — сказала она. Ответ был вполне самонадеянным.

— Не боитесь страданий?

— Страданий я боюсь. Но не боюсь привидений. И еще я думаю, что люди много страдают по пустякам.

— Мне кажется, к вам это не относится. — Ральф посмотрел на нее, держа руки в карманах.

— Я не считаю это недостатком, — ответила Изабелла. — Страдать вовсе не обязательно. Мы созданы не для этого.

— Вы, определенно, нет.

— Я говорю не о себе, — сказала она в сторону.

— Конечно, это не недостаток, — произнес ее кузен. — Быть сильным — достоинство.

— Но если вы не страдаете, вас называют бесчувственным, — заметила Изабелла.

Они вышли из маленькой гостиной, в которую попали из галереи, и остановились в холле у лестницы. Здесь Ральф достал из ниши свечу и протянул кузине.

— Не обращайте внимания на то, как вас называют, — сказал он. — Если вы страдаете слишком сильно, вас тут же назовут идиотом. Надо просто стараться быть счастливым — насколько это возможно.

Девушка взглянула на него, взяла свечу и поставила одну ногу на ступеньку дубовой лестницы:

— Вот для этого я и приехала в Европу. Стать как можно счастливее. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! Желаю вам добиться успеха и буду счастлив помочь, чем могу!

Изабелла повернулась и стала подниматься наверх. Ральф смотрел ей вслед. Затем, как всегда держа руки в карманах, вернулся в пустую гостиную.

Глава 6

Юная Изабелла Арчер обладала неуемным воображением и более тонкой восприимчивостью, чем у большинства людей, с которыми ее свела судьба. Она много размышляла, шире, чем они, смотрела на окружающий мир и стремилась ко всему неизведанному. Среди окружавших ее сверстников — а они были все люди превосходные — она слыла натурой необычайно глубокой; они никогда не скрывали своего восхищения богатством ее интеллекта, которого не могли оценить, и говорили об Изабелле как о чуде учености — ведь она читала даже древних авторов… правда, в переводах. Ее тетушка по отцу, миссис Вэриен, однажды пустила слух, будто Изабелла пишет книгу — дама благоговела перед книгами — и намерена ее издать. Миссис Вэриен очень высоко ценила литературу, питая к ней то возвышенное уважение, которое обыкновенно свойственно людям, обделенным «высокими» талантами. В ее большом доме была замечательная коллекция мозаичных столиков и украшенные лепниной потолки — но, увы, не было библио-

теки — изящная словесность была представлена полудюжиной романов в бумажных переплетах в комнате одной из дочерей. Ее собственное знакомство с литературой ограничивалось чтением нью-йоркского «Интервьюера»; а, как она сама справедливо говорила, если вы читаете «Интервьюер», больше ни на что не остается времени. Однако от дочерей миссис Вэриен предпочитала держать журнал подальше, так как хотела дать им серьезное воспитание — и, таким образом, они не читали совсем ничего. Ее представления о трудах Изабеллы были чистейшей фантазией — девушка никогда не пыталась и не имела никакого желания становиться писательницей, не умела выражать на бумаге свои мысли и понимала, что не обладает подобным талантом; впрочем, в то же время она ничего не имела против, чтобы люди признавали ее превосходство. Если уж окружающие так считают (не важно, правда это или нет), она наверняка достойна восхищения; ей и самой часто казалось, что она соображает быстрее, чем другие, и это заставляло ее выказывать некоторую нетерпимость в суждениях, которую легко было принять за проявление вышеупомянутого превосходства. Нельзя отрицать, что Изабелла грешила себялюбием и частенько с удо-

вольствием «блуждала» в дебрях особенностей своей натуры; у нее вошло в привычку считать себя правой даже на весьма скудных основаниях и частенько восхищаться самой собой. Между тем ее ошибки и заблуждения были такого свойства, что биографу, заинтересованному в том, чтобы не уронить достоинства своей героини, следовало бы уклониться от их упоминания. Тот клубок, который представляли собой ее мысли, никогда не был распутан ни одним человеком, за которым Изабелла признавала авторитет. Обо всем она составляла собственное мнение, и мысли ее при этом совершали тысячи нелепых зигзагов. То и дело она обнаруживала свою неправоту, и тогда по целой неделе подвергала себя страстному уничижению. Но потом снова высоко поднимала голову, ибо, хотя от этого не было никакой пользы, Изабелла имела неугасимое желание думать о себе хорошо. У нее была теория, что только при этом условии стоит жить; что нужно быть одной из лучших, нужно обладать тонкой организацией (свою организацию она, безусловно, считала тонкой), обитать в царстве света, естественной мудрости, счастливых порывов и постоянного благодатного вдохновения. Потворствовать сомнениям в себе — все равно что потворствовать

сомнениям в своем лучшем друге; попытайся стать лучшим другом самому себе — и таким образом окажешься в изысканном обществе. Образу мыслей этой девушки было присуще некое благородство, и ее воображение не раз служило ей добрую службу, но также часто играло с ней злые шутки. Полжизни она проводила в размышлениях о красоте, отваге и благородстве; у нее было твердое убеждение, что мир создан для блеска, неограниченных возможностей, неудержимых действий; страх и стыд она считала отвратительными. Изабелла питала безграничную надежду, что никогда не поступит несправедливо. Обнаружив, что совершила нечто подобное, оттого, что просто не разобралась в своих чувствах (от подобного открытия ее бросало в дрожь, словно она вырвалась из ловушки, которая могла захлопнуться, сдавив ей горло), она страшно негодовала; ей достаточно было лишь представить, что она могла причинить кому-нибудь боль, чтобы у нее перехватило дыхание. Это всегда казалось ей самым худшим. Вообще-то теоретически Изабелла знала, что считать дурным. Она не имела пристрастия к подобным размышлениям, хотя при некотором усилии умела распознать, что хорошо, а что плохо. Плохо быть подлой и грубой,

ревновать и завидовать; в жизни она почти не сталкивалась со злом, но знала женщин, которые лгали и старались обидеть друг друга. Это лишь укрепляло ее дух; презрение к таким людям казалось оправданным. Конечно, человека, которого обуяла гордыня, всегда подстерегает опасность оказаться непоследовательным, держать флаг поднятым, когда крепость уже пала, — а подобное бесчестие почти равняется осквернению флага. Но Изабелла, практически ничего не знавшая о том, какие виды оружия применяют мужчины, идя «на приступ», тешила себя надеждой, что подобные противоречия никогда не проявятся в ее собственном поведении, что ее жизнь всегда будет соответствовать тому приятному впечатлению, которое она на всех производит, а сама она всегда будет такой, какой кажется, и будет казаться такой, какая есть. Иногда Изабелла заходила еще дальше и даже мечтала оказаться в затруднительном положении, чтобы иметь удовольствие проявить героизм, как того потребуют обстоятельства. Словом, с ее скудными знаниями и возвышенными идеалами; с ее самонадеянностью, невинной и одновременно догматичной; с ее характером, требовательным и одновременно снисходительным; с этой смесью любопытства

и привередливости, живости и равнодушия; с желанием казаться очень хорошей, а быть по возможности еще лучше; со стремлением все видеть, пробовать, знать — с этим сочетанием утонченности, переменчивости, пылкого духа и девической горячности она могла бы стать легкой жертвой критики, но я рассчитываю, что она вызовет у читателя снисходительное и нежное отношение.

Одна из многочисленных теорий Изабеллы Арчер заключалась в том, что ее независимость — большая удача и что необходимо воспользоваться ею на просвещенный лад. Девушка никогда не называла независимость одиночеством и вообще мало думала об этом; уж не говоря о том, что Лили настойчиво приглашала сестру к себе жить. Незадолго до смерти отца у Изабеллы появилась подруга, которая являла собой такой похвальный пример полезной деятельности, что всегда служила для Изабеллы образцом. У Генриетты Стэкпол было преимущество — замечательный талант; она преуспела в журналистике, и все восхищались серией ее «писем» из Вашингтона, Ньюпорта, с Белых Гор и так далее, которые публиковал «Интервьюер». Изабелла воспринимала их со сдержанным

восторгом, но уважала смелость, энергию и чувство юмора своей подруги, которая, не имея ни родителей, ни состояния, взяла под опеку троих детей своей больной овдовевшей сестры и платила за их обучение, зарабатывая литературным трудом. Генриетта была большой радикалкой и почти на все имела твердые взгляды; ее заветной мечтой было поехать в Европу и сочинить для «Интервьюера» серию статей, написанных с передовых позиций, — предприятие не очень сложное, поскольку она отлично знала наперед, какими будут ее суждения и какие недостатки большинства европейских «установок» будут ею обнажены. Когда Генриетта услышала, что Изабелла уезжает, она тут же решила ехать с ней, мечтая, конечно, о том, чтобы их совместное путешествие оказалось восхитительным. Однако свою поездку ей пришлось отложить. Генриетта считала Изабеллу чудесным созданием и несколько раз завуалированно писала о ней, хотя ни разу не обмолвилась об этом подруге, которой бы это не понравилось, благо что та не была постоянным читателем «Интервьюера». Для Изабеллы же Генриетта являлась главным доказательством того, что женщина может себя обеспечивать и быть при этом счастливой.

Источники ее доходов были известны; но даже если человек не имеет литературного таланта и дара предвидеть, как говорила Генриетта, что понравится публике, из этого не следует, будто у него нет никакого призвания, каких-либо полезных склонностей и его удел — пустое, унылое существование. Изабелла определенно решила не быть пустышкой. Если терпеливо ждать и верить, непременно найдешь какое-нибудь интересное дело. Конечно, в собрании теорий юной леди присутствовали и различные соображения по поводу замужества. Первым в этом перечне стояло убеждение, что слишком много думать об этом — вульгарно. Она так горячо молилась о том, чтобы не впасть по этому поводу в пылкое нетерпение, что могла этого не опасаться; она полагала, что женщина должна быть способна устроить свою жизнь самостоятельно и что можно жить счастливо, не находясь в обществе более или менее грубого представителя противоположного пола. Мольбы Изабеллы имели вполне удовлетворительное следствие: присущие ей чистота и гордость (присущие ей холодность и сухость, как мог бы назвать это склонный к анализу отвергнутый поклонник) до сих пор удерживали ее от тщеславных мечтаний по пово-

ду возможного мужа. Лишь немногие мужчины казались ей достойными, чтобы тратить на них свое воображение, и мысль о том, что один из них может пробудить в ней надежду и стать наградой за терпение, вызывала у нее улыбку. В глубине души — в самой-самой глубине — она верила, что при каком-то озарении способна отдать себя без остатка; но в целом это видение было слишком пугающим, чтобы стать привлекательным. Мысли Изабеллы вертелись вокруг этого видения, но редко останавливались на нем надолго; в конце концов она пугалась. Ей часто казалось, что она слишком много думает о себе; в любой момент ее можно было заставить покраснеть, назвав эгоисткой. Изабелла всегда строила планы на образование, жаждала самосовершенствования, следила за своим развитием. Ее внутренний мир представлялся ей самой цветущим садом, полным шелестов и ароматов, с тенистыми беседками и длинными аллеями; этот образ давал ей ощущение прогулки на свежем воздухе, а в посещении потайных уголков сознания нет вреда, если возвращаешься оттуда с пышным букетом роз. Но Изабелле частенько приходилось вспоминать, что в мире, кроме ее девственной души, есть и другие сады, а еще — множество грязных,

опасных мест, заросших уродством и нищетой. На волне легкого нетерпения, которая влекла Изабеллу и которая вынесла ее на прекрасный берег старой доброй Англии — а могла нести и дальше, — она часто ловила себя на мысли о тысячах людей, чувствовавших себя отнюдь не счастливыми, и тогда ее всепоглощающее счастье казалось ей нескромным. Какое место отвести страданиям мира в собственных планах? Нужно признаться, этот вопрос никогда не мучил девушку долго. Она была еще слишком молода, слишком далека от настоящих страданий, слишком торопилась жить. Изабелла постоянно возвращалась к своей теории, что молодая женщина, которую все считают умной, должна начать с того, чтобы получить общее представление о жизни. Это необходимо, дабы избежать ошибок, а уж тогда она получит уверенность, что может сделать тяжелые условия жизни людей объектом своего специального внимания.

Англия явилась для Изабеллы откровением; зрелище захватило ее, словно ребенка пантомима. Во время своих детских путешествий по Европе она видела только страны на континенте, да и то из окна детской. Париж, а не Лондон был

Меккой[10] для ее отца; к тому же впечатления о тех временах уже потускнели и отдалились, а сейчас черты Старого Света во всем, что она теперь видела, очаровывали ее своим своеобразием. Дом дяди казался ожившей картинкой; ни одна его изысканная и усовершенствованная деталь не ускользнула от внимания Изабеллы; пышное великолепие Гарденкорта сразу и открывало ей незнакомый мир, и утоляло жажду нового и неизведанного. Большие комнаты с низкими темными потолками и сумрачными закоулками; глубокие оконные проемы и причудливые переплеты; тусклый свет в темноте; полированные панели; густая зелень, как будто постоянно заглядывающая в окна; ощущение упорядоченной обособленной жизни в центре этих «владений» — где голоса были счастливой случайностью, земля заглушала шаги и во время беседы не слышалось резких звуков, которые поглощал мягкий туманный воздух, — все это пришлось по вкусу нашей юной леди, а вкус составлял значительную долю в ее чувствах. Она быстро подружилась с дядей и часто садилась рядом с ним, когда он выходил на лужайку. Мистер Тачетт проводил на воздухе

[10] Примечания: 10

Мекка — место паломничества, священный город мусульман. Здесь: перен. смысл.

долгие часы, мирно покоясь в кресле со сложенными на коленях руками, как подобает старику, который выполнил свою работу, получил за нее вознаграждение и теперь пытается привыкнуть к неделям и даже месяцам сплошной праздности. Изабелла развлекала его больше, чем могла предположить, — она часто производила на людей совсем не то впечатление, на какое рассчитывала, — и мистер Тачетт нередко доставлял себе удовольствие «поболтать» с ней. Он называл беседы с племянницей болтовней, — но это была болтовня с юным созданием, полным живой наблюдательности, вообще отличающей молодых американок, к которым мир прислушивался более внимательно, чем к их сестрам из других стран. Подобно большинству американских девушек, Изабеллу поощряли выражать свои мысли, предполагалось, что у нее есть свои переживания и соображения. Многие ее суждения имели хотя и несомненную, но не слишком большую ценность, многие чувства, будучи облечены в слова, растворяясь, исчезали; но они оставляли свой след: у нее появилась привычка чувствовать и размышлять; а кроме того, когда Изабелла была по-настоящему взволнована, она могла покорить собеседника той безыскусной оживленностью,

которая, по мнению многих, является признаком душевного превосходства. Мистер Тачетт часто ловил себя на мысли, что племянница напоминает ему жену в юности. Та была свежа, естественна, сообразительна и находчива — все черты, присущие Изабелле! — когда он полюбил ее. Однако мистер Тачетт никогда не говорил племяннице о своих наблюдениях, поскольку если его жена и была когда-то похожа на эту девушку, то Изабелла совсем не была похожа на миссис Тачетт. Старик был полон нежности к юной леди; как он говорил, их дом уже давно не дышал молодостью; и наша энергичная, стремительная, говорливая героиня была созвучна его чувствам, словно журчащий ручей. Мистер Тачетт хотел бы что-нибудь сделать для нее, хотел бы, чтобы она попросила его о чем-нибудь. Но Изабелла ни о чем не просила, только задавала вопросы; правда, их было бесконечно много. А у дяди был огромный запас ответов, хотя иногда племянница озадачивала его. Девушка расспрашивала мистера Тачетта об Англии, о британской конституции, об английском характере, о политике, о нравах и привычках королевской семьи, о жизни аристократии и образе мыслей его соседей. Проясняя то или иное обстоятельство, Изабелла

всегда интересовалась, совпадают ли ответы дяди с тем, что написано об этом в книгах. Старик обычно бросал на нее короткий взгляд, со своей приятной сдержанной улыбкой разглаживая на коленях шаль.

— Книги? — сказал он однажды. — Я не очень-то большой знаток книг. Об этом нужно поговорить с Ральфом. Я всегда все выяснял сам — получал информацию естественным путем. И никогда не задавал вопросов. Я просто помалкивал и примечал. Конечно, у меня были отличные возможности — гораздо лучшие, чем бывают у молодых девушек. Я очень любознателен, хотя, если присмотреться, по мне этого и не скажешь. Но сколько бы вы ни наблюдали за мной, я о вас буду знать больше. Я наблюдаю англичан уже более тридцати пяти лет и без колебаний скажу, что хорошо их знаю. Вообще говоря, это прекрасная страна — возможно, она прекраснее, чем мы готовы признать из-за океана. Мне бы хотелось увидеть здесь некоторые улучшения, но, видимо, англичане не чувствуют в них необходимости. Когда они чувствуют необходимость, они обычно сразу что-то меняют; но, похоже, пока у них все идет прекрасно. Среди них я чувствую себя дома больше, чем ожидал, когда впервые сюда при-

ехал. Полагаю, это потому, что я добился здесь довольно большого успеха. Это естественно: чем лучше у тебя где-то идут дела, тем больше ты чувствуешь себя как дома.

— Вы считаете, если я добьюсь в Англии успеха, то мне тоже удастся здесь прижиться? — спросила Изабелла.

— Думаю, это очень вероятно, и вам, конечно, будет сопутствовать успех. Англичане любят молодых американок и относятся к ним очень доброжелательно. Но, знаете, ни к чему чувствовать себя слишком уж как дома.

— О, я совсем не уверена, что мне здесь понравится, — рассудительно произнесла Изабелла. — Страна мне нравится очень, но я не уверена, что люди окажутся мне по душе.

— Люди здесь хорошие, особенно если к ним хорошо относиться.

— Не сомневаюсь, что они хорошие, — ответила Изабелла, — но приятны ли они в общении? Они не ограбят и не поколотят меня, но будут ли они доброжелательны? В людях мне нравится радушие. Говорю об этом прямо, потому что я всегда это ценила. Сомневаюсь, что англичане обходительны с девушками. Судя по романам, вовсе нет.

— Насчет романов не скажу, — ответил мистер Тачетт. — Думаю, они складно написаны, но не уверен, что очень правдоподобны. Однажды у нас гостила дама, которая пишет книги; она приятельница Ральфа, и он пригласил ее. Весьма самоуверенная, весьма; но она из тех людей, от чьих свидетельских показаний не хотелось бы зависеть. Слишком богатое воображение — вот что мне кажется. Впоследствии она опубликовала роман, в котором, судя по всему, хотела представить — в карикатурном виде, можно сказать, — мою недостойную персону. Я не стал читать, но Ральф отчеркнул для меня самые главные фрагменты. По-видимому, она хотела передать мою манеру говорить: американские словечки, гнусавое произношение, особенности типичного янки, звезды и полосы[11]. Но получилось не очень-то похоже, наверное, она была не слишком внимательна. Я бы не возражал, чтобы она описала, как и что я говорю, раз уж ей хочется. Но мне очень неприятно, что она даже не потрудилась вслушаться. Конечно, я говорю, как американец, — не могу

[11] Примечания: 11
Звезды и полосы — элементы американского флага.

же я говорить, как готтентот[12]. Тем не менее я говорю — и все вокруг меня прекрасно понимают. Но я говорю совсем не так, как пожилой джентльмен из романа этой леди. Он не американец, да и вообще он ниоткуда! Я рассказал об этом, чтобы показать вам, насколько неточны бывают романы. Конечно, поскольку у меня нет дочерей, а миссис Тачетт живет во Флоренции, я не мог узнать, как здесь живется молодым леди. Представляется, что девушкам из низшего класса живется нелегко, но я полагаю, у их сверстниц из высшего класса положение гораздо лучше.

— Помилуйте! — воскликнула Изабелла. — И сколько же у них классов? Не меньше пятидесяти, наверное…

— Ну, я никогда не считал. Да и не обращал на это особого внимания. Вот почему быть здесь американцем — преимущество. Ты не принадлежишь ни к какому классу.

— Надеюсь, что так, — произнесла Изабелла. — Представить только: принадлежать какому-то английскому классу!

— Я думаю, некоторые живут очень неплохо. Особенно верхушка. Но для меня, впрочем, су-

---

[12] Примечания: 12

Готтентоты — народ, обитающий в центральных и южных районах Намибии и ЮАР.

ществует только два класса: люди, которым я доверяю, и люди, которым я не доверяю. И вы, моя милая Изабелла, принадлежите к первому.

— Очень вам признательна, — быстро ответила девушка.

Иногда казалось, что она принимает комплименты довольно сухо, стараясь как можно скорее их пресечь. Потому ее часто называли бесчувственной, не понимая, что на самом деле Изабелла просто не хотела выдать себя — комплименты ей приятны бесконечно. Показать это — значило показать слишком многое.

— Я уверена, для англичан очень важны условности, — добавила девушка.

— Да, у них все очень жестко установлено, — признал мистер Тачетт. — Они все предусматривают заранее, ничего не оставляя на последний момент.

— А мне не нравится все предусматривать заранее, — сказала Изабелла. — Я больше люблю неожиданности.

Ее дядю, казалось, позабавила такая определенность в предпочтениях.

— Но все же я могу сказать наперед, что вас ждет большой успех, — произнес он. — Полагаю, что такое предвидение вам нравится.

— Я успеха не добьюсь, раз для них важны условности. Для меня условности совсем неважны. Я как раз их противница. Это англичанам не придется по вкусу.

— Нет, нет, вы абсолютно ошибаетесь, — сказал старик. — Нельзя предсказать, что им понравится. Они очень непоследовательны; и в них это самое интересное.

— Прекрасно, — произнесла Изабелла. Она стояла возле дяди, заложив руки за пояс черного платья и блуждая взглядом по лужайке. — Это точно по мне!

Глава 7

Эти двое снова и снова с удовольствием обсуждали устройство английского общества, словно юную леди вот-вот должны были в него допустить; но на самом деле английское общество на настоящий момент оставалось глубоко безразличным к мисс Изабелле Арчер, заброшенной судьбою в самый, как сказал ее кузен, скучнейший дом в Британии. Ее страдающий подагрой дядя мало кого принимал, а для миссис Тачетт было не характерно поддерживать отношения с соседями, и потому не было никаких оснований ожидать их визитов. Однако у нее была причуда — она любила получать визитные карточки. К тому, что называется общественными связями, она почти не имела вкуса, зато ничто не доставляло ей такого удовольствия, как вид столика в холле, заваленного символическими картонными прямоугольничками. Миссис Тачетт льстила себе, считая себя воплощением праведности, и усвоила наивысшую истину: ничто в этом мире не дается даром. Она никогда не выступала в роли «хозяйки» Гарденкорта, и вряд ли кому-нибудь в

графстве пришло бы в голову следить за ее приездами и отъездами. Но, вне всяких сомнений, она не считала несправедливым невнимание соседей к своей персоне, и то, что она не заняла (что, кстати, было совершенно неоправданно) ведущего положения в округе, никак не было связано с ее язвительными замечаниями в адрес второй родины ее мужа. Вскоре Изабелла обнаружила, что находится в странном положении защитницы британской конституции: миссис Тачетт взяла за привычку в беседе вставлять шпильки в отношении этого почтенного документа, а Изабелла всегда порывалась эти шпильки изъять. Не то чтобы ей казалось, будто они могут причинить вред прочному пергаменту, просто тетя, по ее мнению, могла бы найти лучшее применение своему остроумию. Изабелла и сама была настроена весьма критически — что было свойственно ее возрасту, полу и происхождению, но при этом она была чувствительна, и резкость миссис Тачетт убийственно действовала на ее душевные порывы.

— Но каковы ваши собственные взгляды? — спрашивала Изабелла тетку. — Раз вы критикуете все и вся, у вас должны быть собственные взгляды. Проамериканскими их не назовешь, поскольку

вы и там все считаете негодным. Когда я критикую что-то, у меня есть свой взгляд — я сужу как американка.

— Моя дорогая юная леди, — отвечала миссис Тачетт, — в мире столько взглядов, сколько разумных людей. Ты, конечно, можешь сказать, что их не очень много! Судить, как американка? Ни за что — такая узость меня раздражает. У меня, слава богу, есть свой собственный!

Изабелла решила, что этот ответ даже лучше того, который она дала бы сама; он вполне соответствовал ее образу мыслей, но ей не годилось так высказываться. Из уст молодой девушки, не имеющей такого жизненного опыта, как миссис Тачетт, эти слова прозвучали бы нескромно, даже высокомерно. Но Изабелла все-таки рискнула заговорить об этом с Ральфом. Они очень много разговаривали в последнее время, и их беседы проходили в таком тоне, который допускал резкие заявления. Кузен взял манеру, что называется, подтрунивать над ней и очень скоро приобрел в глазах Изабеллы репутацию человека, все на свете переводящего в шутку; а он отнюдь не относился к тем, кто готов отказаться от привилегий, которые дает подобная репутация. Она обвиняла его в возмутительном отсутствии се-

рьезности, в стремлении высмеивать все вокруг, начиная с себя самого. Толика почтения, которую еще сохранил Ральф, целиком предназначалась отцу; что касается остального, то Ральф без разбора оттачивал свое остроумие — в основном на небезызвестной персоне (сыне своего отца), на слабых легких этого джентльмена, на его бесполезной жизни, а также на его экстравагантной матери и на друзьях (особенно доставалось лорду Уорбартону), на его первой и второй родинах и на очаровательной новоявленной кузине.

— У меня в передней всегда музыканты, — сказал однажды Ральф Изабелле. — Они должны играть не переставая. Это служит мне двойную службу: звуки внешнего мира не проникают в мои комнаты, а всем кажется, будто у меня все время танцуют.

И действительно, стоило подойти туда, где должен был находиться оркестр Ральфа, становилась слышна танцевальная музыка; самые быстрые вальсы, казалось, так и кружились в воздухе. Изабелла часто ловила себя на том, что ее раздражает постоянное пиликанье. Хотелось скорее миновать эту переднюю, как называл ее кузен, и оказаться в комнате Ральфа. Ей не было дела до того, что, по его уверениям, там очень мрач-

но; она бы с радостью все вычистила и навела порядок, но внутрь он ее не пускал — и это вряд ли можно было назвать гостеприимством. В отместку прямолинейная Изабелла, вооружившись своим юным умом, наносила множество ударов. Нужно сказать, что ум она изощряла в основном для самообороны, поскольку кузен насмешливо называл ее «Колумбией» и уличал в слишком горячем патриотизме, о который можно обжечься. Ральф нарисовал карикатуру, в которой Изабелла была изображена в виде очень хорошенькой девушки, задрапированной в американский флаг — по последней моде, съехидничал он. Как раз в то время Изабелла больше всего боялась показаться ограниченной; это позже ее стало страшить, что она окажется ограниченной. Тем не менее она, не моргнув глазом, продолжала подыгрывать Ральфу, изображая восторженное отношение к своей родной стране. Она будет американкой ровно настолько, насколько хочется Ральфу, а если он решил смеяться над ней, то получит достойный отпор. Она защищала Англию от нападок его матери, но когда кузен возносил хвалы этой стране с целью, как она считала, досадить ей, то Изабелле удавалось возразить ему по многим вопросам. На самом деле эта

небольшая, достигшая полной зрелости страна была приятна ей, как вкус сладкой октябрьской груши; в этом удовольствии и коренилось то чудесное состояние духа, которое позволяло ей сносить насмешки кузена и платить ему той же монетой. Если иногда выдержка ей изменяла, то не потому, что она злилась на Ральфа за то, как он с ней обращается, а потому, что ей вдруг становилось жаль его. Изабелле казалось иногда, что он говорит как человек, лишенный зрения, говорит лишь бы говорить.

— Я не понимаю, что с вами происходит, — сказала она ему однажды, — сдается мне, вы просто зубоскал!

— Ваше право так думать, — ответил Ральф, не привыкший к таким резким отзывам.

— Я не знаю, что вас вообще трогает; мне кажется, что ничего. Вы превозносите Англию, но на самом деле не любите ее. И Америка вам безразлична, даже когда вы делаете вид, что браните ее.

— Меня не интересует ничего, кроме вас, моя дорогая кузина, — произнес Ральф.

— Если бы я могла поверить в это, то была бы очень рада.

— Надеюсь, что так! — воскликнул молодой

человек.

Возможно, Изабелла поверила в это, и оказалась недалека от истины. Ральф очень много думал о ней; она постоянно присутствовала в его мыслях. Ее внезапное появление, ничего ему не суля, было щедрым подарком судьбы, — оно освежало, оживляло, окрыляло, и его раздумья, в то время сильно его угнетавшие, обрели некую цель. Бедный Ральф уже не один месяц был в очень подавленном состоянии; открывавшуюся перед ним перспективу — и без того мрачную — заволокли черные тучи. Он все больше тревожился об отце, чья подагра, поразившая ноги, с недавних пор начала распространяться на жизненно важные органы. Весной старик сильно разболелся, и доктора дали понять Ральфу, что с очередным приступом справиться будет сложнее. Сейчас мистер Тачетт выглядел довольно сносно, но сын не мог избавиться от подозрений, что враг только затаился и ждет, чтобы захватить жертву врасплох. Если маневр удастся, надежд на спасение почти не останется. Ральф всегда был уверен, что небеса призовут его первым, что отец переживет его. Они всегда были близкими друзьями, и мысль, что он проведет остаток своей безрадостной жизни в одиночестве, совсем не радовала молодого

человека — он все время безотчетно рассчитывал на отца, который помогал ему не падать духом и справляться со своими бедами. Угроза лишиться главного стимула в жизни вселяла отвращение к ней. Лучше всего было бы умереть одновременно; а без отцовской поддержки ему вряд ли хватит терпения дожидаться своего часа (что касается матери, то Ральф не чувствовал, будто необходим ей; она давно взяла за правило ни о чем никогда не сожалеть). Он, конечно, говорил себе, что не очень-то хорошо по отношению к отцу желать того, чтобы более слабый из них двоих испытал боль утраты; он помнил о том, что мистер Тачетт всегда рассматривал заявление сына о том, что у него еще многое впереди, как софизм, который с радостью бы опровергнул, умерев первым. Но Ральф не видел большого греха в том, чтобы из двух возможностей одержать победу — посрамить своего софиста-сына или еще немного порадоваться жизни, несмотря на то, что возможности ее стали столь ограниченны, — мистеру Тачетту была бы дарована вторая.

Вот такие веселые проблемы занимали Ральфа, но приезд Изабеллы положил этому конец. Ему даже показалось, что она сможет восполнить невыносимую пустоту, которая образуется после

смерти его добрейшего отца. Ральф спрашивал себя, уж не влюбился ли он в эту непосредственную девицу из Олбани, но решил все-таки, что не влюблен. После недели знакомства он то и дело задавал себе этот вопрос и с каждым днем чувствовал все большую уверенность. Лорд Уорбартон оказался прав насчет Изабеллы — она была по-настоящему интересной особой. Удивительно только, что для лорда это стало явным так скоро; Ральф решил, что это еще одно доказательство необыкновенных способностей его друга, которыми он всегда безмерно восхищался. Если кузина и была для него не больше чем развлечением, то это было развлечение высшего порядка. «Такой характер, — думал он, — это лучшее, что создала природа. Он прекраснее любого произведения искусства — прекраснее греческого барельефа, прекраснее великого Тициана, прекраснее готического собора. Приятно оказаться баловнем судьбы, когда совсем этого не ожидаешь. Никогда мне не было так тяжело и тоскливо, чем за неделю до ее приезда; всего меньше я верил, что может произойти что-нибудь хорошее. И вдруг я получаю по почте Тициана (можно вешать на стену!), греческий барельеф (можно украшать камин!), и вдобавок в руках у меня

оказывается ключ от прекрасного собора! Мне словно говорят: «Входи и любуйся. Ты вопиюще неблагодарная особь — тебе лучше помалкивать и больше никогда не роптать на судьбу».

Эти рассуждения были верны; но то, что Ральф Тачетт держал ключ в руке, не совсем соответствовало действительности. Его кузина была блестящей девушкой, и узнать ее до конца было не так-то просто. Но она заслуживала того, чтобы с ней познакомиться поближе, а отношение к ней молодого человека, пусть вдумчивое и критичное, все-таки не было беспристрастным. Ральф осмотрел прекрасное здание снаружи — и пришел в восхищение; он заглянул в окна — и увидел те же безупречные пропорции. Однако он чувствовал, что эти впечатления поверхностны, что внутрь здания он пока не проник. Дверь была заперта, и хотя у Ральфа в кармане лежала связка ключей, он был убежден, что ни один из них к замку не подойдет. Изабелла умна и благородна; это тонкая, свободная натура; но как она собирается распорядиться собой? Вопрос был необычным, поскольку было не особенно принято задавать его дамам. Большая часть женщин совсем и не собирались распоряжаться собой; они ждали, приняв позу более или менее изящной покорности, что

за ними придет мужчина и устроит их судьбу. Оригинальность Изабеллы в том и заключалась, что она производила впечатление человека, имеющего свои собственные замыслы. «Когда бы она их ни принялась осуществлять, — думал Ральф, — мне бы хотелось быть неподалеку!»

Конечно, обязанности хозяина дома приходилось исполнять ему. Мистер Тачетт был прикован к своему креслу; его жена занимала положение довольно необщительной гостьи; а потому во всем, что ему приходилось делать, гармонично соединились его желания и чувство долга. Он не был хорошим ходоком, но сопровождал кузину в прогулках по окрестностям — этому приятному времяпрепровождению погода неизменно способствовала, не делая никакой скидки на мрачные представления Изабеллы об английском климате. На долгие часы, количество которых зависело только от того, когда утихнет рвение Изабеллы, молодые люди брали лодку и плавали по Темзе, по этой «милой речушке», как называла ее Изабелла, и ее противоположный берег лежал неподвижно, словно передний план пейзажа. Иногда они отправлялись на прогулку в приземистом, просторном фаэтоне с большими колесами, которым в прежнее время так часто

пользовался мистер Тачетт, но, увы, теперь это больше не доставляло ему удовольствия. Изабелла была в восторге от фаэтона и, держа поводья — «умеючи», как оценил кучер, — без устали погоняла превосходных дядиных лошадей по извилистым дорожкам и по проселочным дорогам, встречая, как и ожидала, разнообразные приметы деревенской жизни: мелькали обшитые тесом и крытые соломой домики, пивные с зарешеченными окнами и посыпанными гравием площадками, старые выгоны, пустынные парки и живые изгороди, невероятно густые в середине лета. Возвратившись домой, они обычно обнаруживали, что на лужайке их ждет чай и что миссис Тачетт еще не сняла с себя тяжелой обязанности подавать мужу чашку. Но оба они почти всегда молчали; старик сидел с откинутой назад головой и закрытыми глазами, его жена была занята вязанием и, очевидно, находилась в состоянии той глубочайшей сосредоточенности, в которое погружаются некоторые женщины, созерцающие мелькание спиц.

Но однажды гость в доме все-таки появился. Изабелла и Ральф, около часа пробыв на реке, неторопливо подходили к дому и узнали лорда Уорбартона, который сидел под деревьями и бе-

седовал с миссис Тачетт, причем даже издалека было заметно, что они лениво ведут ничего не значащую беседу. Он приехал из своего поместья с дорожной сумкой и был приглашен, как это часто делалось отцом и сыном и раньше, отобедать и переночевать. Изабелла, видевшая его в течение получаса в день своего приезда, успела тогда же решить, что этот джентльмен ей приятен; он и правда произвел на нее яркое впечатление, и она время от времени его вспоминала. Изабелла надеялась снова встретиться с ним, — как, впрочем, и с кем-нибудь еще. В Гарденкорте не приходилось скучать: место чудесное, дядя — самый прекрасный дядя на свете, а Ральф вовсе не похож на кузена — все кузены, которых она когда-либо встречала, были ужасающе скучными. Она постоянно получала свежие впечатления, к тому же так быстро сменявшиеся, что едва ли могла в ближайшее время почувствовать пустоту. Но Изабелла была вынуждена напоминать себе, что ее интересует человеческая натура и что за границей она прежде всего надеялась увидеть как можно больше разных людей. Когда Ральф говорил ей, причем уже не в первый раз: «Удивляюсь, как вам не скучно… Вам нужно познакомиться с кем-нибудь из наших

соседей или друзей — ведь у нас есть друзья, хотя вам это и в голову не может прийти»; когда он предлагал пригласить, как он выражался, «уйму народа» и познакомить кузину с английским обществом, — Изабелла поддерживала его гостеприимные порывы и заранее уверяла, что будет в восторге. Но до сих пор его обещания оставались обещаниями, и могу признаться, читатель: если он откладывал их выполнение, то только потому, что не считал труд по развлечению кузины делом настолько изнурительным, чтобы обращаться за посторонней помощью. Изабелла часто говорила с ним о «типажах» — это слово занимало важное место в ее словаре; девушка дала понять кузену, что хотела бы узнать английское общество, познакомившись с его яркими представителями.

— Что ж, вот вам и типаж, — сказал Ральф, когда они поднимались от реки и он узнал лорда Уорбартона.

— Какой типаж? — спросила девушка.

— Типаж английского джентльмена.

— Вы хотите сказать, что все они похожи на него?

— О, нет. Далеко не все.

— Значит, он — выдающийся экземпляр, — сказала Изабелла, — потому что он, несомненно,

хороший человек.

— Да, очень хороший. И к тому же родился в рубашке.

Родившийся в рубашке лорд Уорбартон пожал руку нашей героине и осведомился о ее самочувствии.

— Впрочем, не стоило и спрашивать, — заметил он, — раз вы сидели на веслах.

— Я действительно немного гребла, — ответила Изабелла. — Но как вы догадались об этом?

— Просто я знаю, что Ральф не станет грести, он слишком ленив, — сказал его светлость, со смехом указывая на друга.

— Его лень можно извинить, — возразила девушка, немного понизив голос.

— Да уж, он для всего найдет извинения! — воскликнул лорд Уорбартон с тем же глубоким и приятным смехом.

— Меня извиняет в данном случае то, что кузина сама отлично управляется с веслами, — сказал Ральф. — Она все делает отлично. Украшает все, до чего ни дотронется!

— Это заставляет каждого мечтать о том, чтобы мисс Арчер тронула и его, — заявил лорд.

— Если человека действительно что-то трогает, это идет ему только на пользу, — ответила де-

вушка; она с удовольствием выслушивала хвалы своим многочисленным достоинствам, но в то же время радовалась своей способности оценить степень своего самодовольства: ее тщеславие не свидетельствовало о недостатке ума — кое-что она действительно делала прекрасно. Ее потребность думать о себе хорошо постоянно нуждалась в подтверждениях со стороны; хотя, возможно, это было признаком эгоизма.

Лорд Уорбартон не только пробыл весь вечер в Гарденкорте; его уговорили переночевать и остаться на следующий день, а когда прошел и он, гость снова решил отложить отъезд до завтра. Все это время он проводил главным образом в беседах с Изабеллой, которая очень охотно принимала от него знаки внимания. Она пришла к заключению, что этот человек приятен ей в высшей степени; таким было и первое впечатление, но после целого вечера, проведенного в его обществе, Изабелла уже считала лорда самым восхитительным из всех, кого встречала до сих пор. Она удалилась к себе с ощущением, что ей необыкновенно посчастливилось; жизнь казалась ей прекрасной. «До чего приятно быть знакомой с такими очаровательными людьми, как эти двое», — подумала она, под «этими двумя»

имея в виду кузена и его друга. Но надо сказать, что ее прекрасное расположение духа было подвергнуто испытанию. В половине десятого мистер Тачетт отправился спать, а его жена осталась в гостиной. Просидев со всеми еще около часа, она поднялась и заметила племяннице, что пора пожелать джентльменам спокойной ночи. Но Изабелле еще совсем не хотелось спать. Ей казалось, что в этом вечере есть что-то праздничное, а праздники обычно не заканчиваются так рано. Поэтому Изабелла, недолго думая, ответила:

— Уже пора, тетушка? Я, пожалуй, посижу еще полчасика.

— Но я не могу тебя дожидаться, — ответила миссис Тачетт.

— Конечно, и не нужно! Ральф зажжет мне свечу, — радостно ответила Изабелла.

— Я зажгу вам свечу, позвольте мне сделать это, мисс Арчер! — воскликнул лорд Уорбартон. — Только, умоляю вас, — не покидайте нас до полуночи.

Миссис Тачетт остановила на нем взгляд своих маленьких блестящих глаз, затем перевела его на племянницу.

— Ты не можешь оставаться одна в обществе джентльменов. Ты не… ты не в Олбани, дорогая.

Изабелла вспыхнула и поднялась.

— И очень жаль!

— Ну что вы, мама! — вмешался Ральф.

— Дорогая миссис Тачетт… — пробормотал лорд Уорбартон.

— Не я устанавливала порядки в вашей стране, милорд, — величественно заявила миссис Тачетт. — Я просто следую им.

— Неужели я не могу оставаться в обществе собственного кузена? — спросила Изабелла.

— В первый раз слышу, что лорд Уорбартон твой кузен.

— Наверное, самое лучшее — мне пойти спать! — воскликнул гость. — И все уладится.

Миссис Тачетт безнадежно взглянула на него и снова опустилась в кресло.

— Что ж, раз это так необходимо, мне придется сидеть до полуночи, — сказала она.

Тогда Ральф протянул Изабелле свечу. Все это время он наблюдал за ней; казалось, она вот-вот взорвется — столкновение могло оказаться интересным. Но если он ждал, что Изабелла проявит характер, то ему пришлось разочароваться: девушка только слегка усмехнулась, пожелала всем доброй ночи и удалилась в сопровождении тети. Поступок матери раздосадовал Ральфа, хотя он

и признавал, что та была права. Перед дверью миссис Тачетт дамам предстояло разойтись. Поднимаясь по лестнице, Изабелла не проронила ни слова.

— Ты, конечно, сердишься на то, что я вмешиваюсь в твои дела, — сказала миссис Тачетт.

Изабелла подумала мгновение.

— Я не сержусь, но удивлена… и сильно озадачена. Неужели мне нельзя было остаться в гостиной?

— Ни в коем случае. В Англии не принято, чтобы молодые девушки сидели допоздна в обществе мужчин.

— Вы совершенно правильно сделали, уведомив меня об этом, — произнесла Изабелла. — Мне непонятны эти порядки, но я очень рада, что теперь я знаю о них.

— Я и впредь буду говорить, если твои поступки могут быть восприняты как слишком вольные, — ответила ее тетя.

— Пожалуйста. Но не думаю, что в любом случае сочту ваши замечания справедливыми.

— Скорее всего, нет. Ты слишком любишь независимость.

— Да, это так. Но я всегда хочу знать о том, чего не стоит делать.

— Чтобы именно это и сделать? — спросила миссис Тачетт.

— Чтобы иметь возможность выбора, — ответила Изабелла.

Глава 8

Поскольку Изабелле было интересно все яркое и оригинальное, лорд Уорбартон рискнул выразить надежду, что она как-нибудь посетит и его поместье — место старинное и прелюбопытное. Он вырвал у миссис Тачетт обещание, что та привезет племянницу в Локли, и Ральф выразил готовность сопровождать обеих дам, если только отец сможет без него обойтись. Лорд Уорбартон уверил нашу героиню, что прежде ее навестят его сестры. Изабелла о них уже кое-что знала, ибо, проводя долгие часы в беседах с лордом, пока он находился в Гарденкорте, много расспрашивала и о его семье. Когда Изабеллу что-то интересовало, она задавала множество вопросов, а так как ее новый знакомый был словоохотлив, они не оставались втуне. Он сообщил, что у него четверо сестер и двое братьев и что родители их давно умерли; братья и сестры славные люди — «не особенно умны, знаете ли, но простые, и заслуживают всяческого уважения и доверия». Он выразил надежду, что Изабелла познакомится с ними поближе. Один из его бра-

тьев принял духовный сан и жил в церковном доме довольно большого прихода в Локли. Лорд считал его отличным парнем, несмотря на то, что они расходились во мнениях по всем возможным вопросам. Он привел в пример некоторые взгляды своего брата, но Изабелле подобные взгляды были знакомы, и она полагала, что их разделяет большая часть рода человеческого. Она полагала, что и сама придерживается многих из них, пока лорд не убедил ее, что она глубоко заблуждается; что на самом деле это невозможно; что она, вне всяких сомнений, только воображала, будто разделяет эти взгляды; но их можно пересмотреть, и если она немного задумается, то обнаружит, что на самом деле они совершенно несостоятельны. Когда Изабелла ответила, что уже не раз серьезно их обдумывала, лорд заявил, что это лишний раз подтверждает так часто поражавший его факт: американцы больше всех в мире подвержены предрассудкам. В этом отношении они — просто настоящие тори[13], фанатики, консервативнее американских консерваторов вообще никого нет. Пример ее дяди и кузена вполне подтверждает это: некоторые их взгляды — это же настоящее

[13] Примечания: 13
Одна из двух партий в английском парламенте (консервативная).

средневековье! Они исповедуют такие идеи, которых современные англичане стыдятся; кроме того, смеясь, сказал его светлость, им хватает дерзости полагать, будто они знают о нуждах и бедах милой, бедной, глупой старушки Англии больше, чем он, родившийся на этой земле и владеющий — к своему стыду — значительной ее частью! Из всего этого Изабелла заключила, что лорд Уорбартон — аристократ нового образца, реформатор и радикал, презирающий старые порядки. Другой его брат, упрямец и повеса, служил в Индии, и до сих пор от него не было никакого проку, кроме долгов, которые оплачивал Уорбартон — одна из самых дорогих привилегий старшего брата[14]. «Впрочем, не думаю, что стану и дальше платить за него, — сказал лорд. — Он живет не в пример лучше меня, купается в неслыханной роскоши и воображает себя джентльменом почище меня. А так как я стойкий радикал, то ратую за равенство и выступаю против привилегий младших братьев». Две его сестры, вторая и четвертая, были замужем. Одна из них сделала очень хорошую партию, а другая, как говорится, «так себе». Муж старшей, лорд Хейкок — славный малый,

[14] Примечания: 14

Старший сын в аристократическом роду наследовал все — деньги, титул, имущество — нераздельно.

но, к сожалению, страшный тори, а его жена, как все порядочные английские жены, и того хуже. Другая сестра вышла за мелкого сквайра из Норфолка и, хотя жила с ним без году неделя, успела народить пятерых детей. Сообщая эти и еще многие другие сведения своей американской собеседнице, лорд Уорбартон старался показывать и объяснять ей некоторые особенности английской жизни. Изабеллу часто забавляла его обстоятельность и то, что он, казалось, вовсе не берет в расчет ее собственный опыт и воображение. «Он принимает меня за варвара, — думала она, — который никогда не видел ни ножа, ни вилки»; бывало, она задавала ему самые простые вопросы только ради удовольствия послушать, с какой серьезностью лорд будет на них отвечать. А когда он попадал в эту ловушку, Изабелла замечала:

— Жаль, что вы не видели меня в боевой раскраске и перьях. Если бы я знала, как нежно вы относитесь к нам, бедным дикарям, я привезла бы с собой мой национальный костюм!

Лорд Уорбартон поездил по Соединенным Штатам и знал о них гораздо больше нашей героини. Тут же назвав с присущей ему учтивостью Америку самой очаровательной страной в мире, он,

однако, вскользь заметил, что воспоминания о ней позволяют ему предположить, что американцы, прибывшие в Англию, нуждаются в том, чтобы им многое разъяснили.

— Вот если бы вы были со мной в Америке, вы многое растолковали бы мне! — сказал лорд. — Ваша страна озадачила меня; я был совершенно сбит с толку, но главное, все объяснения, которые я слушал, только запутывали дело. Знаете, по-моему, мне часто нарочно морочили голову; американцы это любят. Но моим объяснениям вы можете доверять; все, что я говорю, — чистая правда.

Чистой правдой, во всяком случае, было то, что он умен, образован и знает чуть ли не все на свете. Рассказывал обо всем он необыкновенно интересно и увлекательно, и Изабелла не чувствовала в нем никакой рисовки; он управлял громадным состоянием, но никогда не ставил это себе в заслугу. Ему были доступны все жизненные блага, но он не потерял чувства меры. В его характере соединились добродушная мужская сила и застенчивость, временами почти мальчишеская; эта смесь была благотворной и свежей — казалось, ее можно попробовать на вкус, — и она ничего не теряла в сочетании с добротой,

кстати, совсем не мальчишеской, потому что в ней было много здравомыслия и совестливости.

— Мне очень нравится ваш «экземпляр» английского джентльмена, — сказала Изабелла Ральфу после отъезда лорда Уорбартона.

— Мне он тоже нравится… Я очень люблю его, — ответил Ральф, — но еще больше жалею.

Девушка искоса взглянула на кузена.

— Но, мне кажется, единственная его беда в том, что его невозможно хоть за что-нибудь пожалеть. Он производит впечатление человека, который все знает, все имеет, всего достиг.

— Нет, его дела плохи, — настаивал Ральф.

— Надеюсь, вы не имеете в виду состояние его здоровья?

— Нет, что до этого, то он неприлично здоров. Я хочу сказать, что он очень одаренный человек, который только забавляется своим положением. Он не относится к себе всерьез.

— То есть считает себя смешным?

— Гораздо хуже. Он считает себя обузой, сорняком.

— Но, возможно, так и есть, — сказала Изабелла.

— Возможно. Хотя я так не думаю. Но в таком случае, есть ли что-нибудь более жалкое, чем

наделенный чувствами и самосознанием сорняк, кем-то посаженный, пустивший корни, но страдающий оттого, что чувствует несправедливость собственного существования? Я-то принимаю беднягу очень даже всерьез; он занимает такое положение, которое будит мое воображение. Огромная ответственность, огромные возможности, огромное уважение, огромное состояние, огромная власть, врожденное право участвовать в общественной жизни великой страны. Но в его голове царит полная неразбериха насчет себя, своего положения, власти и всего прочего. Он жертва нашего переломного времени: в себя он верить перестал, а во что теперь верить, не знает. Когда я пытаюсь подсказать ему (потому что на месте лорда я бы отлично знал, во что верить), он называет меня старомодным и ограниченным. Я знаю, что он и в самом деле считает меня ужасным мещанином; говорит, я не понимаю, в какое время живу. Но уж я-то определенно понимаю все гораздо лучше, чем он, который не может ни уничтожить себя как помеху, ни сохранить как атрибут традиционного уклада.

— Лорд Уорбартон не выглядит жалким, — заметила Изабелла.

— Возможно, не выглядит. Но, без сомнения,

будучи человеком неординарным, он часто переживает нелегкие моменты. Да и что это такое, когда про человека с его возможностями говорят: он не кажется несчастным? Кроме того, я просто уверен в этом.

— А я нет, — сказала Изабелла.

— Пусть так, — возразил ее кузен. — Пусть так, хотя ему и следовало бы!

В тот день Изабелла около часа провела на лужайке с дядей, который, как всегда, сидел в кресле с шалью на коленях и держал в руках чашку некрепкого чая. Они беседовали о том о сем, и старик поинтересовался, что она думает об их недавнем госте.

— Он совершенно очарователен, — ответила Изабелла.

— Прекрасный молодой человек, — согласился мистер Тачетт, — но не советую в него влюбляться.

— Хорошо, не буду. Я буду влюбляться не иначе, как по вашей рекомендации. Кроме того, — добавила Изабелла, — кузен обрисовал мне лорда Уорбартона в довольно печальных тонах.

— В самом деле? Не знаю, что такого он тебе сообщил, но ты должна помнить, что Ральф большой фантазер.

— Он считает лорда Уорбартона слишком радикальным… или недостаточно радикальным. Я не совсем поняла, каким.

Старик, улыбаясь, медленно покачал головой и поставил свою чашку.

— Я тоже не знаю. Он зашел очень далеко, хотя очень возможно, что недостаточно далеко. Он, кажется, хочет многое изменить, но при этом сохранить себя. Я полагаю, это вполне естественно, хотя и непоследовательно.

— О, надеюсь, он останется таким, какой он есть, — сказала Изабелла. — Если бы он переменился и стал другим, его друзьям очень бы не хватало его прежнего.

— Что же, — произнес старик. — Надеюсь, он выдержит и будет развлекать своих друзей, как и всегда. Мне бы его сильно недоставало здесь, в Гарденкорте. Приезжая сюда, лорд всегда избавляет меня от скуки. Да и сам, я думаю, не скучает. В обществе сейчас много таких людей — они в моде. Уж не знаю, к чему все они стремятся, может быть, хотят устроить революцию; во всяком случае, надеюсь, они отложат это до моей смерти. Видишь ли, они хотят все перестроить, но я довольно крупный землевладелец и не хочу, чтобы мою жизнь перестроили. Я бы ни за что не

переехал сюда, если бы знал об их намерениях, — весело продолжал мистер Тачетт. — Я переехал потому, что считал Англию безопасной страной. А они собираются тут все менять. Это разочарует очень многих.

— А я надеюсь, что будет революция! — воскликнула Изабелла. — С удовольствием посмотрела бы на революцию.

— Объясни-ка мне, пожалуйста, — с легкой иронией проговорил ее дядя, — я все забываю: ты сама-то за либералов или за консерваторов? Я слышал, как ты высказывалась то за тех, то за других.

— Так и есть. Я за всех понемножку. Во время революции — если бы уж она началась — я бы была на стороне консерваторов. Они вызывают больше сочувствия, и у них есть возможность совершать яркие поступки.

— Не уверен, что ты подразумеваешь под «яркими поступками», но похоже, ты всегда совершаешь именно такие, моя дорогая.

— Дядя, вы — чудо. Но вы, как всегда, подтруниваете надо мной! — прервала его девушка.

— Все-таки я боюсь, что в ближайшем будущем тебе не выпадет удовольствия наблюдать здесь революционные события, — продолжил мистер

Тачетт. — Если уж ты так жаждешь бурных событий, тебе придется погостить у нас подольше. Видишь ли, когда доходит до дела, им не нравится, чтобы их ловили на слове.

— О ком вы говорите?

— О лорде Уорбартоне и его друзьях — радикалах из высшего класса. Конечно, я знаю только то, что задевает меня. Они шумят о переменах, но не думаю, что ясно все себе представляют. Вот ты да я — мы знаем, что значит жить при демократических порядках. Мне они подходят, но я ведь при них родился. К тому же я не лорд. Ты, несомненно, леди, моя дорогая, но я не лорд. А этой стране, я полагаю, демократия не очень подходит. Демократические принципы действуют ежедневно и ежечасно. Вряд ли они понравятся этим господам больше теперешних. Конечно, если хотят попробовать, это их дело, но мне кажется, они не станут очень усердствовать.

— Вы считаете их неискренними? — спросила Изабелла.

— Нет, англичане очень честные люди, — признал мистер Тачетт, — но создается впечатление, что о демократии у них лишь теоретические знания. Их радикальные взгляды — род развлечения. Развлечения им необходимы, а вкус у них мог бы

оказаться гораздо грубее. Ты видишь, в какой роскоши они живут, а все эти прогрессивные идеи — едва ли не самая большая их роскошь. Идеи позволяют им чувствовать себя высоконравственными, но не угрожают их положению. Ведь англичане сильно пекутся о своем положении в обществе. Не верь никому, кто станет убеждать тебя в обратном; а если поверишь, тебя очень скоро поставят на место.

Изабелла очень внимательно следила за мыслями дяди, которые тот излагал легко, вдумчиво, с некоторой долей оптимизма; хотя она не была знакома с английской аристократией, девушка обнаружила, что в целом к ней применимы ее, Изабеллы, представления о человеческой природе. Но лорда Уорбартона ей захотелось взять под защиту.

— Я не верю, что лорд Уорбартон притворщик, — заявила она. — До остальных мне нет дела. А вот лорд… мне бы хотелось его проверить.

— Избави меня Бог от друзей! — продекламировал мистер Тачетт и продолжал: — Лорд Уорбартон — очень приятный… прекрасный молодой человек. Его доход составляет сто тысяч в год. На этом маленьком острове ему принадле-

жат пятьдесят тысяч акров земли и полдюжины домов. У него постоянное место в парламенте, как у меня за моим обеденным столом. Он обладает изысканным вкусом — интересуется литературой, искусством, наукой и очаровательными молодыми леди. Но самый главный интерес он испытывает к новым взглядам. Они доставляют ему массу удовольствий — возможно, больше, чем что-либо еще, за исключением молодых леди. Его старинный дом — как он его называет? Локли? — очень хорош, хоть наш, на мой вкус, получше. Впрочем, это не имеет значения — у него много и других домов. Насколько я могу видеть, его взгляды никому не приносят вреда, и меньше всего ему самому. Если бы здесь разразилась революция, лорд пережил бы ее абсолютно безболезненно; его бы никто не тронул, оставили бы целым и невредимым — слишком уж он всем нравится.

— Да, лорду не суждено стать мучеником, даже если бы он захотел! — воскликнула Изабелла. — Очень незавидное положение.

— Да, мучеником ему никогда не бывать… если только ты не сотворишь с ним эту штуку, — произнес старик.

Девушка покачала головой; было даже забавно,

что в этом жесте сквозило легкое сожаление.

— Из-за меня никто не будет мучиться, — сказала она.

— Надеюсь, и сама ты никогда мученицей не будешь.

— Я тоже надеюсь. Так значит, вам не жаль лорда Уорбартона, как Ральфу?

Дядя посмотрел на племянницу долгим лукавым, проницательным взглядом.

— Несмотря ни на что… Пожалуй, все-таки жаль, — мягко ответил он.

Глава 9

Вскоре с приглашением приехали две мисс Молинью, сестры его светлости; Изабелле сразу понравились эти молодые леди, на которых, как ей показалось, лежала печать некоего своеобразия. Правда, когда она назвала сестер «оригинальными» в беседе с кузеном, тот заявил, что этот эпитет совсем не подходит для двух мисс Молинью, поскольку в Англии найдется пятьдесят тысяч молодых женщин, похожих на них как две капли воды. Однако, хотя таким образом гостьям было отказано в оригинальности, невозможно было не восхититься их необыкновенно мягкими и застенчивыми манерами и самыми, как казалось Изабелле, добрыми на свете глазами.

«На здоровье им, во всяком случае, жаловаться не приходится», — решила наша героиня, которая считала это большим достоинством; к сожалению, о некоторых подругах ее детства такого сказать было нельзя (какими бы они были прелестницами, если бы не их болезненность), не говоря о том, что иногда и сама Изабелла не могла похвастаться прекрасным самочувствием.

Сестры Молинью были уже не первой молодости, но сохранили яркий и свежий цвет лица и что-то детское в улыбке. Глаза сестер, которые так восхитили Изабеллу, имели умиротворенное выражение, а котиковые жакеты подчеркивали изрядную округлость их форм. Сестры были необыкновенно дружелюбны, настолько, что почти стеснялись этого; казалось, они немного побаиваются молодую леди, прибывшую с другого конца света, и больше показывали, нежели высказывали свое доброе к ней отношение. Тем не менее они ясно выразили надежду на то, что Изабелла прибудет на ланч в Локли, где они живут вместе с братом, а также на то, что отныне они смогут видеться очень, очень часто. Сестры поинтересовались, не согласится ли она пробыть у них целый день и остаться ночевать; двадцать девятого они ожидают гостей, и, возможно, Изабелла захочет к ним присоединиться.

— Боюсь, среди них не будет никого особенно выдающегося, — сказала старшая сестра, — но смею надеяться, вы полюбите нас такими, какие мы есть.

— Я от вас в восхищении; вы очаровательны именно такие, какие есть, — ответила Изабелла, которая всегда бывала щедра на похвалы.

Гостьи вспыхнули, а кузен после их ухода сказал Изабелле, что если она еще раз скажет что-нибудь подобное этим бедняжкам, они примут это за насмешку. Он был уверен, что сестер еще никто ни разу в жизни не назвал очаровательными.

— Но что же я могу сделать, — ответила Изабелла. — Именно такие тихие, благоразумные, довольные люди мне и нравятся. Хотелось бы и мне быть такой же.

— Боже упаси! — пылко воскликнул Ральф.

— Обязательно постараюсь подражать им, — настаивала девушка. — Интересно посмотреть, каковы они в домашней обстановке.

Несколько дней спустя она получила это удовольствие. Вместе с Ральфом и его матерью Изабелла приехала в Локли. Сестры Молинью сидели в просторной гостиной (одной из многих, как она выяснила позже), сплошь отделанной блеклым ситцем. Одеты они были по этому случаю в черные бархатные платья. В домашней обстановке женщины понравились Изабелле даже больше, чем в Гарденкорте, и она еще раз была поражена, что они просто излучали здоровье. При первой встрече ей показалось, что им недостает живости ума, но сейчас она признала

за ними способность глубоко чувствовать. Перед ланчем она некоторое время оставалась с ними наедине, в то время как лорд Уорбартон в другом углу комнаты беседовал с миссис Тачетт.

— Правда ли, что ваш брат такой непримиримый радикал? — поинтересовалась Изабелла. Она знала, что это правда, но мы уже видели, насколько велик был ее интерес к человеческой природе, и сейчас ей хотелось вызвать на разговор сестер Молинью.

— О да, дорогая, он придерживается чрезвычайно передовых взглядов, — сказала Милдред, младшая.

— И в то же время Уорбартон очень благоразумен, — заметила старшая мисс Молинью.

Изабелла взглянула в тот угол гостиной, где находился лорд; было очевидно, что он изо всех сил старается угодить миссис Тачетт. Ральф играл с одной из собак перед пылающим камином, который вовсе не был лишним в огромной старинной зале при прохладной августовской английской погоде.

— Вы полагаете, ваш брат искренен? — с улыбкой спросила Изабелла.

— О, несомненно! — торопливо воскликнула Милдред, в то время как старшая сестра удивлен-

но взглянула на нашу героиню.

— Думаете, он не дрогнет, если придется?

— Что придется?

— Я имею в виду, сможет ли он, скажем, отказаться от всего этого?

— Отказаться от Локли? — переспросила старшая мисс Молинью после небольшой паузы, когда снова обрела дар речи.

— Да, и от других имений тоже. Кстати, как они называются?

Сестры обменялись почти испуганными взглядами.

— Вы хотите сказать… вы имеете в виду, что они требуют больших расходов? — спросила младшая сестра.

— Я думаю, он мог бы сдать один или два дома, — сказала другая.

— Сдать или отдать? — спросила Изабелла.

— Не могу представить, чтобы он отказался от своей собственности, — проговорила старшая мисс Молинью.

— В таком случае боюсь, он обманщик! — воскликнула Изабелла. — И что же, вы не считаете, что его положение ложно?

Ее собеседницы были явно сбиты с толку.

— Положение брата? — пробормотала мисс

Молинью.

— Его положение считается очень хорошим, — возразила младшая сестра. — Самое высокое положение в графстве.

— Наверное, вы считаете меня бесцеремонной, — заметила Изабелла, воспользовавшись возникшей паузой. — Полагаю, вы очень почитаете брата и побаиваетесь его.

— Конечно, невозможно не уважать брата, — просто сказала мисс Молинью.

— Если вы его уважаете, значит, он очень хороший человек… потому что вы обе очень хорошие.

— Он необыкновенно добр. Никто даже не представляет себе, сколько хорошего он делает.

— Все знают о его способностях, — добавила Милдред. — И считают их необыкновенными.

— Да, я это вижу, — согласилась Изабелла. — Но на его месте я исповедовала бы более консервативные взгляды. И ничего не стала бы отдавать.

— Я думаю, люди должны придерживаться широких взглядов, — мягко возразила Милдред. — Нас так воспитывали с самого детства.

— Что ж, — произнесла Изабелла. — Это у вас очень хорошо получается. Неудивительно, что вам это нравится. Я вижу, вы питаете слабость к

вышивке? — сменила она тему.

После ланча лорд Уорбартон повел Изабеллу осматривать дом, имевший очень благородный вид; впрочем, иного и нельзя было ожидать. Внутри здание было сильно модернизировано — и некоторые, может быть, лучшие его части потеряли свою первозданность. Но когда девушка посмотрела на него из сада, дом — громадный, выкрашенный непогодой во все оттенки серого, вздымающийся над наполненным неподвижной водой рвом — показался ей сказочным замком. День выдался прохладным и пасмурным; всюду были заметны первые признаки осени; бледный солнечный свет падал на стены расплывчатыми бликами, как будто намеренно согревая те места, где сильнее ощущалась болезненность нанесенных временем ран. Викарий, брат хозяина, прибыл к ланчу, и Изабелла поговорила с ним в течение пяти минут — время достаточное для того, чтобы в который раз попытаться найти истового приверженца церкви, — и отказаться от этой попытки как от тщетной. Викарий из Локли был человеком огромного роста, атлетического телосложения, с искренним выражением лица, прекрасным аппетитом и склонностью к внезапным взрывам смеха. От своего кузена

Изабелла потом узнала, что до того, как принять сан, викарий был успешным борцом и что до сих пор при случае — конечно, только в кругу семьи — с удовольствием кладет на лопатки своего слугу. Викарий понравился гостье — она была в таком настроении, когда нравится все вокруг; правда, ее воображению пришлось как следует потрудиться, чтобы представить его в роли духовного пастыря. Покончив с ланчем, все общество отправилось на прогулку по окрестностям, и лорд Уорбартон проявил некоторую изобретательность, чтобы увести свою юную гостью от остальных.

— Я хочу, чтобы вы здесь все как следует, по-настоящему осмотрели, — сказал он. — А вы не сможете сделать этого, если вас будут отвлекать всякой болтовней.

Однако его рассказ (при том, что лорд много говорил о доме, который имел любопытную историю) касался отнюдь не только археологических особенностей; время от времени он переходил к вопросам более личным — как в отношении Изабеллы, так и себя самого. Но в конце концов, после довольно продолжительной паузы, лорд вернулся к той теме, которая послужила предлогом для всей беседы.

— Ну что ж, я очень рад, что вам понравился этот старый дом. Мне бы хотелось, чтобы вы еще полюбовались им… чтобы вы задержались у нас ненадолго. Сестры без ума от вас… если это может служить в ваших глазах приманкой.

— В приманках нет необходимости, — ответила Изабелла. — Но боюсь, я не могу принять приглашение. Я совершенно в тетиной власти.

— Вы простите, если я скажу, что не верю в это? Я уверен, вы можете делать все, что захотите.

— Жаль, что я произвела на вас такое впечатление. Это ведь не очень-то хорошее впечатление?

— Не совсем так — ведь это позволяло мне надеяться, — сказал лорд и умолк.

— Надеяться на что?

— Что в будущем я смогу чаще видеть вас.

— Ну, — сказала Изабелла, — чтобы иметь удовольствие видеться с вами, мне не нужно быть такой уж эмансипированной.

— Несомненно. И в то же время мне кажется, что я не очень нравлюсь вашему дядюшке.

— Вы глубоко заблуждаетесь. Он прекрасно о вас отзывался.

— Я рад, что вы говорили обо мне, — сказал лорд Уорбартон. — Но все-таки сомневаюсь, что ему бы понравилось, если бы я зачастил в Гарденкорт.

— Я не могу отвечать за вкусы своего дяди, — отозвалась Изабелла, — хотя, разумеется, и должна по возможности принимать их в расчет. Но что касается меня, то я буду очень рада видеть вас.

— Именно это мне и хотелось услышать от вас. Я просто очарован вашими словами.

— Легко же вас очаровать, милорд, — заметила девушка.

— Нет, вовсе не легко! — Уорбартон на мгновение умолк, а затем добавил: — Но вам это удалось, мисс Арчер.

Эта фраза была произнесена с какой-то неопределенной интонацией, которая насторожила Изабеллу; это показалось ей прелюдией к чему-то важному; она уже слышала такую интонацию раньше и узнала ее. Однако Изабелле вовсе не хотелось, чтобы сейчас эта прелюдия получила продолжение, и поэтому, поборов волнение, она быстро и как можно более приветливо произнесла:

— Боюсь, у меня не будет возможности снова приехать сюда.

— Никогда? — спросил лорд Уорбартон.

— Я бы не стала говорить «никогда». В этом есть что-то мелодраматическое.

— Могу я приехать и повидать вас как-нибудь на следующей неделе?

— Ну конечно. Что может этому помешать?

— Ничего серьезного. Но с вами я никогда не чувствую себя спокойно. У меня такое чувство, будто вы все время судите людей.

— Если бы это было и так, вы от этого не проигрываете.

— Очень приятно слышать это от вас; но даже если я в выигрыше, все равно суровая критика — это не то, что я люблю больше всего. Миссис Тачетт собирается увезти вас за границу?

— Надеюсь, что да.

— Англия вам не очень нравится?

— Это коварный вопрос в духе Макиавелли; он не заслуживает ответа. Просто я хочу побывать в разных странах.

— Там вы продолжите выносить свои суждения, я полагаю.

— Надеюсь, получать удовольствия — тоже.

— Да, но это и доставляет вам самое большее удовольствие. Никак не могу понять, к чему вы стремитесь, — заметил лорд Уорбартон. — Мне представляется, что у вас таинственные цели… и обширные планы!

— Как мило с вашей стороны разработать це-

лую теорию, с которой я совершенно не имею ничего общего! Что таинственного в моем намерении развлечься, как каждый год делают на глазах у всех пятьдесят тысяч моих соотечественников, — в намерении развить свой ум с помощью путешествий?

— Вам не надо развивать ум, мисс Арчер, — заявил ее собеседник. — Это и без того уже страшный инструмент. Вы смотрите на всех нас сверху вниз и презираете.

— Презираю вас? Да вы смеетесь надо мной, — серьезно сказала Изабелла.

— Ну, вы считаете нас, англичан, людьми с причудами, что есть то же самое. Начнем с того, что я не хотел бы выглядеть «чудаком». Ни в коей мере. Я заявляю протест.

— Этот протест — самое причудливое из всего, что я когда-либо слышала, — с улыбкой ответила девушка.

Лорд Уорбартон сделал небольшую паузу.

— Вы обо всем судите как бы со стороны, и вам ни до чего нет дела, — произнес он наконец. — Вам только бы развлекаться!

Вновь в его голосе появились нотки, которые девушка слышала несколько минут назад, но теперь к ним примешалась горечь — эта горечь

была такой неожиданной и неоправданной, что Изабелла испугалась, уж не обидела ли она хозяина дома. Ей часто говорили, что англичане очень эксцентричны; она даже вычитала у какого-то остроумного автора, что в глубине души это самый романтичный народ. Неужели лорд Уорбартон внезапно превратился в романтика? Неужели он собирается устроить ей сцену в своем собственном доме, хотя видит ее всего третий раз в жизни? Изабелла быстро разубедила себя, вспомнив о том, как лорд безупречно воспитан; и эту уверенность не пошатнул даже тот факт, что он едва не переступил границу дозволенного — когда восхищался юной леди, доверившейся его гостеприимству. Она оказалась права, положившись на его воспитанность, поскольку лорд слегка улыбнулся и продолжал разговор, причем в его голосе не осталось и следа столь смутившей ее интонации:

— Конечно, я не хочу сказать, что вас занимают только пустяки. Вам интересны высокие материи, слабости и недостатки человеческой природы, особенности целых народов!

— Ну, если так, то мне бы и в своей стране хватило развлечений на всю жизнь, — сказала Изабелла. — Однако нам предстоит еще долгий

путь, и тетушка, наверное, скоро засобирается домой.

Она направилась к остальным. Лорд Уорбартон молча шел рядом. Перед тем как они присоединились ко всему обществу, он успел произнести:

— Я приеду к вам на следующей неделе.

Ее будто что-то кольнуло, но, придя в себя, положа руку на сердце она не смогла назвать это ощущение болезненным. Тем не менее она отозвалась довольно холодно:

— Как вам будет угодно.

Причем эта холодность не была кокетством — это состояние было ей присуще даже в меньшей степени, чем, возможно, казалось многочисленным критикам. Она ответила так потому, что была слегка напугана.

Глава 10

На следующий день после визита в Локли Изабелла получила письмо от своей подруги мисс Стэкпол. Увидев надписанный аккуратным каллиграфическим почерком Генриетты конверт с маркой Ливерпуля, она очень оживилась.

«Ну вот и я, милая моя подруга, — писала мисс Стэкпол. — Наконец-то мне удалось вырваться. За один вечер все было решено — «Интервьюер» сдался. Я, как заправский журналист, побросала вещи в чемодан и на трамвае добралась до парохода. Где ты теперь и где бы мы могли встретиться? Полагаю, ты осматриваешь один замок за другим и уже приобрела правильное произношение. А может быть, уже даже вышла замуж за лорда. Я почти надеюсь на это, потому что хочу быть представлена высокопоставленным людям, и немного рассчитываю в этом на тебя. «Интервьюеру» нужна информация о высшем обществе. Мои первые впечатления (о людях в целом) получились совсем не в розовом цвете, но я хочу обсудить их с тобой. Ты же знаешь, что, какой бы я ни была, меня нельзя назвать поверхностной.

А еще мне нужно сказать тебе кое-что важное. Назначай встречу как можно скорее. И приезжай в Лондон (мне так хочется посмотреть на все его достопримечательности вместе с тобой) или разреши приехать к тебе, где бы ты ни находилась. Я с удовольствием примчусь — ты же знаешь, что меня все интересует, и хотелось бы узнать побольше о частной жизни англичан».

Девушка не стала показывать дяде это письмо, но передала его содержание. Как она и ожидала, хозяин дома попросил Изабеллу немедленно заверить от его имени мисс Стэкпол, что он с удовольствием примет ее в Гарденкорте.

— Хоть она и литературная дама, — заметил мистер Тачетт, — я полагаю, что она, будучи американкой, не станет изображать меня, как некоторые. Такие, как я, ей явно не внове.

— Но она не встречала таких милых! — возразила его племянница; на самом деле она тревожилась в отношении «репортерского зуда» Генриетты — он принадлежал к тем чертам характера ее подруги, которые Изабелла одобряла меньше всего. Тем не менее она написала мисс Стэкпол, что ее с радостью примут под гостеприимным кровом мистера Тачетта. И эта предприимчивая девица, не теряя времени,

подтвердила свое решение. Она добралась до Лондона, там села на поезд и доехала до ближайшей к Гарденкорту станции, где ее встречали Изабелла и Ральф.

— Интересно — полюблю я ее или возненавижу? — размышлял вслух молодой человек, пока они с кузиной стояли на перроне в ожидании поезда.

— Ни то, ни другое ничего не будет значить для нее, — ответила Изабелла. — Ей совершенно безразлично, что о ней думают мужчины.

— В таком случае как мужчина я склоняюсь к тому, что она мне не понравится. Должно быть, это какое-то чудовище. Она очень безобразна?

— Да нет же, Генриетта очень хороша собой.

— Женщина-журналист, репортер в юбке? Страшно любопытно на нее взглянуть, — заявил Ральф.

— Очень легко насмехаться над ней, но совсем нелегко быть такой же отважной.

— Думаю, да. Чтобы брать интервью, требуется отвага. Как вы думаете, она станет и меня интервьюировать?

— Вряд ли. Для Генриетты вы недостаточно важная персона.

— Посмотрим, — сказал Ральф. — Она распишет

в своей газете всех нас, включая Банчи.

— Я попрошу ее не делать этого, — отозвалась Изабелла.

— Значит, вы считаете ее способной на это?

— Вполне.

— И все-таки она стала вашей ближайшей подругой?

— Генриетта не ближайшая моя подруга, но мне она нравится, несмотря на все свои недостатки.

— Отлично, — сказал Ральф. — Боюсь, мне она не понравится, несмотря на все свои достоинства.

— Погодите — дня через три вы влюбитесь в нее.

— И увижу собственные любовные письма в «Интервьюере»? Никогда! — воскликнул молодой человек.

Наконец прибыл поезд, и по ступенькам уверенно спустилась мисс Стэкпол, которая, как и предупреждала Изабелла, оказалась очень хороша собой: пухленькая, среднего роста блондинка, с круглым лицом, маленьким ротиком и стройной фигуркой; ее каштановые локоны были собраны на затылке, а распахнутые глаза имели удивленное выражение. Самой примечательной чертой ее наружности была странная неподвиж-

ность взгляда, который Генриетта вперяла во все, что попадалось на пути, причем делала она это не вызывающе, не дерзко, но с сознанием своего права. Так же воззрилась она и на Ральфа, который был несколько сбит с толку грациозностью и привлекательностью мисс Стэкпол; ему стало казаться, что будет не очень-то легко не расположиться к ней, на что он настроился. На Генриетте было прекрасное серебристо-серое платье, и Ральф отметил, что она выглядела совершенно безукоризненно — с головы до пят. Она и говорила чистым, высоким голосом, неглубокого тембра, но громким; когда она вместе со своими спутниками уселась в экипаже мистера Тачетта, выяснилось, к немалому удивлению Ральфа, что она вовсе не болтушка. Однако на вопросы Изабеллы, к которой рискнул присоединиться и молодой человек, она отвечала очень точно и ясно; и позже, в библиотеке Гарденкорта, разговаривая с мистером Тачеттом (его супруга не посчитала необходимым спуститься), во всей полноте проявила свое умение вести беседу.

— Мне хотелось бы услышать, кем вы себя считаете — англичанами или американцами, — сказала мисс Стэкпол. — Тогда я буду знать, как мне с вами разговаривать.

— Говорите с нами как пожелаете, все благо, — великодушно ответил Ральф.

Она остановила на нем свои глаза, и чем-то они напомнили ему крупные блестящие пуговицы. Казалось, он видит в них отражение окружающих предметов. Пуговице вряд ли свойственно иметь человеческое выражение, но все-таки Ральф, будучи очень скромным человеком, смущался под взглядом мисс Стэкпол и испытывал чувство неловкости. Стоит, правда, добавить, что это чувство, после того как он провел с ней день или два, заметно ослабло, хотя полностью так и не исчезло.

— Полагаю, вы не собираетесь убеждать меня, что вы — американец, — сказала она.

— Ради вашего удовольствия я буду англичанином. Или даже турком!

— Если вы способны на такие превращения, прекрасно, — отозвалась мисс Стэкпол.

— Я уверен, вы все понимаете, и принадлежность человека к какой бы то ни было национальности вам не преграда, — продолжал Ральф.

Гостья внимательно посмотрела на него.

— Вы имеете в виду иностранные языки?

— Языки здесь ни при чем. Я имею в виду дух… некий гений нации.

— Не уверена, что понимаю вас, — сказала корреспондентка «Интервьюера». — Но думаю, что к тому времени, как я покину Гарденкорт, с этим будет лучше.

— Таких людей, как кузен, называют космополитами, — заметила Изабелла.

— Это значит, что в нем ото всех понемножку и почти ничего от кого-то одного. Должна сказать, я считаю, патриотизм сродни милосердию — он начинается у себя дома.

— А где начинается «дом», мисс Стэкпол? — спросил Ральф.

— Не знаю, где он начинается, но знаю, где заканчивается. Далеко отсюда.

— А здесь вам не нравится? — спросил мистер Тачетт своим мягким, спокойным, невинным старческим тоном.

— Сэр, моя точка зрения еще не определена. Я словно сдавлена. Особенно я это чувствовала при переезде из Ливерпуля в Лондон.

— Вероятно, вы ехали в переполненном вагоне? — предположил Ральф.

— Да, но он был набит друзьями — я ехала с группой американцев, с которыми познакомилась еще на пароходе, милейшие люди из Литл-Рока, штат Арканзас. Несмотря на это, я чувствовала

себя стесненной. Словно что-то давило на меня. Не могу сказать, что это. С самого начала я чувствовала, что здешняя атмосфера мне чужда. Но я думаю, мне удастся создать свою собственную. Природа здесь необыкновенно привлекательна.

— А мы-то все как прекрасны! — сказал Ральф. — Подождите немного, и вы убедитесь в этом сами.

Мисс Стэкпол выразила полное расположение ждать и, очевидно, была готова надолго обосноваться в Гарденкорте. По утрам она была занята литературным трудом, но, несмотря на это, Изабелла много времени проводила с подругой, которая, выполнив намеченную на день работу, жаждала общения. Изабелле скоро представилась возможность попросить ее воздержаться от того, чтобы отдавать в печать свои впечатления от пребывания в Англии, — уже на второй день после приезда мисс Стэкпол она обнаружила подругу за работой над статьей для «Интервьюера». Заглавие (написанное четким, аккуратным почерком, который наша героиня помнила еще со школьных времен) гласило: «Американцы и Тюдоры — взгляд из Гарденкорта». Мисс Стэкпол без зазрения совести предложила прочитать статью подруге, но та решительно заявила протест.

— Ты не должна этого делать. Тебе не следует

описывать здешнюю жизнь.

Генриетта, по своему обыкновению, уставилась на нее.

— Почему? Людям как раз это и интересно. И здесь очень мило.

— Здесь слишком мило, чтобы быть описанным в газетах. Да и дяде это не понравится.

— Вот еще глупости! — воскликнула мисс Стэкпол. — Все потом всегда бывают довольны.

— Дядя не будет доволен. И кузен тоже. Они сочтут это нарушением законов гостеприимства.

Ничуть не смутившись, Генриетта очень аккуратно вытерла перо — она всегда держала при себе элегантный наборчик специальных принадлежностей — и убрала рукопись.

— Конечно, если ты против — я подчиняюсь. Но так и знай: я жертвую отличной темой.

— Есть множество других тем. Их полно вокруг. Мы будем ездить на прогулки, и я покажу тебе множество прекрасных пейзажей.

— Пейзажи не по моей части. Мне интересны только люди. Ты же знаешь, Изабелла, меня интересуют социальные вопросы, и так было всегда, — сказала мисс Стэкпол. — Я собиралась показать кое-что на примере твоего кузена-американца, переставшего быть американцем.

Сейчас большой спрос на эту тему, а твой кузен является превосходным образцом. Следовало бы проучить его за это со всей суровостью.

— Да ты бы просто убила его! — воскликнула Изабелла. — И не суровостью, а тем, что он был бы выставлен на всеобщее обозрение.

— Что ж, я бы с удовольствием слегка прищучила его. И твоего дядю тем более. Он кажется гораздо более благородным — все еще стойкий американец. Грандиозный старик. Не понимаю, как он может возражать против того, чтобы я воздала ему должное.

Изабелла удивленно смотрела на подругу. Ей казалось очень странным, что в человеке, к которому она испытывает большое уважение, может уживаться столько противоречий.

— Бедная моя Генриетта, — сказала девушка, — ты не понимаешь, что личное, то, что глубоко в себе, нельзя выставлять напоказ.

Мисс Стэкпол сильно покраснела, и на мгновение ее яркие глаза стали влажными; а Изабелла еще больше изумилась: сколько же в ее характере несовместимых черт!

— Ты очень несправедлива ко мне, — с достоинством произнесла Генриетта. — Я никогда ни слова не написала о себе!

— В этом-то я уверена. Но мне кажется, по отношению к другим нужно быть такой же сдержанной!

— Очень хорошо сказано! — воскликнула Генриетта, снова доставая перо. — Позволь мне записать эту мысль, и я опубликую ее в статье.

И все-таки у нее был чудесный характер. Полчаса спустя она снова находилась в прекрасном расположении духа, как и подобает корреспонденту газеты в поисках материала.

— Я обещала описывать общество, — сказала Генриетта Изабелле. — А как я могу это делать, если у меня никаких идей? Раз нельзя описывать Гарденкорт, тогда посоветуй мне что-нибудь еще.

Девушка обещала подумать, и на следующий день в разговоре с подругой ей случилось упомянуть о своей поездке в старинный дом лорда Уорбартона.

— Ах, ты должна отвезти меня туда. Это то, что мне нужно! — воскликнула мисс Стэкпол. — Я должна взглянуть на аристократов.

— Я тебя отвезти не могу, — сказала Изабелла, — но лорд Уорбартон собирается приехать, и у тебя будет шанс познакомиться с ним и понаблюдать за ним. Но если ты намерена опубликовать

беседу с ним, я обязательно предупрежу его.

— Не надо! — взмолилась ее подруга. — Я хочу, чтобы он вел себя естественно.

— Англичанин не может вести себя более естественно, чем когда держит язык за зубами, — ответила Изабелла.

Третий день подходил к концу, но не было очевидных признаков того, что ее кузен влюблен в их гостью, хотя он и проводил с ней много времени. Они прогуливались по парку, сидели под деревьями, а в подходящую для прогулок по Темзе погоду мисс Стэкпол занимала то место в лодке, которое до сих пор принадлежало только одной спутнице Ральфа. Общение с Генриеттой оказалось для Ральфа менее неразрешимой задачей, чем он ожидал, будучи в естественном смятении чувств, которое он испытывал после общения со своей удивительной кузиной. Корреспондентка «Интервьюера» часто очень смешила его, а молодой человек уже давно мечтал, чтобы оставшиеся ему дни были бы скрашены безудержным весельем. Со своей стороны, Генриетта не вполне соответствовала утверждению Изабеллы, будто она безразлична к тому, какого мнения о ней мужчины; бедный Ральф, очевидно, представлялся ей некой загадкой, которая ее раздражала и

которую она обязана была разгадать, доказав тем самым, что она человек не поверхностный.

— Чем он занимается в жизни? — спросила она Изабеллу в первый же вечер после своего приезда. — Ходит весь день, засунув руки карманы?

— Он ничем не занимается, — улыбнулась ее подруга. — Он пребывает в праздности.

— Я бы сказала, это стыдно… в то время как я должна работать, словно хлопкопрядильная фабрика, — ответила мисс Стэкпол. — Как бы мне хотелось выставить его на всеобщее обозрение!

— Он слаб здоровьем и не может работать, — настаивала Изабелла.

— Фу! Ты сама не веришь тому, что говоришь. Я работаю, даже когда больна! — воскликнула ее подруга. Позже, перед речной прогулкой сев в лодку, она сказала Ральфу, что, наверное, он ее ненавидит — и с удовольствием отправил бы на дно.

— О, нет, — ответил молодой человек. — Я берегу своих жертв для более медленных пыток. А вы такой интересный экземпляр!

— Да, могу сказать, вы сильно мучаете меня. Единственное утешение — я возмущаю все ваши предрассудки.

— Мои предрассудки? У меня нет особых пред-

рассудков. Я просто интеллектуальная скудость в сравнении с вами.

— Тем хуже для вас. У меня есть ряд приятнейших предубеждений. Конечно, я порчу вам флирт, или как вы там это называете, с вашей кузиной. Но мне все равно. Я возмещаю ей это тем, что вытягиваю из вас массу любопытного. Она узнает, как вы слабы духом.

— Ах, сделайте милость, продолжайте, разберитесь во мне хорошенько! — воскликнул Ральф. — Так мало людей способно на подобную заботу!

В этом отношении мисс Стэкпол, похоже, была мастер на все руки, безо всякого сомнения обращаясь, когда предоставлялась возможность, к настоящему допросу.

На следующий день погода выдалась плохой, и молодой человек для развлечения предложил гостье посмотреть картины. Генриетта прошла в его сопровождении по длинной галерее. Ральф показывал самые ценные экспонаты, разъясняя сюжеты картин и рассказывая о художниках. Мисс Стэкпол смотрела молча, не выражая никакого мнения, и Ральф был благодарен ей за то, что она не издавала дежурных восклицаний восторга, которые часто расточали посетители

Гарденкорта. Молодой леди следовало отдать должное, она, в самом деле, редко прибегала к штампованным фразам. Она всегда говорила с напряжением и пылом, отчего часто напоминала образованного человека, объясняющегося на иностранном языке. Впоследствии Ральф Тачетт узнал, что Генриетта когда-то работала художественным критиком в Трансатлантическом журнале; но, несмотря на это, в ее кармане не водилось мелкой монеты восторженных банальностей. Внезапно, сразу после того, как Ральф обратил ее внимание на очаровательный пейзаж Констебля[15], она повернулась и взглянула на молодого человека так, словно он сам был некоей картиной.

— Вот так вы всегда и проводите свое время? — спросила мисс Стэкпол.

— Я редко провожу его так приятно, — ответил Ральф.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. У вас нет никакого постоянного занятия.

— О, — воскликнул Ральф, — я самый ленивый человек в мире!

Мисс Стэкпол снова обратила свой взор на Кон-

---

[15] Примечания: 15

Джон Констебль (1776–1837) — знаменитый английский живописец, пейзажист.

стебля, а молодой человек указал на висевшую рядом небольшую картину Ватто, на которой был изображен джентльмен в розовом камзоле с гофрированным воротником и в чулках. Он прислонился к пьедесталу статуи нимфы в саду и играл на гитаре двум дамам, сидевшим на траве.

— Вот мой идеал постоянного времяпрепровождения, — сказал молодой человек.

Мисс Стэкпол опять повернулась к нему. Хотя ее глаза были прикованы к картине, Ральф заметил, что не над сюжетом картины она размышляет, а обдумывает нечто более серьезное.

— Не понимаю, как вам удается быть в ладу со своей совестью, — произнесла она.

— Дорогая моя, у меня нет совести!

— Стоит ее обрести. Она понадобится вам, когда вы решите поехать в Америку.

— Вероятно, я никогда уже туда не поеду.

— Стесняетесь там показаться?

Ральф, слегка улыбаясь, помедлил с ответом.

— Я полагаю, тот, у кого нет совести, не может стесняться.

— Ну и самомнение у вас, — заявила Генриетта. — Вы считаете, это правильно — отказаться от родины?

— Невозможно отказаться от родной стра-

ны — как, скажем, и от собственной бабушки. Невозможно уничтожить то, что составляет неотъемлемую часть нас самих.

— То есть если бы это было возможно, вы бы попытались? А как к вам относятся англичане?

— Они от меня в восторге.

— Потому что вы подлизываетесь к ним.

— Ах, — вздохнул Ральф. — Может быть, вы сжалитесь и хоть частично отнесете это на счет моего природного обаяния?

— Я ничего не знаю о вашем природном обаянии. Если оно у вас и есть, то явно приобретенное… вы, видимо, отчаянно пытались приобрести его, живя здесь. Я бы не сказала, что это вам удалось. Во всяком случае, к такому обаянию я равнодушна. Станьте чем-нибудь полезным обществу, и тогда мы вернемся к этому разговору.

— Ну тогда посоветуйте, что мне делать, — смиренно проговорил Ральф.

— Для начала возвращайтесь на родину.

— Понятно. А потом?

— Займитесь чем-нибудь.

— Хорошо, чем конкретно?

— Чем-то, что доставит вам удовольствие и будет удаваться. Какой-нибудь новой идеей или крупным делом.

— А трудно найти такое дело, которое будет удаваться? — поинтересовался Ральф.

— Нет, если вы отдадите ему частичку своего сердца.

— А, моего сердца, — сказал молодой человек. — Если это зависит от моего сердца…

— У вас его нет?

— Несколько дней назад было, но с тех пор его у меня похитили…

— Вы несерьезный человек, — заметила мисс Стэкпол, — вот в чем дело.

Но через несколько дней гостья снова решила привлечь внимание Ральфа к его собственной персоне, но на этот раз предметом разговора стал другой пункт его своенравия.

— Я поняла, в чем ваша беда, мистер Тачетт, — сказала она. — Вы считаете, что слишком хороши для того, чтобы жениться.

— Я считал так до встречи с вами, мисс Стэкпол, — ответил Ральф, — но сейчас мое мнение изменилось…

— Фу! — фыркнула Генриетта.

— …и мне стало казаться, — продолжил молодой человек, — что наоборот, я недостаточно хорош для этого дела.

— Женитьба благодатно сказалась бы на вас.

Кроме того, это ваша обязанность.

— О, — воскликнул Ральф, — у человека так много обязанностей! И женитьба тоже?

— Конечно… Разве вы этого не знали? Жениться — долг каждого мужчины.

Ральф на несколько секунд задумался; он был разочарован. Было что-то в мисс Стэкпол, что начало привлекать его; ему казалось, что если она и не была очаровательной женщиной, то, по крайней мере, с ней можно было дружить. Ей недоставало своеобразия, но, как говорила Изабелла, Генриетта была отважной, а это всегда вызывает у окружающих симпатию. Он не ожидал от нее вульгарной неискренности; а последнее заявление вообще резануло его фальшью. Когда незамужняя женщина говорит о необходимости жениться не обремененному супружеством молодому человеку, самым очевидным объяснением ее слов является вовсе не бескорыстный порыв.

— На это можно посмотреть с разных сторон, — уклончиво ответил Ральф.

— Возможно, но это принципиальная вещь. Вы живете в одиночестве потому, что, наверное, считаете себя исключительной личностью — словно хотите дать понять, что ни одна женщина не

достойна вас. Думаете, вы чем-то лучше других? В Америке принято всем вступать в брак.

— Если это моя обязанность, разве, по аналогии, вы тоже не обязаны выйти замуж? — спросил Ральф.

Взгляд непроницаемых глаз мисс Стекпол не дрогнул.

— Вы тешите себя надеждой найти трещину в моей позиции? Конечно, я имею такое же право выйти замуж, как все.

— Так вот, — сказал Ральф. — Должен признаться, меня не раздражает то, что вы свободны. Это скорее меня радует.

— Когда же вы станете серьезным? Наверное, никогда.

— Значит, вы не поверите, если в один прекрасный день я скажу вам, что решил покончить со своей практикой жить в одиночестве?

Мисс Стэкпол бросила на молодого человека вполне ободряющий взгляд. Но неожиданно для Ральфа это выражение вдруг сменилось тревогой и даже негодованием.

— Нет, — сухо ответила гостья. После чего с достоинством удалилась.

— Я так и не влюбился в вашу подругу, — сказал Ральф в тот же вечер Изабелле. — Хотя сегодня

утром мы толковали, можно сказать, на эту тему.

— И вы сказали что-то, что ей не понравилось? — поинтересовалась девушка.

Молодой человек пристально посмотрел на нее.

— Она жаловалась на меня?

— Генриетта сказала мне, что есть что-то презрительное в тоне, каким европейские мужчины разговаривают с женщинами.

— Она называет меня европейцем?

— Причем одним из худших. Она сказала, будто вы заявили ей нечто такое, что не стал бы говорить ни один американец, но повторять не стала.

Ральф громко рассмеялся.

— Характер мисс Стэкпол — просто экстраординарная смесь. Она воображает, что я ловелас?

— Ну, я думаю, ловеласы есть и среди американцев. Но Генриетте, очевидно, показалось, что вы неправильно истолковали какие-то ее слова и сделали неприятный для нее вывод.

— Я решил, что она предложила мне жениться на ней, и согласился. Что ж тут такого неприятного?

Изабелла улыбнулась.

— Ну, для меня это точно не очень приятно. Я вовсе не хочу, чтобы вы женились.

— Моя милая кузина, что мне с вами обеими делать? — удивился Ральф. — Ведь мисс Стэкпол говорит, что это — мой долг, и намерена проследить за тем, как я его исполню!

— У нее большое чувство ответственности, — резко ответила Изабелла. — В самом деле. И это основной мотив всех ее высказываний. За это я и люблю ее. Она считает вашу свободную жизнь легкомыслием. Именно это Генриетта и хотела объяснить вам. Если вы посчитали, будто она пыталась… завлечь вас, вы глубоко заблуждаетесь.

— Действительно, это был бы странный способ, но я все-таки думаю, что мисс Стэкпол действительно пыталась завлечь меня. Простите меня за мою самонадеянность.

— У вас непомерное самомнение. У Генриетты нет ни на кого видов. Ей и в голову не могло прийти, что вы заподозрите ее в этом.

— Да-а-а… С такой женщиной нужно быть предельно искренним, — кротко заметил Ральф. — Но вы не находите ее натуру слегка странной? Стремиться затрагивать очень личные вопросы, касающиеся других людей — и быть крайне обидчивой в том, что касается ее самой. Зачем же

входить в дверь не стучась?

— Да, — согласилась Изабелла, — Генриетта не любит стучать в дверной молоточек. Я подозреваю, что она вообще считает их претенциозным украшением дома. Генриетта уверена, что все двери должны быть распахнуты настежь. Но я все равно люблю ее.

— А я все равно считаю ее слишком бесцеремонной, — возразил молодой человек, чувствуя себя несколько неловко оттого, что дважды обманулся в отношении мисс Стэкпол.

— Да, — улыбнулась Изабелла, — но боюсь, что именно это… нечто плебейское… и притягивает меня в ней.

— Эта причина показалась бы ей очень лестной!

— Если бы я решила сказать ей об этом, я бы выразилась по-другому. Я бы сказала, что в ней есть что-то «истинно народное».

— Народное? А что вы знаете о народе? И что она о нем знает?

— Генриетта знает очень много. А я знаю достаточно, чтобы считать ее олицетворением великой демократии… Американского континента, всей страны, всей нации. Я не говорю, что она в полной мере олицетворяет все эти понятия. От

Генриетты нельзя ожидать так много. Но она, сама того не желая, напоминает мне обо всем этом.

— Так она нравится вам из патриотических соображений. Боюсь, из этих же соображений она вызывает у меня некоторые возражения.

— О, мне нравится так много! — весело произнесла Изабелла. — Мне нравится все, что задевает мои чувства и поражает мое воображение. Если бы я не боялась показаться хвастунишкой, я сказала бы, что у меня разносторонняя натура. Мне нравятся люди, совершенно отличные от Генриетты. Сестры лорда Уорбартона, например. Когда я вижу их, они кажутся мне идеалом. Затем появляется Генриетта, и я немедленно складываю перед ней оружие — не столько по причине ее исключительности, сколько из-за того, что стоит за ней.

— Надо бы осмотреть ее со спины, — озабоченно произнес Ральф.

— Генриетта совершенно права, — сказала Изабелла, — вы никогда не перестанете насмешничать. Я люблю мою великую страну, цветущую, улыбающуюся, раскинувшуюся широко среди рек и прерий аж до лазурных вод Тихого океана! Крепкий свежий душистый аромат исходит от нее, а Генриетта, — простите мне за это срав-

нение, — частичку его принесла сюда на своих одеждах.

К концу этой пылкой речи Изабелла слегка раскраснелась, и этот румянец так был ей к лицу, что Ральф несколько секунд с улыбкой смотрел на нее.

— Я не уверен, что воды Тихого океана цвета лазури, — произнес он, — но у вас живое воображение. А Генриетта действительно несет на своих одеждах запах Нового Света… сие совершенно бесспорно!

Глава 11

После этого случая Ральф решил не искать в высказываниях мисс Стэкпол никакого подтекста, даже если ему будет казаться, что они направлены прямо против него. Он старался убедить себя, что, поскольку люди в ее представлении — простые однородные организмы, он, Ральф, являясь обладателем извращенной человеческой натуры, вообще не имеет права общаться с нею на равных. Он следовал своему решению с таким тактом, что отныне молодая американка могла беспрепятственно продолжать свои бесцеремонные допросы, которые в некотором роде олицетворяли ее характер. Положение мисс Стэкпол в Гарденкорте, которое было осенено, с одной стороны, почти сестринским отношением к ней Изабеллы, с другой — благожелательным отношением благородно-величественного патриарха мистера Тачетта, было бы еще более приятно, не ощущай она острую неприязнь со стороны маленькой пожилой дамы, с которой необходимо было считаться, как с хозяйкой дома. Вскоре, однако, Генриетта обнаружила, что эта обязан-

ность была одной из самых легких, поскольку миссис Тачетт не было никакого дела до поведения гостьи. Она лишь выразила удивление, что племянница сочла для себя возможным выбрать для себя в качестве подруги эту странную особу, «репортера в юбке», но тут же добавила, что вообще-то с кем Изабелле дружить — решать самой Изабелле и что в намерения миссис Тачетт не входит ни любить подруг девушки, ни ограничивать круг ее общения.

— Если ты будешь видеться только с теми, кто мне по нраву, дорогая, твое общество будет очень узким, — честно призналась миссис Тачетт. — Не думаю, что кто-то нравится мне настолько, что я могу рекомендовать его тебе в друзья. Рекомендация — серьезное дело. Мне не нравится мисс Стэкпол, не нравятся ее манеры. Она говорит слишком громко и смотрит на меня чересчур пристально. Я уверена, она прожила всю жизнь в меблированных комнатах, а мне не нравится та развязная манера поведения, которая вырабатывается при такой жизни. Возможно, ты считаешь, что мои манеры тоже не слишком хороши, но мне они нравятся значительно больше. Мисс Стэкпол знает, что я не выношу «культуру меблированных комнат», и за то, что я не выношу

ее, в ответ эта дама не выносит меня, потому что считает сие лучшим достижением человечества. Гарденкорт понравился бы ей гораздо больше, будь он гостиницей или пансионом. А по мне, так было бы лучше, если б уменьшить в нем количество постояльцев — на одного. Нам с этой особой никогда не сойтись — нечего и мечтать об этом.

Миссис Тачетт была права, говоря, что Генриетта недолюбливает ее, однако не вполне точно определила истинную причину. День-два спустя после приезда мисс Стэкпол хозяйка Гарденкорта позволила себе сделать ряд язвительных замечаний в адрес американских отелей, вызвав поток возражений со стороны корреспондентки «Интервьюера», которая в силу профессии была близко знакома с «техникой гостеприимства» в своей стране. Генриетта определила американские отели как лучшие в мире, а миссис Тачетт выразила глубокое убеждение, что они являются худшими. Ральф со свойственной ему мягкостью попытался приглушить конфликт, предположив, что истина где-то посередине и что американские отели можно аттестовать как вполне удовлетворительные. Но мисс Стэкпол встретила это миротворческое замечание в штыки. Удовлетворительные! Если они не лучшие в мире, тогда

лучше пусть будут худшими — в Америке не может быть просто «средних» отелей!

— Очевидно, мы судим с разных точек зрения, — изрекла миссис Тачетт. — Я люблю, когда ко мне относятся как к личности. А вам нравится, когда вас принимают как представительницу «большинства»!

— Не знаю, что вы имеете в виду, — ответила Генриетта. — Я люблю, когда меня принимают как даму, и к тому же американку.

— Бедные американские дамы! — со смехом воскликнула миссис Тачетт. — Рабыни рабов!

— Они — соратницы свободных граждан, — возразила Генриетта.

— Они — соратницы горничных-ирландок и лакеев-негров. Бедняжки работают наравне с прислугой!

— Так тех, кто прислуживает, вы считаете рабами? — спросила мисс Стэкпол. — Если вы столь заносчивы, ничего удивительного, что вам не нравится в Америке.

— Когда у тебя нет подобающей прислуги, ты представляешь собой жалкое зрелище, — невозмутимо провозгласила миссис Тачетт. — Во Флоренции у меня пятеро вышколенных слуг — в Америке, действительно, таких не найти.

— Не понимаю, зачем вам столько, — не смогла удержаться Генриетта. — Не думаю, что мне бы понравилось видеть вокруг себя пять раболепствующих лакеев.

— А меня именно это и устраивает! — вскричала, смеясь, миссис Тачетт.

— Ты любила бы меня больше, если бы я был твоим дворецким, дорогая? — осведомился мистер Тачетт.

— Вряд ли. Ты был бы очень плохим дворецким.

— «Соратницы свободных граждан». Мне понравилось это выражение, мисс Стэкпол, — заметил Ральф. — Отлично сказано.

— Говоря о свободных гражданах, я вовсе не имела в виду вас, сэр!

И это было все, чего удостоился молодой человек за свою лояльность. А Генриетта — Генриетта была в смятении: миссис Тачетт защищала класс людей, который она, мисс Стэкпол, считала пережитком феодализма…

Впрочем, возможно, она слегка нервничала и по другой причине; несколько дней в ней происходила какая-то внутренняя борьба, но потом все же она завела серьезный разговор с Изабеллой наедине.

— Моя дорогая, я подозреваю, что ты изменилась.

— Изменилась? По отношению к тебе, Генриетта?

— Нет, это было бы ужасно, но я не об этом.

— Тогда — изменилась по отношению к своей родной стране?

— О, надеюсь, этого никогда не случится. В своем письме из Ливерпуля я написала, что мне нужно что-то тебе сказать. Ты ни разу не спросила меня об этом. Ты ни о чем не догадываешься?

— О чем? Знаешь, я не очень догадлива, — сказала Изабелла. — Теперь я вспомнила фразу из твоего письма, о которой, признаться, запамятовала. О чем ты хочешь мне рассказать?

Неподвижный взгляд Генриетты выражал разочарование.

— Ты спрашиваешь как-то рассеянно. Ты изменилась… ты думаешь совершенно о другом.

— Скажи мне, в чем дело, и я буду думать об этом.

— Обещаешь? Мне бы этого очень хотелось.

— Я не особенно способна контролировать свои мысли, но постараюсь, — уверила ее Изабелла.

Генриетта так пристально и так долго смотрела на подругу, словно испытывая ее терпение, что

та наконец не выдержала.

— Уж не собираешься ли ты выйти замуж?

— Не раньше, чем посмотрю Европу! — ответила мисс Стэкпол. — Что ты смеешься? — продолжала она. — Если хочешь знать, на пароходе со мной плыл мистер Гудвуд.

— О! — воскликнула Изабелла.

— Да, да. Мы много говорили. Он ехал к тебе.

— Он так тебе сказал?

— Нет, он ничего мне не сказал — оттого-то мне и стало все ясно, — ответила Генриетта. — Мистер Гудвуд вообще очень мало говорил о тебе — в отличие от меня.

Изабелла несколько мгновений молчала. При упоминании имени мистера Гудвуда она слегка покраснела, и сейчас румянец на ее лице постепенно таял.

— Напрасно ты это делала, — произнесла она наконец.

— Мне было приятно, и мне нравилось, как он слушал. С таким собеседником можно долго разговаривать. Он внимал мне не перебивая, не желая упустить ни звука, буквально впитывая мои слова.

— И что же ты сказала обо мне? — поинтересовалась Изабелла.

— Что ты — прекраснейшее создание на свете.

— Очень жаль. Он и так уже слишком хорошо думает обо мне. Его не следовало поощрять в этом.

— Но он так жаждал, чтобы его поощрили! Я до сих пор вижу его лицо и тот серьезный вдохновенный взгляд, каким он смотрел на меня во время нашей беседы. Никогда не видела, чтобы некрасивый мужчина вдруг так преобразился!

— Он очень бесхитростен, — сказала Изабелла. — И не так уж и некрасив.

— Нет ничего бесхитростнее великой страсти.

— Нет тут никакой великой страсти. Я совершенно уверена.

— Но говоришь ты не очень уверенно.

Изабелла довольно холодно улыбнулась.

— Я постараюсь как можно увереннее объяснить это самому мистеру Гудвуду.

— Он скоро предоставит тебе такую возможность, — сказала Генриетта.

Изабелла ничего не ответила на замечание, сделанное подругой с огромной убежденностью.

— Мистер Гудвуд найдет тебя очень изменившейся, — произнесла мисс Стэкпол. — На тебя сильно повлияло твое новое окружение.

— Очень похоже. На меня влияет буквально

все.

— И все, кроме мистера Гудвуда! — со смехом воскликнула Генриетта.

Изабелла даже не улыбнулась в ответ и через мгновение спросила:

— Он просил тебя поговорить со мной?

— Не совсем так. Но его глаза просили об этом… и еще его рукопожатие, которым мы обменялись на прощание.

— Благодарю тебя за то, что ты мне все рассказала, — произнесла Изабелла и отвернулась.

— Да, ты все-таки изменилась. Ты набралась здесь новых мыслей, — продолжала ее подруга.

— Я надеюсь на это, — ответила Изабелла. — Каждый должен стараться приобретать как можно больше новых мыслей.

— Конечно, но они не должны вытеснять старые.

Изабелла снова повернулась к Генриетте.

— Если ты думаешь, будто у меня были идеи по поводу мистера Гудвуда… — Она сделала паузу. Глаза подруги расширились и стали огромными.

— Мое милое дитя, но ведь ты определенно поощряла его ухаживания, — провозгласила мисс Стэкпол.

На какое-то мгновение показалось, что Изабел-

ла сейчас откажется от подобного обвинения, но вместо этого она вдруг призналась:

— Это правда. Я поощряла его.

Затем она поинтересовалась, не спрашивала ли подруга о том, что мистер Гудвуд собирается делать в Европе. Этот вопрос был продиктован лишь любопытством, поскольку она не получала удовольствия от обсуждения мистера Гудвуда с Генриеттой Стэкпол. Она подумала, что со стороны Генриетты поднимать эту тему было весьма неделикатно — даже при том условии, что она ее верная подруга.

— Я спросила у него, и он сказал, что ничем не собирается заниматься, — ответила мисс Стэкпол. — Но я этому не верю. Мистер Гудвуд не способен бездельничать. Это человек действия. Что бы с ним ни случилось, он всегда чем-то занят и всегда будет чем-то занят. И что бы он ни делал — все делает правильно.

— Я совершенно с тобой согласна, — поспешила сказать ее подруга. Хотя Генриетте и не хватало такта, Изабелла была тронута пылкостью ее чувств.

— А все-таки он тебя интересует, — пробормотала Генриетта.

— Все, что он ни делает, он делает правильно, —

продолжала Изабелла. — Какое дело подобному человеку без страха и упрека, интересуется им кто-либо или нет?

— Возможно, ему и нет никакого дела, но это важно для другого человека.

— О, для меня является важным совсем не то, о чем мы говорим, — слегка улыбнувшись, заметила Изабелла.

Ее собеседница помрачнела.

— Что ж, я вижу, ты действительно переменилась, — заметила она. — Ты уже не та девушка, какой была несколько недель назад, и мистер Гудвуд увидит это. Я думаю, он вот-вот появится.

— Надеюсь, теперь он возненавидит меня, — сказала Изабелла.

— Уверена, что эта надежда столь же мала, как и его способность испытать подобное чувство.

Последняя реплика осталась без ответа; Изабеллу не на шутку встревожило сообщение, что мистер Гудвуд мог появиться в Гарденкорте. Возможно, тревога была слишком сильным определением того дискомфорта, который испытала девушка, узнав об этом непредвиденном обстоятельстве. Но этот дискомфорт мучил ее, и для этого было много разных причин. Изабелла старалась убедить саму себя, что это невозможно,

и позже поделилась этой мыслью с подругой, но в течение следующих сорока восьми часов тем не менее готовилась услышать весть о приезде молодого человека. Ей стало душно, словно что-то менялось в атмосфере — а атмосфера в Гарденкорте (и в переносном смысле тоже) во время всего пребывания Изабеллы была такой приятной, что любое изменение могло быть только в худшую сторону. Однако через пару дней напряжение стало спадать. Со слегка растерянным видом Изабелла, одетая в белое платье с черными лентами, прогуливалась по парку в сопровождении резвого Банчи и через некоторое время присела на скамью неподалеку от дома под роскошно раскинувшимся буковым деревом, представляя собой среди перемежающихся теней очень грациозную и гармоничную картину. Иногда (Изабелла старалась как можно тщательнее соблюдать соглашение с кузеном о совместном владении общительной собачкой и следовать справедливости в сем соглашении настолько, насколько это позволял ветреный и переменчивый нрав терьера) девушка развлекала себя, беседуя с Банчи. Но сейчас почему-то Изабелле наскучило общение со своим не слишком-то интеллектуальным спутником, и она подумала,

не принести ли ей в парк книгу. Раньше, когда у нее было тяжело на сердце, она могла с помощью правильно выбранного произведения угомониться, вернуть себе спокойную ясность ума. Однако последнее время ее любовь к литературе как-то потускнела. Даже после того, как Изабелла напомнила себе, что в библиотеке дяди были представлены все без исключения авторы, которым полагалось находиться в коллекции книг настоящего джентльмена, она не сдвинулась с места и продолжала сидеть и смотреть прямо перед собой на свежий зеленый дерн лужайки. Ее раздумья были прерваны появлением слуги, который протянул девушке письмо. На конверте была наклеена лондонская марка. Почерк был ей знаком — по крайней мере, показался знакомым, поскольку она только что думала об авторе послания. Письмо было коротким, и я могу привести его полностью.

«Дорогая мисс Арчер, не знаю, слышали ли Вы о моем приезде в Англию, но даже если нет — это едва ли удивит Вас. Вы помните, что отказали мне в Олбани три месяца назад, но я не согласился с этим. И мне определенно показалось, что Вы поняли меня и признали, что я, со своей стороны, не так уж не прав. Тогда я приезжал увидеть

Вас с надеждой, что Вы позволите мне убедить Вас, и имел достаточно оснований надеяться на успех. Вы не оправдали моих надежд, и не смогли привести причин того, отчего Вы так переменились ко мне. Вы признали, что Ваше поведение неразумно, и только, — но это ничего мне не объясняет, потому что это отнюдь не соответствует действительности. Вы вовсе не неблагоразумны, и никогда такой не будете. Исходя из этого, я уверен, что Вы позволите мне снова увидеться с Вами. Вы сказали, что я не антипатичен Вам, и я верю в это, поскольку не вижу никаких причин для этого. Я всегда думаю только о Вас и никогда не буду думать о ком-либо другом. Я приехал в Англию только потому, что Вы здесь; я не мог оставаться дома после того, как Вы уехали; мне опостылела моя страна, поскольку Вас уже нет там. Я бывал в Англии прежде, и она мне никогда особенно не нравилась. Если теперь это не так, то только из-за того, что сейчас здесь живете Вы. Могу ли я заехать к Вам на полчаса? Сейчас это самое сокровенное мое желание.

Искренне Ваш,

Каспар Гудвуд».

Изабелла так погрузилась в это послание, что не

услышала шелеста приближающихся по мягкой траве шагов. Машинально складывая письмо, она наконец подняла глаза. Перед ней стоял лорд Уорбартон.

Глава 12

Она спрятала письмо в карман и приветливо улыбнулась гостю, не выдав своего смятения и сама дивясь своему самообладанию.

— Мне сказали, что вы в парке, — произнес лорд Уорбартон. — В гостиной никого не оказалось, и я без колебаний пришел сюда, потому что мне хотелось увидеть вас.

Изабелла встала. Ей почему-то не хотелось, чтобы он садился рядом.

— Я как раз собиралась пойти в дом, — сказала она.

— Прошу вас, останьтесь, — здесь гораздо приятнее! Сегодня чудесный день. Я приехал из Локли верхом. — Лорд произнес это с необыкновенно дружеской и располагающей улыбкой. Вся его фигура, казалось, излучала радость прекрасного самочувствия, что очаровало девушку еще в первый день знакомства. Она окружала гостя словно теплый июньский воздух.

— Давайте поговорим здесь, — согласилась Изабелла, в которой желание избежать объяснений боролось с не меньшим желанием удовлетворить

свое любопытство. Однажды лорд уже намекнул на свои намерения, и это вселило в нее немалую тревогу. Тревога эта вызывалась многогранным чувством, и отнюдь не все элементы его были неприятными; она потратила несколько дней, чтобы разобраться в них, из того, что тяготило ее, она сумела выделить приятное — то, что лорд Уорбартон пытается объясниться ей в любви. Иной читатель рассудит, что наша героиня одновременно была и безрассудна, и очень разборчива — но последнее обвинение, если оно являлось справедливым, могло служить оправданием первому. Изабелла отнюдь не пыталась убедить себя, что этот земельный магнат, как называли при ней не раз лорда Уорбартона, не мог не быть очарован ею; предложение от такого лица скорее создавало трудности, чем их разрешало. Изабелла понимала, что лорд Уорбартон — «персона», и она старалась разобраться, что это значит. Читатель может улыбнуться, но были моменты, когда мысль о том, что она обожаема «персоной», вызывала в ней стойкую, почти агрессивную, неприязнь. Раньше таких людей не было среди ее знакомых — в ее родной стране она не сталкивалась с «персонами», возможно, потому, что их там не было. В основе человеческого

превосходства, считала она, лежит характер — который проявляется в том, как человек мыслит и что говорит. Она сама имела характер и знала об этом; до настоящего времени истинно высокая духовность в ее представлении определялась в основном нравственными качествами человека — и она оценивала их по тому, откликнется или нет на них ее возвышенная душа. Лорд Уорбартон воспринимался ею как нечто могучее и ослепительное, как совокупность средств и сил, неподвластных обычным измерениям, и требующий оценки по совершенно иной шкале — шкале, выстроить которую у Изабеллы, с ее привычкой судить быстро и свободно, не хватало терпения. Конечно, был шанс разом разрешить ситуацию, и, возможно, это было бы лучше всего — лорд был на удивление приятным человеком. Она могла убеждать себя в этом, но не в силах была убедить. Она ощущала, что этот земельный магнат, этот человек, занимающий такое высокое социальное положение, мощным движением пытался втянуть ее в свою орбиту, в которой существовал и вращался по определенным законам. Но что-то внутри ее, какой-то инстинкт заставлял, но не просто приказывал, а как бы убеждал ее сопротивляться, словно говоря: у тебя свой мир,

своя орбита. Он нашептывал ей и другие вещи, — которые одновременно и перечеркивали, и подкрепляли друг друга, — слова о том, что не так уж плохо было бы довериться Уорбартону, войти в его мир и посмотреть на него изнутри; но с другой стороны, этот мир, очевидно, таил в себе такие подводные камни, которые усложняли бы ей жизнь или вообще сделали бы ее невыносимой. А тут еще появился человек, который приехал из Америки; конечно, никакой «орбиты» у него не было, но зато он обладал характером, и бесполезно было ей убеждать себя, что он не имел для нее никакого значения. Письмо, лежащее у нее в кармане, говорило как раз об обратном. Улыбнется здесь читатель или нет — я повторяю: не смейтесь над этой простодушной девушкой из Олбани, раздумывавшей, стоит ли принимать предложение (хотя оно еще и не было сделано) английского лорда, и уверенной, что, вполне возможно, когда-нибудь ей представится и лучший выбор. Изабелла верила в свою звезду — и если в ее рассуждениях было немало безрассудного, то, поспешим заверить ее строгих судей, впоследствии она изменилась и поумнела — правда, ценою таких безрассудств, что остается только взывать к милосердию.

Лорд Уорбартон был готов ходить, сидеть, словом, делать все, что ему прикажет Изабелла, ибо он был джентльменом, для которого нет ничего приятнее, чем следовать светским обязанностям, — он не уставал уверять ее в этом. Тем не менее он не вполне владел собой, и, когда шел с ней рядом, он частенько искоса бросал на нее взгляды; эти взгляды и смех невпопад выдавали его смущение. Мы однажды уже касались этой темы, и я готов повторить — англичане, безусловно, самый романтический народ в мире, и лорд Уорбартон был готов подтвердить это своим собственным примером. Он собирался сделать шаг, который неприятно удивил бы большинство его друзей. Молодая особа, которая сейчас шла с ним рядом, приехала из несуразной заокеанской страны. Он знал о ней довольно много; прошлое Изабеллы, ее близкие представлялись ему очень смутно — он знал только, что они типичные американцы, и, следовательно, люди совершенно чуждые ему.

Мисс Арчер не обладала ни состоянием, ни блестящей красотой — оба эти качества еще могли в глазах общества извинить безрассудство лорда. К тому же в общей сложности он провел с мисс Арчер двадцать шесть часов. С одной стороны, с

чувством, вспыхнувшим в нем, было совершенно невозможно справиться; с другой стороны — его ожидало обязательное осуждение той половины человечества, которая так любит судить других. Он вполне осознавал все это. Но, закончив анализировать, он спокойно отогнал эти мысли, — все это столь же мало значило для него, как, скажем, наличие или отсутствие цветка в петлице. Большую часть своей жизни он прожил так, что ему удалось не навлечь на себя неудовольствия друзей — и единственный раз в жизни, считал он, он мог позволить себе делать то, что он хотел.

— Наверное, прогулка верхом доставила вам большое удовольствие? — спросила Изабелла, от которой не ускользнуло замешательство ее спутника.

— Разумеется — ведь она привела меня сюда, — ответил лорд Уорбартон.

— Вы так любите Гарденкорт? — поинтересовалась Изабелла, уверенность которой в том, что он приехал объясниться, росла с каждой минутой. Она не хотела побуждать его к этому — если он еще не решился; и одновременно решила хранить спокойствие — в том случае, если он все же заговорит. Ей вдруг пришла в голову мысль, что несколько недель назад подобная сцена

показалась бы ей очень романтичной — парк в старинном английском поместье, знатный лорд, намеревающийся признаться в любви девушке, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась не кем иным, как ею самой.

— Мне безразличен Гарденкорт, — сказал лорд Уорбартон. — Я приехал сюда только из-за вас.

— Вы слишком мало меня знаете, чтобы так говорить, и я не могу воспринимать ваши слова всерьез.

Изабелла лукавила: она не сомневалась в искренности лорда Уорбартона; подобное скоропалительное признание в обществе вызвало бы удивление — и она сказала это, следуя «правилам приличия». Если ей и требовались какие-то доказательства искренности лорда Уорбартона, тон, которым он произнес свои слова, не оставлял никаких сомнений.

— Право в подобных вопросах определяется не временем, а глубиной чувства, мисс Арчер. Жди я три месяца — ничего бы не изменилось, моя уверенность была бы столь же крепка. Да, мы с вами виделись очень мало, но мое впечатление о вас сложилось при первой же встрече. Я полюбил вас в тот же миг, как увидел, — это была любовь с первого взгляда, как пишут в романах. Теперь я

знаю, что это не просто красивая фраза, и впредь буду относиться к литературе с большим уважением. Те два дня, которые я провел здесь, решили все — я с величайшим вниманием следил за каждым вашим движением, внимал каждому вашему слову. К тому времени, когда вы уезжали из Локли, у меня не оставалось уже ни малейших сомнений. Тем не менее все эти дни я мучительно думал и допрашивал себя — я человек разумный и допускать ошибки в подобных вещах мне не свойственно. Меня трудно тронуть — но уж если подобное случилось, то это — на всю жизнь. На всю жизнь, мисс Арчер, на всю жизнь, — повторил лорд Уорбартон так ласково, так нежно, как никогда еще никто не говорил с ней. Глаза его были полны любви — любви, очищенной от всего низменного, — от жара страсти, от безрассудства и неистовства. Они сияли ровным тихим светом — словно защищенная от ветра свеча.

Пока он говорил, они оба все замедляли и замедляли шаг — словно по обоюдному согласию — и наконец остановились. Лорд взял руку Изабеллы в свою.

— Ах, лорд Уорбартон, как вы мало меня знаете! — снова, очень мягко, сказала Изабелла. И столь же мягко отняла руку.

— Не корите меня этим. Мне и так больно оттого, что я мало знаю вас. В этом мое несчастье. Но именно этого я и хочу, и, мне кажется, я выбрал верный путь. Станьте моей женой, я узнаю вас, и, когда буду говорить о вас хорошие слова, вы не сможете упрекнуть меня в том, что я делаю это по незнанию.

— Если вы меня знаете мало, то я не знаю вас вовсе, — продолжала Изабелла.

— Вы хотите сказать, что в отличие от вас я могу потерять при более близком знакомстве? О, конечно, это возможно. Но вы же представляете, как я буду стараться, чтобы вы были мною довольны, — раз уж я осмелился так говорить с вами. Вы же неплохо относитесь ко мне, не так ли?

— Вы мне очень нравитесь, лорд Уорбартон, — ответила девушка, и в этот момент он действительно был бесконечно приятен ей.

— Благодарю вас. Как хорошо, что я не совсем уж чужой в ваших глазах. Право, я всегда весьма неплохо умел поддерживать отношения с разными людьми и не вижу, почему бы эта моя миссия в отношении вас должна потерпеть фиаско, тем более что она будет мне очень приятна. Спросите обо мне тех, кто меня знает, — у меня много друзей, которые, я надеюсь, способны сказать обо

мне доброе слово.

— Мне не нужны рекомендации ваших друзей, — сказала Изабелла.

— Рад это слышать. Так вы доверяете мне?

— Совершенно, — ответила Изабелла, и это было правдой.

Лицо лорда Уорбартона просияло, и он облегченно вздохнул.

— Если я не оправдаю вашего доверия — пусть я лишусь всего, что имею, мисс Арчер!

«Неужели он решил напомнить мне, что богат? — спросила Изабелла саму себя, но тут же с негодованием отвергла эту мысль. Было очевидно, что это свойство, будучи присуще ему от рождения, абсолютно не занимало его — он предоставлял право помнить об этом его собеседникам, а уж той, кому он предлагал руку и сердце, — и подавно. Изабелле, прилагавшей все силы, чтобы не разволноваться, удавалось сохранить присутствие духа и даже — позволить себе взглянуть на лорда Уорбартона критически. Она лихорадочно искала слова для ответа. Ей хотелось сказать ему тоже что-нибудь ласковое. Почему-то она безоговорочно поверила его словам. Она чувствовала: лорд Уорбартон полюбил ее.

— Не знаю, как выразить свою благодарность

за ваше предложение, — сказала она наконец. — Это для меня большая честь.

— Господи, только не это! — вырвалось у него. — Этого я и боялся. Не понимаю, почему вы должны благодарить меня, — это я должен благодарить вас за то, что вы выслушали меня. Ведь мы едва знакомы, а я обрушил на вас свои излияния! Это столь важный вопрос — его, конечно, легко задать, но, будь я на вашем месте, я сам бы не знал, как на него ответить. Но вы выслушали его — или, во всяком случае, слушали меня, — и это позволяет мне надеяться.

— Не следует надеяться слишком сильно, — сказала Изабелла.

— О мисс Арчер! — с натянутой улыбкой пробормотал ее собеседник, словно опасаясь, что такой возглас мог быть принят за проявление преувеличенного восторга.

— А вас бы очень поразило, если бы я попросила вас не надеяться? — спросила Изабелла.

— Поразило? Не понимаю, что вы подразумеваете под этим словом. Просто сразило бы.

Изабелла вновь двинулась по дорожке, несколько минут она молчала.

— Я уверена, что, если бы мы познакомились ближе, я, хотя и так ценю вас очень высоко, стала

думать бы о вас еще лучше, — произнесла она наконец. — Но я совершенно не уверена, что с вами было бы то же самое. Говорю это не из ложной скромности. Это совершенная правда.

— Я намерен рискнуть, мисс Арчер, — заявил ее собеседник.

— Это важный вопрос — вы сами сказали это. И он еще и очень трудный.

— Я и не рассчитываю, что вы сразу ответите мне. Думайте, сколько вам будет угодно. Если я выиграю от ожидания — я готов ждать и ждать. Но помните: от вашего ответа зависит счастье всей моей жизни.

— Мне не хотелось бы мучить вас неопределенностью, — сказала Изабелла.

— Ничего страшного. Я предпочту получить согласие через полгода, нежели отказ сейчас.

— Но, возможно, даже через полгода я не смогу дать ответ, который бы вас устроил.

— Но почему — если вы сами сказали, что хорошо относитесь ко мне?

— Вне всяких сомнений, — сказала Изабелла.

— Тогда что же вам еще искать?

— Речь идет не о том, что я ищу; речь идет о том, что я сама могу предложить. Не думаю, что я подхожу вам. В самом деле.

— Не беспокойтесь об этом, это мое дело. Не надо быть большим роялистом, чем сам король.

— Не только это, — продолжала Изабелла. — Я вообще не уверена, что хочу замуж.

— Конечно, не уверены. Я думаю, большинство женщин не уверены, — возразил его светлость, впрочем совершенно не веривший в то, что говорил, — он пытался заглушить поднимающуюся в нем тревогу. — Но они часто дают себя уговорить.

— Это потому, что они хотят, чтобы их уговорили, — вздохнула Изабелла и улыбнулась.

Лорд Уорбартон изменился в лице и молча смотрел на нее.

— Боюсь, ваши колебания связаны с тем, что я англичанин, — произнес он наконец. — Я слышал, ваш дядюшка высказывал пожелание, чтобы вы вышли замуж на родине.

Изабелла выслушала это заявление с некоторым интересом; ей никогда не приходило в голову, что дядюшка мог обсуждать матримониальные вопросы, касающиеся ее, с лордом Уорбартоном.

— Он вам говорил это? — удивилась она.

— Я помню, он сказал что-то в этом духе; но, возможно, он говорил об американках вообще.

— Однако он сам не возражал поселиться в Англии, — заметила она.

Хотя это замечание было высказано весьма строптивым тоном, означало оно лишь то, что, как ей кажется, дядя вполне доволен своей судьбой, — и, может быть, еще то, что она не намерена придерживаться чьей-то одной, ограниченной точки зрения. Но это дало ее собеседнику надежду, и он горячо воскликнул:

— О, дорогая мисс Арчер, поверьте мне, Англия — прекрасная страна! И она станет еще лучше, если мы попробуем слегка подчистить ее от ржавчины.

— Ни в коем случае. Не надо ничего трогать. Мне Англия нравится именно такой.

— Однако, если вам здесь нравится, я уж совсем не могу понять, почему вы отказываетесь принять мое предложение.

— Боюсь, мне не удастся вам это объяснить.

— Вы должны хотя бы попробовать; должен вас уверить, я достаточно понятлив… Вас пугает климат? Мы можем поселиться в любой другой стране. Выберите любой климат, который вам подойдет, — в любой части света.

Эти слова были сказаны с такой нежностью и таким пылом, что Изабелле показалось — они

проникли ей в самое сердце. Она многое бы отдала в этот момент, чтобы в ней возникло сильное, ясное чувство, с которым она могла бы сказать своему собеседнику: «Лорд Уорбартон, для меня нет лучшей доли, чем вверить вам свою судьбу». Но, хотя она и была почти готова сказать ему это, что-то удержало ее; она была очарована им, но не взята в плен. И в конце концов она сказала нечто другое — то, что позволяло ей выиграть время.

— Если вы сочтете это возможным, мне не хотелось бы продолжать этот разговор сегодня.

— Конечно, конечно, — поспешно согласился он. — Я и так наскучил вам до смерти.

— Вы дали мне пищу для размышлений, и я обещаю, что хорошенько обдумаю ваше предложение.

— Только об этом я и просил вас. Но помните: мое счастье в ваших руках.

Изабелла слушала его с сочувственным вниманием, но это не помешало ей пояснить спустя мгновение:

— Я вынуждена сказать вам: то, что я собираюсь обдумать, — это всего лишь, как изложить причины своего отказа таким образом, чтобы как можно менее задеть ваши чувства.

— Это невыполнимо, мисс Арчер. Ваш отказ

убьет меня. Я не умру, со мной произойдет нечто худшее: я буду влачить бесцельное существование.

— Вы женитесь на женщине, которая будет лучше, чем я.

— Не говорите так, прошу вас, — сказал лорд Уорбартон очень серьезно. — Это несправедливо по отношению к нам обоим.

— Ну тогда женитесь на женщине, которая будет хуже меня, — сказала Изабелла.

— Если существуют женщины лучше вас, я предпочел бы худшую, — произнес лорд, не приняв шутки. — У всех свои вкусы.

Его серьезность передалась ей, и она снова попросила его оставить эту тему.

— Очень скоро я сама вернусь к нашему разговору, — сказала она. — А может быть, я напишу вам.

— Как вам будет удобно, — отозвался лорд. — Время будет тянуться медленно, но я постараюсь набраться терпения.

— Я не буду долго томить вас. Мне просто необходимо немного собраться с мыслями.

Лорд печально вздохнул и, остановившись, задумчиво смотрел на нее, заложив руки за спину и постукивая хлыстом по сапогам.

— Вы знаете, что я очень боюсь — боюсь того, что творится в вашей голове? — спросил он.

При этих словах, — хотя биограф вряд ли мог бы объяснить почему, — Изабелла вспыхнула. Их взгляды встретились, и она, словно взывая к его состраданию, воскликнула:

— Я тоже, милорд!

Однако это ее восклицание не вызвало в нем жалости — в данный момент сочувствие требовалось ему самому.

— Будьте милосердны, — пробормотал он.

— Я думаю, сейчас вам лучше уйти, — сказала Изабелла. — Я напишу вам.

— Благодарю. Но что бы вы ни написали, я все равно должен снова увидеть вас.

Он постоял в раздумье, глядя на Банчи, который, словно поняв все, о чем тут говорилось, потупив мордочку, с большим вниманием занимался корнями старого бука.

— Что я хотел вам еще сказать… — снова начал лорд Уорбартон. — Если вам не нравится Локли… Если дом кажется вам сырым и вообще… вы можете и не показываться там. Кстати, дом вовсе не сырой — я осмотрел его сверху донизу, — его состояние вполне пригодно для жилья. Но если вам там не по душе, совершенно не обязательно жить

там. У меня много домов… впрочем, я, кажется, уже говорил вам это. Видите ли, многие не любят, когда дом окружает ров… До свидания.

— Я ничего не имею против рва, — вздохнула Изабелла. — До свидания.

Лорд протянул руку, и на какое-то мгновенье она подала ему свою — этого мгновенья оказалось достаточно, чтобы он наклонился и поцеловал ее. Затем лорд Уорбартон удалился — и его волнение выдавали только резкие взмахи хлыстом.

Изабелла тоже была взволнована — но менее, чем ожидала. Она не испытывала ни чувства ответственности, ни страха перед сложностью выбора — поскольку была уверена, что в данной ситуации выбора у нее не было. Она не могла выйти замуж за лорда Уорбартона — потому что сама эта идея не вязалась с ее пониманием идеала свободного познания жизни, которому она, как ей казалось, уже начала следовать. Ей просто нужно будет написать ему это, убедить — задача несложная. Ее тревожило другое — то, что ей никакого труда не составило отказаться от предложения лорда Уорбартона. Что ни говори — прими она его, перед ней открывались невиданные ранее возможности, и пусть союз с лордом мог иметь свои недостатки, свои теневые

стороны, Изабелла совершенно ясно понимала, что девятнадцать женщин из двадцати дали бы свое согласие не колеблясь. Почему же для нее это не имело никакой притягательной силы? Кто она такая, в конце концов, почему она считает возможным ставить себя над другими? Чего она хочет от жизни, какого счастья ищет, какой ожидает судьбы, если мнит себя выше такого высокого положения? Если она отвергает это, значит, она должна совершить что-то большее? Уж не гордыня ли это, тягчайший грех — она боялась его как огня, отчужденность и одиночество гордячки внушали ей ужас не меньший, чем безлюдная пустыня. Нет, она отвергала лорда не из гордыни — она бы сумела справиться с собой. Он и в самом деле очень нравился Изабелле, слишком нравился, чтобы она осмелилась выйти за него замуж. В логике его рассуждений таилась какая-то ошибка; Изабелла чувствовала, что было бы не очень честно наградить человека, предлагающего столь много, так скептически настроенной женой. Изабелла обещала ему подумать и, когда он ушел, вернулась на скамейку, где лорд застал ее, и погрузилась в размышления — казалось, она выполняла его пожелание. Но на самом деле это было не так. Изабелла пыта-

лась разобраться в себе и понять, почему она так бесчувственна. Наконец она поднялась и быстро пошла к дому, чувствуя, что в самом деле боится себя — как она и призналась лорду Уорбартону.

Глава 13

Именно это чувство, а не желание посоветоваться, побудило Изабеллу рассказать дяде о предложении лорда Уорбартона. Ей просто необходимо было поговорить с кем-то — тогда она смогла бы успокоиться, привести свои мысли в порядок; и дядя казался для этого ей лучшей кандидатурой, чем миссис Тачетт или Генриетта. Разумеется, она могла бы «исповедоваться» Ральфу, но ей не хотелось посвящать его в столь деликатное дело. На следующий день после завтрака она выбрала подходящий момент. Дядя никогда не выходил из своих апартаментов до полудня, но принимал близких, как он выражался, друзей в гостиной. Изабелла входила в число таких «друзей» наряду с сыном старика, его личным врачом, слугой и даже мисс Стэкпол. Миссис Тачетт не фигурировала в списке, и потому круг людей, который мог помешать девушке попасть на прием, уменьшался на одну персону. Мистер Тачетт сидел у открытого окна в инвалидном кресле, представлявшем собой сложный механизм, и смотрел на парк и реку. Письма и газеты

стопкой лежали рядом. Он только что закончил утренний туалет, и на его умном, спокойном лице отразилось выражение благожелательного интереса. Изабелла сразу перешла к делу.

— Думаю, я должна сообщить вам, что лорд Уорбартон сделал мне предложение. Полагаю, я должна известить об этом и тетю, но я решила сначала поговорить с вами.

Старик не выразил удивления и поблагодарил племянницу за оказанное доверие.

— Могу я поинтересоваться, что ты ему ответила? — спросил он затем.

— Пока ничего. Я попросила время подумать, поскольку к такому предложению нужно отнестись с учтивостью. Но я не приму его.

Мистер Тачетт ничего на это не ответил. Старик считал, что каким бы ни было его мнение, вмешиваться он не вправе.

— Вот видишь, я не зря предсказывал, что ты будешь иметь здесь большой успех. Американцы теперь в цене.

— Действительно, — согласилась Изабель, — но цена мне не очень подходит. Я не могу выйти замуж за лорда Уорбартона.

— Конечно, в моем возрасте, — продолжал старик, — трудно смотреть на жизнь глазами юной

леди. Я рад, что ты пришла ко мне не за советом, а уже поделиться своим решением. Наверное, мне следует тоже признаться тебе, — добавил он таким тоном, словно его слова не имели никакого значения, — я знаю об этом уже три дня.

— О решении лорда Уорбартона?

— О его серьезных намерениях, как здесь принято выражаться. Он написал мне очень учтивое письмо и обо всем проинформировал меня. Хочешь прочитать? — любезно предложил старик.

— Благодарю. Я думаю, мне незачем его читать. Но я рада, что он написал вам. Это, я думаю, положено, а лорд всегда делает, как должно.

— А он, похоже, тебе нравится! — заявил мистер Тачетт. — Не делай вид, будто это не так.

— Он мне очень нравится. Я охотно признаюсь в этом. Просто… сейчас мне не хочется ни за кого замуж.

— Думаешь, сможешь встретить другого, который понравится тебе еще больше? Что ж, вполне вероятно, — произнес мистер Тачетт. Казалось, он хотел поддержать племянницу, подтвердив правильность ее решения и подобрав убедительные причины.

— Мне все равно, встречу я кого-нибудь или нет. Меня достаточно привлекает и лорд Уорбар-

тон, — сказала Изабелла, мгновенно напустив на себя такой вид, будто изменила точку зрения, — это часто пугало ее саму и неприятно удивляло собеседников.

Однако на дядю это никак не подействовало.

— Он превосходный человек, — произнес мистер Тачетт тоном, в котором сквозило явное ободрение. — Его письмо оказалось самым приятным из всех, которые я получил за последние несколько недель. Полагаю, одной из причин того, что оно мне понравилось, заключалось в том, что в нем речь шла о тебе — разумеется, если не считать тех строк, что он написал о себе самом. Но, наверное, лорд пересказал тебе свое письмо целиком?

— Он рассказал бы мне обо всем, о чем я захотела бы спросить, — произнесла Изабелла.

— Но ты не сочла нужным полюбопытствовать?

— Мое любопытство не имело бы никакого смысла, раз я решила отказать лорду.

— Ты не нашла его предложение достаточно привлекательным? — спросил мистер Тачетт.

Девушка на мгновение задумалась.

— Наверное, это так, — наконец призналась она. — Но я не знаю, почему.

— К счастью, девушки не обязаны объяснять причины, — заметил ее дядя. — А предложение все-таки заманчивое, хотя я не понимаю, почему англичане должны выманивать нас из нашей страны. Мы-то, конечно, пытаемся заманить их к себе, но это только потому, что наше население еще недостаточно многочисленно. А здесь, как ты видишь, довольно тесно. Но для очаровательных молодых девушек место всегда найдется.

— Да и для вас нашлось, — заметила Изабелла, переведя взгляд на великолепный вид за окном.

Мистер Тачетт многозначительно и лукаво улыбнулся.

— Здесь есть место для всех, моя дорогая, кто платит. Иногда мне кажется, я заплатил слишком много. Возможно, тебе тоже придется дорого заплатить.

— Возможно, — согласилась девушка.

Последнее замечание дяди дало больше пищи ее уму, чем ее собственные мысли, — он отнесся к ее дилемме мягко и понимающе, и это, как ей казалось, доказывало, что ее чувства — естественны и разумны, что она вовсе не стала жертвой заносчивости и непомерных амбиций — амбиций неопределенных и потому недостойных. Неопределенность не была связана с намерением

заключить союз с мистером Гудвудом — хотя девушка не хотела отвечать взаимностью своему надежному английскому поклоннику, желания поручить заботу о своей персоне молодому человеку из Бостона у нее тоже не было. Прочтя его письмо, наша героиня еще больше уверилась в своем решении — влияние Каспара Гудвуда на нее именно в том и заключалось, что он словно лишал ее крыльев. В манерах мистера Гудвуда было что-то неуемное, напористое и деспотичное. Порой Изабеллу преследовала мысль о том, — хотя ей всегда было все равно, что думают о ней другие, — понравятся ли мистеру Гудвину ее поступки. Ситуация усложнялась еще и тем, что, в отличие от большинства известных ей мужчин, в отличие от бедного (именно такой эпитет стала применять теперь к нему Изабелла) лорда Уорбартона, Каспар Гудвуд был (или казался) воплощением энергичности. Нравилось ей это или нет, но в нем чувствовалась огромная энергия — это ощущалось даже при непродолжительном общении с ним. Мысль об ограничении свободы сейчас, когда она отказала даже такому претенденту, как лорд Уорбартон, была особенно неприятна Изабелле, поскольку девушка была довольна своим столь твердым проявлением

независимости. Порой ей действительно казалось, что Каспар Гудвуд был ее судьбой, и это выглядело неоспоримым фактом; ей казалось, что, если даже и удастся на время ускользнуть от него, он возникнет снова, и уж тогда точно завладеет ею на выгодных для него условиях.

Изабелле совершенно не хотелось брать на себя никаких обязательств. Именно поэтому девушка столь охотно приняла приглашение тети, которое подоспело как раз в тот момент, когда она со дня на день ждала очередного появления мистера Гудвуда, — теперь у нее появился весьма убедительный ответ на вопрос, который молодой человек, несомненно, готовился задать ей. Когда Изабелла в день визита миссис Тачетт в Олбани сказала Каспару, что не готова обсуждать сложные вопросы, поскольку полностью поглощена мыслями о предстоящем путешествии в Европу, он отказался принять такой ответ и теперь пересек океан в надежде получить более благоприятный. Для молодой романтичной девушки простительно было воспринимать Каспара Гудвуда как посланца неотвратимого рока, но читатель имеет право потребовать более подробное описание ситуации.

Каспар Гудвуд был сыном известного владель-

ца фабрик по переработке хлопка в Массачусетсе, сколотившего на этом бизнесе значительное состояние. В описываемое нами время молодой человек руководил предприятием с недюжинной хваткой и умом, несмотря на серьезную конкуренцию и период вялого развития экономики, это позволяло удерживать производство от спадов. Большую и лучшую часть образования он получил в Гарварде, где, впрочем, приобрел больше известность как гимнаст и гребец, нежели как приверженец приобретения знаний. Позже Каспар понял свою ошибку и, оставаясь превосходным спортсменом, приобрел превосходные познания и в других областях. У него оказались отличные способности к техническим дисциплинам, и молодой человек в конце концов даже разработал улучшенный процесс хлопкопрядения, который теперь широко использовался и носил его имя, — вы могли даже видеть в связи с этим изобретением его имя в газетах. Каспар показал Изабелле статью в «Интервьюере» — ее писала, кстати сказать, вовсе не мисс Стэкпол, при всем своем сочувствии к его сердечным делам. У мистера Гудвуда был большой талант бизнесмена и руководителя — он превосходно умел заставить людей служить его целям и раз-

делять его точку зрения, то есть «управлять» людьми. Чтобы дать окончательную оценку его способностям, нужно упомянуть о непомерных амбициях мистера Гудвуда. Знакомые всегда считали его способным на нечто большее, чем управление фабрикой по переработке мягкого хлопка, — в самом молодом человеке не было ничего «мягкого», и друзья считали само собой разумеющимся, что он не будет заниматься этим бизнесом вечно. Однажды Каспар сказал Изабелле, что если бы Соединенные Штаты не были столь миролюбивой страной, он нашел бы свое место в армии. Молодой человек искренне жалел, что Гражданская война закончилась как раз тогда, когда он достаточно повзрослел, чтобы надеть погоны. Каспар был уверен — случись сейчас нечто подобное, в нем обязательно бы проявился талант военачальника. Изабелле приятно было верить в его командирские способности, и она сказала тогда, что ради него не стала бы даже возражать против войны. Это заявление встало в ряд с тремя-четырьмя наиболее обнадеживающими фразами, которые Каспару удалось вытянуть из девушки, и ценность его нисколько не упала после высказанного потом ею по поводу столь бессердечных слов сожаления,

поскольку она не стала ставить об этом молодого человека в известность. Так или иначе, но Изабелле нравилось представлять мистера Гудвуда командиром. Другие черты характера молодого человека нравились ей гораздо меньше. Фабрики по переработке хлопка ее нисколько не интересовали, а «патент на изобретение» Гудвуда оставил ее и вовсе совершенно равнодушной. Изабелла ценила в Каспаре мужественность, но при этом считала, что было бы лучше, если бы он выглядел немного по-иному. Слишком тяжелый квадратный подбородок и прямая, словно «деревянная», осанка позволяли сделать предположение о прекрасной приспособляемости молодого человека к любой жизненной ситуации и неспособности тонко чувствовать. Изабеллу также раздражала его привычка всегда одеваться одинаково. Не то чтобы казалось, что Каспар постоянно носил один и тот же костюм, — наоборот, его наряды выглядели даже как-то слишком новыми; но все они, казалось, были пошиты по одному образцу, по одной выкройке. Изабелла не раз укоряла себя — глупо было придираться по пустякам к столь значительному человеку. Впрочем, она понимала, что, если бы она была влюблена в него, эти придирки мало чего бы стоили. А поскольку ника-

кой любви с ее стороны не было, она не могла не критиковать его недостатки — как малые, так и крупные. В число последних входила постоянная и чрезмерная серьезность. Впрочем, скорее не сама серьезность — это свойство само по себе не может быть чрезмерным, — а способы ее проявления. Каспар был слишком прост и безыскусен — когда кто-то оставался с ним наедине, молодой человек чересчур много говорил на одну и ту же тему, а на людях замыкался в себе и стремился отмалчиваться. И все же мистер Гудвуд был самым значительным из всех, кого когда-либо знавала Изабелла, а в глубине души она считала его и самым умным. Это было довольно странно; девушке и самой не нравилась противоречивость собственных впечатлений. Каспар Гудвуд никогда не соответствовал ее представлению о восхитительной личности и именно поэтому не годился для Изабеллы. Однако теперь, когда лорд Уорбартон, который не только соответствовал этому представлению, а даже превосходил его, попытался заслужить ее расположение, она тоже не чувствовала удовлетворения. И это поистине было странно.

Осознание собственной непоследовательности, однако, отнюдь не помогло Изабелле сочинить

ответ мистеру Гудвуду, и она решила пока не удостаивать его ответом. Раз он решил преследовать ее, так ему и надо — должен же он понимать, что Изабелла не одобрит его появление в Гарденкорте. Девушка уже подверглась атаке одного поклонника, и, хотя не было ничего неприятного в том, чтобы оказаться в центре внимания сразу двух мужчин, ей не нравилась перспектива «разбираться» с двумя влюбленными одновременно, даже если это «развлечение» состояло в отказе обоим. Изабелла не стала отвечать мистеру Гудвуду, но через три дня написала лорду Уорбартону, и это послание неотделимо от нашей истории.

«Уважаемый лорд Уорбартон, долгие размышления не заставили меня изменить мнение по поводу Вашего предложения, которое Вы столь любезно сделали мне несколько дней назад. Я не могу представить Вас своим мужем и не могу представить Ваш дом — любой из Ваших многочисленных домов — своим. Обсуждать это бессмысленно, и я убедительно прошу Вас больше не возвращаться к этой мучительной для меня теме. Каждый из нас смотрит на жизнь со своей точки зрения — это привилегия даже самых слабых и робких. Я никогда не смогу посмотреть на нее с Вашей. Надеюсь, такое объяснение удовле-

творит Вас. Прошу Вас поверить, что я с должным уважением отнеслась к Вашему предложению.

С этим же чувством уважения,
искренне Ваша,

Изабелла Арчер».

Пока автор этого послания раздумывала над тем, каким образом лучше отправить его адресату, мисс Стэкпол без колебаний приняла очередное решение. В связи с этим она пригласила Ральфа Тачетта на прогулку по саду и, когда молодой человек, как обычно, с благожелательной готовностью согласился, сообщила, что намерена переговорить с ним по важному делу. Могу сообщить читателю по секрету, что при этих словах Ральф — поскольку он успел уже достаточно постигнуть характер молодой дамы, которая, как ему казалось, была способна добиваться своей цели любой ценой, — вздрогнул. Он сделал это невольно — ему же пока не пришлось, собственно, измерить размеры и границы ее нескромных притязаний, — и он поспешно выразил любезное желание быть ей полезным, не преминув, впрочем, сообщить, что побаивается ее.

— Когда вы так на меня смотрите, у меня начинают дрожать колени и все силы покидают меня.

Я трепещу и молю только о том, чтобы найти силы выполнить ваши команды. Подобный взгляд я не видел ни у одной женщины.

— Ну-ну, — добродушно улыбнулась Генриетта. — Если бы я не подозревала раньше, что вы всегда подтруниваете надо мной, то сейчас бы поняла точно. Конечно, надо мной легко шутить — я выросла совершенно в другой обстановке и воспитана в других понятиях и привычках. В Америке со мной никогда не говорили в таком вольном тоне, как вы. Если джентльмен там вступает со мной в беседу, мне не нужно задумываться, что скрыто за его словами. Наши люди естественнее и проще. Я, признаться, и сама очень проста. Конечно, если вам доставляет удовольствие потешаться надо мной, ради бога — я все равно предпочту быть самой собой, а не вами. Я вполне довольна тем, какая я есть, и мне ни к чему меняться. И очень многим я именно такой и нравлюсь. Правда, это все мои простодушные соотечественники-американцы! Очень многие люди воспринимают меня такой, какая я есть, и это исключительно американцы! — В последнее время Генриетта изъяснялась тоном, в котором слышалась беспомощная невинность и слабость. — Так вот, я прошу вас помочь мне

— мне все равно, станете вы смеяться надо мной или нет. Я согласна забавлять вас, раз вам так это нравится. Я хочу, чтобы вы помогли мне в деле, которое касается Изабеллы.

— Неужели она причинила вам какой-нибудь вред? — спросил Ральф.

— Если бы это было так, вряд ли я стала бы ставить вас в известность. Я боюсь, как бы она не причинила вред себе.

— Думаю, ваши опасения имеют под собой основания, — согласился Ральф.

Его спутница остановилась, бросив на молодого человека именно тот взгляд, от которого у того дрожали колени.

— Полагаю, это тоже бы развлекло вас, судя по вашему тону. В жизни не встречала такого равнодушия!

— Равнодушия к Изабелле? Никогда в жизни.

— Надеюсь, вы не влюблены в нее?

— Как это может быть, когда я влюблен в другую?

— Вы любите самого себя, вот кто на самом деле эта «другая»! — заявила мисс Стэкпол. — Только вряд ли в этом есть какой-нибудь прок. Но если вы способны попытаться быть серьезным хотя бы раз в жизни, сейчас у вас есть шанс. И если вас

действительно тревожит судьба кузины, вот вам возможность доказать это. Я не рассчитываю, что вы ее поймете, — от вас нельзя желать слишком многого. Но вам незачем стараться делать это, чтобы заслужить мое расположение. Я вам все растолкую.

— Как это прекрасно! — воскликнул Ральф. — Я буду Калибаном[16], а вы Ариэлем[17].

— Какой из вас Калибан — с вашим мудреным способом выражаться! Он был прост! И при чем тут вымышленные персонажи? Я говорю об Изабелле, а она совершенно реальна. Хочу сказать вам, что я нашла ее сильно изменившейся.

— С тех пор как вы приехали?

— С тех пор как я приехала и еще раньше. Она совсем не та, что прежде.

— Не та, что была в Америке?

— Да, в Америке. Полагаю, вы знаете, откуда она родом — с этим ничего нельзя поделать.

— Вы хотите сделать так, чтобы она стала прежней?

— Конечно. И вы должны мне помочь в этом.

---

[16] Примечания: 16

Калибан — персонаж из «Бури» В. Шекспира, злой дух, олицетворяющий злое начало в человеке.

[17] Примечания: 17

Ариэль — там же, добрый дух.

— О! — воскликнул Ральф. — Я только Калибан, а не Просперо[18].

— В вас было достаточно от Просперо, чтобы сделать кузину такой, какой она стала. Вы влияли на Изабеллу Арчер с тех пор, как она приехала сюда, мистер Тачетт.

— Что вы, дорогая мисс Стэкпол! Никогда в жизни. Это Изабелла Арчер влияла на меня… Да, она на всех повлияла. А я — я был абсолютно пассивен.

— Что ж, в таком случае вы слишком пассивны. Не мешало бы проснуться и глядеть в оба. Изабелла меняется с каждым днем, она отдаляется, уплывает… прямо в открытое море. Я все время наблюдаю за ней и все вижу. В ней уже ничего не сталось от жизнелюбивой американки, которой она была. Она перенимает новые точки зрения и отказывается от своих бывших идеалов. Надо спасти эти идеалы, мистер Тачетт, и вот тут-то вы и должны выйти на сцену.

— Но не в качестве идеала, надеюсь?

— Надеюсь, нет, — ответила Генриетта. — Я подозреваю, что Изабелла собирается замуж за кого-нибудь из этих кошмарных европейцев. Я

---

[18] Примечания: 18

Просперо — там же, мудрец, владеющий тайнами белой магии. Пробуждал в людях добро, превращал злых людей в добрых.

должна предотвратить это.

— А, понимаю — воскликнул Ральф. — И с целью помешать этому вы хотите, чтобы я вышел на сцену и женился на ней?

— Нет, нет. Подобное лекарство будет столь же ужасным, как и сама болезнь, поскольку вы такой же типичный европеец, как те, от которых я хочу спасти подругу. Нет, я хочу, чтобы вы поддержали мой интерес к другому лицу — к молодому человеку, которому она однажды дала большую надежду, и который теперь кажется ей неподходящей партией. Он благороднейший человек, мой очень хороший друг, и мне хотелось бы, чтобы вы пригласили его в гости.

Ральф был сильно озадачен подобной просьбой — возможно то, что он не поверил в чистоту помыслов Генриетты, свидетельствовало о некоторой неискренности его собственных. Он заподозрил — и в этом была, разумеется, только его вина — какой-то подвох; ему показалось невозможным, чтобы подобная просьба могла быть совершенно чистосердечной. Молодая женщина требовала, чтобы некий джентльмен, которого она называла своим ближайшим другом, получил возможность добиваться благосклонности другой женщины, не связанной никакими уза-

ми и намного красивее ее самой, — подобная аномалия прямо-таки взывала к недюжинным способностям Ральфа как мастера читать между строк. Предположить, будто мисс Стэкпол хочет, чтобы джентльмен получил приглашение в Гарденкорт ради себя самой, было бы признаком того, что ум Ральфа даже не столь вульгарен, сколь зауряден — пусть даже тому способствовали смягчающие обстоятельства. Но от проявления подобной заурядности Ральф был спасен силой, которую нельзя определить иначе как вдохновение. Не располагая никакими конкретными доказательствами, молодой человек внезапно понял, что было бы совершенно несправедливо приписывать поступкам Генриетты неблаговидные мотивы. Это убеждение внезапно озарило его мозг — возможно, этому способствовало чистое сияние невозмутимого взгляда американской дамы. Ральф несколько секунд пристально смотрел ей в глаза, борясь с желанием прищуриться, как щурится каждый человек, глядя на мощный источник света.

— Кто этот джентльмен, о котором вы говорите?

— Мистер Каспар Гудвуд из Бостона. Он всегда оказывал Изабелле очень большое внимание…

предан ей всей душой. Он приехал сюда вслед за ней и сейчас остановился в Лондоне. Я не знаю его адреса, но, думаю, смогу узнать его.

— Никогда о нем не слышал, — сказал Ральф.

— А почему вы должны были о нем слышать? Он о вас наверняка тоже не слышал, но это не причина, по которой Изабелла не должна выходить за него.

Ральф улыбнулся.

— Да у вас просто страсть женить людей! Помните, как вы на днях убеждали жениться меня?

— Я оставила эту мысль. Вы пока не прониклись подобными идеями. А мистер Гудвуд способен воспринимать советы — именно поэтому он мне нравится. Он отличный человек и настоящий джентльмен. Изабелла это знает.

— Она испытывает к нему нежные чувства?

— Если нет, то нужно этого добиться. Он просто бредит ею.

— И вы хотите, чтобы я пригласил его сюда, — задумчиво произнес Ральф.

— Это был бы акт подлинного радушия.

— Гудвуд[19]... — размышлял Ральф. — Замечательная фамилия.

---

[19] Примечания: 19

Гудвуд (Goodwood — *англ.*) означает «хорошее (доброе) дерево».

— Меня не интересует его фамилия. Если бы он был Иезекилем Дженкинсом, я сказала бы то же самое. Это единственный человек, которого я считаю достойным Изабеллы.

— Вы необыкновенно преданный друг, — заметил Ральф.

— Конечно. Если вы сказали это, чтобы посмеяться надо мной, мне все равно.

— Я сказал это вовсе не для того, чтобы посмеяться над вами. Я просто потрясен.

— Вы насмехаетесь еще больше, чем обычно. Но я не советую вам смеяться над мистером Гудвудом.

— Уверяю вас, я абсолютно серьезен. Вы должны мне поверить, — сказал Ральф.

Его собеседница сдалась.

— Я верю вам. Теперь я вижу — вы даже слишком серьезны.

— Вам не угодишь.

— О, вы действительно слишком серьезно все это восприняли. Боюсь, вы не пригласите мистера Гудвуда.

— Не знаю, — ответил Ральф. — Я способен на странные поступки. Расскажите мне немного про этого мистера Гудвуда. Каков он?

— Полная противоположность вам. Руководит

прекрасной фабрикой по переработке хлопка.

— Приятные ли у него манеры? — поинтересовался Ральф.

— Он прекрасно воспитан — в американских традициях.

— Легко ли он войдет в наш маленький круг?

— Не думаю, что ему есть дело до нашего маленького круга. Он сконцентрирует внимание на Изабелле.

— А понравится ли это кузине?

— Вполне вероятно, что совсем не понравится. Но это будет для нее полезно. Ее мысли вернутся в прежнее русло.

— Вернутся… откуда?

— Из дальних стран и других чуждых ей мест. Три месяца назад Изабелла давала мистеру Гудвуду множество поводов надеяться на взаимность, и с ее стороны недостойно поворачиваться спиной к настоящему другу только потому, что она переехала на другой континент. Я тоже переехала, но от этого мои старые привязанности стали мне только дороже. Мое глубокое убеждение — чем скорее Изабелла станет прежней, тем лучше. Я достаточно хорошо знаю ее, чтобы понимать, что она никогда не будет здесь по-настоящему счастливой. Я хотела бы, чтобы она укрепила свою

связь с Америкой — это стало бы ей защитой.

— А вы не торопитесь? — поинтересовался Ральф. — Вы не думаете, что должны дать ей возможность поискать счастья в доброй старой Англии?

— Возможность разрушить свою прекрасную молодую жизнь? В деле спасения утопающего нет понятия «торопиться»!

— Значит, как я понял, — сказал Ральф, — вы хотели бы, чтобы я бросил ей за борт мистера Гудвуда в качестве спасательного круга. А вы знаете, что при мне она даже ни разу не упомянула его имени?

Генриетта Стэкпол просияла.

— Я восхищена! Это только доказывает, как много Изабелла о нем думает.

Казалось, Ральф признал, что в этом был определенный смысл, и погрузился в раздумья, в то время как собеседница «пожирала» его вопросительным взглядом.

— Боюсь, что если я приглашу мистера Гудвуда, — произнес он, — между нами будут постоянные ссоры.

— Это совершенно ни к чему. Он прекраснейший человек.

— Определенно, вы сделали все, чтобы я его

возненавидел! Не думаю, что я могу пригласить его сюда. Боюсь, я буду неучтив с ним.

— Как вам угодно, — сказала Генриетта. — Я понятия не имела, что вы тоже влюблены в нее.

— Вы и вправду так думаете? — спросил молодой человек, подняв брови.

— Конечно — вы ведь впервые даже заговорили человеческим языком! Разумеется, я так думаю, — весело ответила Генриетта.

— Хорошо, — произнес Ральф, — чтобы доказать вам обратное, я приглашу его. Конечно, ради вас.

— Он приедет не ради меня. А пригласите вы его для того, чтобы себе доказать, что вы не влюблены в нее. Не мне.

Последние слова мисс Стэкпол (после которых собеседники расстались) содержали долю правды, которую Ральф Тачетт был вынужден признать. Несмотря на то что молодой человек считал более неразумным сдержать свое слово, чем не сдержать, он все же написал мистеру Гудвуду письмо в шесть строчек, выразив удовольствие, которое тот мог доставить мистеру Тачетту-старшему, присоединившись к их маленькой компании в Гарденкорте, украшенной присутствием мисс Стэкпол. Отправив свое посла-

ние на адрес банкира, подсказанный Генриеттой, он стал в некотором беспокойстве ждать. Ральф услышал имя Каспара Гудвуда действительно впервые, но знал о его существовании: мать сразу после приезда упомянула о некоем «воздыхателе» Изабеллы. Вся эта история показалась Ральфу не очень реальной, и он не стал утруждать себя и задавать вопросы, ответы на которые могли только внести дальнейшую неясность или оказаться просто неприятными. И вот теперь этот воздыхатель Изабеллы обрел плоть и кровь, приняв облик молодого человека, который приехал в Лондон вслед за ней, который управлял фабрикой по переработке хлопка и обладал манерами в американском стиле. Ральф имел в отношении его две теории. Или его страсть являлась сентиментальной выдумкой мисс Стэкпол (между особами женского пола всегда существовало молчаливое соглашение, рожденное женской солидарностью, придумывать друг для друга поклонников), и в этом случае мистера Гудвуда не стоило опасаться, поскольку он вряд ли примет приглашение. Если же молодой человек решит приехать, тогда он выкажет себя личностью слишком неразумной, чтобы принимать его всерьез. Последнее соображение Ральфа могло показаться несколько

нелогичным, но оно было вызвано убеждением, что если мистера Гудвуда так серьезно интересовала Изабелла, как утверждала мисс Стэкпол, то он не стал бы стремиться приехать в Гарденкорт по вызову Генриетты.

«Если верно второе предположение, — сказал себе Ральф, — то Генриетта для него как бельмо на глазу — он же имеет представление о тактичности этой дамы».

Два дня спустя Ральф получил короткую записку от мистера Гудвуда, в которой с благодарностью и сожалениями сообщалось, что множество дел не позволяет ему нанести визит в Гарденкорт, и расточались множественные комплименты мисс Стэкпол. Ральф протянул записку Генриетте, которая, прочитав, воскликнула:

— Никогда не читала ничего более чопорного!

— Боюсь, он не так уж интересуется кузиной, как вы предполагаете, — заметил Ральф.

— Не в этом дело. Причины гораздо глубже. Он — глубокая натура. Но я намерена узнать все до конца и напишу ему, чтобы узнать, что это значит.

Отказ незнакомца слегка взволновал Ральфа. С того момента, как тот отклонил приглашение в Гарденкорт, он почему-то приобрел в глазах

Ральфа гораздо большее значение. Ральф спрашивал себя, какая, собственно, ему разница, к какому стану — «сорвиголов» или «увальней»[20] — относится тот или другой поклонник кузины? Он же не соперник им — пусть творят все, на что способны, ему-то что. Тем не менее Ральфу было любопытно, выяснит ли мисс Стэкпол причины непреклонности мистера Гудвуда. Впрочем, любопытство его так и осталось неудовлетворенным — когда три дня спустя он поинтересовался у мисс Стэкпол, написала ли она в Лондон, та была вынуждена признаться, что не получила никакого ответа. Мистер Гудвуд не счел нужным откликнуться.

— Полагаю, Каспар размышляет, — сказала она. — Он всегда все обдумывает, импульсивность ему несвойственна. Я-то привыкла получать ответы на свои письма в тот же день.

Было это продиктовано ее расследованиями или же еще какими-то далеко идущими планами, останется неизвестным, но в конце концов Генриетта предложила Изабелле съездить в Лондон.

— Сказать по правде, я не очень-то много повидала здесь. Ты, мне кажется, тоже. Я даже не

---

[20] Примечания: 20
Противоборствующие станы в романе В.Скотта «Айвенго».

познакомилась с этим аристократом… Как там его? Лорд Уорбартон? Похоже, он не стремится составить тебе компанию.

— Я случайно узнала, что он приезжает завтра, — ответила Изабелла, которая получила от хозяина Локли ответ на свое письмо. — Ты получишь превосходную возможность допросить его.

— Что ж, это сгодится для одного материала, но что такое одна заметка, когда ты хочешь написать пятьдесят? Я уже расписала эти окрестности и устала восторгаться всеми этими престарелыми дамами и осликами. Можешь говорить что хочешь, но из ландшафтов ничего толкового не выжмешь. Я должна поехать в Лондон, где жизнь кипит и можно получить массу впечатлений. Я пробыла там всего три дня, а этого очень мало.

Поскольку Изабелла по пути из Нью-Йорка в Гарденкорт видела этот мегаполис еще меньше, предложение Генриетты ей очень понравилось. Идея увеселительной прогулки в Лондон показалась ей чудесной. Девушка очень хотела посмотреть город, о котором столько грезила. Подруги обсудили совместные планы и сошлись по многим вопросам. Они остановятся в какой-нибудь живописной гостинице — одной из тех, которые описывал Диккенс, — и отправятся в

поездку по городу на одном из этих восхитительных двухколесных экипажей. Генриетта имела отношение к «пишущей братии», а это давало возможность ездить куда угодно и делать, что заблагорассудится. Они пообедают в кофейне, затем отправятся в театр, посетят Вестминстерское аббатство, Британский музей, выяснят, где жили доктор Джонсон[21], Голдсмит[22] и Аддисон[23]. Изабель сильно разволновалась и наконец рассказала о своих намерениях Ральфу, который расхохотался. Смех кузена не понравился девушке.

— Восхитительный план, — сказал молодой человек. — Советую вам также остановиться в «Тэвисток-отеле» в Ковент-Гардене, непритязательном, старомодном местечке, и мне придется замолвить за вас словечко — записать в свой клуб.

— Вы хотите сказать, наш план не годится? — спросила Изабелла. — В чем здесь нарушение

---

[21] Примечания: 21

Джонсон Сэмюэль (1709–1784) — английский писатель и критик.

[22] Примечания: 22

Голдсмит Оливер (1726–1774) — английский поэт, публицист, драматург и романист.

[23] Примечания: 23

Аддисон Джозеф (1672–1719) — английский эссеист и драматург.

приличий? С Генриеттой мне ничего не страшно. Она объездила весь Американский континент, и уж с вашим островом справится.

— О, в таком случае, — попросил Ральф, — позвольте и мне присоединиться к вам и поехать в Лондон под ее защитой. Когда еще представится шанс путешествовать в полной безопасности!

Глава 14

Мисс Стэкпол стала бы готовиться к отъезду в Лондон немедленно, но Изабелла, получившая известие от лорда Уорбартона о том, что он собирается посетить Гарденкорт, сочла своей обязанностью остаться и встретиться с ним. Несколько дней он не отвечал на ее письмо, потом написал очень коротко, что через два дня приедет на ланч. Для Изабеллы в этих промедлениях и отсрочках было что-то трогательное. Он старался быть сдержанным и терпеливым, лишь бы у нее не возникло ощущения, что он давит на нее, — а ведь она чувствовала, что он увлекся ею не на шутку. Изабелла поставила своего дядю в известность, что написала лорду Уорбартону, и упомянула о том, что он посетит Гарденкорт, — и старый джентльмен покинул свои апартаменты раньше обычного, спустившись к ланчу. Это ни в коем случае не свидетельствовало о его намерении приглядывать за племянницей. Наоборот, мистер Тачетт таким образом намеревался помочь «сгладить» временное отсутствие гостя за столом в случае, если Изабелла посчитает

необходимым удалиться с лордом Уорбартоном для переговоров. Тот, в свою очередь, приехал из Локли вместе со своей старшей сестрой — мера, очевидно, продиктованная теми же причинами, что и поведение мистера Тачетта. Гости были представлены мисс Стэкпол, занимавшей за столом место рядом с лордом. Изабелла нервничала — ей вовсе не хотелось опять обсуждать тот вопрос, который лорд поднял так решительно; и в то же время девушка не могла удержаться от восхищения самообладанием, которое тщательно скрывало бушующие, как предполагала Изабель, в его душе чувства. Лорд не смотрел в ее сторону, не разговаривал с ней, и единственным признаком его эмоций было только то, что он избегал встречаться с ней взглядом; однако лорд Уорбартон много беседовал с остальными и ел с хорошим аппетитом. Мисс Молинью — лоб у нее был высокий и чистый, как у монахини, и с шеи свисал большой серебряный крест — была очень увлечена разговором с мисс Стэкпол, глядя на нее так, будто жадное любопытство боролось в душе достойной дамы с чувством отчужденности. Из двух сестер лорда, живших в Локли, эта нравилась Изабелле больше — в ее характере чувствовалось отточенное спокой-

ствие, веками передававшееся по наследству. К тому же девушка была уверена, что гладкий лоб и серебряный крест имели таинственный романтический смысл: например, значили, что мисс Молинью являлась членом религиозной сестринской общины той ветви англиканской церкви, которая тяготела к католицизму и давала какие-то красивые обеты. Изабелла подумала, что бы гостья сказала, если бы узнала, что мисс Арчер отказала ее брату, — она была уверена, что мисс Молинью ни о чем не догадывалась. Лорд Уорбартон никогда не рассказывал ей о подобных вещах — он очень нежно относился к сестре, но мало разговаривал с ней… Такова была теория, выстроенная Изабеллой, — обычно, если она не участвовала в общей беседе, она разрабатывала теории относительно соседей по столу. Согласно ее теории, если бы мисс Молинью вдруг узнала о том, что произошло между мисс Арчер и лордом Уорбартоном, то, вероятно, была бы шокирована равнодушием девушки к такому предложению или, скорее всего (на этом и решила остановиться Изабелла), она почувствовала удовлетворение от того, что у этой юной американки вполне разумные представления о невозможности столь неравного брака.

Но как бы ни распорядилась Изабелла внезапно возникшими перед ней возможностями, мисс Стэкпол совершенно не собиралась упускать свои.

— Знаете, вы первый лорд, которого я встречаю в жизни, — торжественно заявила она своему соседу по столу. — И вы, конечно, считаете это верхом невежества.

— Ничего подобного. Просто вы избежали неприятности увидеть достаточное количество уродливых мужчин, — отвечал лорд Уорбартон, рассеянно оглядывая стол и улыбаясь.

— Уродливых? В Америке нам твердят, что английские лорды все сплошь восхитительные красавцы и носят чудесные мантии и короны.

— О, мантии и короны вышли из моды, — сказал лорд Уорбартон, — так же, как ваши томагавки и револьверы.

— Очень жаль. Я считала, что аристократия должна купаться в роскоши, — заявила Генриетта. — Если нет роскоши, то что она может собой представлять?

— Даже в лучших случаях ничего особенного, — ответил лорд Уорбартон. — Могу я предложить вам картофель?

— Мне европейский картофель не нравится. Кстати, я не сказала бы, что вы чем-то отличае-

тесь от обычного американского джентльмена.

— Сделайте милость, обращайтесь со мной так, как если бы я и впрямь был таковым, — отозвался лорд Уорбартон. — Не понимаю, как вы обходитесь здесь без картофеля. Осмелюсь предположить, что вам вообще здесь мало что по вкусу.

Генриетта несколько секунд молчала. У нее закралось подозрение, что собеседник говорил с ней не очень серьезно.

— С тех пор, как я здесь, у меня вообще пропал аппетит, — продолжила она наконец, — поэтому для меня не имеет особого значения, что я ем. Я, знаете ли, должна сказать вам нечто серьезное. Я не одобряю вас.

— Не одобряете меня?

— Да, не думаю, чтобы вам приходилось слышать такие вещи раньше, не так ли? Я не одобряю лордов как социальный институт. Мне кажется, история давно уже оставила его позади.

— Совершенно с вами согласен. И даже более — я и сам себя не одобряю. Иногда мне приходит в голову… как бы я не любил себя, если бы я был не я. Кстати, это даже и неплохо — во всяком случае, исцеляет от тщеславия.

— Тогда почему бы вам не бросить все это? —

резко спросила мисс Стэкпол.

— Бросить… э-э-э… что? — переспросил лорд Уорбартон, ответив на грубоватые интонации американки весьма сладким тоном.

— Почему бы вам не отказаться от титула лорда?

— О, я так мало соответствую этому понятию! Все давно забыли бы об этом, если бы вы, несносные американцы, постоянно не напоминали об этом. Однако я подумываю о том, чтобы отказаться и от той малости, что еще осталась.

— Хотелось бы мне посмотреть, как вы сделаете это, — отозвалась Генриетта весьма сурово.

— Я приглашу вас на торжественный обряд. Мы поужинаем и устроим танцы.

— Отлично, — сказала мисс Стэкпол. — Я люблю рассматривать явления со всех сторон. Я не одобряю привилегированные классы, но мне любопытно, что они могут сказать в свое оправдание.

— Как видите, очень немного!

— Мне хотелось бы вызвать вас на откровенный разговор, — продолжала Генриетта, — но вы все время увиливаете и боитесь встретиться со мной взглядом. Я вижу, как вы хотите избавиться от меня.

— Нет, я просто ищу глазами презренный картофель.

— Тогда, пожалуйста, расскажите мне об этой молодой леди — вашей сестре. Она тоже носит титул?

— Она прекраснейшая девушка.

— Мне не понравилось, как вы это сказали… словно хотели сменить тему разговора. Ее положение в обществе ниже вашего?

— Ни у нее, ни у меня нет никакого особенного положения. У нас нет никаких позиций, которые стоило бы обсуждать. Но она состоятельнее меня, потому что у нее нет моих расходов.

— Да, по ней видно, что ей не о чем беспокоиться. Хотела бы я иметь столь же мало волнений. Не знаю, как насчет всего прочего, но спокойствия вам обоим не занимать.

— О, перед вами те, кто в целом легко относится к жизни, — ответил лорд Уорбартон. — К тому же, как вы знаете, мы очень скучны. На редкость скучны, особенно если захотим!

— Я посоветовала бы вам хотеть чего-нибудь другого. Не знаю, о чем бы я могла поговорить с вашей сестрой: выглядит столь необычной. Серебряный крест — это символ?

— Символ?

— Признак сословия?

Взгляд лорда Уорбартона, до сих пор блуждающий вокруг, остановился и скрестился со взглядом собеседницы.

— О да, — ответил лорд, слегка помедлив. — Женщины увлекаются такими вещами. Серебряный крест носят старшие дочери виконтов.

Эта выдумка была его небольшой местью за то, как легко пользовались его доверчивостью в Америке.

После ланча лорд предложил Изабелле пройти в галерею и взглянуть на картины. Ничего не сказав по поводу столь неудачного предлога, — девушка знала, что он осматривал их по меньшей мере раз двадцать, — она согласилась. На душе у нее было очень легко — отправив лорду письмо, Изабелла почувствовала, как к ней вернулась былая безмятежность.

Он медленно прошел галерею из конца в конец, глядя на картины и не произнося ни слова. Затем вдруг прервал молчание:

— Я надеялся, вы напишете мне нечто другое.

— Это был единственно возможный ответ, лорд Уорбартон, — отозвалась девушка. — Постарайтесь поверить мне.

— Если бы я мог поверить вам, то, конечно,

оставил бы вас в покое. Но невозможно заставить себя поверить. Признаюсь, я не понимаю. Я мог бы понять вашу антипатию ко мне… да, думаю, я понял бы. Но вы же признаете, что…

— Что? — перебила его Изабелла и слегка покраснела.

— Что вы считаете меня хорошим человеком, разве не так?

Изабелла промолчала, и лорд продолжил:

— Вы не можете привести никаких причин для отказа, и это рождает во мне ощущение несправедливости.

— У меня есть причина, лорд Уорбартон, — ответила девушка таким тоном, что сердце ее собеседника сжалось.

— Так назовите ее.

— Когда-нибудь — при более подходящих обстоятельствах — я расскажу вам.

— Извините, но пока что я отказываюсь верить в то, что она существует.

— И делаете меня очень несчастной, — отозвалась Изабелла.

— Очень хорошо; может быть, это поможет вам понять, что испытываю я сам. Так вы ответите на мой вопрос?

Изабелла промолчала, но лорд, очевидно, заме-

тил в ее глазах что-то, что ободрило его.

— Вы решили предпочесть мне кого-то другого?

— Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос.

— Значит, так и есть! — с горечью пробормотал ее поклонник.

Эта горечь тронула Изабеллу.

— Вы ошибаетесь! Я никого не люблю, — сказала она.

Забыв о приличиях, лорд опустился на скамью, сжав зубы, как человек, которого постигло несчастье, и, опершись локтями о колени, уставился взглядом в пол.

— Я даже не могу радоваться этому, — произнес наконец лорд, откинувшись назад и прислонившись спиной к стене, — ведь это бы все объясняло.

Изабелла резко подняла брови.

— Неужели я должна оправдываться?

Однако лорд не обратил внимания на ее слова. Ему в голову пришла другая мысль.

— Это все мои политические взгляды! Вы думаете, они слишком крайние?

— Я не могу возражать против ваших политических взглядов, лорд Уорбартон, — сказала девушка, — поскольку недостаточно знаю их.

— Они вам безразличны! — воскликнул ее поклонник, поднимаясь. — Вам все равно.

Изабелла прошла в противоположный конец галереи и остановилась там. Лорд смотрел на ее красивую спину, легкую стройную фигурку, длинную белую шею и густые темные локоны. Она остановилась перед небольшой картиной и стояла так, словно внимательно рассматривала ее. В движениях ее было столько молодости и грации, что лорд Уорбартон невольно любовался ею. Однако на самом деле Изабелла ничего не видела — глаза ее заволокло слезами. Но, когда лорд направился к ней, она успела смахнуть их. Она повернулась к нему — лицо ее было бледным, странное выражение застыло на нем.

— Причина, о которой мне не хотелось бы говорить вам… — произнесла Изабелла, — извольте, я назову вам ее, если вы так этого хотите. Она заключается в том, что я не могу изменить своей судьбе.

— Вашей судьбе?

— Если бы я вышла за вас замуж, мне пришлось бы изменить ей.

— Не понимаю. А почему брак со мной не может быть вашей судьбой?

— Потому что это не моя судьба, — чисто

по-женски объяснила Изабелла. — Я знаю. Отказаться от себя самой, пожертвовать этим… это не моя судьба… не может быть ею.

Бедный лорд Уорбартон буквально уставился на девушку — в его глазах застыло изумление.

— Вы считаете, выйти за меня замуж означает пожертвовать собой?

— Не в тривиальном смысле. Я получила бы неизмеримо много… Но мне пришлось бы отказаться от других возможностей.

— От других возможностей? — переспросил еще более озадаченный лорд Уорбартон.

— Я не имею в виду возможность лучшего замужества, — сказала Изабелла и снова покраснела. Затем она нахмурилась и умолкла, словно отказавшись от дальнейших попыток объяснить свои слова.

— Не думаю, что будет самонадеянным с моей стороны заметить, что вы выиграли бы больше, чем потеряли, — заметил лорд.

— Я не желаю избегать превратностей судьбы, — сказала Изабелла. — А выйдя за вас — я как раз именно это и сделаю.

— Да уж — это так и есть. Я должен это откровенно признать! — с нервным смехом воскликнул лорд Уорбартон.

— Я не должна… я не могу! — вскричала девушка.

— Вы так мечтаете страдать? Но зачем же причинять страдания мне? Каким бы очаровательным ни казалось вам положение несчастной, позвольте мне не разделять вашего мнения на этот счет.

— Мне вовсе не нравится быть несчастной, — возразила Изабелла. — Я всегда отчаянно старалась быть счастливой и всегда надеялась, что так и будет. Я не раз высказывала эту мысль — спросите кого угодно. Но мне все чаще кажется, что я не найду счастья, если буду искать его обычным путем — отгородившись…

— Отгородившись от чего?

— От жизни. От обычных ее возможностей и опасностей, от того, что знает и через что проходит большинство людей.

Лорд Уорбартон улыбнулся — это означало, что он обрел надежду.

— Моя дорогая мисс Арчер, — пылко начал он, — я не предлагаю вам укрыться от жизни или каких-либо ее возможностей и опасностей. Я бы с удовольствием сделал это для вас, но тут от меня ничего не зависит! Боже, за кого вы меня принимаете? Я же не китайский император! Все,

что я вам предлагаю, — разделить со мной удел приятной комфортной жизни. Общий удел, ничего иного! Заключите со мной союз, и, обещаю вам, — вы испытаете все, что захотите. Вам ничем не придется жертвовать — даже вашей дружбой с мисс Стэкпол.

— Вот уж кто не одобрит нашего союза, — сказала Изабелла, пытаясь улыбнуться и сменить тему разговора — и одновременно презирая себя за подобное малодушие.

— Мисс Стэкпол? — с досадой спросил лорд Уорбартон. — Никогда не видел персоны, которая судила бы обо всем столь безапелляционно и руководствовалась исключительно вымученными теориями.

— Думаю, говоря о Генриетте, вы соотносите эти слова и со мной, — смиренно сказала Изабель и снова отвернулась, заметив входящих в галерею мисс Молинью, Генриетту и Ральфа.

Сестра лорда Уорбартона не без некоторой робости обратилась к нему и напомнила, что пришла пора возвращаться домой, чтобы приехать к вечернему чаю, поскольку она ожидала гостей. Он ничего не ответил — видимо, просто не слышал — и по-прежнему был погружен в раздумья. Мисс Молинью с самообладанием настоящей леди

терпеливо ждала ответа брата.

— Ну, мисс Молинью, это просто неслыханно, — сказала Генриетта Стэкпол. — Уж если бы я захотела уехать, он, будучи моим братом, тут же уехал бы вместе со мной! Если бы мне понадобилось, чтобы мой брат что-то сделал, он сделал бы это немедленно!

— О, Уорбартон всегда делает все, о чем ни попросишь, — ответила мисс Молинью с торопливой застенчивой улыбкой. — Как много у вас картин! — продолжила она, повернувшись к Ральфу.

— Так просто кажется потому, что они висят все вместе, — пояснил молодой человек. — Но это не так уж и хорошо.

— А мне очень нравится. Жаль, что у нас в Локли нет картинной галереи. Я так люблю живопись, — продолжала она, подчеркнуто обращаясь к Ральфу, словно опасаясь, что мисс Стэкпол снова начнет поучать ее. Генриетта одновременно и очаровывала, и пугала ее.

— О да, иметь в доме картины совершенно необходимо, — сказал Ральф, который, казалось, превосходно понимал течение мыслей мисс Молинью.

— На них так приятно смотреть, когда идет

дождь, — продолжила молодая леди. — А дожди идут так часто.

— Очень жаль, что вы уезжаете, лорд Уорбартон, — сказала Генриетта. — Я собиралась гораздо больше вытянуть из вас.

— Я никуда не уезжаю, — отозвался лорд.

— Ваша сестра говорит, что вам пора. В Америке джентльмены подчиняются дамам.

— У нас к чаю гости, — спокойно молвила мисс Молинью, глядя на брата.

— Хорошо, дорогая. Поедем.

— А я-то надеялась, что вы станете сопротивляться! — воскликнула Генриетта. — Мне хотелось посмотреть, что бы тогда предприняла мисс Молинью.

— Я никогда ничего не предпринимаю, — ответила молодая леди.

— Полагаю, в вашем положении достаточно просто существовать! — заметила мисс Стэкпол. — Хотелось бы мне посмотреть на вас в вашем доме.

— Надеюсь, вы еще приедете к нам в Локли, — очень ласково обратилась мисс Молинью к Изабелле, игнорируя замечание ее подруги.

Изабелла несколько секунд смотрела в ее спокойные серые глаза и, казалось, увидела в

их глубине все то, что теряла, отказывая лорду Уорбартону, — покой, почет, абсолютную защищенность, богатство и высокое положение в обществе. Она поцеловала мисс Молинью и произнесла:

— Боюсь, я уже не приеду.

— Никогда?

— Я, наверное, скоро уеду.

— Искренне жаль, — сказала мисс Молинью. — Мне кажется, вы совершаете ошибку.

Лорд Уорбартон наблюдал эту сцену; затем он повернулся и уставился в первую попавшуюся картину. Ральф, засунув руки в карманы и прислонившись к перилам, внимательно следил за ним взглядом.

— Мне хотелось бы побывать у вас, — сказала Генриетта, возникшая вдруг возле лорда. — Я бы с удовольствием поговорила с вами часок. У меня к вам столько вопросов.

— Буду очень рад видеть, — ответил хозяин Локли, — хотя вряд ли смогу ответить на все ваши вопросы. Когда вы намерены быть?

— Когда мисс Арчер возьмет меня с собой. Мы собираемся в Лондон, но сначала заедем к вам. Я намерена еще многое выведать у вас.

— Если это зависит от мисс Арчер, то боюсь,

ваша миссия обречена на провал. Мисс Арчер не поедет в Локли. Она отнюдь не в восторге от этого места.

— Но Изабелла мне очень его хвалила! — удивленно воскликнула Генриетта.

Лорд помолчал немного.

— Все равно вряд ли приедет, — наконец произнес он. — Так что приезжайте без нее.

Генриетта замерла. Ее и без того крупные глаза расширились еще больше.

— А сделали бы вы такое предложение английской леди? — с легким вызовом поинтересовалась она.

Лорд внимательно посмотрел на нее.

— Да, если бы достаточно хорошо к ней относился.

— Тогда, я уверена, вы бы приложили все силы, чтобы это чувство не достигло подобной степени… Однако если мисс Арчер больше не приедет к вам, то мне кажется, я знаю почему: она не хочет брать меня с собой. Я знаю, что она обо мне думает. Полагаю, вы ее мнение разделяете. Я, по ее мнению, не понимаю, что нельзя лезть в частную жизнь!

Лорд Уорбартон невольно растерялся: он понятия не имел о роде занятий мисс Стэкпол и не

понимал ее намеков.

— Мисс Арчер решила предупредить вас! — не унималась Генриетта.

— Предупредить?

— А зачем же она увела вас сюда? Не для того ли, чтобы предупредить быть осторожнее со мной?

— О господи, да нет, — побагровев, ответил лорд Уорбартон. — Наша беседа не касалась столь важных тем.

— Но вы все время настороже! Хотя, наверное, это ваше обычное состояние — это-то я и хотела проверить. И у мисс Молинью удивительное самообладание. Вас-то точно предостерегли, — продолжила Генриетта, обращаясь к молодой леди. — Но, если хотите знать, совершенно напрасно — вас это не касается.

— Надеюсь, — тихо молвила мисс Молинью.

— Мисс Стэкпол собирает на нас материал для журнальной статьи, — с улыбкой пояснил Ральф. — Она превосходный сатирик, видит нас насквозь и жаждет хорошенько выпороть.

— Должна признаться, никогда у меня не было такого плохого материала! — заявила Генриетта, последовательно оглядывая Изабеллу, лорда, его сестру и Ральфа. — У меня такое впечатление, что происходит что-то, что касается вас всех, а я ни-

чего не знаю. Вы выглядите так, словно получили телеграмму с дурной вестью.

— Вы действительно видите нас насквозь, мисс Стэкпол, — произнес Ральф, понижая голос, и, слегка кивнув ей, предлагая следовать рядом, повел своих гостей из галереи. — С нами действительно что-то происходит.

Изабелла шла позади Ральфа и Генриетты, и мисс Молинью, которая явно чувствовала к девушке симпатию, взяла ее под руку — чтобы двигаться вместе, осторожно переступая по отполированному паркету. Лорд Уорбартон, заложив руки за спину и глядя себе под ноги, молча шел с другой стороны. Некоторое время он молчал, затем спросил:

— Вы действительно собираетесь в Лондон?

— Да, кажется, уже почти все готово.

— А когда вернетесь?

— Через несколько дней. Но, наверное, ненадолго. Мы с тетей едем в Париж.

— Когда же я увижу вас снова?

— Не скоро, — ответила Изабелла. — Но, надеюсь, когда-нибудь увидимся.

— Вы действительно на это надеетесь?

— Очень.

Лорд сделал несколько шагов, затем остановил-

ся и протянул руку.

— До свидания.

— До свидания, — ответила Изабелла.

Мисс Молинью снова поцеловала ее, и брат с сестрой уехали. Изабелла попрощалась с гостями и, не возвращаясь к Генриетте и Ральфу, ушла в свою комнату.

Там перед обедом ее и нашла миссис Тачетт, которая заглянула к племяннице по дороге в гостиную.

— Могу сказать тебе, — произнесла женщина, — твой дядя проинформировал меня о ваших отношениях с лордом Уорбартоном.

Изабелла взглянула на тетю и, помолчав, ответила:

— Отношениях? Вряд ли это можно назвать отношениями. Все это довольно странно — мы и виделись-то всего три-четыре раза.

— Почему ты сначала все рассказала дяде, а не мне? — бесстрастно, хотя и несколько суховато, осведомилась миссис Тачетт.

Изабелла снова помолчала.

— Потому что он лучше знает лорда Уорбартона.

— Да, но я лучше знаю тебя.

— Вы так думаете? — улыбнулась девушка.

— Теперь уже нет. Особенно когда ты так улыбаешься. Можно подумать, будто ты выиграла приз! Полагаю, раз ты отказала лорду Уорбартону, ты рассчитываешь на лучшую партию?

— О, дядя не сказал этого! — с улыбкой воскликнула Изабелла.

Глава 15

Было решено, что две девушки отправятся в Лондон в сопровождении Ральфа, хотя миссис Тачетт и не одобрила этот план. Она сказала, что его могла предложить только мисс Стэкпол, и поинтересовалась, не намеревалась ли корреспондентка «Интервьюера» поселиться всей компанией в меблированных комнатах.

— Мне все равно, где она захочет остановиться, главное, чтобы был местный колорит, — сказала Изабелла. — Именно из-за этого мы и едем в Лондон.

— Полагаю, если девушка отказала английскому лорду, она может делать все, что захочет, — заметила ее тетя. — После такого поступка не стоит обращать внимание на мелочи.

— А вам бы хотелось, чтобы я вышла за лорда Уорбартона? — спросила Изабелла.

— Конечно.

— А я думала, вы не любите англичан.

— Так и есть. Но тем больше причин их использовать в своих целях.

— В этом и заключается ваша идея замуже-

ства? — спросила Изабелла и рискнула добавить, что, по ее наблюдению, сама-то тетушка мало пользовалась услугами своего мужа.

— Твой дядя не английский дворянин, — заявила миссис Тачетт. — Впрочем, возможно, даже если бы он им и был, я все равно предпочла бы поселиться во Флоренции.

— Вы думаете, лорд Уорбартон обеспечил бы мне лучшую жизнь, чем моя сейчас? — оживившись, спросила девушка. — То есть я не хочу сказать, будто она слишком уж хороша… Просто я недостаточно люблю лорда Уорбартона, чтобы выйти за него замуж.

— Значит, ты правильно поступила, отказав ему, — согласилась миссис Тачетт самым сдержанным тоном, на который только была способна. — Надеюсь, когда в следующий раз тебе сделают столь блестящее предложение, оно будет соответствовать твоим запросам.

— Подождем, когда оно поступит. Надеюсь, не слишком скоро — сейчас бы мне совершенно этого не хотелось.

— Возможно, тебя вообще этим больше не обеспокоят — если ты собираешься вести богемный образ жизни. Однако я обещала Ральфу не касаться этого предмета.

— Я буду слушаться Ральфа, — сказала Изабелла. — Я очень ему доверяю.

— Его мать будет чрезвычайно обязана! — со смехом воскликнула тетя.

— И это правильно, — с улыбкой парировала Изабелла.

Ральф заверил кузину, что они ни в коем случае не нарушат правила приличия, если втроем будут осматривать столицу Англии, но миссис Тачетт имела на это иное мнение. Как большинство женщин ее страны, давно живущих в Европе, она полностью утратила чувство меры, свойственное в подобных случаях ее соотечественникам, и в своем отношении, не так уж и неразумном, к излишним вольностям, которые позволяло себе молодое поколение «за морями, за долами», проявляла чрезмерную строгость. Ральф сопровождал двух девушек в Лондон и устроил их в тихой гостинице на улице, выходившей на Пикадилли. Сначала молодой человек хотел поселить их в доме отца на Винчестер-сквер — в огромном мрачном особняке, который в это время года был весь погружен в тишину и холщовые чехлы; но затем вспомнил, что кухарка жила в Гарденкорте и в доме некому было готовить еду; тогда местом пребывания девушек был избран

Пратт-отель. Сам Ральф поселился в особняке на Винчестер-сквер, где у него была любимая «берлога» и где он с удовольствием существовал независимо от национальной кухни. Молодой человек регулярно посещал Пратт-отель, нанося ранние визиты своим спутницам, которым прислуживал сам мистер Пратт в просторном белом жилете, снимая крышки с утренних блюд. Ральф «забегал» к девушкам после завтрака, и маленькая компания разрабатывала план развлечений на день. Поскольку Лондон в сентябре выглядел не в самом выгодном свете, молодой человек извиняющимся тоном объяснил своим спутницам, к большому возмущению мисс Стэкпол, что в городе в это время нет ни одного живого существа.

— То есть вы, наверное, имеете в виду, что нет аристократов, — заметила Генриетта. — И это лучшее доказательство тому, что, если бы они исчезли с лица земли, этого никто бы и не заметил. Мне кажется, людей здесь достаточно. Конечно, можно сказать, что нет ни души — если не считать три или четыре миллиона населения. Как вы их называете? Нижние слои среднего класса? Они-то и населяют Лондон, но стоит ли принимать их во внимание!

Ральф заявил, что более интересного человека,

чем мисс Стэкпол, найти совершенно невозможно, ее общество полностью возмещает ему отсутствие аристократов, и что трудно найти сейчас более довольного человека, чем он. Он сказал правду, поскольку блеклый сентябрь придавал полупустому городу особое, ласковое очарование. Когда молодой человек возвращался вечером в безмолвный дом на Винчестер-сквер, проведя день со своими любознательными соотечественницами, он устраивался в большой сумрачной столовой, где единственным источником света была свеча, которую он прихватывал по дороге из холла. Снаружи было тихо, в доме тоже; когда Ральф открывал одно из окон гостиной, чтобы впустить свежий воздух, до него доносилось негромкое поскрипывание сапог расхаживающего на улице полицейского. Его собственные шаги раздавались в комнате громко и гулко — ковры почти везде были скатаны, и, когда молодой человек передвигался, по дому гуляло грустное эхо. Ральф садился в одно из кресел, глядя на темные пятна картин на стенах, где изображение было неясным и размытым. На огромном темном обеденном столе горела, мерцая, тусклым светом свеча. Казалось, в этой комнате витал дух когда-то происходивших трапез, застольных бесед,

давно утративших смысл. Ощущение особой, как будто потусторонней атмосферы, по-видимому, возникало в Ральфе, и молодой человек допоздна засиживался в кресле, ничего не делая и даже не листая вечернюю газету. Ничего не делая — если не считать того, что он постоянно думал об Изабелле. Но, впрочем, мысли о кузине тоже были совершенно пустым занятием — ибо ни к чему не вели и не приносили никакой пользы. Девушка еще никогда не казалась ему такой очаровательной, как в эти шумные дни, когда они проводили время, исследуя глубины и мели столичной жизни. Изабеллу интересовало буквально все — ее переполняли впечатления; она приехала сюда в поисках местного колорита и находила его повсюду. Изабелла задавала так много вопросов, что Ральф не мог на все ответить. Она выдвигала разные теории, которые он не мог ни принять, ни опровергнуть. Компания несколько раз посетила Британский музей и другой, светлый дворец искусств, тот, который своим внешним видом, стилизованным под классическую античность, оживлял ничем не примечательную малопри-

ятную глазу окраину Лондона[24]. Одно утро они провели в Вестминстерском аббатстве, затем отправились на пароходике по Темзе в Тауэр. Молодые люди осматривали картины государственных и частных коллекций, отдыхали под огромными деревьями в Кенсингтонских садах. Генриетта Стэкпол проявила себя неутомимым и более снисходительным туристом, чем Ральф ожидал. Однако ей все же пришлось испытать немало разочарований, и на фоне ее идеализированных воспоминаний о городах Америки Лондон со своей «обветшалой стариной» сильно терял в ее глазах; однако она старалась не фокусировать свое внимание на недостатках, лишь изредка вздыхала и восклицала: «Ну-ну!», но это не имело особенных последствий. По правде говоря, она была не в своей стихии.

— Меня не волнуют неодушевленные предметы, — заметила Генриетта в разговоре с Изабеллой в Национальной галерее и продолжила сетовать на бедность впечатлений, полученных от частной жизни англичан — ей так до сих пор и

[24] Примечания: 24

Речь идет, видимо, о Музее Виктории и Альберта, национальном музее прикладных и изящных искусств. Открыт в 1857 г. Ныне, впрочем, это вовсе не окраина.

не удалось в нее вникнуть. Пейзажи Тернера[25] и ассирийские буйволы[26] являлись неадекватной заменой литературным вечерам, на которых корреспондентка надеялась встретиться с цветом Великобритании.

— Где же ваши общественные деятели? Где ваши интеллектуалы? — спрашивала мисс Стэкпол Ральфа, стоя на Трафальгарской площади, словно это было именно то место, где вполне естественно было встретить интересующих ее лиц. — Человек на колонне, как вы сказали… лорд Нельсон?[27] Он тоже был лордом? Его положение было недостаточно высоким, раз памятник пришлось устанавливать на высоте в сотню футов? Впрочем, это прошлое. Оно меня не интересует. Я хочу познакомиться с ведущими умами настоящего. Не стану говорить о будущем, поскольку не очень верю в ваше блестящее будущее.

У бедного Ральфа было очень немного знакомых «ведущих умов», и он лишь изредка имел

---

[25] Примечания: 25

Дж. Тернер — английский художник-пейзажист (1775–1851).

[26] Примечания: 26

Памятник культуры Древнего Востока (Британский музей).

[27] Примечания: 27

Имеется в виду статуя адмирала Нельсона (1758–1805) на колонне в центре Трафальгарской площади. Памятник установлен в честь победы над наполеоновским флотом в Трафальгарской битве (1805).

возможность познакомиться с какой-нибудь знаменитостью. Такое положение вещей, по мнению мисс Стэкпол, свидетельствовало о прискорбном отсутствии у него всякой инициативы.

— Если бы я была сейчас по ту сторону океана, — заявила она, — я бы отправилась к любому джентльмену, кем бы он ни был, и объяснила бы, что я очень много о нем слышала и приехала, чтобы с ним встретиться. Но из ваших слов я поняла, что это здесь не принято. Похоже, у вас здесь очень много бессмысленных обычаев и ни одного полезного. Мы определенно прогрессивнее вас. Боюсь, мне вообще придется отказаться от намерения изобразить жизнь английского общества. — Генриетту, не выпускавшую из рук путеводитель и уже отправившую в «Интервьюер» написанную с его помощью заметку о Тауэре (в которой описала казнь леди Джейн Грей), преследовало неприятное ощущение того, что она не в состоянии на свойственном ей высоком уровне выполнить то, что намечала.

То, что произошло накануне отъезда из Гарденкорта, оставило болезненный след в душе Изабеллы. Сердце ее сжималось, когда перед глазами ее — снова и снова — возникал глубоко разочарованный лорд Уорбартон, но она

чувствовала, что ее поступок был совершенно правильным. Однако проявлять жестокосердие, даже в силу обстоятельств, представлялось ей весьма неблаговидным, и у девушки не получалось оправдать свое поведение. И все-таки к этому неприятному чувству примешивалось чувство свободы, и, когда она бродила по Лондону в обществе своих абсолютно противоположных по характеру спутников, оно часто проявлялось неожиданными всплесками. Например, гуляя в Кенсингтонских садах, Изабелла вдруг останавливалась возле играющих на траве детей (тех, что победнее), расспрашивала, как их зовут, давала им по шестипенсовику, а тех, кто помилее, еще и целовала. От Ральфа ничего не ускользало — он замечал все, что делала Изабелла.

Однажды, чтобы развлечь спутниц, молодой человек пригласил их на чай в Винчестер-сквер и, как мог, привел в порядок дом. Дам встретил еще один гость, убежденный холостяк, старый друг Ральфа, который случайно оказался в городе. Он на удивление легко сошелся с мисс Стэкпол. Мистер Бентлинг, крепкий белокурый улыбчивый мужчина лет сорока, безукоризненно одетый, предпочитавший оживленные беседы долгим и скучным, громко смеялся над каждой

фразой Генриетты, несколько раз подливал ей в чашку чай, осмотрел в ее компании безделушки, которых у Ральфа была значительная коллекция, и в конце концов, когда хозяин предложил выйти прогуляться по саду, обошел его со своей новой знакомой несколько раз, с интересом выслушивая ее замечания по поводу частной жизни.

— О, понимаю, — произнес мистер Бентлинг. — Осмелюсь сказать, что жизнь в Гарденкорте довольно уныла. До светской ли жизни, когда сплошные болезни. Знаете ли, Ральф очень плох. Доктора запретили ему приезжать в Англию, а он не может покинуть отца. У старика примерно полдюжины заболеваний. Он говорит про подагру, но я знаю, что у него еще симптомы водянки, хотя, правда, пока и не слишком заметные. Конечно, в таких условиях жизнь в доме течет ужасно медленно — удивительно, что она вообще движется. Потом мистер Тачетт, кажется, не в ладах с женой. Как вы знаете, она живет отдельно от мужа — это, кажется, в вашем американском стиле. Если вы хотите увидеть дом, где жизнь бьет ключом, вам нужно погостить у моей сестры, леди Пензл, в Бедфордшире. Я завтра же напишу ей — уверен, она будет вам очень рада. Я точно знаю, что вам нужно, вы человек именно такого

склада. Сестра в этом смысле очень на вас похожа — всегда что-то устраивает и обожает, когда у нее есть помощницы. Я уверен, она сразу же пришлет вам приглашение. Сестра любит выдающихся людей и писателей. Знаете, она сама пишет, но я ничего не читал из ее произведений. У нее все больше стихи, а я не очень люблю поэзию, исключая, пожалуй, Байрона. Полагаю, в Америке Байрона высоко ценят? — Мистер Бентлинг продолжал говорить, купаясь в теплой атмосфере внимания, с которым слушала его мисс Стэкпол. Однако время от времени он возвращался к своей сразу увлекшей Генриетту идее содействовать поездке Генриетты к леди Пензл в Бедфордшир.

— Я точно знаю, что вам нужно, — повторил он. — Вам надо увидеть, как проводят свободное время настоящие англичане. Тачетты вовсе не англичане, как вы знаете. Они живут по законам своей страны, у них кое в чем очень странные представления о жизни. Я даже слышал, будто старик считает безнравственной охоту. Вам непременно нужно попасть к сестре, когда она затевает какое-нибудь театрализованное представление. Я уверен, она с удовольствием даст вам роль. Вы, несомненно, должны быть превосходной актрисой — я чувствую в вас талант.

Сестре сорок лет, у нее семеро детей, но она бесстрашно берется за главные роли. Впрочем, если не хотите, играть вам не обязательно.

Так мистер Бентлинг преподнес себя, пока компания гуляла по газонам Винчестер-сквер, которые хоть и были припорошены лондонской сажей, радовали глаз и заставляли замедлить шаг. Этот словоохотливый пышущий здоровьем холостяк, относящийся с должным уважением к женским достоинствам, понравился Генриетте, и она благосклонно отнеслась к его предложению.

— Пожалуй, я съездила бы, если б ваша сестра пригласила меня, — сказала она. — Думаю, это просто мой долг. Как, вы говорите, ее имя?

— Пензл. Необычное имя, но совсем неплохое.

— По мне так все имена неплохие. А каково ее положение в обществе?

— О, совершенно прекрасное — она супруга барона[28]. Довольно высокое, в то же время не слишком.

— Не знаю, что именно вы имеете в виду, — я бы сказала, титул звучит достаточно приятно. И где она живет? В Бедфордшире?

---

[28] Примечания: 28

Барон — один из низших аристократических титулов. Леди Пензл и вращается в высшем свете, и не обязана слишком строго соблюдать все правила этикета.

— В северной его части. Довольно унылое место, но, надеюсь, вы не будете у сестры скучать. Я постараюсь тоже подъехать.

Мисс Стэкпол прямо-таки наслаждалась беседой, но она с огромным сожалением была вынуждена расстаться с любезным братом леди Пензл. Случилось так, что днем раньше Генриетта встретила на Пикадилли своих знакомых, которых не видела уже несколько лет, — сестер Клаймбер и двух леди из Уилмингтона, штат Делавэр. Они путешествовали по Европе и теперь собирались отплыть на родину. Мисс Стэкпол долго беседовала с ними прямо на улице. Хотя все три женщины говорили одновременно, темы для беседы были совершенно не исчерпаны. В конце концов дамы договорились, что Генриетта завтра в шесть часов пообедает с сестрами в их гостинице на Джермин-стрит, и сейчас она вспомнила о своем обязательстве. Мисс Стэкпол объявила, что должна уехать, и подошла попрощаться к Ральфу Тачетту и Изабелле, которые, сидя в садовых креслах, были заняты беседой — правда, беседой о гораздо менее практических вещах, нежели разговор Генриетты с мистером Бентлингом. Когда они договорились встретиться в удобный для всех час в «Пратт-отеле», Ральф заметил, что

мисс Стэкпол следовало бы взять кеб. Не могла же она идти на Джерминстрит пешком.

— Вы хотите сказать, что для меня непристойно одной идти по улице? — воскликнула Генриетта. — Силы небесные, до чего уже дошло!

— Вам совершенно не нужно идти пешком одной, — галантно вступил в разговор мистер Бентлинг. — Я с удовольствием провожу вас.

— Я просто хотел сказать, что вы опоздаете к обеду, — ответил Ральф. — Подумайте о дамах, которые с нетерпением ждут вас.

— Тебе лучше взять двухколесный экипаж, Генриетта, — сказала Изабель.

— С вашего разрешения, я помогу вам, — продолжил мистер Бентлинг. — Мы можем пройтись немного пешком, пока он нам не попадется.

— В самом деле, почему бы мне не довериться мистеру Бентлингу? — спросила Генриетта Изабеллу.

— Разумеется, если его это не затруднит, — улыбнулась девушка. — Но если хочешь, мы можем проводить тебя до кеба.

— Не нужно. Мы пойдем вдвоем. Мистер Бентлинг, но вы должны найти мне самый лучший экипаж.

Мистер Бентлинг пообещал сделать все, что

будет в его силах, и парочка удалилась, оставив Изабель и ее кузена в саду, над которым постепенно начинали сгущаться вечерние сентябрьские сумерки. Стояла полная тишина. В окрестных домах окна оставались темными. Мостовые были пусты. Только двое маленьких гаврошей, привлеченные необычными признаками жизни в соседнем частном саду, просунули головы между ржавыми прутьями ограды. Единственным ярким пятном в поле зрения беседующих был высокий красный столб на юго-восточном углу.

— Генриетта попросит его поехать с ней на Джерминстрит, — заметил Ральф. Он всегда называл мисс Стэкпол Генриеттой.

— Вполне возможно, — ответила его собеседница.

— Хотя нет, — продолжил молодой человек. — Сам Бентлинг попросит разрешения поехать с ней.

— Тоже очень похоже. Так мило, что они подружились.

— Она одержала победу. Он считает ее необыкновенной женщиной. Посмотрим, чем все это кончится, — сказал Ральф.

Изабелла несколько мгновений молчала.

— Я тоже считаю Генриетту необыкновенной

женщиной, но не думаю, что это далеко зайдет, — отозвалась она наконец. — Они не способны узнать друг друга по-настоящему.

Мистер Бентлинг не имеет о ней никакого представления, так же как и она о нем.

— Нет более обычной основы для супружества, чем взаимное непонимание. Хотя Боба Бентлинга понять не так уж трудно, — добавил Ральф. — Натура его несложна.

— Да, но Генриетта еще проще. И что же мы будем делать теперь? — спросила Изабелла, оглядывая сад, который в сгущавшихся сумерках становился все более загадочным и впечатляющим. — Не думаю, что вы предложите мне ради развлечения покататься в экипаже по Лондону.

— Не вижу причин, почему бы нам не остаться здесь… если вам, конечно, нравится. Сейчас тепло, стемнеет только через полчаса. И если позволите, я закурю.

— Делайте все, что вам угодно, — ответила Изабелла, — только займите меня до семи часов. К этому времени я хочу вернуться в отель и устроить вечернее пиршество из пары вареных яиц и теплой булочки.

— Можно я пообедаю с вами? — спросил Ральф.

— Нет-нет, вы поедете в свой клуб.

Они вернулись в садовые кресла, и Ральф зажег сигарету. Участие в только что описанном маленьком пиршестве доставило бы ему огромное удовольствие; но, получив из ее уст отказ, молодой человек был даже рад этому. Для Ральфа огромной радостью было просто находиться с кузиной наедине в сгущающихся сумерках, в центре огромного города. Это создавало иллюзию, будто она находилась под его защитой — в его власти. Правда, сия власть была призрачна и годилась разве что на то, чтобы покорно исполнять все желания Изабеллы, — но даже и такая, она будоражила кровь.

— Почему вы не позволите мне пообедать с вами? — спросил молодой человек после короткой паузы.

— Просто так.

— Наверное, вы от меня устали.

— Пока нет, но через час устану. Видите, у меня есть дар предвидения.

— Ну а пока я буду продолжать занимать вас, — произнес Ральф и умолк.

Изабелла в свою очередь тоже молчала, они сидели некоторое время в тишине, что совершенно не вязалось с высказанным им намерением

развлекать ее. Молодому человеку казалось, что Изабелла поглощена своими мыслями, но он не знал, о чем они, хотя кое-какие предположения у него были. Наконец, он сказал:

— Вы отказались сегодня вечером от моего общества, потому что ждете другого гостя?

Девушка повернулась и посмотрела на кузена своими ясными глазами.

— Другого гостя? Какого гостя я должна ждать?

Ральф никого не мог назвать, и поэтому собственный вопрос показался ему не только глупым, но и грубым.

— У вас много друзей, с которыми я незнаком, — ответил он, неловко рассмеявшись. — Я совершенно ничего не знаю о вашем прошлом.

— Вы принадлежите моему будущему. Мое прошлое находится по другую сторону океана. В Лондоне нет ни частички его.

— Очень хорошо. Значит, ваше будущее здесь, подле вас. Просто прекрасно, когда ваше будущее под рукой.

Ральф зажег еще одну сигарету. «Видимо, Каспар Гудвуд уже отбыл в Париж», — решил он. Выпустив облачко табачного дыма, молодой человек продолжал:

— Я обещал развлекать вас, но, как видите, не

сдержал слово. С моей стороны довольно безрассудно было браться развлекать такого человека, как вы. Какое вам дело до моих жалких попыток? Разве вас могут удовлетворить мои жалкие потуги при ваших высоких критериях и огромных требованиях? Мне следовало бы, пожалуй, пригласить оркестр или труппу уличных актеров.

— Достаточно одного актера — вы отлично с этой ролью справляетесь. Умоляю, продолжайте; еще чуть-чуть, и я начну веселиться.

— Поверьте, я не шучу, — сказал Ральф. — У вас действительно огромные требования.

— Я вас абсолютно не понимаю. Я ничего не прошу!

— Но все отвергаете, — произнес молодой человек.

Изабелла покраснела — она поняла, что он имел в виду.

Но зачем он заговорил с ней об этом?

Ральф некоторое время колебался, затем продолжил:

— Мне бы очень хотелось кое-что сказать вам. Вернее, задать один вопрос. Мне кажется, я имею право задать его, потому что лично заинтересован в ответе.

— Спрашивайте, о чем хотите, — вежливо

разрешила Изабелла, — и я постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

— Тогда, я надеюсь, вас не огорчит, что лорд Уорбартон рассказал мне о том, что произошло между вами.

Изабелла слегка вздрогнула. Она замерла, глядя на свой открытый веер.

— Ну что ж. Полагаю, это вполне естественно.

— Он разрешил мне не скрывать это от вас. У него еще есть надежда.

— Все еще?

— Во всяком случае, несколько дней назад была.

— Надеюсь, что она не сохранилась у него до сих пор, — сказала девушка.

— Мне очень жаль его. Он прекрасный человек.

— Скажите, он что, просил вас поговорить со мной?

— Нет-нет. Но он рассказал мне обо всем, потому что не мог удержаться. Мы старые друзья, а ваш отказ чрезвычайно расстроил его. Он прислал мне записку с просьбой приехать и повидаться с ним. Я ездил в Локли за день до того, как они с сестрой обедали у нас. Лорд был очень удручен — он только что получил ваше письмо.

— Он показал вам его? — надменно спросила Изабелла.

— Ни в коем случае. Но лорд сказал, что это был вежливый отказ. Мне очень жаль его, — повторил Ральф.

Изабелла молчала, затем, наконец, произнесла:

— Знаете, сколько он меня видел? Раз пять или шесть.

— Это только делает вам честь.

— Я не для этого говорю.

— Тогда зачем? Для того, чтобы показать, что лорд Уорбартон поверхностный человек? Я в это не верю.

Изабелла не могла сказать, что думала так, и произнесла нечто другое:

— Если лорд Уорбартон не просил вас уговаривать меня, значит, вы делаете это из чистого великодушия или из любви к спорам?

— Я совсем не хочу спорить с вами. Я искренне желал бы закрыть этот вопрос. Я только желал бы знать, что за чувства руководили вами.

— Такой интерес к моим чувствам? Премного благодарна! — со смехом воскликнула Изабелла.

— Вы, конечно, хотите сказать, что я вмешиваюсь в дела, которые меня не касаются. Но почему

нам нельзя поговорить об этом просто: вам — без раздражения, мне — без неловкости? Какой смысл быть вашим кузеном и не иметь никаких привилегий? Какой смысл преклоняться перед вами без надежды на взаимность, если я не могу получить даже эту крохотную компенсацию? Быть больным, немощным, обреченным лишь на стороннее наблюдение за жизнью и даже не видеть спектакля, даже заплатив за билет дорогой ценой? Ответьте мне!

Изабелла молча и внимательно его слушала.

— Что было у вас на уме, когда вы отказывали лорду Уорбартону?

— Что у меня было на уме?

— Какая логика, какие мотивы… какой взгляд на ситуацию продиктовали вам такой удивительный шаг?

— Я просто не хотела выходить за него… Если это логика.

— Нет, это не логика. И я знал это заранее. Что вы сказали себе? Ведь наверняка нечто большее, чем сейчас мне.

Изабелла на мгновение задумалась, затем ответила вопросом на вопрос:

— Почему вы назвали это удивительным шагом? Ваша мама тоже так считает.

— Уорбартон такой прекрасный человек. В нем невозможно найти недостатков ни как в мужчине, ни как в человеке. Он лорд, он важная персона. У него огромное состояние — на его жену смотрели бы как на небожительницу.

Изабелла с интересом слушала Ральфа, словно ей было любопытно, как далеко он зайдет в своих похвалах Уорбартону.

— Скажем, я отказала ему потому, что он слишком совершенен. А я сама не совершенна, и он слишком хорош для меня. Его совершенство раздражало бы меня.

— Что-то не похоже, — заметил Ральф. — Уверен, на самом деле вы считаете себя достойной любого совершенства в мире.

— Вы думаете, что я очень высокого мнения о себе?

— Если даже это и не так, все равно вы очень взыскательны. Но я должен сказать, девятнадцать из двадцати, даже самых взыскательных, женщин приняли бы предложение Уорбартона. Вы, видимо, не представляете, как за ним охотятся.

— И не хочу представлять. Но мне кажется, вы однажды упомянули о кое-каких его странностях.

Молодой человек серьезно взглянул на кузину.

— Надеюсь, мои слова не стали причиной ваших действий. Я говорил не о его недостатках, а о некоторой особенности его положения. Если бы я знал, что лорд намерен жениться на вас, я бы об этом ни словом не обмолвился. Кажется, я назвал его скептиком. Но в ваших силах вернуть ему веру.

— Не думаю. Я не понимаю сути вопроса, и подобная миссия меня пугает. Вы, очевидно, расстроены, — добавила девушка, глядя на кузена нежно, но твердо. — Вы бы желали, чтобы я вышла за лорда Уорбартона.

— Никоим образом. Мне абсолютно этого не хочется. Я не собираюсь давать вам советы — мне вполне довольно роли наблюдателя, к тому же заинтересованного.

Изабелла задумчиво вздохнула.

— Хотела бы я быть так же интересна себе самой, как вам!

— Опять вы неискренни. Вы относитесь к себе с невероятным интересом. Впрочем, знаете, — продолжал Ральф, — если вы дали лорду Уорбартону окончательный ответ, я, пожалуй, даже рад, что он именно такой. Не хочу сказать, что я рад за вас, а тем более за него. Я рад за себя.

— Уж не собираетесь ли и вы сделать мне предложение?

— Ни в коем случае. Это было бы глупо — я зарезал бы курицу, несущую золотые яйца; а эта птица служит мне символом моих безумных иллюзий. Я должен получить массу удовольствия, наблюдая, какой же путь изберет особа, которая отвергла лорда Уорбартона.

— Ваша матушка тоже надеется насладиться этим зрелищем, — сказала Изабелла.

— О, зрителей будет довольно много! Мы все будем жадно наблюдать все этапы вашего дальнейшего пути. Мне не увидеть его полностью, но я, вероятно, успею застать самые интересные моменты. Конечно, если бы вы вышли за моего друга, вы могли бы сделать блестящую карьеру в обществе — достойную уважения и яркую. Но, честно говоря, в некотором отношении она была бы немного прозаична, предсказуема. Все было бы известно заранее — никаких неожиданностей. А я чрезвычайно люблю неожиданности, и теперь, когда все зависит только от вас, я надеюсь, вы покажете нам высший класс.

— Не очень понимаю вас, — ответила Изабелла, — но могу вам сказать, что если вы надеетесь увидеть что-то необычайное, то напрасно. Я вас

разочарую.

— Прежде всего, вы разочаруете себя, и это будет для вас нелегко!

Изабелла на это ничего не ответила: в его словах была доля правды.

— Не понимаю, что дурного в том, что я не хочу себя связывать, — наконец сказала она. — Я не хочу начинать жизнь с замужества. Женщина способна, кроме того, чтобы быть женой, и еще на что-то.

— Но так хорошо ей ничего не удается. Хотя вы не односторонняя натура.

— Да, у меня по крайней мере две грани, — улыбнулась Изабелла.

— Вы прекраснейший в мире многогранник! — рассмеялся и Ральф, но, взглянув на собеседницу, стал серьезным. — Вы хотите «познать жизнь», как выражаются молодые люди.

— Не думаю, что я хочу посмотреть на нее с точки зрения молодых людей. Я хочу все увидеть воочию.

— Хотите испить чашу опыта?

— Нет, я не хочу прикасаться к этой чаше. Там яд! Я просто хочу увидеть все сама по себе.

— Увидеть, а не испытать, — сказал Ральф.

— Для человека глубоко чувствующего здесь

нет особой разницы, — ответила Изабелла. — Я очень похожа на Генриетту. Когда я спросила, хочется ли ей выйти замуж, она ответила: «Нет, пока я не посмотрю Европу!» Я тоже не хочу выходить замуж, пока не посмотрю Европу.

— Не иначе как вы ждете, что какая-нибудь коронованная особа падет ниц перед вами.

— Вот уж нет. Это было бы еще хуже, чем выйти замуж за лорда Уорбартона… Но уже темнеет, — заметила Изабелла. — Мне пора.

Девушка поднялась. Ральф несколько секунд смотрел на нее, не двигаясь. Поскольку он не встал вслед за Изабеллой, она остановилась, и молодые люди обменялись пристальными взглядами — каждый, особенно Ральф, постарался вложить в свой взгляд все то, что не удалось облечь в слова.

— Вы ответили на мой вопрос, — произнес наконец Ральф. — Вы сказали мне то, что я хотел знать. Я очень признателен вам.

— По-моему, я сказала совсем немного.

— Но вы сказали очень важную вещь — что вам интересен мир и вы хотите окунуться в него.

Ее глаза сверкнули в сгустившейся тьме серебряным светом.

— Я вовсе не говорила этого.

— Но подразумевали. Не надо отказываться. Это так прекрасно!

— Не знаю, что вы хотите приписать мне, поскольку я совсем не авантюрная натура. Женщины не похожи на мужчин.

Ральф медленно поднялся, и молодые люди направились к воротам.

— Да, — произнес Ральф, — женщины редко хвастают своей смелостью. Мужчины делают это гораздо чаще.

— Мужчинам есть чем хвастать!

— Женщинам тоже. Вот в вас, например, достаточно отваги.

— Достаточно для того, чтобы добраться до гостиницы одной в кебе, не более того.

Ральф открыл ворота. Молодые люди вышли.

— Мы найдем кеб, — сказал Ральф. Когда они повернули на соседнюю улицу, где более вероятно было это сделать, Ральф спросил, можно ли ему проводить кузину до гостиницы.

— Ни в коем случае, — ответила Изабелла. — Вы очень устали и должны лечь спать.

Молодые люди остановили кеб. Ральф помог Изабелле сесть в экипаж и на несколько секунд задержался у дверцы.

— Когда люди забывают о том, что я болен, бы-

вает не очень приятно, — сказал он. — Но когда они постоянно помнят об этом, это еще хуже!

Глава 16

У Изабеллы не было никаких особых причин отказывать Ральфу в удовольствии проводить ее домой — просто ей показалось, что она злоупотребляет его вниманием вот уже несколько дней. Так как молоденьким американкам всегда свойственно стремиться к независимости, излишняя опека быстро начинает их тяготить — и она решила ближайшие несколько часов провести в одиночестве. Она вообще имела некоторую склонность к уединению, а после приезда в Англию была почти полностью этой возможности лишена. Дома никто не мешал ей наслаждаться этим благом, и теперь она остро ощущала, как ей не хватает его. Впрочем, этим вечером произошло нечто такое, что заставило бы придирчивого наблюдателя весьма критично взглянуть на наши рассуждения о любви Изабеллы к одиночеству и причины того, почему она столь решительно покинула своего кузена.

До девяти вечера она просидела в полутемной гостиной, пытаясь при свете двух высоких свечей погрузиться в пухлый том, который она захвати-

ла с собой из Гарденкорта, но безуспешно — из головы у нее не шли слова беседы с кузеном. Вдруг в дверь постучали, и вошедший слуга протянул ей визитную карточку. Взглянув на нее, Изабелла увидела имя Каспара Гудвуда и застыла в нерешительности. Слуга, не получая распоряжений, продолжал молча стоять перед ней.

— Проводить джентльмена сюда, мэм? — поинтересовался он наконец.

Изабелла все раздумывала. Посмотрелась в зеркало.

— Пусть войдет, — разрешила она, пытаясь справиться с волнением.

Каспар вошел и молча пожал ей руку; затем, дождавшись того момента, когда слуга покинул комнату, спросил:

— Почему вы не ответили на мое письмо?

— Как вы узнали, что я здесь? — вопросом на вопрос ответила Изабелла.

— Мне сообщила об этом мисс Стэкпол, — ответил Каспар Гудвуд. — Она сообщила также, что вы, по всей вероятности, будете дома одна и примете меня.

— Где же вы с ней увиделись… чтобы она могла сообщить вам все это?

— Мы не виделись. Она мне написала.

Изабелла молчала. Молодые люди продолжали стоять, глядя друг на друга с легким вызовом.

— Генриетта не поставила меня в известность, что писала вам, — сказала наконец Изабелла. — Это дурно с ее стороны.

— Вам так неприятно меня видеть? — спросил Каспар.

— Это несколько неожиданно. Я не слишком люблю подобные сюрпризы.

— Но вы же знали, что я в Лондоне. Мы вполне могли столкнуться.

— Это вы называете «столкнуться»? Я не намеревалась видеться с вами. В таком большом городе, как Лондон, встретиться не так-то легко.

— Вероятно, так же сложно, как и ответить на мое письмо, — сказал Каспар.

Изабелла ничего не ответила. Мысль о вероломстве Генриетты — а именно так она истолковала поступок подруги — не давала ей покоя.

— Генриетте чужда всякая деликатность! — воскликнула она с горечью. — Это просто слишком!

— Полагаю, я также не являюсь образцом деликатности. Я виноват не меньше, чем она.

Изабелла бросила на него взгляд — еще никогда его подбородок не казался ей таким квадратным. Однако она постаралась взять себя в руки и ска-

зала примирительным тоном:

— Ее вина больше вашей. Вы, пожалуй, не могли поступить иначе.

— Конечно, не мог! — несколько натянуто рассмеявшись, с готовностью отозвался Каспар. — И раз уж я здесь, надеюсь, вы позволите мне остаться?

— Да, конечно. Садитесь пожалуйста, — сказала Изабелла и вернулась на прежнее место, а Каспар, с видом человека, которому наплевать на то, как его принимают, уселся на первый попавшийся стул.

— Я каждый день ждал ответа на свое письмо, — выпалил он. — Вы могли бы написать мне хоть несколько строк.

— Разумеется, я могла бы написать вам и несколько строк, и даже несколько страниц, — отозвалась Изабелла. — Мое молчание было намеренным. Я считала, так будет лучше.

Он слушал, глядя ей прямо в глаза, но когда она кончила, опустил взгляд и уставился в какую-то точку на ковре — казалось, что он прилагал все силы к тому, чтобы не наговорить лишнего. Он был сильный человек, и к тому же достаточно умный — он понимал, что, идя напролом, только ухудшит свое положение. Изабелла вполне могла

оценить преимущество победы над подобным противником, и, надо полагать, ей хотелось бы произнести вслух с выражением торжества на лице: «Разве я заставляла вас писать мне?»

Молодой человек поднял на нее глаза — в них ясно читался протест. Каспар Гудвуд обладал острым чувством справедливости и готов был везде и всегда отстаивать свои права.

— Да, вы сказали, что надеетесь, что я никогда больше не напомню о себе. Я не собираюсь смириться с этим. Я обещал вам, что вы очень скоро обо мне услышите.

— Я не говорила «никогда», — возразила Изабелла.

— Ну пять, десять лет. Это одно и то же.

— Вы полагаете? А по-моему, нет. Вполне можно представить, как лет через десять между нами завяжется интересная переписка. К тому времени я успею отточить свой эпистолярный стиль…

Произнося эти слова, Изабелла отвела глаза в сторону — она понимала, насколько эти шутливые слова не соответствуют серьезному настрою ее собеседника.

Когда она вновь подняла глаза на Гудвуда, он, очевидно, решил сменить тему и осведомился, нравится ли ей в гостях у дяди.

— Очень нравится, — ответила Изабелла и неожиданно вернулась к прежней теме беседы: — Скажите, чего вы намереваетесь добиться своей настойчивостью?

— Я не хочу потерять вас, — ответил он.

— У вас нет никакого права говорить эти слова: невозможно потерять то, чем ты не владеешь. И даже исходя из ваших интересов, — добавила она, — должны же вы понимать, когда человека нужно оставить в покое.

— Я надоел вам, — сказал Каспар мрачно. Он сказал это тоном человека, который не пытается вызвать в собеседнике сочувствие, а просто, взглянув правде в глаза, констатирует факт.

— Да, вы раздражаете меня; но главное в том, что все ваши усилия абсолютно бесполезны.

Изабелла знала, что он не отличался тонкой кожей — было почти невозможно пронять его «булавочными уколами»; с первого дня знакомства она постоянно ощущала, что он думает, будто ему лучше известно, что для нее хорошо, а что плохо, и она твердо усвоила: лучшее оружие против него — абсолютная откровенность. Пытаться войти в его положение или избавиться от него с помощью убийственной иронии означало лишь впустую тратить свои силы. Не то чтобы он

был абсолютно невосприимчив к боли и не имел слабых мест — но их было почти невозможно отыскать в твердом панцире непробиваемой уверенности, в который он был закован, и, если кому-то удавалось ранить его, он сам быстро залечивал свои раны. Заинтересованный наблюдатель не смог бы не признать, что, характеризуя Каспара Гудвуда в целом, несомненно, можно было употребить словосочетание «здоровый организм».

— Я не могу смириться с этим, — сказал Каспар.

Он вел себя великодушно, но в этом-то и таилась главная опасность. Изабелла помнила, что он не всегда был неприятен ей, и опасалась, что он может заявить об этом.

— Меня тоже не устраивают наши отношения. Если бы вы только выбросили меня из головы на несколько месяцев… А потом наверняка бы мы смогли стать добрыми друзьями.

— Я понимаю — вы надеетесь, что, выбросив вас из головы на несколько месяцев, я забуду о вас на веки вечные.

— Ну зачем же. Это больше, чем я прошу. И даже, может быть, больше, чем я хочу.

— Вы знаете, что просите невозможного, —

произнес молодой человек с присущей ему напористостью, что снова слегка разозлило Изабеллу.

— Вы не способны сделать даже попытку? Вы, такой сильный? Вы можете все. Почему же вы не можете себя заставить?

— Потому что я люблю вас, — просто сказал Каспар Гудвуд. — А сильный человек и любит сильнее.

— Это, пожалуй, верно. — Изабелла почувствовала правду в его словах. — Как хотите, можете думать обо мне или нет — мне все равно. Только оставьте меня в покое.

— Надолго?

— На год-другой.

— Так на год или на два? Должен сказать — это большая разница.

— Лучше на два, — сказала Изабелла, размышляя, не возымеет ли действие малая толика цинизма.

— И что я буду с этого иметь? — не моргнув глазом высказался молодой человек.

— Я буду вам очень признательна.

— Но какова будет моя награда?

— Вы хотите получить вознаграждение за акт великодушия?

— Разумеется — коль я иду на такую большую жертву.

— Нет великодушия без жертвенности. Вы, мужчины, просто не способны, видимо, это понять. Принесите мне эту жертву — и я буду восхищаться вами.

— Да что мне ваше восхищение! Вопрос в том, выйдете вы за меня замуж или нет!

— Очевидно, нет, если я буду чувствовать то же, что и сегодня.

— Придется мне снова задать свой вопрос. Так что же тогда я выиграю?

— Вы выиграете ровно столько же, сколько надоедая мне до смерти!

Каспар Гудвуд, побагровев, опустил глаза и, казалось, весь ушел в созерцание своей шляпы. Изабелла поняла: наконец-то ее стрела попала в цель. Острая жалость пронзила ее — видеть страдания сильного человека было для нее нестерпимо.

— Зачем вы вынуждаете меня говорить вам такие вещи? — воскликнула она прерывающимся голосом. — Я бы предпочла быть с вами мягкой и доброй. Вы думаете, легко отказывать человеку, который тебя любит? Давайте мерить всех одинаковой мерой — я хотела бы, чтобы мои чувства

тоже щадили. Я знаю, что вы стараетесь проявить максимум деликатности — насколько можете. И все, что вы делаете, разумеется, имеет под собой ту или иную причину. Но я не хочу выходить замуж. И, может быть, у меня никогда и не возникнет такого желания. Я имею полное право на подобные ощущения. А с вашей стороны совершенно невеликодушно стремиться склонить женщину к удобному для вас решению насильно, против ее воли. Я понимаю, что причиняю вам боль, но могу сказать только: мне очень жаль. В чем же моя вина? Что я не согласна выйти за вас просто для того, чтобы доставить вам удовольствие? Я не буду говорить вам, что готова быть вашим другом, потому что эта фраза в данных обстоятельствах прозвучит как насмешка. Но испытайте меня как-нибудь.

Во время этой речи Каспар Гудвуд не сводил глаз с подкладки своей шляпы, словно изучая имя шляпного мастера, указанного на ней. И, когда он наконец взглянул на ее прелестное, раскрасневшееся от страстной речи лицо, от намерения опровергать ее доводы у него ничего не осталось.

— Ладно, я уеду, — завтра же уеду домой, оставлю вас в покое, — пробормотал он. — Только, — добавил он уже громче, — мне ненавистна

мысль, что я должен упустить вас из виду.

— Не бойтесь. Со мной ничего не случится.

— Вы выйдете замуж за другого.

— Вы полагаете, это разумное предположение?

— Почему нет? Я уверен, что охотников будет много.

— Но я только что сказала вам, что я не собираюсь замуж. Более того, возможно, я никогда не решусь на подобный шаг.

— Я помню; но мне как-то в это не верится.

— Я вам очень признательна. То есть, по существу, вы готовы обвинить меня в том, что я дурачу вас? Вы весьма любезны.

— Почему нет? Вы не дали мне торжественного обещания не выходить замуж никогда.

— Но это всего лишь мое желание, — заметила Изабелла, смеясь. В ее голосе слышались нотки горечи.

— Вам только кажется, что вы не хотите выходить замуж, а сами все равно рано или поздно отправитесь под венец, — продолжал Каспар, настроившись, по-видимому, на самое худшее.

— Хорошо. Отправлюсь. Как вам будет угодно.

— Не думаю, однако, — продолжал он, — что под моим присмотром этого бы не случилось.

— Да ну! Вы ведь такого страху на меня наве-

ли! — поддразнила она его и вдруг сменила тон: — Вы и в самом деле думаете, что мне так легко понравиться?

— Конечно, нет, — это как раз то, что, я надеюсь, будет служить мне утешением. Ничем не выдающийся человек вас завоевать не сможет… Но в мире все же существует некоторое количество умных мужчин, а достаточно ведь одного!

— Я не нуждаюсь ни в каком умном мужчине. Зачем? Чтобы он учил меня жить? Я сумею во всем разобраться сама.

— Разобраться, как жить одной? Что ж, когда вам это удастся, научите и меня.

Изабелла взглянула на него, улыбка скользнула по ее лицу.

— О, вам-то нужно жениться! — сказала она.

Трудно сказать, что побудило Изабеллу сделать такого рода замечание, и можно понять молодого человека, которому данный совет показался издевательским. Впрочем, Изабелле всегда казалось, что уж кто-кто, а Каспар Гудвуд просто обязан был сложить оружие к ногам какой-нибудь милой нежной женщины.

— Да простит вам Бог, — пробормотал молодой человек сквозь зубы, отворачиваясь.

Она поняла, что взяла неверный тон, и, поду-

мав, решила исправить ошибку. Это легче всего было сделать, взяв инициативу в свои руки.

— Как вы несправедливы ко мне! — воскликнула она. — Меня не так-то легко прельстить. Мне только что представился случай доказать это.

— Ну да — мне. Премного благодарен.

— Не только вам. — Она помолчала. — На прошлой неделе я отказала одному человеку — как здесь считают, это была по-настоящему блестящая партия.

— Очень рад это слышать, — хмуро отозвался молодой человек.

— Это было предложение, от которого вряд ли смогла бы отказаться какая-нибудь другая девушка; все говорило за то, что нужно согласиться. — Изабелла колебалась, стоило ли сообщать Гудвуду об этом, но, начав говорить, уже не могла остановиться — ей хотелось отвести душу и оправдаться в собственных глазах. — Мне было предложено высокое положение в обществе и огромное состояние — и это было сделано человеком, который мне необыкновенно симпатичен.

Каспар с величайшим интересом взглянул на нее.

— Он англичанин? — спросил он.

— Да. Английский аристократ.

Каспар помолчал, затем произнес:

— Что ж, я рад, что он получил отказ.

— Видите, у вас есть товарищ по несчастью, так что вам не должно быть слишком обидно.

— Какой он мне товарищ, — мрачно сказал Каспар.

— Почему же нет? Ему я отказала окончательно.

— Это не делает его моим товарищем. К тому же он англичанин.

— Помилуйте, разве англичане не такие же люди, как мы?

— О нет, нет, что вы! Они высшие существа!

— Вы все еще сердитесь, — сказала Изабелла. — давайте оставим эту тему.

— Да, сержусь. Признаю себя в этом виновным!

Изабелла отвернулась, подошла к открытому окну и смотрела в пустынный таинственный сумрак улицы, которую оживлял лишь бледный газовый свет фонарей. Опершись о каминную полку, Каспар пожирал девушку глазами. Оба молчали. В сущности, она предложила ему уйти — но, понимая это, он медлил, даже рискуя опротиветь ей окончательно. Она была слишком дорога ему — ведь, чтобы вымолить у нее хотя бы намек на обещание, он пересек Атлантику.

Внезапно она повернулась и шагнула к нему.

— Как вы несправедливы ко мне, — произнесла она. — вы даже не смогли оценить мой поступок. Напрасно я рассказала вам об этом — вам, по-видимому, все равно.

— О, если бы вы отказали ему из-за меня! — вскричал он и осекся, ожидая со страхом, что она опровергнет сию счастливую мысль.

— Частично и из-за вас, — сказала Изабелла.

— Частично? Это выше моего понимания. Если бы вы хоть немного дорожили моими чувствами, вы бы выразились по-иному.

Изабелла нетерпеливо покачала головой, словно сгоняя подступавший к лицу румянец.

— Я отказала прекрасному, благородному человеку. Вам этого мало?

— Благодарю вас, — хмуро пробормотал Каспар. — Несказанно.

— А теперь вам лучше вернуться к себе.

— Могу я увидеть вас еще раз?

— А зачем? Вы опять будете говорить о том же, и ни к чему хорошему это не приведет.

— Обещаю, что не скажу ничего такого, что могло бы досадить вам.

Изабелла подумала мгновение и сказала:

— Через день-два я возвращаюсь в Гарденкорт.

Я не могу пригласить вас туда — это неловко.

Теперь Гудвуд, в свою очередь, помедлил.

— Оцените и вы мой поступок, — сказал он. — Я получил приглашение в Гарденкорт уже неделю назад, но не счел возможным воспользоваться этим.

— Кто послал это приглашение? — удивленно спросила девушка.

— Мистер Ральф Тачетт, который, по-моему, приходится вам кузеном. Я не поехал, поскольку вашего согласия на это не было. Я думаю, это мисс Стэкпол надоумила вашего кузена послать приглашение.

— Разумеется, не я. А Генриетта и вправду много на себя берет, — пробормотала Изабелла.

— Не судите ее слишком строго — ведь это касается и меня.

— Нисколько. Вы как раз повели себя безукоризненно, и я весьма вам благодарна, — сказала Изабелла и даже поежилась при мысли, что Каспар и лорд Уорбартон могли столкнуться в Гарденкорте, — она представила, как это было бы лорду неприятно.

— Когда вы покинете дядюшку, куда вы направитесь? — спросил Каспар.

— Поедем с тетушкой за границу — во Флорен-

цию и куда-нибудь еще.

Это заявление было сделано с такой легкостью и спокойствием, что у Каспара внутри все похолодело — казалось, он воочию видит, как ее вихрем уносит в места, недоступные ему… Тем не менее он тут же задал следующий вопрос:

— И когда же вы вернетесь в Америку?

— Возможно, не скоро. Мне здесь хорошо.

— Вы хотите отказаться от родной страны?

— Не будьте ребенком.

— И будете недостижимы для меня. — Каспар упорно гнул свое.

— Как знать, — сказала она не без пафоса в голосе. — Мир так тесен.

— А мне он кажется необъятным! — воскликнул Каспар с таким неподдельным отчаянием в голосе, что оно тронуло бы Изабеллу, не будь та решительно настроена против различного рода послаблений. С некоторых пор она следовала твердой системе, исключавшей любые уступки, и потому после легкого колебания подытожила:

— Не сердитесь, меня только радует возможность быть недостижимой для вас. Будь вы рядом, я постоянно была бы под наблюдением — а это совсем не то, что мне нравится. Я слишком дорожу своей свободой. Если есть в мире вещь, которой

я по-настоящему дорожу, — добавила она, слегка повысив голос, — то это независимость.

При всей высокомерности этого заявления оно не вызвало в Каспаре отторжения, и даже слегка заносчивый тон его не отпугнул. Прозвучавшее в ее словах возвышенное чувство нисколько не противоречило его представлениям о девушке, которую он собирался взять в жены. Выраженное столь пылко, оно даже показалось ему изящным. Он всегда знал, что у Изабеллы есть крылья, — и сейчас они были готовы к полету. Но он и сам имел не меньший размах, двигаясь по жизни широченными шагами. Если она рассчитывала сразить его своей тирадой, она не достигла цели — он лишь улыбнулся. Он не боялся ее: здесь они, вернее всего, могли бы сойтись.

— Нет человека, который менее меня собирался бы ограничить вашу свободу, — сказал он. — Напротив, самое высшее удовольствие для меня — видеть вас совершенно независимой. И чтобы вы делали все, что вам по душе. Именно для того, чтобы сделать вас независимой, я и хочу жениться на вас.

— Превосходный софизм, — отозвалась девушка с очаровательной улыбкой.

— Незамужняя женщина — тем более моло-

денькая девушка — не может быть независима. Перед ней вырастает масса препятствий — на каждом шагу.

— Это зависит от того, как на это посмотреть, — сказала Изабелла. — Я уже не так юна и могу поступать так, как считаю нужным. Мое положение таково, что я могу быть независима. У меня нет ни отца, ни матери; я небогата; я не из породы смазливых барышень и весьма серьезно настроена. Мне нет никакого резона изображать из себя застенчивую девицу — да я просто не могу себе этого позволить. Я собираюсь судить обо всем сама — полагаю, судить неверно более достойно, чем не судить вообще. Я не желаю быть просто овечкой в стаде — мне хочется самой построить свою судьбу и узнать о мире и людях намного больше, чем принято об этом сообщать молоденьким девушкам. — Она сделала паузу, но недостаточно долгую, чтобы собеседник мог среагировать, — Каспар Гудвуд не успел вставить слова, как она продолжила: — Позвольте еще вот что сказать вам, мистер Гудвуд. Вы сказали, что вас пугает мысль, как бы я не вышла замуж. Если до вас дойдут слухи, что я собираюсь идти под венец — о девушках любят распускать подобные сплетни, — вспомните о том, что я сказала

о своей любви к свободе, и позвольте себе в этом усомниться.

Она говорила с такой пылкой убежденностью и такой искренностью светились ее глаза, что он поверил ей. По тому, как живо он откликнулся на ее слова, можно было понять, что он наконец успокоился.

— Значит, вы просто хотите попутешествовать пару лет? Я готов ждать — вы можете делать то, что хотите. Пусть будет так. Я вовсе не хочу, чтобы вы были как все — я и сам неординарен. Вы хотите расширить свой кругозор? Меня он устраивает и таким, но если вам хочется поездить по свету — что ж, я готов помочь вам чем только смогу.

— Вы великодушны, я всегда это знала. Но если вы действительно хотите помочь мне — уезжайте. Сделайте так, чтобы нас разделяла Атлантика.

— Другой мог бы подумать, что вы собираетесь совершить нечто страшное, — пробормотал молодой человек.

— Пусть так. Я бы хотела быть свободной — даже для того, чтобы совершить нечто страшное, если мне придет в голову такая блажь.

— Ну что ж, — медленно произнес он, — тогда я возвращаюсь домой. — И он протянул ей для

рукопожатия руку, стараясь сделать вид, что доволен и уверен в ней.

Однако Изабелла была куда больше уверена в нем, чем он в ней. Не то чтобы он считал, что она была способна совершить «что-то страшное», но тот факт, что она так упорно отстаивала свой выбор, не сулил ему ничего хорошего. Изабелла же с искренней благодарностью пожала его руку — она понимала, что он сильно любит ее, и ценила его великодушие. Они стояли так — рука в руке — несколько мгновений, и Изабелла вовсе не стремилась поскорей убрать свою.

— Вот и хорошо, — молвила она ласково, почти нежно. — Вы только выиграете, поступив разумно.

— Но через два года я разыщу вас где бы вы ни были, — отозвался он с присущим ему мрачным упорством.

Наша юная леди отнюдь не отличалась последовательностью и тут же возразила на это:

— Но помните, я ничего не обещала, совершенно ничего!

И уже более мягко, как бы давая возможность ему удалиться с миром, добавила:

— Не сердитесь; вы же знаете, меня не так-то легко поймать!

— Ваша независимость осточертеет вам.

— Возможно. Вполне возможно. Вот когда настанет этот день, я и буду рада вас видеть.

Схватившись за ручку двери в свою комнату, она медлила, ожидая, когда визитер откланяется. Но он, казалось, был не способен двинуться с места, как будто еще не потерял надежды переубедить ее. В глазах его затаилась глубокая обида.

Тогда Изабелла уронила:

— Я должна вас оставить.

И, толкнув дверь, прошла в другую комнату.

В ней было темно, но со двора отеля, рассеивая темноту, проникал свет так, что девушка едва могла различить очертания мебели, тусклый отсвет зеркала и большую кровать с четырьмя столбиками по краям. Она постояла неподвижно, вслушиваясь; наконец, Каспар Гудвуд вышел — хлопнула дверь. Она постояла еще мгновение — и потом, не в силах сопротивляться внезапному наплыву чувств, опустилась возле кровати на колени и уронила голову на руки.

Глава 17

Изабелла не молилась — ее била дрожь. Она дрожала всем телом. Она обладала впечатлительной натурой, и ей было трудно справиться с волнением — а коленопреклоненная поза, казалось, несла успокоение. Она испытывала облегчение оттого, что Гудвуд ушел; меж тем голова ее клонилась все ниже — она пыталась справиться с все возрастающим чувством торжества, которое постепенно наполняло ее сердце. Оно казалось постыдным и чужим, но прошло не менее десяти минут, пока она поднялась с колен и вернулась в гостиную — и ей так и не удалось справиться с ним. Дрожь ее, вызванная частично усилиями, которые потребовались для беседы с мистером Гудвудом, а частично тем удовольствием, которое она получила, проявив свою силу, все продолжалась. Изабелла опустилась в то же кресло и взяла ту же книгу — но не открыла ее даже для виду. Она откинулась на спинку и едва слышно стала напевать что-то себе под нос — это была ее обычная реакция на события, когда положительная сторона их читалась не столь

очевидно, — и не без удовлетворения подумала о том, что за истекшие две недели отказала сразу двум поклонникам. Любовь к свободе, о которой Изабелла столь пламенно вещала Гудвуду, собственно говоря, носила у нее лишь умозрительный характер — девушка еще не успела воплотить сей тезис на деле. А теперь ей казалось, что она начала воплощать свою теорию в жизнь — испытала радость если не битвы, то, по крайней мере, победы. Образ Каспара Гудвуда, понуро бредущего по мрачному Лондону, немым укором столь живо рисовался у нее перед глазами, что, когда одна из дверей вдруг неожиданно распахнулась, Изабелла вскочила, уверенная, что это снова он. Но это вернулась из гостей Генриетта.

Мисс Стэкпол сразу заметила, что с Изабеллой что-то стряслось, — для этого вовсе не нужно было особой проницательности. Генриетта подошла к подруге, которая молча смотрела на нее. Конечно, она понимала, что если бы мистер Гудвуд не пришел к ней с визитом, то ей бы не представилась возможность отослать его обратно в Америку, — а это было отрадным событием, — но она ни на минуту не забывала, что Генриетта не имела права расставлять ей ловушку.

— Он был здесь, дорогая? — придав своему голо-

су всю мягкость, на которую она была способна, спросила Генриетта.

Изабелла отвернулась и несколько мгновений молчала.

— Ты поступила очень дурно, — сказала она.

— Я хотела как лучше, дорогая. Надеюсь, и ты вела себя наилучшим образом.

— Не тебе судить об этом. Я больше не доверяю тебе.

Это была весьма нелестная аттестация, но Генриетта пропустила ее мимо ушей — она была слишком бескорыстна и думала только о том, что означают слова подруги, а форма обращения ее не интересовала.

— Изабелла Арчер, — торжественно произнесла она, — если ты выйдешь замуж не за американца, я перестану разговаривать с тобой!

— Прежде чем угрожать, дождись хотя бы того, чтобы меня пригласили, — пробормотала Изабелла. Не сказав до сих пор ни слова о предложении лорда Уорбартона, она вовсе не желала оправдываться и сообщать ей о том, что она отказала английскому аристократу.

— О, тебе быстро представится такой случай, стоит только отправиться на континент. Анни Климбер в Италии получила целых три предло-

жения — а ведь она такая дурнушка.

— Уж если Анни не попалась в ловушку, почему ты так беспокоишься обо мне?

— Не верю, чтобы Анни слишком сильно уговаривали. С тобой будет по-другому.

— Ты мне льстишь, — рассмеялась Изабелла.

— Я не льщу тебе, а говорю чистую правду, — возразила Генриетта. — Надеюсь, ты не хочешь мне сказать, что ты не оставила Гудвуду никакой надежды?

— Не понимаю, почему я должна отчитываться перед тобой. Я же сказала, что больше не могу тебе доверять. Но раз уж ты так заинтересована в судьбе мистера Гудвуда, не буду скрывать, что он отправляется обратно в Америку.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ты разогнала его? — в ужасе вскричала Генриетта.

— Я попросила его оставить меня в покое. И тебя, Генриетта, прошу о том же.

Мисс Стэкпол, широко раскрыв глаза, замерла; однако в следующее же мгновение она двинулась к зеркалу над камином и стала снимать шляпку.

— В гостях все было хорошо? — произнесла Изабелла обычным, «светским» тоном.

Но Генриетту не так-то просто было сбить с того пути, который был ею намечен, — даже если ей

предлагалось рассказать о себе.

— Знаешь ли ты, куда идешь, Изабелла Арчер? — спросила она.

— Сейчас — прямиком спать, — ответила Изабелла тем же «легким» тоном.

— И куда ты плывешь, дрейфуя, как щепка в буйном море? — продолжала гнуть свое Генриетта, все еще со шляпкой в руке.

— Не знаю и не желаю знать — и это чертовски приятно. Темная ночь, карета, четверка лошадей, — и они мчат меня невесть куда. Вот мое представление о счастье.

— Эти слова героини бульварного романа — определенно не влияние мистера Гудвуда, — заявила Генриетта. — Ты на краю пропасти!

Изабеллу разозлило то, что подруга вмешивается не в свое дело, — но, даже злясь, она понимала, что в словах Генриетты есть доля правды.

— Ты, наверное, очень привязана ко мне, Генриетта, если позволяешь себе так нападать на меня, — сказала она.

— Я люблю тебя, Изабелла, — с чувством отозвалась Генриетта.

— Тогда оставь меня в покое. Я попросила об этом мистера Гудвуда, об этом же прошу и тебя.

— Как бы все это плохо для тебя не кончилось.

— Мистер Гудвуд тоже пугал меня. Я сказала ему, что готова рискнуть.

— Ты такая рисковая — меня просто в дрожь бросает! — вскричала Генриетта. — Когда мистер Гудвуд возвращается в Америку?

— Не знаю. Он не говорил.

— Вероятно, ты не спрашивала, — сказала Генриетта голосом, в котором явно читался сарказм.

— Он был так расстроен тем, что я сказала, что я не считала себя вправе задавать вопросы.

Генриетту так и подмывало прокомментировать эту реплику, но она сдержалась и сказала только:

— Если бы я не знала тебя, я решила бы, что ты бессердечна.

— Ты слишком хорошего мнения обо мне. Не боишься избаловать?

— Боюсь, уже избаловала, — вздохнула Генриетта. — Ну, надеюсь, на обратном пути он хотя бы встретится с Анни Климбер!

На следующее утро она сообщила Изабелле, что не намеревается возвращаться в Гарденкорт (где стариком Тачеттом было вновь ей обещано гостеприимство), а останется в Лондоне и будет ожидать от лорда Бентлинга обещанного приглашения в дом его сестры, леди Пензл. Она излишне

вольно истолковала свою беседу с дружелюбным приятелем Ральфа и заявила Изабелле, что наконец-то она заполучила что-то, из чего можно будет что-то извлечь. По получении приглашения — а можно сказать, мистер Бентлинг это гарантировал — она немедленно отправится в Бердфордшир, и, если Изабеллу будут интересовать ее впечатления, она, несомненно, найдет их на страницах «Интервьюера». Уж на этот раз Генриетте удастся увидеть жизнь англичан изнутри.

— Да знаешь ли ты, куда ты дрейфуешь, Генриетта Стэкпол? — спросила Изабелла, в точности имитируя тон, которым та произнесла похожую фразу накануне.

— Куда? Прямо в королевы американской журналистики! Если мой следующий материал не перепечатает весь Запад, я проглочу свою перочистку!

Генриетта договорилась со своей приятельницей мисс Анни Климбер, получившей много матримониальных предложений в Европе и покидавшей полушарие, столь высоко ее оценившее, отправиться за прощальными покупками — и отбыла на Джермин-стрит для встречи с ней. Вскоре после ее ухода доложили о появлении

Ральфа Тачетта, и, как только он вошел, по выражению его лица Изабелла догадалась, что он чем-то расстроен. Он почти сразу же объяснил кузине, в чем дело: от матери пришла телеграмма о том, что с отцом приключился тяжелый приступ его давнишней болезни; она была крайне встревожена и просила сына вернуться в Гарденкорт как можно быстрее. На сей раз любовь миссис Тачетт к телеграфной связи не вызывала возражений.

— Я решил первым делом обратиться к сэру Мэтью Хоупу, известнейшему лондонскому врачу, — сказал Ральф. — К счастью, он сейчас в городе и назначил мне прийти в половине первого. Я буду просить его поехать со мной в Гарденкорт, и думаю, он согласится, поскольку несколько раз уже пользовал отца — и там, и в Лондоне. Поезд в два сорок пять. Вы можете поехать с нами, а можете остаться еще на несколько дней.

— Конечно, я поеду с вами! — воскликнула Изабелла. — Не знаю, смогу ли я быть чем-нибудь полезной, но раз дядя болен, я хочу быть рядом с ним.

— Так вы привязались к нему, — сказал Ральф, и в глазах его вспыхнула радость. — Вы един-

ственная смогли оценить его по достоинству. Слишком уж это тонкая материя.

— Я просто полюбила его, — сказала Изабелла.

— Я рад. Он самый горячий ваш обожатель — после своего сына.

Изабелла с удовольствием выслушала это признание и втайне облегченно вздохнула, что мистер Тачетт относился к тому роду обожателей, которые не станут предлагать ей свою руку и сердце. Однако вслух она этого не сказала, а объяснила Ральфу, что вообще устала от Лондона и к тому же Генриетта собирается ее покинуть и отправиться в Берфордшир.

— В Берфордшир? — удивленно спросил Ральф.

— С леди Пензл, сестрой мистера Бентлинга, которая вот-вот должна прислать приглашение.

Несмотря на то что у Ральфа на душе было тревожно, он рассмеялся. Впрочем, он тут же стряхнул с себя веселость.

— Бентлинг — бесстрашный человек! Но что, если письмо затеряется в пути?

— Я полагала, что британская почта работает безупречно.

— И на старуху бывает проруха. Однако, — добавил он, — это не касается Бентлинга, и, что бы ни случилось, он наверняка позаботится о

Генриетте.

Ральф ушел на встречу с врачом, а Изабелла принялась готовиться к отъезду. Недуг дяди ее сильно встревожил; она стояла над раскрытым чемоданом, оглядываясь в поисках вещей, которые необходимо было уложить, и на глаза ее то и дело навертывались слезы. Наверное, именно поэтому, когда Ральф вернулся за ней в два часа, она еще не была готова. В гостиной Ральф застал мисс Стэкпол, которая только что приступила ко второму завтраку, и она немедленно выразила сожаление по поводу болезни мистера Тачетта.

— Такой великолепный старик! — сказала она. — Верен себе до конца. И если это действительно конец — простите, что я так говорю, но вы, несомненно, думали о таком исходе, — жаль, что я не могу поехать с вами в Гарденкорт.

— Вам будет куда веселее в Берфордшире.

— Какое уж тут веселье, — как и приличествовало, проговорила Генриетта и добавила: — Жаль, что я не смогу запечатлеть эти последние минуты.

— Мой отец, даст бог, еще поживет, — отозвался на это Ральф и, меняя тему разговора на более приятную, осведомился у мисс Стэкпол о ее планах на будущее.

Теперь, когда у Ральфа была беда, Генриетта сменила гнев на милость и даже поблагодарила его за то, что он познакомил ее с лордом Бентлингом.

— Он рассказал мне множество вещей, которые я хотела узнать, — сказала Генриетта, — о здешних обычаях и о королевской семье. Не уверена, что его сведения делают ей честь, но мистер Бентлинг утверждает, что все дело в моей своеобразной точке зрения. Но не важно: все, что мне нужно от него, — это факты. Получив их, я уж сумею связать их воедино.

Потом она добавила, что мистер Бентлинг обещал заехать за ней после обеда.

— И куда вы отправитесь? — рискнул спросить Ральф.

— В Букингемский дворец. Он хочет показать мне здание, чтобы я получила представление о том, как там живет королевская семья.

— О, — произнес Ральф, — мы оставляем вас в надежных руках. Первое, что мы услышим в ближайшее время, — что вы приглашены в Виндзорский замок.

— Разумеется, я соглашусь, если меня позовут. Взявшись за дело, я никогда не пасую. Но все-таки, — добавила она после паузы, — не могу

сказать, чтобы я была всем довольна. Мне очень тревожно за Изабеллу.

— Что она опять натворила?

— Ну, поскольку вы уже в курсе дела, особого вреда не будет, если я продолжу. Уж если я берусь за тему, то довожу ее до конца. Вчера здесь был мистер Гудвуд.

Глаза Ральфа слегка расширились, и он немного покраснел — верный признак глубокого волнения. Он вспомнил, что Изабелла, расставаясь с ним, решительно отвергла его предположение, будто она торопится покинуть Винчестерсквер потому, что ожидает гостя. Ральфа впервые посетила мысль о ее неискренности. «Но с другой стороны, — быстро сказал себе молодой человек, — какое мне дело до того, что молодая девушка назначила свидание возлюбленному? Испокон веков девушки окружали такие свидания тайной, и это всегда считалось естественным».

И Ральф дал Генриетте дипломатичный ответ:

— При тех взглядах, которые вы высказывали мне как-то, это должно вас только порадовать.

— Что они виделись? Конечно. Это все моя работа. Я дала мистеру Гудвуду знать, что мы в Лондоне. А когда так удачно получилось, что я должна была провести вечер в гостях, я дала ему

знать — послала пару слов. Я знала, что вы не будете мешать. Я рассчитывала, что он застанет Изабеллу одну. Так все и вышло, но он мог бы и не приезжать.

— Изабелла была жестокосердна? — спросил Ральф, улыбаясь, испытывая облегчение оттого, что кузина не обманывала его.

— Не знаю точно, что между ними произошло, но она не оставила ему никакой надежды — отправила его обратно в Америку.

— Бедный мистер Гудвуд! — воскликнул Ральф.

— Похоже, она только и думает, как бы избавиться от него, — продолжала Генриетта.

— Бедный мистер Гудвуд! — повторил Ральф. Надо признать, это восклицание звучало несколько механически и никак не отражало его мыслей, которые были устремлены в ином направлении.

— Вы говорите это неискренне. Я не верю, что вам жаль этого молодого человека.

— О, — сказал Ральф, — если вы потрудитесь вспомнить — я ведь совершенно не знаю этого выдающегося молодого человека. Я даже его никогда не видел.

— Что ж, я-то вскоре увижу его и скажу, чтобы он не отступал. Если бы я не верила, что Изабелла

снова станет самой собой, — добавила Генриетта, — я бы сама давно уже отступилась от нее!

Глава 18

Ральф, полагая, что при данных обстоятельствах прощание подруг могло выйти несколько натянутым, спустился к выходу, и его кузина некоторое время спустя последовала за ним, и в глазах ее, ему показалось, еще горел отблеск немого протеста. Весь путь до Гарденкорта прошел в полном молчании, и слуга, встретивший путешественников на станции, не смог сообщить ничего утешительного о состоянии мистера Тачетта. Ральф мысленно поздравил себя с тем, что ему удалось добиться от сэра Мэтью Хоупа обещания прибыть вслед за ними пятичасовым поездом и остаться до завтра. Миссис Тачетт, как он узнал, переступив порог дома, неотлучно находилась рядом с супругом, и он подумал, что мать просто ждала подходящей возможности, чтобы проявить свое отношение к мужу. Истинно благородные натуры проявляют себя в трудных ситуациях.

Изабелла прошла к себе в комнату; кругом ощущалась гнетущая тишина, которая, казалось, предвещала несчастье. Час спустя, однако, она

сошла вниз, решив разыскать тетушку и расспросить ее о здоровье мистера Тачетта. Она прошла в библиотеку, но мисс Тачетт там не оказалось. Поскольку на улице было холодно и сыро — погода, и без того неважная, испортилась окончательно, — вряд ли можно было предположить, что миссис Тачетт отправилась на прогулку в парк. Изабелла протянула было руку к звонку, чтобы послать на половину тети служанку, когда ее внимание привлек неожиданный звук — из гостиной доносилась негромкая музыка. Изабелла не помнила, чтобы тетушка когда-нибудь музицировала, — стало быть, это играл Ральф, иногда открывавший фортепиано ради собственного удовольствия. Раз он позволил себе в такое время развлечься, это могло означать только одно — что старику Тачетту лучше, и Изабелла, воодушевившись, устремилась в гостиную. Гостиная в Гарденкорте была огромной, а пианино стояло в конце, противоположном тому, с которого вошла Изабелла, и сидящая за инструментом особа не заметила ее появления. Эта особа, сидевшая к ней спиной, была вовсе не Ральфом и даже не его матерью, а какой-то совершенно незнакомой Изабелле дамой. Несколько мгновений Изабелла в изумлении взирала на пышную, затянутую в

красивое платье спину незнакомой дамы. Несомненно, она принадлежала какой-то гостье, которая появилась после отъезда Изабеллы и о которой никто из слуг — в том числе и горничная тетушки — не счел нужным сказать ей. Впрочем, Изабелла уже усвоила, что слуги в Британии не обладают вулканическим темпераментом, и она уже привыкла к сдержанности, сквозившей в движениях рук тетушкиной горничной, которая, видимо, не одобряла эту молоденькую девушку из Олбани, с некоторым легкомыслием относившуюся к такому серьезному занятию, как одевание. Появление новой гостьи в какой-то степени воодушевило Изабеллу — она находилась еще в таком юном возрасте, когда кажется, что каждое новое лицо, возможно, оставит в твоей жизни значительный след. Но эти мысли — одна за другой — еще и не успели пронестись в голове Изабеллы, когда она вдруг поняла, что играет незнакомка удивительно хорошо. Она играла что-то из Бетховена, — Изабелла не знала, что именно, но это, несомненно, был Бетховен. Пальцы ее летали по клавишам удивительно мягко и нежно, и в ее игре чувствовалось удивительное мастерство. Бесшумно опустившись на ближайший стул, Изабелла дослушала пьесу до конца.

Когда дама кончила играть, у Изабеллы возникло горячее желание поблагодарить ее, но не успела она подняться, как женщина за пианино резко обернулась, как будто бы она почувствовала присутствие девушки.

— Прекрасная музыка, а ваше исполнение делает ее еще прекраснее, — сказала Изабелла со всей своей юной горячностью, на которую только была способна.

— Думаете, я не потревожила мистера Тачетта? — отозвалась музыкантша так ласково, как и требовалось отозваться на подобного рода комплимент. — Дом такой огромный, и его комнаты так далеко, что я подумала, я могу рискнуть — тем более что я играла только едва касаясь клавиш…

«Француженка, — решила про себя Изабелла, — у нее какой-то французский акцент…» Это предположение сделало ее в глазах нашей героини еще более интересной.

— Надеюсь, дяде лучше, — продолжала Изабелла. — Во всяком случае, от такой прекрасной музыки ему должно стать лучше.

В улыбке дамы промелькнуло сомнение.

— Боюсь, бывают такие моменты, когда даже Бетховен ничем не может нас утешить. Правда, как правило, так бывает в худшие моменты на-

шей жизни.

— Что касается меня, то я готова слушать вас еще и еще.

— Что ж, пожалуйста, если это доставит вам удовольствие.

И любезная незнакомка снова повернулась к фортепиано и взяла несколько аккордов. Изабелла пересела поближе. Внезапно дама перестала играть и, не снимая пальцев с клавиш, полуобернулась и через плечо взглянула на Изабеллу. Ей было лет сорок. Не красавица, но очаровательна, подумала Изабелла.

— Простите, — произнесла она. — Вы ведь племянница… та самая юная американка?

— Да, племянница… тетина, — ответила Изабелла просто.

Дама за фортепиано глядела на Изабеллу с очаровательной улыбкой на губах.

— Чудесно, — наконец сказала она, — мы с вами соотечественницы.

И начала играть.

«О, значит, не француженка», — сказала себе Изабелла. Первоначальная гипотеза казалась ей более романтичной, но установленная истина не привела к разочарованию. Слушая музыку, она одновременно размышляла и пришла к выводу,

что американки вообще отличаются от остальных женщин.

Дама продолжала играть все так же негромко и проникновенно. В гостиной меж тем сгущались тени — наступили сумерки. Изабелла видела, как холодный осенний дождь поливал мокрую, словно озябшую лужайку, а деревья гнулись от сильного ветра. Наконец незнакомка кончила играть, встала, подошла к Изабелле и, прежде чем та успела еще раз поблагодарить ее, сказала:

— Рада, что вы возвратились. Я столько слышала о вас.

Изабелле очень нравилась незнакомка, но она отозвалась с некоторой неловкостью:

— Слышали? От кого?

Дама замялась на мгновение, потом ответила:

— От вашего дяди. Я здесь уже три дня. В первый день он позволил мне посидеть с ним в его спальне. Он говорил только о вас.

— Наверное, это было скучно — вы же не знали меня.

— Напротив — мне захотелось познакомиться с вами. Тем более что ваша тетушка не отходит от мистера Тачетта, а я большую часть времени провожу в одиночестве и смертельно устала от своего собственного общества. Я выбрала весьма

неудачный момент для визита.

Вошел слуга с лампами, за ним другой, который принес поднос с принадлежностями для чаепития. Появилась миссис Тачетт, которой, видимо, доложили, что чай подан; она сдержанно приветствовала Изабеллу и с той же безучастностью приподняла крышку чайника, чтобы взглянуть на содержимое, — ни в том, ни в другом случае не подобало выказывать слишком большой интерес. Она не смогла сказать ничего утешительного о здоровье мужа; с ним остался его лечащий врач, и теперь большие надежды возлагали на предстоящие консультации сэра Мэтью Хоупа.

— Надеюсь, вы уже познакомились? — спросила миссис Тачетт. — Если нет, то рекомендую это сделать, поскольку, пока мы с Ральфом будем находиться у постели мистера Тачетта, вам вряд ли придется наслаждаться более широким обществом.

— Я ничего о вас не знаю, кроме того, что вы прекрасная пианистка, — сказала Изабелла, обращаясь к гостье.

— А это далеко не все, что следовало бы узнать, — произнесла миссис Тачетт в своей обычной суховатой манере.

— Но я уверена, что для мисс Арчер мало что

будет представлять интерес! — воскликнула гостья и рассмеялась. — Я давняя приятельница вашей тети. Я долго жила во Флоренции. Я — мадам Мерль.

Последние слова прозвучали так, как будто она говорила о всем известной личности. Однако Изабелле это имя ничего не говорило, она понимала лишь, что ни у кого в жизни она не встречала столь очаровательных манер.

— Она не иностранка, несмотря на имя, — сказала миссис Тачетт. — Она родилась… вечно я забываю, где ты родилась.

— Значит, не стоит и говорить об этом.

— Очень даже стоит, — сказала миссис Тачетт, которая всегда стремилась довести мысль до логического конца. — Вот если бы я помнила, то тогда твое напоминание было бы лишним.

Мадам Мерль одарила Изабеллу прекрасной открытой улыбкой.

— Я родилась под сенью национального флага.

— Мадам Мерль обожает недомолвки, — заметила миссис Тачетт. — Это самый крупный ее недостаток.

— О, — отозвалась мадам Мерль, — у меня множество недостатков, но только не этот. И уж определенно это не самый большой. Я появилась

на свет на Бруклинских военных верфях. Мой отец был моряк и в то время занимал довольно высокий пост в американском военном флоте. Мне полагалось бы любить море, но я его терпеть не могу. Вот почему я не возвращаюсь в Америку. Я люблю сушу. Это так прекрасно — любить что-нибудь.

Изабелла как беспристрастная свидетельница не нашла меткой характеристику, которую миссис Тачетт дала своей подруге. Живое, приветливое лицо мадам Мерль отнюдь не наводило на мысль о скрытности. В этом лице читалось богатство натуры, широта чувств, стремительных и свободных. Оно не обладало классически правильными прекрасными чертами, но было на редкость привлекательным.

Высокая пышная блондинка, мадам Мерль была сложена так счастливо, что не казалась излишне полной. Черты лица ее были крупноваты, но удивительно соразмерны. Из ее небольших серых глаз исходил удивительный свет — они никогда не тускнели, хотя, справедливости ради, надо добавить, что никто не видел, чтобы в них когда-нибудь блеснула слеза. Большой, четко очерченный рот при улыбке чуть-чуть кривился влево, что почти все ее знакомые нахо-

дили необычным, кое-кто — жеманным, и лишь некоторые — неотразимым. Изабелла скорее относилась к последней категории. У мадам Мерль были прекрасные густые волосы, причесанные с живописной простотой, и крупные белые руки совершенной формы — столь совершенной, что их хозяйка предпочитала не украшать их — и не носила колец. Как мы видели, Изабелла сначала приняла ее за француженку, но дальнейшие наблюдения привели ее к мысли, что скорее ее можно принять за немку — благородную немку, графиню, княгиню. Менее всего можно было предположить, что она родилась в Бруклине — хотя и непонятно, почему в этом месте не могла родиться столь изысканная дама. Государственный флаг Соединенных Штатов действительно реял над ее колыбелью; эти звезды и полосы, свободно плескавшиеся на ветру, казалось, тогда еще могли предопределить ее жизненное кредо. Однако мадам Мерль было вовсе не свойственно колебаться и трепетать; ее манеры отличались спокойствием и уверенностью, которые приходят лишь с большим опытом. Но этот опыт не лишил ее молодости, а лишь привнес благожелательность и мягкость. Если можно так выразиться, мадам Мерль была женщиной сильных чувств,

но она держала их в узде. «Что за идеальная комбинация», — восхитилась Изабелла.

Изабелла предавалась этим мыслям, пока все трое пили чай, но эта идиллия вскоре была прервана прибытием из Лондона Мэтью Хоупа. Его немедленно провели в гостиную. Миссис Тачетт тут же увела его в библиотеку поговорить с глазу на глаз, а Изабелла и мадам Мерль расстались до следующей трапезы. Перспектива увидеться с этой необыкновенной женщиной снова немного приглушала в Изабелле гнетущее чувство печали, которое заволокло весь Гарденкорт.

Когда девушка спустилась в гостиную перед обедом, там еще никого не было. Через мгновение появился Ральф. Его тревога за здоровье отца немного утихла — сэр Мэтью смотрел на положение старого Тачетта не столь мрачно. Он разрешил на ближайшие два-три часа оставить больного под присмотром одной лишь сиделки, так что Ральф, его мать, да и сам врач могли спокойно пообедать. Вошли миссис Тачетт и сэр Мэтью. Последней появилась мадам Мерль. До ее прихода Изабелла успела поговорить о ней с Ральфом, расположившимся у камина.

— Что за человек эта мадам Мерль?

— Самая умная из всех известных мне женщин,

не исключая и вас, — ответил Ральф.

— Она необыкновенно приятна в общении.

— Я не сомневался в том, что она вам понравится, — отозвался Ральф.

— Поэтому вы и пригласили ее сюда?

— Я не приглашал ее. Когда мы вернулись из Лондона, я и понятия не имел, что она здесь. Она — подруга мамы, и, когда мы с вами уехали, она прислала ей записку и попросила принять ее на несколько дней. Мадам Мерль живет за границей, но в Англии проводит немало времени. Она относится к той категории женщин, которые не задумываясь могут позволить себе такое письмо — она везде желанный гость. А уж о моей матери и говорить нечего: мадам Мерль — единственная персона в мире, которая вызывает ее восхищение. Если бы моя мать не была собой — а это все-таки для нее предпочтительнее, — то она согласилась бы быть только мадам Мерль. Это бы и в самом деле была великая перемена!

— Да, она совершенно очаровательна, — сказала Изабелла. — А как она играет на пианино!

— Она все делает прекрасно, — отозвался Ральф. — Она само совершенство.

Изабелла внимательно посмотрела на него.

— А вы недолюбливаете ее, — сказала она.

— Наоборот. Я даже был в нее влюблен.

— А она осталась к вам равнодушной, поэтому вы ее недолюбливаете.

— Тут нечего обсуждать. Тогда еще был жив месье Мерль.

— Он умер?

— Так она говорит.

— Вы ей не верите?

— Верю, потому что это заявление весьма правдоподобно. Муж мадам Мерль непременно должен был раствориться в пространстве.

Изабелла снова взглянула на кузена.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду. Вы что-то хотите мне дать понять… о чем не желаете говорить. Кем он был, этот месье Мерль?

— Мужем мадам.

— Вы просто несносны. У нее есть дети?

— Ни одного. К счастью.

— К счастью?

— Я имею в виду — для ребенка; мадам Мерль его бы испортила.

Изабелла уже раскрыла рот, чтобы еще раз сообщить кузену, что он несносен, но в это время явилась особа, о которой они вели беседу. Она быстро вошла в гостиную, прошелестев темно-синим атласным платьем, глубокий вырез которого

открывал белую грудь, не слишком успешно прикрытую необычным серебряным ожерельем. Она извинилась за опоздание, застегивая на ходу браслет. Ральф тут же, с преувеличенной любезностью бывшего поклонника, предложил ей руку.

Впрочем, даже если молодой человек все еще и питал к сей даме какие-то чувства, сейчас ему было явно не до нее. Знаменитый лекарь, переночевав в Гарденкорте и еще раз переговорив с лечащим врачом старика, вернулся в Лондон, согласившись по настоятельной просьбе Ральфа повторить свой визит на следующий день. Он вернулся, и на этот раз нашел состояние больного не таким обнадеживающим. За прошедшие сутки ему стало хуже. Он совсем ослаб, и Ральфу, который не отходил от постели больного, уже не раз казалось, что вот-вот наступит конец. Лечащий врач, человек здравомыслящий, которому в глубине души Ральф доверял даже больше, чем его именитому коллеге, также находился при мистере Тачетте неотлучно. Сэр Мэтью еще несколько раз приезжал в Гарденкорт. Мистер Тачетт подолгу оставался в полузабытье — он много спал и почти ничего не говорил. Изабелле очень хотелось быть чем-то полезной дяде, и несколько

раз, пока остальные, кто ухаживал за больным (и миссис Тачетт занимала среди них отнюдь не последнее место), отдыхали, ей позволили посидеть с ним. Тачетт, по-видимому, не узнавал ее, а она постоянно твердила себе: «Только бы он не умер, пока я здесь одна», и эта мысль так пугала ее, что прогоняла ее сон. Однажды он открыл глаза и вполне осмысленно посмотрел на нее, но не успела Изабелла подойти к нему, как он снова впал в беспамятство. Однако на следующий день сознание вернулось к нему на более длительное время; на этот раз у постели его сидел Ральф. Старик, к огромной радости сына, заговорил, и тот стал уверять его, что ему скоро позволят сесть.

— Нет, мой мальчик, — сказал мистер Тачетт, — если только ты не собираешься похоронить меня в таком положении, как делали некоторые древние… да, кажется, древние люди.

— О, папа, не говори так, — пробормотал Ральф. — Ты же не можешь отрицать, что тебе стало лучше.

— Если бы ты не произнес эти слова, не было бы нужды тратить силы, чтобы отрицать это. Зачем нам под конец кривить душой друг с другом? Мы ведь никогда не делали этого раньше. Должен же я когда-то умереть — и лучше умереть больным,

чем полным сил. Я очень болен — больше, чем когда-либо. Не будешь же ты уверять меня, что мне может быть еще хуже, чем сейчас? Это было бы слишком. Не будешь? Отлично.

Высказав это, больной затих, но некоторое время спустя, когда около него снова оказался Ральф, он снова заговорил. Сиделка отлучилась поужинать, и Ральф оказался с ним наедине, сменив миссис Тачетт, дежурившую около мужа после обеда. Комнату освещал только мерцающий в камине огонь, в последние дни его поддерживали непрерывно, и длинная тень, которую отбрасывала фигура Ральфа, плясала по стене и потолку, все время принимая разные причудливые очертания.

— Кто здесь? Ты, сынок? — спросил старик.

— Да, я, папа.

— Больше никого?

— Никого.

Помолчав немного, мистер Тачетт произнес:

— Я хочу немного поговорить с тобой.

— Это не утомит тебя? — озабоченно спросил Ральф.

— Это не важно. У меня впереди долгий отдых. Я хочу поговорить о тебе.

Ральф еще ближе придвинулся к кровати, на-

клонился к отцу и накрыл его руку своей.

— Тебе лучше выбрать тему попривлекательнее.

— Она достаточно привлекательна для меня. Я всегда гордился твоим умом. Мне бы так хотелось узнать, что ты сделал что-нибудь в жизни.

— Если ты покинешь нас, мне нечего будет делать, разве что тосковать о тебе, — отозвался Ральф.

— Именно это меня и беспокоит. Именно об этом я и хотел поговорить. Тебе нужно найти какой-то новый интерес в жизни.

— Мне не нужен никакой новый интерес, папа. Я и со старыми-то не знаю, что делать.

Старик лежал в полутьме, не сводя с сына глаз. Лицо его было лицом умирающего, но глаза были глазами Дэниела Тачетта. Казалось, он весь погрузился в мысли о будущем сына.

— У тебя, конечно, есть мать, — произнес мистер Тачетт. — Ты будешь заботиться о ней.

— Мама сама о себе позаботится, — сказал молодой человек.

— Да, но когда она состарится, ей, возможно, понадобится помощь.

— Я этого не увижу. Она меня переживет.

— Может быть, но это еще не причина… — Ми-

стер Тачетт позволил своей фразе потонуть в беспомощном вздохе и снова замолчал.

— Не тревожься о нас, — сказал Ральф. — Право же, мы с мамой отлично ладим.

— Ладите, потому что живете врозь. А это неестественно.

— Если ты покинешь нас, возможно, мы будем видеться чаще.

— Да, — произнес старик, унесясь мыслями куда-то далеко, — не думаю, чтобы моя смерть как-то изменила ее жизнь.

— Наверное, больше, чем ты думаешь.

— У нее будет больше денег, — сказал мистер Тачетт, — я оставляю ей приличное наследство, как если бы она была мне хорошей женой.

— По ее понятиям, она и была хорошей женой — никогда не доставляла тебе никаких забот.

— Иногда заботиться приятно, — пробормотал мистер Тачетт. — Например, те, что были связаны с тобой… Но, знаешь, твоя мать стала менее отчужденной, что ли, с тех пор, как я слег. Надеюсь, она знает, что я заметил это.

— Я расскажу ей. Рад, что ты обратил на это внимание.

— Да ей это безразлично… она не для меня старается. Она старается… старается… — Старик умолк,

словно обдумывая, для кого же она старается. — Для себя, — сформулировал он наконец. — Она делает это для собственного удовольствия. Но я не о ней хотел поговорить… о тебе. Ты будешь хорошо обеспечен.

— Да, знаю, — сказал Ральф. — Надеюсь, ты не забыл, о чем мы говорили с тобой год назад. Я тогда точно сказал тебе, сколько денег мне нужно, и попросил найти достойное применение остальной их части.

— Да, помню… Я тогда же составил новое завещание. Полагаю, подобное произошло впервые — чтобы наследник добивался, чтобы завещание изменили ему во вред.

— Вовсе не во вред, — запротестовал Ральф. — Было бы хуже, если бы мне пришлось управляться с крупным состоянием. Вот что было бы вредно человеку с моим здоровьем.

— У тебя и будет столько, сколько нужно… и даже больше. И для одного, и даже для двоих.

— Это слишком, — отозвался Ральф.

— Не говори так. Самое лучшее, что ты можешь сделать, когда меня не станет, — это жениться.

Ральф знал, что отец перейдет к этой теме — ничего нового в этом не было. Это был самый изобретательный способ, при помощи которого

он выражал свой оптимизм в отношении здоровья сына. Обыкновенно Ральф отшучивался, но сейчас данный тон был неуместен. Он только откинулся на спинку стула и посмотрел в умоляющие глаза отца столь же умоляющим взглядом.

— Уж если я со своей женой, которая не слишком меня любила, прожил вполне счастливую жизнь, — сказал старик, упрямо продолжая разговор на эту тему, — как хорошо жилось бы тебе. Если бы ты женился на девушке, не похожей на миссис Тачетт? Кстати, в мире куда больше отличающихся от нее женщин, чем похожих.

Ральф по-прежнему молчал, и после короткой паузы отец мягко спросил его:

— Что ты думаешь о своей кузине?

Молодой человек встретил этот вопрос застывшей на губах улыбкой. Потом он произнес:

— Насколько я понял, ты предлагаешь мне жениться на Изабелле?

— В конечном итоге да. Она ведь нравится тебе?

— Да. Очень. — Ральф поднялся, подошел к камину, постоял перед ним мгновение, затем нагнулся и стал механически перемешивать в нем угли.

— Изабелла мне очень нравится, — повторил

он.

— Что ж, и ты ей нравишься. — сказал отец. — Она мне говорила.

— Может быть, она сказала тебе, что хотела бы выйти за меня?

— Нет, но что она может иметь против тебя? И она самая очаровательная девушка из всех, кого я повидал на своем веку. Вам было бы не так плохо вместе. Я много думал об этом.

— Я тоже, — сказал Ральф, снова садясь у его постели. — Как видишь, я не боюсь признаться в этом.

— Так ты влюблен в нее? Мне следовало бы догадаться об этом. Словно она была послана сюда самой судьбой.

— Нет, я не влюблен в нее. Но мог бы влюбиться… Если бы в моей жизни кое-что было по-другому.

— В жизни всегда мешают определенные обстоятельства — редко бывает иначе, — сказал старик. — Если ты будешь сидеть и ждать у моря погоды, вряд ли ты чего добьешься. Не знаю, известно тебе или нет, но, думаю, вреда не будет, если я проговорюсь в такую минуту… Кое-кто не так давно сделал Изабелле предложение… но получил отказ.

— Я знаю, она отказала лорду Уорбартону. Он сам сказал мне.

— Стало быть, есть шанс у кого-нибудь другого.

— Кое-кто другой попытал счастья в Лондоне… результат был тот же.

— Это был ты? — взволнованно спросил мистер Тачетт.

— Нет, один ее старый знакомый. Бедняга приехал для этого из Америки.

— Мне весьма жаль его. Но это только доказывает мои слова. Путь для тебя открыт.

— Если это и так, дорогой отец, тем печальнее, что я не смогу воспользоваться этим. У меня не так много убеждений, но есть три-четыре, которых я придерживаюсь твердо. Во-первых, не следует жениться на близких родственницах. Во-вторых — людям с больными легкими лучше не жениться вообще.

Старик приподнял немощную руку и помахал указательным пальцем, протестуя.

— Что ты хочешь этим сказать? Вечно у тебя какой-то искаженный взгляд на происходящее. Какая она тебе близкая родственница? Ты впервые увидел ее в двадцатилетнем возрасте. Все мы друг другу родственники. Если из-за этого не жениться, человечество вымрет. То же самое с

твоими больными легкими. Тебе теперь гораздо лучше, чем раньше. Все, что тебе нужно, — это вести нормальную жизнь. Но гораздо нормальнее жениться на очаровательной девушке, в которую ты влюблен, чем оставаться одиноким из-за сомнительных принципов.

— Я не влюблен в Изабеллу, — возразил Ральф.

— Ты только что сказал, что влюбился бы, если бы не считал это неразумным. Я просто хочу доказать тебе, что в этом нет ничего неразумного.

— Это только утомит тебя, папа, — сказал Ральф, поражаясь его упорству и не понимая, откуда у него берутся на это силы. — И что тогда будет?

— А что будет с тобой, если я не позабочусь о тебе? Ты не хочешь управлять банком и не хочешь, чтобы я проявлял о тебе заботу. Ты утверждаешь, что у тебя масса интересов, — только я никак не могу понять, каких.

Ральф снова откинулся на спинку стула и скрестил руки. Некоторое время он в раздумье смотрел перед собой и наконец, словно собравшись с духом, сказал:

— Меня очень интересует моя кузина, но не в том смысле, в котором ты думаешь. Я долго не проживу; но, надеюсь, проживу достаточно, чтобы увидеть, что с ней станет. Она совершенно

независима от меня; я не могу оказывать большого влияния на ее жизнь. Но я хотел бы кое-что для нее сделать.

— Что же?

— Я бы хотел добавить ветра в ее паруса.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне хотелось бы добавить ей силы, чтобы она могла осуществить то, о чем она мечтает. Например, она хочет посмотреть мир. Я хотел бы наполнить ее кошелек.

— Рад, что ты подумал об этом, — сказал старик, — но не один ты, я тоже. Я отписал ей пять тысяч фунтов.

— Это очень хорошо. Очень великодушно с твоей стороны. Но мне хотелось бы сделать для Изабеллы больше.

Даже тяжелая болезнь не смогла убить в Дэниеле Тачетте финансиста. Он насторожился, как всегда, когда речь шла о деньгах.

— Я буду рад обсудить это с тобой, — мягко сказал он.

— Понимаешь, Изабелла бедна. Мама говорила мне — у нее всего что-то несколько сот долларов в год. Мне хотелось бы сделать ее состоятельной.

— Что ты понимаешь под состоянием?

— Я называю состоятельными людей, которые

могут потакать своему воображению. У Изабеллы богатое воображение.

— Как и у тебя, сын мой, — сказал старый Тачетт, слушая очень внимательно и не без некоторого недоумения.

— Ты сказал, что денег у меня хватит на двоих. Все, что я хочу от тебя, — чтобы ты разделил мою долю наследства пополам и отдал половину Изабелле.

— Чтобы она делала все, что ей вздумается?

— Совершенно верно.

— Ничего не требуя взамен?

— Да что можно тут требовать?

— Ну хотя бы то, о чем я уже сказал.

— Чтобы она вышла замуж — за того или другого? Это как раз полностью расходится с моим планом. Если у нее будет состояние, ей незачем будет выходить замуж, чтобы обрести опору. Ей больше всего хочется быть свободной, и твой дар сделает ее таковой.

— Я вижу, ты давно все обдумал, — сказал мистер Тачетт. — Только не понимаю, зачем ты вмешиваешь сюда меня. Деньги твои, и ты легко можешь отдать ей любую сумму.

Ральф широко открыл глаза.

— Я? Это невозможно. Я не могу предложить

Изабелле деньги!

Старик издал стон.

— И ты еще убеждаешь меня, что не влюблен в нее! Хочешь, чтобы ее благодетелем был я?

— Ну да. Мне бы хотелось, чтобы ты вписал в завещание еще один пункт — без всяких ссылок на меня.

— То есть ты хочешь, чтобы я составил новое завещание.

— Достаточно добавить несколько слов. В любое время, когда ты будешь достаточно хорошо для этого себя чувствовать.

— Тогда телеграфируй мистеру Хилари. Я ничего не предпринимаю без своего поверенного.

— Можно устроить встречу завтра.

— Он решит, что мы с тобой поссорились, — сказал старик.

— Очень возможно, я даже хотел бы этого, — заметил Ральф, улыбаясь. — И поэтому имей в виду, я буду резок с тобой в его присутствии.

Старику, казалось, требовалось время, чтобы обдумать сию комичную ситуацию, и некоторое время он размышлял.

— Я сделаю все, как ты хочешь, — произнес он наконец. — Но я не уверен, что это правильно. Ты сказал, что хочешь наполнить ветром ее паруса.

Ты не боишься перестараться?

— Пусть мчится с ветерком, — улыбнулся Ральф.

— Ты так говоришь об этом, словно делаешь это ради развлечения.

— Так оно и есть, хотя и не только.

— Я не очень все это понимаю, — вздохнул мистер Тачетт. — Нынешнее молодое поколение сильно отличается от моего. Когда мне в твои годы нравилась девушка, мне было недостаточно просто смотреть на нее. Тебя мучают сомнения, которые мне неведомы, идеи, которые мне непонятны… Ты говоришь, что Изабелла нуждается в том, чтобы быть свободной, что богатство удержит ее от брака по расчету. Ты считаешь ее способной выйти замуж из-за денег?

— Ни в коем случае. Но у нее сейчас меньше денег, чем когда-либо; ее отец раньше не задумываясь выполнял ее желания, тратя на них свое состояние. От этого жизненного пиршества ей остались лишь крохи — она даже не подозревает о том, насколько жалкие. Мать мне все объяснила. Изабелла все поймет, как только окажется предоставленной самой себе, и мне было бы очень больно видеть ее, когда она поймет, что она не может исполнить и ничтожной части

своих желаний.

— Я завещал ей пять тысяч фунтов. С такой суммой можно осуществить массу своих желаний.

— Конечно. Но этих денег ей хватит всего на два-три года.

— Неужели она будет сумасбродной?

— Конечно, — невозмутимо улыбаясь, отозвался Ральф.

Настороженность, написанная на лице старика, уступила место полному недоумению.

— То есть растрата более крупной суммы — просто дело времени?

— Ну нет — хотя сначала, я думаю, она будет пользоваться деньгами довольно свободно; вероятно, часть отправит сестрам. Но потом разум возьмет верх. Она вспомнит, что впереди вся жизнь, и научится жить по средствам.

— Н-да, ты, действительно, продумал все, — сказал старик со вздохом. — Ты определенно заинтересован в ней.

— То есть ты считаешь, что я зашел слишком далеко? Но ведь ты предлагал мне идти еще дальше.

— Не знаю, не знаю, — сказал старик. — Не уверен все-таки, что вполне понимаю тебя. Мне кажется, во всем этом есть нечто безнравствен-

ное.

— Безнравственное, папа?

— Не уверен, правильно ли настолько облегчать человеку его жизнь.

— Все зависит от того, что это за человек. Если он достоин этого, то твой поступок явится вознаграждением его добродетели. Поступить согласно доброму порыву — что может быть более благородным?

Старому Тачетту было трудновато следовать логике сына, и он снова задумался. Потом сказал:

— Изабелла — чудесная девушка. Но ты уверен, что она окажется достойной твоего дара?

— Она прекрасна так же, как и все ее намерения, — ответил его сын.

— Что ж, — пробормотал старик, — она сможет осуществить немало прекрасных намерений на шестьдесят тысяч фунтов.

— Она несомненно это сделает.

— Конечно, я сделаю так, как ты хочешь, — сказал старик. — Мне только все же хотелось бы понять.

— Как, дорогой папа, ты так и не понял? — ласково спросил Ральф. — Тогда не стоит больше и говорить об этом. Оставим эту тему.

Мистер Тачетт надолго погрузился в молчание.

Ральф уже решил, что отец оставил попытки разобраться в поступке сына, но старик вдруг снова заговорил об этом:

— Скажи-ка мне вот что. А тебе не приходило в голову, что девушка с состоянием в шестьдесят тысяч легко может стать жертвой охотников за богатыми женами?

— Едва ли ей удастся стать жертвой более чем одного из них.

— Одного более чем достаточно.

— Я согласен. Риск есть, но небольшой, я готов на него пойти. Я учел его в своих расчетах.

Если ранее настороженность мистера Тачетта перешла в смятение, то теперь смятение сменилось восхищением.

— Ну ты и фрукт! — воскликнул он. — Но я все-таки не могу понять, какой тебе в этом прок.

Ральф склонился над отцом и бережно поправил ему подушки. Он сознавал, что беседа затянулась и это может нанести вред больному.

— Никакого, кроме того, что я хочу дать Изабелле размах — и посмотреть, что из этого получится. Только мне ужасно стыдно, что я делаю это за твой счет, отец.

Глава 19

Как и предсказывала миссис Тачетт, из-за болезни хозяина дома Изабелла и мадам Мерль много времени проводили вместе. Не сблизиться в этих обстоятельствах было бы проявлением дурного тона — а обе дамы были прекрасно воспитаны и к тому же питали симпатию друг к другу. Возможно, будет громко сказано, что они поклялись друг другу в вечной дружбе, но про себя каждая решила сохранить к другой приязнь и в будущем. Во всяком случае, Изабелла искренне так считала, хотя и не могла бы, положа руку на сердце, сказать, что близка с мадам Мерль в том высоком духовном смысле, который она вкладывала в это понятие. Она вообще задумалась — а была ли она с кем-то когда-нибудь по-настоящему близка? Тот идеал дружбы, который она создала в своих мечтах, до сих пор ни разу не имел случая осуществиться. Она убеждала себя, что идеал и не может обернуться действительностью. Идеал — это предмет веры, а не опыта, и мудрость человека заключается в том, чтобы выделить похожее на идеал в окружающей действительности.

Изабелла никогда не встречала женщины более приятной и интересной, чем мадам Мерль, абсолютно лишенной того недостатка, который более всего мешает дружбе, — тоскливого и скучного перепева одних и тех же проблем, воспроизведения одних и тех же, до оскомины знакомых черт. Изабелла распахнула душу шире, чем обычно, — она говорила мадам Мерль вещи, которые не осмеливалась говорить еще никому. Иногда она даже пугалась своей откровенности — словно она отдала постороннему человеку ключи от шкатулки с драгоценностями. Сокровища ее души были единственным ее богатством — в этом и заключалась причина, по которой их следовало тщательно оберегать. Но Изабелла убеждала себя, что бессмысленно сожалеть об ошибках, совершенных из великодушия; и если мадам Мерль не обладала теми достоинствами, которые девушка ей приписывала, — тем хуже было для самой мадам Мерль. Однако мадам Мерль, несомненно, обладала многими достоинствами. Она была очаровательна, умна, приятна в общении, образованна. Более того, поскольку Изабелле пришлось встретить на своем пути несколько столь же привлекательных особ женского пола, она понимала, что мадам Мерль была

редкой, выдающейся личностью. На свете много людей, доброжелательных как бы напоказ, а мадам Мерль была далека как от вульгарного панибратства, так и от утомляющего непрерывного остроумия. Она умела мыслить — качество, редкое в женщине, — и мыслить логически. Она умела и чувствовать — не прошло и недели, как Изабелле довелось узнать об этом. И это был величайший талант мадам Мерль, ее наиболее совершенный дар. Особое удовольствие, которое Изабелла находила в общении с ней, заключалось в том, что, когда девушка заговаривала с ней о серьезных вещах, та понимала все быстро и легко. Переживания, правда, отошли для мадам Мерль в прошлое — она не делала секрета из того, что фонтан ее чувств, когда-то насильно перекрытый, уже не бил такими мощными струями, как раньше. Теперь ей больше, чем низвергаться в пучину чувств, нравилось быть сторонним объективным наблюдателем. Она призналась Изабелле, что в прошлом ей случалось быть безрассудной, но с тех пор она стала более благоразумной.

— Теперь я сужу о некоторых вещах охотнее, чем прежде, — говорила она Изабелле. — Мне кажется теперь, с годами, я получила на это право. Человек не может судить до сорока лет — в

нем слишком много пылкости, жесткости, непреклонности, да и о жизни ему еще мало известно. Я сочувствую вам, дорогая, — вам еще далеко до сорока. Правда, приобретая что-то, мы одновременно что-то теряем. Мне кажется, что после сорока уже невозможно по-настоящему чувствовать. Теряется свежесть и непосредственность. Я думаю, вы сохраните их дольше, чем другие. Хотела бы я встретить вас через несколько лет — и посмотреть, что сделает из вас жизнь. Одно я знаю точно: ей не удастся вас испортить. Она может потрепать вас — но сломать не сможет.

Изабелла восприняла это откровение, как солдат-новобранец, еще не остывший от первой перестрелки, из которой он вышел с честью, принимает от полковника ободряющий хлопок по плечу. Ей казалось, что подобное признание ее достоинств женщиной, которая, о чем бы ни говорила Изабелла, могла сказать: «О, я это все испытала, дорогая. Это пройдет, как и все остальное», — стоило многого. Мадам Мерль раздражала многих своих собеседников, поскольку ее трудно было удивить. Но Изабелла, хотя и жаждала производить впечатление, раздражения вовсе не испытывала. Для этого она была слишком искренней, слишком заинтересованной в своей

новой подруге, умудренной опытом. К тому же мадам Мерль никогда не провозглашала свои сентенции хвастливо или тоном триумфатора — они слетали с ее губ словно откровенные признания.

Меж тем Гарденкорт погрузился в непогоду. Дни стали короче, и чудесным вечерним чаепитиям на лужайке пришел конец. Изабелла и ее новая подруга вели в доме долгие беседы меж собой. Иногда, несмотря на дождь, они совершали длительные прогулки, вооружившись замечательным приспособлением, которое английский гений вместе с английским климатом довели практически до совершенства. Мадам Мерль была необыкновенно восприимчива ко всему английскому. Ей нравилось здесь все — даже дождь.

— Он постоянно моросит, но никогда — слишком сильно, — заявляла она. — Промокнуть невозможно, и всегда так чудесно пахнет!

Мадам Мерль объясняла, что наслаждается запахами Англии. На этом удивительном острове запахи тумана, пива и копоти смешивались, составляя неповторимый национальный аромат, который ласкал ее ноздри. Она часто прятала нос в рукав своего английского пальто, вдыхая чудесный запах чистой шерсти.

Как только осень вступила в свои права, бедняга Ральф Тачетт превратился в узника: в плохую погоду ему нельзя было выходить из дома, и он, стоя у окна и по привычке засунув руки в карманы, мог только со своим полускорбным, полуироническим выражением лица наблюдать за тем, как Изабелла и мадам Мерль, укрывшись зонтами, прогуливались по аллее. Дорожки Гарденкорта не развозило даже в такую погоду, и дамы возвращались раскрасневшиеся, оглядывали подошвы своих ладно скроенных, крепких башмачков и щебетали, что прогулка была великолепна.

До ланча мадам Мерль всегда была чем-то занята. Изабеллу восхищала та педантичность, с которой она неизменно следовала определенному распорядку дня. Она и сама слыла интересной натурой и немало этим гордилась, но к достоинствам и способностям мадам Мерль испытывала некоторую зависть. Ей хотелось подражать мадам Мерль. «Как бы я хотела быть такой же!» — тайно вздыхала Изабелла каждый раз, когда высвечивалась очередная из многочисленных граней ее блистательной подруги; Изабелла сознавала, что берет уроки у настоящего мастера. Ей не потребовалось много времени, чтобы осознать, что

она попала под влияние мадам Мерль. «Но разве это плохо? — убеждала она себя. — Ведь я учусь хорошему! Чем больше хорошего влияния, тем лучше. Надо только смотреть, куда ступаешь, — разбираться, куда идешь. Я так всегда и делаю. Мне нет необходимости бояться стать слишком податливой. Наоборот — я слишком неуступчива». Говорят, что подражание — самая искренняя лесть, и если Изабелла копировала черты подруги, которыми восхищалась, то вовсе не для того, чтобы блистать самой, — чтобы подчеркивать, высвечивая, исключительность мадам Мерль. Она не просто нравилась Изабелле — та восхищалась ею. Иногда она задумывалась о том, что сказала бы Генриетта Стэкпол по поводу этой блистательной беглянки из Бруклина, и была убеждена, что та осудила бы ее. Генриетта не одобрила бы мадам Мерль — Изабелла не сомневалась в этом, хотя и не могла определить для себя, почему. Но что касается ее новой подруги, Изабелла не сомневалась, что она приспособилась бы к старой — мадам Мерль была слишком мудра, обладала таким чувством юмора, что непременно бы отдала Генриетте должное, а узнав ее поближе, общалась бы с ней с тем чувством такта, о котором корреспондентка «Интервьюера» и

мечтать не могла. Основываясь на своем опыте, мадам Мерль, казалось, имела критерии во всем, и, порывшись в кладовой своей памяти, она, несомненно, извлекла бы на свет что-то такое, что позволило бы оценить Генриетту по достоинству. «Вот в этом-то и секрет! — думала она. — Суметь оценить другого лучше, чем он способен оценить тебя. Вот высший дар. В этом-то и заключается сущность аристократизма. Вот в этом смысле, и только в этом, нужно стремиться к тому, чтобы обладать им».

Невозможно перечислить все звенья логической цепи, мысленно перемещаясь по которой Изабелла стала воспринимать мадам Мерль как истинную аристократку. Сама она никогда в этом духе не высказывалась. Она не принадлежала к великим мира сего, хотя встречала их на своем пути и хорошо понимала отличие их судьбы от своей; ей удалось постичь многое и понять, что она не рождена для славы, — поэтому она не питала бессмысленных иллюзий относительно своего места в этом мире. Но если по собственной мерке мадам Мерль отнюдь не преувеличивала своей значительности, воображение Изабеллы наделило ее едва ли не величием. Чтобы быть такой изящной, грациозной, мудрой, милой и

при этом, казалось, не испытывать ни малейшего напряжения, не прилагать для этого никаких особых стараний, — нужно было быть великой женщиной, казалось Изабелле. Однако она не была легкомысленна и серьезно относилась как к обязанностям, которые возлагались на нее обществом, так и к развитию своих талантов, которыми ее наградила природа. После завтрака она отвечала на письма, которые, как поняла Изабелла во время их общих с мадам Мерль посещений местной почты, пачками поступали на ее имя. У мадам Мерль было огромное количество знакомых, и, как она объясняла Изабелле, всегда находилось что-то, о чем можно было написать им. Она с удовольствием занималась живописью; написать этюд для нее было не сложнее, чем стянуть с рук перчатки. Если солнце в Гарденкорте показывалось хотя бы на час, она обязательно выходила из дому со складным стульчиком и коробкой акварельных красок. О том, что мадам Мерль была прекрасной пианисткой, мы уже говорили — об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что, когда она садилась за пианино, окружающие безропотно смирялись с тем, что лишались удовольствия, которое им доставляла беседа с ней. После знакомства с мадам Мерль

Изабелла стала стесняться своей игры, которая ей стала казаться унылой и безыскусной; и на самом деле, хотя ее тоже считали неплохой пианисткой, общество, в котором она находилась, скорее теряло, чем выигрывало, когда она, повернувшись к нему спиной, усаживалась у фортепиано.

Если мадам Мерль не писала, не рисовала, не музицировала, она занималась изготовлением различных вышивок, кружев — всевозможных салфеточек для каминных полок, занавесок. Полет ее фантазии, равно как и владение ею иглой были поистине замечательны. Изабелле никогда не удавалось застать ее ничего не делающей — если она не занималась ни одним из перечисленных выше занятий, то читала (у Изабеллы было такое впечатление, что она прочла все важные книги) или гуляла, раскладывала пасьянс или вела беседы с кем-нибудь из обитателей Гарденкорта. При этом любое свое занятие мадам Мерль в любую минуту была готова оставить с той же легкостью, с которой за него принималась; не возражала работать и беседовать одновременно, словно не придавая своим занятиям особого значения. Она откладывала свои рисунки и вышивки, вставала из-за фортепиано или оставалась за ним — в зависимости от того, как было

удобно собеседнику. Короче говоря, было трудно найти более приятного и необременительного человека для того, чтобы жить под одной крышей. Изабелла, впрочем, обнаружила единственное, что она могла бы, если можно так выразиться, поставить в вину мадам Мерль: недостаток естественности. Не в ее манере держать себя — мадам Мерль ни в коем случае не была ни жеманной, ни претенциозной, ей, как никому другому, были чужды эти недостатки, свойственные натурам вульгарным. Изабелле казалось, что природная натура мадам Мерль как бы слишком сглажена светскими условностями — все ее «углы» были смягчены или стерты. Она была слишком «обтекаемой», слишком «податливой», слишком безупречной и «цивилизованной», слишком «такой, какой должны были быть светские люди»; в ней не осталось следа той живительной «дикости», непринужденности, которой в былые времена — до того, как вошла в моду «загородная жизнь», — обладали порой самые любезно-обходительные персоны.

Изабелла не могла представить мадам Мерль вне общества — она существовала только в общении, прямом или косвенном, с себе подобными. Наблюдая за мадам Мерль, Изабелла часто спра-

шивала себя: что там у нее на душе? И, поскольку она была еще юна, она решила, что за блестящей внешностью не всегда скрывается поверхностная натура — этому заблуждению мы бываем привержены гораздо позже. Мадам Мерль отнюдь не была пуста. Она была достаточно глубока, и ее внутренняя сущность выражалась в ее поведении никак не меньше оттого, что происходило это при помощи некоего условного языка. «Да что такое язык как не условность? — доказывала самой себе Изабелла. — У нее достаточно вкуса, чтобы не изображать из себя нечто оригинальное — что свойственно многим моим знакомым».

— Мне кажется, вам многое пришлось выстрадать, — предположила она как-то в беседе с мадам Мерль, воспользовавшись брошенным ею намеком.

— Что заставляет вас так думать? — отозвалась мадам Мерль с лучезарной улыбкой. — Неужели я произвожу впечатление мученицы?

— Нет. Но иногда вы высказываете мысли, которые вряд ли могли прийти в голову человеку, который счастлив.

— Я не всегда была счастлива, — возразила мадам Мерль по-прежнему улыбаясь, но с напускной серьезностью понижая тон, как будто

бы она разговаривала с ребенком и собиралась сообщить ему секрет. — Как это ни странно!

— Многие люди, как мне кажется, не испытывают сильных эмоций ни по какому поводу, — сказала Изабелла.

— Совершенно верно; на свете куда больше чугунных горшков, чем фарфоровых. Но можете не сомневаться — каждый имеет свою отметину. На самом крепком чугунке можно обнаружить царапину или трещину. Я считаю себя весьма прочной фарфоровой посудиной; но, сказать по правде, на ней предостаточно щербин и сколов. Я еще на многое гожусь, поскольку меня удачно залатали; но предпочитаю оставаться в кухонном шкафчике, тихом и темном, пропахшем насквозь лежалыми пряностями — так долго, как могу. Но стоит меня вытащить на яркий свет — о, дорогая, я просто страшилище!

Не знаю, в этот или другой раз, но когда разговор принял тот же оборот, мадам Мерль пообещала Изабелле как-нибудь рассказать свою историю. Изабелла обрадовалась и потом не раз напоминала ей об этом обещании. Но мадам Мерль каждый раз уклонялась и в конце концов призналась Изабелле, что ей хотелось бы подождать до той поры, когда они сойдутся поближе. Это, несомненно,

им предстояло — времени у них было сколько угодно. Изабелла согласилась, однако позволила себе спросить неужели мадам Мерль до сих пор не доверяет ей или боится, что она будет пересказывать кому-то их личные беседы?

— Вовсе не потому, что я боюсь, что вы расскажете кому-нибудь, — улыбнулась мадам Мерль. — Тут совершенно другое: я боюсь, что вы примете мой рассказ близко к сердцу и осудите меня. Вашему возрасту свойственны беспощадные суждения.

И она предпочитала говорить с Изабеллой об Изабелле, выражая неподдельный интерес к истории нашей героини, ее чувствам, мнениям, планам. Мадам Мерль незаметно подталкивала Изабеллу к откровениям и слушала ее щебетание о себе с искренней симпатией и добродушием. Внимание женщины, знавшей столько достойных людей и вращавшейся, как она сама говорила, в лучшем европейском обществе, льстило Изабелле. Изабеллу радовала благосклонность особы, которая владела столь обширным материалом для сравнения, — и, возможно, чувство удовлетворения от того, что она нимало не проигрывает при сравнении, заставляло Изабеллу снова и снова упрашивать мадам Мерль рас-

сказать о своих обширных знакомствах. Мадам Мерль побывала во многих странах и сохраняла светские связи с людьми из разных мест.

— Не буду притворяться, что знаю все, — говаривала она, — но уж свою Европу изучила вдоль и поперек.

Сегодня она могла обронить, что надо бы навестить старинную подругу в Швеции, завтра — еще где-нибудь. Англию, где она бывала часто, она знала особенно хорошо; и Изабелла с немалой пользой для себя слушала ее рассказы об обычаях страны, о характерах людей, которые, как она любила говорить, «в конце концов, были самыми чудесными людьми в мире».

— Тебе, наверное, кажется странным, что мисс Мерль приехала в то время, как мистер Тачетт при смерти? — спросила Изабеллу миссис Тачетт. — Она никогда не поступит нетактично, это самая воспитанная женщина среди всех, кого я знаю. Оставаясь, она оказала мне честь — ей пришлось отложить несколько визитов.

Миссис Тачетт никогда не забывала, что в шкале английского общества ее собственные акции занимали место на две-три позиции ниже.

— Перед ней открыты двери лучших домов, — продолжала она. — В приюте она не нуждается.

Это я попросила ее остаться, чтобы ты получше изучила ее. Думаю, для тебя это весьма полезно. Серена Мерль безупречна во всем.

— Если бы я уже не была с ней знакома и она мне не нравилась, меня бы отвратило ваше описание, — засмеялась Изабелла.

— Она всегда все делает правильно, — невозмутимо продолжала миссис Тачетт. — Я тебя вытащила сюда и намерена, чтобы ты получала все самое лучшее. Твоя сестра Лили выразила надежду, что я предоставлю тебе большие возможности. Так вот эта — общение с мадам Мерль — первая. Она одна из самых блестящих женщин Европы.

— Мне она все же нравится больше, чем ваше описание, — упрямо настаивала Изабелла.

— Ты льстишь себе, дорогая, что тебе удастся найти в ней какой-нибудь недостаток? Если тебе это удастся, скажи мне.

— Полагаю, это было бы вам неприятно.

— Тебе нечего обо мне беспокоиться. У тебя все равно ничего не получится.

— Возможно; но я буду очень внимательна.

— Она всегда на высоте! — воскликнула миссис Тачетт.

Изабелла передала своей приятельнице, что

миссис Тачетт считает ее верхом совершенства.

— Вы, наверное, и сами это знаете, — сказала Изабелла.

— Благодаю вас, — отозвалась мадам Мерль. — Но знаете… Ваша тетушка просто видит то, что лежит на поверхности… ей неведомо, что у меня в душе.

— Вы хотите сказать… вас преследуют совершенные грехи?

— О нет. Я не имею в виду ничего такого примитивного! Я хочу сказать, что для вашей тетушки не иметь недостатков означает не опаздывать к столу — ее столу. Кстати, тогда, когда вы вернулись из Лондона, я появилась ровно в восемь и не опоздала — все остальные просто спустились раньше. Это означает отвечать на письма в тот же день, как вы их получили, не набирать с собой много багажа, когда вы соберетесь к ней в гости. Это означает не болеть, пока вы находитесь под ее кровом. Это, по мнению миссис Тачетт, и составляет добродетель. Блажен, кто смог разложить это понятие на составные части.

Речь мадам Мерль, как мы видим, не была чужда оттенков некоторого критицизма, но, будучи даже резковатой, Изабелле и в голову не приходило заподозрить подругу в недобро-

желательности. Ей даже не приходила в голову мысль, что мадам Мерль прохаживается насчет хозяйки Гарденкорта — и причины такого непонимания были очевидны. Во-первых, Изабелла неосознанно стремилась подражать подруге и ей нравилось каждое ее высказывание; во-вторых, та всем своим видом давала понять, что сказала далеко не все; в-третьих, кто ж будет возражать — так приятно в приватной беседе с близким другом перемывать косточки нашим ближайшим родственникам!

С каждым днем признаком близости между Изабеллой и мадам Мерль становилось все больше и больше, и девушке в особенности льстило то, что мадам Мерль с удовольствием делала предметом беседы саму Изабеллу. Правда, она нередко в процессе ссылалась на события собственной жизни, но никогда на них не задерживалась; эгоизм был так же мало ей свойствен, как и любовь к сплетням.

— Я скучная, увядающая старушка, — не раз говорила она с улыбкой, — и так же неинтересна, как позавчерашняя газета. Вы молоды, свежи, современны. В вас есть главное: вы — сегодняшняя реальность. Когда-то и я была такой, в свой час. У вас он продлится дольше. Вот и поговорим о вас,

мне заранее интересно все, что вы скажете. Я люблю поговорить с теми, кто моложе, — это верный признак того, что я старею. Я думаю, это своего рода компенсация: когда нет уже молодости в тебе самом, окружаешь себя ею извне, и мне кажется, что так ощущаешь ее еще острее. Конечно, мы всегда должны симпатизировать молодости — во всяком случае, у меня это так. Не знаю, удастся ли мне всегда быть доброжелательной со стариками — надеюсь, что так, есть старики, которых я просто обожаю. Но я никогда не буду нелюбезна с молодежью — молодость бесконечно трогает и волнует меня. Итак, я даю вам cart blanche[29]. Вы даже можете быть дерзкой, если хотите, — я пропущу вашу дерзость мимо ушей. Вам не кажется, что я говорю, как будто мне лет сто? Что ж, так и есть, если хотите; я родилась еще до Французской революции. Ах, милая моя, я человек прошлого — я принадлежу к прошлому миру. Но я не хочу говорить об этом; поговорим о новом. Вы должны больше рассказывать мне об Америке; того, что вы мне говорите, мне мало. Меня привезли сюда совсем крохой, и я так мало знаю о стране, в которой я родилась, что это просто смешно или даже

---

[29] Примечания: 29
Неограниченные права *(фр.)*.

стыдно. Таких, как я, здесь много; и, надо сказать, мы представляем собой жалкое зрелище. Человек должен жить на родине, какой бы она ни была, — его место там. Здесь мы и плохие американцы, и никуда не годные европейцы — одновременно. Мы — паразиты, ползучие растения, не имеющие корней в земле. Каждый понимает это — у нас нет иллюзий. Женщина, впрочем, может приспособиться — у женщины вообще нет своего места в жизни. Ей везде суждено стелиться или ползти, обвивая какой-либо ствол. Вы не согласны, моя дорогая? Я вас напугала? Вы готовы заявить, что никогда не будете цепляться за кого-то? Верно, я не вижу в вас склонности к этому: вы держитесь прямо, прямее многих женщин. Я думаю, что вы действительно не будете цепляться. Но вот мужчины-американцы — скажите на милость, что они здесь делают? Их положение незавидно — они не знают, чем заняться. Взгляните на Ральфа Тачетта: что скажете? К счастью, у него чахотка; я сказала «к счастью», потому что в связи с этим у него есть занятие. Его чахотка — это его род занятий, его жизненное поприще. О нем можно сказать: «О, мистер Тачетт, он так заботится о своих легких, он столько всего знает о различных климатах». А иначе — кем бы он был,

что собой представлял? «Мистер Ральф Тачетт, американец, который живет в Европе». Это ничего не значит — абсолютно ничего. Еще говорят, что «он очень образован» и «у него прекрасная коллекция старинных табакерок». Да это просто вызывает жалость, и ничего больше! Это просто смешно. Его бедный отец — другое дело. Он — личность, и довольно крупная. Он представляет здесь солидное финансовое учреждение, а это теперь занятие весьма достойное. Во всяком случае, для американца. Но вашему кузену несказанно повезло с его больными легкими — во всяком случае, он пока не умирает от этого. Это намного лучше, чем заниматься исключительно коллекционированием табакерок. Вы думаете, будь он здоров, он делал бы что-нибудь? Сменил бы отца на его месте? Мое бедное дитя, я сильно сомневаюсь в том, что его интересует банковское дело. У меня нет такого впечатления, что ему бы хотелось этого. Однако вы знаете его лучше меня — хотя и я когда-то неплохо его знала, — и я готова оправдать его за недостаточностью улик.

Худший случай — это мой один знакомый, наш соотечественник, живущий в Италии. Его тоже привезли в Европу несмышленышем. Это один из самых очаровательных людей, которых я знаю.

Когда-нибудь вы должны познакомиться с ним. Я познакомлю вас, и вы поймете, что я имею в виду. Его зовут Джилберт Озмонд, он живет в Италии, и это все, что можно сказать о нем. Он необыкновенно умен и рожден для славы, но, как я уже сказала, о нем можно сказать только, что это мистер Озмонд, который живет в Италии. Ни карьеры, ни имени, ни положения, ни состояния, ни прошлого, ни будущего, ничего. О да, он рисует акварелью — как я, даже лучше меня. Но картины его немногого стоят — но я даже рада этому. К счастью, он чудовищно ленив — так, что это может даже сойти за жизненное кредо. Он говорит: «О, я ничего не делаю — я ужасающе ленив. Чтобы чего-нибудь достичь, нужно вставать в пять утра». В этом смысле он — исключение: вы начинаете верить, что он бы сделал что-нибудь, если бы мог рано подняться». О своих занятиях живописью он предпочитает не рассказывать — вообще никому. Он слишком умен для этого. Но у него есть маленькая дочка — вот о ней он говорит охотно. Он потрясающий отец, и если бы существовало такое поприще — быть хорошим отцом, — он бы добился огромных успехов. Но я боюсь, что это столь же ценное занятие для мужчины, как собирание табакерок, — и, может

быть, последнее даже лучше. В Америке-то все, наверное, иначе, может, расскажете мне, — заключала мадам Мерль. Справедливости ради надо заметить, что все эти соображения она высказала не одним духом — мы соединили их здесь для удобства читателя.

Мадам Мерль часто рассказывала о Риме, где у нее было небольшое «убежище» с мебелью, обитой дамасской тканью, и о Флоренции, где жил мистер Озмонд, а миссис Тачетт владела средневековым палаццо. Она говорила о городах, людях, изредка касаясь даже «запретных вопросов»; время от времени говорила и о хозяине Гарденкорта, о перспективах его выздоровления. Она с самого начала считала, что они невелики, и Изабелла каждый раз вздрагивала, когда мадам Мерль уверенно и досконально, со знанием дела рассуждала о том, сколько старику осталось жить. Однажды вечером она заявила, что он определенно не выживет.

— Сэр Мэтью Хоуп сказал мне это со всей откровенностью, — сообщила она, — когда мы перед обедом стояли и беседовали у камина. Он умеет быть весьма приятным, когда захочет, наш великий лекарь, — даже такое печальное известие он сумел подать с большим тактом. Я

сказала себе, что чувствую себя очень неуютно, остановившись здесь в такое время, — мне это кажется неловким, вот если бы я могла ухаживать за больным. «Вы должны остаться, — сказал он мне. — Вскоре будет дело и для вас». Можно ли деликатней дать понять, что дни мистера Тачетта сочтены, и вскоре миссис Тачетт понадобится моя поддержка? Однако вряд ли от меня будет какая-нибудь польза. Она и сама утешится — только ей самой известно, какая доля утешений ей нужна. Вряд ли кто другой сможет отмерить ее. Другое дело — ваш кузен; он будет очень горевать по отцу. Но я вряд ли смогу успокаивать Ральфа — мы не в таких отношениях.

Мадам Мерль уже не в первый раз намекала, что между ней и Ральфом существует скрытая неприязнь, и Изабелла, воспользовавшись случаем, спросила ее: разве они не добрые друзья?

— Вполне, — ответила мадам Мерль, — но он меня недолюбливает.

— Вы что-нибудь ему сделали?

— Ничего. Но для этого и не нужны причины.

— Чтобы не любить вас? Я думаю, для этого нужна серьезная причина.

— Вы очень любезны. Но какая-нибудь да найдется — в тот день, когда вы начнете испытывать

ко мне неприязнь.

— Этого никогда не случится!

— Надеюсь — ведь неприязнь, начавшись, никогда не кончается. Так получилось с вашим кузеном — он не смог преодолеть ее. Какая-то природная антипатия людей, если можно так назвать это, — испытывает-то ее один человек. Что касается меня, я ничего не имею против него — даже при его несправедливом отношении ко мне. Справедливость — вот все, чего мне хотелось бы. Однако он — джентльмен, я знаю, и ничего плохого за моей спиной не скажет. Cartes sur table![30] — воскликнула она, и, помолчав, закончила: — Я не боюсь его.

— Надеюсь, — отозвалась Изабелла и добавила что-то о нежнейшей душе кузена. Однако ей вспомнилось, что когда она впервые спросила его о мадам Мерль, он, хотя и не прямо, сказал что-то такое, что она могла бы счесть для себя обидным. Что-то между ними произошло, решила про себя Изабелла. Если это было что-то серьезное, то оно заслуживало уважения; если нет, то не стоило внимания. При всей своей любознательности Изабелла не любила подглядывать в замочные

---

[30] Примечания: 30
Карты на стол! *(фр.)*

скважины. Жажда познания на редкость удачно сочеталась в ней со способностью счастливо пребывать в полном неведении.

Но иногда мадам Мерль говорила вещи, которые удивляли Изабеллу, заставляя ее вскидывать тонкие брови и долго обдумывать услышанное.

— Я бы многое отдала, чтобы снова быть в вашем возрасте, — сказала мадам Мерль однажды с горечью, притушившей, почти стершей ее обычную улыбку. — Если бы я могла начать все сначала… Если бы я могла начать жизнь с чистого листа!

— Но ваша жизнь еще вовсе не прожита, — охваченная каким-то благоговейным страхом, отозвалась Изабелла.

— Увы! Лучшая часть ее канула, и канула бесплодно.

— Совсем не бесплодно, — пробормотала Изабелла.

— Почему же? Что у меня есть? Ни мужа, ни ребенка, ни состояния, ни положения, ни даже следов былой красоты, поскольку таковой и не было.

— Но у вас есть друзья.

— Я в этом вовсе не уверена, — улыбнулась мадам Мерль.

— А ваши воспоминания? Ваши различные способности?

— Способности. Да что они мне дают? Ничего, кроме необходимости использовать их, чтобы убивать время — часы, года… А воспоминания… Чем меньше о них говорить, тем лучше. Вот, например, вы… Вы будете питать ко мне дружеские чувства, пока не найдете им лучшего применения.

— Вот увидите — все будет не так, — возразила Изабелла.

— Да, я постараюсь удержать вас, — сказала мадам Мерль, печально глядя на Изабеллу. — Сказав, что мне хотелось бы вернуться в ваши годы, я имела в виду — обрести качества, свойственные вашему возрасту: честность, прямоту, искренность. С ними я лучше бы распорядилась своей жизнью.

— А что бы вы хотели сделать из того, что вам не удалось?

Мадам Мерль взяла ноты — она сидела у фортепиано — и, резко повернувшись на вертящемся табурете, машинально перелистывая при этом страницы, взглянула на Изабеллу.

— Я очень честолюбива, — выдавила она словно через силу.

— И ваши честолюбивые планы не исполнились? Они, наверное, были грандиозными?

— Да, они были поистине грандиозны. Я вызвала бы насмешки, если бы стала говорить о них.

«Интересно, что это было, — подумала Изабелла. — Уж не собиралась ли она примерить корону?»

— Не знаю, что вы подразумеваете под успехом, — сказала она вслух. — Но я не сомневаюсь, что вы успешная женщина. Более того, для меня вы — воплощение успеха.

Мадам Мерль с улыбкой отложила ноты.

— А что вы понимаете под успехом? — спросила она.

— Вы, очевидно, ожидаете услышать что-нибудь весьма банальное, — отозвалась Изабелла. — Что ж, успех — это когда сбываются мечты нашей юности.

— Ах, — засмеялась мадам Мерль, — у меня они так и не сбылись… Но мои мечты были столь грандиозны… столь нелепы… Да простит меня Бог, они до сих пор со мной…

Мадам Мерль резко повернулась и снова заиграла что-то бравурное.

На следующий день она сказала Изабелле, что ее определение успеха прелестное, но оно

пугающе печально. Если мерить такой мерой — кто когда-нибудь знал успех? Мечты юности! Они столь упоительны, столь божественны! Кто когда-нибудь видел, чтобы они сбылись?

— Я, — отважилась заявить Изабелла. — У меня сбылись — некоторые.

— Неужели? Это, наверное, то, о чем вы мечтали не далее как вчера?

— Я очень рано начала мечтать, — улыбнулась Изабелла.

— Вы говорите о детских мечтах? Розовый бант, кукла с закрывающимися глазами… Да?

— Нет, я вовсе не это имею в виду.

— Тогда… Молодой человек с усиками, на коленях у ваших ног…

— Нет, и не это, — горячо запротестовала Изабелла, вспыхнув.

— Подозреваю, что я попала в точку… В жизни каждой молодой женщины был свой молодой человек с усиками. Он неизбежен, но в расчет не принимается.

Изабелла несколько мгновений молчала, затем с характерной для нее непоследовательностью возразила:

— Почему же? Молодой человек молодому человеку рознь.

— Ваш был, конечно, идеален, не так ли? — со смехом воскликнула мадам Мерль. — Если это правда, это успех, я поздравляю вас. Только почему в таком случае вы не умчались с ним в его замок в Апеннинах?

— У него нет замка в Апеннинах.

— Что же у него есть? Безликий кирпичный дом на Сороковой улице? Какой же это тогда идеал?

— Мне все равно, какой у него дом, — сказала Изабелла.

— Весьма неосмотрительно с вашей стороны. Поживите с мое, и вы поймете, что у каждого человеческого существа есть своя раковина, и ее нужно принимать в расчет. Под раковиной я подразумеваю целый ряд обстоятельств. В мире нет просто мужчин или женщин — каждый окружен дополнительными аксессуарами. Что такое наше «я»? Где оно начинается? Где кончается? Оно включает в себя все то, что нам принадлежит, — и наоборот, все, что нам принадлежит, определяет нас. Например, я отдаю себе отчет, что в платьях, которые я выбираю для себя, заключена значительная часть моего «я». Я с большим пиететом отношусь к вещам. Другие люди воспринимают ваше «я» через то, что его выражает: дом, одежду, книги, которые вы читаете, людей, с которыми

вы общаетесь.

Все это какая-то метафизика, впрочем, как и многое другое в рассуждениях мадам Мерль, решила Изабелла. Ей нравились метафизические рассуждения, но тем не менее в данном вопросе ее мнение не совпадало с мнением мадам Мерль.

— Я не согласна с вами, — сказала она, — и думаю по-другому. Не знаю, успешно ли я выражаю свое «я», но знаю, что ничто лучше меня самой меня не выражает. Ни по каким вещам обо мне судить невозможно, наоборот, это скорее преграда, препятствие, к тому же абсолютно случайное. И платья, которые я себе выбираю, вовсе не выражают моего «я». И упаси бог меня от этого!

— Вы одеваетесь очень хорошо, — вставила мадам Мерль.

— Возможно, но мне все-таки не хотелось бы, чтобы обо мне судили по одежде. Мои наряды говорят не о моем вкусе, а о вкусе моей портнихи. Да и ношу я ее вовсе не по своему выбору — он мне навязан обществом.

— А сами вы, конечно, совершенно не дорожите своими нарядами и предпочли бы ходить в рубище, — с легкой иронией заключила мадам Мерль, фактически положив конец дискуссии.

Вынужден признаться — хотя это может слегка

подпортить тот идиллический образ привязанности нашей героини к своей старшей и более опытной подруге, — что Изабелла не сказала ей ни слова ни о лорде Уорбартоне, ни о Каспаре Гудвуде. Она лишь упомянула, что ей представлялась возможность сделать весьма выгодную партию. Лорд Уорбартон покинул Локли и уехал в Шотландию, взяв с собой сестер, и, хотя он несколько раз присылал Ральфу письма, справляясь о состоянии мистера Тачетта, девушке, разумеется, это не причиняло такого беспокойства, как если бы он наезжал время от времени, будучи рядом. Конечно, он умел превосходно владеть собой, но Изабелла не сомневалась, что, посещая Гарденкорт, он бы непременно встретился с мадам Мерль, а встретившись — непременно проникся бы к ней расположением и проговорился бы ей о своей любви к ее юной приятельнице.

Случилось так, что во время всех предыдущих визитов мадам Мерль в Гарденкорт — а все они были гораздо короче нынешнего — лорда либо не было в Локли, либо он почему-то не навещал Тачеттов. Поэтому, хотя мадам Мерль и была наслышана о нем как о высочайшем лице графства, у нее не было причины подозревать в нем искателя руки только что привезенной из Америки

племянницы миссис Тачетт.

— У вас впереди столько времени, — сказала она в ответ на полупризнания, сделанные Изабеллой, которая вовсе не стремилась открыться полнее и даже ругала себя за то, что сказала лишнее. — Я очень рада, что вы не сделали решительного шага — что у вас еще все впереди. Для девушки только полезно отказаться от двух-трех предложений — разумеется, если они не лучшие, на что она может рассчитывать. Простите, если это звучит приземленно, — иногда бывает необходимо взглянуть на вещи с обыденной точки зрения. Только не отказывайте ради удовольствия отказывать — конечно, приятно показать свою власть, но ведь согласие — также ее проявление. Когда часто отказываешь, можно просчитаться. Я-то как раз избежала этой ошибки — не отказывала слишком часто. Вы — изумительное создание, и мне хотелось бы видеть вас женой какого-нибудь премьер-министра. Но, говоря откровенно, вы — не bon parti[31]. Вы очень красивы и необыкновенно умны, словом, вы — исключительная девушка. Но, похоже, у вас весьма смутные представления о земных благах

---

[31] Примечания: 31
Выгодная партия *(фр.)*.

— из этого я могу заключить, что вы не отягчены излишними доходами. Жаль, что у вас нет денег.

— Да, жаль, — спокойно отозвалась Изабелла, не вспомнив, по-видимому, в эту минуту, что уже два благородных джентльмена сочли ее бедность грехом вполне извинительным.

Не вняв рекомендациям любезного сэра Мэтью Хоупа, мадам Мерль не стала ждать «развязки», как теперь именовалось то, чем должна была, по-видимому, закончиться болезнь мистера Тачетта. У нее были другие обязательства, которые она не могла нарушить, и она покинула Гарденкорт — конечно, намереваясь перед отъездом из Англии непременно навестить миссис Тачетт, здесь или в Лондоне. Ее прощание с Изабеллой говорило о зарождении дружбы даже больше, чем первая встреча.

— Я буду в шести домах, — сказала она, — но там не будет никого, кто мне был бы так же мил, как вы. Там будут только старые друзья; в моем возрасте уже не заводят новых. Для вас я сделала исключение. Огромное, если хотите знать! Помните это, и не судите меня строго. Ваша вера в меня будет мне наградой.

Вместо ответа, Изабелла поцеловала ее — она была из тех, кто с легкостью исполняет сей ри-

туал, и мадам Мерль вполне удовлетворилась этой лаской.

После ее отъезда наша героиня почти все время проводила в одиночестве, встречаясь с тетушкой и кузеном только за столом, хотя и обнаружила, что миссис Тачетт, которую она теперь почти не видела, теперь посвящала мужу меньше времени. Большую часть времени она проводила в своих апартаментах, куда не имела доступа даже племянница, и чем миссис Тачетт там занималась, никто не знал. За столом миссис Тачетт хранила сосредоточенное молчание, но торжественность эта, как видела Изабелла, не была позой, а шла из глубины души. Изабелла раздумывала, не являлось ли столь необычное поведение миссис Тачетт раскаянием, но очевидных доказательств этому не было — не было ни слез, ни вздохов, ни выказываемого ею более чем обычно рвения. Казалось, миссис Тачетт просто чувствовала необходимость «подвести итоги»; она словно завела бухгалтерскую книгу для поверки своей нравственности и тщательно выверяла значения бесконечных колонок цифр.

— Если бы я предвидела такой поворот событий, то не стала бы брать тебя с собой в Европу, — сказала она Изабелле после отъезда мадам

Мерль. — Подождала бы до будущего года.

Ее замечания, как всегда, носили практический характер.

— Но ведь тогда, скорее всего, я так и не познакомилась бы с дядей. Это прекрасно, что я приехала именно сейчас.

— Пожалуй. Но я привезла тебя в Европу не для того, чтобы познакомить с дядей.

Это было вполне справедливое замечание, но, подумала Изабелла, не слишком уместное…

У нее теперь было много времени для того, чтобы подумать об этом и о многом другом. Целые дни она проводила в одиночестве — бродила по парку, подолгу листала книги в библиотеке. Еще одна вещь занимала ее мысли — приключения Генриетты, с которой она поддерживала постоянную переписку. Частные письма мисс Стэкпол нравились Изабелле гораздо больше, чем ее статьи; впрочем, и эти, рассчитанные на публику, письма были бы превосходны, не будь они напечатаны, считала юная американка. Дела Генриетты, включая личные, складывались менее удачно, чем это могло бы быть. Частная жизнь англичан, как она ни жаждала проникнуть в ее тайны, упрямо ускользала от нее, словно

ignis fatuus[32]. Приглашение от леди Пензл так и не пришло; и бедный мистер Бентлинг при всей своей находчивости не мог ей объяснить, где могло затеряться приглашение, вне всяких сомнений посланное сестрой. Мистер Бентлинг, очевидно принявший близко к сердцу такой казус, считал себя обязанным чем-то компенсировать Генриетте несостоявшийся визит в Берфордшир. «Мистер Бентлинг говорит, что мне следует поехать на континент, — писала мисс Стэкпол, — думаю, он говорит это искренне, поскольку он и сам подумывает отправиться туда. Он говорит, что не понимает, почему бы мне не познакомиться с французским образом жизни, — а мне и самой хочется посмотреть, что такое эта новая Республика[33]. Мистер Бентлинг всем этим не интересуется, ему просто хочется прокатиться в Париж. Должна отметить, что мистер Бентлинг — весьма обходительный человек, так что по крайней мере с одним вежливым англичанином мне удалось познакомиться. Я постоянно твержу ему, что ему следовало бы родиться в Америке, и

---

[32] Примечания: 32

Блуждающий огонь *(лат.).*

[33] Примечания: 33

Новая Республика — Генриетта имеет в виду Третью республику (Наполеон III, 1808–1873).

видела бы ты, как он доволен! Каждый раз, когда я говорю ему это, он восклицает: „А на самом деле, вот бы сейчас отправиться прямо туда!“».

Несколькими днями позже Генриетта написала, что собирается отбыть в Париж в конце недели — мистер Бентлинг любезно собирался проводить ее, возможно, даже до Дувра[34]. Она дождется в Париже Изабеллу, добавляла Генриетта просто, словно Изабелла предполагала путешествовать по континенту одна, а не вместе с миссис Тачетт.

Памятуя об интересе Ральфа к миссис Стэкпол, наша героиня зачитала ему несколько строк из писем подруги — тот с интересом, если не сказать с волнением, следил за успехами посланницы «Интервьюера».

— Кажется, дела ее неплохи, — высказался он. — В Париж с бывшим гвардейцем! Если она ищет, о чем бы написать, — достаточно изобразить сей эпизод.

— Это, конечно, выходит за рамки того, что принято, — отозвалась Изабелла. — Но если вы думаете, что такое путешествие не вполне невинно, то вы плохо знаете Генриетту. Вам никогда

---

[34] Примечания: 34

Дувр — английский порт, откуда можно было переправиться во Францию.

не понять ее.

— Простите, дорогая, я очень хорошо ее понимаю. Сначала, действительно, не понимал — но сейчас имею о ней совершенно четкое представление. Боюсь, правда, что Бентлинг — нет, и его ожидает немало сюрпризов. О, я настолько хорошо понимаю Генриетту, будто сам создал ее!

Изабеллу его заявление вовсе не убедило, но она не стала спорить с кузеном, поскольку старалась в последние дни быть как можно мягче с ним.

Меньше чем через неделю после отъезда мадам Мерль девушка сидела в библиотеке с томиком, содержимое которого не особенно захватило ее внимание. Она расположилась в глубокой оконной нише, из которой был виден печальный, залитый дождем сад, а так как библиотека была в боковом крыле, расположенном под прямым углом к фасаду, Изабелла видела и парадный вход, где экипаж доктора ждал его уже два часа. Ее тревожил столь долгий визит врача, но, наконец, Изабелла увидела, как он появился на пороге, постоял несколько мгновений, натягивая перчатки и неподвижным взглядом уставившись в колени лошади. Затем он сел в экипаж и уехал.

Изабелла просидела в нише еще полчаса; в доме стояла гнетущая тишина. Было так тихо, что

Изабелла даже испугалась, услышав шаги, медленно приближающиеся по толстому ковру. Она быстро повернулась и увидела Ральфа Тачетта. Он стоял, как обычно засунув руки в карманы, но словно кто-то стер обычную легкую полуулыбку с его лица.

Она рванулась ему навстречу — в ее движении и взгляде был немой вопрос.

— Все кончено, — произнес Ральф.

— Вы хотите сказать, что дядя… — Слова замерли у нее на губах.

— Час назад мой отец скончался.

— Бедный мой Ральф, — пробормотала Изабелла, протягивая к нему руки.

Глава 20

Почти две недели спустя после описанных событий элегантный кеб доставил мадам Мерль к дому на Винчестер-сквер. Сойдя с подножки, она увидела между окнами гостиной большую аккуратную деревянную свежевыкрашенную табличку, где на черном фоне белели слова «Продается частный особняк» и приводилось имя агента, к которому следовало обратиться.

— Определенно, они не теряют времени даром, — пробормотала гостья, и, постучав в дверь массивным латунным молоточком, стала ждать, когда ей откроют. — Вот уж поистине практичная страна!

И в самом деле, даже пока она поднималась по небольшой лесенке в гостиную, она уже наблюдала везде свидетельства того, что дом скоро будет покинут: снятые со стен, на диване громоздились картины, шторы с окон и ковры с полов исчезли.

Миссис Тачетт приняла ее и в нескольких словах предупредила, что соболезнования подразумеваются сами собой.

— Я знаю, что ты скажешь, — что он был очень

хорошим человеком. Но я и так это знаю — и лучше, чем кто-либо, поскольку давала ему возможность проявить себя. Следовательно, я была хорошей женой.

Миссис Тачетт добавила, что мистер Тачетт перед кончиной подтвердил это.

— Он проявил ко мне щедрость, — продолжала она. — Не могу сказать, что эта щедрость превзошла мои ожидания, поскольку я ничего и не ожидала. Ты же знаешь, я никогда ничего не жду. Но, по всей видимости, он решил отметить тот факт, что, хотя я и жила почти все время за границей и вращалась — могу смело в этом признаться — в заграничном обществе, никого другого ему я не предпочла.

«Никого, кроме себя самой», — мысленно возразила ей мадам Мерль; однако эта ремарку никто не мог услышать.

— Я не пожертвовала своим мужем ради кого-то другого, — решительно продолжила миссис Тачетт.

«О нет, — подумала мадам Мерль, — ты никогда ничем не пожертвовала ради другого!»

Эти безмолвные комментарии носили несколько циничный характер, что требует пояснений, поскольку они не соответствуют тому представле-

нию — может быть, поверхностному, — которое уже сложилось у нас и об этой даме, и о миссис Тачетт. Более того, мадам Мерль даже и не приходило в голову истолковать последние слова миссис Тачетт как намек на какие-то обстоятельства в ее жизни. Просто в тот момент, когда она переступила порог этого дома, ее вдруг осенило, что смерть мистера Тачетта имеет некие последствия, и для небольшого кружка людей, в который она не входила, эти последствия должны были быть довольно прибыльны. Конечно, это все было известно и ранее, и она не раз размышляла об этом, пока оставалась в Гарденкорте; но одно дело — предвидеть в мыслях, а другое — оказаться свидетелем весьма ощутимых результатов происшествия. Мысль о разделе имущества — она мысленно почти назвала его «добычей» — не нравилась ей, угнетая ощущением того, что она чужая на этом «празднике жизни». Я далек от того, чтобы назвать мадам Мерль черной завистницей, но ведь мы уже знаем, что у нее были желания, которые не сбылись. Если бы ее спросили, она, конечно, сказала бы с насмешливой улыбкой, что не имеет ни малейшего отношения к наследству мистера Тачетта. «Между нами никогда ничего не было. Ни вот столечко! — сказала

бы она, коснувшись большим пальцем кончика среднего и щелкнув ими. — Бедняга!»

Поспешим добавить, что если в ее душе и возникло в настоящий момент нечто вроде зависти, то она постаралась ничем не выдать своих чувств. В конце концов, ее симпатии к подруге хватало не только на то, чтобы сочувствовать ее потерям, — мадам Мерль была способна радоваться и приобретениям миссис Тачетт.

— Он оставил мне этот дом, — сказала новоявленная вдова. — Но, разумеется, я не собираюсь в нем жить — мой дом во Флоренции гораздо лучше. Завещание вскрыли три дня назад, и я уже распорядилась о продаже. Мне завещана также часть капитала; но я не поняла еще, должна ли я оставить ее здесь. Если нет, я заберу ее. Ральф, естественно, унаследовал Гарденкорт; не уверена, сможет ли он содержать его. Отец, конечно, хорошо обеспечил его, но кучу денег раздал на сторону; не забыл даже ораву дальних родственниц в Вермонте. Впрочем, может быть, Ральф сможет жить в Гарденкорте, который он очень любит, летом — со служанкой и младшим садовником. В завещании мужа оказался один неожиданный пункт, — добавила миссис Тачетт. — Он оставил состояние моей племяннице.

— Состояние? — негромко переспросила мадам Мерль.

— Изабелла получила что-то около семидесяти тысяч фунтов.

Мадам Мерль стиснула руки, лежащие на коленях; потом она подняла их к груди, не разнимая, и держала так несколько мгновений, глядя слегка расширившимися глазами прямо в глаза подруги.

— О! — вырвалось у нее. — Какое умное создание!

Миссис Тачетт бросила на нее быстрый взгляд.

— Что ты хочешь этим сказать?

Мадам Мерль на мгновение порозовела и опустила глаза.

— Определенно, только умная особа могла достичь такого результата — без малейших усилий.

— Она действительно не прикладывала никаких усилий — так что не стоит говорить, что она добивалась.

Мадам Мерль весьма редко можно было обвинить в создании неловкой ситуации; с ее мудростью, она быстро смогла переакцентировать высказанное ею, несколько изменив окраску и подав в выгодном свете.

— Друг мой, Изабелла — очаровательнейшая девушка в мире, потому и получила эти семьдесят тысяч фунтов. А ее незаурядный ум — часть ее очарования.

— Я уверена, она ничего подобного не ожидала; да и я, признаться, тоже, потому что он ничего не говорил мне об этом. Она никак не могла на это рассчитывать. То, что она — моя племянница, ничего для него не значило. Это совершенно от нее не зависело.

— Ах, — сказала мадам Мерль, — просто улыбка судьбы!

Миссис Тачетт пожала плечами.

— Нельзя отрицать — она везучая. Но от такой удачи она просто поглупела.

— Ты имеешь в виду, что она не знает, как распорядиться деньгами?

— Об этом, я уверена, она вряд ли вообще задумывается. Она вообще в абсолютном смятении. Словно за ее спиной кто-то выстрелил из пушки, и она ощупывает себя, чтобы убедиться, не задело ли ее. Не прошло и трех дней, как ее посетил лично главный душеприказчик — он хотел сам доложить ей о наследстве. Он потом рассказал мне, что, когда он кончил говорить, она разрыдалась. Деньги в банке, она может получать

проценты.

Мадам Мерль тряхнула головой. Улыбка, теперь уже мягкая, блуждала на ее губах.

— Она сделает это два-три раза, и это войдет у нее в привычку, — сказала она. — А что думает об этом твой сын? — добавила она, помолчав.

— Он покинул Англию еще до того, как это выяснилось, — волнение и недомогания совсем измучили его, и он поспешил на юг. Он сейчас все еще по дороге на Ривьеру — я не получала от него никаких известий. Но вряд ли он будет возражать против воли отца.

— Его доля наследства, как я поняла, сильно уменьшена?

— Несомненно, с его согласия. Я знаю, он просил отца оставить что-нибудь американской родне. Он совершенно не гоняется за тем, чтобы его считали «персоной номер один».

— Все зависит от того, кого он сам считает «персоной номер один», — медленно проговорила мадам Мерль, опустив глаза. — Могу я повидать нашу счастливицу? — спросила она немного погодя.

— Конечно. Только она не выглядит счастливицей. Все эти дни у нее не менее скорбный вид,

чем у Мадонны Чимабуэ[35]. — И миссис Тачетт позвонила в колокольчик.

Изабелла появилась сразу же после того, как лакея отправили за ней; мадам Мерль нашла сравнение миссис Тачетт очень точным. Девушка была бледна и удручена — и то, что она была вся в черном, особенно это подчеркивало; однако когда она увидела мадам Мерль, лицо ее озарилось счастливой улыбкой. Мадам Мерль шагнула к ней, положила руки ей на плечи, несколько секунд смотрела на нее и, наконец, поцеловала — словно возвращая поцелуй, полученный от Изабеллы в Гарденкорте. И это был единственный жест, которым гостья, будучи образцом утонченного вкуса, намекнула на то, что она рада за свою юную подругу, осчастливленную свалившимся наследством.

Миссис Тачетт не стала дожидаться, пока продастся дом. Отобрав из мебели то, что решила отправить во Флоренцию, она отдала распоряжения продать остальное на аукционе и отбыла на континент. Конечно, в этой поездке ее сопровождала племянница, у которой теперь было достаточно времени, чтобы оценить неожиданно

---

[35] Примечания: 35
Чимабуэ Джованни — итальянский живописец (XIII век).

свалившееся состояние, с чем ее завуалированно поздравила мадам Мерль. Изабелла много раздумывала о перемене в своем положении, рассматривая ее с разных сторон, но мы не станем предпринимать попытки проникнуть в ее умозаключения или объяснить, почему большей частью они носили пессимистический характер. Впрочем, период пессимизма длился у нее недолго: очень скоро она убедила себя, что быть богатой хорошо, богатство открывало перед ней возможность действовать, а это — правильно. Деятельность противостоит слабости, и, хотя юное создание, выказывающее слабость, выглядит весьма привлекательно, все же существуют более привлекательные вещи, чем слабость. Правда, сейчас, после того как она отослала один чек Лили, другой — Эдит, она не знала, чем ей заняться, — но она была благодарна судьбе и за эти тихие месяцы траура, которые Изабелла и тетушка, новоявленная вдова, должны были провести вместе. К открывшимся перед ней возможностям она отнеслась очень серьезно, обдумывала их и воспользоваться ими не спешила. Она начала это делать, только остановившись с тетушкой на несколько недель в Париже, хотя первые ее шаги в этом направлении были банальны. Но каковы

они могли быть в городе, чьи магазины вызывали восхищение всего мира, куда ее неотвратимо влекла тетушка, которая придерживалась исключительно практичной точки зрения по поводу превращения племянницы из бедной девушки в богатую?

— Теперь ты — молодая состоятельная женщина. Ты должна войти в свою новую роль и играть ее как следует, — категоричным тоном заявила миссис Тачетт и добавила, что первой обязанностью девушки было окружить себя красивыми вещами. — Ты не умеешь с ними обращаться — ну так должна научиться.

Это была вторая предписанная племяннице обязанность. Изабелла подчинилась, хотя ни то, ни другое не воспламенило ее воображения. Обрести большие возможности было ее мечтой, но разве о таких возможностях она мечтала?

Миссис Тачетт редко меняла свои планы. Коль скоро она, еще до смерти мужа, намеревалась провести часть зимы в Париже, она не видела причины, по которой должна была лишить себя — и тем более юную племянницу — такого удовольствия. И, хотя они жили достаточно уединенно, миссис Тачетт все же нашла возможность представить Изабеллу узкому кругу

соотечественников, обитавших вокруг Елисейских Полей. С некоторыми из членов этой американской «колонии» миссис Тачетт состояла в близких отношениях, разделяя их жизнь вдали от родины, взгляды, времяпрепровождение и скуку. Изабелла видела, с каким усердием они то и дело навещали тетушку в отеле, и осуждала их с предвзятостью, которая, несомненно, брала свои корни в представлениях Изабеллы о том, на что человек должен тратить свою жизнь. Она сочла образ жизни этих людей поверхностным и даже вызвала у них некоторую антипатию, так как взяла в привычку высказываться на эту тему каждое воскресенье, когда добровольные изгнанники навещали друг друга. Хотя ее слушателями были, по общему признанию, добродушнейшие в мире люди, некоторые из них нашли, что признаваемый всеми ум Изабеллы есть не что иное, как некоторая вариация дерзости.

— Куда вас заведет ваш образ жизни? — изволила она как-то спросить. — Мне кажется, в никуда. И мне кажется, что такая жизнь уже давно должна была бы наскучить.

Миссис Тачетт решила, что такой вопрос был достоин Генриетты Стэкпол. Наши дамы застали ее в Париже, и Изабелла регулярно виделась с

ней; поэтому миссис Тачетт сказала себе, что, если бы она не была уверена в том, что ее племянница достаточно умна, можно было бы заподозрить, не черпает ли она идеи у своей подруги-журналистки.

Впервые Изабелла заговорила подобным образом у миссис Льюс, старинной подруги миссис Тачетт, единственной, кому она в этот раз сама нанесла визит. Миссис Льюс жила в Париже со времен Луи-Филиппа и игриво заявляла, что относится к поколению 1830-х, — шутка, смысл которой был ясен далеко не всем[36]. Когда шутка не получалась, миссис Льюс пыталась пояснить: «О да, я романтик». Ее французский язык так и не достиг совершенства. Воскресные дни она всегда проводила дома в окружении одних и тех же милых ее сердцу соотечественников. Фактически она всегда находилась дома, в заполненном подушечками уютном уголке посреди великолепного города, и вела тихую домашнюю жизнь, точно такую же, какую могла вести в своем родном Балтиморе. Способ существования же ее весьма достойного супруга, мистера Льюса, был менее понятен. Внешне в нем не было никакой тай-

[36] Примечания: 36

Людьми 1830-х годов называли тех, кто сражался в то время на баррикадах за победу республики.

ны, она лежала глубже — стоило задуматься, на какие средства он существует. Он производил впечатление самого праздного человека в Европе, поскольку он не только не имел никаких обязанностей, но даже избегал особых удовольствий. Конечно, за сорок лет проживания в одном городе он приобрел некоторые привычки — но они были довольно банальными. Мистер Льюс был высоким, худощавым, седым джентльменом в золотом пенсне, с седоватой прилизанной головой в шляпе, сдвинутой на самый затылок. Каждый день он отправлялся в американский банкирский дом, где находилась почта, являвшаяся почти таким же местом общения людей, как подобное заведение в любом американском городке. Около часа в день в хорошую погоду он коротал, сидя на Елисейских Полях, и отменно плотно обедал дома за своим обеденным столом, любуясь своим тщательно навощенным полом, равным которому по полировке, как считала миссис Льюс, в Париже не было. Иногда он отправлялся обедать с одним-двумя приятелями в английский ресторанчик и приводил в восхищение своим талантом составлять меню не только друзей, но и самого метрдотеля. Это было единственным известным окружающим заня-

тием мистера Льюса в течение почти полувека, следовательно, именно оно служило источником его постоянных заявлений, что в мире нет места лучше, чем Париж. И действительно, в каком бы еще городе — при тех же условиях — он мог считать, что наслаждается жизнью? Неподражаемый Париж! Но, надо признать, теперь он менее восторженно думал о французской столице, чем в молодости. Исследуя занятия мистера Льюса, нельзя упустить из виду его раздумья на политические темы — несомненно, он посвящал им долгие часы, которые постороннему наблюдателю могли показаться праздными. Как и многие его соотечественники, осевшие в Париже, мистер Льюс был настоящим — вернее, глубоким — консерватором и не симпатизировал установившемуся во Франции режиму[37]. Мистер Льюс не верил, что он установился надолго, и год за годом уверял, что его конец близок. «Французов необходимо держать в ежовых рукавицах и под железной пятой», — говаривал он частенько, превознося низвергнутую империю как пример идеальной власти. «Париж сейчас не тот, что

[37] Примечания: 37
Речь идет о Третьей республике.

при императоре[38], он знал, как сделать так, чтобы жизнь в этом городе доставляла удовольствие», — часто сетовал он, беседуя с миссис Тачетт, которая полностью разделяла его мнение — зачем пересекать эту гнусную Атлантику, как не для того, чтобы сбежать от республики.

— Вот, бывало, раньше, мадам, я сидел на Елисейских Полях напротив Дворца промышленности и видел вереницы экипажей, которые мчались то в Тюильри, то из Тюильри, не менее семи раз за день. А однажды даже было девять. А теперь? Что говорить — полная потеря стиля. Наполеон знал, что нужно французам, и пока они не восстановят империю, над Парижем будет висеть черная туча.

Среди воскресных гостей миссис Льюс Изабелла встретила молодого человека, с которым много разговаривала, поскольку из бесед с ним черпала немало полезного. Мистер Эдвард Розье — Нед Розье, как все его звали, — родился в Нью-Йорке, но вырос в Париже, под неусыпным оком отца, который, уж так случилось, был давнишним и близким другом покойного мистера Арчера. Эдвард Розье помнил Изабеллу девочкой; это

---

[38] Примечания: 38
Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

именно его отец пришел на помощь маленьким мисс Арчер в Невшателе (он был проездом в этом городе и случайно остановился в той же гостинице) после того, как их бонна сбежала с русским князем, а местонахождение отца было неизвестно в течение нескольких дней. Изабелла отчетливо помнила изящного мальчика, от чьих волос так чудесно пахло чем-то дорогим и чьей бонне было строго-настрого приказано ни под каким видом не оставлять его одного. Изабелла тогда прогуливалась с ним вокруг озера и решила, что этот мальчик красив, как ангел, — сравнение, которое ни в коем случае не казалось ей банальным, поскольку она имела точное представление о внешности ангелов и воочию увидела ее воплощение в чертах своего нового приятеля. Розовое личико, увенчанное синим бархатным беретом, над крахмальным вышитым воротником на долгие годы стало предметом детских мечтаний Изабеллы, и она твердо верила, что обитатели небес беседуют меж собой на таком же странном диалекте (смеси английского с французским) и изрекают столь же похвальные истины, как маленький Эдвард, сообщивший ей, что «огражден» бонной от того, чтобы подойти к краю озера, и что бонну всегда надо слушаться. Английский

Розье за это время значительно улучшился — во всяком случае, в нем стало меньше французских выражений. Отец его умер, гувернантки больше не было, но молодой человек не забыл, чему его учили, — он никогда не подходил к краю озера. Окружавшая его атмосфера по-прежнему ласкала ноздри. Это был милый, изящный молодой человек с весьма изысканными, по общему мнению, вкусами: разбирался в старинном фарфоре, винах, качестве книжных переплетов, был завсегдатаем самых дорогих магазинов и отелей и часто листал Almanach de Gotha[39]. По части умения делать заказ в ресторане молодой Розье не уступал мистеру Льюсу, и, возможно со временем, собирался стать преемником этого достойного джентльмена, чьи суровые политические взгляды он разделял и высказывал похожие сентенции своим мягким невинным голосом. В Париже он занимал чудесные апартаменты, декорированные старинным испанским алтарным кружевом, предметом зависти его приятельниц, уверявших, что каминная полка его украшена богаче, чем платья некоторых герцогинь. Но тем

[39] Примечания: 39

Генеалогический и дипломатический ежегодник. В нем были сведения о членах королевских фамилий, государственных и политических деятелях.

не менее обычно Эдвард Розье проводил часть зимы в По, а однажды он даже съездил на пару месяцев в Штаты.

Он живо заинтересовался Изабеллой и в подробностях вспомнил их прогулку в Невшателе, когда девочка подговаривала его подойти поближе к краю озера. В ее теперешних претензиях к здешнему эмигрантскому обществу он, казалось, увидел отголоски все той же направленности и отвечал нашей героине с большей учтивостью, чем, возможно, заслуживал сей предмет разговора.

— Куда нас заведет такая жизнь? — переспросил он. — Вот мы в Париже, откуда нам открыта любая дорога. Вы не можете никуда двинуться, пока вы не посетили Париж. Любой, кто приезжает в Европу, не может миновать его. Вы не совсем это имели в виду? Вы подразумевали — что вам это может дать? Но как можно предсказать будущее? Как можно знать, что нас ждет впереди? Если дорога приятна, мне все равно, куда она ведет. Мне эта дорога нравится, я люблю старый добрый асфальт. Вы не можете устать от него — даже если очень постараетесь. Вам кажется, что вам скучно, но это неправда — здесь всегда есть что-то новое и свежее. Возьмем отель Друо: там

иногда три-четыре распродажи на неделе. Где еще можно найти такие славные вещицы? И что бы там ни говорили о Париже, я утверждаю, что здесь все дешевле, надо только знать места. Я-то их знаю, но приберегаю для себя. Вам я, пожалуй, скажу, ради исключения; но только больше никому не говорите. И пожалуйста, не ходите никуда, не посоветовавшись прежде со мной. Разумеется, избегайте Бульваров — там совершенно нечего делать. По правде говоря, вряд ли кто знает Париж так же, как я. Как-нибудь вам с миссис Тачетт надо позавтракать у меня, я покажу вам свои вещички; больше ничего не скажу! Здесь в последнее время ходит много разговоров о Лондоне — модно кричать: ах, Лондон! Лондон! Но это чепуха — в Лондоне нечего делать. Нет ничего в стиле Людовика XV[40], нет настоящего ампира — везде эта их вечная мебель времен королевы Анны. Для спальни она еще годится, или для ванной, — но не для гостиной. Провожу ли я свою жизнь на аукционах? — проговорил молодой человек в ответ на вопрос Изабеллы. — О, нет. У меня нет таких средств, хотя мне и хотелось бы иметь их. Вы думаете, что я несерьезный чело-

[40] Примечания: 40

На времена, когда правил Людовик XV (1710–1774), пришелся расцвет стиля рококо.

век, — я вижу это по выражению вашего лица. У вас удивительно выразительное лицо. Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за эти слова — мне просто хотелось предостеречь вас. Вы считаете, что я должен чем-то заниматься; я, в общем, с вами согласен. Но, когда встанешь перед необходимостью конкретизировать свои намерения, ничего не получается. Не могу же я вернуться домой и открыть магазин. Думаете, это мне подходит? О, мисс Арчер, вы меня переоцениваете. Я умею покупать, но не продавать; посмотрели бы вы на меня, когда я пытаюсь избавиться от лишних вещей! Для того чтобы заставить людей покупать, нужны гораздо большие способности, чем для того, чтобы покупать самому. Как я подумаю — какими же изобретательными должны быть люди, чтобы заставить купить меня! О, нет! Я не могу держать магазин. Не могу и быть врачом — это неприятное занятие. И в священники не гожусь — у меня нет истовой веры. И потом, мне трудно выговорить эти библейские имена — они такие сложные, особенно в Ветхом Завете. Я не могу быть адвокатом, я не понимаю — как там у вас это зовется? — американского судопроизводства. Ну, что там еще? В Америке нет занятий для джентльмена. Я бы стал дипло-

матом, но американская дипломатия опять же не для джентльмена. Я уверен, если бы вы видели их предыдущего послан…»

Генриетта Стэкпол, которую мистер Розье часто заставал у Изабеллы, когда после полудня приезжал засвидетельствовать свое почтение и изложить свои мысли примерно в представленной манере, на этом месте прерывала молодого человека и прочитывала краткую лекцию о гражданском долге каждого американца. Розье казался ей чем-то противоестественным — хуже Ральфа Тачетта. Надо сказать, что Генриетта теперь была критически настроена более, чем обычно. Она не поздравила Изабеллу с новообретенным богатством и попросила извинить ее за то, что она не будет этого делать.

— Если бы мистер Тачетт посоветовался со мной, оставлять ли тебе деньги, — откровенно заявила она, — я бы сказала: ни в коем случае!

— Я понимаю, — сказала Изабелла, — ты думаешь, что деньги таят в себе проклятье. Что ж, это возможно.

— Оставьте их тому, кто вам менее дорог, — вот что я сказала бы ему.

— Например, тебе? — пошутила Изабелла и добавила уже совсем другим тоном: — Ты на самом

деле уверена, что эти деньги погубят меня?

— Надеюсь, нет. Но они могут укрепить тебя в твоих опасных наклонностях.

— Ты имеешь в виду любовь к роскоши… к расточительству?

— Нет, нет, — ответила Генриетта, — я говорю о нравственной стороне дела. Любовь к роскоши я одобряю — мы, американки, должны быть как можно более элегантными. Вспомни города на нашем Западе — что может здесь сравниться с ними! Я имела в виду то, что надеюсь — ты не будешь гоняться за плотскими удовольствиями. Впрочем, всерьез я этого и не страшусь. Твоя беда в том, что ты слишком погрузилась в мир собственных мечтаний и находишься в недостаточном контакте с реальностью — тяжким трудом, нуждой, страданиями. Ты слишком привередлива и склонна выстраивать вокруг себя прекрасные иллюзии. Эти тысячи, которые вдруг на тебя свалились, будут все больше и больше связывать тебя с узким кругом бессердечных и эгоистичных людей, заинтересованных в том, чтобы поддерживать эти иллюзии.

Изабелла расширенными глазами мысленно взирала на столь мрачную картину своего будущего.

— Какие же иллюзии я выстраиваю? — спросила она. — Я всеми силами только и стараюсь отделаться от них.

— Например, — сказала Генриетта, — ты воображаешь, что можешь вести романтический образ жизни, что можешь жить, доставляя радость себе и окружающим. Какую бы жизнь ты ни вела, чтобы прожить ее не зря, ты должна вкладывать в нее свою душу, а с этого момента она перестанет быть романтичной, уверяю тебя; она станет жестокой реальностью! И потом, у тебя не получится жить так, чтобы доставлять радость исключительно себе — тебе придется иногда доставлять радость другим. К этому, впрочем, я уверена, — ты готова. Но есть еще одна немаловажная вещь — часто приходится делать то, что вызывает неудовольствие других. Вот к этому тебе надо подготовиться и не бояться этого. А это как раз не для тебя — ты ведь так любишь, чтобы тобою восторгались, чтобы тебя любили. Тебе кажется, что можно избежать неприятных обязанностей, глядя на жизнь романтическим взглядом, но это как раз одна из твоих иллюзий, дорогая. Это невозможно. Надо быть готовой к тому, что в жизни придется делать то, что никому не доставляет удовольствия — даже тебе самой.

Изабелла с грустью покачала головой. В глазах ее были тревога и смятение.

— Сегодня как раз тебе представился подобный случай, Генриетта, — сказала она.

Надо отметить, что сама мисс Стэкпол, для которой пребывание в Париже с профессиональной точки зрения оказалось гораздо более плодотворным, чем в Лондоне, жила и вправду отнюдь не в мире мечты. Мистер Бентлинг, сейчас уже возвратившийся в Англию, в течение четырех недель был ее верным спутником; но с ним не было связано ничего романтического. Из слов Генриетты Изабелла узнала, что у них сложились весьма близкие отношения — и это имело свои преимущества, поскольку мистер Бентлинг знал Париж как свои пять пальцев. Он все ей объяснял, показывал, был при ней гидом и переводчиком в одном лице. Они все делали вместе — завтракали, обедали, ужинали, посещали театры, — словом, практически жили вместе. Он оказался настоящим другом, уверяла Изабеллу Генриетта, до знакомства с ним она никогда бы не поверила, что ей может понравиться англичанин. Хотя Изабелла и затруднилась бы сказать почему, союз братца леди Пензл и корреспондентки «Интервьюера» забавлял нашу героиню;

это чувство почему-то усиливало соображение, что каждому из них было по-своему лестно иметь такого партнера.

Девушка не могла отделаться от мысли, что каждый из них, используя другого, попался в ловушку собственного простодушия. И это простодушие с каждой стороны было совершенно искреннее: Генриетта искренне верила, что мистера Бентлинга волнует становление «живой журналистики» и упрочение в ней женщин-корреспонденток, а мистер Бентлинг искренне полагал, что эти ее корреспонденции в «Интервьюере», о котором ему так и не удалось составить определенного мнения, если хорошенько проанализировать (а эти способности в себе мистер Бентлинг оценивал весьма высоко), являются не чем иным, как проявлением женского кокетства. Каждый из участников этого тандема восполнял какой-то «пробел» в жизни другого. Неторопливый, спокойный мистер Бентлинг получал удовольствие от общения с энергичной, уверенной, неугомонной женщиной, которая очаровывала его решительным блеском своих глаз и какой-то «первобытной» свежестью, женщиной, которая сумела «подбавить перцу» в его размеренное и пресное существование. Со своей

стороны, Генриетта наслаждалась обществом приятного на вид джентльмена без определенной профессии, чья несомненно предосудительная праздность оказалась просто находкой для вечно занятой Генриетты, поскольку он с легкостью разрешал все возникающие у нее вопросы — и те, которые касались общественной жизни, и практические. Часто его ответы были настолько точны, что, торопясь отправить корреспонденцию в Америку с ближайшей почтой, она просто излагала их в своей статье. Уж не несло ли Генриетту куда-то течением — об этой опасности когда-то, добродушно обороняясь от нападок подруги, предупреждала ее Изабелла. Нет, конечно, такая опасность могла грозить только Изабелле, а не мисс Стэкпол; вряд ли корреспондентка «Интервьюера» могла проникнуться отжившими взглядами класса, представителей которого она критиковала. Однако Изабелла продолжала подшучивать над подругой; имя любезного брата леди Пензл нет-нет да и слетало с ее губ, сопутствуя неодобрительным и насмешливым замечаниям. Ничто, однако, не могло поколебать твердость Генриетты в противодействии этому: она пропускала мимо ушей иронию Изабеллы и с удовольствием вспоминала о часах, проведен-

ных с мистером Бентлингом. А спустя несколько минут она совершенно забывала о том, что они с Изабеллой шутливо пикировались, и с пылом принималась рассказывать об очередном походе, совершенном в компании экс-гвардейца.

— О, я изучила Версаль досконально, — с жаром повествовала она, — я была там с мистером Бентлингом. — Я с самого начала собиралась это сделать основательно — и предупредила его об этом по дороге. Мы остановились на три дня в гостинице и подробно осмотрели буквально все. Стояла прекрасная погода — настоящее бабье лето, только немного холоднее. Мы буквально жили в парке! О да — нет ничего такого, чего бы я не знала о Версале!

Слушая ее, логично было бы предположить, что теперь наши друзья договорились отправиться дальше — скажем, в Италию, — надо было только дождаться весны…

Глава 21

Еще до прибытия в Париж миссис Тачетт определила день отъезда из него — и в середине февраля она направилась на юг. Она не сразу поехала во Флоренцию, а прервала путешествие, чтобы навестить сына в Сан-Ремо на итальянском побережье Средиземного моря. Он коротал там под белым зонтом унылую, но солнечную зиму. Разумеется, Изабелла сопровождала тетю, хотя та со свойственной ей безапелляционностью предложила той и другие возможности.

— Теперь ты, конечно, сама себе хозяйка, — сказала она. — Я не утверждаю, что ты не была ею раньше — но теперь другое дело: богатство служит своего рода защитой, и с деньгами можно делать многое, что подвергали бы критике, будь ты бедной. Ты можешь уезжать и возвращаться, путешествовать одна, жить собственным домом — разумеется, взяв в компаньонки разорившуюся благородную даму в мерзкой кашемировой шали и с крашеными буклями, занимающуюся росписью по бархату. Ты не уверена, что тебе это понравится? Конечно, ты вольна делать все,

что тебе угодно, — я хочу, чтобы ты поняла, что ты совершенно свободна. Можешь пригласить в компаньонки мисс Стэкпол — она всех от тебя отвадит. Но, думаю, тебе все же лучше остаться со мной — хотя ты и не обязана. Но я рекомендую тебе принести эту жертву. Конечно, новизна, которая поначалу делала мое общество интересным, уже иссякла, и ты видишь меня такой, какая я и есть — скучная, упрямая и ограниченная старуха.

— Я вовсе не нахожу вас скучной, — улыбнулась Изабелла.

— А упрямой и ограниченной? Я же говорила! — удовлетворенно заключила миссис Тачетт, довольная тем, что доказала свою правоту.

Изабелла осталась с тетей. Несмотря на все свои эксцентричные порывы, она отнюдь не собиралась пренебрегать правилами приличий, а девушка из хорошей семьи, но без единого родственника рядом всегда казалась ей цветком на стебле, лишенном зелени. Действительно, речи миссис Тачетт давно уже не казались ей такими блестящими, как в тот вечер их встречи в Олбани, когда, сидя перед ней в своей мокрой от дождя накидке, она рисовала возможности, которые откроются в Европе молодой особе со вкусом. Но

это была вина самой Изабеллы: когда узнала тетю получше, Изабелла с ее живым воображением стала легко предугадывать суждения и чувства своей тетушки, не наделенной такими способностями. В ее предсказуемости было и нечто приятное — вы всегда знали, где ее можно найти, и могли не опасаться непредвиденных встреч и осложнений. Она была прекрасно осведомлена, что происходит в ее владениях, и ее не слишком интересовало то, что там творится на территории соседей. Мало-помалу у Изабеллы зародилось чувство жалости к тетке: было что-то унылое в том, что это человеческое существо имело столь ограниченную «поверхность», открытую контактам с другими людьми. Ничто нежное или ласковое не имело шанса прикрепиться к ней — ни семечко цветка, занесенное ветром, ни старый добрый мох. Другими словами, эта поверхность была не шире лезвия ножа. Однако у Изабеллы имелись основания полагать, что с годами тетушка все больше уступала сентиментальным чувствам и все меньше руководствовалась соображениями собственного удобства — она стала изредка жертвовать ими во имя соображений более низменного порядка, если было возможно извинить это особыми обстоятельствами. Например, она

сделала большой крюк, чтобы провести несколько недель со своим больным сыном — ранее же она была тверда как гранит в своем мнении, что, если сыну угодно было ее видеть, ему не возбранялось вспомнить, что в палаццо Кресчентини есть просторные апартаменты, именуемые покоями синьорино Ральфа.

— Я хочу задать вам один вопрос, — сказала Изабелла Ральфу на следующий день после приезда в Сан-Ремо. — Я не раз собиралась спросить у вас это в письме, но не решилась. А когда мы теперь лицом к лицу, мне легче. Скажите, вы знали, что ваш отец оставил мне так много денег?

Ральф выдвинул ноги дальше обычного и еще пристальнее стал смотреть на море.

— Какое имеет значение, моя дорогая Изабелла, знал я или нет? Мой отец был очень упрям.

— То есть, — заключила она, — вы знали.

— Да, он сказал мне; мы даже немного потолковали об этом.

— Для чего он это сделал? — быстро спросила она.

— Ну… скажем, на память.

— Его приязнь ко мне была чрезмерна.

— Мы все любим вас так же сильно.

— Если бы я так думала, то была бы очень

несчастна. К счастью, я в это не верю. Я хочу, чтобы ко мне относились по справедливости, вот и все.

— Справедливость по отношению к прелестному существу — это слишком ненатуральное требование.

— Я вовсе не прелестное существо. Как вы можете называть меня так, когда я задаю такие ужасные вопросы? Наверное, вы думаете, что я чересчур чувствительна.

— Я думаю, что вы расстроены, — сказал Ральф.

— Да, расстроена.

— Но чем?

Мгновение она молчала. Потом выпалила:

— Вы думаете, хорошо, что я вдруг стала богатой? Генриетта так не думает.

— К черту Генриетту! — рассердился Ральф. — А я вот этому был бы только рад.

— Так ваш отец сделал это для вашего развлечения?

— Я не согласен с мисс Стэкпол, — перейдя на серьезный тон, сказал Ральф. — Я думаю, хорошо, что у вас теперь есть средства.

Изабелла серьезно взглянула на кузена.

— Вы знаете, что для меня хорошо? Или заботи-

тесь о том, чтобы мне было хорошо?

— То, что я знаю, находится в прямой связи с тем, о чем я забочусь. Я знаю, что безусловно было бы хорошо — перестать вам мучить себя.

— Я думаю, вы хотели сказать другое — перестать мне мучить вас.

— Это вам не удастся — я надежно защищен. Смотрите на вещи проще. Не спрашивайте себя слишком часто, что хорошо для вас, а что плохо. Не терзайте все время вашу совесть — она будет звучать, как расстроенное пианино. Поберегите ее для более серьезных случаев. Не старайтесь так рьяно формировать характер — это все равно что до времени пытаться раскрыть бутон розы. Живите естественно, и ваш характер сложится сам собой. Многие вещи в мире хороши для вас, — за редким исключением, и получение наследства не входит в их число, — Ральф остановился и улыбнулся. Изабелла жадно слушала его. — Вы слишком много вопрошаете свою совесть, — добавил молодой человек. — Это неразумно, и многие вещи вы воспринимаете неправильно. Расправьте ваши крылья. Воспарите над землей. В этом нет ничего дурного.

Как я уже сказал, Изабелла слушала крайне напряженно; ее натура была необыкновенно

восприимчива.

— Не знаю, отдаете ли вы себе отчет в том, что сейчас говорите. Вы берете на себя огромную ответственность.

— Как вы меня напугали! Но я все же думаю, что я прав, — продолжая улыбаться, сказал Ральф.

— Все равно. То, что вы сказали, очень верно, — продолжала Изабелла. — Точнее и не скажешь. Я слишком поглощена собой — отношусь к жизни как к предписанию врача. Действительно, почему мы должны все время думать, что полезно, а что вредно, — точно пациенты в больничной палате? Зачем мне бояться поступить дурно? Мир же не перевернется от этого?

— Какой благодатный материал для советчика! — ахнул Ральф. — Да вы просто выбиваете у меня почву из-под ног!

Изабелла взглянула на кузена, словно не слыша, хотя она продолжала раздумывать над его словами.

— Я стараюсь больше думать о мире, чем о собственной персоне, но всегда в конце концов возвращаюсь к мыслям о себе. Это потому, что я боюсь. — Голос ее дрогнул, она помолчала и потом продолжала: — Даже не могу сказать, как. Большое состояние — это свобода, и я боюсь ее.

Это такая чудесная вещь, надо суметь разумно распорядиться ею. Будет очень стыдно, если я не смогу сделать это как следует! Тут нужно думать и постоянно делать усилия. Я не уверена, что это лучше, чем вовсе не иметь возможностей.

— Человеку слабому, несомненно, не лучше. Для слабого человека попытка избежать презрения — и та едва ли по плечу.

— Почему вы думаете, что я сильная? — спросила Изабелла.

— О, — ответил Ральф, и Изабелла увидела, что он покраснел, — если это не так, тогда я жестоко наказан!

Изабелла была очарована, увидев Средиземноморское побережье воочию — это был «порог» Италии, врата в царство восторгов. Страна, еще не увиденная полностью, еще не овладевшая всеми чувствами Изабеллы, лежала перед ней, как земля обетованная, страна, где жажду прекрасного можно было утолить бесконечным познанием его. Где бы ни прогуливались Изабелла с кузеном — а она сопровождала его в дневных прогулках, — она всегда вглядывалась в морскую даль в том направлении, где лежала Генуя. И все же она была рада остановиться на пороге новых открытий — покой этих недель доставлял ей удовольствие.

Эта остановка казалась ей затишьем, мирной интерлюдией перед той воображаемой новой деятельной жизнью, которую она непрестанно живописала себе в весьма драматичном свете своих надежд, опасений, фантазий, амбиций и пристрастий. Как и предсказала мадам Мерль в разговоре с миссис Тачетт, опустив раз-другой руку в карман, Изабелла примирилась с мыслью, что он наполнен ее щедрым дядюшкой, — и это ее поведение только подтвердило, как это часто случалось и раньше, прозорливость вышеупомянутой дамы. Ральф Тачетт похвалил кузину за восприимчивость, то есть за то, как быстро она восприняла намек, являвшийся добрым советом. Возможно, этот совет сыграл решающую роль — во всяком случае, к тому времени как Изабелле пришла пора покинуть Сан-Ремо, она уже привыкла чувствовать себя богатой.

Ее совесть нашла себе местечко среди не слишком многочисленных теснящихся мыслей Изабеллы о себе и уже не мучила так девушку. Со своим новым положением наша героиня теперь связывала тысячи благих намерений. Изабелла просто терялась от обступивших ее бесчисленных видений того, сколько прекрасных вещей она — богатая, умная, независимая девушка, трезво

оценивающая свои возможности и понимающая обязанности, — может совершить. Поэтому ей начало казаться, что богатство стало частью ее самой, лучшего, что в ней было; оно придавало ей в своих глазах важности и даже оделяло некоей идеальной красотой. Чем оно делало ее в глазах остальных — это другой вопрос, мы обязательно коснемся его в свое время.

Видения, о которых я упомянул, мешались с другими мечтами. Ей больше нравилось думать о будущем, чем вспоминать прошлое, но временами, когда она прислушивалась к шепоту средиземноморских волн, ее мысли все же возвращались в это прошлое, и тогда на некотором отдалении перед ней возникали на удивление выпуклые фигуры, в которых она без особого труда узнавала Каспара Гудвуда и лорда Уорбартона. Поразительно, как быстро эти столь яркие фигуры в жизни девушки отошли на задний план. Изабелле всегда было свойственно терять веру в реальность вещей, когда они исчезали из ее поля зрения; в случае необходимости она могла сделать над собой усилие и оживить «потерянные» образы — но оно тяготило ее, даже если сами воспоминания были для нее приятны. Прошлое было мертвым для нее, и воскрешение

его не приносило ей никакой радости. Более того, она и сама не претендовала на то, чтобы жить в памяти других людей, — она отнюдь не была столь самонадеянна, чтобы считать, что оставила в их сердцах неизгладимый след. Конечно, Изабелла бы, наверное, огорчилась, узнав, что она совершенно забыта, — но, по правде говоря, свобода забывать ей казалась самой сладкой из всех свобод. Она не делилась последним куском хлеба ни с Каспаром Гудвудом, ни с лордом Уорбартоном — но и не считала, что они, в свою очередь, чем-то обязаны ей. Конечно, она помнила о том, что Каспар Гудвуд вернется, но это должно было произойти только через полтора года, а за это время многое могло случиться. Ей ни разу не пришло в голову, что ее американский поклонник мог найти себе другую подругу, более подходящую для женитьбы; хотя она понимала, что не одна девушка согласилась бы выйти за него, Изабелла не верила, что такая перспектива могла бы его привлечь. Но Изабелла осознавала, что за это время характер ее мог измениться, и те черты Каспара, которые, как ей сейчас кажется, ограничивают свободное развитие ее личности, покажутся ей вполне приемлемыми. Возможно, эти черты в один прекрасный день покажутся ей

гарантией тихого счастья — спокойным берегом, защищенным от волн гранитным молом. Но всему свой черед, и она не собиралась сидеть сложа руки в ожидании этого дня. Что касается лорда Уорбартона, то она совершенно не ожидала и даже не желала, чтобы он продолжал лелеять ее образ, — она вовсе не собиралась думать о нем как о возлюбленном и ждала того же и от него. Это не было, как могло показаться, некоей теорией с элементами сарказма. Она искренне считала, что его светлость сможет утешиться в своем разочаровании. Он был сильно уязвлен — она понимала это и не могла отделаться от некоторого удовольствия при мысли о своей победе, — но наивно было бы мечтать, чтобы столь щедро одаренный судьбой джентльмен растравлял свою рану из-за отношений, от которых разумнее всего было бы отказаться. К тому же, говорила себе Изабелла, англичане превыше всего ставят душевный покой, — а какой же покой мог быть у лорда Уорбартона, если б он не перестал думать о самонадеянной американке, совершенно случайно возникшей на его жизненном пути? Девушка льстила себя надеждой, что, если в один прекрасный день она услышит о женитьбе лорда на какой-нибудь из его юных

соотечественниц, которая приложит некоторые усилия, чтобы заслужить эту честь, — у нее, Изабеллы, не возникнет ни малейшей ревности. Его женитьба только доказала бы, что он верит в непоколебимость решения Изабеллы, — а она желала именно этого; и причиной тому была ее гордость.

Глава 22

Спустя полгода после смерти старого мистера Тачетта, в один из дней в начале мая, небольшая группа людей, представляя вместе со всем окружающим весьма живописную картину, собралась в одной из комнат старинной виллы, расположившейся на вершине поросшего оливковыми деревьями холма у Римских ворот при въезде во Флоренцию. Эта вилла представляла собой вытянутое довольно неинтересное здание с нависающей крышей, которые так любят тосканцы; если смотреть издали, они, вместе с высокими, темными, резко очерченными кипарисами, растущими по три-четыре дерева рядом с домом, образуют на холмах, окружающих Флоренцию, идеальные прямоугольники. Дом выходил на пустынную, немного поросшую травой сельскую площадь, занимавшую часть вершины холма. Его фасад с редкими, несимметрично расположенными окнами, и каменной, тянувшейся вдоль фундамента скамьей, служившей местом отдыха то одному, то другому достойному горожанину, восседавшему на ней с видом непризнанно-

го величия, которое неведомо почему всегда свойственно в Италии тому, кто погрузился в состояние полной праздности, — этот древний, добротный, состарившийся, но все еще импозантный фасад казался несколько мрачноватым. Это не было лицом дома — всего лишь маской, безглазой, но с тяжелыми веками. На самом же деле дом смотрел назад — на великолепные, залитые полуденным солнцем просторы. С этой стороны вилла нависала над склоном холма и длинной долиной реки Арно, светящейся всеми красками Италии. Рядом с домом был длинный террасный сад, где среди буйно цветущих диких роз виднелось несколько поросших мхом каменных скамей, разогретых солнцем. Парапет террасы имел высоту, удобную, чтобы на него можно было облокачиваться, а под ним земля уходила вниз, к зарослям оливковых деревьев и виноградникам. Однако в данный момент нас интересует не внешний облик дома; этим ярким утром в разгар весны его обитатели имели все основания предпочесть солнечному свету прохладные стены. Окна нижнего этажа, если смотреть на них с площади, со своими строгими пропорциями, казалось, несли исключительно конструктивную функцию и предназначены были не столь для того, чтобы

смотреть на окружающий мир, сколь для того, чтобы помешать этому миру заглядывать внутрь. Одетые в массивные крестообразные решетки, они были расположены на такой высоте, что любое любопытство иссякало прежде, чем человек, приподнявшись на цыпочки, успевал до них дотянуться. В комнате, освещенной с помощью ряда из трех таких проемов — вилла состояла из нескольких подобных апартаментов, занятых в основном разномастными иностранцами, осевшими во Флоренции, — сидели джентльмен, девочка и две почтенные монахини какого-то религиозного ордена. Надо сказать, комната выглядела не столь мрачно, как могло показаться после вышеописанного мною, поскольку широкая и высокая дверь в ней сейчас была распахнута настежь в сад, да и зарешеченные окна пропускали достаточно итальянского солнца. Более того, помещение было уютно и почти роскошно устроено. Похоже, его обитатели не были чужды изящным искусствам — взгляд услаждало огромное разнообразие благородно поблекших старинных гардин и гобеленов, резных шкафов и сундуков из потемневшего от времени полированного дуба, старомодная живопись в старинных рамах, тронутые временем средневековые

реликвии из бронзы и керамики, неиссякаемым источником которых являлась Италия. Эти вещи мирно соседствовали с современной мебелью, в создании которой была отдана дань утонченному восприятию комфорта — кресла были глубокими, с очень мягкими сиденьями, а значительную часть пространства занимал письменный стол отменной работы, совершенство форм которого несло на себе печать Лондона и девятнадцатого столетия. В комнате было много книг, журналов и газет, несколько современных картин, в основном акварелей. Одно из таких творений стояло на мольберте, перед которым в данный момент, — когда мы начинаем повествование, — сидела уже упомянутая мной девочка. Она молча смотрела на картину.

Нельзя сказать, что старшие рядом с ней хранили абсолютное молчание, но в их беседе постоянно возникали паузы. Монахини не уселись уютно в удобных креслах, а устроились на краешке; их позы говорили о том, что они пробудут здесь недолго. Это были простые, спокойные женщины со смиренными лицами, одежда из накрахмаленного полотна и саржи словно была предназначена для того, чтобы подчеркнуть их скромность. Одна из монахинь, женщина неопре-

деленного возраста, в очках, с пышной фигурой, толстощекая, с прекрасным цветом лица, вела себя более уверенно — очевидно, отвечала за порученное задание, которое касалось девочки. Прическа этой юной леди была украшена шляпкой — такой же простой, как и ее муслиновое платьице, слишком для нее короткое, хотя, по всей видимости, его уже однажды «отпускали». Джентльмен, который, видимо, считал своей обязанностью занять беседой монахинь, несомненно, осознавал сложность сей деликатной задачи. В то же время его, несомненно, интересовала юная леди — когда она повернулась к нему спиной, его задумчивый взгляд не отрывался от хрупкой маленькой фигурки. Джентльмену было лет сорок; еще густые, аккуратно причесанные волосы уже начали седеть. У него была голова хорошей формы и тонкое, изысканное лицо с лишь с одним недостатком — оно выглядело слишком заостренным, и немалую роль в этом играла его бородка. Она была подстрижена на манер портретов шестнадцатого века и вместе с усами, закрученными кверху, придавала джентльмену вид иностранца и свидетельствовала о том, что он во всем искал смысл. Его пытливые умные глаза, выражавшие одновременно и мяг-

кость, и уверенность, — глаза, которые могли принадлежать одновременно и мыслителю, и мечтателю, — убеждали вас, что его поиски продолжались только в разумных пределах, и в этих пределах он быстро находил то, что хотел. Национальность джентльмена определить было сложно. Он не имел особых признаков, которые обычно помогают ответить на этот вопрос. Если в его венах текла английская кровь, то к ней, очевидно, примешалось немного французской или итальянской — он относился к такому типу людей, про которого можно было сказать, что он сойдет за кого угодно. Легкий, сухощавый, с ленивой грацией в движениях, не слишком высокий, но и не маленький, он был одет так, чтобы другие видели — эта проблема не слишком его заботила.

— Ну, моя дорогая, что скажешь? — спросил джентльмен девушку. Он легко и свободно говорил на итальянском, но вы вряд ли приняли бы его за итальянца.

Девочка окинула картину внимательным взглядом.

— Очень красиво, папа. Ты сам это нарисовал?

— Да, дитя мое. А ты считаешь, что я на это не способен?

— Нет, папа, ты талантлив. Я тоже научилась рисовать.

Она повернулась и показала свое маленькое прекрасное личико, освещенное радостной улыбкой, что было обычным для него состоянием.

— Надо было привезти мне свои рисунки.

— Я привезла, и много — они в моем дорожном чемодане, — сказала девочка.

— Она рисует очень… очень старательно, — по-французски заметила старшая из монахинь.

— Я рад слышать это. Это вы учите ее?

— О нет, — ответила сестра и слегка покраснела. — Это не входит в мои обязанности. Я не даю уроков воспитанницам, а предоставляю такую возможность тем, кто компетентен. У нас отличный учитель рисования, мистер… мистер… Как же его имя? — спросила она у своей спутницы.

Та сверлила глазами ковер.

— У него немецкое имя, — отвечала она по-итальянски с таким выражением, словно имя требовало перевода.

— Да, — продолжала первая монахиня, — он немец и живет у нас уже много лет.

Девочка, которая не следила за беседой, подошла к двери, остановилась на пороге и стала смотреть в сад.

— А вы, сестра, француженка? — спросил джентльмен.

— Да, сэр, — тихо ответила женщина. — Я разговариваю с ученицами на родном языке — другого я не знаю. Но у нас есть сестры из других стран — англичанки, немки, ирландки. Все они говорят на своих родных языках.

Джентльмен улыбнулся.

— Уж не ирландка ли смотрела за моей дочерью? — усмехнулся он, но увидел, что собеседницы заподозрили в его словах какую-то шутку и не могут понять ее. — Я вижу, дело у вас поставлено отлично, — поспешно переменил он тему.

— О, да, это правда. У нас есть все, и все самое лучшее.

— У нас есть даже гимнастика, — осмелилась вставить сестра-итальянка. — Но не очень сложная.

— Надеюсь. Не вы ли ее преподаете?

Вопрос этот искренне развеселил сестер. Когда они отсмеялись, джентльмен взглянул на дочь и сказал, что она заметно повзрослела и выросла.

— Я думаю, она уже перестала расти. Она не будет высокой, — сказала француженка.

— Меня это не огорчает. Мне нравятся невысокие женщины, — честно заявил джентльмен. —

Впрочем, я не вижу причины, по которой моя дочь должна быть невысокого роста.

Монахиня сдержанно пожала плечами, давая понять, что на подобный вопрос не существует ответа.

— У нее очень хорошее здоровье. Это самое главное.

— Да, она неплохо выглядит. — Отец взглянул на дочь: — Что тебя так заинтересовало в саду, дорогая?

— Тут так много цветов, — ответила девочка тихим голоском на таком же отменном французском, что и ее отец.

— Но не так уж много по-настоящему красивых. Но ты все равно можешь нарвать букеты для дам.

Девочка повернулась к отцу со счастливой улыбкой.

— Правда? — спросила она.

— Конечно, раз я говорю.

Девочка взглянула на старшую монахиню.

— Правда, можно, матушка?

— Слушайся своего папу, дитя мое, — ответила сестра и снова покраснела.

Получив разрешение, девочка бросилась через порог и исчезла в саду.

— Однако вы их не балуете, — заметил с улыбкой отец.

— Они всегда должны спрашивать позволения. Это наша система. Мы позволяем все, но воспитанницы должны попросить разрешения.

— О, я не критикую вашу систему. Не сомневаюсь, она очень хороша. Я и отправил к вам свою дочь, чтобы посмотреть, что из нее получится. Я верил в вас.

— У каждого должна быть вера, — назидательно ответила сестра, взирая на джентльмена сквозь свои очки.

— Так вознаграждена ли моя вера? Что вы вылепили из моей дочки?

Сестра потупила глаза.

— Добрую христианку, месье.

Джентльмен тоже потупил глаза, но, возможно, по другой причине.

— Это все? — произнес он.

Он смотрел на монахиню, ожидая ее ответа, что добрая христианка — это все, о чем можно желать.

Но, несмотря на всю свою простоту, она не была столь прямолинейна.

— Очаровательную юную леди, настоящую маленькую женщину. Дочь, присутствие которой

рядом с вами будет дарить вам радость.

— Да, она очень мила, — согласился отец. — И прехорошенькая.

— Она — совершенство. У нее нет недостатков.

— У нее их не было и в детстве, и я рад, что она не приобрела их у вас.

— Мы ее очень любим, — с достоинством произнесла сестра в очках. — А что касается недостатков, как мы можем привить их девочке, если их нет у нас самих? Le couvent n'est pas comme le monde, monsieur[41]. Можно сказать, она — наше дитя. Мы воспитывали ее с малых лет.

— Из выпуска этого года мы больше всего будем скучать именно о ней, — почтительно пробормотала вторая сестра.

— О, да, мы будем долго вспоминать о ней, — сказала первая монахиня, — и ставить ее в пример новым воспитанницам.

Тут добрая сестра вдруг обнаружила, что очки ее затуманились; вторая же после некоторого замешательства достала носовой платок из какой-то неимоверно плотной ткани…

— Совсем не обязательно, что она вас покинет. Еще ничего не решено, — торопливо ответил

---

[41] Примечания: 41

В монастыре все иначе, чем в миру, месье *(фр.)*.

отец девушки, но вовсе не для того, чтобы предупредить их слезы, — очевидно, это было его искренним желанием.

— Мы были бы просто счастливы узнать это. В пятнадцать лет ей очень рано покидать нас.

— О, — воскликнул джентльмен несколько более живо, чем он высказывался до сих пор, — не я хочу увезти ее. Я бы с радостью оставил дочь у вас навсегда!

— О, месье, — с улыбкой сказала старшая сестра, поднимаясь, — ваше доброе дитя должно жить в миру. Le monde y gagnera[42].

— Если бы все добрые люди ушли в монастырь, как продолжался бы род человеческий? — тихо спросила ее спутница, тоже вставая.

Этот вопрос можно было истолковать в более широком смысле, чем в него, очевидно, вложила монахиня, и ее старшая подруга в очках поспешила произнести со смиренным видом:

— К счастью, повсюду есть добрые люди.

— Когда вы уйдете, здесь станет на две добрые души меньше, — галантно заметил джентльмен.

На этот замысловатый комплимент скромные гостьи ничего не ответили, а только перегля-

---

[42] Примечания: 42
Мир от этого выиграет *(фр.)*.

нулись. Однако кстати возвратившаяся из сада девочка с двумя огромными букетами красных и белых роз развеяла их смущение.

— Выбирайте, матушка Катрин! — выпалила она. — Они различаются только по цвету, матушка Жюстин! В обоих букетах одинаковое количество роз!.

Сестры с улыбками повернулись друг к другу и в нерешительности заговорили разом:

— Какой вы возьмете?

— Нет, выбирайте вы!

— Я возьму красные, — решила матушка Катрин, та, что была в очках. — Я и сама такая же румяная. Нам так приятно будет возвращаться в Рим с розами.

— Вряд ли они доживут до Рима, — вздохнула девочка. — Мне хотелось бы подарить вам что-нибудь, что осталось бы у вас на память!

— Ты оставила нам хорошие воспоминания о себе, дочь моя. Это и будет главным!

— Жаль, что монахиням нельзя носить украшений. Я бы отдала вам свои голубые бусы, — продолжала девочка.

— Вы возвращаетесь в Рим сегодня? — спросил ее отец.

— Да, на поезде. У нас очень много дел.

— Но вы, наверное, устали.

— Мы никогда не устаем.

— Нет, такое иногда все же случается, — пробормотала младшая монахиня.

— Во всяком случае, не сегодня. Мы здесь отлично отдохнули. Que Dieu vous garde, ma fille[43], — добавила она, обращаясь к девочке.

Пока женщины обменивались поцелуями с воспитанницей, джентльмен подошел к входной двери и, распахнув ее, замер на пороге; чуть слышное восклицание слетело с его губ. Эта дверь выходила в переднюю с высоким, сводчатым потолком, словно в часовне, и выложенным красной плиткой полом. Туда только что вошла женщина — лакей, парень в потертой ливрее, открыл ей дверь и собирался проводить ее в комнату, где находились наши герои. Теперь джентльмен стоял на пороге молча, и дама тоже молча шла ему навстречу. Не поприветствовав ее и не предложив руки, он просто сделал шаг в сторону, пропуская гостью в комнату. Она задержалась у двери и спросила:

— Там кто-нибудь есть?

— Никого, с кем вы не могли бы встретиться.

---

[43] Примечания: 43

Да хранит тебя Господь, дочь моя *(фр.)*.

Женщина вошла и увидела монахинь со своей воспитанницей, которая шла к двери, держа обеих за руки. Увидев гостью, все трое остановились; та тоже замерла и смотрела на них. Девочка радостно вскрикнула:

— О, мадам Мерль!

Гостья слегка смешалась, но тут же взяла себя в руки и произнесла с обворожительной улыбкой:

— Да, это мадам Мерль приехала поздравить тебя с возвращением домой.

И она протянула девушке руки. Та сразу же бросилась к ней и подставила свой лоб для поцелуя. Мадам Мерль ласково поцеловала прелестную маленькую особу, затем царственно улыбнулась монахиням. Они ответили на ее улыбку низким поклоном, опустив глаза, будто не решаясь открыто рассматривать эту великолепную яркую женщину, которая, казалось, внесла с собой в дом весь блеск мирской жизни.

— Эти добрые женщины привезли мою дочь домой, а теперь возвращаются в монастырь, — пояснил джентльмен.

— О, вы возвращаетесь в Рим? Я не так давно оттуда. Там сейчас прекрасно, — сказала мадам Мерль.

Сестры, которые стояли, спрятав руки в рукава,

восприняли это заявление без каких-либо возражений. Хозяин дома спросил мадам Мерль, когда же она покинула Рим.

— Мадам Мерль приезжала ко мне в монастырь, — выпалила девочка прежде, чем кто-нибудь из присутствующих дам смог что-то сказать.

— И не один раз, Пэнси, — заметила мадам Мерль. — Разве в Риме я была не самой большой твоей подругой?

— Я лучше всего помню последний раз, — ответила Пэнси, — потому что вы сказали, что мне пора покидать монастырь.

— Вы и в самом деле это говорили? — осведомился отец девочки.

— Не помню. Я старалась говорить то, что, по моему мнению, должно было ей понравиться. Я уже неделю во Флоренции. Надеялась, что вы заедете навестить меня.

— Я приехал бы, если бы знал, что вы здесь. Откуда мне было знать? Хотя, наверное, я мог догадаться. Не угодно ли сесть?

Эти реплики, которыми обменялись хозяин и гостья, были произнесены особым тоном — приглушенным и нарочито спокойным; казалось, это было скорее по привычке, чем по необходи-

мости.

Мадам Мерль оглянулась, ища глазами кресло.

— Вы собирались провожать своих гостей? Позвольте мне не мешать этому. Je vous salue, mesdames[44], — добавила она по-французски с таким видом, словно отсылала их прочь.

— Мадам Мерль — наш близкий друг. Вы, должно быть, не раз видели ее в монастыре, — сказал хозяин. — Мы очень доверяем ее советам, и она поможет мне принять решение, следует ли моей дочери вернуться к вам после каникул.

— Надеюсь, вы примете решение в нашу пользу, мадам, — смиренно сказала сестра в очках.

— Мистер Озмонд так любезен… Но на самом деле я ничего не решаю, — возразила мадам Мерль все с той же ослепительной улыбкой. — У вас, несомненно, прекрасное заведение, но друзья мисс Озмонд не должны забывать, что она предназначена для мирской жизни.

— Именно это я только что сказала месье, — произнесла сестра Катрин и пробормотала, глядя на Пэнси, которая стояла немного в стороне и разглядывала элегантное платье мадам Мерль: — Да она просто создана для мирской жизни.

---

[44] Примечания: 44
Мое почтение, сударыни *(фр.)*.

— Слышишь, Пэнси? Ты предназначена для жизни в миру, — сказал ей отец.

Девочка взглянула на него своими чистыми, ясными глазами.

— А разве не для жизни с тобой, папа?

Джентльмен усмехнулся.

— Одно другому не мешает. Я мирской человек, Пэнси, — отозвался он.

— Разрешите нам оставить вас, — произнесла сестра Катрин. — Веди себя хорошо, дочь моя.

— Конечно, я вернусь, и мы обязательно увидимся, — пообещала Пэнси, вновь бросившись обнимать сестер.

Мадам Мерль прервала затянувшееся прощание.

— Останься со мной, дитя мое, — сказала она, — пока твой папа проводит сестер.

Пэнси посмотрела на нее разочарованно, но не стала возражать. Было очевидно, что послушание уже вошло в ее плоть и кровь; она привыкла подчиняться повелительному тону и пассивно наблюдать, как другие распоряжаются ее судьбой.

— Можно мне проводить матушку Катрин до экипажа? — тихо спросила Пэнси.

— Мне будет приятнее, если ты останешься со

мной, — ответила мадам Мерль, в то время как мистер Озмонд и монахини, еще раз отвесившие поклон гостье, проследовали в переднюю.

— Хорошо, я останусь, — подчинилась девочка. Она остановилась возле мадам Мерль и протянула ей руку, которой та тут же завладела. Пэнси отвернулась и полными слез глазами смотрела в окно.

— Я рада, что тебя научили слушать старших, — проговорила мадам Мерль. — Это должны делать все маленькие девочки.

— Да, я очень послушна, — живо и даже с некоторой гордостью, словно речь шла об ее успехах в игре на пианино, сказала Пэнси и тут же едва слышно вздохнула.

Мадам Мерль погладила ее руку своей ладонью, внимательно и придирчиво разглядывая ее, но не нашла никаких изъянов. Маленькая ручка девочки была белой и нежной.

— Надеюсь, в монастыре всегда следили за тем, чтобы ты надевала перчатки, — заметила мадам Мерль. — Девочки обычно не любят это делать.

— Раньше я тоже не любила, а теперь люблю, — сказала Пэнси.

— Очень хорошо. Я подарю тебе дюжину.

— Большое спасибо. Разноцветных? — с инте-

ресом спросила девочка.

Мадам Мерль на мгновение задумалась.

— Немарких цветов.

— Но они будут красивыми?

— Тебе нравятся красивые вещи?

— Да, нравятся. Но не так чтобы слишком, — серьезно ответила Пэнси.

— Тогда перчатки не будут слишком хороши, — пообещала мадам Мерль со смехом, взяла девочку за другую руку, привлекла ее поближе к себе, несколько мгновений пристально смотрела на нее, затем спросила: — Ты будешь скучать по матушке Катрин?

— Да… когда буду думать о ней.

— Тогда постарайся о ней не думать. Возможно, однажды, — добавила мадам Мерль, — у тебя будет другая матушка.

— Зачем? — спросила Пэнси и снова легко вздохнула. — В монастыре у меня было их больше тридцати.

За дверью послышались шаги ее отца, и мадам Мерль встала, отпустив девочку. Мистер Озмонд вошел и закрыл за собой дверь, затем, не глядя на гостью, поставил на место сдвинутые кресла. Мадам Мерль несколько секунд ждала, когда он заговорит, наблюдая за его движениями, затем,

наконец, сказала:

— Я надеялась, вы приедете в Рим и заберете Пэнси сами.

— Вполне разумное предположение. Но боюсь, я не в первый раз обманул ваши ожидания.

— Да, — признала мадам Мерль, — вы излишне строптивы.

Мистер Озмонд некоторое время ходил по комнате — благо места для этого здесь было предостаточно — с видом человека, ищущего возможность избежать неприятного объяснения. Однако такой возможности не нашлось — разве что ему оставалось углубиться в книгу, — и он остановился, заложив руки за спину и глядя на дочь.

— Почему ты не вышла проводить матушку Катрин? — резко спросил он по-французски.

Пэнси нерешительно взглянула на мадам Мерль.

— Я попросила ее остаться со мной, — ответила леди, снова усаживаясь в кресло, на этот раз в другое.

— Ах вот как? Тогда конечно, — согласился он, наконец тоже сел в кресло и взглянул на мадам Мерль; он сидел, слегка наклонившись вперед, опершись локтями о подлокотники и сцепив

пальцы.

— Мадам Мерль хочет подарить мне перчатки, — сказала Пэнси.

— Не нужно всем сообщать об этом, моя дорогая, — заметила женщина.

— Вы очень добры, — заметил мистер Озмонд. — Но у нее есть все, что нужно.

— Во всяком случае, монашек около нее достаточно.

— Если мы собираемся обсудить этот вопрос, ей лучше выйти.

— Пусть лучше останется, — сказала мадам Мерль, — поговорим о чем-нибудь другом.

— Если хотите, я не буду слушать, — предложила Пэнси с такой искренностью, что было невозможно ей не поверить.

— Можешь слушать, милое дитя, потому что все равно ничего не поймешь, — ответил ее отец.

Девочка тем не менее села неподалеку от открытой двери и устремила туда свой невинный задумчивый взгляд, а мистер Озмонд обратился к гостье:

— Вы сегодня просто великолепны.

— Я всегда выгляжу одинаково, — отозвалась мадам Мерль.

— Да, вы всегда одинаковы. И совершенно не

меняетесь. Вы удивительная женщина.

— Не буду спорить.

— Но зато вы меняете свои намерения. Вернувшись из Англии, вы сказали мне, что пока побудете в Риме.

— Я очень рада, что вы помните мои слова. Да, я не собиралась уезжать. Но мне пришлось приехать во Флоренцию, чтобы повидать друзей, которые приехали позже. Я не знала раньше об их планах.

— Весьма характерная для вас причина. Ваши планы всегда подчинены планам ваших друзей.

Мадам Мерль с улыбкой посмотрела на собеседника.

— Ваш комментарий не менее характерен, — сказала она. — И совершенно неискренен. Впрочем, это не страшно, — добавила она, — поскольку раз вы не верите в то, что говорите, то я не вижу никаких причин, чтобы верить вашим словам. Я не стану разбиваться в лепешку ради друзей, поэтому похвал не заслуживаю. Я забочусь исключительно о себе.

— Это точно. Но ваше понятие «заботиться о себе» включает еще очень много людей. Я никогда не знал человека, чья жизнь была бы связана с таким количеством других жизней.

— Что значит «других жизней»? — заинтересованно спросила мадам Мерль. — Чьих-то появлений, чьих-то передвижений, каких-то знакомств, дел?

— Возможно, я неточно выразился: я хотел сказать, что ваша жизнь — это ваши амбиции, — пояснил мистер Озмонд.

Мадам Мерль взглянула на Пэнси.

— Интересно, она понимает это? — тихо проговорила она.

— Видите, ей не нужно было оставаться с нами! — Отец Пэнси горько улыбнулся. — Ступай в сад, милая, и нарви цветов для мадам Мерль, — сказал он по-французски.

— Именно это я и хотела сделать! — радостно воскликнула девочка и бесшумно исчезла.

Ее отец подошел к двери, посмотрел вслед дочери, затем вернулся, но остался стоять, а точнее, ходить из стороны в сторону, словно это давало ему чувство свободы, которого в другом положении ему не хватало.

— Мои амбиции в основном касаются вас, — сказала мадам Мерль, глядя на него снизу вверх с некоторым вызовом.

— Именно об этом я и говорил. Я — часть вашей жизни… Я и тысяча других. Вы не эгоистка — нет.

Если вы — эгоистка, кто же я? Какой эпитет подошел бы мне?

— Вы ленивы. По мне, это самый ужасный недостаток.

— Боюсь, на самом деле это мое достоинство.

— Вам все безразлично, — торжественно заявила мадам Мерль.

— Да, я думаю, мне все достаточно безразлично. Во всяком случае, одной из причин, по которой я не поехал в Рим, была лень. Но не только.

— Не так уж важно, почему — для меня, по крайней мере, — вы не поехали туда. Хотя я была бы рада видеть вас. Но я рада, что вы сейчас не в Риме, как могло бы быть или даже было бы наверняка, если бы вы отправились туда месяц назад. Мне хочется, чтобы вы занялись кое-чем здесь, во Флоренции.

— Занялся? А как же моя лень? — спросил мистер Озмонд.

— Нет, я помню, но прошу вас забыть о ней. Тогда вы приобретете и добродетель, и признание. Это не большой труд, но он может доставить огромное удовольствие. Как давно вы не заводили новых знакомств?

— Давольно давно, по-моему.

— Тогда пришло время. Мне хочется познако-

мить вас с одной своей подругой.

Мистер Озмонд снова подошел к открытой двери и смотрел на дочь, которая бегала в освещенном солнцем саду.

— Какая мне будет от этого польза? — спросил он с грубоватой простотой.

Мадам Мерль на мгновение задумалась. Когда она отозвалась, в ее ответе не было никакого намека на грубость. Он был тщательно продуман.

— Это развлечет вас.

— Верю, что так оно и будет, — сказал мистер Озмонд, направляясь к ней. — Есть несколько вещей, в которых мое доверие к вам безгранично. Например, я точно знаю, что вы умеете отличить хорошее общество от дурного.

— Хорошего общества не существует.

— Прошу прощения. Я просто произношу прописные истины. Вы же приобрели свою мудрость единственно верным путем — в порядке опыта, сравнивая огромное количество человеческих особей друг с другом.

— Вот я и предлагаю вам воспользоваться моим опытом.

— Воспользоваться? Вы уверены, что я сумею?

— Я очень на это надеюсь. Все будет зависеть от вас. Если бы только мне удалось заставить вас

приложить усилия!

— О, вот как! Я подозревал, что понадобятся мои усилия. Что в мире может стоить хлопот — особенно здесь?

Мадам Мерль слегка покраснела. В ее взгляде мелькнула досада.

— Не дурите, Озмонд. Лучше вас никто не знает, что многие вещи стоят усилий!

— Согласен, кое-какие стоят. Но увенчаются ли попытки успехом?

— Как же узнать, если не попробовать? — сказала мадам Мерль.

— Что ж, наверное, вы правы. И кто же эта ваша подруга?

— Та, встретиться с которой я и приехала во Флоренцию. Племянница миссис Тачетт, которую, полагаю, вы никогда не забудете.

— Племянница… это слово вызывает такие ассоциации… юность, невинность… Я вижу, к чему вы клоните.

— Да, она молода — ей двадцать два года. Мы с ней большие друзья. Я познакомилась с ней в Англии несколько месяцев назад, и мы очень понравились друг другу. Я испытываю то, что далеко не каждый день случается, — я восхищаюсь ею. Вы тоже будете в восхищении.

— Это маловероятно.

— Совершенно точно. Вы не сможете сдержать себя.

— Она прекрасна, богата, обворожительна, невероятно умна и беспримерно добродетельна? Только на этих условиях я соглашусь познакомиться с ней — ни на каких других, я ведь как-то уже говорил вам об этом. Вокруг достаточно много неинтересных людей, и я не желаю увеличивать круг подобных знакомств.

— Мисс Арчер не бесцветна; она сияет словно утренний свет, и вполне подходит под ваше описание. Вот почему я и хочу познакомить вас с ней. Она соответствует всем вашим условиям.

— Ну, скажем, наверняка более или менее.

— Нет, абсолютно. Она прекрасна, совершенна, благородна и имеет довольно неплохое происхождение для американки. А еще девушка очень умна, мила и имеет приличное состояние.

Мистер Озмонд молча слушал и, казалось, взвешивал все это в уме, глядя на собеседницу.

— Что вы хотите с ней сделать? — спросил он наконец.

— То, что говорю. Подтолкнуть ее — и поставить на вашем пути.

— Разве она не заслуживает лучшей доли?

— Мне все равно, кто чего заслуживает, — сказала мадам Мерль. — Мне достаточно знать, как я могу распорядиться той или иной персоной.

— Как мне жаль эту племянницу миссис Тачетт! — воскликнул Озмонд.

Мадам Мерль встала.

— Если это означает начало вашего интереса к ней, я вполне удовлетворена.

Собеседники стояли друг против друга. Мадам Мерль опустила глаза и стала поправлять мантилью.

— Вы превосходно выглядите, — повторил мистер Озмонд свой комплимент, еще менее к месту, чем раньше. — У вас появилась новая идея. Вы никогда не бываете так хороши, как в тот момент, когда это происходит. Прекрасно, что новые идеи посещают вас регулярно.

В отношениях между этими людьми при каждой встрече, особенно тогда, когда они встречались в присутствии посторонних, чувствовалось что-то скрытое, какая-то настороженность, что проявлялось в их взглядах и интонациях. Казалось, каждый, смущаясь, усиливал смущение другого. Разумеется, из них двоих мадам Мерль удавалось лучше справляться с замешательством, но сейчас даже ей не удалось сохранить

самообладание, которое она хотела бы продемонстрировать мистеру Озмонду. В определенный момент их встреч барьер между ними всегда сам по себе исчезал, и они оказывались друг к другу так близко, как не случалось с ними ни перед кем другим. Именно это случилось и сейчас. Они стояли друг против друга, видя «противника» насквозь и черпая в этом удовлетворение, хотя бы таким путем пытаясь возместить те неудобства, которые возникают при таком положении.

— Мне бы хотелось, чтобы вы не были так бессердечны, — тихо произнесла мадам Мерль. — Это всегда оборачивалось против вас — может обернуться так же и сейчас.

— Я вовсе не столь бессердечен, как вы думаете. Некоторые вещи способны тронуть меня. Как, например, слова, что ваши амбиции касаются в основном меня. Мне это непонятно; не вижу, как и почему это должно быть так. Но это все же трогает меня.

— Думаю, в дальнейшем вам будет еще непонятнее. Есть вещи, которые вам не понять никогда. Да вам это и не нужно.

— И все-таки вы самая замечательная женщина, — сказал мистер Озмонд. — Не понимаю, почему меня должна особенно интересовать

племянница миссис Тачетт, когда… когда… — Он на мгновение умолк.

— Когда я сама значила для вас так мало.

— Конечно, я не это хотел сказать. Когда я имел возможность узнать и оценить такую женщину, как вы.

— Изабелла Арчер лучше меня, — сказала мадам Мерль.

Ее собеседник рассмеялся.

— Невысокого же вы мнения о ней, если так ее характеризуете.

— Вы полагаете, я способна ревновать? Ответьте, прошу вас.

— Меня? Думаю, в общем-то, нет.

— В таком случае жду вас через два дня. Я остановилась у миссис Тачетт в палаццо Кресчентини, ее племянница с ней.

— Почему вы просто не попросили меня прийти? — спросил мистер Озмонд. — Ведь девушка все равно живет там же.

Мадам Мерль только взглянула на него — ее нельзя было застать врасплох никаким вопросом.

— Хотите знать, почему? Потому что я говорила с ней о вас.

Мистер Озмонд нахмурился и отвернулся.

— Лучше бы мне этого не знать. — Затем через несколько мгновений он указал на акварель на мольберте: — Вы видели это? Это последнее, что я написал.

Мадам Мерль подошла поближе и посмотрела на акварель.

— Это венецианские Альпы… Один из ваших прошлогодних эскизов?

— Да… Как вы догадались?

Мадам Мерль еще несколько секунд рассматривала рисунок, затем повернулась.

— Вы знаете, меня не интересуют ваши картины.

— Знаю, хотя и всегда удивляюсь. Они намного лучше тех, что выставляют.

— Вполне возможно. Но поскольку занятий у вас больше нет… этого очень мало. Я хотела бы для вас гораздо большего. Вот мои амбиции.

— Да, вы много раз говорили мне это. Вы хотели того, что невозможно.

— Хотела того, что невозможно, — повторила мадам Мерль, затем добавила совершенно другим тоном: — Что касается вашей акварели, то сама по себе она очень хороша.

Она оглядела комнату — старые шкафы, картины, гобелены, потускневший шелк занавесей.

— А ваши комнаты все так же великолепны, — продолжила она. — Сколько раз я не возвращалась бы сюда, они всегда снова потрясают меня. Лучшего убранства я нигде не видела. Вы понимаете в таких вещах, как никто другой.

— И очень страдаю из-за этого, — произнес мистер Озмонд.

— Вы должны пригласить сюда мисс Арчер. Я ей уже рассказывала об этом.

— Я свои интерьеры охотно показываю людям… Если только они не безнадежные кретины.

— Вы делаете это восхитительно. Как экскурсовод в собственном музее вы неподражаемы.

В ответ на этот комплимент мистер Озмонд только пристально и холодно взглянул на собеседницу.

— Так вы сказали, она богата? — спросил он немного погодя.

— У нее семьдесят тысяч фунтов.

— В самом деле?

— Никаких сомнений. Если можно так выразиться, я была свидетельницей происшедшего.

— Просто воплощение долга! Я имею в виду вас. А с ее матерью тоже придется знакомиться?

— Мать? У нее нет матери. И отца тоже.

— Тогда с теткой. Как ее — миссис Тачетт?

— Я могу без труда удалить ее на это время.

— Я ничего не имею против нее, — сказал мистер Озмонд. — Мне она даже нравится. Она женщина этакого консервативного склада — живой образец уходящего поколения. Но этот долговязый наглец, ее сын… Он тоже здесь?

— Здесь, но ты можешь на его счет не волноваться.

— Редкий осел.

— Думаю, ты ошибаешься. Он очень умный человек. Но он не показывается, когда я здесь, потому что не питает ко мне симпатии.

— Это только доказывает то, что он осел, — пробормотал Озмонд. — Так вы сказали, что она неплоха собой?

— Да, но я не буду повторять это, а то разочаруетесь при встрече. Приходите и начните дело; вот все, чего я жду от вас.

— Начать что?

Мадам Мерль помолчала.

— Разумеется, я хочу, чтобы вы женились на ней, — наконец произнесла она.

— Н-да. Начать и кончить… Ладно, посмотрим… Вы уже сказали ей об этом?

— За кого вы меня принимаете? Она — очень хрупкий инструмент.

— Да, — произнес Озмонд после короткого раздумья. — Я никогда не понимал ваших намерений.

— Вы все поймете после того, как увидите мисс Арчер. А пока оставьте свои суждения при себе, — с этими словами мадам Мерль подошла к двери, ведущей в сад, остановилась и поискала глазами девочку. — Пэнси стала такой хорошенькой, — заметила она.

— Мне тоже так кажется.

— Хватит держать ее в монастыре.

— Не знаю, — сказал мистер Озмонд. — Мне нравится, как они ее воспитали. Она очень мила.

— Это не имеет отношения к монастырю. У нее просто хороший характер.

— Полагаю, и то, и другое. Просто жемчуг чистой воды.

— Что-то она не торопится ко мне с цветами, — вздохнула мадам Мерль.

— Выйдем к ней и возьмем ваш букет, — предложил Озмонд.

— Я ей не нравлюсь, — пробормотала мадам Мерль, раскрывая зонтик от солнца.

И они вышли в сад.

Глава 23

Мадам Мерль приехала во Флоренцию по приглашению миссис Тачетт — та предложила ей на месяц остановиться в палаццо Кресчентини, — и практичная дама снова поговорила с Изабеллой о мистере Джилберте Озмонде и выразила желание познакомить девушку с ним, но не проявляла той настойчивости, с которой, как мы помним, она рекомендовала Изабеллу Озмонду. Причина, видимо, заключалась в том, что Изабелла никогда не отказывалась от предложений приятельницы. В Италии, как и в Англии, у леди было множество знакомых, как среди самих итальянцев, так и среди разномастных гостей этой страны. Она упомянула ряд людей, с которыми девушке стоило познакомиться, и, хотя мадам Мерль обронила, что Изабелла вольна знакомиться с кем хочет, имя мистера Озмонда называлось в самом начале списка. Он был ее старинным другом — она знала его уже десять лет. Он был самым умным и приятным мужчиной в мире, и к тому же отличался респектабельностью. Конечно, он был далеко не совершенен

— впечатление, которое он производил на собеседников, во многом зависело от его настроения и состояния нервов. В плохом настроении он мог и не понравиться окружающим, — впрочем, подобным недостатком обладает большинство людей. Но если что-нибудь задевает его за живое — вот тут его ум и своеобычность проявляются в полном блеске. Он, конечно, человек не без странностей — а Изабелла поймет со временем, что только такие люди и стоят того, чтобы с ними знакомиться, — и не желает проливать свой свет на всех окружающих без разбора. Однако мадам Мерль осмеливалась утверждать, что перед Изабеллой он засверкает всеми своими гранями. Он легко впадал в хандру — слишком легко, и скучные люди просто выводят его из себя, но такая энергичная и умная девушка, как Изабелла, не может не пробудить в нем интереса, которого ему так недостает в жизни. В общем, это был человек, с которым следовало познакомиться. Не стоило и приезжать в Италию, если не свести дружбу с мистером Озмондом, который знал эту страну, как никто другой! Возможно, он и уступит в знаниях двум-трем немецким профессорам, но если у тех больше познаний, то мистер Озмонд превосходит их тонким артистическим вкусом.

Изабелла вспомнила, что ее приятельница уже рассказывала ей о нем во время их многочисленных бесед в Гарденкорте, и задумалась, что за узы связывают эти две души. Девушка чувствовала, что дружеские связи мадам Мерль всегда овевало ее таинственное прошлое — в этом как раз и таилось обаяние этой удивительной женщины. Однако, упоминая о своих отношениях с мистером Озмондом, дама говорила о них исключительно как о давней и доброй дружбе. Изабелла сказала, что с удовольствием познакомится с человеком, который так много лет пользуется доверием ее подруги.

— Вы должны познакомиться со многими людьми, — заметила мадам Мерль. — Нужно заводить как можно больше знакомств, чтобы привыкнуть к ним.

— Привыкнуть? — повторила Изабелла с невероятно серьезным выражением глаз, что иногда вызывало сомнение, обладала ли она чувством юмора, — сомнение, которое девушка в другие моменты решительно опровергала. — Люди вовсе не вызывают у меня страха.

— Я имею в виду — свыкнуться с ними настолько, чтобы потом презирать их. Едва ли не каждый приходит к этому. А потом выделите тех немно-

гих, которых не будете презирать, — и составите из них свое общество.

В этом замечании прозвучала злость, которую мадам Мерль не часто себе позволяла, но Изабеллу она не встревожила, поскольку девушка и сама понимала, что по мере того как человек узнает свет, его первоначальное восхищение и уважение угасает… А что восхищало ее — восхищало даже больше, чем обещала мадам Мерль, — это Флоренция, и даже если бы Изабелла сама не сумела в должной степени оценить все очарование этого великолепного города, то ей раскрыли бы глаза ее спутники, которые ей казались священнодействующими жрецами, причастными к его тайнам. Она беспрерывно внимала вдохновенным речам Ральфа, который с наслаждением снова взялся за роль, которая ему так нравилась и ранее, — гида при своей любознательной кузине. Мадам Мерль оставалась дома — она столько раз уже видела сокровища Флоренции, к тому же у нее всегда было много дел. Но она охотно беседовала обо всем, что касалось Флоренции, проявляя при этом поразительную память, — она с великолепной легкостью могла вспомнить правый угол картины Перуджино и описать положение рук Святой

Елизаветы на соседней[45]. У мадам Мерль были свои собственные, часто резко отличавшиеся от суждений Ральфа, соображения по поводу многих знаменитых произведений искусства, и защищала она их с поразительной находчивостью и юмором. Изабелла слушала эти эстетические споры, возникавшие то и дело между мадам Мерль и Ральфом, и мысленно отмечала, что может извлечь для себя много полезного из них и что такой возможности в Олбани ей бы, разумеется, не представилось. В эти ясные майские утра перед первым завтраком — настоящее «пиршество» начиналось у миссис Тачетт в двенадцать часов — Изабелла с кузеном бродили узкими тихими флорентийскими улочками, изредка погружаясь в прохладу какой-нибудь прославленной церкви или сводчатых палат заброшенного монастыря. Девушка посещала картинные галереи и дворцы, осматривала картины и статуи, которые раньше ей были известны только по названиям, словно заполняя мысленно пустующие клеточки с надписями в тетрадках своей памяти. Изабелла воспринимала все окружающее так удивленно и восторженно, как и положено юным пламенным

[45] Примечания: 45

Речь, очевидно, идет о картинах в галерее Уффици. Перуджино — итальянский живописец раннего Возрождения.

натурам при первом посещении Италии, — она замирала с учащенно бьющимся сердцем перед бессмертными гениальными творениями и познала радость от застилавших глаза слез, сквозь которые проступали выцветшие фрески и потемневшие мраморные изваяния. Но больше всего, даже больше блужданий по Флоренции, она любила возвращаться домой — каждый день входить в просторный величественный двор огромного дома, в котором много лет назад поселилась миссис Тачетт, в его высокие, прохладные комнаты, где резные стропила и помпезные фрески шестнадцатого века смотрели вниз на привычную обстановку девятнадцатого столетия. Миссис Тачетт жила в историческом здании на узкой улочке, одно название которой вызывало в памяти средневековые междоусобные распри, и мирилась с мрачным фасадом, поскольку этот недостаток, по ее мнению, вполне искупался умеренной платой и залитыми солнцем комнатами с этой стороны и садом, где сама природа отдавала той же стариной, как грубая кладка стен дворца.

Изабелла считала, что жизнь в таком месте сама по себе была постоянным источником ощущения необыкновенного счастья и волнения. Она сразу нашла, что дом похож на каменную

крепость, нечто вроде тюрьмы; но оказалось, что в ней, кроме тетиной прислуги, пребывали и другие узники. Дух прошлого, словно беженец из внешнего мира, заключенный в оболочку этого мрачного дома, реял в его атмосфере — он прятался в затаенных уголках, а ночами бродил везде, даже в комнатах, которые были в весьма прозаическом ведении миссис Тачетт. Изабелле то и дело слышались приглушенное эхо и странные звуки — казалось, будто дом полон невидимых призраков. Она часто замирала на огромной холодной каменной лестнице и прислушивалась, полуиспуганная, полуразочарованная.

Джилберт Озмонд посетил мадам Мерль, и она представила его нашей молодой леди, все время визита просидевшей в другом конце комнаты. Изабелла почти не принимала участия в разговоре и даже не всегда отвечала улыбкой, когда другие поворачивались к ней, пытаясь вовлечь в него, а сидела, словно ей было предложено беспристрастно оценить их блестящую беседу. Миссис Тачетт отсутствовала, и собеседники вели оживленный диалог. Они говорили очень интересно, и беседа их увлекла девушку — ей казалось, что перед ней разыгрывают пьесу. Мадам Мерль постоянно обращалась к Изабелле, словно

ожидая от нее реплики; но та ничего не отвечала, и мадам Мерль хорошо понимала, что это заставит Озмонда думать, что перед ним — одно из тех скучных созданий, общение с которыми казалось ему таким утомительным. И что еще хуже, Изабелла понимала, что мадам Мерль представила ее Озмонду как особу того же уровня, что и он, и таким образом ввела его в заблуждение. Но это не имело никакого значения: даже если бы от этого многое зависело, Изабелла все равно не могла бы заставить себя блеснуть. Что-то было в мистере Озмонде, что сковало девушку — ей казалось более важным получить впечатление, чем произвести его самой. Кроме того, Изабелла еще не овладела искусством производить на людей впечатление, когда этого от нее ждали, — ей нравилось восхищать людей, но не желала делать это «по заказу». Мистер Озмонд, нужно отдать ему должное, вел себя как хорошо воспитанный человек, который ни от кого ничего не ждет, не выпячиваетсебя, говорит остроумно, но просто, тщательно продумывая свои высказывания. Изабелла, однако, заметила, что когда за ним не наблюдали, он мог выказать некоторую чувствительность; и лицо его, и посадка головы выдавали скорее натуру нервическую. Он был

не красив, но аристократичен — словно один из портретов в длинной галерее над мостом в музее Уффици[46]. Озмонд производил впечатление необыкновенно утонченного человека — даже голос его обладал изысканным тембром. Это тоже сыграло свою роль в том, что Изабелле не хотелось вступать в беседу — чтобы не разрушить очарования. Ей казалось, его голос издавал звуки, подобные звону встретившихся тонких хрустальных фужеров, а коснись она их пальцем — испортила бы музыку.

Перед уходом Озмонд обратился к ней:

— Мадам Мерль обещает заглянуть на следующей неделе в мою обитель на холме и выпить чаю в саду. Мне было бы очень приятно, если бы вы нашли время сопровождать ее. У меня очень красиво — из сада открывается превосходный вид. И моя дочь тоже будет рада… или, точнее, поскольку она еще недостаточно взрослая, чтобы испытывать сильные переживания, я был бы рад… рад безгранично… — Мистер Озмонд слегка запнулся и помолчал в некотором смущении. — Я

---

[46] Примечания: 46

Музей Уффици — крупнейшая картинная галерея во Флоренции, основана в XVI веке. Богатейшая в мире коллекция итальянской живописи XIII–XVIII веков; «***в галерее над мостом***» — над мостом Понте-Веккьо проходит стеклянная галерея (соединяющая палаццо Уффици и палаццо Питти, ныне — две части музея), где экспонируются портреты.

был бы счастлив, если бы вы познакомились с моей дочерью.

Изабелла ответила, что с радостью познакомится с мисс Озмонд, и, если мадам Мерль возьмет ее с собой и покажет ей холмы, она будет ей очень благодарна. С этим заверением гость и ушел. Изабелла приготовилась выслушать упреки за свое глупое поведение, но, к ее удивлению, мадам Мерль, которая никогда не совершала того, чего от нее ждали, сказала ей:

— Вы были очаровательны, дорогая. Прекрасно держались. Вы никогда не доставляете разочарований.

Если бы мадам Мерль упрекнула Изабеллу, это, возможно, вызвало бы у той раздражение, но, скорее, она бы сочла упреки справедливыми, но эти слова, которые произнесласейчас мадам Мерль, почему-то заставили девушку впервые испытать к ней некоторую неприязнь.

— Это вовсе не входило в мои намерения, — холодно ответила Изабелла. — Насколько мне известно, я абсолютно не обязана очаровывать мистера Озмонда.

Мадам Мерль вспыхнула; но, как мы знаем, отступать было не в ее правилах.

— Мое милое дитя, я вовсе не о нем, бедняге,

говорила, а о вас. Конечно, какое имеет значение, понравились вы ему или нет! Но мне показалось — он вам понравился.

— Да, — честно призналась Изабелла. — Но это тоже не имеет никакого значения.

— Все, что касается вас, имеет для меня значение, — ответила мадам Мерль с видом благородного великодушия, — особенно когда это одновременно касается и старого друга.

Какими бы ни были обязательства Изабеллы перед мистером Озмондом, нужно заметить, что девушка нашла их достаточными, чтобы отправиться к Ральфу и задать ему несколько вопросов об этом джентльмене. Суждения Ральфа обычно грешили некоторым цинизмом, но она льстила себя надеждой, что научилась вносить в них необходимые поправки.

— Знаю ли я его? — переспросил ее кузен. — О, да, я знаю его. Не очень хорошо, но в целом достаточно. Я никогда не искал его общества, и он, очевидно, никогда не считал мое необходимым условием для прекрасного самочувствия. Кто он, что из себя представляет? Таинственный американец, который живет лет двадцать или даже больше в Италии. Почему я называю его таинственным? Только чтобы завуалировать свою

неосведомленность — я не знаю ни его прошлого, ни семьи, ни происхождения. Он может быть и принцем в изгнании — внешность его, кстати, это допускает. Принц, который из блажи отрекся от престола и с тех пор обижен за это на весь мир. Он жил в Риме, но в последние годы обосновался во Флоренции — помню, слышал один раз, как он сказал, что Рим становится все более пошлым. Мистер Озмонд ненавидит пошлость — это его особая черта; других, по крайней мере, я не знаю. Живет он на доходы, которые, я подозреваю, невелики — иначе они были бы пошлыми. Благородная бедность — так он сам определяет свое положение. Он рано женился и потерял жену, у него вроде есть дочь. И еще сестра, которая вышла замуж за какого-то второсортного местного графа или что-то в этом роде. Помнится, я где-то встречал ее раньше. Она показалась мне приятнее брата, хотя, говорят, она довольно безнравственна. О ней, помнится, ходило немало сплетен. Я бы не рекомендовал вам знакомиться с ней. А почему вы не спросите об этих людях у мадам Мерль? Она знает их лучше меня.

— Я спрашиваю, потому что наряду с ее мнением меня интересует также и ваше, — ответила Изабелла.

— Что вам мое мнение! Если вы влюбитесь в мистера Озмонда, вам ведь будет все равно, что я думаю?

— Вероятно. Но в то же время оно имеет кое-какое значение. Чем больше сведений о человеке, тем лучше.

— Не согласен. Нынче мы слишком много знаем о людях, слишком много слышим. Наши уши, умы, рты забиты разными сведениями до отказа. Не обращайте внимания на то, что вам говорят о ком-то. Старайтесь сами судить обо всем и обо всех.

— Именно это я и стараюсь делать, — сказала Изабелла. — Но когда начинаешь так поступать, люди обвиняют тебя в самонадеянности.

— Не обращайте внимания. Это мой главный принцип — не обращать внимания на то, что говорят обо мне, и уж подавно — о моих друзьях или врагах.

Изабелла задумалась.

— Наверное, вы правы, но есть вещи, на которые я не могу не обращать внимания. Например, когда на моих друзей нападают или когда меня хвалят.

— Конечно, вам никто не может помешать разобрать человека по косточкам с критической

точки зрения, — добавил Ральф. — Только тогда все люди окажутся негодными для употребления!

— Я сама разберусь в мистере Озмонде, — сказала Изабелла. — Я обещала нанести ему визит.

— Нанести визит?

— Да, полюбоваться открывающимся из его дома видом, посмотреть картины, познакомиться с дочерью — точно не помню зачем. Мадам Мерль берет меня с собой. Она говорит, что у него бывает много дам.

— О, с мадам Мерль! С мадам Мерль можно ездить куда угодно de confiance[47], — сказал Ральф. — Она знается только с избранными.

Изабелла больше ничего не сказала о мистере Озмонде, но заметила кузену, что недовольна тоном, в котором он высказывался о мадам Мерль.

— Мне кажется, вы на что-то намекаете в ее отношении. Не знаю, что вы против нее имеете, но если у вас есть основания относиться к ней дурно, думаю, вам нужно либо сказать об этом прямо, либо вообще ничего не говорить.

Ральф отверг это обвинение более пылко, чем обычно.

---

[47] Примечания: 47
С полным доверием *(фр.)*.

— Я говорю о мадам Мерль ровно так же, как говорю с ней самой, — с преувеличенным даже уважением.

— Действительно, с преувеличенным. Именно это мне и не нравится.

— Я делаю это потому, что ведь и добродетели мадам Мерль преувеличены.

— Кем? Мной? Если так, я оказала ей плохую услугу.

— Нет, нет, ею самой.

— О, я протестую! — пылко произнесла Изабель. — Если в мире когда-нибудь существовала женщина с меньшими притязаниями…

— Вы попали в яблочко, — перебил ее Ральф. — Ее скромность тоже преувеличена. У нее нет мелких притязаний — есть только крупные.

— Тогда у мадам Мерль много достоинств. Вы сами себе противоречите.

— Ее достоинства огромны, — согласился Ральф. — Она совершенна. Это единственная известная мне женщина, у которой есть только этот маленький недостаток.

Изабелла в нетерпении отвернулась от кузена.

— Я вас не понимаю. Я слишком глупа, чтобы воспринимать ваши парадоксы.

— Позвольте объяснить. Когда я говорю, что

она преувеличивает свои достоинства, я не хочу сказать, что она хвастается, рисуется или выставляет себя в выгодном свете. То есть я хочу сказать, что мадам Мерль так стремится к безупречности, что все ее добродетели слишком вымученны. У нее все слишком: она слишком хороша, слишком умна, слишком добра, слишком образованна, слишком совершенна. Одним словом, она слишком совершенна. Признаюсь, мадам Мерль немного действует мне на нервы, и, пожалуй, чувство, которое я испытываю по отношению к ней, можно сравнить с чувством, которое испытывал афинянин к Аристиду Справедливому[48].

Изабелла с подозрением взглянула на кузена — но, как ни старалась, не смогла отыскать на его лице ни следа насмешки.

— Так вы хотели бы изгнать мадам Мерль? — спросила девушка.

— Ни в коем случае. Она так скрашивает любое общество! Я просто наслаждаюсь ее присутствием, — потупившись, скромно ответил Ральф.

---

[48] Примечания: 48

Аристид Справедливый (I век до н. э.) — политический и военный деятель Афин. Согласно Плутарху, некий афинянин проголосовал за его изгнание, объяснив это примерно так: «ничего против него не имею, но надоело слышать, как его везде называют справедливым».

— Вы просто невыносимы, сэр! — вскричала Изабелла. Впрочем, поразмыслив, она спросила, не знает ли он каких-нибудь фактов, компрометирующих ее блестящую подругу.

— Ничего. Разве вы не поняли, что я именно это и имею в виду? И на солнце есть пятна; дайте мне свободные полчаса, не сомневаюсь, я обнаружу их и на вас. Что касается меня самого — я просто весь в пятнах, словно леопард! Но на мадам Мерль — ничего, совсем ничего…

— У меня тоже такое впечатление! — воскликнула Изабель, энергично кивнув головой. — Вот почему она мне так нравится!

— Что касается вас — огромная удача, что вы познакомились с ней. Поскольку вы жаждете познать мир, лучшего гида вам не найти.

— Вы имеете в виду ее опыт — что она много знает? Знает, как устроен мир?

— Знает мир? Да она сама — целый мир, — ответил Ральф.

Слова Ральфа о том, что он наслаждается обществом мадам Мерль, вовсе не были ехидством, как решила Изабелла. Ральф Тачетт, который никогда не упускал возможности скрасить свою жизнь различного рода развлечениями, не простил бы себе, если бы сделал что-то, что могло

лишить его общества женщины, чья «светскость» была доведена до совершенства. Симпатии и антипатии мешаются где-то в глубинах наших душ, и, вполне возможно, несмотря на столь высокую оценку ума мадам Мерль, ее отсутствие не слишком бы обеднило жизнь Ральфа. Но он привык забавляться, наблюдая за людьми, и застольные беседы с мадам Мерль как нельзя лучше подходили для этой цели. Он много, подчеркнуто любезно говорил с ней — при этом он удивительно тонко, с проницательностью, которой могла позавидовать сама мадам Мерль, чувствовал тот момент, когда было необходимо закончить беседу. Порой она вызывала в нем почти что жалость; и, как ни странно, в эти мгновения он еще более подчеркивал свое благорасположение. Он был уверен, что она невероятно честолюбива и то, чего она достигла в жизни, было весьма далеко от целей, которые она себе ставила. Она загоняла себя на тренировках — но ей никак не удавалось взять приз на самих соревнованиях. Она оставалась все той же мадам Мерль, вдовой швейцарского негоцианта, с небольшими доходами и большими знакомствами, которая подолгу жила то у тех, то у других друзей и везде пользовалась успехом. Несоответствие между

этим ее положением и полудюжиной других, которые она тщетно надеялась в свое время занять, было поистине трагическим. Что касается миссис Тачетт, то она считала, что сын прекрасно ладит с их милой гостьей — по ее мнению, двое людей, столь преуспевших в проведении в жизнь разных искусственных теорий собственного поведения, должны были иметь много общего.

Ральф много размышлял над близостью, которая установилась между Изабеллой и мадам Мерль, и, поняв, что у него нет шансов препятствовать этому и единолично заручиться вниманием Изабеллы, решил отнестись к этому философски. Он решил, что все уладится само собой, — не будет же эта дружба длиться вечно. Ни одна из этих двух неординарных личностей не знала другую так хорошо, как ей это казалось; и когда у них обеих откроются глаза, произойдет разрыв или, по крайней мере, охлаждение. Кроме всего прочего, он был готов признать, что беседы со старшей приятельницей обогащают младшую, которой предстояло еще столь многому научиться. Ни одна из этих превосходных личностей не знала другую, и, когда каждая сделает определенные открытия, между ними если не произойдет разрыв, то, по крайней мере, воцарится спокой-

ствие. В то же время Ральф хотел признать, что беседа со старшей леди была полезна младшей, которой предстояло еще многое узнать, и, без сомнения, было лучше, чтобы она узнала о многом от мадам Мерль, нежели у другого, возможно юного, наставника.

Вряд ли эта дружба могла причинить какой-нибудь вред Изабелле.

Глава 24

Действительно, было очень трудно предположить, что визит к мистеру Озмонду в его дом на холме может представлять для Изабеллы какую-то опасность. Трудно было представить себе что-нибудь прекраснее этой поездки теплым майским днем в разгар итальянской весны. Две дамы выехали из Римских ворот, через пролет портала, легкая изящная арка которого была увенчана суровой внушительной надстройкой, и, поднявшись по петляющим улочкам, окаймленным высокими оградами, через которые выплескивались зелень и благоухание садов, достигли небольшой изогнутой площади, на которой если не единственным, то, по крайней мере, существенным украшением была длинная коричневая стена той самой виллы, что занимал мистер Озмонд. Изабелла и мадам Мерль прошли в просторный высокий двор, где внизу лежали чистые прозрачные тени, а вверху две легкие, расположенные друг напротив друга галереи подставляли навстречу солнечным лучам свои стройные колонны, обвитые плетущимися цвету-

щими растениями. Что-то суровое было в облике этого дома: казалось, стоит сюда только войти, не так уж просто будет покинуть его. Но Изабелла и не думала об уходе — она ведь еще и не вошла. Мистер Озмонд встретил их в передней — там было прохладно даже в мае — и провел вместе с подругой в апартаменты, с которыми мы уже знакомы. Мадам Мерль шла первой, и, пока Изабелла немного отстала, беседуя с мистером Озмондом, уверенно прошла вперед и поздоровалась с двумя персонами, ожидавшими в гостиной. Это была Пэнси, которую мадам Мерль одарила поцелуем, и леди, которую хозяин дома представил Изабелле как свою сестру, графиню Джемини.

— А это моя малышка, — сказал он Изабелле. — Только что из монастыря.

На Пэнси было скромное белое платье, ее прекрасные волосы были аккуратно уложены в сетку; на ногах у девушки были белые туфельки без каблуков с тесемками, перевязанными на лодыжках. Пэнси слегка присела перед Изабеллой в реверансе и затем подошла, чтобы та ее поцеловала. Графиня Джемини просто кивнула, не вставая. С первого взгляда Изабелла решила, что она модная особа. Она была худой, смуглой, совсем даже не красивой, ее черты

— длинный, похожий на клюв нос, маленькие бегающие глазки и сильно опущенные рот и подбородок — напоминали какую-то тропическую птицу. Однако лицо графини благодаря живому и женственному выражению не производило неприятного впечатления — и было видно, что графиня знает, в чем его своеобразие, и умеет его подчеркнуть. Что касается ее внешнего вида в целом, было очевидно, что она отлично знала себе цену. Ее воздушное мягкое одеяние напоминало оперение, а легкие и быстрые движения вполне подошли бы созданию, порхающему с ветки на ветку. Она вся насквозь была манерна; Изабелла, которая еще не сталкивалась с подобными особами, тотчас же окрестила ее про себя жеманницей. Она помнила совет Ральфа не водить знакомства с княгиней, но при беглом взгляде не смогла обнаружить никаких признаков скверны. Ничто не могло быть любезнее или невиннее, чем ее приветствие в адрес Изабеллы.

— Вы поймете, как я рада вас видеть, когда узнаете, что я приехала сюда только ради того, чтобы познакомиться с вами! Обычно я сама не езжу к брату, а заставляю его навещать меня. Забраться на такую гору! Не знаю, что он в ней нашел. Правда, Озмонд, из-за тебя мои лошади

когда-нибудь погибнут! Если они что-нибудь себе сломают, тебе придется купить мне новых. Если бы ты слышал сегодня, как они задыхаются! Я-то слышала, можешь поверить. Каково: сидишь в экипаже и слышишь, как храпят твои лошади! И сразу кажется, что вот-вот с ними что-то произойдет! А у меня всегда приличные лошади — в чем в чем, а в этом я себе не отказываю. Мой муж мало в чем разбирается, но в лошадях знает толк. Итальянцы обычно ничего не понимают в них, а у моего мужа хватает ума доверять всему английскому. Вот и лошади у меня тоже английские, поэтому очень жаль было бы загнать их. Должна сказать вам, — продолжала графиня, обращаясь прямо к Изабелле, — что Озмонд не часто приглашает меня — видимо, ему это не особенно нужно. Сегодняшний приезд — моя идея. Люблю встречаться с новыми людьми, а вы как раз что ни на есть новинка. Не садитесь сюда! Это кресло только с виду приличное. Здесь есть удобные кресла, но есть и такие, что просто кошмар.

Все эти замечания сопровождались разнообразными взглядами и ужимками, и, хотя в голосе графини звучала явная доброжелательность, он был сдобрен неприятными визгливыми нотками.

— Я не приглашаю тебя, дорогая? — спросил ее брат. — Да твои посещения для меня просто бесценны.

— Я нигде не вижу никакого кошмара, — заявила, оглядываясь, Изабелла. — Все здесь кажется мне прекрасным.

— У меня есть несколько прекрасных вещей, — скромно подтвердил мистер Озмонд. — А плохих нет вообще. Но того, что я хотел бы иметь, у меня, увы, нет.

Он был несколько скован, постоянно улыбался и поглядывал по сторонам; его манеры представляли собой странную смесь — они несли на себе печать одновременно и безразличия, и сопричастности к происходящему. Он словно давал понять окружающим, что ничто в мире не имеет особого значения. Изабелла быстро пришла к выводу, что простота не была главным достоинством этого семейства, совершеннейшая простота не являлась эмблемой его семейства. Даже маленькая монастырская воспитанница в аккуратном белом платьице, со смиренным лицом и скромно сложенными руками, словно в ожидании первого причастия, — даже эта миниатюрная дочка Озмонда имела вид несколько искусственный.

— Вам бы, несомненно, хотелось иметь некоторые вещи из Уффици и Питти. Это бы вас удовлетворило, — проговорила мадам Мерль.

— Бедняга Озмонд — вечно носится с какими-то старыми гобеленами и распятиями! — воскликнула графиня Джемини. Очевидно, она звала брата только по фамилии. Она произнесла это, ни к кому особо не обращаясь; потом она улыбнулась Изабелле и оглядела ее с головы до ног.

Брат не слушал ее — казалось, он задумался, что бы такое сказать Изабелле.

— Хотите чаю? Вы, наверное, устали, — придумал он, наконец.

— Нет, я совсем не устала. Что могло меня утомить?

Изабелла сочла необходимым держаться просто и сдержанно — что-то в атмосфере дома удерживало ее от того, чтобы попытаться выставить себя на первый план. Само место, обстановка, компания этих не совсем обычных людей явно заключали в себе нечто большее, чем казалось на первый взгляд. Она постарается понять — и не станет расточать изящные банальности, решила она. Бедняжка, видимо, не знала, что большинство женщин и расточает эти изящные банальности именно с целью отвлечь

внимание и заняться пристальными наблюдениями. К тому же нужно признать, что самолюбие девушки было немного задето. Человек, про которого она слышала только восхищенные отзывы, который, очевидно, мог быть необыкновенно обходительным, пригласил ее, молодую леди, отнюдь не щедро расточающую свою благосклонность, к себе домой. Теперь, когда она пришла, он, несомненно, был обязан ее занять. Изабелла, как мы знаем, была весьма взыскательна, и то, как мистер Озмонд выполнял свои обязанности хозяина дома, оставляло желать лучшего, думала она. Ей казалось, что он говорит себе: «Какой я был дурак, что пригласил сюда этих женщин!»

— Вы до смерти устанете, если он примется показывать вам все свои безделушки и о каждой прочитает лекцию, — сказала графиня Джемини.

— Меня это не пугает. Пусть я устану — по крайней мере, узнаю что-то новое.

— Боюсь, не очень много. Но моя сестра панически боится учиться чему-нибудь, — проговорил мистер Озмонд.

— О да, признаюсь, это так. Я не хочу ничего больше знать. Я и так уже много знаю. Чем больше знаешь, тем ты несчастнее.

— Не стоит неуважительно говорить о пользе

знаний при Пэнси, которая еще не закончила свое обучение, — с улыбкой вмешалась мадам Мерль.

— Пэнси ничто не может навредить, — сказал отец девушки. Она — цветок, взращенный под сенью обители.

— Ох эта святая обитель! — воскликнула графиня Джемини и рассмеялась. — Как же, рассказывайте… Там можно научиться всему. Я и сама — взращенный в ней цветок… Но я не притворяюсь добропорядочной, как монахини. Понимаете, о чем я говорю? — обратилась она к Изабелле.

Девушка не была уверена, что поняла, и сказала, что не особенно сильна в споре. Тогда графиня заявила, что сама не любит споры, но что это любимое занятие ее брата — он обожает дискутировать.

— По мне, — сказала она, — так каждому что-то может нравиться и не нравиться. Человеку не может нравиться все. Но не стоит никого ни в чем разубеждать — неизвестно, к чему это может привести. Есть добрые чувства, которые вызываются дурными причинами — и наоборот, есть очень дурные чувства, вызванные хорошими причинами. Вы понимаете меня? Я знаю, что мне нравится, а по какой причине, мне безразлично.

— Да, это важно — определить свои пристрастия, — улыбнулась Изабелла, подумав при этом, что ее знакомство с этим «порхающим созданием» вряд ли сулит спокойствие. Если графиня не собиралась спорить, то Изабелла и подавно — и она протянула Пэнси руку с приятным ощущением, что в этом жесте нельзя усмотреть ни намека на несогласие с кем-то. Джилберт Озмонд, которому, по всей видимости, не особенно нравилось то, что говорила его сестра, решил повернуть разговор в другое русло. Он подсел к дочери, которая робко касалась пальчиками руки Изабеллы, заставил подняться и притянул к себе. Пэнси прильнула к отцу; он обнял ее за талию. Девочка посмотрела на Изабеллу спокойным, безмятежных, взглядом, который, казалось, свидетельствовал об отсутствии каких-либо чувств. Мистер Озмонд заговорил — и говорил о многом; как сказала мадам Мерль, он умел произвести впечатление, когда хотел, и, по всей видимости, сейчас, оправившись от легкого замешательства, он поставил перед собой именно такую задачу. Мадам Мерль и графиня Джемини сидели несколько поодаль друг от друга, беседуя в легкой манере хорошо знакомых людей; до Изабеллы то и дело доносились какие-то экстравагантные

высказывания последней. Мистер Озмонд рассказывал о Флоренции, об Италии, об удовольствиях жизни в этой стране и об оборотной стороне этих удовольствий. Жизнь в Италии имела свои достоинства и недостатки, и недостатков было довольно много — лишь путешественники могли видеть Италию в розовом цвете. В целом она выгодно отличалась от других стран, особенно если человек намеревался вести тихую жизнь и воспринимать мир таким, каков он есть. Иногда здесь бывало очень скучно, но жизнь в стране, которая содержала в себе большую часть красоты всей земли, имеет свои преимущества. Многие впечатления вообще можно было получить только здесь. Но время от времени случается что-то действительно прекрасное, то, что действительно можно испытать только в Италии. Мистер Озмонд склонялся к мнению, что Италия испортила многих людей. Иногда ему казалось, что он стал бы лучше, если бы меньше жил здесь. Эта страна делает людей праздными дилетантами, людьми второго сорта; в тамошней жизни нет ничего тонизирующего. Здесь ты как бы выпадаешь из течения времени, «танцуешь не в такт», как говорят французы; здесь так далеко до Парижа и Лондона…

— Уверяю вас, мы ужасающе провинциальны, — говорил мистер Озмонд. — Я сам понимаю, что заржавел, словно ключ от куда-то запропастившегося замка. Разговор с вами хоть немного выводит меня из сонного состояния. Не подумайте, будто я рискну надеяться, что могу отомкнуть столь сложный замок, которым мне представляется ваша душа! Но мы увидимся два-три раза, а потом вы уедете, и я, вероятно, вас никогда не увижу. Это обычная участь тех, кто живет в стране, которую все стремятся увидеть. Плохо, когда эти люди вам неприятны — но еще хуже, когда они вам милы. Не успеешь к ним привязаться, как им уже пора уезжать! Я слишком часто страдал от этого, а потому заставил себя не поддаваться чужому очарованию. Вы хотите остаться здесь — или даже обосноваться? Как это было бы чудесно! Ваша тетушка может служить тому гарантией — вот уж на кого можно положиться. О, она старая флорентийка! Старая, образно говоря, конечно… не залетная птица. Миссис Тачетт — современница Медичи[49]; я уверен, она присутствовала при сожжении Саво-

[49] Примечания: 49

Медичи — могущественная флорентийская династия, сыгравшая особую роль в жизни Флоренции X–XVI веков.

наролы[50] и даже подбросила несколько веток в костер. Лицо ее точь-в-точь как на старинных портретах — маленькое, сухое, с ясными чертами, очень выразительное; правда, выражение это всегда одинаково. Я могу показать вам ее портрет на одной из фресок Гирландайо[51]. Надеюсь, вас не коробит, что я так говорю о вашей тете? Уверен, что нет. Возможно, вы считаете, что это еще хуже, но уверяю вас — у меня и в мыслях не было никого оскорбить. Поверьте, я искренний поклонник миссис Тачетт.

Пока хозяин дома пытался занять Изабеллу разговором в подобной доверительной манере, девушка иногда поглядывала на мадам Мерль, которая отвечала ей рассеянной улыбкой, в которой не было никакого неуместного намека на успех нашей героини. Улучив момент, мадам Мерль предложила графине Джемини выйти в сад, и та, поднявшись и встряхнув своим оперением, прошелестела к двери.

— Бедная мисс Арчер! — воскликнула она,

---

[50] Примечания: 50

Савонарола (1452–1498) — итальянский монах и проповедник. Его сожгли на костре.

[51] Примечания: 51

Гирландайо (1449–1494) — итальянский живописец, работавший во Флоренции.

участливо оглядев остающихся. — Она угодила прямо в лоно семьи!

— И не может не испытывать сочувствия к этой семье, из-за того, что к ней принадлежишь ты, — со смехом ответил мистер Озмонд. В его голосе прозвучала незлая насмешка.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду! Уверена, что она не увидит во мне ничего дурного — разве только ты не наговоришь ей что-нибудь. Я лучше, чем он говорит, мисс Арчер, — продолжала графиня. — Я только слегка легкомысленна. Это все, что он сказал? О, тогда ваше общество действует на него благотворно. Он еще не разглагольствовал на свои любимые темы? Есть две или три, которые он готов рассматривать со всеми подробностями. Если он затронет одну из них, вам лучше снять шляпку.

— Боюсь, излюбленные темы мистера Озмонда мне неизвестны, — ответила Изабелла, поднимаясь.

Графиня изобразила глубокую задумчивость, приложив руку с соединенными вместе кончиками пальцев ко лбу.

— Сейчас я вам скажу, — произнесла она. — Первая — Макиавелли, вторая — Виттория Колонна,

третья — Метастазио[52].

— О, со мной мистер Озмонд никогда не погружался в историю, — заметила мадам Мерль и взяла графиню под руку, чтобы идти в сад.

— О, ты сама Макиавелли, — сказала графиня, удаляясь вместе с ней, — и сама Виттория Колонна!

— Сейчас мы услышим, что мадам Мерль также Метастазио! — вздохнул мистер Озмонд со смиренной улыбкой.

Изабелла встала, полагая, что они тоже пойдут в сад, но мистер Озмонд оставался на месте, не выказывания намерения покидать комнату. Он стоял, засунув руки в карманы, а его дочь обняла его и прильнула к нему, заглядывая в глаза то ему, то Изабелле. Изабелла ждала, с молчаливой готовностью, чтобы Озмонд сказал ей, где будет дальше протекать их беседа; ей нравилось то, что и как он говорил, нравилось находиться в его обществе. Через открытую дверь просторной гостиной Изабелла видела, как мадам Мерль и графиня Джемини прогуливаются по газону;

---

[52] Примечания: 52

Макиавелли (1469–1527) — итальянский политический деятель и писатель; Виттория Колонна (1490–1547) — итальянская меценатка, дружившая со многими деятелями итальянского Возрождения; Метастазио (1698–1782) — итальянский поэт, писал либретто к операм.

затем она отвела взгляд и обвела им окружавшие ее вещи. Она вспомнила, что хозяин дома хотел показать ей свои сокровища; окружающие ее предметы и вправду напоминали сокровища. Помедлив немного, она повернулась к одной из картин, чтобы лучше рассмотреть ее, но мистер Озмонд вдруг спросил ее:

— Мисс Арчер, что вы думаете о моей сестре?

Изабелла удивленно взглянула на него.

— Не спрашивайте меня. Я еще очень мало с ней знакома.

— Да, вы мало знакомы с сестрой, но должны были заметить, что не нужно много времени, чтобы составить о ней мнение. Как вам принятый между нами тон? — с улыбкой продолжал Озмонд. — Мне хотелось бы знать, как это все выглядит, так сказать, на свежий взгляд. О, я знаю, вы скажете, что слишком мало с нами знакомы. Конечно, все это было мимолетно, но понаблюдайте за нами в будущем, если представится такая возможность. Мне иногда кажется, мы как-то опустились, живя здесь среди чужих людей, лишенные ответственности за что-то или какой-либо привязанности, не имея ничего, что бы объединяло или поддерживало нас. Мы вступаем в брак с иностранцами, развиваем несвойствен-

ные нам вкусы, отказываясь от естественного предназначения. Позвольте мне добавить, однако, что я в большей степени отношу это к себе, а не к своей сестре. Она очень хорошая женщина — гораздо лучше, чем кажется. Сестра не слишком счастлива, а поскольку по натуре не очень серьезна, не склонна выражать это трагически — наоборот, она относится к этому с юмором. У нее отвратительный муж, хотя я не уверен, что она правильно ведет себя с ним. Впрочем, ужасный муж — тяжкий крест. Мадам Мерль дает ей великолепные советы, но советовать моей сестре — все равно что давать ребенку словарь, надеясь, что он сам выучит язык. Он сможет прочесть слова, но не составит из них фраз. Моей сестре нужна грамматика, но, к сожалению, она не имеет к ней способностей. Извините, что я надоедаю вам с этими подробностями. Моя сестра была права — я испытываю к вам такое доверие, точно вы член нашей семьи. Позвольте мне снять эту картину. Вам нужно больше света, чтобы рассмотреть ее.

Озмонд снял картину, поднес ее к окну и рассказал о ней много любопытного. Изабелла осмотрела и другие его сокровища; он давал ей пояснения, не перегружая излишними подробностями, а только теми, которые могли быть

занимательными для такой юной леди в такой чудесный теплый день. Его картины, гобелены и все остальное, несомненно, были интересны, но спустя некоторое время Изабелла осознала, что главный интерес здесь все же представлял их хозяин. Он не был похож ни на одного человека из тех, с кем Изабелла сталкивалась раньше, — большинство из них укладывалось в несколько типов. Были, правда, одно или два исключения — например, девушка не могла отнести ни к какому типу свою тетю Лидию. Были люди, которых с некоторой натяжкой она могла назвать незаурядными — такие как мистер Гудвуд, ее кузен Ральф, Генриетта Стэкпол, лорд Уорбартон и мадам Мерль. Но в сущности, если взглянуть на них повнимательнее, эти личности можно было поместить в ту или иную категорию. Но Озмонд не принадлежал ни к одному типу — он был совершенно особенный. Мысль эта не сразу пришла ей в голову; но постепенно она стала отчетливой. В тот момент Изабелла просто почувствовала, что мистер Озмонд человек на редкость интересный. Это выражалось не столько в том, что он говорил или делал, сколько в том, что оставалось недосказанным, придавая ему исключительность. Он не стремился как-то выделиться из общего

ряда; он был самобытен без того, чтобы вести себя эксцентрично. Изабелла никогда не встречала человека столь утонченного. Незаурядна была его внешность, незаурядны и малейшие движения души. Его густые, мягкие волосы, ясные, словно обведенные контуром, черты, прекрасный цвет лица, яркий, но не грубый румянец, ровная бородка и та легкость, та изящная стройность фигуры, когда малейшее движение руки превращалось в выразительный жест, — все эти особенности поразили нашу молодую леди и казались ей признаками необыкновенной эмоциональной глубины его натуры. Несомненно, мистер Озмонд был насмешливым и критически настроенным, даже капризным. Его эмоциональность властвовала над ним — возможно, чересчур: он отметал всякую «пошлую суету» и жил в созданном им мире, размышляя об искусстве, красоте и истории. Он во всем следовал только собственному вкусу — и только ему одному, что и отличало его так от других. Нечто подобное было в Ральфе — тот тоже считал, что смысл жизни в том, чтобы видеть прекрасное, — но если в нем это казалось некоей аномалией, смешным наростом, то в мистере Озмонде это было определяющим, а всему остальному оставалось лишь гармонировать с

этим. Изабелла, конечно, далеко не полностью понимала его — смысл его речей иногда от нее ускользал. Порой Изабелле было трудно понять, что он имел в виду, — например, когда назвал себя провинциальным, что совершенно не соответствовало ее впечатлениям. Было ли это безобидным парадоксом, произнесенным для того, чтобы озадачить ее, или так проявлялась его сверхутонченность его необыкновенной натуры? Изабелла надеялась, что разберется со временем — такая перспектива казалась ей очень интересной. Если мистер Озмонд считал себя провинциалом, — каков же тогда должен был быть столичный житель? Изабелла задавала себе этот вопрос, хотя и была убеждена, что ее собеседник просто был сдержан в высказываниях, поскольку сдержанность подобного сорта — благородная сдержанность от чутких нервов и тонкого понимания вещей — абсолютно соответствовала благородному происхождению. В самом деле, это было доказательством почти исключительных качеств. Мистер Озмонд не принадлежал к легковесным людям, которые болтали и сплетничали обо всех и вся. Ему был свойствен критический склад ума — он немало требовал от других, но не меньше требовал и от себя, с достаточной иро-

нией относясь к тому, что мог дать, — это было доказательством того, что заносчивостью он не страдал. Да и не будь он сдержан, не было бы той чудесной, едва заметной, постепенной перемены, которая произошла в нем за время их беседы и которая так очаровала и заинтриговала Изабеллу одновременно. Его неожиданный вопрос о том, каково ее мнение о графине Джемини, не мог означать ничего иного, кроме как возросшего интереса к Изабелле — вряд ли Озмонду нужны были помощники, чтобы разобраться в собственной сестре. Пытливость его в данном вопросе, правда, слегка перешла границы — возможно ли жертвовать братскими чувствами ради любопытства? Однако это было единственным его странным поступком.

Кроме гостиной было еще две комнаты, полные всяких интересных предметов, и Изабелла провела там около четверти часа. Все эти вещи были любопытными и ценными, а мистер Озмонд продолжал исполнять роль экскурсовода, показывая ей все по порядку, переходя от экспоната к экспонату и не выпуская при этом руки дочери. Его изысканная любезность под конец стала утомлять нашу юную леди — она не понимала, почему он так беспокоится ради нее, и обилие

красивых предметов и сведений о них стало угнетать ее. Для первого раза было достаточно. Девушка уже слушала хозяина дома, наблюдая за ним внимательным взглядом, но не вникая в суть слов. Мистер Озмонд, вероятно, считал ее умнее, чем она была на самом деле, — мадам Мерль, очевидно, преувеличила ее достоинства, и рано или поздно он должен был выяснить истину, и тогда даже то, что Изабелла реально была незаурядна, не примирит его с тем, что она так обманула его ожидания. Девушка частично от того и устала — устала от усилий казаться необыкновенно умной, такой, как она думала, ее представила мадам Мерль, устала от страха (совершенно нехарактерного для нее, кстати) выдать — нет, не необразованность, этого Изабелла боялась меньше всего, — а слишком серьезное отношение к происходящему. Она боялась похвалить что-то, что, на просвещенный взгляд хозяина дома, не представляло исключительной художественной ценности, и пройти мимо чего-то, в отношении чего он ожидал проявления восторга. Поэтому она куда более тщательно, чем обычно, следила и за своими высказываниями, и за тем, на что надо было обратить внимание, а на что — нет.

Они вернулись в гостиную, где был уже сер-

вирован чай, но, поскольку две дамы еще не вернулись, а Изабелла еще не успела полюбоваться видом из сада — главной достопримечательностью этого дома — мистер Озмонд без промедлений повел ее туда. Мадам Мерль и графиня уже распорядились, чтобы в сад вынесли стулья, и, поскольку погода была превосходной, графиня предложила пить чай на свежем воздухе. Пэнси отослали сказать лакею, чтобы он принес поднос с принадлежностями для чаепития в сад. Солнце спустилось ниже, золотой свет стал более густым, пурпурная тень, которая легла на горы и долину у их подножия, казалось, была раскалена, словно угли в затухающем камине, и пейзаж с этой стороны был окрашен не менее ярко, чем с другой, обращенной к закатным лучам. Все дышало особым очарованьем. Воздух был практически неподвижен, и распростершийся внизу ландшафт с благородными очертаниями гор, утонувшими в садах, долиной, оживленной многочисленными следами человеческого присутствия, представал во всей своей великолепной гармонии и классической грации.

— У вас такой довольный вид, что можно надеяться — вы вернетесь сюда. Вы выглядите такой довольной, что можно поверить, что вы верне-

тесь в эти места, — сказал Озмонд, подведя ее к краю террасы.

— Конечно, я вернусь, — ответила Изабелла, — несмотря на то, что вы говорите, будто жить в Италии — дурно. Что вы там говорили о естественном назначении человека? Интересно, не отреклась бы я от своего естественного предназначения, если бы осталась во Флоренции.

— Естественное назначение женщины — быть там, где ее более всего ценят.

— Задача — выяснить, где это место.

— Абсолютно верно. Женщина часто тратит очень много времени на это… Все дело в том, что она нуждается в том, чтобы ей сказали об этом прямо.

— Во всяком случае, что касается меня, это верно, — улыбнулась Изабелла.

— По крайней мере, я рад слышать, что вы заговорили о том, чтобы осесть. Мадам Мерль дала мне понять, что вы собираетесь вести кочевой образ жизни. Кажется, она говорила о том, что вы планируете кругосветное путешествие.

— Мне очень стыдно, но я должна признать, что я строю новые планы чуть ли не каждый день.

— Не понимаю, чего тут стыдиться. Это одно из величайших удовольствий.

— Это производит легкомысленное впечатление, — сказала Изабелла. — Каждый человек должен что-то выбрать и придерживаться своего выбора.

— В таком случае я лишен легкомыслия.

— Вы никогда не строили планов?

— Много лет назад я составил один и действую по нему до сих пор.

— Надо полагать, это очень приятный план, — заметила Изабелла.

— Он предельно прост и заключается в том, чтобы жить как можно спокойнее.

— Спокойнее? — переспросила девушка.

— Не волноваться… ни к чему не стремиться, ни за что не бороться. Отказаться от всяческих претензий. Довольствоваться малым.

Озмонд говорил это медленно, с расстановкой, делая паузы. Его глаза были прикованы к Изабелле. Это был взгляд человека, который решился на признание.

— Вы считаете, что это просто? — спросила Изабелла с мягкой улыбкой.

— Да, потому что это отрицание действия.

— Ваша жизнь была отрицанием?

— Называйте ее утверждением, если хотите. Она утверждает мое безразличие. Только за-

метьте — мое безразличие не врожденное. Это осознанное, осознанное отречение.

Изабелла силилась постичь, правильно ли она понимала этого человека. Шутит он или нет? Может ли быть, чтобы человек, поразивший ее своей сдержанностью, вдруг счел ее достойной откровения? И старалась понять, шутил он или нет. Почему мужчина, поразивший ее сначала невероятной сдержанностью, вдруг стал с ней таким откровенным? Однако это было его дело — а эти откровения вызывали живой интерес девушки.

— Не понимаю, зачем вам это было нужно — отречься от всего, — сказала она.

— Мне ничего другого не оставалось. У меня не было никаких перспектив, я был беден и не был гениальным, да даже особо талантливым — я очень рано понял себе цену. Однако запросы мои были невероятно высоки — я завидовал всего двум-трем персонам в мире. Русскому императору, например, или турецкому султану… Иногда папе римскому — из-за почета, который ему оказывали. Вот на такой почет я бы согласился; но сколь добиться этого было невозможно, а на меньшее я не был согласен, то я отказался от мыслей о славе. Джентльмен всегда имеет право

относиться к себе с некоторым пиететом, а я, к счастью, был джентльменом. Я ничем не мог заняться в Италии — даже стать итальянским патриотом, потому что для этого нужно было покинуть эту страну[53], а она мне слишком нравилась, чтобы решиться на это. Вот я и прожил здесь много лет согласно плану спокойной жизни, о котором уже упоминал вам. Я совершенно не чувствовал себя несчастным. Не хочу сказать, будто меня ничто не заботило, но вещей, которые мне интересны, очень мало… Я резко ограничил их круг. События моей жизни касались только меня самого; например, мне удалось недорого купить старинное серебряное распятие (конечно, ничего дорого я никогда не покупал) или обнаружить, как мне однажды посчастливилось, на замазанной каким-то вдохновенным идиотом доске эскиз Корреджо![54]

Это жизнеописание мистера Озмонда прозвучало бы несколько сухо, если бы Изабелла

---

[53] Примечания: 53

По решению Венского конгресса (1814–1815) Италия перешла под власть Австрии. Нац. — освоб. борьба (во 2-й половине XIX века под предводительством Джузеппе Гарибальди) завершилась к 1870 г. объединением Италии.

[54] Примечания: 54

Антонио Корреджо (1494–1534) — итальянский живописец Возрождения.

полностью доверилась ему, но воображение девушки тут же «оживило» его, поспешив внести человеческие черты. Жизнь его, конечно, переплеталась с чьми-то другими жизнями больше, чем он желал признать; но, естественно, нельзя было ждать, чтобы он в этом признался. Изабелла отказалась от попыток спровоцировать мистера Озмонда на дальнейшие откровения — дать понять, что он сказал далеко не все, было бы слишком неделикатно, более того: это значило бы придать их отношениям более тесный характер. Определенно, Озмонд сказал ей достаточно много. Однако Изабелла сочла уместным выразить одобрение тому, что он достиг успеха на ниве сохранения своей независимости.

— Удивительно приятная жизнь, — сказала она, — ничего, кроме Корреджо!

— О, я был вполне счастлив — не воображайте, что было хотя бы мгновенье, когда я считал поиному. Когда кто-то несчастлив, он сам виноват в этом.

— Вы всегда жили здесь?

— Нет, не всегда. Я долго жил в Неаполе, порядком — в Риме. Но здесь я уже довольно давно. Возможно, мне уже пора вновь сменить место жительства и заняться чем-нибудь еще. Я больше

не могу думать только о себе. У меня растет дочь, и вполне возможно, Корреджо и распятия интересуют ее гораздо меньше, чем ее отца. Я должен все сделать для нее.

— Непременно, — сказала Изабелла. — Она такая милая девочка.

— О, — с чувством воскликнул Джилберт Озмонд. — Она ангел! Она — мое великое счастье!

Глава 25

Пока шла эта задушевная беседа (продолжавшаяся еще некоторое время после того, как мы перестали следить за ней), мадам Мерль и графиня, нарушив длившееся некоторое время молчание, снова стали обмениваться репликами. В их позах чувствовалось напряженное ожидание — это было особенно заметно по графине Джемини, которая, обладая более живым темпераментом, чем мадам Мерль, с трудом пыталась скрыть нетерпение. Чего ожидали женщины, было неясно, и, возможно, они сами не вполне отчетливо представляли себе это. Мадам Мерль ждала, когда мистер Озмонд вернет ей ее юную подругу, а графиня ждала потому, что ждала мадам Мерль. Более того, графиня, томясь в ожидании, решила, что опять пришло время высказать что-нибудь провокационное; ее уже минут двадцать разбирало это желание. Брат ее как раз прошел в край сада с Изабеллой, и графиня проследила за ними глазами.

— Дорогая, — заметила она мадам Мерль, — не будете ли вы на меня дуться, если я скажу, что

мне не с чем вас поздравить?

— Конечно, нет; только я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Кажется, у вас был небольшой тщательно разработанный план? — И графиня кивнула на прогуливавшуюся пару.

Мадам Мерль взглянула в указанном направлении, затем спокойно посмотрела на собеседницу и с улыбкой ответила:

— Вы же знаете — я никогда не могу до конца понять то, что вы хотите сказать.

— Никто не может при желании понять меня лучше, чем вы. Но почему-то сейчас вы этого не хотите.

— Кроме вас, никто себе не позволяет говорить мне подобные вещи, — серьезно, но беззлобно отозвалась мадам Мерль.

— То есть вы утверждаете, что никто никогда не говорил вам ничего неприятного? Неужели Озмонд никогда не грешил этим?

— В словах вашего брата всегда есть смысл.

— Да, и иногда весьма здравый. Но если вы хотите подчеркнуть, что я не так умна, как он, не думайте, будто меня это трогает. Однако для вас было бы куда полезнее попытаться вникнуть в то, о чем я говорю.

— Зачем? — спросила мадам Мерль. — Что от этого изменится?

— Предположим, я не одобряю ваш план; вы должны знать это, чтобы оценить опасность моего вмешательства.

Казалось, мадам Мерль была готова признать уместность подобных соображений, но, помолчав, она сказала:

— Вы считаете меня более расчетливой, чем я есть на самом деле.

— Плохо не то, что вы расчетливы, — ваши расчеты могут оказаться неверными. Вот как сейчас.

— Должно быть, и вам пришлось произвести серьезные расчеты, чтобы прийти к подобному заключению.

— Нет, у меня не было такой возможности. Я ведь вижу девушку в первый раз, — заметила графиня, — и меня вдруг внезапно осенило. Кстати, она мне очень понравилась.

— Мне она тоже нравится, — сказала мадам Мерль.

— Но вы избрали довольно странный способ для проявления своих чувств.

— Несомненно. Ведь я познакомила ее с вами.

— Ну да, — со смехом вскричала графиня, —

возможно, это самое лучшее, что могло с ней произойти!

Мадам Мерль несколько минут молчала. Манеры графини были невыносимы, но ей, в общем-то, не было до них никакого дела. Не отрывая глаз от лилового склона Монте-Морелло, она погрузилась в раздумья.

— Моя дорогая, — произнесла она наконец, — советую вам не волноваться понапрасну. В деле, на которое вы намекаете, замешаны трое, и они точно знают, чего хотят. Вы ни при чем.

— Трое? Ты и Озмонд, понятно. А мисс Арчер тоже точно знает, чего хочет?

— Так же, как и мы.

— Тогда, — сияя, проговорила графиня, — если я дам ей понять, что сопротивляться вам в ее же интересах, она сумеет отбить атаку!

— Сопротивляться нам? Почему вы выражаетесь так грубо? К ней никто не собирается применять насилие.

— Я в этом не уверена. Вы способны на все. Вы с Озмондом. Я не говорю о том, что Озмонд или вы опасны сами по себе. Но вместе вы опасны — как некое химическое соединение.

— Тогда вам лучше оставить нас в покое, — с улыбкой сказала мадам Мерль.

— Я и не собираюсь трогать вас, но я поговорю с этой девушкой.

— Бедная моя Эми, — пробормотала мадам Мерль, — не понимаю, что взбрело вам в голову.

— Я хочу ей помочь — вот что взбрело мне в голову. Она мне понравилась.

Мадам Мерль несколько мгновений колебалась.

— Не думаю, чтобы вы ей понравились.

Яркие маленькие глазки графини расширились, и ее лицо искривилось в гримасе.

— А, я ошиблась, — воскликнула она, — ты опасна даже сама по себе!

— Если вы хотите, чтобы она хорошо относилась к вам, не оскорбляйте при ней брата, — проговорила мадам Мерль.

— Уж не думаете ли вы, будто она влюбилась в него… после двух встреч?

Мадам Мерль смотрела на Изабеллу и хозяина дома. Озмонд прислонился к парапету и смотрел на девушку, скрестив на груди руки; было очевидно, что она, внешне погруженная в созерцание ландшафта, на самом деле внимательно слушала собеседника. В тот момент, когда мадам Мерль взглянула в ее сторону, Изабелла, возможно смутившись от каких-то слов Озмонда, потупилась и

концом сложенного зонтика стала чертить что-то на тропинке. Мадам Мерль встала.

— Да, я думаю именно так! — сказала она.

Лакей в поношенной ливрее, за которым ходила Пэнси, принес небольшой столик, поставил его на траву, затем вернулся в дом и вынес поднос с чашками. После этого он снова исчез и принес два стула. Пэнси с живым интересом следила за его действиями, сложив руки на своем скромном платьице, но не предложила лакею свою помощь. Когда для чая все было накрыто, девочка тихонько подошла к тетушке.

— Как ты думаешь, папа рассердился бы, если бы я сама накрыла стол к чаю?

Графиня осмотрела племянницу нарочито критическим взглядом, но на ее вопрос не ответила.

— Бедняжка, — произнесла она, — это твой лучший наряд?

— О, нет, — ответила Пэнси. — Это будничное платье.

— День, когда тебя посетила тетка, не говоря уже о мадам Мерль и вон той молодой леди, ты считаешь будничным?

Пэнси на мгновение задумалась, переводя взгляд с одной упомянутой гостьи на другую. Затем лицо ее снова озарилось улыбкой.

— У меня есть парадное платье, но оно тоже очень простое. Зачем его надевать — оно все равно потерялось бы среди ваших чудесных нарядов!

— Потому что оно лучшее из тех, что у тебя есть. Всегда надо надевать самое лучшее. Пожалуйста, надень его в следующий раз. Мне кажется, тебя не одевают так, как должно.

Девочка смущенно одернула свое платьице.

— Зато оно подходит для того, чтобы приготовить чай, разве нет? Не знаете, папа позволит мне?

— Не могу сказать, дитя мое, — ответила графиня. — Взгляды твоего отца непостижимы для меня. Мадам Мерль понимает его гораздо лучше. Спроси у нее.

Мадам Мерль с привычной благожелательностью улыбнулась.

— Это сложный вопрос. Дай мне подумать. Я думаю, твой папа будет только рад, если его аккуратная маленькая дочка приготовит чай. Это входит в обязанности маленькой хозяйки — когда она вырастет.

— Мне тоже так кажется, мадам Мерль! — воскликнула Пэнси. — Вы увидите, как я хорошо все сделаю. Ложечка сахара каждому. — И она начала

хлопотать у столика.

— Мне две ложки, — сказала графиня. Она, как и мадам Мерль, наблюдала за девочкой. — Послушай-ка, Пэнси, — неожиданно заявила она. — Что ты думаешь о твоей гостье?

— Она не моя, а папина, — ответила девочка.

— Мисс Арчер приехала познакомиться и с тобой, — заметила мадам Мерль.

— Я очень рада слышать это. Она была очень мила со мной.

— Значит, мисс Арчер тебе нравится? — спросила графиня.

— О, она просто прелесть, — тихо проговорила Пэнси. — Она мне очень нравится.

— А как ты думаешь — она нравится твоему папе?

— Прошу вас, графиня, — предостерегающе пробормотала мадам Мерль, затем обратилась к девочке: — Давай позови их к столу.

— Вот увидите, как им понравится чай! — заявила Пэнси и направилась к паре, все еще стоявшей на другом конце террасы.

— Если мисс Арчер собирается стать ее матерью, очень интересно узнать, нравится ли она девочке, — сказала графиня.

— Если ваш брат снова женится, то не ради

Пэнси, — отозвалась мадам Мерль. — Ей вот-вот будет шестнадцать, и ей скорее потребуется муж, нежели мачеха.

— И найдете его, конечно, вы?

— Да, я заинтересована, чтобы девочка нашла себе достойного супруга. Думаю, вы тоже.

— Ну уж нет! — воскликнула графиня. — Уж я менее чем кто-либо могла бы помочь в этом вопросе!

— Разумеется, речь идет не о таком муже, как ваш. Когда я говорю слово «муж», я имею в виду хорошего мужа.

— Таких не бывает. Озмонд тоже не будет хорошим супругом.

Мадам Мерль на мгновение прикрыла глаза.

— Вы злитесь. Не могу понять почему, — произнесла она наконец. — Не думаю, что вы станете возражать против женитьбы брата и замужества племянницы, когда придет время. Что касается Пэнси, я убеждена, в один прекрасный день мы с удовольствием вместе подыщем ей подходящую партию. Ваши обширные связи нам весьма пригодятся.

— Да, я раздражена, — согласилась графиня. — Вы часто злите меня. Ваша невозмутимость просто невероятна. Вы удивительная женщина.

— Было бы гораздо лучше, если бы мы всегда действовали заодно, — продолжала мадам Мерль.

— Это угроза? — спросила графиня, поднимаясь.

Мадам Мерль с грустной улыбкой покачала головой.

— Да, вам действительно не хватает моего хладнокровия!

Изабелла и Озмонд направились к ним; Изабелла держала Пэнси за руку.

— Вы хотите уверить меня, что она будет с ним счастлива? — ядовито спросила графиня.

— Полагаю, что, если он женится на мисс Арчер, он будет вести себя как джентльмен.

Графиня судорожно задвигалась, последовательно переменив несколько поз.

— Вы хотите сказать, как большинство джентльменов? Упаси боже! Конечно, Озмонд джентльмен — его родной сестре не надо напоминать об этом. Но неужели он думает, что может жениться на любой избранной им девушке? Конечно, он джентльмен, но, должна сказать, я никогда, ни разу в жизни не встречала человека с такими завышенными притязаниями! Я, его родная сестра, не могу сказать, на чем они ос-

новываются, — это выше моего понимания. Кто он такой, в конце концов? Что такое совершил? Будь он отпрыском каких-нибудь голубых кровей — уж я бы об этом знала. Если бы наша семья чем-нибудь славилась, какими-нибудь знаменитыми предками, — они бы были и моими тоже. Но ведь ничего же нет, совершенно ничего! Конечно, наши родители были очаровательными людьми, но такими же, не сомневаюсь, были и ваши. Нынче все вокруг очаровательны, даже я. Не смейтесь, я говорю образно. Что касается Озмонда, у него всегда такой вид, будто он произошел от богов.

— Говорите что хотите, — сказала мадам Мерль, которая выслушала эти откровения, можно не сомневаться, с большим вниманием, хотя и не смотрела на собеседницу, а ее пальцы судорожно пытались развязать узел на ленте ее платья.

— Вы, Озмонды, благородный род, и ваша кровь непременно течет из чистейшего источника. Ваш брат умный человек, и он убежден в этом, хотя и не имеет доказательств. Вы и сами при всей вашей скромности на этот счет необычайно аристократичны. А ваша племянница? Не вы ли называете ее маленькой герцогиней? Конечно, — добавила мадам Мерль, — Озмонду будет нелегко жениться на мисс Арчер. Но он может

попытаться.

— Надеюсь, она ему откажет. Это опустит его на землю.

— Не стоит забывать о том, что он один из умнейших мужчин.

— Я слышала уже от вас это раньше, но пока не видела, что все-таки он сделал.

— Что сделал? Ничего, за что его можно было бы упрекнуть. И Озмонду пришлось испытать, каково это — ждать.

— Ждать денег мисс Арчер? Кстати, сколько их?

— Я не это имею в виду, — сказала мадам Мерль. — А у мисс Арчер… У мисс Арчер семьдесят тысяч фунтов.

— Жаль, что она столь мила, — заявила графиня. — Для этой жертвы подошла бы любая другая девушка. Не обязательно столь незаурядная.

— Если бы она не была столь незаурядна, твой брат никогда и не взглянул бы на нее. Он достоин самого лучшего.

— Да, — отозвалась графиня, когда женщины шли навстречу Изабелле, мистеру Озмонду и Пэнси, — ему нелегко угодить. Поэтому я боюсь за ее счастье.

Глава 26

Джилберт Озмонд снова приезжал повидать Изабеллу, или, точнее, стал наведываться в палаццо Кресчентини. Там у него, конечно, были и другие знакомые — сей джентльмен всегда с большим уважением относился к миссис Тачетт и мадам Мерль, но первая отметила тот факт, что в течение двух недель он был с визитом пять раз, и тотчас сравнила его с другим фактом, вспомнить который ей было совсем нетрудно. Как правило, мистер Озмонд выражал свое почтение миссис Тачетт не больше двух раз в год, и это событие никогда не падало на тот период, когда у нее гостила мадам Мерль. Так что Озмонд приезжал не ради мадам Мерль — они с ней были старыми друзьями, и он вряд ли изменил бы своим привычкам ради нее. К Ральфу же Тачетту он не питал приязни — так сказал своей матери сам Ральф, — следовательно, нельзя было предположить, будто Озмонд вдруг решил подружиться с сыном миссис Тачетт.

Ральф был закутан в абсолютную невозмутимость, которая болталась на нем, как одежда

большего, чем надо, размера, но тем не менее он носил ее постоянно; он признавал компанию Озмонда вполне достойной и в любой момент был готов проявить гостеприимство — его аллергия на общество этого джентльмена ничем не проявлялась. Ральф не тешил себя иллюзиями, будто мистер Озмонд своими посещениями старался разбавить их отношения некоторой теплотой — он прекрасно понимал ситуацию. Гостя привлекала Изабелла, причем с полным на то основанием. Мистер Озмонд был весьма придирчивым человеком, любителем всего изысканного — и его, естественно, заинтересовала особа, которая вызывала всеобщее восхищение. Поэтому когда миссис Тачетт сказала сыну, что намерения зачастившего гостя ей совершенно ясны, Ральф согласился с ней. Его матери мистер Озмонд всегда нравился — он производил на нее впечатление настоящего джентльмена. Он никогда не был назойливым гостем и поэтому никогда не вызывал раздражения, а больше всего ее привлекало в нем то, что он явно мог обойтись без нее так же прекрасно, как она обходилась без него, — качество, которое миссис Тачетт всегда чрезвычайно ценила. Однако ее вовсе не устраивала мысль, что сей джентльмен, возможно,

вознамерился жениться на ее племяннице. Такой союз для Изабеллы был бы просто невероятной глупостью! Можно ли было забыть, что ее племянница отказала пэру Англии? Для девушки, которой не подошел лорд Уорбартон, вряд ли был мерилом жизненного успеха брак с безвестным и безденежным американским бездельником, вдовцом средних лет и вдобавок с взрослой дочерью. Она имела, как понятно из этих слов, не сентиментальную, а деловую точку зрения на брак — точку зрения, в пользу которой, надо признать, свидетельствует многое.

— Надеюсь, она не наломает дров, слушая его, — сказала она сыну, на что Ральф ответил, что слушать Изабелла слушает, а вот каковы будут после этого ее действия — большой вопрос. Он знал, как внимательно девушка слушала собеседника, но знал и то, что она заставляла его в свою очередь слушать себя. Ральфа забавляла мысль, что за несколько месяцев знакомства с кузиной он видит у ее ворот третьего поклонника. Изабель хотела узнать жизнь — и фортуна повернулась к ней лицом: вереница джентльменов, преклонявших пред ней колени, давала отнюдь не худшие возможности для этого. Ральф прикидывал, кто может оказаться четвертой и пятой

кандидатурой — он был совершенно уверен, что кузина не остановится на третьей. Хотя Изабелла и приоткроет ворота — но и третья определенно не получит приглашения войти. Нечто подобное Ральф изложил в разговоре с матерью, а она смотрела на него так, как будто он пустился перед ней танцевать джигу. Он выражался столь завуалированно и витиевато, что с тем же успехом мог обратиться к ней на языке глухонемых.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала миссис Тачетт. — Ты используешь слишком много метафор. Я никогда не понимала аллегорий. Я уважаю только два слова — да и нет. Если Изабелла хочет выйти за мистера Озмонда, она сделает это — ее не будут интересовать твои сравнения. Пусть изобретает для себя свои собственные. Я очень мало знаю о том американце — не думаю, что она часто вспоминает о нем, и подозреваю, этот молодой человек уже устал ждать ее. Поэтому ничто не может предотвратить ее союз с мистером Озмондом, если только она взглянет на него под определенным углом зрения. Ну и пусть — каждый волен делать то, что желает, я первая под этим подпишусь. Но Изабелла готова удовлетворить свои желания довольно странным образом — она вполне может

выйти за Озмонда ради его прекрасных речей! Она хочет быть бескорыстной, словно только ей одной грозит опасность не быть таковой (кстати, насколько будет бескорыстен Озмонд, когда начнет тратить ее деньги, еще вопрос)! Она носилась с этой мыслью еще до смерти твоего отца, а сейчас вообще помешалась на этом. Изабелла должна выйти замуж за того, в чьем бескорыстии можно бы было быть уверенным, а это возможно только в том случае, если у ее избранника будет собственное состояние.

— Я не разделяю твоих опасений, мама, — ответил Ральф. — Изабелла водит нас за нос. Конечно, ей это нравится, и она действует подобным образом, изучая человеческую натуру и оставаясь при этом свободной. Кузина отправилась в исследовательскую экспедицию, и, надеюсь, она не изменит курс в самом начале после первого же сигнала от Джилберта Озмонда. Она, возможно, замедлила ход ненадолго, но не успеем мы оглянуться, как она может на час замедлить скорость, но еще до того, как мы узнаем об этом, снова помчится на всех парах. Извини меня за еще одну метафору.

Возможно, миссис Тачетт и извинила сына, но не была убеждена настолько, чтобы не поделить-

ся своими опасениями с мадам Мерль.

— Вы всегда все знаете, — сказала она, — наверняка должны знать и это. Озмонд положил глаз на мою племянницу, не так ли?

Мадам Мерль широко раскрыла свои выразительные глаза и лучезарно улыбнулась.

— Господи помилуй! Что за мысль!

— Вам это никогда не приходило в голову?

— Может быть, я глупа, но мне никогда не приходило это в голову… Любопытно, пришло ли это в голову самой Изабелле.

— Я спрошу ее, — сказала миссис Тачетт.

Мадам Мерль на секунду задумалась.

— Не стоит наводить ее на эту мысль. Лучше просто спросить у мистера Озмонда.

— Я не могу этого сделать, — произнесла миссис Тачетт. — В общем-то, это не мое дело.

— Я сама спрошу его, — торжественно заявила мадам Мерль.

— И не ваше тоже.

— Вот поэтому-то я и могу спросить его. Меня это касается менее, чем кого-либо, поэтому мой вопрос просто не может смутить мистера Озмонда.

— Очень прошу вас сразу же дать мне знать, что он ответит, — попросила миссис Тачетт. —

Если я не могу поговорить с ним, уж с ней-то могу точно.

— Не спешите, не распаляйте ее воображение.

— Никогда в жизни не пыталась воздействовать на чье-то воображение. Но что-то мне подсказывает, что Изабелла собирается сделать нечто такое, что мне не понравится.

— А этот брак вам не понравится, — заметила мадам Мерль без тени вопросительной интонации.

— Разумеется. Мистеру Озмонду абсолютно нечего предложить.

Мадам Мерль снова замолчала. Ее задумчивая улыбка сильнее обычного сместила кверху левый уголок ее рта.

— Давайте все-таки уточним. Джилберт Озмонд отнюдь не первый встречный. В подходящих обстоятельствах он может произвести неплохое впечатление, что не однажды уже случалось.

— Не вздумайте рассказывать о его любовных делах — это меня совершенно не интересует! — вскричала миссис Тачетт. — Именно из-за того, на что вы намекаете, мне и хочется, чтобы он прекратил свои визиты. Насколько мне известно, у него нет ничего, кроме дюжины-двух старинных картин и взрослой дочери.

— Картины стоят круглую сумму, — заметила мадам Мерль, — а дочь — юное и весьма безобидное существо.

— Иными словами, она скучная школьница. Вы это хотели сказать? Не имея состояния, девочка, по здешним нравам, не сможет выйти замуж, и поэтому Изабелла будет обязана обеспечить ей содержание или приданое.

— Возможно, Изабелле захочется это сделать. Похоже, девочка ей понравилась.

— Еще одно основание для того, чтобы мистер Озмонд прекратил свои визиты. А то не пройдет и недели, как Изабелла решит, что ее назначение в жизни — доказать, что мачеха может пожертвовать собой. Для этого она вознамерится стать первой такой мачехой.

— Из нее получится очаровательная мачеха, — улыбаясь, сказала мадам Мерль, — но я согласна, девушке не стоит принимать решение о своем предназначении слишком поспешно. Желание изменить чье-то предназначение часто приводит к тому, что из этого получается нечто довольно нелепое. Я все разузнаю и сообщу вам.

Все эти беседы велись за спиной Изабеллы, не подозревавшей, что ее отношения с мистером Озмондом стали предметом обсуждения. Мадам

Мерль не высказывала ничего, что могло бы насторожить девушку, — она говорила с ней о мистере Озмонде не больше, чем о любом другом джентльмене, итальянце или иностранце; они в большом количестве приезжали засвидетельствовать свое почтение ее тете. Изабелла считала Озмонда очень приятным человеком, и ей нравилось думать о нем. После визита в его дом на холме с ней всегда был его образ, который не изменился и после следующих встреч и временами особенно занимал ее воображение — образ тихого, умного, тонко чувствующего, словом, удивительного человека; человека, на поросшей мхом террасе над чудесной долиной Арно держащего за руку невысокую девочку-подростка, чья милая покорность сообщала новое очарование поре на исходе детства. Картина эта не поражала пышностью — но Изабелле нравились ее мягкие тона и разлитая в ней атмосфера летних сумерек. Казалось, за ней стояло прошлое — история из тех, которые очень трогали девушку, — и эта история повествовала о серьезном выборе между чем-то малозначащим и чем-то глубоким, об уединенной размеренной жизни в прекрасной стране, о минувших горестях, которые иногда напоминали о себе, о гордости, благородной, хотя,

может быть, и чрезмерной, о любви к красоте и совершенству — столь естественной, что под знаком ее прошла вся эта жизнь — озаренная к тому же своеобразным отцовским чувством, в котором было немало и беспокойства, и беспомощности. В палаццо Кресчентини мистер Озмонд вел себя как обычно: сначала сдержанный, прилагающий усилия (заметные только внимательному глазу) преодолеть неловкость, которые, как правило, заканчивались легкой, живой, очень приятной и всегда увлекательной беседой. Он говорил без намерения блистать — и это только красило его речь. Изабелла без труда поверила в искренность человека, выказывавшего все признаки горячей убежденности, — он так искренне радовался, когда поддерживали его позицию (особенно, впрочем, когда это делала Изабелла). Ей неизменно доставляла удовольствие его невероятная проницательность — в каждом его слове заключался огромный смысл, каждое движение мысли походило на блеск быстрого стального клинка. Однажды мистер Озмонд привез с собой дочь, и Изабелла была в восторге от второй встречи с девочкой, которая, подставляя свой лоб для поцелуя каждому из окружающих, живо напомнила ей инженю из французских пьес. Изабелла нико-

гда не встречала таких девочек. Американские сверстницы Пэнси были совершенно другими — впрочем, как и английские. Эта маленькая леди была такой милой, так безукоризненно воспитанной и в то же время, как каждый мог видеть, такой невинной и инфантильной. Она сидела на диване рядом с Изабеллой. На ней были гренадиновая[55] мантилья и маленькие немаркие перчатки, подаренные мадам Мерль, — серые, с пуговкой на запястье. Она напоминала чистый лист бумаги — идеальная героиня иностранных романов. Изабелле хотелось надеяться, что такая превосходная гладкая страница будет заполнена достойным текстом.

Палаццо Кресчентини также посетила и графиня Джемини, но это было совсем другое дело. Она никак не производила впечатление чистой страницы, скорее — исписанной разными почерками; и если верить миссис Тачетт, ничуть не испытывавшей радости от ее визита, поверхность ее была испещрена множеством клякс. Графиня Джемини явилась предметом небольшой дискуссии между хозяйкой дома и гостьей из Рима, в которой мадам Мерль (которая была

---

[55] Примечания: 55
Вид шелковой ткани.

не настолько глупа, чтобы раздражать людей, всегда поддакивая им) призвала себе на помощь свое чувство юмора и позволила себе не согласиться с миссис Тачетт, что та охотно позволила ей, поскольку и сама любила пользоваться подобной вольностью. Миссис Тачетт сочла большой дерзостью со стороны подобной особы явиться среди бела дня на порог дома, где она, как ей наверняка было известно, не вызывала особого уважения. Изабеллу не преминули ознакомить с мнением об этой даме, существовавшее в доме миссис Тачетт, согласно которому сестра мистера Озмонда была распутницей. Замуж ее выдала мать — такая же, по словам миссис Тачетт, безмозглая легкомысленная особа, как дочка, питавшая слабость к иностранным титулам, чего ее дочь, надо отдать ей должное, к настоящему времени уже не разделяла, — за итальянского аристократа, который, очевидно, давал ей некоторые основания чувствовать себя заброшенной. Однако графиня искала утешения весьма бурно — и, как было известно всей Флоренции, отнюдь не отказывала при этом в утешении другим. Мадам Тачетт никогда не соглашалась принимать ее, хотя графиня предпринимала много попыток напроситься в гости. Флоренция не отличалась

суровостью нравов, но, как выражалась миссис Тачетт, нужно было где-то установить границу.

Мадам Мерль защищала злополучную даму пылко и очень умно. Она отказывалась понимать, почему хозяйка дома решила сделать из бедной графини козла отпущения — она была совершенно безвредной и даже старалась делать добро — может быть, выбирая неверные пути. Конечно, можно и установить границу, но тогда она должна быть совершенно прямой — а линия, которой отсекалась от общества графиня, была чрезвычайно извилиста. В таком случае миссис Тачетт следовало бы просто закрыть свой дом на время, которое она намеревалась проводить во Флоренции, — это было бы лучшим решением. Нужно быть справедливым и ко всем применять одинаковые критерии; конечно, графиня вела себя опрометчиво, не то что другие, более умные женщины. Она была хорошим человеком — пусть глуповатым, но с каких пор это стало причиной изгнания из порядочного общества? Графиня давно уже не давала никакого повода судачить о себе, и требовалось ли лучшее доказательство того, что она стремилась исправить свои ошибки, чем желание войти в круг миссис Тачетт? Изабелла не могла внести никакого вклада в

этот спор и не стремилась даже прислушиваться. При всех своих недостатках графиня имела одно несомненное достоинство — являлась сестрой мистера Озмонда, и по этой причине Изабелла проявляла к ней искреннее дружелюбие. Поскольку ей нравился брат, Изабелла считала необходимым постараться полюбить и его сестру. Графиня не слишком понравилась девушке, когда та познакомилась с ней на вилле у Озмонда, и сейчас она искренне старалась внести коррективы в свои первоначальные впечатления. Разве Озмонд не называл ее очень хорошей женщиной? Для джентльмена, умевшего изъясняться весьма изысканно и пространно, это был довольно туманный отзыв, но мадам Мерль взяла на себя труд усовершенствовать его. Она рассказала Изабелле о бедной графине больше, чем мистер Озмонд, изложив историю ее замужества и все последствия этого. Граф был выходцем из старинной тосканской семьи, но столь бедным, что с радостью взял в жены Эми Озмонд, несмотря на ее не слишком привлекательную внешность и скромное приданое — сумму, примерно равную той, которая составляла долю брата в их общем наследстве. Однако позднее граф Джемини унаследовал какой-то капитал, и теперь денег семье

хватало (по итальянским понятиям), несмотря на то, что Эми любила сорить деньгами. Граф оказался пошляком и грубияном — его поведение полностью оправдывало ее. Детей у них не было. Трое рожденных ею младенцев умерли, не прожив и года. Ее мать, кичившаяся тем, что она весьма образованная дама, сочиняла романтические вирши и писала заметки о жизни в Италии, отправляя их в английские еженедельники. Она умерла через три года после того, как дочь вышла замуж, а когда уж умер отец, никто и не помнил. По мнению мадам Мерль, по Озмонду было очень заметно, что его воспитала женщина; но, хотя ее и называли американской Коринной[56] (а это очень нравилось миссис Озмонд), ради справедливости нужно отметить, что это была женщина куда более здравомыслящая. Она привезла детей в Италию после смерти мужа, и миссис Тачетт помнила ее такой, какой она была в первые годы после приезда, и осуждала за то, что она слишком стремилась пролезть в здешнее высшее общество (впрочем, миссис Тачетт не замечала, что тут

[56] Примечания: 56

Коринна — героиня романа «Коринна, или Италия» (1807) мадам де Сталь, в котором провозглашалось право женщины на свободный выбор и содержание которого было направлено против общественных предрассудков и ханжества общепринятой морали.

она противоречит самой себе, поскольку сама всегда одобряла браки по расчету). Графиня была неплохой собеседницей и вовсе не так глупа, как казалось, — просто при общении с ней было необходимо не верить ни одному ее слову. Мадам Мерль всегда мирилась с ней ради ее брата; мистер Озмонд всегда ценил любое проявление внимания к Эми, поскольку (да будет дозволено нам признаться в этом за него) немного стеснялся ее. Естественно, ему не могли нравиться ее манеры, громкий голос и наплевательская манера поведения. Она раздражала его, действовала ему на нервы, в общем, если бы она не была его сестрой, можно было бы сказать, что это была «женщина не его романа». А какой должна быть его женщина? О, прямая противоположность графине — женщина, всегда говорящая правду…

Изабелла, разумеется, не могла отличить, что в словах графини правда, а что ложь; так она и объяснила мадам Мерль. Графиня произвела на девушку впечатление неуместно откровенной простушки. Она говорила практически только о себе — щебетала без умолку о том, как ей нравилась мисс Арчер, как она счастлива, что приобрела настоящую подругу; какие отвратительные люди жили во Флоренции; как она

устала от этого города и как ей хотелось бы жить где-нибудь в другом месте — в Париже, Лондоне или Санкт-Петербурге; как невозможно в Италии купить красивую одежду, разве что старинные кружева; как прекрасна оживающая весенняя природа; какую ужасную и одинокую жизнь она вела. Мадам Мерль с интересом выслушала мнение Изабеллы о заунывных жалобах сего порхающего мотылька, и вовсе не потому, что испытывала беспокойство из-за ее шутливых угроз. В общем-то мадам Мерль не слишком боялась графини и могла позволить себе держаться именно таким образом — а это и было лучшей линией поведения.

Тем временем Изабеллу навестила другая гостья, которой было трудно покровительствовать даже за ее спиной. Генриетта Стэкпол, покинувшая Париж сразу после отъезда миссис Тачетт в Сан-Ремо и проложившая, как она выразилась, себе путь через города Северной Италии, прибыла во Флоренцию в середине мая. Мадам Мерль взглянула на нее, сразу оценила и после недолгих размышлений решила смириться с ее появлением. Более того, она решила, что должна наслаждаться ее обществом. Относиться к Генриетте с симпатией было невозможно, но более

сильным чувством мадам Мерль управлять могла. Она справилась с этой задачей превосходно, и Изабелла подумала, что, предвидя подобную широту взгляда мадам Мерль, она верно судила об уме своей новой подруги. О предполагаемом приезде мисс Стэкпол объявил мистер Бентлинг, прибывший во Флоренцию из Ниццы, надеясь застать здесь Генриетту, в то время как она еще находилась в Венеции. Джентльмен направился в палаццо Кресчентини выразить свое разочарование. Появление Генриетты состоялось двумя днями позже, чему мистер Бентлинг сильно обрадовался, и немудрено: они ведь не виделись с тех пор, как вместе посетили Версаль. Все понимали комизм его положения, но только Ральф Тачетт, уединившись с гостем в собственных апартаментах, где Бентлинг искурил сигару, позволил себе удовольствие поиронизировать вслух над забавным союзом энергичной мисс Стэкпол и ее британского поклонника. Бентлинг реагировал на это весьма добродушно и откровенно признался, что он рассматривает их отношения как флирт с интеллектуальным уклоном. Ему очень нравилась мисс Стэкпол, он считал, что у нее на плечах замечательная голова, и ему было необыкновенно комфортно в обществе женщины, которая не

думала постоянно о том, что скажут люди и как это будет выглядеть в их глазах. Мисс Стэкпол ровным счетом не было никакого дела до того, как будет выглядеть ее поведение. А если ей не было до этого дела, то почему это должно было волновать мистера Бентлинга? Но его просто разбирало от любопытства. Ему очень хотелось знать, на каком же этапе она пойдет на попятный. Бентлинг был готов зайти так же далеко, как она, — не останавливаться же ему было первым?

Но Генриетта и не думала о том, чтобы остановиться. С тех пор как она покинула Англию, ее дела пошли на лад, и она принимала открывшиеся ей широкие возможности получения разного рода информации с наслаждением. Правда, ей пришлось распрощаться с надеждами проникнуть в частную жизнь жителей континентальной Европы — осветить социальные вопросы оказалось здесь едва ли не более трудным, чем в Англии. Но зато здесь существовала «внешняя» жизнь, хорошо видимая и ощутимая, более пригодная для использования в литературных целях, нежели обычаи этих замкнутых островитян. На континенте, как остроумно заметила мисс Стэкпол, занавески в окнах вешали к улице лицевой стороной, а в Англии — изнанкой, и с улицы было

невозможно судить о рисунке. Генриетте было бы неприятно признаться в этом — но, отчаявшись добраться до скрытого внутри, она переключила свое внимание на видимое снаружи. Она изучала его в течение двух месяцев в Венеции, откуда слала в «Интервьюер» расхожие очерки о гондолах, площади Святого Марка, мосте Вздохов, голубях и юном гондольере, нараспев читающем Тассо[57]. Возможно, редакция «Интервьюера» была несколько разочарована, но, по крайней мере, Генриетта посмотрела Европу. Теперь она намеревалась добраться до Рима, пока не начался малярийный сезон — мисс Стэкпол полагала, что он всегда начинался в определенный день, и поэтому остановилась во Флоренции всего на несколько дней. Мистер Бентлинг собирался сопровождать ее в Рим, и Генриетта заявила Изабелле, что, поскольку ее приятель уже бывал в этом городе раньше, был военным человеком, имел классическое образование — учился в Итоне, где, по ее мнению, не учили ничему, кроме латыни, — он являлся наиболее полезным спутником в городе цезарей. В этот момент Ральф высказал прекрасную мысль, что Изабелла, взяв

[57] Примечания: 57

Торквато Тассо (1544–1595) — итальянский поэт, автор лирических и эпических поэм.

его в провожатые, тоже могла бы совершить паломничество в Рим. Она собиралась провести там часть будущей зимы, но было бы полезно осмотреться уже сейчас. До конца прекрасного месяца мая — драгоценнейшего месяца для всех, влюбленных в Рим, — оставалось десять дней, а Изабелла, без сомнения, должна была стать таковой. И вот у нее неожиданно появилась проверенная спутница, чье общество, в силу того, что она имеет много собственных интересов, не грозило стать обременяющим. Мадам Мерль останется с миссис Тачетт — она уехала из Рима на все лето, заперев дом и отпустив кухарку домой, в Палестрину. И теперь дама наслаждалась во Флоренции покоем. Мадам Мерль настоятельно советовала Изабелле воспользоваться предложением Ральфа и убеждала ее в том, что от такого прекрасного случая познакомиться с Римом не следовало отказываться. Впрочем, девушку и не нужно было уговаривать — и компания из четырех человек отправилась в это небольшое путешествие. На этот раз миссис Тачетт примирилась с отсутствием дуэньи — вспомнив ее наставления Изабелле, мы поймем, что теперь тетушка считала возможным, чтобы ее племянница проявляла самостоятельность.

Среди прочих дел перед отъездом Изабелла свиделась с Джилбертом Озмондом и рассказала ему о своих планах.

— Мне хотелось бы поехать вместе с вами, — сказал он. — Как было бы чудесно… Смотреть на вас — на фоне вечного города…

— Так поезжайте тоже, — после секундного колебания произнесла Изабелла.

— Но с вами будет много людей.

— Да, — признала Изабелла, — разумеется, я еду не одна.

Он помолчал немного.

— Вы полюбите этот город, — произнес он наконец. — Его сильно испортили, но вы все равно полюбите его.

— Раз его испортили, может быть, он мне и не понравится, — поддразнила Изабелла.

— Не думаю. С ним так часто это происходило… Я бы с удовольствием поехал, но что делать с дочерью?

— Разве вы не можете оставить ее на вилле?

— Мне это не очень нравится… хотя там есть прекрасная старушка, которая могла бы присмотреть за ней. Гувернантку я не могу себе позволить.

— Тогда возьмите дочь с собой, — с улыбкой

предложила Изабелла.

Озмонд смотрел на нее серьезным взглядом.

— Она провела в Риме всю зиму в своем монастыре, да и мала она еще для увеселительных поездок.

— Вы не хотите развивать ее? — спросила Изабелла.

— Просто я думаю, молоденьких девочек надо держать подальше от грешного мира.

— Меня воспитывали по-другому.

— Вы? С вами все было хорошо, поскольку вы исключительная.

— Я? Да почему же? — запротестовала Изабелла, хотя в глубине души не была уверена, что он так уж не прав.

Мистер Озмонд не стал ничего объяснять, а просто продолжил:

— Если бы я знал, что поездка в Рим поможет дочери стать похожей на вас, я завтра же повез бы ее туда.

— Не делайте ее похожей на меня, — возразила Изабелла. — Пусть она будет такой, какая она есть.

— Я мог бы отправить ее к сестре, — предположил мистер Озмонд. Казалось, он просил совета — как будто ему доставляло удовольствие гово-

рить о своих личных делах с Изабеллой.

— Да, — согласилась девушка, — и это уж точно не поможет ей стать похожей на меня!

После отъезда Изабеллы из Флоренции мистер Озмонд встретился с мадам Мерль у графини Джемини. Они были не одни; в гостиной графини, как обычно, было оживленно и шел общий разговор; но через некоторое время мистер Озмонд встал со своего места и переместился на диван, который стоял рядом и чуть позади кресла мадам Мерль.

— Она хочет, чтобы я поехал с ней в Рим, — негромко проговорил он.

— Поехать с ней?

— И пробыть там все время, которое она будет. Она мне это предложила.

— Полагаю, что это вы предложили, а она согласилась.

— Конечно, я навел ее на эту мысль, но она ухватилась за нее… очень рьяно.

— Рада это слышать, но еще слишком рано издавать победный клич. А вот в Рим надо ехать непременно.

— Ох, — вздохнул Озмонд, — сколько ж хлопот доставляет мне ваша идея!

— Не притворяйтесь, будто она вам не нравится, неблагодарный. Я не помню, когда вас

что-нибудь так занимало.

— Вот как вы себе все это представляете. Так я должен благодарить вас?

— Не усердствуйте слишком, — ответила мадам Мерль. Улыбаясь, она откинулась на спинку кресла и обвела взглядом комнату. — Вы произвели очень хорошее впечатление, и мне кажется, что ваше — не менее приятно. Не ради меня же вы приезжали к миссис Тачетт семь раз.

— Девушка неплоха, — спокойно заметил Озмонд.

Мадам Мерль взглянула на него, поджав губы.

— И это все, что вы можете сказать об этом очаровательном существе?

— Все? Разве этого мало? Часто вы слышали, чтобы я о ком-нибудь так отзывался?

Она ничего не ответила, по-прежнему улыбаясь так, что окружающие могли подумать, будто они ведут обычную светскую беседу.

— Вы непостижимый человек, — пробормотала наконец мадам Мерль. — Мне просто становится страшно при мысли о том, в какую пропасть я толкаю девушку!

Озмонд издал короткий смешок.

— Вы не можете отступить — слишком уж далеко зашли.

— Что ж, но остальное вы должны сделать сами.

— Я сделаю это, — сказал Озмонд.

Мадам Мерль ничего не сказала, и он покинул место подле нее. Но, когда она поднялась, чтобы уйти, он тоже стал прощаться. Экипаж миссис Тачетт ждал мадам Мерль во дворе; Озмонд помог ей сесть в него и на минуту задержался.

— Вы неблагоразумны, — устало произнесла мадам Мерль. — Вам не стоило уходить вместе со мной.

Джентльмен снял шляпу и провел рукой по лбу.

— Всегда забываю. Дурная привычка.

— Вы непостижимый человек, — повторила дама, бросив взгляд на окна дома — современного здания в новой части города.

Озмонд не обратил внимания на это замечание и с пылкостью сказал:

— Она действительно очаровательна. Едва ли мне приходилось встречать такую изящную женщину.

— Рада слышать. Чем больше она вам нравится, тем лучше для меня.

— Она мне очень нравится. Девушка точно такая, как вы ее описывали, и к тому же, кажется,

способна на настоящую преданность. У нее лишь один недостаток.

— Что же?

— Слишком много идей.

— Я предупреждала вас, что она умна.

— Но, к счастью, все они никуда не годятся, — продолжал Озмонд.

— Почему к счастью?

— Потому, миледи, что ими придется пожертвовать!

Мадам Мерль откинулась на спинку сиденья и, глядя прямо перед собой, скомандовала кучеру трогать, но Озмонд снова задержал ее.

— Если я поеду в Рим, что мне делать с Пэнси?

— Я буду наведываться к ней, — ответила мадам Мерль.

Глава 27

Мне кажется, нет никакой необходимости в подробном отчете о впечатлениях Изабеллы от Рима — надо ли анализировать ее переживания в тот момент, когда девушка шла по древней мостовой Форума или ступила на порог собора Святого Павла? Достаточно сказать, что Вечный город вызвал в ней именно те чувства, какие и можно было ожидать от столь впечатлительной и непосредственной натуры. Она всегда любила историю — а здесь история жила в камнях мостовой и лучах солнечного света. Ее воображение всегда воспламенялось при упоминании о каком-нибудь великом событии, а здесь куда ни поверни — везде когда-то вершились великие дела. Волнение просто переполняло Изабеллу, хотя она старалась не показывать этого. Спутники Изабеллы замечали, что девушка говорила меньше обычного, и Ральф Тачетт, делая вид, будто рассеянно и бесцельно посматривает по сторонам, на самом деле внимательно наблюдал за ней. Изабелла чувствовала себя бесконечно счастливой и искренне верила, что эти часы бы-

ли самыми радостными в ее жизни. Ощущение могучего прошлого человечества простирало над ней свои мрачные крылья, но оно как-то причудливо и неожиданно мешалось со свежим, прохладным дыханием настоящего. Чувства Изабеллы находились в таком смятении, что она не знала, куда они ее в конечном итоге приведут, — и она постоянно находилась в безмолвном экстазе созерцания, часто видя в окружающих предметах больше, чем заключалось в них на самом деле, и не замечая достопримечательностей, отмеченных в Murray[58]. Время пребывания было выбрано ими безукоризненно — Рим сейчас, как отметил Ральф, был просто великолепен. Толпы шумных туристов исчезли, и величавые памятники старины вновь обрели свое величие. Небо блестело голубизной. Фонтанные струйки в поросших мхом каменных нишах утратили прохладу, зато зазвучали громче и мелодичнее. На залитых и прогретых солнцем перекрестках пестрели клумбы с цветами.

В один прекрасный день — третий их пребывания в Риме — наши друзья отправились посмотреть в Форуме последние раскопки, ко-

---

[58] Примечания: 58
Издательская фирма, выпускавшая путеводители.

торые уже давно велись там, занимая немалую территорию. Спустившись по современной улице к Священной дороге, они пошли вперед, с разной долей благоговения взирая на все вокруг. Генриетту Стэкпол поразило то, что улицы Древнего Рима были вымощены совсем как в Нью-Йорке, и она даже нашла сходство между следами от колесниц на античных улицах и железными рельсовыми колеями американской конки. Солнце начало садиться. Воздух наполнился золотым сиянием, и на развалины легли длинные тени от полуразрушенных колонн и изъеденных временем пьедесталов. Генриетта удалилась вместе с мистером Бентлингом, познаниями которого в древней истории она так интересовалась, а Ральф обратился со специально подготовленными для нашей внимательной слушательницы подробными объяснениями. Один из перепачканных археологов, слонявшихся по развалинам, предложил им свои услуги и отбарабанил положенный урок с беглостью, которую не нарушило даже то, что туристический сезон подходил к концу[59]. Он привлек внимание нашей пары к раскопкам,

[59] Примечания: 59

В описываемое время (XIX век) границы туристических сезонов были другими — например, отдыхать на море летом в обществе было не принято (не купались, от солнца прятались под зонтиками).

продолжавшимся в дальнем углу Форума, и заметил, что если синьор и синьорина подойдут туда, они смогут увидеть что-нибудь интересное. Изабелла, которая устала от долгой прогулки и которой предложение пришлось не слишком по душе, позволила спутнику удовлетворить свое любопытство, согласившись подождать его. И это место, и время дня отвечали ее настроению, и она с удовольствием отпустила Ральфа, который охотно удалился вместе с экскурсоводом. Изабелла села на повалившуюся колонну рядом с основанием Капитолия. Ей хотелось хотя бы четверть часа побыть одной, но наслаждаться одиночеством ей долго не пришлось.

При всем интересе Изабеллы к старинным реликвиям римского прошлого, которые были буквально разбросаны вокруг и в которых века не уничтожили жизнь, мысли девушки, поблуждав некоторое время над ними, перенеслись в силу сцеплений и связей, которые довольно сложно проследить, к более современным предметам. От канувшего в прошлое Рима до будущего Изабеллы Арчер было огромное расстояние, но воображение девушки легко преодолело его и теперь парило над более близкой ей и более живописной местностью. Изабелла была так погружена в свои

размышления, уткнувшись взглядом в изрядно потрескавшиеся, но крепко-накрепко вбитые в землю плиты под ногами, что не услышала звуков шагов, пока на нее не легла чья-то тень. Подняв глаза, она увидела джентльмена — но это был не Ральф, вернувшийся, чтобы объявить о том, что раскопки — ужасная скука. Джентльмен, представший перед ней, был не меньше поражен, чем Изабелла: он заметно покраснел и стоял, сняв шляпу и растерянно улыбаясь.

— Лорд Уорбартон! — воскликнула девушка, поднимаясь.

— Никак не ожидал встретить вас здесь, — сказал он. — Повернул за угол, и вдруг — вы!

— Вообще-то я не одна, — оглядываясь, произнесла Изабелла. — Мои спутники просто на время оставили меня. Кузен только что отправился посмотреть на раскопки вон в том конце.

— Вот как, — лорд Уорбартон мельком взглянул в том направлении, куда указала Изабелла. Он уже вполне овладел собой; улыбка исчезла с его губ. — Что ж, не буду мешать вам. Боюсь, вы устали.

— Да, немного. — Изабелла немного поколебалась и снова села. — Да и вашим планам, наверное, помешала встреча со мной.

— Да что вы, я совершенно один, и нет никаких дел. Я и понятия не имел, что вы в Риме. Я здесь проездом — только что с Востока.

— Да, вы же давно уже путешествуете, — заметила Изабелла, которая знала об отъезде лорда Уорбартона из Англии от Ральфа.

— Уже полгода. Я уехал вскоре после нашей последней встречи. Был в Турции и Малой Азии и только что приехал сюда из Афин.

Все-таки он говорил с заметным смущением — неожиданная встреча вызвала в нем волнение, скрыть которое ему не удавалось. Лорд несколько секунд смотрел на Изабеллу, затем выпалил:

— Хотите, чтобы я ушел, или позволите мне ненадолго остаться?

Девушка взглянула на него и мягко проговорила:

— Я не хочу, чтобы вы уходили, лорд Уорбартон. Я очень рада вас видеть.

— Благодарю вас. Могу я присесть?

На рифленой колонне, где устроилась Изабелла, достало бы места для нескольких человек — и для досточтимого англичанина места, разумеется, хватило. Этот великолепный представитель высшего света сел рядом с нашей героиней и в течение пяти минут задал ей наугад несколько

вопросов, на которые, судя по тому, что некоторые из них он задал дважды, ему совсем не требовалось ответа. Лорд также рассказал немного о себе, и эта информация отнюдь не прошла мимо внимания ясного женского ума Изабеллы. Хотя лорд изо всех сил старался казаться спокойным, это ему не вполне удавалось. Он несколько раз повторил, что не ожидал встретить Изабеллу, и было очевидно, что случайная встреча очень его тронула — в его словах чередовались радость и торжественность; он то искал взгляда Изабеллы, то избегал его. Он сильно загорел — даже борода выглядела обожженной жарким солнцем Азии. Он был одет в просторную, разномастную одежду, в которой путешествующие англичане, ни в каких обстоятельствах не согласные поступиться своим национальным своеобразием, чувствуют себя особенно комфортно. Его ясные серые глаза, отливающая бронзой загорелая кожа, мужественная осанка, сдержанные манеры — весь этот образ джентльмена, исследователя заморских стран говорил, что его обладатель — достойный представитель британской расы; и ни у кого ни в одной стране мира это не вызвало бы сомнений. Это не ускользнуло от Изабеллы, и она подумала не без удовольствия, что не зря

лорд всегда ей нравился. Он был столь же хорош, как и прежде; в самом тоне его голоса сквозило что-то свидетельствующее о том, что его жизнь никогда не изменится к худшему, ощущалась какая-то уверенность, присущая исключительно людям состоятельным и занимающим высокое положение в обществе. Уорбартон и Изабелла говорили о вполне естественных в данной ситуации вещах — о смерти ее дяди, здоровье Ральфа, о том, как девушка провела зиму, о ее поездке в Рим, возвращении во Флоренцию, о планах на лето, об отеле, в котором она остановилась, затем о приключениях самого лорда Уорбартона, его передвижениях, намерениях, впечатлениях и нынешнем месте проживания. Наконец, повисла пауза — и Изабелла чувствовала, о чем задумался Уорбартон. Его глаза были устремлены под ноги — но через некоторое время он поднял их и, решившись, произнес:

— Я несколько раз писал вам.

— Писали мне? Я не получала ваших писем.

— Я не отослал ни одного. Все сжег.

— О, — рассмеялась Изабелла, — вы решили избавить меня от труда прочесть их?

— Мне казалось, что они будут вам безразличны, — продолжал лорд с простотой, которая не

могла не тронуть девушку. — Мне казалось, что у меня нет права беспокоить вас письмами.

— Я была бы очень рада услышать последние новости о вас. Вы же знаете, как я бы хотела, чтобы… — Изабелла замолчала: облаченная в слова, мысль прозвучала бы весьма тривиально.

— Я знаю, что вы хотите сказать: как вы хотели бы, чтобы мы с вами остались добрыми друзьями, — высказал ее Уорбартон. И в его устах она прозвучала как-то особенно плоско.

Изабелла не нашла ничего лучшего, чем сказать:

— Пожалуйста, не нужно об этом… — Но эта фраза показалась ей еще банальнее предыдущей.

— Согласитесь — это столь малое утешение! — пылко воскликнул лорд Уорбартон.

— Я и не собиралась утешать вас, — сказала девушка и вдруг поняла, что ей приятно вспомнить свой ответ шестимесячной давности, который так задел лорда. Да, он был милым, могущественным, галантным, лучше его не было мужчины на свете. Но ее ответ оставался прежним.

— Очень хорошо, что вы не пытаетесь утешить меня. Это вам все равно не удалось бы, — донеслись до Изабеллы слова собеседника сквозь

пелену ее мыслей.

— Я питала надежду, что мы встретимся снова, поскольку не боялась, что вы попытаетесь вызвать во мне чувство вины — будто я обошлась с вами несправедливо. Но раз вы взяли этот тон — мне не столько приятно, сколько больно видеть вас. — И Изабелла гордо встала, оглядываясь по сторонам в поисках своих спутников.

— Я и не думал обвинять вас — да вас и не в чем обвинять. Мне просто хочется, чтобы вы знали… я должен вам сказать два слова, хотя бы из чувства справедливости к самому себе. Я больше не вернусь к этой теме, обещаю. Я по-прежнему чувствую то, о чем сказал вам полгода назад, — и не могу думать ни о чем другом. Я пытался забыть вас — всеми силами. Пытался заинтересоваться какой-нибудь другой женщиной. Я говорю вам об этом, потому что хочу, чтобы вы знали — я пытался делать то, что должно, но безуспешно. Я и за границу-то уехал как можно дальше именно из-за этого — говорят, путешествия позволяют отвлечься. Но у меня ничего не получилось. Я постоянно думаю о вас с момента нашей последней встречи. Я остался прежним. Я все так же люблю вас, и все, что я сказал вам тогда, остается в силе и сегодня. Я больше не буду докучать вам. Добавлю

только одно: в то мгновение, как я увидел вас, я как раз думал о том, как бы мне хотелось узнать, где вы.

Лорду Уорбартону, наконец, удалось взять себя в руки — к концу своей речи он окончательно успокоился. Он говорил спокойно и просто, обычным голосом. Откровенные и разумные слова этого превосходного человека, обладавшего к тому же изрядной внешней привлекательностью, могли произвести впечатление даже на женщину с менее богатым воображением, чем у нашей героини.

— Я тоже часто думала о вас, лорд Уорбартон. И будьте уверены — я всегда буду вас вспоминать, — сказала она и добавила с улыбкой: — Ведь от этого нет никакого вреда ни для вас, ни для меня…

Они прошлись немного вместе; Изабелла спросила лорда о сестрах и передала им привет. Уорбартон больше не говорил о своих чувствах и вернулся к менее скользким темам, которых они с Изабеллой уже касались. Среди прочего он поинтересовался, когда она намеревалась покинуть Рим, и, получив ответ, выразил радость, что до этого дня еще далеко.

— Но ведь вы говорили, что здесь проездом? — с

легким удивлением спросила Изабелла.

— Но я же не собираюсь миновать Рим, словно это узловая станция. Быть проездом в этом городе означает остановиться в нем на неделю или две.

— Признайтесь уж честно, что вы намерены остаться в Риме, пока я здесь!

Лорд Уорбартон несколько мгновений смотрел на нее с неловкой улыбкой.

— Вам это не понравится. Вам не понравится, что придется видеть меня слишком часто.

— Не важно, что мне понравится. Конечно, я не думаю, что вы уедете из этого потрясающего города из-за меня. Но, признаюсь, я опасаюсь вас.

— Опасаетесь, что я вновь примусь за старое? Обещаю быть очень осторожным.

Постепенно замедляя шаги, они остановились, глядя друг другу в глаза.

— Бедный лорд Уорбартон! — произнесла Изабелла с грустной улыбкой.

— Действительно, бедный лорд Уорбартон! Но я в самом деле буду очень осторожен — обещаю.

— Если вам угодно страдать — страдайте, но вы не смеете заставлять страдать меня. Я не позволю.

— Если бы я думал, что смогу сделать это, полагаю, я рискнул бы попробовать, — пошутил

Уорбартон.

Изабелла шагнула вперед; лорд последовал за ней.

— Не сердитесь. Обещаю — больше ни слова, которое может вас расстроить, — очень мягко сказал он.

— Отлично. Но если вы нарушите слово — нашей дружбе придет конец.

— Возможно, в один прекрасный день… когда-нибудь… вы позволите мне, — предположил лорд.

— Позволю вам… заставить меня страдать?

Он поколебался.

— Сказать вам снова… — Но лорд Уорбартон тут же оборвал себя. — Нет, я буду молчать. Всю жизнь.

Осматривая раскопки, Ральф вновь соединился с мисс Стэкпол и ее спутником. Все трое, вынырнув из-за груды вывороченной земли и камней, появились перед Изабеллой и Уорбартоном. Ральф Тачетт помахал Уорбартону в знак приветствия, а Генриетта взвизгнула:

— Боже милосердный, это же лорд!

Ральф и его друг сдержанно, истинно по-английски, приветствовали друг друга, а мисс Стэкпол своими умными глазами прямо-таки

сверлила загорелого путешественника.

— Думаю, вы меня не помните, сэр, — заметила она.

— Напротив, хорошо помню, — ответил лорд Уорбартон. — Я приглашал вас к себе, но вы так и не посетили меня.

— Я езжу не всюду, куда меня приглашают, — холодно заметила мисс Стэкпол.

— Ну, тогда не смею настаивать, — с улыбкой произнес хозяин Локли.

— Но если вы пригласите меня, я обязательно приеду, — продолжила она. — Можете быть уверены!

Лорд, все еще находясь в своем добродушно-шутливом настроении, возражать не стал. Мистер Бентлинг, который стоял рядом, не предпринимая никаких попыток заявить о своем присутствии, теперь, наконец, счел момент удобным и кивнул его светлости.

— О, и вы здесь? — дружески приветствовал его лорд Уорбартон и протянул ему руку.

— А я и не знала, что вы знакомы! — заметила Генриетта.

— А вы полагаете, что знаете всех моих знакомых? — шутливо осведомился мистер Бентлинг.

— Я думала, англичанин не забудет рассказать

о том, что знаком с настоящим лордом.

— Стало быть, боюсь, Бентлинг стыдится знакомства со мной, — рассмеялся лорд Уорбартон.

Изабелла была рада перемене его настроения к лучшему и с облегчением вздохнула, когда вся компания отправилась обратно в отель.

На следующий день было воскресенье. Изабелла провела утро за письменным столом, написав два письма — одно сестре Лили, другое мадам Мерль, но ни в том, ни в другом не упомянула о появлении своего отвергнутого поклонника. В воскресный день все благочестивые римляне (а самыми истыми римлянами чаще всего являются северные варвары) согласно традиции ходят слушать проповеди в соборе Святого Петра. Наши друзья тоже договорились посетить этот прославленный храм. После ланча, за час до приезда экипажа, в «Отеле де Пари» появился лорд Уорбартон. Он нанес визит двум леди; Ральф Тачетт и мистер Бентлинг вышли вместе прогуляться. Казалось, гость решил дать понять Изабелле, что не собирается нарушать слово, данное накануне. Лорд держался открыто и просто, не сделал ни одного, даже молчаливого намека, предоставив девушке самой судить, годится ли он в хорошие друзья. Он рассказывал о своих странствиях, о

Персии, о Турции, а когда мисс Стэкпол поинтересовалась, стоит ли ей посетить эти страны, заверил, что там много возможностей для борьбы за женскую эмансипацию. Изабелла не могла не отдать ему должное, но задумалась над тем, какую цель он преследовал и чего ожидал добиться таким геройским поведением. Если лорд надеялся растопить ее холодность, демонстрируя, какой он славный малый, то ему следовало бы избавить себя от подобных хлопот. Девушка и так знала, что достоинства его непревзойденны, и трудно было бы еще к ним что-то добавить. Более того, его пребывание в Риме только все осложняло. Тем не менее, когда Уорбартон заявил о своем намерении также пойти в собор Святого Петра и встретиться там с Изабеллой и ее спутниками, правила вежливости вынудили ее ответить, что она будет рада видеть его там.

Когда Изабелла ступила на мозаичный пол храма, первым, кого она увидела, был лорд. Нашей героине несвойственно было высокомерие некоторых туристов, которых собор Святого Петра «разочаровывал», казался меньше, чем его слава. В первый же раз, когда Изабелла прошла под огромной натянутой и с шумом колышущейся кожаной завесой при входе, в первый же раз,

когда оказалась под высоким сводом купола в лучах струящегося сверху рассеянного света, взрезающего плотный от испарений ладана воздух и рассыпающего блики на мраморе, позолоте, мозаике и бронзе, ее представление о том, что такое величие, поднялось на недосягаемую высоту. И, поднявшись, уже осталось там навсегда. Изабелла смотрела во все глаза и дивилась, словно ребенок или простая крестьянка, отдавая молчаливую дань потрясающему великолепию; лорд Уорбартон шел рядом с ней и рассказывал о константинопольском соборе Святой Софии. Изабелла боялась, как бы все не закончилось тем, что ее образцовый экскурсовод в конце лекции попросит похвалить его за примерное поведение. Служба еще не началась, но в соборе Святого Петра было на что посмотреть, и поскольку есть нечто почти богохульное в огромных размерах этого здания, которое, казалось, имело поэтому столь же большое значение для светского человека, как и для погруженного в религию, — находившиеся в храме богомольцы, и в одиночку, и группами, так же как и праздные зеваки, могли заниматься каждый своим делом, не раздражая и не задевая друг друга. Все проявления людской суетности тонут в этой величественной безмерно-

сти и остаются незаметными. Впрочем, Изабелла и ее спутники ничем подобным и не согрешили, хотя Генриетта и не преминула заявить, что купол Микеланджело проигрывает вашингтонскому Капитолию, — но она сказала это только мистеру Бентлингу на ухо, воздержавшись от громких замечаний и решив приберечь их для страниц «Интервьюера». Изабелла обошла храм вместе с лордом Уорбартоном, и, когда они приблизились к хорам слева от входа, голоса папских певчих взлетели прямо над ними, выплескиваясь наружу, над теснившейся за дверьми толпой горожан и любопытных туристов. Ральф, Генриетта и мистер Бентлинг, очевидно, тоже слушали молитвенное пение, находясь внутри собора, в центре плотной группы людей, — над их головами дневной свет, посеребренный клубами ладана, казалось, смешивался с прекрасным пением, лившимся из лепных ниш. Через некоторое время пение стихло. Лорд Уорбартон повернулся, намереваясь двинуться дальше; то же самое хотела сделать и Изабелла, но вдруг оказалась лицом к лицу с неизвестно откуда взявшимся Джилбертом Озмондом, который, очевидно, уже некоторое время стоял неподалеку от нее. Теперь он приблизился и, несколько официально, при-

ветствовал девушку.

— Так вы решили приехать? — спросила она, протягивая ему руку.

— Да, вчера вечером. Днем я заходил к вам в отель, но там мне сказали, что вы отправились сюда. Я искал вас.

— Остальные там, внутри, — сказала Изабелла.

— Я пришел не ради них, — с улыбкой пробормотал Джилберт Озмонд.

Изабелла опустила глаза; лорд Уорбартон пристально смотрел на нее и вновь прибывшего. Возможно, лорд слышал его последнюю фразу. Изабелла вдруг вспомнила, что нечто подобное Уорбартон сам сказал в то утро, когда приезжал в Гарденкорт делать ей предложение. Фраза Озмонда заставила Изабеллу покраснеть, и воспоминание об этом отнюдь не прогнало румянец с ее щек. Она нашла свое спасение в том, чтобы представить джентльменов друг другу. И, к счастью, в этот момент появился мистер Бентлинг, с истинно британским, невозмутимым бесстрашием раздвигающий толпу, освобождая путь мисс Стэкпол и Ральфу Тачетту, которые следовали за ним. Я говорю «к счастью», но это, вероятно, только поверхностный взгляд на события, поскольку, увидев гостя из Флоренции, Ральф выразил удив-

ление с едва заметным оттенком неудовольствия, которое вряд ли польстило мистеру Озмонду. Нужно добавить, однако, что оно, видимо, было мимолетным — молодой человек всего лишь мягко заметил, что скоро здесь, наверное, соберутся все друзья его кузины. Он любезно поздоровался с мистером Озмондом. Мужчины взглянули друг на друга и обменялись рукопожатиями. Мисс Стэкпол уже встречалась с мистером Озмондом во Флоренции и имела случай сообщить Изабелле, что он понравился ей не больше, чем другие ее поклонники — мистер Тачетт, лорд Уорбартон и это ничтожество мистер Розье в Париже. («Не знаю, что в тебе такое, — с удовольствием говорила она, — но почему-то, несмотря на свою привлекательность, ты притягиваешь к себе слишком много неприятных людей. Единственный из твоих поклонников, кто достоин уважения, — это мистер Гудвуд, и именно он не нравится тебе».)

— Каковы ваши впечатления от собора Святого Петра? — поинтересовался мистер Озмонд у Изабеллы.

— Он великолепен. И такой огромный!

— Чересчур огромен. Чувствуешь себя в нем ничтожной пылинкой.

— А разве не так мы должны чувствовать себя в

церкви? — спросила Изабелла. На губах ее играла слабая, но поощряющая улыбка.

— Полагаю, так должен чувствовать себя везде, не только в церкви, тот, кто является ничтожеством на самом деле. Что касается меня, мне бы не понравилось чувствовать себя ничтожеством нигде — ни даже в церкви.

— Вам и в самом деле следовало бы стать папой римским! — воскликнула Изабелла, вспомнив то, что он говорил ей во Флоренции.

— Это было бы весьма неплохо! — согласился Джилберт Озмонд.

Тем временем лорд Уорбартон присоединился к Ральфу Тачетту, и они отошли в сторону.

— Что это за джентльмен, беседующий с мисс Арчер? — осведомился лорд.

— Некто Джилберт Озмонд. Живет во Флоренции, — ответил Ральф.

— А кроме этого?

— Ничего. Ах да, он американец, это как-то обычно забывается. Совершенно не похож.

— И давно он знаком с мисс Арчер?

— Нет, около двух недель.

— Он ей нравится?

— Думаю, да.

— Достойный человек?

Ральф мгновение колебался и, наконец, ответил:

— Нет.

— Тогда почему же он ей нравится? — произнес лорд Уорбартон с великолепной наивностью человека истинно благородного.

— Потому что она женщина.

Лорд Уорбартон некоторое время молчал.

— Есть много по-настоящему достойных людей, — проговорил он, — и они… они…

— И они ей тоже нравятся! — с улыбкой перебил его Ральф.

— О, если ты имеешь в виду, что он ей нравится в этом смысле! — И лорд Уорбартон повернулся. Он увидел, что толпа уже разбрелась. Изабелла продолжала разговаривать с джентльменом из Флоренции, и так, беседуя, пара и покинула собор. Английскому поклоннику Изабеллы пришлось утешиться неземными звуками, которые все еще лились с хоров.

Глава 28

На следующий вечер лорд Уорбартон снова пришел повидать друзей в их отель и обнаружил, что они поехали в оперу. Он поспешил за ними следом, решив, что вполне может нанести им визит в ложе — непринужденность итальянских нравов вполне это допускала. Войдя в театр, — отнюдь не самого высокого класса, — он оглядел большой, опустевший, плохо освещенный зал. Первый акт только что закончился, и ничто не мешало ему делать это. Обозрев два-три яруса лож, в одной из самых больших он наконец увидел ту даму, которую искал. Мисс Арчер сидела, наполовину скрытая портьерой, лицом к сцене, а рядом с ней, откинувшись на спинку кресла, расположился Джилберт Озмонд. Было такое впечатление, что они одни — видимо, их спутники решили воспользоваться антрактом и окунуться в прохладу фойе. Лорд некоторое время стоял, глядя на занимавшую его пару, и спрашивал себя, стоило ли войти и прервать столь милую беседу. Наконец стало очевидно, что Изабелла заметила его, и это решило дело. Поднимаясь по лестнице,

он столкнулся с Ральфом Тачеттом — цилиндр его уныло смотрел вниз, руки, как обычно, прятались в карманах.

— Я увидел вас и решил спуститься вам навстречу. Мне одиноко и нужна компания, — пожаловался Ральф.

— По-моему, вы только что покинули прекрасную компанию.

— Вы имеете в виду мою кузину? О, у нее гость, и я ей не нужен. Мисс Стэкпол и Бентлинг отправились в кафе есть мороженое. Мисс Стэкпол без ума от мороженого. Я уверен, что и им я не нужен. Опера отвратительная: актрисы похожи на прачек и поют павлиньими голосами. Просто тоска.

— Тогда вам лучше поехать домой, — спокойно посоветовал лорд Уорбартон.

— И оставить мою прелестную кузину в таком ужасном месте? О нет, я должен за ней присматривать.

— Но, похоже, у нее нет недостатка в друзьях.

— Ну да, поэтому-то ей и необходим присмотр, — все так же тихо и печально ответил Ральф.

— Так если вы ей не нужны, я-то и подавно.

— Нет, вы — другое дело. Идите в ложу и оставайтесь там, пока я пройдусь.

Лорд Уорбартон направился в ложу, где был с радушием принят Изабеллой. Он обменялся приветствиями с мистером Озмондом, который был представлен ему накануне. После появления лорда Озмонд сидел очень тихо, лишь изредка вмешиваясь в их неторопливую беседу с Изабеллой. Девушка была сейчас очень хороша и выглядела слегка возбужденной — впрочем, возможно, он ошибался, и Изабелла с ее живостью глаз и стремительностью движений всегда была такой. Ее речь выдавала легкое волнение — оно выражалось в подчеркнутой любезности, однако любезность эта была искусной, продуманной и ясно показывала, что ум и находчивость девушке отнюдь не изменяют. Бедный лорд Уорбартон временами чувствовал себя сбитым с толку. Она решительно — настолько решительно, насколько это может сделать женщина, — отвергла его; зачем же тогда она разговаривает с ним таким нежным голосом?

Антракт кончился, все возвратились, и опера продолжилась. Ложа была большой, и для лорда оставалось достаточно места — правда, ему пришлось устроиться чуть позади всех в темноте. Мистер Озмонд сидел впереди, опираясь локтями на колени и чуть наклонившись вперед, прямо

позади Изабеллы. Из своего погруженного во тьму угла лорд Уорбартон ничего не слышал и не видел, кроме четко очерченного в тусклом полумраке зрительного зала профиля молодой леди. В следующем антракте никто не тронулся с места. Мистер Озмонд разговаривал с Изабеллой, а лорд Уорбартон оставался в своем углу. Некоторое время он оставался в таком положении; затем поднялся и пожелал дамам приятного вечера. Изабелла не сказала ничего, чтобы задержать его, и он был снова озадачен. Зачем же у нее такой сладкий голосок… такой дружеский тон? Лорд разозлился на себя за свое недоумение, а потом разозлился уже на то, что разозлился. Музыка Верди не доставила ему в этот раз никакого удовольствия. Он покинул театр и под ночным звездным небом отправился к себе, не разбирая пути, по извилистым, впитавшим в себя столько трагедий улочкам Рима, свидетелям куда более страшных печалей, чем его.

— Что собой представляет этот человек? — поинтересовался мистер Озмонд, когда нежданный гость ушел.

— Безупречный джентльмен. Разве это нужно объяснять?

— Он владеет почти половиной Англии, вот

что он собой представляет, — пробурчала Генриетта. — И почему только Англию называют свободной страной?

— О, да он крупный землевладелец? Счастливец! — воскликнул Озмонд.

— Владеть людьми, по-вашему, счастье? — вскричала мисс Стэкпол. — Он владеет своими арендаторами, у него их тысячи. Приятно чем-то владеть, но, по мне, достаточно неодушевленных предметов. Я считаю, распоряжаться живыми людьми из плоти и крови, их умами и душами — отвратительно.

— Похоже, все же одна-две души в вашем владении есть, — шутливо отозвался мистер Бентлинг. — Вот интересно, Уорбартон отдает своим людям приказы так же, как и вы мне?

— Лорд Уорбартон большой радикал, — сказала Изабелла. — У него очень прогрессивные взгляды.

— У него очень прогрессивные вековые каменные стены. Его парк окружает длиннющая железная ограда, миль в тридцать, — проинформировала Генриетта мистера Озмонда. — Хорошо бы ему было побеседовать с парочкой наших

бостонских радикалов![60]

— Они не одобрили бы железных решеток? — поинтересовался мистер Бентлинг.

— Только если упрятать за них нечестивых ретроградов. Вот например, когда я разговариваю с вами, я всегда чувствую, что между нами глухая стена!

— А вы хорошо знаете этого нереформированного реформатора? — спросил мистер Озмонд Изабеллу.

— Достаточно.

— Он вам нравится?

— Очень.

— И он умен?

— Бесконечно. К тому же его прекрасная внешность абсолютно адекватно отражает его внутренний мир.

— Неужели он настолько хорош внутренне? Ибо внешне он удивительно хорош. Как несправедлива фортуна! Быть английским земельным магнатом, умным и красивым одновременно, да еще и пользоваться вашей благосклонностью! Вот человек, которому я могу позавидовать.

---

[60] Примечания: 60

Видимо, имеются в виду бостонские политики и общественные деятели, сыгравшие большую роль в борьбе за отмену рабства и освобождение негров.

Изабелла улыбнулась, но глаза ее остались серьезными.

— Мне кажется, вы постоянно кому-то завидуете. Вчера это был папа, сегодня — бедный лорд Уорбартон.

— Моя зависть не опасна — она никому не причиняет вреда. Она платоническая. Почему вы называете его бедным?

— Для женщин характерно сначала ранить мужчину, а потом пожалеть его. Таким образом они проявляют великодушие, — высказался Ральф; ирония в его голосе была столь тонка, что почти неощутима.

— А разве я ранила лорда Уорбартона? — спросила Изабелла, подняв брови, словно эта мысль никогда не приходила ей в голову.

— Если это даже и так, то поделом ему, — заметила Генриетта, и в это время занавес поднялся.

Изабелла не видела свою жертву в течение следующих двадцати четырех часов, но через день после посещения оперы встретила лорда в Капитолийском музее[61], где он стоял перед главным экспонатом коллекции — статуей умирающего гладиатора. Девушка пришла в музей со своей

[61] Примечания: 61

Музей античной скульптуры на Капитолии, одном из римских холмов.

компанией, в которой снова находился Джилберт Озмонд; поднявшись по лестнице, они вошли в первый, самый красивый, зал. Лорд Уорбартон спокойно заговорил с Изабеллой и сразу же сообщил, что уже покидает музей.

— И Рим тоже, — добавил он. — Я должен попрощаться с вами.

Не стану брать на себя ответственность объяснять почему, но Изабеллу огорчило это известие. Возможно, потому, что она перестала опасаться, что он возобновит свои объяснения; другое теперь занимало ее мысли. Она чуть было не сказала вслух, что ей жаль, что он уезжает, но она сдержала себя и просто пожелала ему счастливого пути.

Лорд поднял на нее немного сумрачный взгляд.

— Боюсь, вы сочтете меня непоследовательным, — произнес он. — Недавно я говорил вам, что очень хотел остаться здесь на некоторое время.

— Ну почему же — вы легко могли передумать.

— Именно это я и сделал.

— Тогда счастливого пути.

— Как вы спешите избавиться от меня, — грустно произнес его светлость.

— Ни в коем случае. Просто терпеть не могу прощаний.

— Что бы я ни делал, вам все безразлично, — усмехнувшись, заключил он.

Изабелла посмотрела на него.

— Так-то вы держите свое слово!

Лорд покраснел, словно пятнадцатилетний юноша.

— Если это так, то только потому, что я не могу ничего с собой поделать. Вот почему я уезжаю.

— Что ж, до свидания.

— До свидания. — Однако лорд медлил с уходом. — Когда же я смогу увидеть вас снова?

Изабелла задумалась; затем ее озарило, и она сказала:

— Когда вы женитесь.

— Этого никогда не случится. Может быть, когда вы вый дете замуж?

— Можно и так, — с улыбкой ответила Изабелла.

— Что ж, пусть так. До свидания.

Они пожали друг другу руки, и лорд оставил Изабеллу одну в великолепном зале, среди поблескивающих мраморных статуй. Усевшись в центре, девушка рассеянно оглядывала их, всматриваясь в прекрасные неподвижные лица,

словно пытаясь вслушаться в их вечное молчание. Невозможно, по крайней мере в Риме, долго смотреть на огромную коллекцию греческих скульптур, не проникнувшись при этом их благородным спокойствием, которое усмиряет дух, очищает воображение. Я говорю «особенно в Риме» потому, что воздух Рима есть неповторимая среда для подобного рода впечатлений; золотистый солнечный свет пронизывает статуи, великое спокойствие прошлого, все еще столь живого, хотя оно есть не что иное, как пустота, наполненная отзвуком имен, зачаровывает своей торжественной величавостью. Жалюзи на окнах были приоткрыты; теплые тени лежали на мраморных фигурах, которые от этого казались почти живыми. Изабелла долго сидела, зачарованная их застывшей грацией, и ей казалось — вот-вот дрогнут их веки и губы… Статуи четко выделялись на темно-красном фоне стен, гладкий мраморный пол отражал их красоту. Изабелла уже видела раньше мельком эти статуи, но сейчас по-настоящему наслаждалась ими — пусть на короткое время, но она была наедине с ними… Наконец внимание ее отвлеклось от статуй — вошел какой-то турист и, постояв у «Умирающего гладиатора», проскрипел, удаляясь, башмаками

по зеркально-гладкому полу. Спустя полчаса, очевидно опередив своих спутников, появился Джилберт Озмонд. Он медленно направился к Изабелле, заложив руки за спину, со своей привычной яркой, вопросительной (но не просящей) улыбкой.

— Как? Вы одна? — удивился он. — Мне казалось, у вас есть компания.

— Это правда. И великолепнейшая. — Изабелла обвела глазами скульптуры.

— Великолепнее, чем общество английского пэра?

— О, мой английский пэр покинул меня некоторое время назад, — ответила девушка намеренно суховатым тоном, вставая.

Озмонд заметил ее тон, но продолжал посмеиваться:

— Так значит, то, что я слышал, правда? Вы не слишком жалуете его светлость?

Изабелла несколько секунд смотрела на поверженного гладиатора.

— Неправда. Я испытываю к нему искреннее уважение.

— Именно это я и имею в виду! — воскликнул Джилберт Озмонд с таким веселым видом, что его слова требуют пояснения.

Мы уже знаем, что сей джентльмен обожал все оригинальное, редкое, все самое лучшее и изысканное. Теперь, когда он познакомился с лордом Уорбартоном — совершенным, по его мнению, представителем своего народа и ранга, — мысль заполучить в свою собственность юную леди, которая была способна отвергнуть столь благородную руку и потому вполне заслуживала занять место в коллекции раритетов Озмонда, обрела новую привлекательность. Джилберт Озмонд был высокого мнения о британской аристократии — он никогда не мог простить провидению того, что оно не сделало его английским герцогом, — и потому мог оценить необычность поступка Изабеллы. Женщина, на которой он соизволил бы жениться, и должна была бы совершить нечто в этом роде.

Глава 29

Как мы знаем, Ральф Тачетт, по причинам хорошо известным только ему самому, весьма нелестно отозвался о Джилберте Озмонде; но ни разу во время пребывания в Риме сей джентльмен не подтвердил своим поведением это мнение. Он постоянно проводил часть дня с Изабеллой и ее компанией, проявляя себя исключительно добродушным и приятным человеком. Невозможно было не почувствовать этого, и было совершенно непонятно, что же Ральф мог поставить ему в упрек. Ральфу пришлось признать, что в данный момент Озмонд являлся превосходным спутником. Его чувство юмора было безупречным, знания — универсальными, а манеры — самыми изысканными в мире. Он никого не утомлял — Джилберту Озмонду никак не подходило определение шумного человека, он ненавидел чрезмерные выражения чувств. Иногда даже Изабелла казалась ему чересчур пылкой и слишком резкой в суждениях. Это единственное, в чем он мог бы упрекнуть девушку, и в противном случае недостатков у нее не было бы вообще. Озмонд

не был поверхностным человеком, часто погружался в размышления — и в эти последние дни римского мая он испытывал огромное удовлетворение, блуждая под пиниями виллы Боргезе, любуясь бурным цветением клумб и замшелыми мраморными изваяниями. Ему все нравилось; еще никогда не было так, чтобы ему столь многое доставляло удовольствие одновременно. Обновлялись старые впечатления, забытые радости; однажды вечером, вернувшись в свой номер в гостинице, он написал маленький сонет под названием «Вновь в Риме». Дня два спустя он показал свои написанные по всем правилам, мастерски исполненные вирши Изабелле, пояснив, что в Италии принято в знаменательные минуты жизни отдавать дань музе.

Озмонда редко посещало чувство абсолютного блаженства; он любил оставаться один, слишком остро он ощущал присутствие чего-то чуждого. Но сейчас он был счастлив — счастливее, чем когда-либо в жизни, — и это чувство имело серьезное основание. Это было простое чувство успеха — самое приятное ощущение в человеческом сердце. Озмонд отнюдь не часто испытывал его и часто говорил себе: «О, нет, я не избалован. Определенно, я не избалован. Если мне удастся

достичь успеха прежде, чем я умру, это будет только заслуженно». Впрочем, нельзя было сказать, что успех был ему совершенно незнаком. После недолгих раздумий ему удалось убедить себя в этом. Но одни победы были теперь уже очень давние, другие слишком легковесны. Нынешняя далась ему с меньшими трудностями, чем он ожидал, но она досталась ему легко или, скорее, быстро потому, что на сей раз он сделал огромное усилие, более мощное, чем, как ему казалось, то, на которое он был способен. Жажда триумфа — в той или иной области — являлась мечтой его молодости, но с годами условия, на которых можно было достичь успеха, казались ему все более грубыми и омерзительными, и, таким образом, мысль приложить большее усилие полностью теряла свою привлекательность. Она, конечно, не умерла, а только «уснула», и возродилась после того, как он познакомился с Изабеллой Арчер. Любое предприятие, в котором шансы на провал были довольно значительными, никогда не привлекало Озмонда. Одна возможность поражения вызывала в нем тошноту — по его мнению, оно оставило бы несмываемое пятно на его жизни. Сейчас же он «всеми фибрами души» ощущал приближение успеха — и это чувство было на-

столько сильным, что в сложившейся ситуации, чтобы приблизить час победы, ему было даже приятно приложить усилие. Вспышка интереса к Изабелле Арчер полностью соответствовала всему вышесказанному, поскольку девушка понравилась ему с первого же взгляда. Он понял, что она испытывает симпатию по отношению к нему, и потому, в свою очередь, почувствовал симпатию к ней. Также мы знаем, что сей джентльмен старался избегать всего вульгарного или пошлого, и в этом смысле в связи с нашей молодой леди в нем не возникло никакого страха. Он не боялся, что Изабелла вызовет в нем отвращение или разозлит его; в нем даже не возникло ни малейшего опасения, что ее общество сможет надоесть ему. Пожалуй, она была излишне пылкой; но, по мере приобретения знаний, этот, с его точки зрения, недостаток должен был пройти сам собой. Изабелла могла оказать сопротивление, разозлиться, но, пожалуй, он мог это вынести — в целом это не казалось ему серьезным. Если женщина не обладает врожденным изяществом или обладает ординарным умом — это катастрофа. Если же она всего лишь отличается своенравием и несдержанностью — этот дефект вполне возможно подкорректировать; не для того ли он

держал глубоко внутри свою волю — блестящую и острую, словно меч в ножнах?

Хотя я старался говорить с большой осторожностью, у читателя может возникнуть подозрение, будто Джилберт Озмонд был не лишен эгоизма. Это довольно грубое обвинение для человека столь изысканных чувств; оно заставляет нас вспомнить известную пословицу о тех, кто живет в стеклянных домах[62]. Тот факт, что мистер Озмонд был эгоистичнее, чем большинство его знакомых, еще следует доказать. Чтобы не совершить ошибку, я ни в коем случае не намерен навлечь на себя такое серьезное обвинение, тем более что некоторые моменты в нашей истории будут еще свидетельствовать об обратном. Да, он предпочитал вести холостяцкую жизнь — но не требует доказательств то, что существуют и более яркие признаки эгоизма (по крайней мере, для джентльмена). Ненадолго погрузившись в познание радостей супружества, Джилберт Озмонд выбрался на берег одиночества и был вполне доволен этим. Его вполне устраивали и холостяцкая свобода, и холостяцкие развлечения — он достиг периода жизни, когда было вдвойне

---

[62] Примечания: 62

Кто живет в стеклянном доме, не должен швыряться камнями *(англ. посл.).*

трудно отказаться от этих свобод, но был готов на самопожертвование, что считается одним из благороднейших человеческих качеств. Казалось, что это могло отлично соответствовать самому благородному нашему качеству — качеству самопожертвования. Желание Озмонда жениться было глубоким и отчетливым. Разумеется, он никого не оповестил об этом; не рыскал вокруг, выспрашивая у знакомых, нет ли у них на примете милой девушки с небольшим состоянием. Деньги кое-что для него значили, но не в его правилах было гоняться за ними, и никто не знал — да никому особенно и не было до этого дела, — хотел мистер Озмонд жениться или нет. Знала об этом лишь мадам Мерль — в чем мы уже убедились. Нет, Озмонд не докладывал ей об этом — для него вообще было несвойственно делиться с ней своими помыслами. Просто существовали вещи, о которых мадам Мерль не нужно было говорить, — она чувствовала их интуитивно. Она давно познала истину, которая слишком бросалась в глаза, чтобы назвать ее едва различимой, — правда, эта истина не воспринималась незыблемой в случае Озмонда. Конечно, он был неудачником. Это была старая история; в глазах мадам Мерль он был неудачником всегда. Однако

степень пассивности могла быть различной — и не обязательно было поднимать планку слишком высоко. Для Джилберта Озмонда чувствовать — это и был успех, только это и являлось в данный жизненный период предметом его притязаний. Нельзя сказать, что подобное отличие было свойственно многим особям мужского пола. Джилберт Озмонд не был поверхностен — он обладал редкостной натурой, способной на глубину чувств и осознание этой глубины. Только один характер мог оценить его: чистая сердцем, чувствительная девушка, не обладавшая опытом, жадно впитывающая все, что он пожелал бы в нее вложить. Разумеется, эта молодая леди не должна была бы быть бедна как церковная мышь, и мадам Мерль даже не стала бы прилагать усилий, чтобы заставить Озмонда познакомиться с племянницей миссис Тачетт, если бы у Изабеллы было бы такое же скудное приданое, как во время их первой встречи. Все эти годы Озмонд ждал, поскольку его могло удовлетворить только лучшее, а бесприданница, естественно, лучшим не являлась. Он так долго ждал напрасно, что в конце концов почти потерял интерес к данному предмету — не пускаясь ни в какие рискованные эксперименты. Постепенно он пришел к выводу, что лучшее,

чем он мог обладать в данное время, что задевало его чувства, — это была его малышка Пэнси, которая отзывалась на любое его движение души. Но когда наконец появилось то, что он искал, Озмонд как мужчина безошибочно узнал его. И потому ничего странного в его желании жениться не было (правильная женитьба так же была «успехом») — это мадам Мерль, для которой его дела всегда представляли интерес, разумеется, принимала в расчет. Однако мы не посмеем предположить, что Озмонд считал характер Изабеллы пассивным и готовым предоставить джентльмену свободное поле для деятельности — это было бы натяжкой с нашей стороны. Разумеется, он понимал, что ее натура будет способствовать тому, чтобы она всегда находилась в действии — что бы ни подразумевать под этим.

Незадолго до намеченного дня отъезда из Рима Изабелла получила телеграмму от миссис Тачетт, которая гласила: «Уезжаю Флоренции 4 июня Белладжо возьму тебя если нет других планов. Не могу ждать пока ты бездельничаешь Риме». «Безделье» в Риме было очень приятным, но Изабелла не имела никаких планов и написала тете, что немедленно присоединится к ней. Она рассказала об этом Джилберту Озмонду, и он ответил, что

немного послоняется еще на Семи Холмах, а во Флоренцию вернется дней через десять — она к тому времени, очевидно, уже отправится в Белладжо. Возможно, увидятся снова они не скоро. Этот разговор проходил в просторной, пышно убранной гостиной в отеле. Был поздний вечер, и Ральф Тачетт завтра собирался везти кузину обратно во Флоренцию. Озмонд обнаружил девушку в одиночестве — мисс Стэкпол обнаружила, что на четвертом этаже живет восхитительная американская семья, и отправилась вверх по лестнице нанести им визит. Путешествуя, Генриетта легко заводила знакомства — например, в поездах у нее завязалось несколько довольно важных знакомств с весьма влиятельными особами. Ральф готовился к завтрашнему отъезду, а Изабелла сидела одна, потерявшись в буйной желтизне тканей — кресла и диван были обиты оранжевым, стены и окна украшали пурпурные с золотом шторы. Зеркала и картины висели в роскошных рамах, а высокий потолок был расписан обнаженными музами и херувимами. Мистеру Озмонду комната показалась безобразной. Фальшивые цвета, поддельный блеск причиняли ему почти физическую боль. Изабелла держала в руках

том Ампера[63], подаренный ей по приезде в Рим Ральфом, но, придерживая пальцем нужную ей страницу, она не торопилась начать чтение. Рядом на столе стояла лампа с розовым абажуром, и она рассеивала по комнате странные розоватые отсветы.

— Вы говорите, что вернетесь, но как знать? — вздохнул Джилберт Озмонд. — Я думаю, это скорее начало вашего кругосветного путешествия. Вы вольны поступать так, как вам заблагорассудится, вы ничем не связаны и можете блуждать по всему земному шару.

— Да, но Италия — частица поверхности этого земного шара, — отозвалась Изабелла. — Я могу заглянуть сюда по пути.

— По пути вокруг света? Не нужно. Не нужно заключать историю нашей с вами встречи в скобки по ходу сюжета — посвятите нам отдельную главу. Я не хочу видеть вас по пути. Мне хотелось бы встретиться с вами по окончании вашего путешествия, когда вы будете уже свободны… когда устанете и пресытитесь. Да, я предпочел бы увидеть вас именно в этом состоянии.

Изабелла опустила глаза и провела пальцем по

---

[63] Примечания: 63
Возможно, Жан Жак Ампер (1800–1864), автор «Истории Рима».

странице книги.

— Вы можете осмеять любое начинание, и я бы не рискнула поклясться, что это у вас выходит ненамеренно, — произнесла она наконец. — Вы не испытываете уважения к моим поездкам, считаете их нелепыми.

— С чего вы взяли?

Водя ножом для разрезания страниц по корешку книги, Изабелла продолжила прежним тоном:

— Вы видите мою невежественность, мои промахи. Вы думаете, что я веду себя так, словно весь мир принадлежит мне просто потому… потому, что это внезапно стало мне доступным. Вы считаете, что женщине себя так вести не пристало. По-вашему мнению, это глупо и неизящно.

Я думаю, это прекрасно, — возразил мистер Озмонд. — Вам же известны мои взгляды — я много говорил вам о них. Разве вы не помните, как я сказал вам, что каждый должен превратить свою жизнь в произведение искусства? Сначала вы выглядели немного шокированной, но потом я объяснил вам, что, по-моему, именно это и стремитесь сделать со своей жизнью вы сами.

Изабелла подняла взгляд от книги.

— Но больше всего на свете вы не любите пло-

хое искусство, разве нет?

— Возможно. Что касается вашего — оно мне нравится.

— Если бы я собралась следующей зимой в Японию, вы подняли бы меня на смех, — продолжила Изабелла.

Озмонд улыбнулся. Улыбка была любезной, но не насмешливой: их разговор не допускал шуток. Изабелла была серьезна и едва не дрожала от напряжения. Озмонд уже видел ее такой.

— Ну и воображение у вас — просто пугающее!

— Именно про это я и говорю. Вы считаете такую идею абсурдной.

— Я бы душу продал за то, чтобы поехать в Японию. Это одна из тех стран, где мне страстно хотелось бы побывать. Можете ли вы сомневаться, зная мою любовь к старинному лаку?

— Но у меня-то нет страстной любви к старинному лаку — значит, мне нечем оправдаться, — сказала Изабелла.

— У вас есть нечто более важное — средства для путешествий. И вообще — с чего вы взяли, что я смеюсь над вами?

— Не было бы ничего удивительного, если бы вы считали, что нелепо то, что у меня есть средства для путешествий. Ведь у вас их нет; при этом

вы знаете все, а я ничего.

— Так это веская причина, чтобы вы путешествовали и изучали жизнь, — с улыбкой сказал Озмонд. — Кроме того, я знаю далеко не все.

Изабеллу не удивила серьезность, с которой он говорил. Девушка подумала, что самое приятное событие в жизни — а именно так она расценивала непродолжительное пребывание в Риме — подходило к концу. И то, что особенно интересным оно стало во многом благодаря тому, что рядом был Озмонд, — это умозаключение Изабелла сделала не сейчас. Но она уже давно сказала себе, что если им не суждено больше встретиться, возможно, так оно будет и лучше. Счастливые мгновения не повторяются, и, может быть, это просто стечение обстоятельств. Она могла вернуться в Италию и найти Озмонда изменившимся, а этот странный человек нравился ей таким, каким был сейчас, — стоило ли рисковать? Но если ей не суждено вернуться, безумно жаль, что эта счастливая неделя заканчивалась, — на мгновение Изабелла почувствовала, как ее сердце сжалось от сладостной боли. Это чувство не давало ей вымолвить ни слова. Джилберт Озмонд тоже молчал и смотрел на нее.

— Побывайте всюду, — произнес он наконец

негромко и ласково. — Делайте все, что хотите. Берите от жизни все. Будьте счастливы — будьте триумфатором.

— Что вы имеете в виду?

— Свободу действий.

— Тогда, по мне, быть триумфатором — это потерпеть поражение. Свобода действий часто надоедает.

— Верно, — быстро отозвался Озмонд. — Как я только что осмелился намекнуть — в один прекрасный день вы устанете. — Он сделал короткую паузу, затем продолжил: — Наверное, мне следует подождать до того времени, чтобы сказать вам кое-что.

— О, не могу дать вам совет, не зная, о чем идет речь. Но я невыносима, когда устаю, — ответила Изабелла со своей обычной непоследовательностью.

— Я в это не верю. Вы можете вспылить, в это я готов поверить, хотя сам и не видел этого. Уверен, вы никогда не бываете несносной.

— Даже когда выхожу из себя?

— Думаю, вы не выходите из себя — вы обретаете себя. Как это, должно быть, прекрасно! — проговорил Озмонд просто, почти торжественно. — Наверное, в этом есть нечто особенно благородное.

— Если бы я только могла обрести себя сейчас! — с улыбкой, хотя все еще слегка хмурясь, воскликнула девушка.

— Я не боюсь этого — я бы молитвенно сложил руки и любовался вами. Я говорю совершенно серьезно. — Он слегка подался вперед, положив руки на колени, и несколько мгновений сидел так, устремив взгляд в пол. Потом он поднял глаза и посмотрел на Изабеллу. — Я вдруг понял, что я люблю вас, — вот что я хотел вам сказать.

Изабелла стремительно поднялась.

— О, подождите с этим, пока я не устану! — пробормотала она.

— Устанете слушать это от других? — Мистер Озмонд продолжал сидеть, глядя на нее. — Нет уж, сейчас или никогда, как вам будет угодно. Но я думаю, я должен сказать это сейчас.

Изабелла хотела было отвернуться, но остановилась вполоборота, взглянула на мистера Озмонда. Они обменялись долгим взглядом — глубоким, исполненным значения, взглядом, которым обмениваются в решающие мгновения жизни. Потом Озмонд поднялся и подошел к ней — медленно, осторожно. Его движения выражали величайшее почтение — будто он испугался, что позволил себе непростительную вольность.

— Я люблю вас.

Озмонд повторил свои слова почти бесстрастно, как человек, не ожидающий ответа, а высказавшийся только, чтобы облегчить душу.

Слезы выступили на глазах Изабеллы — сладостная боль вновь пронзила ее. В словах Озмонда была какая-то невероятная притягательная сила, но Изабелла, по-прежнему глядя на него, все же не сдавалась — как не сдалась и в двух или трех случаях, в которых, как мы знаем, тоже говорились эти слова.

— Пожалуйста, не говорите так, — ответила наконец Изабелла с мольбой, которая отнюдь не имела своим источником скромность, а лишь выражала страх перед необходимостью — и в этом случае тоже — выбирать и решать. И больше всего ее страшила та сила, которая, казалось, могла как раз все страхи изгнать, — больше всего она боялась того, что чувствовала в глубине своего сердца. Но она не желала складывать оружие.

— Не думаю, что это может для вас что-нибудь значить, — сказал Озмонд. — Мне нечего предложить вам. Того, что у меня есть, достаточно для меня, но недостаточно для вас. У меня нет ни состояния, ни славы, ни каких-либо внешних преимуществ. Поэтому я ничего не предлагаю. Я

говорю вам это только потому, что, уверен, мои слова не оскорбят вас и в один прекрасный день, может быть, доставят вам удовольствие. Мне они уже доставляют удовольствие, уверяю вас. — Он стоял перед Изабеллой, слегка наклонившись вперед, и вертел в руках шляпу движениями, которые были исполнены подходящего случаю трепета, но лишены какой бы то ни было неловкости, обратив к ней свое тонкое, выразительное лицо. — Мои слова даже не причиняют мне боли — ведь все так просто. Для меня вы всегда будете значить больше, чем все женщины в мире.

Изабелла взглянула на себя как бы со стороны — внимательно себя рассмотрела и решила, что восприняла признание сего джентльмена с достоинством и не без изящества. Впрочем, когда она заговорила, в ее ответе не было ни намека на самодовольство.

— Вы не оскорбили меня, но вы должны понимать, что и не оскорбив можно взволновать человека и причинить беспокойство.

«Причинить беспокойство». Изабелла услышала, как произнесла эти нелепые слова. Как глупо это звучит. Но именно это сразу пришло ей на ум.

— Я отлично понимаю вас. Конечно, вы удив-

лены и немного даже напуганы. Но если кроме этих чувств больше ничего нет, то это пройдет. И возможно, останется что-то такое, чего я могу не стыдиться.

— Не знаю, что там останется. Вы же видите, я не ошеломлена, — со слабой улыбкой ответила Изабелла, — и не настолько взволнована, чтобы потерять возможность думать. И я думаю — хорошо, что мы сейчас расстаемся и я завтра покину Рим.

— Я, конечно, позволю себе тут с вами не согласиться.

— Я ведь вас совсем не знаю, — вырвалось у Изабеллы, и она тут же покраснела, вспомнив, как сказала почти те же слова год назад лорду Уорбартону.

— Если бы вы остались, то узнали бы меня лучше.

— Я сделаю это как-нибудь в другой раз.

— Буду надеяться. Это не слишком трудная задача.

— Нет, нет! — пылко воскликнула девушка. — Это неправда. Вас нелегко узнать. Труднее, чем кого бы то ни было.

— Ну, — рассмеялся Озмонд, — я сказал это потому, что уж я-то себя знаю. Возможно, это

хвастовство, но это так.

— Может быть, и так. Но ведь вы очень умны.

— Как и вы, мисс Арчер! — воскликнул Озмонд.

— Сейчас я этого не чувствую. Но все-таки у меня хватает ума понять, что вам сейчас лучше уйти. Доброй ночи.

— Благослови вас бог! — сказал Джилберт Озмонд, взял Изабеллу за руку — и она не отняла ее. Помолчав немного, он добавил: — Если мы встретимся снова, вы найдете меня прежним. Если же мы не встретимся — я все равно останусь прежним.

— Большое спасибо. До свидания.

Но в Озмонде была какая-то внутренняя сила — его нельзя было отослать, он уходил только тогда, когда хотел.

— И еще одно, — сказал он. — Я ничего не просил у вас, даже вспомнить когда-нибудь — отдайте мне справедливость. Но сейчас я хотел бы вас попросить об одном маленьком одолжении. Я не вернусь домой еще несколько дней. Рим чудесный город. Это превосходное место для человека в таком состоянии духа, как я. Я чувствую, что и вам жаль с ним расставаться, но вы совершенно правы, выполняя желание вашей тети.

— Да она вовсе на этом и не настаивает, — невольно вырвалось у Изабеллы.

Одно мгновение Озмонд, вероятно, что-то хотел произнести в связи с этими ее словами, но передумал и продолжал:

— Все равно — вам должно ехать с ней. Совершайте то, что должно, я всей душой за это. Простите мне мой менторский тон. Если бы у вас был случай узнать меня лучше, вы бы поняли, как благоговейно я отношусь к соблюдению приличий.

— Так вы слишком привержены условностям? — серьезно спросила девушка.

— Мне нравится, как вы произнесли эти слова. Нет, я не привержен условностям — я просто сам ходячая условность. Непонятно? — Озмонд сделал паузу и улыбнулся. — Как мне хотелось бы иметь случай объяснить… Возвращайтесь! — с внезапной, покоряющей искренностью вскричал он. — Мы столько еще могли бы обсудить!

Изабелла стояла перед ним молча, не поднимая глаз.

— Однако вы говорили о какой-то услуге? — спросила она.

— Перед отъездом из Флоренции навестите, пожалуйста, мою дочь. Она там одна на вилле — я

решил не отсылать ее к сестре, с которой мы не очень-то близки. Скажите Пэнси, что она должна очень сильно любить своего бедного отца, — произнес Озмонд мягко.

— С большим удовольствием навещу ее, — пообещала Изабелла. — И передам ей ваши слова. Однако теперь позвольте мне все-таки попрощаться.

Мистер Озмонд с почтением откланялся, не задерживаясь долее. Когда он ушел, Изабелла постояла несколько секунд, оглядываясь, затем медленно и задумчиво опустилась в кресло. Так она и сидела, сложив руки и уставившись в безобразный ковер до тех пор, пока не пришли ее спутники. Ее волнение не только не ослабло, а стало еще сильнее. Случившееся уже неделю рисовалось в богатом воображении девушки, но, когда это произошло наяву, она растерялась. Состояние души Изабеллы было весьма странным, и я могу описать его вам только так, как вижу сам, не надеясь сделать свое описание понятным читателю. Как я уже сказал, она ничего не могла прочитать в своем воображении. Оно вдруг оказалось бессильно — пред ним расстилалось огромное пространство, преодолеть которое не представлялось возможным: туманная, размы-

тая дорога, казавшаяся неопределенной и даже слегка ненадежной, как поросший вереском болотистый луг в зимних сумерках. Но Изабелла неминуемо должна была пройти по ней.

Глава 30

В сопровождении кузена Изабелла вернулась во Флоренцию, и Ральф Тачетт, вообще-то не очень любивший поезда, приятно провел время в вагоне, уносившем их из города, отмеченного теперь печатью пребывания в нем Джилберта Озмонда, — и это время должно было стать вступлением к огромному путешествию. Мисс Стэкпол осталась — она планировала посетить Неаполь в сопровождении мистера Бентлинга. До четвертого июня — даты отъезда миссис Тачетт — у Изабеллы оставалось три дня, и она решила выполнить свое обещание и навестить Пэнси Озмонд. Ее план, однако, едва не видоизменился в угоду мадам Мерль. Леди все еще гостила у Тачеттов, но тоже собиралась вскоре покинуть Флоренцию и перебраться в старинный замок в горах Тосканы, принадлежавший одной из знатных итальянских семей, знакомство с которой (мадам Мерль знала владельцев замка, как она выразилась, «с незапамятных времен») казалось Изабелле, судя по снимкам величественного зубчатого сооружения, прорезанного бойницами,

великой честью.

Девушка рассказала мадам Мерль о просьбе мистера Озмонда навестить его дочь, но ни словом не обмолвилась о том, что он признался ей в любви.

— Какое совпадение! — воскликнула мадам Мерль. — Я и сама думала об этом. Было бы очень мило повидать девочку перед моим отъездом.

— Тогда мы можем поехать вместе, — предложила Изабелла без особого энтузиазма. Ей хотелось совершить поездку к Пэнси в одиночестве — так, ей представлялось, будет лучше. Однако из уважения к мадам Мерль она приготовилась пожертвовать своей непонятной сентиментальностью.

Ее подруга задумалась; как обычно, на лице ее играла неопределенная улыбка.

— Да нет, пожалуй, не стоит ехать вдвоем, — наконец отозвалась она. — У каждой из нас перед отъездом так много дел.

— Очень хорошо. Я легко могу съездить одна.

— Это-то меня и тревожит… Вы поедете одна в дом закоренелого холостяка, и к тому же красавца. Он был женат… но так давно!

Изабелла удивленно взглянула на мадам Мерль.

— Если мистер Озмонд в отъезде, какое это имеет значение?

— Но они же не знают, что он в отъезде.

— Они? О ком вы говорите?

— Обо всех. Впрочем, возможно, это действительно не имеет значения.

— Но ведь вы собирались туда — а почему мне нельзя? — спросила Изабелла.

— Потому что я старая перечница, а вы прекрасная молодая девушка.

— Но ведь я обещала!

— Как много вы думаете о своих обещаниях! — слегка поддразнивая, насмешливо произнесла мадам Мерль.

— Да, я отношусь серьезно к своим обещаниям. Вас это удивляет?

— Вы правы, — внятно произнесла мадам Мерль. — Я вижу, вы и вправду добры к девочке.

— Мне хочется этого всей душой.

— Тогда поезжайте к ней. Вряд ли кто-нибудь разузнает. Скажите ей, что если бы вы не приехали к ней, то приехала бы я… а впрочем, — добавила мадам Мерль, — не говорите ничего. Ей все равно.

Пока Изабелла ехала в открытом экипаже по очаровательно извилистой дороге, ведущей

вверх на холм к дому мистера Озмонда, она размышляла над тем, что имела в виду мадам Мерль под словами «вряд ли кто-нибудь разузнает». Эта леди, которую мало в чем можно было упрекнуть, редко, с большими временными интервалами, все же бросала двусмысленные замечания, брала фальшивую ноту. Какое дело было Изабелле Арчер до пошлых суждений окружающих? Неужели мадам Мерль предполагала, что она была способна делать что-то тайком? Конечно, нет. Вероятно, мадам Мерль имела в виду что-то еще, что-то, что в спешке перед отъездом некогда было объяснять. Изабелла решила, что еще вернется к этому — в подобных вещах она предпочитала иметь полную ясность. Войдя в гостиную мистера Озмонда, девушка услышала, как Пэнси бренчала на пианино в соседней комнате. Девочка «упражнялась», и Изабелле понравилось, что она честно выполняла свои задания. Наконец, Пэнси вышла в гостиную, оглаживая на себе платье, и все вокруг точно осветилось. Изабелла посидела с ней полчаса, и девочка развлекала ее разговорами, как настоящая маленькая леди, — не болтая, а именно беседуя, проявляя такой же живой интерес к делам гостьи, какой та проявляла к ее делам. Изабелла дивилась на девочку — как я

уже говорил, она никогда еще не видела такого ребенка. Как Пэнси была образованна, отмечала наша героиня, как воспитанна! И в то же время как просто, как естественно, как невинно она вела себя! Изабеллу занимали психологические проблемы, и она размышляла — а была ли Пэнси так уж простодушна? Уж не была ли детская безмятежность совершенным самообладанием? Может, девочка вела себя так, чтобы доставить удовольствие гостье отца? Или это было истинное проявление непорочной натуры?

То недолгое время, которое Изабелла провела в прекрасных пустынных сумрачных комнатах мистера Озмонда — окна были занавешены, чтобы уберечься от жары, но тут и там сквозь щели пробивался солнечный свет, выхватывая лучами потускневшую позолоту в густом полумраке, — и разговор с дочерью хозяина дома исчерпывающе ответили на эти вопросы. Пэнси и вправду была чистым листом бумаги, нетронутой поверхностью исключительной белизны — какое-либо кокетство было ей абсолютно чуждо. Она не была умна — но чувства ее были прекрасны и утонченны. Ее окружала аура какой-то нежной беззащитности — она легко могла стать жертвой судьбы. В нужную минуту у нее могло не

оказаться ни воли, ни силы сопротивляться, ни сознания своего права постоять за себя. Ее легко будет ввести в заблуждение, легко сломить. Вся ее сила заключалась в умении крепко держаться за кого-то. Она неотступно сопровождала Изабеллу, которая попросила снова показать ей другие комнаты, и несколько раз высказала свое мнение по поводу того или иного произведения искусства. Девочка говорила о своих планах, стремлениях, намерениях ее отца. Она вовсе не была эгоцентриком — просто считала, что ее гостья ждет именно этого.

— Пожалуйста, скажите мне, — произнесла девочка, — а папа в Риме навестил мадам Катрин? Он хотел съездить к ней, если у него будет время. Но, может быть, ему было некогда. Папа любит, когда у него много времени. Он хотел поговорить о моем образовании; знаете, оно еще не закончено. Я не могу себе представить, чему еще они могут научить меня, но, похоже, мое образование далеко от совершенства. Однажды папа сказал мне, что доучит меня сам, поскольку преподаватели старших классов в монастыре очень дорогие. Мой папа не богат, и мне было бы очень жаль, если бы на меня тратилось много денег, потому что, мне кажется, я того не стою. Я не очень быст-

ро схватываю, и у меня плохая память. Когда мне рассказывают, особенно что-нибудь приятное, я запоминаю, а то, что написано в книгах, — нет. Мою лучшую подругу увезли из монастыря, когда ей было четырнадцать лет. Они хотели — как это сказать по-английски? — «сделать ей приданое». Надеюсь, я правильно выразилась — так говорят по-английски? То есть я хотела сказать, что ее родители решили накопить денег и выдать дочку замуж. Не знаю, хочет ли папа накопить денег, чтобы выдать меня замуж. Это так дорого стоит! — Пэнси вздохнула. — Думаю, папа мог бы на этом и сэкономить. Во всяком случае, я еще слишком юна, чтобы думать об этом, и равнодушна ко всем джентльменам, кроме папы, конечно. Если бы он не был моим папой, я захотела бы выйти за него замуж. Лучше быть его дочерью, чем женой какого-то чужого человека. Я очень скучаю по нему, но не так сильно, как вам может показаться, — мы ведь так много времени прожили вдали друг от друга. Папа существовал как бы только во время каникул. По мадам Катрин я скучаю даже больше, но вы не должны говорить ему этого. Вы с ним больше не увидитесь? Очень жаль. Из тех, кто приезжал сюда, вы мне нравитесь больше всех. Впрочем, это сомнительный комплимент,

ведь сюда мало кто приезжает. Очень любезно с вашей стороны, что вы навестили меня сегодня — ведь ехать сюда так далеко, а я к тому же еще совсем ребенок. Да и занятия у меня все детские. А вы когда избавились от всех этих детских занятий? Мне хотелось бы знать, сколько вам лет, но не знаю, прилично ли об этом спрашивать. В монастыре нас учили, что мы никогда не должны спрашивать о возрасте. Мне бы не хотелось сделать что-то такое, чего никто не ждет, — это значило бы, что я плохо воспитана. Мне самой никогда бы не понравилось, если бы меня застали врасплох. Папа обо всем распорядился. Спать я ложусь рано. Когда солнце уходит с этой стороны, я выхожу в сад. Папа строго наказал мне, чтобы я не обгорела на солнцепеке. Мне нравится открывающийся из сада вид. Такие прекрасные горы! В Риме из монастыря мы не видели ничего, кроме крыш и колоколен. На фортепиано я практикуюсь по три часа в день. Я играю не очень хорошо. А вы играете? Мне бы очень хотелось, чтобы вы что-нибудь сыграли для меня. Папа считает, что мне полезно слушать, когда хорошо играют. Мадам Мерль играла несколько раз, это мне в ней нравится больше всего. Она играет с такой легкостью! У меня никогда такой легкости

не было. И у меня нет голоса — он словно писк.

Изабелла, польщенная столь учтиво выраженным пожеланием, сняла перчатки и села за пианино; Пэнси стояла рядом, не отрывая взгляда от белых рук, летавших по клавишам. Закончив играть, Изабелла притянула девочку к себе и поцеловала, удерживая ее несколько мгновений и внимательно глядя ей в лицо.

— Будь хорошей девочкой, — сказала она, — радуй своего папу.

— Мне кажется, я именно для этого и живу, — ответила Пэнси. — У него мало удовольствий в жизни. Он такой грустный.

Изабелла с таким интересом выслушала это утверждение девочки, что скрыть его было для нее просто пыткой. Но гордость, чувство необходимости соблюдения приличий заставили ее сделать это; а ей так хотелось рассказать Пэнси о ее отце и — особенно — послушать рассказы девочки о нем. Но она с ужасом отогнала эту мысль прочь, как только ее воображение подсказало, что она пыталась воспользоваться неопытностью ребенка. Да, Изабелла выполнила обещание и приехала сюда, но оставалась здесь всего лишь час! Девушка быстро встала из-за рояля, но снова медлила, притягивая ближе свою маленькую

собеседницу и не отрывая взгляда от нее. Она вынуждена была признаться себе — ей страстно хотелось поговорить о Джилберте Озмонде с этим близким ему миниатюрным невинным существом. Но Изабелла больше не проронила ни слова, а только еще раз поцеловала Пэнси. Они вместе прошли через вестибюль к входной двери, которая открывалась во двор. Здесь девочка остановилась и с тоской посмотрела за порог.

— Мне нельзя идти дальше, — сказала она. — Я обещала папе не выходить за эту дверь.

— Ты правильно делаешь, что слушаешься его. Он никогда не потребует от тебя чего-то беспричинно.

— Я всегда буду слушаться его. А когда вы приедете снова?

— Боюсь, не скоро.

— Приезжайте, как только сможете. Может быть, вам со мной и не очень интересно — я еще не взрослая… но я всегда буду ждать вас.

И маленькая фигурка осталась стоять в высоком темном дверном проеме; Пэнси смотрела, как Изабелла пересекла голый серый двор и исчезла из виду в ярких лучах света, который, распахнувшись, впустили огромные главные ворота, ведущие на улицу.

Глава 31

Изабелла вернулась во Флоренцию лишь много месяцев спустя; этот период времени получился очень насыщенным, однако мы не будем следовать за нашей героиней по пятам, и не эти события будут в центре нашего внимания. Мы вернемся к нашей героине в некий день поздней весны, вскоре после ее возвращения в палаццо Кресчентини — спустя год после вышеописанных событий. Сейчас Изабелла находилась в одиночестве в одной из многочисленных комнат, отведенных миссис Тачетт для приема гостей, и, судя по всему, ждала гостя. Высокое окно было частично прикрыто ставнями, но яркий свет из сада все равно струился в комнату, наполняя ее теплом и ароматом. Наша молодая леди постояла некоторое время у окна, сложив руки за спиной и задумчиво глядя в сад. Она была слишком чем-то взволнована, чтобы сесть, занять чем-то свои руки или читать. Ей было невозможно увидеть гостя раньше, чем тот войдет в дом, поскольку вход находился с противоположной стороны, не со стороны сада, где царство тишины и покоя

никогда не нарушалось. Изабелла скорее пыталась почувствовать его приход, что, судя по выражению ее лица, было нелегкой задачей. Она имела вид почти торжественный — не то чтобы печальный, но глубоко серьезный. Прошедший год, без сомнения, мог настроить ее на серьезный лад — ведь это зависело от того, как она провела его. Девушка потратила его на то, чтобы увидеть мир — она много путешествовала, много узнавала и просто горела активностью, которую можно было с успехом характеризовать как страстную. Сейчас она казалась себе совершенно другим человеком, совершенно не той легкомысленной девицей из Олбани, которая начала постигать Европу на лужайке в Гарденкорте два года назад. Изабелла льстила себя надеждой, что обрела богатый опыт, что теперь знала жизнь гораздо лучше, чем то беспечное создание. Если бы ее мысли сейчас устремились в прошлое, вместо того, чтобы трепетать взволнованно крыльями по поводу будущего, они пробудили бы в памяти множество интересных картин. Это были бы и пейзажи, и жанровые сцены; причем последние преобладали бы. С некоторыми персонажами этих жанровых сцен мы с вами уже знакомы. Здесь присутствовала бы милейшая Лили, сестра

нашей героини и жена Эдмунда Ладлоу, которая приехала из Нью-Йорка провести пять месяцев с Изабеллой. Она оставила в Америке мужа, но привезла своих детей, для которых Изабелла с поразительным искусством и нежностью играла роль тетушки — старой девы. В конце концов и мистер Ладлоу смог на несколько недель пожертвовать своими триумфами в суде и, с поразительной стремительностью переплыв через океан, провел месяц с двумя дамами в Париже. Маленькие Ладлоу даже по американским меркам не достигли еще надлежащего для туристов возраста, поэтому, пока сестра жила с ней, Изабелла постоянно находилась в пределах ограниченного круга общения. Лили с детьми присоединилась к ней в Швейцарии, и они провели прекрасное лето в альпийской долине, пестревшей яркими цветами, где можно было, укрывшись в тени каштанов, передохнуть во время восхождения на горы, если можно так назвать прогулки, которые предпринимали наши дамы с детьми в жаркие дни. Потом они добрались до Парижа, города, которому поклонялась Лили, но гораздо менее ценимого Изабеллой, которая последнее время все больше вспоминала о Риме. Миссис Ладлоу наслаждалась Парижем, но в то

же время она была расстроена и озадачена, а когда приехал ее муж, вообще чуть ли не впала в депрессию оттого, что никак не могла донести до него свои сомнения и тревоги — разумеется, по поводу Изабеллы. Но Эдмунд Ладлоу, как всегда, не был склонен сильно удивляться, тревожиться или воодушевляться из-за каких-либо успешных или неуспешных действий свояченицы. Чувства миссис Ладлоу представляли собой полнейший хаос. То она считала, что ничего не может быть естественнее для Изабеллы, чем вернуться в Америку и купить дом в Нью-Йорке — например, у Росситеров, чей дом с зимним садом был в двух шагах от ее собственного. То она не могла скрыть удивления, что сестра до сих пор не вышла замуж за какого-нибудь благородного иностранца. В целом она была разочарована. Она испытывала большее удовлетворение от того, что Изабелла получила наследство, чем если бы деньги достались ей самой, — Лили была уверена, что они будут достойным обрамлением ее хрупкой необыкновенной сестре. Однако Изабелла развилась гораздо меньше, чем ожидала миссис Ладлоу, — а это развитие в ее представлении каким-то образом связывалось с утренними визитами и вечерними приемами. Интеллектуально

Изабелла, несомненно, сделала шаг вперед, но, судя по всему, не одержала тех побед в свете, плодами которых могла восторгаться ее сестра. Представление Лили о подобных плодах было чрезвычайно расплывчатым, но она и ждала от Изабеллы, что та придаст ему форму. По ее мнению, все, чего сестра достигла, она могла бы достичь в Нью-Йорке. Миссис Ладлоу спрашивала у мужа, существовали ли какие-нибудь преимущества европейского общества, которым наслаждалась Изабелла, перед американским?

Мы с вами знаем, что девушка одержала ряд побед; были ли они более достойными, чем те, которые она могла одержать на родине, — довольно деликатный вопрос. И не без чувства удовлетворения я снова упомяну, что Изабелла не стала предавать свои успехи огласке. Девушка не рассказала сестре о предложении лорда Уорбартона и ни словом не обмолвилась о чувствах мистера Озмонда по одной-единственной причине — ей просто не хотелось об этом говорить. Изабелле больше нравилось держать все в себе, и она вовсе не собиралась просить у Лили совета. Лили, не зная о сокровенных тайнах Изабеллы, естественно, сочла, что успехи той в Европе весьма невелики; это впечатление усиливал тот факт,

что чем чаще Изабелла вспоминала Озмонда, тем упорнее она молчала, и в конце концов Лили решила, что Изабелла окончательно пала духом. Такой странный результат столь головокружительного события, как получение наследства, приводил в недоумение жизнерадостную Лили; она все больше утверждалась в мнении, что Изабелла не похожа на других людей.

Однако, а, вернее, наконец, после отъезда родственников домой Изабелла повеселела. Она бы могла решиться и на что-нибудь более поэтичное, чем провести зиму в Париже — Париж был все равно что прекрасная, отточенная проза, — и ее переписка с мадам Мерль только усиливала эти ощущения. Никогда еще Изабелла не наслаждалась так свободой, всей дерзостью и буйством этого чувства, как в тот момент, когда в один из последних дней ноября она вышла с платформы железнодорожного лондонского вокзала, проводив поезд, увозивший Лили, ее мужа и детей в Ливерпуль, где они должны были сесть на корабль. Она была рада, что они побыли с ней, это доставляло ей радость; но, как мы знаем, она всегда анализировала, что для нее хорошо, а что нет, и потом стремилась к еще лучшему. Чтобы вкусить столь прекрасное ощущение нынешнего

преимущества своего положения, она провожала путешественников от Парижа до Лондона. Девушка проводила бы родственников и до Ливерпуля, но мистер Ладлоу любезно уговорил ее не делать этого — в ее присутствии Лили излишне, по его мнению, суетилась и задавала невообразимые вопросы. Изабелла стояла на перроне до самого отхода поезда и послала воздушный поцелуй старшему из племянников, непослушному отроку, который по случаю расставания веселился от души и махал ей, далеко высунувшись из окна вагона, а затем вновь вернулась на окутанные туманом улицы Лондона. Весь мир лежал у ее ног — она могла делать все, что пожелает. От этого чувства захватывало дух, но сейчас она хотела совсем немногого — пройтись пешком от Юстен-сквер до своего отеля. Ранние ноябрьские сумерки уже начинали сгущаться. Уличные фонари в густом темном воздухе слабо светились красноватым цветом. Нашу молодую леди никто не сопровождал, а Юстен-сквер находилась далеко от Пикадилли. Но Изабелла предприняла это далекое путешествие, получая от его опасностей определенное удовольствие, и заблудилась по пути почти нарочно с целью испытать еще больше острых ощущений; но, к ее великому сожалению,

любезный полицейский почти сразу показал ей дорогу. Изабелла была так погружена в наблюдения за окружающим миром, что радовалась даже сумеркам, в которых утопал Лондон, толпам людей, спешащим кебам, сверкающим витринам магазинов, пронизывающей все это светящейся сырости. В тот вечер в отеле Изабелла написала мадам Мерль, что собирается через день или два выехать в Рим. Девушка проследовала в Вечный город, не заезжая во Флоренцию, но посетив Венецию и двинувшись через Анкону на юг. Ее никто не сопровождал, кроме служанки, поскольку привычный эскорт отсутствовал — Ральф Тачетт проводил зиму на острове Корфу, а мисс Стэкпол в сентябре была отозвана обратно в Америку телеграммой из «Интервьюера». Журнал предложил своей блестящей корреспондентке новое поле для деятельности, более плодотворное, чем дряхлеющие города Европы, и Генриетта была полна бодрости, тем более что заручилась обещанием мистера Бентлинга вскоре приехать и навестить ее.

Изабелла отправила миссис Тачетт письмо с извинениями за то, что не приехала во Флоренцию сразу же, и ее тетя прислала вполне характерный для нее ответ. В извинениях Изабеллы, писала

миссис Тачетт, было столько же пользы, сколько в мыльных пузырях, поэтому сама она никогда не занимается подобной чепухой. Человек либо совершает поступок, либо не совершает его, а то, что он «бы» сделал, принадлежит тому не относящемуся к делу кругу понятий, что, скажем, мысль о происхождении мира или будущем человечества. Письмо тети было довольно откровенным, но (редкий случай для миссис Тачетт) не настолько, как это могло бы показаться. Она легко простила племянницу за то, что та не остановилась во Флоренции, поскольку это доказывало отсутствие всяческих отношений девушки с мистером Озмондом. Конечно, она сразу поинтересовалась, не собрался ли джентльмен немедленно в Рим, и успокоилась, узнав, что он не намеревался никуда уезжать. Изабелла, однако, не провела в Риме и двух недель, как предложила мадам Мерль совершить небольшой вояж на Восток. Та попеняла подруге на «неутомимость», но тут же добавила, что сама давно хотела посетить Афины и Константинополь. Наши дамы тут же отправились в путь и провели три месяца в Греции, Турции и Египте. Изабелла нашла в этих странах для себя много интересного; но мадам Мерль заметила, что даже в наиболее прославленных

местах, как бы предназначенных для того, чтобы навевать безмятежные размышления, Изабеллой вопреки всему владело беспокойство. Она путешествовала быстро, страстно, самозабвенно и напоминала истомившегося от жажды человека, пьющего воду чашку за чашкой. В данной ситуации мадам Мерль была совершенной дуэньей. Приняв приглашение Изабеллы, она придавала дополнительное достоинство нашей растерявшей свой кортеж героине. Она играла свою роль с привычным ей тактом, стараясь оставаться незаметной, как и пристало спутнице, чьи расходы щедро оплачивались. Ситуация, однако, вовсе не была для нее тягостной, и те, кто встречал на своем пути эту изящную пару, вряд ли могли сказать, кто был патронессой, а кто опекаемой. Нельзя сказать, что мадам Мерль выиграла в глазах Изабеллы от более близкого знакомства — она и до этого казалась девушке верхом обходительности и совершенства. После трехмесячного общения девушка решила, что узнала ее лучше — характер мадам Мерль в достаточной мере обнаружился, и к тому же она выполнила обещание рассказать историю своей жизни. Это порадовало Изабеллу, поскольку она уже слышала эту историю в изложении других и хотела

составить полное мнение о ней. История была столь печальной (особенно в той части, которая касалась мистера Мерля, голодранца-авантюриста, который много лет назад сумел вкрасться к ней в доверие, воспользовавшись ее юностью и неопытностью, во что тот, кто знал мадам Мерль сегодня, мог поверить с большим трудом), изобиловала такими пугающими и горестными событиями, что Изабелла просто недоумевала, как бедная леди, столь много перенесшая, смогла сохранить свою жизнерадостность и интерес к жизни. Присмотревшись, в этой жизнерадостности Изабелла разглядела «двойное дно», некую искусственность. Мадам Мерль по-прежнему очень нравилась Изабелле, но занавес открылся не до конца, с одного угла он не поднялся — и мадам Мерль осталась незнакомкой. Однажды она сказала, что приехала издалека, что принадлежала старому миру, и Изабеллу никогда не покидало впечатление, будто ее подруга действительно родилась в далеких землях и выросла под другими звездами. Ей казалось, что мадам Мерль придерживалась иной морали. Конечно, мораль всех цивилизованных людей во многом схожа, но Изабелла не могла избавиться от чувства, что моральные принципы мадам Мерль основаны

на чем-то непонятном. С высокомерием юности девушка считала, что мораль, отличавшаяся от ее собственной, должна была быть «на более низкой ступени», и частично находила подтверждение этому в случайных всплесках жестокости или отклонениях от истины, неожиданных для женщины, которая в степень искусства возвела свою изысканную доброжелательность и чья натура была слишком горда, чтобы блуждать по запутанным путям обмана. Представления мадам Мерль о мотивах человеческих поступков отличались от представлений Изабеллы, и были в перечне их такие, о каких наша юная героиня и не слыхивала. Не обо всем же она слышала на свете, это очевидно, так как на свете существуют вещи, о которых лучше и не слышать вовсе. Раз или два Изабеллу охватывало нечто вроде страха, но читателя развеселит причина этого. Мы знаем мадам Мерль как все понимающую, внимательную, всегда готовую помочь, весьма приятную женщину, что же должно было произойти, чтобы ее юная подруга мысленно возопила: «Боже, прости ей. Она меня совершенно не понимает!» Как это ни абсурдно, это открытие потрясло девушку, вселило в нее тревогу, к которой примешивалось нечто вроде дурного предчувствия. Тревога,

разумеется, улеглась, стоило мадам Мерль в очередной раз блеснуть своим умом, но она ознаменовала собой высшую точку в близости двух дам. Когда-то мадам Мерль сама сказала, что, по ее мнению, когда дружба перестает крепнуть, она немедленно начинает слабеть — нет равновесия между «любовью» и «нелюбовью» к определенному человеку. Иными словами, устойчивой привязанности не бывает — она всегда сдвигается в ту или иную сторону. Не вдаваясь в оценку этой доктрины, могу сказать, что если воображение Изабеллы, которое работало без устали, обдумывая все, что касалось ее подруги, начало, наконец уставать, то сама она продолжала общаться с мадам Мерль с не меньшим удовольствием, чем прежде. Если их взаимопонимание несколько ослабело, то оно «опустилось» до очень удобного уровня. Впрочем, в эти дни у Изабеллы было чем занять свое воображение — едва ли не больше, чем всегда. Я говорю не о тех чувствах, которые возникали в ней, когда она ездила из Каира осматривать пирамиды или стояла среди разрушенных колонн Акрополя, устремляя свой взор туда, где был Саламинский пролив, хотя эти чувства и были глубоки.

В конце марта, на обратном пути из Египта и

Греции, Изабелла снова остановилась в Риме. Несколько дней спустя после ее возвращения приехал из Флоренции Джилберт Озмонд и задержался в городе около трех недель. Поскольку Изабелла поселилась в доме своей подруги мадам Мерль, этот факт делал практически неизбежным их встречи. Когда апрель подходил к концу, Изабелла написала миссис Тачетт, что с удовольствием примет ее давнее приглашение и приедет погостить в палаццо Кресчентини. Мадам Мерль на этот раз осталась в Риме. Изабелла застала свою тетушку в одиночестве. Кузен все еще находился на Корфу, но его ждали во Флоренции со дня на день, и Изабелла, не видевшая его уже больше года, готовилась встретить его как можно более радушно.

Глава 32

Однако не о нем думала сейчас девушка, стоя у окна, где мы нашли ее некоторое время назад, и ни одно из вышеописанных мною событий не занимало ее мысли. Изабелла думала не о прошлом, а о будущем, причем о ближайшем. У нее была причина ожидать «сцену», а она не любила сцен. Изабелла не спрашивала себя, что нужно сказать своему гостю — на этот вопрос девушка уже знала ответ. Что он скажет ей — вот что представляло для нее интерес. Возможно, ничего приятного. Изабелла была почти убеждена в этом, и, вероятно, именно эта уверенность и была причиной того, что она была чрезвычайно бледна. Во всем остальном, однако, она сохраняла обычную ясность восприятия и с окружающими обращалась, как всегда, приветливо — даже, казалось, глубокое горе могло бы смягчиться в присутствии этой энергичной девушки. Хотя она и сняла уже траур, но была очень просто одета; и, поскольку она ощущала, что стала старше за этот год, то и выглядела в какой-то мере тоже старше. Как бы то ни было, ее тревожным предчувствиям

был положен конец — в комнату вошел слуга и вручил ей визитную карточку.

— Просите, — сказала Изабелла, продолжая смотреть в окно после ухода лакея. И только когда закрылась дверь за тем, кто вошел, она повернулась.

Перед ней стоял Каспар Гудвуд. Изабелла окинула его взглядом, который скорее останавливал гостя, нежели приветствовал — словно ушатом холодной воды окатила. Стал ли мистер Гудвуд более зрелым с тех пор, как мы видели его последний раз, возможно, скоро станет известно — теперь же позвольте мне сказать, что сей взыскательный взгляд не обнаружил в нем никаких изъянов, причиненных временем. Прямой, крепкий, здоровый человек — ничто в его облике не могло помочь определить его возраст: он был слишком нетороплив и серьезен, чтобы напоминать юношу, но слишком пылок и энергичен для того, чтобы быть «в годах». Было очевидно, что ему не грозит скоро состариться; и это являлось для него определенной компенсацией за то, что молодой человек не знал настоящей, беспечной юности. Изабель заметила, что его волевой подбородок был так же воинственно вскинут, как раньше; впрочем, она была готова признать, что

данный момент никак не подразумевал мягкости и спокойствия. Судя по виду, мистер Гудвуд проделал большой путь и теперь молчал, словно ему нужно было перевести дух. «Бедняга, — подумала Изабелла, — ведь он, вероятно, способен на великие свершения. Как жаль, что его силы напрасно растрачиваются! И как жаль, что невозможно осчастливить сразу всех!»

После минутного молчания девушка проговорила:

— Не могу сказать вам, как я надеялась, что вы не придете.

— Я в этом не сомневался. — Каспар Гудвуд огляделся по сторонам в поисках стула. Он не только пришел, а намеревался на некоторое время задержаться.

— Вы, наверное, очень устали, — заметила Изабелла и села, великодушно, как ей казалось, предоставив собеседнику возможность сделать то же самое.

— Нет, вовсе нет. Вы когда-нибудь видели меня усталым?

— Никогда; хотя иногда, честно сказать, и хотелось. Когда вы приехали?

— Вчера вечером. Очень поздно. Поезд полз как черепаха, хотя его здесь называют экспрессом.

Итальянские поезда ходят со скоростью американских похоронных процессий.

— Очень подходящее сравнение. Должно быть, вы и чувствовали себя, как человек, направляющийся на похороны, — сказала Изабелла, выдавив из себя улыбку, чтобы приободрить гостя. Она долго разбиралась в этом сложном вопросе, пока окончательно не убедилась, что не нарушила никакого слова и не обманула ничьего доверия, но все же побаивалась гостя. Этот страх смущал ее; однако Изабелла была очень рада, что больше ее ничто не смущало. Мистер Гудвуд смотрел на нее с непоколебимой настойчивостью — настойчивостью, исключавшей малейшую деликатность. Тусклый мрачный огонь в его взгляде своей тяжестью просто вдавил ее в кресло.

— Нет, такого чувства у меня не было — я не могу и представить себе, что вы умерли. Хотел бы — но не могу, — сказал молодой человек просто.

— Огромное вам спасибо.

— Лучше уж думать о вас, как о мертвой, чем как о жене другого.

— Это очень эгоистично с вашей стороны! — негодуя, вскричала Изабелла. — Если вы сами несчастны, почему другие не имеют права на счастье?

— Верно, эгоистично. Но мне все равно, как вы относитесь к этому. Мне вообще безразличны все слова, которые вы можете сказать мне. Самые жестокие ваши высказывания будут лишь булавочными уколами. После того, что вы сделали, я ничего не буду чувствовать. Ничего.

Мистер Гудвуд произнес это заявление сухо, четко, свойственным американцам медлительно-жестким, ничем не смягченным тоном. Его тон скорее разозлил Изабеллу, чем задел, но это только помогло ей снова взять себя в руки. И, немного выждав, она спросила, меняя тему:

— Когда вы уехали из Нью-Йорка?

Молодой человек на мгновение поднял голову, словно подсчитывая.

— Семнадцать дней назад, — сказал он.

— Вы добрались довольно быстро, несмотря на ваши медленные поезда.

— Я приехал так скоро, как смог. Если бы это было возможно, я был бы здесь пять дней назад.

— Это ничего бы не изменило, мистер Гудвуд, — с улыбкой произнесла Изабелла.

— Для вас — нет. Но для меня…

— Вы ничего от этого бы не выиграли.

— Позвольте судить мне самому!

— Конечно. Мне кажется, вы мучаете себя. — И,

чтобы сменить тему разговора, Изабелла поинтересовалась, не видел ли он Генриетту Стэкпол.

Он взглянул на нее так, словно хотел сказать, что он приехал из Бостона во Флоренцию вовсе не для того, чтобы говорить о Генриетте Стэкпол, но ответил довольно внятно, что молодая леди встречалась с ним перед самым его отъездом из Америки.

— Генриетта приезжала к вам?

— Да, она была в Бостоне и зашла в мой офис. Это был как раз тот день, когда я получил ваше письмо.

— Вы все рассказали ей? — с некоторой тревогой поинтересовалась Изабелла.

— О, нет, — просто ответил Каспар Гудвуд. — Я не захотел ничего ей говорить. Она скоро сама узнает. Мисс Стэкпол знает все.

— Я напишу ей, и она будет меня потом бранить, — заявила Изабелла, снова пытаясь улыбнуться.

Каспар, однако, оставался совершенно серьезным.

— Полагаю, она скоро появится здесь, — сказал он.

— Чтобы побранить меня?

— Не знаю. Похоже, мисс Стэкпол считает, что

осмотрела Европу недостаточно тщательно.

— Я рада, что вы сказали мне об этом, — проговорила Изабелла. — Я должна приготовиться к ее приезду.

Мистер Гудвуд на мгновение опустил глаза, затем снова поднял и спросил:

— Она знает мистера Озмонда?

— Немного. И он ей не понравился. Но, естественно, я не для того выхожу замуж, чтобы доставить удовольствие Генриетте, — ответила Изабелла.

Для бедного Каспара было бы лучше, если бы девушка все же постаралась доставить мисс Стэкпол удовольствие, но он не высказал этого вслух, а только спросил, когда же ожидается свадьба.

— Еще не знаю. Могу сказать только, что скоро. Я не говорила никому, кроме вас и одного человека — старой приятельницы мистера Озмонда.

— Боитесь, что ваши друзья не одобрят ваш выбор? — спросил мистер Гудвуд.

— Понятия не имею. Как я уже сказала, я выхожу замуж не ради своих друзей.

Каспар продолжал задавать вопросы, оставляя без внимания ответы Изабеллы.

— Что из себя представляет этот мистер Озмонд?

— Кто? Просто очень хороший человек. Он не занимается бизнесом, небогат, ничем не знаменит.

Девушке не нравились вопросы мистера Гудвуда, но она убедила себя, что удовлетворить его интерес — ее долг. Но бедный Каспар отнюдь не выглядел удовлетворенным. Он сидел очень прямо и не сводил с нее взгляда.

— Откуда он родом?

— Ниоткуда. Он провел большую часть жизни в Италии.

— Вы написали в своем письме, что он американец. Из каких он мест?

— Он не помнит. Он уехал из Америки маленьким мальчиком.

— И никогда не возвращался?

— Зачем ему возвращаться? — спросила Изабелла, слегка покраснев. — У него нет там никаких дел.

— Он мог бы поехать туда просто ради удовольствия. Или ему не нравятся Соединенные Штаты?

— Он с ними не знаком. К тому же он очень скромен и уже… сросся с Италией.

— С Италией и с вами, — сказал мистер Гудвуд с мрачной серьезностью и без малейшей доли

насмешки. — Что же он такое сделал?

— Чтобы я вышла за него замуж? Ничего, — ответила Изабелла с улыбкой, которая постепенно становилась вызывающей. — Если бы мистер Озмонд совершил великие дела, вы бы скорее простили меня? Оставьте меня в покое, мистер Гудвуд. Я выхожу замуж за ничтожество. Не пытайтесь найти в этом человеке что-то интересное для вас. Вам не удастся.

— Вы хотите сказать, что мне не дано оценить его. И вы вовсе не считаете его ничтожеством. Для вас это великий человек, хотя больше никто так не думает.

Изабелла покраснела еще больше; она признала мудрость и проницательность собеседника — должно быть, страсть обостряет все чувства, подумала она, раньше за ним такого не наблюдалось.

— Почему вы все время возвращаетесь к мнению других? Я не могу обсуждать с вами мистера Озмонда.

— Вы правы, — спокойно согласился Каспар.

У него был беспомощный вид, словно не только это было правдой, но и то, что больше у них не осталось предмета для разговора.

— Видите, как мало вы выиграли, — нарушила

молчание Изабелла. — Как мало я смогла вас успокоить и утешить.

— Я и не ожидал большего.

— Тогда я не понимаю, зачем вы приехали.

— Я приехал, потому что хотел увидеть вас еще раз… вот и все.

— Очень любезно с вашей стороны, но если бы вы немного подождали, рано или поздно мы все равно бы встретились, и наша встреча была бы более приятной для нас обоих, чем эта.

— Подождать, пока вы выйдете замуж? Именно этого мне и не хотелось. Вы станете другой.

— Не совсем. Я по-прежнему останусь вашим другом. Вот увидите.

— Тем хуже, — мрачно произнес мистер Гудвуд.

— Вам не угодишь! Не могу же я пообещать возненавидеть вас, чтобы помочь вам отойти в сторону.

— И в этом случае мне было бы все равно!

Изабелла с нетерпением поднялась, подошла к окну и задержалась возле него, глядя в сад. Когда девушка обернулась, посетитель по-прежнему сидел неподвижно на своем месте. Она снова направилась к нему и остановилась, опершись рукой о спинку кресла, с которого только что

поднялась.

— Значит, вы приехали для того, чтобы просто увидеть меня? А вы подумали, каково будет мне?

— Я хотел слышать ваш голос, — сказал Каспар.

— Вы услышали его, но он ничем не порадовал ваш слух.

— И все же я рад, что слышу его.

С этими словами мистер Гудвуд поднялся.

Изабелла почувствовала неприязнь и боль, когда утром получила записку, в которой Каспар сообщал ей о своем приезде во Флоренцию и просил разрешения немедленно повидать ее. Девушка была расстроена и раздражена, хотя и передала ему с его же посыльным, что он может прийти тогда, когда пожелает. Конечно, его появление в гостиной не обрадовало ее — оно было полно скрытого значения. Оно заключало в себе то, с чем Изабелла никогда не могла согласиться: предъявление прав на нее, упреки, увещевания, осуждение, наконец, ожидание, что она изменит свое решение. Однако все эти вещи, хотя и подразумевавшиеся, остались невыраженными, и сейчас наша молодая леди, как ни странно, начала испытывать негодование из-за удивительного самообладания гостя. Его немое

страдание раздражало Изабеллу; его мужество заставляло ее сердце биться чаще. Девушка чувствовала нарастающее волнение и понимала, что злилась совсем как женщина, которая была не права. Ей захотелось услышать от него хотя бы слово упрека. Утром она хотела, чтобы его визит был как можно короче — он был совершенно бесполезен, он был бесцелен; однако сейчас, когда мистер Гудвуд готов был откланяться, она пришла вдруг в ужас оттого, что он покинет ее, не сказав ни слова, позволившего бы ей защищать свою позицию более энергично, чем она сделала это месяц назад, написав ему несколько тщательно подобранных слов, объявлявших о ее решении выйти замуж. Но если она ни в чем не виновата, откуда в ней было это желание оправдываться? Не чрезмерно ли она к нему великодушна, желая, чтобы он на нее разозлился?

Если бы Каспар не держал себя все время в руках, ему пришлось бы призвать на помощь все свое самообладание, когда Изабелла воскликнула таким тоном, словно обвиняла его в том, что он обвиняет ее:

— Я не обманывала вас! Я была совершенно свободна!

— Я знаю, — сказал Каспар.

— Я предупреждала вас, что буду делать то, что мне будет угодно.

— Вы говорили, что, вероятно, никогда не выйдете замуж, и говорили так убедительно, что я поверил.

Изабелла несколько мгновений молчала.

— Я сама больше всех удивлена своему решению.

— Вы сказали — если я услышу о вашем замужестве, мне не следует верить, — продолжал Каспар. — Я узнал об этом двадцать дней назад от вас самой и вспомнил ваши слова. Я надеялся, что это ошибка, — вот в чем частично причина моего приезда.

— Если вы хотите, чтобы я повторила, то это уже сделано. Тут нет никакой ошибки.

— Я понял это, как только вошел в комнату.

— Вам-то что за выгода, если бы я никогда не вышла замуж? — слегка раздраженно спросила Изабелла.

— Это было бы лучше.

— Я уже говорила — вы очень эгоистичны.

— Я знаю. Я сделан из железа.

— Железо иногда плавится. Если вы будете благоразумны, мы снова встретимся с вами.

— Разве я сейчас не веду себя благоразумно?

— Не знаю, что вам сказать, — ответила Изабелла с внезапным смирением.

— Я не буду долго досаждать вам, — продолжал молодой человек. Он сделал шаг к двери, но остановился. — Другая причина моего приезда — я хотел услышать от вас объяснение, почему вы передумали.

Смирение покинуло Изабеллу так же мгновенно, как и появилось.

— Объяснение? Вы считаете, я обязана объяснять?

Каспар молча посмотрел на нее.

— Вы тогда так твердо это сказали. Я поверил вам.

— Я тоже тогда верила в то, что говорила. Думаете, я могла бы объяснить, даже если бы захотела?

— Наверное, нет. Что ж, — добавил молодой человек, — я сделал то, что хотел. Повидал вас.

— Немного же вы извлекаете из этих далеких странствований, — пробормотала Изабелла.

— Я справлюсь — пусть вас это не тревожит.

Он повернулся, на этот раз окончательно, чтобы уйти; так они и расстались — без рукопожатия, без какого-либо жеста прощания. Держась за ручку двери, он проговорил:

— Завтра же я покину Флоренцию.

— Очень рада слышать это! — раздраженно выкрикнула Изабелла.

Мистер Гудвуд вышел. Через пять минут после его ухода она разрыдалась.

Глава 33

Рыдания Изабеллы, однако, длились недолго, от них не осталось и следа, когда спустя час она обрушила эту новость на миссис Тачетт. Я использую это выражение, поскольку девушка была уверена, что ее решение не понравится тете. Она решила сообщить ей обо всем только после встречи с мистером Гудвудом. В Изабелле поселилась непонятная уверенность в том, что было бы нечестно объявить о своем замужестве до того, как она выслушает мнение Каспара. Молодой человек сказал меньше, чем она ожидала, и теперь Изабелла злилась из-за напрасно потерянного времени. Но впредь она была намерена не терять ни минуты. Когда незадолго до ланча миссис Тачетт вошла в гостиную, Изабелла поспешно сказала:

— Тетя Лидия, мне нужно вам кое-что сказать.

Миссис Тачетт вздрогнула и посмотрела на девушку чуть ли не с яростью.

— Тебе не нужно ничего говорить. Я и так все знаю.

— Откуда же вы узнали?

— Так же, как я узнаю, что окно открыто — оттуда дует ветер. Ты хочешь выйти замуж за этого человека.

— Кого вы имеете в виду? — с достоинством спросила Изабелла.

— Друга мадам Мерль — мистера Озмонда.

— Не знаю, почему вы так его называете. Это главное, чем он известен?

— Если он ей не друг, то должен стать им после всего, что она для него сделала! — воскликнула миссис Тачетт. — Я этого от нее не ожидала и очень разочарована!

— Если вы хотите сказать, что мадам Мерль имеет какое-то отношение к моей помолвке, вы глубоко заблуждаетесь, — холодно заявила девушка.

— Ты считаешь, что достаточно хороша и джентльмена не навели на эту мысль? Ты права — конечно, ты очень привлекательна, но он никогда не посмел бы и подумать о тебе, если бы она не подсказала ему. Он очень высокого о себе мнения, но лишний раз пальцем не пошевелит. Мадам Мерль сделала это за него.

— Мистер Озмонд очень много сделал! — воскликнула Изабель с натянутым смехом.

Миссис Тачетт кивнула.

— Думаю, ему пришлось, раз он сумел так понравиться тебе.

— Я думала, он и вам нравится.

— Так и есть. Вот это меня и раздражает.

— Сердитесь лучше на меня, а не на него, — сказала девушка.

— О, я на тебя постоянно сержусь — от этого нет никакого проку. Так вот ради чего ты отказала лорду Уорбартону?

— Пожалуйста, не надо возвращаться к этому. Почему мистер Озмонд не мог понравиться мне, если он нравится вам?

— Мне никогда даже не приходило в голову выйти за него замуж. Он не представляет собой ничего.

— Ну, тогда он не может причинить мне вреда, — улыбнулась Изабелла.

— Думаешь, ты будешь счастлива? Никто замужем не бывает счастлив!

— Значит, я заведу моду быть счастливой! Для чего же выходят замуж?

— Для чего ты это делаешь — один Бог знает. Обычно выходят замуж, выбрав себе пару, чтобы иметь свой дом. Но в твоем случае в союз вносишь свою долю только ты.

— Вы хотите сказать, что мистер Озмонд небо-

гат? — спросила Изабелла.

— У него нет ни денег, ни имени, ни положения. Я ценю такие вещи и смело говорю об этом. Считаю, что это очень важно. Многие думают так же, как я, и делом доказывают это. Хотя, может быть, и приводят другие объяснения.

Подумав немного, Изабелла произнесла:

— Мне кажется, я могу ценить все, что имеет цену. Я ценю деньги — вот почему мне хочется, чтобы и у мистера Озмонда они были.

— Тогда дай ему денег, а замуж выйди за кого-нибудь другого.

— Его имя меня устраивает, — продолжила девушка. — Очень милое имя. Разве у меня такое уж громкое имя?

— Серьезная причина поменять его на лучшее. В Америке всего-то дюжина имен. Так ты выходишь за него с благотворительными целями?

— Я была обязана, тетя Лидия, поставить вас в известность о своем решении, но я не уверена, что обязана объяснять его. Да и не смогла бы, если б даже это было так. Не нападайте на меня, вы заведомо ставите меня в проигрышное положение. Я не могу говорить об этом.

— Я не нападаю — должна же я ответить тебе. А ты должна выслушать разумные доводы. Я же

раньше молчала, хотя и видела, к чему это идет. Я никогда не вмешиваюсь в чужие дела.

— И я очень благодарна вам за это. Вы очень деликатны.

— Это не деликатность... это соглашательство, — сказала миссис Тачетт. — Но с мадам Мерль я поговорю.

— Не понимаю, зачем ее вмешивать в это дело. Она была мне хорошей подругой.

— Возможно, но мне — плохой.

— Что она вам сделала?

— Обманула меня. Мадам Мерль обещала предотвратить то, что произошло.

— Да как она могла это сделать?

— Мадам Мерль может все. Она всегда мне нравилась потому, что могла сыграть любую роль. Я видела, как она играла одну роль за другой, но даже не подозревала, что она может сыграть две роли одновременно.

— Не знаю, какую роль мадам Мерль играла перед вами, — сказала Изабелла. — Это ваше дело. По отношению ко мне она была искренним и верным другом.

— Конечно, а как же иначе! Она хотела, чтобы ты вышла замуж за ее кандидата. Мне она говорила, что следит за тобой и в нужную минуту

вмешается.

— Мадам Мерль сказала это, чтобы вас не расстраивать, — ответила девушка, сама сознавая неубедительность своего объяснения.

— Обмануть меня, чтобы не расстраивать? Да она прекрасно меня знает — разве я сегодня довольна?

— Мне кажется, вы никогда не бываете довольны, — была вынуждена ответить Изабелла. — Если она знала, что вы все равно узнаете правду, зачем ей было лгать?

— Она выиграла время, как видишь. Пока я ждала ее вмешательства, ты делала решающие шаги, а мадам Мерль била в барабаны.

— Очень хорошо. Но по вашему собственному признанию, вы видели, куда я шагаю. Даже если бы мадам Мерль забила тревогу, вы бы не стали останавливать меня.

— Нет, не я. Кто-нибудь другой.

— Кто же? — спросила Изабелла, твердо глядя на тетю.

Маленькие блестящие глазки миссис Тачетт, такие всегда выразительные, на этот раз лишь выдержали взгляд, ничем не выдав то, что было у тетушки на уме.

— Ты выслушала бы Ральфа?

— Нет, если бы он стал оскорблять мистера Озмонда.

— Ральф не оскорбляет людей. Ты это отлично знаешь. Ты ему очень дорога.

— Я знаю, — произнесла Изабелла. — И теперь надеюсь оценить всю полноту этого отношения. Думаю, он понимает, что все мои поступки продиктованы разумными причинами.

— Он никогда не думал, что ты это сделаешь. Я говорила ему, что ты способна на такой поступок, но Ральф со мной спорил.

— Он делал это ради самого спора, — улыбнулась Изабелла. — Вы же не обвиняете его в обмане. Почему же вы считаете обманщицей мадам Мерль?

— Ральф никогда не говорил, что не допустит этого.

— Я рада! — весело воскликнула девушка. — Мне хотелось бы, чтобы, когда он приедет, вы сразу сообщили о моем решении.

— Конечно, я скажу ему, — согласилась миссис Тачетт. — С тобой я больше не буду говорить об этом, но предупреждаю, с другими я буду обсуждать твое решение.

— Как вам будет угодно. Я просто имела в виду, что будет лучше, если вы объявите о нем сами.

— Согласна. Так будет гораздо приличнее!

С этими словами леди отправились на ланч. В столовой миссис Тачетт сдержала свое слово и больше не говорила о Джилберте Озмонде. Однако после продолжительного молчания женщина поинтересовалась, кто приходил к племяннице час назад.

— Один старый друг, американский джентльмен, — ответила Изабелла и вспыхнула.

— Естественно, американец. Только американцы могут заявиться в десять часов утра.

— Было половина одиннадцатого. Он очень торопился. Сегодня вечером он уезжает.

— А вчера нельзя было прийти в нормальное время?

— Он только вчера приехал.

— Провести всего сутки во Флоренции? — воскликнула миссис Тачетт. — Настоящий американец.

— Это правда, — сказала Изабелла, подумав о том, что Каспар Гудвуд сделал ради нее, с некоторым восхищением.

Два дня спустя приехал Ральф. Хотя Изабелла не сомневалась, что миссис Тачетт не стала терять времени и сразу сообщила сыну новость, молодой человек ничем не обнаруживал, что ему что-то

известно. Неотложной темой, разумеется, было его здоровье; потом Изабелла расспрашивала его об острове Корфу. Девушка за это время как-то забыла о его болезни и была поражена внешним видом Ральфа. Несмотря на климат Корфу, молодой человек выглядел очень неважно. Изабель задумалась, действительно ли ему стало хуже или она просто отвыкла видеть рядом с собой тяжело больного человека. Ральф и так-то, когда здоровье его было в относительном порядке, не отличался особой привлекательностью, но сейчас ухудшение состояния отнюдь не смягчило природную странность его внешности. С лица молодого человека не сходила привычная ироническая улыбка; редкие бакенбарды обрамляли худые щеки, еще резче обозначился горбатый нос. Ральф еще больше похудел — высокий и худощавый, словно состоящий из одних углов, он двигался как-то неловко. Его коричневый бархатный пиджак казался вечным; он постоянно держал руки в карманах, волочил ноги и спотыкался — одним словом, стал совершенно немощен физически. Возможно, эта причудливая походка больше, чем что бы то ни было, подчеркивала насмешливый нрав больного, для которого даже собственная немощность являлась

предметом для шуток. Возможно, эта немощность и являлась главной причиной того, что он несерьезно относился к жизни, где его собственное затянувшееся пребывание он сам воспринимал как неразрешимую загадку.

Изабелла постепенно прониклась нежностью к безобразной внешности кузена, к его нескладности — она поняла, что они и придавали ему очарование в ее глазах. Они поразили ее, сделали Ральфа еще более дорогим. Состояние его здоровья стало казаться ей не трагедией, а неким интеллектуальным преимуществом — оно освобождало его от всех профессиональных и общественных забот, оставляя ему лишь ни с чем не сравнимую возможность быть просто человеком. И личность, сформировавшаяся в результате этого, была восхитительна. Она, эта личность, вовсе не была болезненна — напротив, была легка, свежа, разумна. Вот такие впечатления о кузене сложились у Изабеллы, и она начинала жалеть его, только когда ей случалось поразмыслить о его судьбе. Но, поскольку она часто размышляла, она была склонна испытывать к Ральфу некоторое сочувствие, что она, в общем-то, остерегалась делать, поскольку боялась истощить запас столь ценного вещества, которое никому не стоит так

дорого, как дающему. Сейчас, однако, не требовалось особой чувствительности, чтобы понять, что жизнь в Ральфе держалась едва-едва. Это был благородный, добрый, прекрасный человек, с умом блестящим, без тени педантизма — но он умирал. Изабелла отметила про себя, что для иных жизнь бывает тяжелой ношей, и испытала некоторое смущение при мысли о том, какой легкой она обещала сейчас стать для нее самой. Девушка была готова к тому, что Ральфу не понравится ее решение выйти замуж за Озмонда, но не намеревалась, несмотря на привязанность к кузену, позволить, чтобы это чему-нибудь помешало. Впрочем, она не собиралась негодовать, не встретив в нем сочувствия к ее предполагаемому шагу, — критическое отношение к ее желанию выйти замуж было вполне допустимым для родственника. Кузены всегда считают само собой разумеющимся ненавидеть мужей своих кузин — это традиция, классическая ситуация, как и та, что они считают само собой разумеющимся быть влюбленными в своих кузин. Ральф же был готов критиковать все на свете; и, хотя Изабелла с радостью бы вышла замуж за человека, который бы ему нравился, было бы абсурдно подстраиваться под его понятия. Да и каковыми были

его понятия вообще? Он делал вид, что считал необходимым для нее согласиться на предложение лорда Уорбартона, но это только потому, что она его отвергла. Если бы она приняла его предложение, Ральф, определенно, повел бы себя по-другому, поскольку обладал духом противоречия. Можно критиковать любое замужество. Сама суть брака является предметом для критики. Как превосходно сама Изабелла, в случае если бы захотела заняться этим, могла раскритиковать собственное решение! Но у нее было много других занятий, и Ральфу предоставлялась возможность взять это на себя. Девушка приготовилась встретить его нападки терпеливо и с юмором.

Должно быть, Ральф догадался об этом, и тем более было странным, что он ничего не сказал. После трех дней молчания Изабелла начала терять терпение — даже если ему совсем не по душе объясняться с ней на эту тему, должен же он, в конце концов, хотя бы ради приличия сделать это? Мы знаем Ральфа гораздо лучше, чем его кузина, и потому можем легко предположить, что в течение первых часов после приезда в палаццо Кресчентини перечувствовал молодой человек. Мать буквально на пороге обрушила на сына эту великую новость, после которой на Ральфа

повеяло холодом, да таким, что с ним ни в какое сравнение не шел прохладный поцелуй, которым мать его встретила. Ральф был потрясен, унижен; все его расчеты оказались неверными, а судьба кузины загублена. Он блуждал по дому, словно потерявший управление корабль, или сидел в саду в огромном кресле, вытянув свои длинные ноги, откинув голову и надвинув шляпу на самые глаза. Он ощущал, как у него леденеет сердце — хуже и представить себе ничего было нельзя. Что он мог сделать? Что сказать? Если Изабеллу не остановить, может быть, притвориться, что это ему по душе? Или попытаться уговорить ее? А есть ли уверенность, что эта попытка окажется успешной? Постараться убедить ее в том, что человек, искусному обольщению которого она поддалась, недостоин ее, стоило бы, если быть уверенным, что она послушает его. Иначе он просто проклянет себя. Ему одинаково трудно было и выказать свои чувства — и умолчать о них; невозможно было и примириться со всем этим, и противиться без надежды на успех.

Он знал — или, скорее, догадывался, — что новоявленная пара ежедневно освежает свои обоюдные клятвы. Озмонд сейчас редко появлялся в палаццо Кресчентини, но Изабелла встречалась

с ним каждый день где-то еще, поскольку теперь, когда об их помолвке было объявлено, она имела полное право на это. Девушка наняла на месяц карету, чтобы не брать экипаж у тетушки, поскольку та не одобряла ее, и уезжала по утрам за город. В начале дня пригороды были пустынны, и наша молодая леди в сопровождении своего возлюбленного, который присоединялся к ней в самых тихих местах, прогуливалась в тени итальянских рощ и слушала соловьиные трели.

Глава 34

Однажды утром, вернувшись с прогулки за полчаса до завтрака, Изабелла вышла из кареты и вместо того, чтобы направиться вверх по огромной лестнице, пересекла двор, прошла под еще одной аркой и очутилась в саду. В этот час он был просто великолепен. Полуденный зной окутал его тишиной; теплые тени были неподвижны, и сквозь них стремились пробиться горячие лучи. Ральф сидел в полумраке у пьедестала статуи Терпсихоры — танцующей нимфы с тонкими пальцами и раздувающимися одеждами в стиле Бернини[64]; поза его излучала такую расслабленность, что девушка сначала даже подумала, что он спал. Ее легкие шаги по траве его не потревожили, но, прежде чем повернуть назад, она остановилась и пристально посмотрела на него. В это мгновение он открыл глаза. Изабелла опустилась рядом с кузеном в такое же кресло. Хотя, досадуя на него, Изабелла обвиняла Ральфа в равнодушии, она не могла не видеть, что его

[64] Примечания: 64

Бернини Джованни (1598–1680) — итальянский архитектор и скульптор.

что-то угнетает. Правда, девушка относила это частично к его ухудшающемуся состоянию здоровья, частично — к некоторым проведенным им сомнительным мероприятиям, касавшимся наследства, и, как сказала Изабелле отнюдь не одобрившая их миссис Тачетт, теперь они также встретили противодействие со стороны остальных акционеров банка. Миссис Тачетт считала, что молодой человек должен был отправиться в Англию вместо того, чтобы приезжать во Флоренцию. Он не был там уже несколько месяцев, и дела банка интересовали его не больше, чем события в Патагонии.

— Простите, что разбудила вас, — произнесла Изабелла. — Вы выглядите усталым.

— Так оно и есть. Но я не спал, а думал о вас.

— Именно это вас и утомило?

— Ну да! Как любые бесплодные усилия. Дорога длинная, и я никогда не доберусь до цели.

— Куда вы хотели бы добраться? — поинтересовалась Изабелла, закрывая зонтик.

— К пункту, где я мог бы сам понять, как отношусь к вашему замужеству.

— Стоит ли слишком много думать об этом? — беззаботно произнесла Изабелла.

— Вы хотите сказать, это не мое дело?

— До определенной степени — да.

— Вот эту степень мне и хотелось бы определить. Вы ведь имеете право обвинить меня в неучтивости? Ведь я еще не поздравил вас.

— Конечно, я это заметила и удивлена вашему молчанию.

— Тут множество веских причин. Сейчас я вам объясню, — проговорил Ральф.

Он снял шляпу, положил ее на землю, выпрямился и некоторое время молча смотрел на Изабеллу. Потом откинулся назад, прислонился головой к пьедесталу статуи и уронил руки на подлокотники. Было видно, что он испытывает неловкость и колеблется. Изабелла тоже молчала; когда кто-то рядом испытывал смущение, она обычно испытывала сочувствие, но сейчас она решила ни словом не помогать кузену.

— Я все еще не могу прийти в себя, — произнес он наконец. — Вот уж ни за что бы не поверил, что вы можете так легко пойматься на удочку.

— Не понимаю, почему вы говорите, будто меня «поймали».

— Потому что вы собираетесь войти в клетку.

— Раз мне это нравится, это не должно вас тревожить, — сказала Изабелла.

— Вот это меня и удивляет. Вот об этом-то я и

думаю все время.

— Если думаете и вы, то можете себе представить, сколько думала я! Пока не убедилась, что мне нужно именно это.

— Вероятно, вы сильно изменились. Год назад вы ценили свою свободу выше всего прочего. Вы хотели одного — познавать окружающий мир.

— Я познала достаточно, — ответила Изабелла. — И уже не испытываю страстного желания продолжать.

— Я не ожидал этого. Я думал, что, бросив беглый взгляд, вы захотите ознакомиться с ним подробнее.

— Я поняла, что это невозможно. Каждый должен выбрать свой уголок земли и возделывать его.

— Я тоже так считаю. Но этот уголок нужно выбрать по возможности тщательнее. Всю зиму, читая ваши светлые письма, я и представить себе не мог, что вы уже выбирали! Вы не обмолвились об этом ни словом, и ваше молчание ослабило мое внимание.

— Так вы ожидали, что я стану писать вам о подобных вещах? Но, кроме всего прочего, откуда я могла знать, что случится? Все произошло позже. Но если бы ваше внимание не было усыплено,

что бы вы сделали?

— Я бы сказал: «Подожди еще немного»[65].

— Подождать чего?

— Чтобы все прояснилось, — сказал Ральф с глуповатой улыбкой, и его руки задвигались, ища привычный путь в карманы.

— И кто должен был прояснить все? Вы?

— Я мог бы послать вам по дружбе пару лучей.

Изабелла сняла перчатки и разгладила их на коленях.

Мягкость ее движений отнюдь не говорила о ее настрое — выражение лица девушки не было миролюбивым.

— Вы ходите вокруг да около, Ральф. Вы хотите сказать, что вам не нравится мистер Озмонд, и боитесь.

— Я боюсь вас, а не его. Если вы все-таки выйдете за него, говорить такие вещи неразумно.

— Если я выйду за него! Вы надеетесь разубедить меня?

— Вам, конечно, это кажется бессмысленным?

— Нет, — сказала Изабелла после короткого молчания, — это кажется мне трогательным.

---

[65] Примечания: 65

Строка из детского стихотворения (автор — английский поэт Альфред Теннисон). «Подожди еще немного, пока у тебя не окрепнут крылья» — слова, обращенные к птенчику, который собирается взлететь.

— Это одно и то же. Я смешон, и вам меня жаль. Не так ли?

Изабелла снова разгладила свои перчатки.

— Я знаю, как вы ко мне привязаны, и не могу не учитывать этого.

— Ради бога, и не пытайтесь. Имейте это всегда в виду. Может быть, это заставит вас понять, как сильно я желаю вам добра.

— И как мало вы мне доверяете!

Наступило короткое молчание. Казалось, даже теплый полдень прислушивается к разговору.

— Вам я доверяю — но не ему, — произнес Ральф.

Изабелла подняла глаза и пристально взглянула на кузена.

— Вы произнесли это — ну, держитесь.

— Я надеюсь на вашу справедливость.

— Я очень справедлива, — сказала Изабелла. — Какое еще нужно доказательство, если я не сержусь на вас? Не знаю, что со мной, но я не сержусь. Я разозлилась, когда вы начали разговор, но злость быстро прошла. Возможно, я должна была рассердиться, но мистер Озмонд не одобрил бы этого. Он хочет, чтобы глаза мои были открыты, — поэтому он мне и нравится. Я знаю, личной заинтересованности в этом вопросе у

вас нет. Я никогда не обнадеживала вас, поэтому вам нечего желать, чтобы я не выходила замуж. Вы даете очень хорошие советы, я не раз в этом убеждалась. Нет, я очень спокойна. И я знаю, что вы необыкновенно проницательны.

Изабелла продолжала хвастаться своим спокойствием, однако говорила с некоторым волнением. Она страстно стремилась быть справедливой, и это тронуло Ральфа. Ему хотелось прервать кузину, успокоить ее — в какой-то момент он был готов проявить непоследовательность и взять все свои слова обратно. Но Изабелла не предоставила ему такую возможность и продолжала играть свою, как ей казалось, «героическую роль», желая довести ее до конца.

— Как я понимаю, у вас есть на этот счет свои соображения. Мне бы хотелось выслушать их, я знаю, что все, что вы скажете, будет вполне бескорыстно. Однако я должна сказать вам, если вы намерены разубедить меня, — оставьте эту бессмысленную надежду. Слишком поздно. Как вы сами сказали, я «поймана». Разумеется, вам будет неприятно вспоминать наш разговор, но этим дело и ограничится. Я никогда не упрекну вас.

— В этом я и не сомневаюсь, — сказал Ральф. — Мне и в голову не могло прийти, что вы так

можете выйти замуж.

— Да как?

— Мне трудно объяснить. Я вижу здесь очень мало позитивного — практически только негативное. Я не думал, что вы можете выйти замуж за такого человека, как мистер Озмонд.

— Что вы имеете против него? Вы же его едва знаете.

— Да, — согласился Ральф, — я его едва знаю, и у меня нет против него ничего. Но все равно я не могу избавиться от ощущения, что вы совершаете рискованный шаг.

— Замужество — всегда риск, и мистер Озмонд рискует так же, как и я.

— Это его дело! Если он боится, пусть он отступится от вас. Мне бы этого очень хотелось.

Изабелла откинулась на спинку кресла, сложив руки, и некоторое время смотрела на кузена.

— Боюсь, я вас не понимаю, — холодно произнесла она наконец. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— Я думал, вы выберете в мужья более значительного человека.

Тон ее, как я уже сказал, был холоден — теперь же и краска плеснула ей в лицо.

— Более значительного для кого? Мне кажется

достаточным, что муж значителен для своей жены!

Ральф тоже вспыхнул — его положение было неловким. Он попытался рассеять возникшую напряженность хотя бы тем, что переменил позу. Он выпрямился, затем подался вперед, уперся руками в колени. Он сидел, не поднимая глаз, с видом человека, погруженного в глубочайшие раздумья.

— Сейчас я вам скажу, что имею в виду, — произнес он.

Ральф был взволнован, и, поскольку уже начал этот разговор, хотел выговориться. Но ему хотелось оставаться предельно тактичным.

Изабелла несколько секунд подождала и потом заговорила свысока:

— Мистер Озмонд возьмет пальму первенства во всем, что заставляет нас ценить людей. Возможно, существуют более благородные натуры, но мне такой пока встретить не посчастливилось. Мистер Озмонд — лучший человек из всех, кого я знаю. И для меня он весьма значителен.

— Я рисовал себе ваше будущее совсем иначе, — произнес Ральф, оставив фразу кузины без ответа. — Я забавлялся, примеряя на вас ту или иную прекрасную судьбу. Она ни в коем случае

не могла быть такой. Вы не могли пропасть ни за грош так легко и быстро.

— Пропасть ни за грош? Какие странные выражения вы применяете! Вот уж странное восприятие моего замужества!

— Это слово выражает мое представление о нем. Мне кажется, вы парили высоко в небе, в сияющей лазури, над головами людей. Вдруг кто-то подбросил вверх увядший бутон розы — снаряд, который никак не мог попасть в вас, — и он сбил вас. Мне больно от этого, — отважно заявил Ральф, — так, словно с небес упал я сам.

На лице его собеседницы отразились еще большая обида и озадаченность.

— Ничего не понимаю, — повторила Изабель. — Вы говорите, что забавлялись, представляя себе мое будущее. Я этого не понимаю. Не боитесь, что я подумаю, будто вы смеялись надо мной?

Ральф покачал головой.

— Я не боюсь; вы не можете усомниться в том, что я придумывал для вас самое блестящее будущее.

— Что вы имели в виду под парением в небесах? — спросила девушка. — Я никогда не была еще на такой высоте, как сейчас… Что может быть прекраснее для девушки, чем выйти замуж

за человека, который ей нравится? — Бедная Изабелла перешла на нравоучительный тон.

— Именно эту вашу душевную склонность к этому человеку я и осмелюсь критиковать, моя милая Изабелла! Я бы сказал, что вам подошел бы человек более яркий, независимый, крупный. — Ральф поколебался несколько мгновений, затем все же добавил: — Я не могу преодолеть ощущение, что мистер Озмонд в какой-то мере… мелок.

Он произнес последние слова с дрожью в голосе, боясь, что Изабелла снова вспыхнет, но, к его удивлению, Изабелла промолчала; у нее был такой вид, словно она обдумывает что-то.

— Мелок? — повторила девушка.

— Думаю, он несколько ограничен, себялюбив. И воспринимает себя слишком серьезно.

— Мистер Озмонд очень уважает себя, и я не виню его за это, — сказала Изабель. — Это не худший путь к тому, чтобы уважать других.

На мгновение Ральф почти успокоился, поверив ее рассудительному тону.

— Да, но все относительно — надо чувствовать окружающий мир, соотносить себя с другими людьми. Не думаю, что мистер Озмонд на это способен.

— Меня интересует только то, как он чувствует

меня. В этом он безупречен.

— Мистер Озмонд — воплощение вкуса, — продолжил Ральф, рассчитывая поточнее определить отрицательные черты Джилберта Озмонда, но не перегнуть палку и не подставить себя под удар. Ральфу хотелось описать его беспристрастно, с научной точки зрения. — Он судит и оценивает, одобряет и порицает только согласно своему вкусу.

— Очень хорошо, что у него столь безупречный вкус.

— Действительно безупречный, поскольку он помог ему выбрать вас в жены. Но как вы думаете, что произойдет, когда вам не удастся соответствовать этому тонкому вкусу хоть в самой малости?

— Надеюсь, это меня минует — я всегда смогу угодить своему мужу.

При этих словах губы Ральфа искривились.

— В вас говорит упрямство, это недостойно вас! — воскликнул он. — Вы хотите сказать, что вы предназначены для того, чтобы вас постоянно оценивали? Чтобы вечно быть настороже, охраняя чувствительность бездарного дилетанта!

Изабелла внезапно поднялась; Ральф сделал то же самое. Некоторое время они стояли, глядя друг на друга, словно молодой человек нанес кузине

оскорбление.

— Вы заходите слишком далеко, — пробормотала Изабелла.

— Я сказал то, что думаю. Я сказал это, потому что люблю вас!

Изабелла побледнела. Неужели Ральф тоже входил в этот тягостный список? Как ей бы не хотелось этого!

— А, так вы тоже заинтересованное лицо! — разочарованно сказала она.

— Я люблю вас, но без тени надежды, — быстро проговорил Ральф, натянуто улыбнувшись и негодуя на себя, что сказал больше, чем намеревался.

Изабелла отошла от него и остановилась, вглядываясь в солнечное безмолвие сада, потом снова повернулась к молодому человеку.

— Боюсь, ваши слова продиктованы отчаянием. Я их не понимаю, но это не имеет значения. Я не спорю с вами — это невозможно. Я только старалась выслушать вас и очень благодарна вам за желание мне все объяснить, — сказала Изабелла ласково, словно гнев, заставивший ее несколько минут назад вскочить с кресла, уже прошел. — Очень любезно с вашей стороны попытаться предупредить меня, если вы на самом

деле встревожены. Но я не обещаю вам обдумать ваши слова — я постараюсь забыть их как можно скорее. Вы тоже постарайтесь их забыть — вы выполнили свой долг, и ни один человек не мог бы сделать более. Не могу объяснить вам свои чувства — да и не стала бы делать этого, даже если бы могла. — Она сделала паузу и продолжила с непоследовательностью, которую Ральф заметил даже в состоянии такого волнения, потому что страстно хотел хоть немного ее поколебать: — Я не разделяю вашу точку зрения насчет мистера Озмонда, не могу судить о ней, потому что смотрю на этого человека совсем по-другому. Он не слишком значителен — да, он незначителен, но это человек, для которого общепринятая «значимость» совершенно безразлична. Если это вы имеете в виду, называя его «мелким», тогда он, к вашему удовольствию, действительно мелок. Но я считаю это большим достоинством — самым большим, которое я знаю. И я не намерена спорить с вами по поводу человека, за которого собираюсь замуж. Я нисколько не собираюсь защищать мистера Озмонда. Он не настолько слаб, чтобы нуждаться в моей защите. Даже вам должно казаться странным, что я говорю о нем так холодно, так спокойно, словно о постороннем.

Я не стала бы говорить о нем ни с кем, кроме вас, и вам после ваших слов должна ответить раз и навсегда. Вы что же, предпочли бы, чтобы я вышла замуж по расчету, сделала партию, которая отвечала бы честолюбивым мечтам? У меня же только одна честолюбивая мечта — свободно подчиняться своим чувствам. Когда-то были и другие, но они исчезли. Не оттого ли вы против мистера Озмонда, что он небогат? Так именно поэтому он мне нравится. К счастью, у меня достаточно денег — и я никогда не испытывала такой благодарности за это, как теперь. Бывают моменты, когда мне хочется пойти и упасть на колени перед могилой вашего отца. Он сделал, возможно, даже более благородный поступок, чем предполагал, позволив мне таким образом выйти замуж за бедного человека, который переносит свое положение с таким достоинством, с таким равнодушием. Мистер Озмонд никогда не стремился карабкаться вверх по социальной лестнице, не боролся — ему в высшей степени безразличны земные блага. Если это и означает быть мелким, эгоистичным — очень хорошо. Эти слова меня не пугают — совершенно. Жаль только, что вы так ошиблись — другим бы это было простительно, но от вас я этого не ожидала. Ведь

вы же можете понять человека, едва увидев его, можете по единому слову распознать прекрасный ум! Мистер Озмонд не совершает ошибок! Он все знает и понимает; это самая нежная, прекрасная, высокая душа. Вы просто заблуждаетесь насчет него — это прискорбно, но я ничем не могу помочь вам. Это касается вас, а не меня.

Изабелла сделала паузу, бросив на кузена взгляд, в котором виднелись чувства, противоречившие провозглашаемому ей спокойствию, — точнее, это была смесь чувств, в которой злость и боль, причиненные словами Ральфа, соседствовали с задетой гордостью. Хотя девушка замолчала, Ральф ничего не сказал, поскольку видел, что кузина еще не высказалась до конца. Внешне она казалась спокойной, но внутри явно вся пылала гневом.

— А каким бы вы хотели видеть моего мужа? — спросила Изабелла. — Вы говорили о парении в небесах — но ведь любое замужество опускает на землю. У каждого есть человеческие чувства и желания, у каждого в груди есть сердце, и каждый должен найти свою половину. Ваша матушка никогда не простит мне того, что я отвергла лорда Уорбартона, и сейчас в ужасе от того, что я готова довольствоваться человеком, у которого нет ни

владений, ни титулов, ни званий, ни положения в обществе, — ни одного из этих блистательных преимуществ. Но именно отсутствие всего этого и нравится мне. Мистер Озмонд не денежный мешок — он просто человек!

Ральф слушал с большим вниманием, словно все слова кузины заслуживали серьезного обдумывания. Но на самом деле молодой человек только наполовину прислушивался к ней, а в остальном просто пытался превозмочь тяжесть впечатления от ее речи. Она верила, хотя была не права; она была введена в заблуждение, но не собиралась этого признавать. Как это в ее духе — выдумать какую-то теорию по поводу мистера Озмонда и любить его не за достоинства, которыми он обладал, а за недостатки, замаскированные под добродетели! Она любила его не за его собственность, а за бедность, преподнесенную, как достоинство. Ральф помнил то, что сказал своему отцу о желании дать кузине возможность исполнить все, что подскажет ей ее воображение. Он так и поступил, и девушка воспользовалась этим в полной мере. Бедняга Ральф был совершенно подавлен и посрамлен. Изабелла произнесла последние слова с упрямой торжественностью, которая фактически завершила беседу, — после

этого она повернулась и направилась к дому. Ральф пошел вслед за ней, и они вместе пересекли двор и направились к лестнице. Здесь Ральф остановился, и Изабелла повернулась к нему. Ее лицо, вопреки всему, было озарено благодарностью. Его возражения заставили ее еще яснее осознать причины своего решения.

— Вы не подниметесь к завтраку? — спросила девушка.

— Нет, не хочу. Я не голоден.

— Вы должны есть, — сказала Изабелла, — а не питаться одним воздухом.

— О, это прекрасно. Я сейчас вернусь в сад и вдохну его как следует. Я пошел за вами, чтобы сказать вам еще вот что. В прошлом году я сказал вам, что, если вы попадете в беду, я буду чувствовать себя ужасно. Именно так я сейчас себя и чувствую.

— Вы считаете, что я в беде?

— Человек попадает в беду, когда совершает ошибку.

— Что ж, — сказала Изабелла. — Я никогда не буду вам жаловаться!

И она направилась вверх по лестнице.

Ральф остался внизу и стоял, засунув руки в карманы, провожая ее взглядом. Затем холод,

притаившийся во дворе, обнесенном высокими стенами, заставил его поежиться и вздрогнуть — и он вернулся в сад, чтобы позавтракать флорентийским солнцем.

Глава 35

Во время ее утренних прогулок с возлюбленным Изабелла не стала говорить ему, что его недолюбливают в палаццо Кресчентини. Сдержанные возражения против ее замужества со стороны тети и кузена не произвели на девушку особенного впечатления — она была уверена, что суть заключалась в одном: им просто не нравился мистер Озмонд. Эта антипатия не встревожила Изабеллу, а даже подстегнула: с ее помощью подтверждался тот факт, что решение было принято ею самой. Некоторые совершают поступки, чтобы доставить удовольствие другим, а некоторые — только ради своего удовольствия, и Изабелла намеревалась следовать именно второму примеру. Удовольствие Изабеллы подкреплялось восхитительным поведением ее избранника. В эти незабвенные дни, предшествовавшие исполнению его надежд, Джилберт Озмонд был влюблен и меньше всего заслуживал резких критических замечаний, которые обрушил на него Ральф Тачетт. Главное впечатление, возникшее у Изабеллы после этой критики, заключалась

в том, что страстная любовь обрекает человека на то, что он остается один на один с любимым. Девушка чувствовала, что она словно высокой стеной была отгорожена ото всех, кого она близко знала: от своих сестер, которые в своих письмах выразили огромную надежду, что она будет счастлива, и легкое удивление, что Изабелла не выбрала в супруги героя с более солидной репутацией; от Генриетты, которая наверняка должна была попозже со своей критикой выйти на сцену; от лорда Уорбартона, который, конечно же, рано или поздно утешится; от Каспара Гудвуда, который, может быть, так и останется безутешен; от тети с ее мелочными презренными идеями насчет замужества; от Ральфа, чьи разговоры о ее возможном блестящем будущем являлись не чем иным, как прикрытием его разочарования. Возможно, молодой человек вовсе и не хотел жениться на кузине — просто возможность следить за приключениями одинокой женщины могла бы развлечь его. Разочарованием и были продиктованы его злые слова о том, кого Изабелла предпочла ему. Девушка убедила себя в том, что Ральф просто злился на нее; это было легко, поскольку, как я сказал, она мало думала о ком-то кроме Джилберта Озмонда и со смирением вос-

приняла необходимость разорвать в связи с этим свои старые связи. Изабелла упивалась сладостью этого предпочтения, которое заставляло ее чувствовать исключительность своего положения. У счастья есть и трагическая сторона — когда человек защищает свои права, он неотвратимо ущемляет права кого-то другого.

Джилберт Озмонд вел себя очень сдержанно — от того яркого пламени успеха, которое, очевидно, полыхало в нем, исходило на удивление мало дыма. Удовлетворенность никогда не принимала в нем вульгарной формы; волнение у этого при любых обстоятельствах прекрасно владевшего собой человека было, по существу, торжеством самообладания. Такая ситуация, однако, делала его совершенно восхитительным возлюбленным. Он никогда не забывался и потому постоянно оставался любезным и нежным, сохраняя на лице выражение преданности. Озмонд был абсолютно счастлив — мадам Мерль сделала ему неоценимый подарок. Что могло быть прекраснее, чем находиться рядом с чудесным высокой души существом? Ибо в этом случае он мог наслаждаться чудесной мягкостью своей избранницы, тогда как все высокие ее порывы были бы оценены окружающим обществом, готовым преклоняться

перед проявлением превосходства. Когда твоя спутница обладает быстрым, живым умом, который все схватывает на лету, какого еще великого дара остается желать? Мистеру Озмонду было мало видеть свою мысль репродуцированной в буквальном смысле слова — при этом она теряла свое очарование и звучала плоско и неприятно. Он предпочитал, чтобы в чьем-то переложении его мысль становилась ярче, отражаясь от блестящей поверхности его собственного ума. Его эгоизм состоял не в том, чтобы иметь тупую жену и выделяться на ее фоне, — ум его избранницы должен быть не глиняным, а серебряным блюдом, куда он мог поместить спелые плоды своих мыслей, а это блюдо должно было подчеркнуть их красоту. Так что беседа с ней могла всегда быть чем-то вроде изысканного десерта. Озмонд нашел этот блеск серебра в Изабелле — стоило тихонько постучать костяшкой пальца по ее воображению, и раздавался мелодичный звон. Он прекрасно знал, хотя ему никто и не говорил об этом, что его союз с Изабеллой вызовет недовольство ее родственников; но он всегда обращался с ней, как с абсолютно независимым человеком, и поэтому ему не требовалось выражать сожаления по поводу отношения ее семейства к их браку. Тем

не менее как-то утром он позволил себе сделать короткое замечание:

— Вашему семейству не нравится, что в имущественном отношении мы неравны. Они считают, что я люблю ваши деньги.

— Вы говорите о тете и о кузене? — спросила Изабелла. — Откуда вы знаете, что они думают?

— Вы ни разу не сказали, что они довольны, и, когда я недавно написал миссис Тачетт, она мне не ответила. Если бы ваши родственники обрадовались, они бы как-то это да показали, и факт моей бедности и вашего богатства — наиболее очевидное объяснение их поведению. Конечно, когда человек без состояния женится на богатой девушке, ему следует ожидать, что ему поставят это в вину. Но меня это не тревожит. Меня заботит только одно — ваше счастье. Мне все равно, что думают другие. Мне всегда это было безразлично, и почему я должен начинать волноваться сейчас, когда так вознагражден? Не стану делать вид, будто мне жаль, что вы богаты. Я рад этому. Я восхищаюсь всем, что связано с вами, — деньги это или добродетель. Однако мне кажется, я прекрасно доказал, что могу обходиться без больших средств. За всю свою жизнь я ни разу, в отличие от остальных людей, не стремился заработать ни

пенни и потому должен вызывать наименьшие подозрения. Но если вашим родным угодно подозревать меня — пусть. В общем-то, это вполне понятно. Со временем они лучше узнают меня — как и вы. А я, вместо того, чтобы волноваться, буду просто благодарен судьбе за жизнь и любовь.

— Любовь к вам сделала меня лучше, мудрее, спокойнее и веселее, — сказал он в другой раз. — Я привык желать много вещей и сердиться, что их у меня нет. Рассуждая отвлеченно, как я вам уже сказал, я был удовлетворен, льстил себе надеждой, что смог обуздать свои желания. Но временами я приходил в раздражение, у меня были неприятные приступы голода, неутоленности. Теперь же я действительно всем доволен, поскольку даже не могу придумать, чего бы мне хотелось еще пожелать. Так бывает, когда кто-то пытается читать книгу в сумерках, и вдруг зажигается свет. Я проглядел все глаза, изучая книгу жизни, и не нашел никакой компенсации за свои страдания; но теперь я читаю ее так, как следует, и вижу, что она восхитительна. Моя дорогая, я даже не могу выразить, какая, мне кажется, жизнь ожидает нас, какие впереди у нас долгие солнечные дни. Послеполуденная пора итальянского дня, когда все пронизано золотым

светом и начали удлиняться тени, когда в воздухе, освещении, ландшафте разлита удивительная нежность, — эту пору я любил всегда, а теперь ее любите и вы. Не понимаю, почему у нас не должно все получиться. У нас есть все, чего душа может пожелать, — а теперь еще мы обрели друг друга. Мы обладаем способностью восхищаться прекрасным, и у нас есть твердые убеждения. Мы не глупы, у нас у обоих легкий характер, мы не подвержены каким-то глупым предрассудкам. Вы свежи — а я умудрен некоторым опытом. Моя дочурка будет развлекать нас; мы постараемся, чтобы она чувствовала себя в семейном кругу. Все, что нас ожидает, такое же светлое и теплое, как краски Италии.

Изабелла и Озмонд без конца строили планы, оставляя за собой право на свободу действий. Естественно, они оставались жить в Италии. Здесь произошла их встреча, здесь они впервые узнали друг друга, здесь они и собирались познать семейное счастье. Озмонд был предан Италии, как своему закадычному другу, Изабелла же наслаждалась вновь приобретенным знакомством, которое сулило ей массу приятных минут. Тяга к освоению беспредельных просторов сменилась в ней сознанием, что жизнь пуста, если в

ней нет цели, нет обязанностей, наличие которых направляло бы ее силы в нужное русло. Девушка сказала Ральфу, что два года изучала жизнь и ей уже наскучило наблюдать жизнь вместо того, чтобы жить. Что сталось с ее пылкими порывами, теориями, стремлением к независимости и непоколебимым убеждением, что выходить замуж не стоит? Все это было поглощено одним примитивным чувством — чувством, которое отвечало на все вопросы, удовлетворяло все желания, решало все проблемы. Оно упрощало будущее одним махом. Оно сошло сверху, как свет звезд, и не требовало объяснений. Достаточно было того, что он принадлежит ей, что она любит его и может быть ему полезна. Она выходила за него с чувством особой гордости: она не только брала, а и отдавала.

Мистер Озмонд два или три раза привозил с собой на прогулку Пэнси. Девочка немного подросла за год, но почти не повзрослела. Ее отец, видимо, считал, что она навсегда останется ребенком — он водил пятнадцатилетнюю дочь за руку и отсылал ее погулять, пока они поговорят с милой леди. На Пэнси было короткое платьице и длинный плащ, и всегда казалось, что ее шляпа слишком велика. Она быстрыми мелки-

ми шажками уходила в дальний конец аллеи и возвращалась, глядя на наших собеседников с улыбкой, словно ожидая, чтобы ее похвалили. Изабелла охотно хвалила ее и была нежна с ней — она чувствовала, что девочка очень в этом нуждалась. Изабелла с интересом следила за Пэнси, готовясь к ответственности, которую уже готова была на себя возложить. Озмонд так привык обращаться с девочкой, как с ребенком, что до сих пор еще не удосужился объяснить свои новые отношения с элегантной мисс Арчер.

— Она не знает, — сказал он Изабелле. — И даже ни о чем не подозревает. Пэнси считает вполне естественным, что мы с вами прогуливаемся вместе, просто как добрые друзья. Ее наивность так очаровательна! Мне хочется видеть ее именно такой. Теперь уж мне не придется думать о том, что я неудачник, наоборот, я добился двойного успеха — женюсь на женщине, которую боготворю, и вырастил дочь в старомодных традициях — так, как и хотел…

Мистер Озмонд чтил старомодные традиции во всем. Изабелла видела в этом совершенство его характера.

— Мне кажется, вы не узнаете, добились ли успеха, пока не известите ее, — ответила Иза-

белла. — Еще неизвестно, как Пэнси воспримет новость. Вдруг она ужаснется или начнет ревновать.

— Я не боюсь этого. Пэнси очень любит вас. Мне хотелось бы оставить ее в неведении еще немного. Интересно, придет ли ей в голову мысль о том, что мы должны обручиться.

Такое эстетическое понимание наивности Пэнси поразило Изабеллу — она была больше обеспокоена нравственной стороной. Однако она испытала удовольствие, когда Озмонд несколько дней спустя сказал ей, что сообщил новость дочери и та радостно воскликнула, не удивившись и не встревожившись.

— Возможно, она догадывалась, — предположила Изабелла.

— Не говорите так. Мне это было бы неприятно. Я считал, что это будет для нее некоторым потрясением, но то, как она восприняла новость, доказывает совершенство ее манер. Это именно то, что мне и хотелось видеть в ней. Завтра Пэнси принесет вам поздравления лично.

Встреча состоялась на следующий день у графини Джемини, куда Озмонд привез дочь. Он знал, что Изабелла собиралась с ответным визитом к графине, которая, проведав, что они скоро станут

родственниками, заезжала в палаццо Кресчентини, но не застала там девушку. После того как Изабеллу провели в ее гостиную, вошла Пэнси со словами, что ее тетя сейчас выйдет. Девочка должна была провести весь день с графиней, которая решила, что племянница уже достигла возраста, когда нужно было начинать учиться поведению в обществе. Изабелла считала, что девочка сама бы могла давать тетушке уроки хороших манер, и ничто не могло укрепить это убеждение больше, чем то, как Пэнси вела себя, пока они вместе ждали графиню. Решение Озмонда отправить дочь обратно в монастырь, принятое год назад, чтобы закончить ее образование, оказалось правильным, и мадам Катрин, очевидно, осуществила свою задачу подготовить Пэнси к светской жизни.

— Папа сказал, что вы любезно согласились выйти за него замуж, — сказала прилежная ученица этой достойной женщины, — это чудесно. Думаю, вы очень подходите папе.

— А тебе?

— Мне — просто необыкновенно! Но я имею в виду, что вы с папой очень подходите друг другу. Вы оба такие спокойные, такие серьезные. Вы, конечно, не такая спокойная, как он или мадам

Мерль; но вы спокойнее, чем многие другие. Папе не следовало бы иметь такую жену, как, например, моя тетя. Она вечно суетится, а сегодня особенно. Вы увидите, когда она придет. В монастыре нам говорили, что нехорошо обсуждать взрослых, но я не вижу никакого греха в том, чтобы похвалить их. Вы будете прекрасной парой для папы.

— Для тебя тоже, я надеюсь, — улыбнулась Изабелла.

— Я специально сначала сказала о нем. Свое мнение о вас мне уже приходилось высказывать. Вы понравились мне с самого начала. Я так восхищаюсь вами, что считаю большим счастьем постоянное общение с вами. Вы будете для меня примером — я постараюсь подражать вам, хотя не думаю, что у меня получится. Я очень рада за папу. Ему мало одной меня. Не знаю, кто это мог бы быть, кроме вас. Вы станете моей мачехой, но мы не будем использовать это слово — оно ужасно грубое, а вы никогда не будете грубой. Вы совсем не похожи на мачеху. Так что я не боюсь.

— Моя милая маленькая Пэнси, — мягко проговорила Изабелла, — я буду тебе добрым другом.

— Ну вот, очень хорошо. Я и говорю, что мне нечего бояться, — весело заявила девочка.

Ее описание тети соответствовало истине: еще никогда Изабелла не видела графиню Джемини в состоянии такого беспокойства. Она взволнованно впорхнула в комнату и быстро клюнула Изабеллу сначала в губы, а затем по очереди в каждую щеку. Графиня пригласила гостью присесть и, поглядывая на нее, слегка наклоняя голову то вправо, то влево, разразилась сотней замечаний, из которой я привожу читателю лишь некоторые.

— Если вы ждете поздравлений, то заранее должна попросить меня извинить. Думаю, вам все равно, поздравлю я вас или нет, — мне кажется, вы ведь такая гордячка. Но я не люблю лицемерить и никогда не говорю неправду, если она не сулит никакой выгоды. Но я не знаю, чего бы я могла добиться от вас, — особенно если учесть, что вы, пожалуй, и не поверите в мою искренность. Я не люблю высоких фраз и не произнесла ни одной за всю свою жизнь. Мои выдумки всегда несовершенны. Со своей стороны, я рада, что вы собираетесь выйти за Озмонда, но не стану притворяться, будто рада за вас. Вы замечательная девушка и знаете, что люди вас так называют. Вы богатая наследница, очень симпатичная, умная и при этом еще оригиналь-

ная — очень приятно принять вас в семью. Вы знаете, наша семья неплохая. Озмонд, наверное, рассказывал вам. Наша мать была замечательной особой — ее называли американской Коринной. Правда, мы ужасно опустились, но, возможно, с вашей помощью мы снова поднимемся. Я очень доверяю вам — так много вещей, о которых мне хочется поболтать с вами. Я нарочно никогда не поздравляю девушек с замужеством — мне кажется, это худшее, что может сделать молодая особа. Полагаю, Пэнси не следует слушать все это, но она для этого и приехала ко мне — усвоить принятый в обществе тон. Будет не вредно, если она узнает, что замужество вовсе не такая уж благодатная вещь. Когда мне впервые пришла в голову мысль, что мой брат имеет на вас виды, я хотела написать вам и настоятельно порекомендовать не поддаваться ему. Потом я решила, что это будет предательством, а предательство я ненавижу. Кроме того, как я уже сказала, вы мне очень нравитесь. А я страшная эгоистка. Кстати, думаю, вы не станете уважать меня, и вряд ли мы будем с вами откровенны. Мне бы хотелось этого, но вы не захотите. Но когда-нибудь мы с вами станем большими друзьями, чем вы можете сейчас предположить. Мой муж приедет

поздравить вас, хотя, как вы, наверное, слышали, он в не очень хороших отношениях с Озмондом. Мой муж любит знакомиться с хорошенькими женщинами, но вас я не боюсь. Прежде всего, мне совершенно наплевать на то, что он делает; и потом, он вас не заинтересует — вы сразу поймете, что он за фрукт. Когда-нибудь я расскажу вам о нем подробнее. Как вы думаете, может, моей племяннице лучше выйти из комнаты? Пэнси, пойди поиграй немного в моем будуаре.

— Позвольте ей, пожалуйста, остаться, — сказала Изабелла. — Мне бы не хотелось слушать ничего такого, о чем не стоит знать Пэнси!

Глава 36

Однажды вечером осенью 1876 года молодой человек приятной наружности позвонил в маленькую квартирку на втором этаже старинного римского дома. Когда ему открыли, он спросил мадам Мерль. Служанка, простая, опрятная женщина с лицом француженки и манерами камеристки, проводила его в узкую гостиную и попросила назвать свое имя.

— Мистер Эдвард Розье, — сказал молодой человек, сел и стал дожидаться хозяйку.

Читатель, возможно, не забыл, что мистер Розье был звездой американской колонии в Париже, и, возможно, помнит также, что он иногда исчезал с парижского небосклона. Молодой человек провел несколько зим частично в По и, так как имел обыкновение следовать раз и навсегда заведенному порядку, скорее всего, так бы и продолжал еще много лет посещать этот очаровательный курорт. Однако летом 1876 года случай заставил его изменить течение не только мыслей, но и передвижений. Эдвард провел месяц в Верхнем Энгандине и встретил в Сент-

Морице прекрасную юную особу. Она привела его в настоящее восхищение — это был настоящий ангел домашнего очага, которого он давно искал. Мистер Розье никогда не вел себя опрометчиво и держал свою страсть в тайне. Но когда молодые люди расстались — девушка вернулась в Италию, а ее поклонник отправился в Женеву, где, как заранее было условлено, он собирался навестить друзей, — Эдвард вдруг почувствовал, что он будет очень несчастлив, если не увидит ее снова. Самым простым решением было поехать осенью в Рим, где проживала со своей семьей мисс Озмонд. Мистер Розье пустился в путь и приехал туда первого ноября. Поездка была приятной, хотя и потребовала от молодого человека нечто вроде героизма. Он опасался лихорадки, ведь ноябрь никак нельзя было считать благоприятным сезоном для пребывания в Риме. Фортуна, однако, благоволит отважным, и мистер Розье, принимая по три таблетки хинина ежедневно, к концу месяца не имел причин корить себя за безрассудство. Молодой человек провел это время весьма плодотворно: он выяснил, что мисс Пэнси Озмонд нисколько не потеряла своей прелести. Она была восхитительно утонченной; она была совершенством. Эдвард не переставая думал о ней. Она

напоминала ему пастушку дрезденского фарфора. Мисс Озмонд действительно находилась в цветении своей юности; в ее манерах было что-то от рококо, и Розье, особенно уважавший этот стиль, не мог не оценить этого. То, что молодой человек предпочитал творения этой легкомысленной эпохи всем прочим, подтвердило внимание, с которым он стал рассматривать гостиную мадам Мерль — хотя гостиная была обставлена образцами буквально всех стилей, но доминировали вещи двух последних столетий. Эдвард сразу же вставил в глаз монокль и огляделся по сторонам.

— Боже милостивый! Да у нее замечательные вещи! — пробормотал он.

Небольшая комната была плотно заставлена мебелью; в глаза прежде всего бросались выцветшие шелка и маленькие статуэтки, которым, если задеть хотя бы одну, грозило всем полететь на пол. Мистер Розье поднялся и стал осторожно прохаживаться, наклоняясь то над столиками, заставленными безделушками, то над расшитыми княжескими гербами роскошными диванными подушками. Когда мадам Мерль вошла, она обнаружила гостя стоящим перед камином и почти уткнувшимся носом в прекрасную кружевную оборку салфетки, украшавшей мраморную полку.

Аккуратно приподняв ее кончиками пальцев, молодой человек словно принюхивался.

— Это старинное венецианское кружево, — произнесла мадам Мерль, — и неплохое.

— Оно слишком прекрасно, чтобы украшать камин. Вы сами должны носить его.

— Мне говорили, что у вас в Париже есть лучшее кружево, и лежит там же.

— Но я же не могу носить его, — с улыбкой ответил мистер Розье.

— Почему бы и нет! А у меня, кстати, есть еще более красивые образцы.

Эдвард снова обвел комнату восхищенным взглядом.

— У вас превосходные вещи.

— Я ненавижу их.

— Хотите от них избавиться? — быстро спросил гость.

— Нет. Приятно, когда под рукой есть что-нибудь, что можно ненавидеть, — это дает выход дурным чувствам.

— А я обожаю свои вещи, — сказал Розье, снова усаживаясь в кресло. — Но я пришел поговорить не о вещах — ваших или своих. — Он сделал паузу и продолжил более мягко: — Мисс Озмонд интересует меня больше всех европейских безделушек!

Мадам Мерль широко открыла глаза.

— Вы пришли, чтобы сообщить мне это?

— Я пришел к вам за советом.

Она взглянула на него слегка нахмурившись и потирая подбородок.

— Влюбленный мужчина, знаете ли, в советах не нуждается.

— Почему нет — если он в затруднительном положении? Я был влюблен раньше и знаю. Но такого со мной еще никогда не было — никогда! Мне бы очень хотелось знать, что вы думаете о моих шансах? Боюсь, мистер Озмонд не считает меня очень ценным приобретением.

— Вы хотите, чтобы я вам посодействовала? — спросила мадам Мерль, сложив свои прекрасные руки и чуть вздернув левый уголок рта.

— Если бы вы могли замолвить за меня словечко, я был бы вам невероятно обязан. Мне нет смысла напрасно тревожить мисс Озмонд, пока у меня нет веской причины надеяться на согласие ее отца.

— Вы очень рассудительны, и это говорит в вашу пользу. И что — в глубине души вы полагаете, что я считаю вас выгодным женихом?

— Вы всегда были столь добры ко мне, — сказал молодой человек. — Вот почему я пришел к вам.

— Я всегда очень любезна с людьми, у которых много хороших безделушек. Но не стоит говорить о том, что они могут получить за них.

Теперь изгиб левого уголка рта мадам Мерль превратился в нечто похожее на улыбку.

Эдвард Розье вспыхнул. Правильные черты его лица исказило разочарование.

— О, а я-то думал, что нравлюсь вам сам по себе!

— Конечно, нравитесь, но давайте не будем вдаваться в подробности. Прошу простить меня, если мои слова звучат несколько высокомерно, я думаю, вы прекрасный маленький джентльмен. Однако вынуждена сообщить вам — не я решаю судьбу Пэнси Озмонд.

— Я и не предполагал этого. Но мне казалось, вы близки с ее семьей и можете на них повлиять.

Мадам Мерль несколько мгновений молчала.

— Кого вы называете ее семьей?

— Отца и… как это сказать по-английски? Мачеху.

— Да, мистер Озмонд ее отец, но его жену вряд ли можно назвать членом семьи Пэнси. Во всяком случае, замужество девочки вряд ли ее касается.

— Очень жаль, — вздохнул молодой человек. — Я думаю, миссис Озмонд отнеслась бы ко мне

благосклонно.

— Вполне вероятно… если ее муж отнесется к вам иначе.

Эдвард Розье поднял брови.

— Они что — ни в чем не сходятся?

— Ни в чем. Они очень разные.

— Очень жаль, — произнес Розье. — Но это не мое дело. Миссис Озмонд очень нежна с Пэнси.

— Да, она добра к Пэнси.

— И Пэнси очень привязана к ней. Она рассказывала мне, что любит миссис Озмонд, как родную мать.

— Должно быть, вы вели довольно откровенные беседы с бедным ребенком, — заметила мадам Мерль. — Вы сказали ей о своих чувствах?

— Никогда! — воскликнул Розье, воздевая к небу руку, плотно обтянутую перчаткой. — Никогда, пока не получу согласие ее родителей.

— Вы всегда так примерно ведете себя? У вас превосходные принципы. Ваше поведение заслуживает уважения.

— Похоже, вы смеетесь надо мной, — пробормотал бедный Розье, откинувшись на спинку кресла и потирая свои маленькие усики. — Я не ожидал этого от вас, мадам Мерль.

Мадам Мерль покачала головой с видом чело-

века, который хорошо знает, о чем говорит.

— Вы ко мне несправедливы. По-моему, ваше поведение свидетельствует о прекрасном вкусе. Да, именно так я и считаю.

— Зачем же мне зря волновать ее? Я ее слишком люблю, — произнес Нед Розье.

— Все же я рада, что вы поделились со мной своими мыслями, — продолжила мадам Мерль. — Предоставьте пока дело мне. Полагаю, я смогу вам помочь.

— Я же знал, что вы именно та, к кому нужно обращаться! — воскликнул молодой человек с сияющим лицом.

— Вы поступили очень разумно, — значительно более прохладным тоном ответила мадам Мерль. Когда я говорю, что, может быть, смогу вам помочь, я имела в виду — только при условии, что дело того заслуживает. Давайте обсудим, так ли это.

— Я человек весьма достойный, — серьезно произнес Розье. — Не скажу, что у меня нет недостатков, но пороков у меня нет.

— Это то, чего у вас нет. А что у вас есть, кроме испанских кружев и дрезденских чашек?

— У меня есть неплохое состояние — около сорока тысяч франков в год. С моим умением

распорядиться деньгами мы прекрасно сможем жить на проценты.

— Не прекрасно. Сносно, пожалуй. Хотя и это зависит от того, где вы собираетесь жить.

— В Париже. Я хотел бы жить в Париже.

Мадам Мерль снова вздернула уголок рта.

— Вряд ли на эти деньги в Париже можно жить роскошно. Вам придется пустить в ход свои фарфоровые чашки, а они легко бьются.

— К чему нам роскошь? Если мисс Озмонд окружить прекрасными вещами, этого будет достаточно. Когда девушка так прекрасна, как она, ей можно позволить себе одеваться просто. Она никогда не должна ничего носить, кроме белых муслиновых платьев, — мечтательно проговорил Розье.

— Девушка будет вам очень признательна за такую теорию.

— Она понравится ей, уверяю вас, я не сомневаюсь в этом. Мисс Озмонд все понимает. За это я ее и люблю.

— Она очень милая девушка и очень изящная. Но ее отец, насколько я знаю, не может дать за ней ничего.

Розье мгновение колебался.

— А я ни на что и не претендую. Но, позвольте

заметить, — джентльмен живет как богатый человек.

— Деньги принадлежат его жене. Она принесла ему состояние.

— Миссис Озмонд очень заботится о падчерице. Вероятно, она сможет отписать ей что-нибудь.

— А для страстного влюбленного вы довольно практичны! — со смехом воскликнула мадам Мерль.

— Я питаю почтение к приданому. Могу обойтись и без него, но питаю почтение.

— Миссис Озмонд, — продолжала мадам Мерль, — вероятно, предпочтет придержать деньги для собственных детей.

— Собственных? Но у нее же никого нет.

— Она еще может родить. У нее был мальчик, который умер шестимесячным два года назад. Но могут родиться другие дети.

— Я от всей души желаю ей этого. Она блестящая женщина.

Мадам Мерль мгновение молчала.

— Ах, о ней многое можно сказать. Да, блестящая, если вам нравится такое определение! Но возвратимся к вам — строго говоря, вы не являетесь выгодной партией. Отсутствие недостатков вряд ли может являться источником дохода.

— Извините, но я думаю, что такое может быть, — произнес Розье с улыбкой.

— Вы будете трогательной парой, живущей на доходы от вашей невинности!

— Мне кажется, вы меня недооцениваете.

— Вы не так уж невинны? Ну а если серьезно, — сменила тон мадам Мерль, — конечно, сорок тысяч франков в год и приятный характер — сочетание, о котором стоит задуматься. Не скажу, что за вас нужно хвататься, но бывают предложения и похуже. Однако мистер Озмонд, что вполне вероятно, будет уверен, что сможет найти для дочери более выгодного жениха.

— И, допустим, найдет… Но как же его дочь? Что может быть лучше для нее, чем выйти за человека, которого она любит? А ведь это так, — разгорячась, закончил Розье.

— Да, я знаю.

— О, — воскликнул молодой человек, — я же говорил, что вы именно тот человек, к которому нужно было идти.

— Но я не знаю, откуда такая уверенность у вас, если вы ее не спрашивали, — продолжала мадам Мерль.

— В таких случаях не требуется спрашивать и говорить. Как вы выразились, мы невинная пара.

А откуда знаете вы?

— Зато я отнюдь не невинная. Конечно, с помощью своей искушенности. Так договорились: оставьте это дело мне. Я для вас все узнаю.

Розье поднялся и остановился, поглаживая шляпу.

— Вы говорите так безучастно. Не просто узнайте — пожалуйста, помогите!

— Сделаю все, что в моих силах. Постараюсь представить ваши достоинства в выгодном свете.

— Буду бесконечно вам благодарен. А тем временем попытаю счастья у миссис Озмонд.

— Ни в коем случае! — Мадам Мерль встала. — Не вмешивайте ее, иначе вы все испортите!

Розье, разглядывая дно своей шляпы, задумался, была ли хозяйка дома действительно именно тем человеком, к которому следовало прийти.

— Боюсь, я вас не понимаю. Я старый друг миссис Озмонд. Думаю, она не откажет мне в сочувствии.

— Оставайтесь ее старым другом сколько вам угодно. Чем больше у нее старых друзей, тем лучше, поскольку у нее не очень хорошо налаживаются отношения с новыми. Но не пытайтесь привлечь ее на свою сторону. Ее муж может иметь

иную точку зрения. Как человек, желающий ей добра, я прошу вас не увеличивать количество разногласий между ними.

На лице бедного Розье появилась тревога. Получить руку Пэнси Озмонд оказалось делом гораздо более трудным, чем совершить сложные переезды. Но чувство здравого смысла, которое молодой человек скрывал под расслабленной внешностью, дало о себе знать.

— Не понимаю, почему я должен так заботиться о мистере Озмонде! — воскликнул он.

— Вы должны заботиться о миссис Озмонд. Вы назвали себя ее старым другом. Зачем же причинять ей страдания?

— Ни за что на свете!

— Тогда будьте осторожны и не предпринимайте никаких действий, пока я не прощупаю почву.

— Ничего не предпринимать, мадам Мерль? Помните, что я влюблен!

— Ничего, не сгорите. Зачем вы пришли ко мне, если не намерены меня слушаться?

— Вы очень любезны. Я буду вас слушаться, — пообещал молодой человек, подошел к двери и добавил тихим голосом: — Но, боюсь, с мистером Озмондом будет трудно.

Мадам Мерль рассмеялась.

— Это я уже слышала много раз. Но и с его женой тоже нелегко.

— О, она блестящая женщина! — повторил Нед Розье и вышел из гостиной.

Он решил, что его поведение должно быть выше всяких похвал; но в обещаниях, данных им мадам Мерль, он не видел ничего, что могло бы помешать его визиту в дом мисс Озмонд. Он воссоздал в уме свою беседу с мадам Мерль и подумал, что все же в ее манерах было что-то странное и, возможно, он напрасно решил ей довериться. Не то чтобы молодой человек мог заподозрить себя в безрассудстве (поскольку очень редко применял по отношению к себе такую характеристику), но правда заключалась в том, что он знал мадам Мерль всего лишь месяц, и восхищение ею, оказывается, вовсе не являлось достаточно серьезной причиной полагать, будто она с радостью подтолкнет Пэнси Озмонд в его распростертые объятия. Мадам Мерль была очень любезна с ним и была вхожа в семью Пэнси, где ей удавалось (и Розье часто удивлялся этому) сохранять со всеми близкие отношения, не переходя к фамильярности. Но, возможно, молодой человек преувеличивал все эти преимущества, да и с чего

он взял, что она станет заботиться о его делах? С чего он, глупец, взял, что она выделяла его среди всех остальных? Вполне вероятно — хотя она и говорила об этом в шутку, — ее на самом деле интересовали его безделушки. Не мелькнула ли у нее мысль, что он мог бы предложить ей за хлопоты две-три жемчужины своей коллекции? Пусть только поможет ему жениться на мисс Озмонд, он подарит благодетельнице целый музей. Розье не мог сказать об этом мадам Мерль столь категорично — это выглядело бы как слишком грубый подкуп. Но ему хотелось бы, чтобы она сама догадалась об этом.

С этими мыслями Розье отправился к Озмондам, которые принимали по четвергам, стало быть, его присутствие будет расценено просто как долг вежливости. Пэнси Озмонд, объект упорядоченной страсти мистера Розье, жила в высоком доме в самом центре Рима, темном массивном здании, выходящем на небольшую солнечную пьяцетту[66] по соседству с палаццо Фарнезе. Маленькая Пэнси тоже жила во дворце[67] — дворце в представлении римлян и в темнице в пред-

[66] Примечания: 66
Маленькая площадь.

[67] Примечания: 67
Дворец — палаццо *(итал.)*.

ставлении бедного впечатлительного Эдварда. Ему казалось мрачным предзнаменованием, что молодая леди, на которой он хотел жениться и чей разборчивый отец вряд ли намеревался смириться с кандидатурой Розье в качестве супруга дочери, была заточена в чем-то вроде семейной крепости, носившей угрюмое римское наименование. В атмосфере дворца веяло историческими трагедиями, преступлениями и насилием, о которых упоминалось в Murrey, и поэтому он привлекал туристов, которые, осмотрев его, выходили расстроенными и подавленными; этому способствовали и мрачные фрески Караваджо[68], и многочисленные ряды древних статуй под величественно-благородными сводами просторной лоджии, окружающей сырой двор, где из замшелой ниши бил фонтанчик и стояли пыльные вазы. В более спокойном состоянии Розье мог бы по достоинству оценить палаццо Рокканера, мог бы понять чувства миссис Озмонд, которая однажды сказала ему, что, поселившись в Риме, они с мужем выбрали это здание из любви к местному колориту. Местного колорита в нем было немало: являясь знатоком лиможских эмалей, а

[68] Примечания: 68
Караваджо — знаменитый итальянский живописец (1573–1610).

отнюдь не архитектуры, Эдвард все же отметил и несомненное величие и формы окон, и изящных деталей карниза. Но молодого человека не оставляла ужасная мысль, что молодых девушек заточают в подобных строениях с целью оградить их от настоящей любви и, угрожая им заточением в монастырь, выдают замуж насильно. Однако существовало одно, что примиряло его с этим домом каждый раз, когда он оказывался в теплых, роскошных гостиных миссис Озмонд на третьем этаже. Приходилось признать, что хозяева знают толк в его любимых «безделушках». Все было устроено по вкусу Озмонда, а не его жены — так она сама сказала Эдварду, когда он впервые пришел к ней в дом и после пятнадцатиминутной борьбы с собой вынужден был признать, что в их коллекции есть вещи более достойные, чем у самого Розье, и их очень много. Скрыв свою зависть, как подобает джентльмену, молодой человек выразил хозяйке дома восхищение ее сокровищами. Он узнал от миссис Озмонд, что ее муж собрал большую коллекцию до женитьбы, и хотя за последние два года пополнил ее несколькими экспонатами, основное было собрано без советов супруги. Розье истолковал эту информацию по-своему — под «советами», решил он,

подразумевались «деньги». Тот факт, что Джилберт Озмонд приобрел свои сокровища в период безденежья, только подтверждал самое твердое убеждение молодого человека — коллекционер, если только у него есть терпение, может и не иметь больших средств. Появляясь в доме Озмондов по четвергам, Розье прежде всего скользил взглядом по стенам гостиной; там висели три-четыре предмета, которые не давали ему покоя.

Однако теперь, после разговора с мадам Мерль, Нед Розье почувствовал всю серьезность своего положения и, войдя в гостиную, огляделся в поисках мисс Озмонд с той тщательно отмеренной долей взволнованности, какую только и может позволить себе джентльмен, обязанный всегда переступать порог дома с улыбкой, выражающей уверенность в том, что у него все идет как нельзя лучше.

Глава 37

Пэнси в первой гостиной (просторных апартаментах со сводчатыми потолками и стенами, покрытыми красным дамастом) не оказалось — скорее всего, она была сейчас в следующей комнате, где собирались гости помоложе и обычно накрывался чай. А здесь обычно сидела миссис Озмонд — впрочем, сегодня и ее тут не было — у камина, в окружении завсегдатаев дома. В гостиной было тепло, она была наполнена неярким светом; здесь стояли крупные предметы мебели и всегда пахло цветами. Перед камином стоял Озмонд; сложив руки за спиной, он поставил одну ногу поближе к огню. Глаза его смотрели в пространство. Пять-шесть человек гостей, собравшихся вокруг него, вели беседу, но хозяин дома в ней участия не принимал. Розье, о чьем приходе никто не доложил, также не привлек к себе его особого внимания, но молодой человек привык соблюдать этикет и, хотя он более чем когда-либо сознавал, что явился с визитом к жене, а не к мужу, подошел к Озмонду и протянул ему руку. Тот ответил на рукопожатие, не меняя позы.

— Приветствую вас. Моя жена где-то тут.

— Не беспокойтесь. Я найду ее, — жизнерадостно ответил Розье.

Озмонд меж тем продолжал смотреть на него. Розье еще никогда не приходилось чувствовать на себе его столь долгий оценивающий взгляд. «Мадам Мерль все ему рассказала, и он не в восторге», — сказал себе Эдвард. Молодой человек надеялся, что мадам Мерль тоже была здесь, но пока видно ее не было. Либо она была в другой комнате, либо должна была подъехать позже. Розье, в свою очередь, тоже не слишком нравился Озмонд — Эдвард считал его слишком высокомерным. Но молодой человек не принадлежал к числу чрезмерно обидчивых людей; и, кроме всего прочего, там, где речь шла об учтивости, он предпочитал сам быть на высоте. Розье огляделся и произнес, любезно улыбаясь:

— Я видел сегодня превосходную капо-ди-монте[69].

Сначала Озмонд ничего не ответил, продолжая греть подошву.

— Мне совершенно наплевать на капо-ди-монте, — пробормотал он спустя несколько

---

[69] Примечания: 69
Название итальянской керамики в стиле рококо.

мгновений.

— Вас это больше не интересует?

— Старые горшки и плошки? Не так, как раньше.

Розье на мгновение забыл всю сложность своего положения.

— А не намерены ли вы расстаться с парочкой экспонатов своей коллекции?

— Нет, я ни с чем вообще не собираюсь расставаться, — ответил Озмонд, все так же пристально глядя своему гостю прямо в глаза.

— А, так вы хотите сохранить всю свою коллекцию, больше ничем не пополняя ее! — весело заметил Эдвард.

— Вот именно. Она совершенна, и любая новая вещь в ней будет лишней.

Бедный Розье понял, что покраснел, и отчаянно пытался восстановить уверенность в себе.

— Да? А у меня не так, — только и смог пробормотать молодой человек; он понимал, что его уже не слушают, и произнес свои слова полуотвернувшись. Он направился в другую комнату и на пороге встретился с миссис Озмонд. Она была невыразимо прекрасна и благородна в своем черном бархатном платье. Мы знаем, что думал о ней мистер Розье, и слышали слова, которыми

он выразил свое восхищение ею перед мадам Мерль. Как и умение оценить ее молоденькую падчерицу, это восхищение было порождено его художественным вкусом, влечением ко всему неподдельному, к тому, что вряд ли можно было определить конкретно, — тому «сиянию сильного духа», которым, несомненно, обладала миссис Озмонд. С годами внешность Изабеллы только расцвела — цветок ее юности не увял, а только спокойно покачивался на своем стебле. Она частично утратила свой нетерпеливый пыл, который втайне слегка коробил ее мужа; теперь ее вид говорил о том, что она способна ждать. Сейчас, явившись в обрамлении золоченой рамы дверей, она показалась Розьеру воплощением изысканности.

— Это вновь я, — произнес он. — Впрочем, кому ж быть таким пунктуальным, как не мне?

— Да, я знакома с вами дольше, чем со всеми остальными. Но не будем предаваться чувствительным воспоминаниям. Я хочу представить вас одной молодой леди.

— О, разумеется, — с подчеркнутой любезностью отозвался Розье, хотя пришел он с совершенно иной целью.

— Вот та, что сидит в розовом платье у камина.

Она в полном одиночестве.

Эдвард мгновение колебался.

— Разве мистер Озмонд не может развлечь ее? Он в двух шагах от нее.

Теперь замялась миссис Озмонд.

— Она не из находчивых, а мистер Озмонд не любит скучных собеседников.

— А для меня, значит, она сгодится? Пожалейте!

— Я просто подумала, что у вас живости хватит на двоих. К тому же вы столь любезны.

— А ваш муж?

— Нет, он не слишком любезен… со мной. — И миссис Озмонд слегка улыбнулась.

— Тогда он должен быть вдвойне любезен с другими дамами, — засмеялся Розье.

— Я тоже ему это говорю, — ответила миссис Озмонд, все еще улыбаясь.

— Но мне хочется чаю… — тоскливо протянул Розье, рассеянно поглядывая поверх плеча собеседницы в направлении соседней комнаты.

— Вот и хорошо. Отнесите чашечку и моей протеже.

— Согласен; но потом я предоставлю леди ее собственной судьбе. Дело в том, что я мечтаю поговорить с мисс Озмонд.

— О, — проговорила Изабелла, отворачиваясь, — тут я ничем не могу вам помочь!

Пять минут спустя Розье, препроводив молодую леди в розовом в соседнюю гостиную, уже протягивал ей чашку чаю, размышляя о том, не нарушил ли он своим коротким разговором с хозяйкой дома обещание, данное мадам Мерль. Такой вопрос мог занимать ум Эдварда довольно продолжительное время. Но в конце концов ему надоело размышлять об этом, и он решил на все махнуть рукой. Судьба, на произвол которой он намеревался бросить молодую леди, оказалась вовсе ужасной, поскольку Пэнси Озмонд, лично наполнившая чашку для спутницы Эдварда (Пэнси, как всегда, с удовольствием сама разливала чай), вскоре подошла к ней и завязала разговор. Эдвард Розье в их беседе почти не участвовал, а лишь сидел с задумчивым видом и наблюдал за своей возлюбленной. Если мы взглянем сейчас на нее его глазами, то не увидим почти ничего, что напоминало бы нам о той послушной маленькой девочке, которую три года назад во Флоренции отсылали погулять, пока ее отец и мисс Арчер обсуждали свои общие дела. Но пройдет некоторое время, и мы увидим, что Пэнси, которой исполнилось уже девятнадцать, еще не

доросла до роли молодой леди. Ей, несмотря на ее миловидность, недоставало весьма ценного в женщинах качества — своего стиля. Ее изящные, свежие наряды производили впечатление взятых напрокат, — с такой бережливостью она к ним относилась. Эдвард Розье, впрочем, был именно тем человеком, который очень хорошо замечал подобные недостатки, и на самом деле от его внимательного взгляда не ускользнула ни одна малейшая черточка девушки — только называл он эти черточки по-своему, и они казались ему совершенно очаровательными. «Нет, она неповторима… совершенно неповторима», — обычно говорил себе Розье. Можете быть уверенными, он никогда не признался бы вам, что Пэнси не хватало стиля. Стиля? Да у нее же стиль маленькой принцессы. Вы слепы, если не заметили его! Да, он несовременен, в нем нет ничего нарочитого, он не произвел бы впечатления на Бродвее. Маленькая серьезная девушка в простом коротком платьице напоминала Эдварду инфанту Веласкеса. Этого было вполне достаточно для Розье, который считал ее восхитительно старомодной. Ее живые глаза, очаровательные губки, воздушная фигурка трогали, словно молитва ребенка. Желание поскорее узнать, нравится

ли и он ей, вызывало в нем такое нетерпение, что ему трудно было усидеть на месте. Его даже бросало в жар — приходилось время от времени вытирать лоб носовым платком. Розье еще никогда не был в таком неловком положении. Пэнси была безупречно невинна; можно ли было наводить справки у столь наивного существа по столь щекотливому вопросу? Розье давно мечтал о такой девушке, и она не должна была быть француженкой, поскольку, по его мнению, это обстоятельство могло все осложнить. Розье был уверен, что Пэнси ни разу в жизни не заглядывала в газеты и если и читала какие-то литературные произведения, то это были романы сэра Вальтера Скотта. Прекрасная юная американка — чего еще можно желать? Она будет всегда весела, открыта, не станет выходить одна, не будет получать писем от мужчин, не будет бегать в театр на эти ужасные «комедии нравов». Розье не мог отрицать, что при существующем положении вещей обратиться к девушке напрямую значило бы нарушить законы гостеприимства; но он практически уже подошел в своих размышлениях к опасной черте и готов был спросить себя: а так ли уж важны эти законы? Не являлось ли его чувство к мисс Озмонд гораздо более важным?

Для него — да, но, вероятно, не для хозяина дома. Успокаивало только одно: даже если после разговора с мадам Мерль Озмонд настороже, вряд ли он пошел на то, чтобы предупредить Пэнси — не в его интересах было сообщить дочери, что симпатичный молодой человек любит ее. Но он, этот симпатичный молодой человек, действительно был влюблен, и все громоздившиеся перед ним преграды лишь разозлили его. Что имел в виду Джилберт Озмонд, протянув ему лишь два пальца левой руки? Озмонд позволил себе быть грубым — в таком случае Эдвард позволит себе действовать прямо.

Он почувствовал себя очень уверенным после того, как неприятная ему девушка в розовом платье откликнулась на призыв своей матери, которая, бросив на Розье весьма многозначительный взгляд, сказала, что должна везти ее в другое место — к новым победам. Мать и дочь удалились, и теперь все зависело от Эдварда, — сумеет ли он остаться наедине с Пэнси, столь возлюбленным им невинным созданием. Ему еще никогда не предоставлялась такая возможность. Это был великий момент. Бедный молодой человек снова вытер лоб носовым платком. За той гостиной, где они сидели, была еще одна, поменьше, отде-

ланная в желтоватых тонах; лампы в ней были зажжены, но, поскольку сегодня гостей было не очень много, она оставалась пустой весь вечер; было видно, что она просто чудесна. Розье несколько секунд стоял, глядя сквозь открытую дверь. Он боялся, что Пэнси убежит, и даже готов был схватить ее за руку, чтобы удержать. Но девушка осталась на том же месте, где попрощалась с молодой леди в розовом платье, и, судя по всему, не собиралась присоединиться к группе гостей в противоположном углу комнаты. Эдвард вдруг решил, будто она испугана — испугана так сильно, что не в состоянии сдвинуться с места; но, взглянув на нее, он убедился в своей ошибке и понял, что для этого она слишком невинна. После мгновений ужасных колебаний он решился спросить ее, можно ли ему осмотреть комнату со светлой мебелью, которая кажется столь манящей и столь недоступной. Озмонд уже как-то раз водил его туда полюбоваться французской обстановкой времен Первой империи, особенно часами (Розье они совершенно не понравились), громоздкой конструкцией в характерном для той эпохи классическом стиле. Он тут же понял, что это был ловкий ход.

— Конечно, можно, — сказала Пэнси. — Если

хотите, я покажу ее вам.

В поведении девушки не чувствовалось ни малейшего напряжения или неловкости.

— Именно на это я и надеялся. Вы очень любезны, — пробормотал Розье.

Они вместе вошли в комнату, и Эдвард вновь подумал, что она просто безобразна; к тому же в ней было холодно. Пэнси, по-видимому, тоже почувствовала холод.

— Она не для зимних вечеров — летом в ней лучше, — произнесла девушка. — Все сделано по вкусу папы. У него столько вкуса!

«Это точно, — подумал Розье, — но иногда дурного».

Молодой человек огляделся по сторонам, не зная, что сказать в такой ситуации.

— А разве миссис Озмонд безразлично, как отделывают ее комнаты? Или у нее меньше вкуса? — спросил он.

— Да что вы, у нее прекрасный вкус! — воскликнула Пэнси. — Но в основном он касается литературы… и разных разговоров, а папа любит и такие вещи. Он знает все на свете!

Розье немного помолчал.

— Я уверен, одно он знает точно, — выпалил он наконец. — Он знает, что при всем моем уваже-

нии к нему и очаровательной миссис Озмонд… я прихожу сюда только ради вас!

— Ради меня? — спросила Пэнси, взглянув на него встревоженными глазами.

— Да, именно для этого я и пришел сюда, — повторил Розье, приходя в опьянение от мысли, что он поступает против всех правил.

Пэнси внимательно, пристально и открыто смотрела на него. Ей не было нужды краснеть — она и без того была сама скромность.

— Я так и думала, — произнесла она.

— И это не было вам неприятно?

— Как я могу ответить на этот вопрос? Вы ведь никогда ничего не говорили мне, — сказала Пенси.

— Я боялся вас обидеть.

— Разве в ваших словах есть что-то обидное? — тихо спросила девушка. Словно ангел поцеловал ее — такая тихая, прелестная улыбка озарила ее лицо.

— Значит, я вам нравлюсь, Пэнси? — очень нежно спросил Розье, чувствуя себя невероятно счастливым.

— Да… вы мне нравитесь.

Они прошли к камину, на котором стояли огромные часы времен Первой империи, и там

остановились; здесь, в глубине комнаты, они были скрыты от посторонних глаз. Он взял ее руку и поднес к своим губам — единственное, что он мог сделать в ответ на ее слова, показавшиеся ему столь естественными, будто они были самим дыханием природы. Девушка не противилась ему — она стояла все с той же чистой, доверчивой улыбкой, в которой сквозила бесконечная покорность. Он ей нравился… он ей нравился все это время; теперь все может сбыться! Она была готова к этому… она всегда была готова, ожидая, когда Эдвард заговорит. И если бы молодой человек не заговорил, Пэнси ждала бы вечно, — а сейчас, когда его слова были сказаны, она упала к его ногам словно зрелый персик с дерева, когда его трясут. Розье почувствовал, что если сейчас он привлечет ее к себе и прижмет к своему сердцу, девушка безропотно подчинится — но было весьма рискованно проделать этот эксперимент в желтом salottino[70]. Оказывается, Пэнси знала, что гость пришел сюда ради нее, но, как настоящая маленькая леди, совершенно этого не показывала!

— Вы очень дороги мне, — пробормотал Розье,

---

[70] Примечания: 70
Маленький салон *(ит.).*

изо всех сил стараясь убедить себя, что законы гостеприимства это допускают.

Пэнси взглянула на свою руку, туда, где молодой человек поцеловал ее.

— Вы говорили, папа знает?

— Это вы только что говорили, что он знает абсолютно все.

— Думаю, вы должны поскорее в этом уверить-ся, — сказала девушка.

— О, моя дорогая, теперь, когда я уверился в вас! — пробормотал Розье ей на ушко, но она устремилась в первую гостиную, словно давая ему понять, что их дело не терпит отлагательства.

Тем временем в первую гостиную пожаловала мадам Мерль, чье появление в любом доме на всех производило впечатление. Самый внимательный наблюдатель не сказал бы вам, как ей это удавалось, — она никогда не говорила громко, не хохотала, не двигалась быстро, не одевалась с вызывающей роскошью, словом, не прилагала никаких усилий, чтобы поразить остальную публику. Крупная, белокурая, улыбающаяся, невозмутимая, мадам Мерль словно распространяла вокруг себя спокойствие — и люди оглядывались из-за того, что вокруг все стихало.

На этот раз мадам Мерль повела себя даже тише, чем обычно. После объятий с миссис Озмонд, — более сердечных, чем обычно, — она села на маленький диванчик рядом с хозяином дома. Сначала произошел обычный обмен любезностями, — на людях они всегда соблюдали определенный ритуал, — а затем мадам Мерль, оглядывая гостиную, поинтересовалась, не приходил ли сегодня молодой мистер Розье.

— Он пришел около часа назад, но куда-то исчез, — ответил Озмонд.

— А где Пэнси?

— В другой комнате. Там еще несколько гостей.

— Молодой человек, вероятно, среди них, — сказала мадам Мерль.

— Вы пришли встретиться с ним? — спросил Озмонд провокационно безразличным тоном.

Мадам Мерль взглянула на него. Она знала все его интонации — вплоть до едва уловимых.

— Да, мне хотелось бы сообщить ему, что я поговорила с вами, и это не слишком заинтересовало вас.

— Не говорите ему этого. Он постарается разогреть мой интерес. А именно этого я как раз и не хочу. Скажите ему, что я в гневе от его пред-

ложения.

— Но это не так.

— Не имеет значения. Скажите, что оно мне не нравится. Я дал ему это понять сегодня вечером и был с ним намеренно груб. Все это так нудно. Куда торопиться?

— Я скажу ему, что вы взяли время на раздумья.

— Нет, не надо. Он снова прицепится ко мне.

— Если я разочарую его, он будет делать то же самое.

— Да. Но в первом случае молодой человек будет стараться найти возможность объясниться, что будет чрезвычайно утомительно. В другом случае он, вероятно, промолчит и вступит в какую-нибудь более хитрую игру и оставит меня в покое. Ненавижу разговаривать с ослами.

— Вы так о бедном Розье?

— О, он невыносим с этой вечной своей керамикой.

Мадам Мерль с легкой улыбкой опустила глаза.

— Молодой человек — джентльмен, очаровательно энергичный и к тому же с доходом в сорок тысяч франков…

— Это нищенство… пусть и благородное нищен-

ство, — перебил ее Озмонд. — Для Пэнси я хотел совсем не этого.

— Ну что ж, посмотрим. Он обещал мне не говорить с ней.

— И вы ему верите? — рассеянно осведомился Озмонд.

— Абсолютно. Пэнси, кстати, только о нем и думает, но вы вряд ли склонны придавать этому большое значение.

— И вообще никакое. Я не верю тому, что она о нем думает.

— Весьма удобная точка зрения, — тихо произнесла мадам Мерль.

— Пэнси говорила тебе, что любит его?

— За кого вы ее принимаете? И за кого вы принимаете меня?

Озмонд вскинул ногу и оперся своей тонкой лодыжкой о колено другой ноги; затем привычным жестом обхватил лодыжку пальцами и сидел, глядя прямо перед собой.

— Подобные события не застанут меня неподготовленным. Именно для этого я и дал ей монастырское образование. Все было сделано для этого — для того, чтобы, когда такой момент наступит, она бы подчинилась моей воле.

— Я не боюсь того, что девочка вас не послу-

шается.

— Тогда в чем же дело?

— В общем-то, ни в чем. Но тем не менее. Я не советую вам окончательно избавляться от мистера Розье. Держите его при себе. Он может пригодиться.

— Я не способен к этому. Делайте это сами.

— Отлично. Я буду держать его на привязи и позволять ровно столько, сколько нужно, — сказала она.

В течение почти всего разговора мадам Мерль смотрела по сторонам. В подобных ситуациях она имела привычку делать множество пауз. Длинная пауза последовала за вышеприведенными словами. Перед тем, как тишина была снова нарушена, она увидела Пэнси, вышедшую из смежной комнаты в сопровождении мистера Розье. Девушка сделала несколько шагов и остановилась, глядя на мадам Мерль и своего отца.

— Он говорил с ней, — спокойно сообщила Озмонду мадам Мерль.

Тот даже не повернул голову.

— Вот чего стоят его обещания; его следовало бы выпороть.

— Он собирается покаяться, бедняга!

Озмонд поднялся и испытывающе взглянул

на дочь.

— Впрочем, все это не имеет никакого значения, — пробормотал он, уходя.

Спустя несколько мгновений подошла Пэнси и со своей обычной милой благовоспитанностью поздоровалась с мадам Мерль. Приветствие со стороны леди было не более сердечным: дама просто дружески улыбнулась Пэнси.

— Как вы поздно, — тихо заметила девушка.

— Мое милое дитя, я никогда не приезжаю позже, чем намеревалась.

Мадам Мерль встала не для того, чтобы поздороваться с Пэнси, — она направилась к Эдварду Розье. Он тоже шагнул ей навстречу и торопливо прошептал:

— Я говорил с ней!

— Я знаю, мистер Розье.

— Она вам сказала?

— Да. Постарайтесь не наделать глупостей в оставшуюся часть вечера и приезжайте ко мне завтра в четверть шестого.

Она говорила очень строго, а в том, как она повернулась, выразилось столько пренебрежения, что с губ Эдварда невольно слетело проклятие, правда не выходящее из рамок пристойности.

У него не было намерения поговорить с Озмон-

дом — это было бы и не ко времени, и не к месту; но инстинктивно он направился к Изабелле, которая сидела и беседовала с пожилой дамой. Розье подсел к хозяйке дома с другой стороны. Пожилая дама была итальянкой, и он посчитал само собой разумеющимся, что она не понимала по-английски.

— Вы недавно сказали, что не можете мне помочь, — сказал Эдвард миссис Озмонд. — Возможно, вы измените свое мнение, когда узнаете… когда узнаете…

Он заколебался.

— Когда я узнаю что? — тихо спросила Изабелла.

— Что с ней все хорошо.

— Что вы имеете в виду?

— Мы пришли к взаимопониманию.

— Тогда ничего хорошего нет, — сказала Изабелла. — Ничего не получится.

Бедный Розье взглянул на хозяйку полуумоляюще, полусердито; он покраснел от гнева.

— Со мной нигде так не обращались, — проговорил он. — Что вы все здесь, в конце концов, имеете против меня? Обычно меня принимают по-другому. Я мог жениться двадцать раз.

— Жаль, что вы этого не сделали. Я имею в виду

не двадцать раз, а один — но удачно, — мягко улыбнулась Изабелла. — Вы недостаточно богаты для Пэнси.

— Ее совершенно не интересуют деньги.

— Пэнси — нет, но они интересуют ее отца.

— О да, он уже это доказал! — воскликнул молодой человек.

Изабелла встала и отвернулась от него. Она покинула пожилую леди, не извинившись, а Эдвард следующие десять минут делал вид, что с интересом рассматривает коллекцию миниатюр Джилберта Озмонда, размещенную на маленьких бархатных стендах. Но молодой человек ничего не видел перед собой — щеки его полыхали, он был глубоко оскорблен. С ним действительно никогда еще так не обращались — никто никогда не говорил ему, что он недостаточно хорош. Розье прекрасно знал себе цену, и, не будь ситуация столь ужасна для него, он просто бы посмеялся. Эдвард поискал глазами Пэнси, но девушка куда-то исчезла, а его главным желанием сейчас было поскорее убраться из этого дома. Перед уходом молодой человек еще раз обратился к Изабелле: его не оставляла мысль, что он наговорил ей грубостей. Это единственное, что могло бы подтвердить дурное мнение о нем.

— Я сказал о мистере Озмонде недопустимые вещи, — произнес Розье. — Но вы ведь помните, в каком я положении.

— Я не помню, что вы сказали, — сухо ответила Изабелла.

— Вы обиделись и теперь не поможете мне.

Она некоторое время молчала, затем сказала совсем другим тоном, словно слова ее вырвались помимо ее воли:

— Дело не в том, что я не хочу вам помочь. Дело в том, что я не могу!

— Если бы вы смогли… совсем чуточку, — сказал Розье, — я бы никогда не стал говорить о вашем муже иначе как об ангеле.

— Отличное сравнение, — произнесла Изабелла с серьезным или, как он решил позже, когда вспоминал эту сцену, с загадочно-непроницаемым видом. И таким же, загадочнонепроницаемым, взглядом она посмотрела ему прямо в глаза. Розье вдруг вспомнил, что знал Изабеллу еще девочкой. Но это воспоминание было острее, чем ему хотелось, и он поспешно удалился.

Глава 38

На следующий день Розье пришел к мадам Мерль, и, к удивлению молодого человека, женщина легко отпустила ему его грех, но взяла обещание, что он остановится на достигнутом, пока что-нибудь не решится. Мистер Озмонд имеет в отношении дочери более далеко идущие планы, но расчеты его, коль скоро он не собирается давать за дочерью приличное приданое, не выдерживают никакой критики (если не назвать их нелепыми). Но мадам Мерль посоветовала мистеру Розье не отчаиваться. Если он сможет набраться терпения, то его мечта, вполне возможно, в конце концов станет реальностью. Мистер Озмонд смотрит на предлагаемый союз неблагосклонно, но не исключена возможность, что он когда-нибудь сменит гнев на милость. Пэнси никогда не пойдет против воли отца, в этом можно не сомневаться, — значит, торопиться не было никакого смысла. Озмонду необходимо свыкнуться с не устраивающим его в настоящий момент предложением, и этого результата навязчивостью не добьешься — все усилия ускорить

события принесут только вред. Розье заметил, что находится в самом незавидном положении, и мадам Мерль заверила молодого человека, что крайне ему сочувствует. Но, как справедливо заметила она, человек не может иметь все, что пожелает, — самой ей пришлось усвоить этот урок на «отлично». Писать Джилберту Озмонду бессмысленно — он передает ему это через мадам Мерль. Он обещал подумать в течение нескольких недель, и затем он сам сообщит письмом свое решение мистеру Розье — разумеется, если у него будет что-то обнадеживающее.

— Ему не понравилось, что вы говорили с Пэнси. Он недоволен — очень! — сообщила мадам Мерль.

— Готов предоставить ему великолепный шанс высказать мне все лично.

— В этом случае он может высказать более, чем вам хотелось бы услышать. В течение следующего месяца постарайтесь бывать у Озмондов реже — чем реже, тем лучше. Остальное предоставьте мне.

— Чем реже, тем лучше? Но кто определит меру?

— Скажем, я. Можете бывать по четвергам вместе с другими гостями, но не вздумайте по-

являться там в неурочное время. О Пэнси не тревожьтесь: я все объясню ей. У малютки спокойный нрав, она воспримет все как надо.

Эдвард Розье, который и вправду беспокоился о Пэнси, все же последовал совету и дождался вечера четверга, чтобы поехать в палаццо Рокканера. Там был в этот день званый обед, поэтому, хотя молодой человек и появился там рано, гостей было уже очень много. Озмонд, как обычно, стоял в первой гостиной возле камина и смотрел прямо на дверь, так что, чтобы не показаться совершенно невоспитанным, Розье пришлось подойти и заговорить с ним.

— Я рад, что вы способны прислушаться к намеку, — сказал отец Пэнси, прищурив свои умные проницательные глаза.

— Я не слышал никаких намеков, а просто последовал пожеланию.

— Пожеланию? От кого же?

Бедному Розье показалось, что его снова намеренно оскорбляют, и он замолчал, спрашивая себя, до какой степени должен терпеть подобное отношение к себе верный влюбленный.

— Мадам Мерль, если я правильно ее понял, передала ваше пожелание, чтобы я не искал случая переговорить с вами.

Розье льстил себя надеждой, что говорил в высшей степени спокойно.

— Не понимаю, при чем тут мадам Мерль. Почему вы обратились к ней?

— Мне хотелось узнать ее мнение… не более того. Я обратился к ней, поскольку мне показалось, что она вас очень хорошо знает.

— Она знает меня не настолько хорошо, как думает, — сказал Озмонд.

— Жаль — она оставила мне частицу надежды.

Озмонд некоторое время смотрел на огонь.

— Я высоко ценю свою дочь.

— Вряд ли выше, чем я. Разве просьба выдать ее за меня замуж не доказывает этого?

— Я желал бы для нее хорошую партию, — продолжил Озмонд с такой холодной дерзостью, которая при других обстоятельствах привела бы Эдварда в восхищение.

— Конечно, я надеюсь, что буду для нее достойным супругом. Ваша дочь не сможет выйти замуж за человека, который любил бы ее больше и, рискну добавить, которого она любила бы больше.

— Я не склонен выслушивать ваши домыслы по поводу того, кого любит моя дочь, — обронил Озмонд с холодной улыбкой.

— Это не домыслы. Ваша дочь сама так ска-

зала.

— Не мне, — продолжил Озмонд, слегка наклонившись вперед и посмотрев на мыски своих ботинок.

— Я получил ее обещание, сэр! — в отчаянии воскликнул Розье.

Поскольку до этого наши джентльмены беседовали тихо, это восклицание привлекло внимание гостей. Озмонд дождался, когда общее легкое волнение уляжется, и негромко произнес:

— Думаю, она уже забыла об этом.

Они стояли все это время лицом к камину, но после этих слов Озмонд снова повернулся к гостям. Розье не успел присоединиться к нему, как какой-то джентльмен, появившийся, как это принято в Риме, без всякого о том доклада, подошел поздороваться с хозяином дома. Последний радушно, но как-то неопределенно улыбнулся. Гость был приятным мужчиной с большой светлой бородой, очевидно, англичанин.

— Вы, вероятно, не узнаете меня, — с более искренней, чем у Озмонда, улыбкой произнес он.

— Ах да, теперь узнал. Просто я не ожидал увидеть вас.

Розье оставил их и отправился на поиски Пэнси. Молодой человек увидел ее, как обычно, в

соседней комнате, но снова по дороге столкнулся с миссис Озмонд. Вместо приветствия — так негодующий Эдвард был взволнован — он бесцеремонно заявил этой блестящей даме:

— Ваш муж холоден, как айсберг.

Изабелла улыбнулась той же таинственной улыбкой, которую Розье уже видел раньше.

— Не могут же все быть такими горячими, как вы.

— Не буду притворяться, что я холоден, но я спокоен. Что он творит со своей дочерью?

— Понятия не имею.

— Вам совсем не интересно? — спросил Розье, хотя и чувствовал, что это не так.

Она помолчала, затем коротко ответила:

— Нет! — Но в ее глазах мелькнули искры, что говорило об обратном.

— Простите, но я вам не верю. Где мисс Озмонд?

— Там, в углу, поит гостей чаем. Прошу вас, не трогайте ее.

Розье тут же увидел девушку, которую заслоняли перемещающиеся то и дело группы гостей. Он стал наблюдать за ней, но ее внимание было полностью поглощено ее занятием.

— Господи, что он с ней сделал? — взмолился Эд-

вард. — Он говорит, что она от меня отказалась.

— Она от вас не отказалась, — тихо проговорила Изабелла, не глядя на молодого человека.

— О, благодарю вас за эти слова! Теперь я не потревожу ее, пока вы считаете это нужным!

Не успел Розье договорить, как заметил, что Изабелла вдруг изменилась в лице, и увидел, что к ней приближается Озмонд в сопровождении только что вошедшего джентльмена. Последний почему-то, несмотря на свою прекрасную внешность и явно видное любому высокое положение в обществе, был немного смущен.

— Изабелла, — сказал Озмонд, — я привел тебе твоего старого друга.

В лице миссис Озмонд, как и в лице гостя, была какая-то растерянность.

— Очень рада видеть вас, лорд Уорбартон, — произнесла она.

Розье отошел от них; теперь, когда их беседа с Изабеллой была прервана, он посчитал себя свободным от своего обещания. Он сразу понял, что миссис Озмонд сейчас не до него.

Он был не так уж далек от истины: Изабелла на время о нем забыла. Она была поражена и никак не могла понять, рада ли появлению нового гостя. Сам лорд Уорбартон, стоявший сейчас перед ней,

не потерял счастливой возможности выказывать взглядом искренние чувства — было очевидно, что он очень рад. Он слегка поправился и стал выглядеть немного старше.

— Думаю, вы не ожидали увидеть меня, — произнес лорд Уорбартон. — Я только что приехал и буду в Риме всего один вечер. Как видите, я не терял времени, чтобы выразить вам свое почтение. Я знал, что по четвергам вы принимаете.

— Видишь, молва о твоих четвергах дошла до самой Англии, — с улыбкой сказал жене Озмонд.

— Очень любезно с вашей стороны, лорд Уорбартон, было так сразу приехать к нам. Мы польщены, — произнесла Изабелла.

— Ну, это гораздо лучше, чем сидеть в какой-нибудь премерзкой гостинице, — продолжал Озмонд.

— Отель весьма неплохой — кажется, тот же самый, в котором я встретил вас четыре года назад. Мы ведь виделись в последний раз здесь, в Риме. Это было очень давно. Помните, где мы попрощались? В Капитолии, в первом зале.

— Я помню, — сказал Озмонд. — Ведь я тоже был там тогда.

— Да, да, вы тоже там были. Мне очень не хотелось покидать Рим… так не хотелось, что со

временем это стало каким-то гнетущим воспоминанием, и я ни разу не приезжал сюда с тех пор. Но я знал, что вы здесь живете, и, уверяю, часто думал о вас. Должно быть, жить в этом дворце чудесно, — любезно отметил лорд Уорбартон, осматриваясь по сторонам.

— Мы рады видеть вас у себя в любое время, — не менее любезно заметил Озмонд.

— Большое спасибо. С тех пор я не выезжал из Англии и еще месяц назад считал, что мои путешествия окончены.

— Я слышала о вас время от времени, — сказала Изабелла, которая уже полностью восстановила самообладание.

— Надеюсь, ничего дурного? Моя жизнь не слишком богата на события.

— Отсутствие новостей — уже хорошая новость, — пошутил Озмонд.

Чувствовалось, что он счел, что самым прекрасным образом выполнил свои обязанности хозяина дома. Ничто не могло бы более об этом свидетельствовать, чем его любезность по отношению к старому другу жены. Она была безупречно светской, доброжелательной, какой угодно, но не искренней — и сей недостаток лорд Уорбартон, будучи по натуре человеком искрен-

ним, не мог не заметить.

— Я оставлю вас с миссис Озмонд, — добавил хозяин дома. — Ведь у вас есть совместные воспоминания, к которым я непричастен.

— Боюсь, вы много от этого теряете! — произнес лорд Уорбартон тоном, выражавшим несколько преувеличенную благодарность Озмонду за его любезность. Потом он перевел на Изабеллу взгляд, который постепенно становился все более и более серьезным. — Я действительно очень рад видеть вас.

— Это очень приятно. Вы так добры.

— А знаете, вы изменились… немного.

Изабелла немного помолчала.

— Да… даже очень.

— Я не хочу сказать, что к худшему. Однако сказать, что к лучшему, я вряд ли смогу.

— Думаю, без излишней щепетильности могу сказать вам то же самое, — улыбнулась Изабелла.

— Да, что касается меня… Прошло много времени. Было бы странно, если бы оно прошло бесследно.

Они сели, и Изабелла спросила лорда о его сестрах, задала еще несколько привычных в таких случаях вопросов. Он отвечал на них с

оживлением, и она поверила, — или ей хотелось поверить, — что он спокоен, беседуя с ней. Время дохнуло на его сердце, и хотя и не заставило его заледенеть, но охладило струей воздуха. Изабелла почувствовала, что ее обычное почтение к Времени возросло. Лорд Уорбартон держался так, будто был доволен жизнью, или, во всяком случае, ему хотелось бы, чтобы ей казалось, что у него все в порядке.

— Я должен сообщить вам кое-что без промедления, — произнес он. — Я привез с собой Ральфа Тачетта.

— Привезли его с собой? — Изабелла была поражена.

— Он в отеле. Он слишком устал, чтобы выходить, и лег в постель.

— Я поеду к нему, — быстро проговорила Изабелла.

— Именно на это я и надеялся. Кажется, вы не часто виделись с ним после того, как вышли замуж. То есть ваши отношения были… несколько формальными. Вот почему я медлил и колебался… не зря же я англичанин.

— Разумеется, Ральф мне по-прежнему дорог, — сказала Изабелла. — Но зачем он приехал в Рим?

Первая фраза была произнесена с большой неж-

ностью, а вопрос прозвучал немного резковато.

— Потому что дела его далеки от совершенства, миссис Озмонд.

— Рим — совершенно неподходящее для него место. Я слышала от самого Ральфа, что он решил бросить свою практику жить зимой за границей и оставаться в Англии, взаперти, как он говорил, в искусственном климате.

— Не очень-то это, бедняге, пошло на пользу. Я приехал к нему в Гарденкорт три недели назад и застал его совершенно больным. С каждым годом Ральфу становится все хуже, и сейчас у него не осталось сил. Он даже бросил курить! Он действительно развел искусственный климат — в доме было жарко, как в Калькутте. Тем не менее Ральфу вдруг вздумалось отправиться на Сицилию. Я не поверил в это, как не поверили ни доктора, ни друзья. Миссис Тачетт, как вы, наверное, знаете, в Америке, поэтому никто не мог остановить его. Ральф ухватился за мысль, что если он проведет зиму в Катании, это будет для него спасением. Он пообещал взять с собой слуг, мебель и очень комфортно устроиться, но на самом деле не взял с собой ничего. Я хотел убедить его хотя бы отправиться морем, это не так утомительно, но Ральф сказал, что море терпеть

не может, а по дороге остановится в Риме. После чего я, хотя и считал все это бреднями, решил поехать с ним. Я действую, как… как вы называете это в Америке? Как посредник. Бедный Тачетт сейчас очень нуждается в помощи. Мы уехали из Англии две недели назад. В дороге он был очень плох. Ральф никак не мог согреться, и чем дальше на юг мы продвигались, тем холоднее ему становилось. У него очень хороший слуга, но, боюсь, ему уже ничем не помочь. Простите мне такие слова, но мне кажется, миссис Тачетт выбрала самое неудачное время для поездки в Америку.

Изабелла внимательно слушала лорда Уорбартона; лицо ее отражало боль и смятение.

— Тетя ездит туда в определенное время, и ничто не заставит ее сменить расписание. Когда подходит срок, она отправляется в путь. Думаю, тетя поехала, даже если бы Ральф был при смерти.

— Иногда мне кажется, что он уже при смерти, — сказал лорд.

Изабелла поднялась.

— Тогда я немедленно еду к нему, — заявила она.

Уорбартон остановил ее — его несколько ошеломил ее порыв.

— Я не имел в виду, что это случится нынче вечером. Наоборот, сегодня в поезде Ральф выглядел весьма неплохо. Мысль о том, что мы подъезжаем к Риму — а вы знаете, как он любит этот город, — придала ему сил. Час назад, когда я пожелал ему спокойной ночи, он сказал мне, что очень устал, но невероятно счастлив. Поезжайте к нему утром — вот что я имел в виду. Я не сказал Ральфу, что поехал сюда, — да я и не думал об этом, но уже после того, как мы с ним расстались, я вспомнил, как он рассказывал мне, что вы по четвергам принимаете, — а сегодня как раз четверг. Вот я и решил поехать и сказать, что ваш кузен здесь, и лучше вам не дожидаться, пока он явится к вам с визитом. Кажется, Ральф упоминал, что не написал вам.

Изабелле не надо было объяснять, что она собирается предпринять после слов Уорбартона; у нее был такой вид, словно она бы полетела к Ральфу на крыльях, если бы они не были у нее связаны.

— Не говоря уж о том, что мне самому хотелось увидеть вас, — галантно добавил гость.

— Не понимаю решения Ральфа. Оно мне кажется каким-то диким, — сказала Изабелла. — Я была спокойна, зная, что он укрыт за надежными стенами Гарденкорта.

— Ральф был там совершенно один. Толстые стены были его единственной компанией.

— Вы навещали его. Вы были чрезвычайно любезны.

— О, дорогая, мне просто нечем было себя занять, — проговорил лорд Уорбартон.

— Наоборот, мы слышали, что вы занимаетесь великими делами. Все говорят о вас как о государственном человеке. Я постоянно вижу ваше имя в «Таймс», кстати говоря, далеко не в хвалебном тоне. Должно быть, вы остались воинствующим радикалом.

— Я уже не чувствую себя таким воинствующим; теперь многие разделяют мои взгляды. Как только мы с Ральфом в Лондоне сели в поезд, мы устроили парламентские дебаты. Я говорил ему, что он последний тори, а Ральф называет меня главой коммунистов. Как видите, он еще полон жизни.

Изабелла хотела еще многое узнать о Ральфе, но воздержалась от вопросов. Завтра она увидит его сама. Она понимала, что лорду Уорбартону уже надоело говорить об одном и том же и он захочет коснуться и других тем. Она все больше и больше уверялась, что лорд забыл о своей любви; а что касалось Изабеллы, то ей теперь удавалось

думать об этом без раздражения. Для нее прежней он являлся примером упорства и настойчивости, целеустремленности, чего-то, чему следовало оказывать сопротивление. Каждое новое его появление сразу же наводило юную Изабеллу на мысль о грядущих неприятностях. Но сейчас она успокоилась, она видела — лорд всего лишь намерен быть в дружеских отношениях с ней, он простил ее и обладает достаточным тактом, чтобы не вспоминать прошлое. Это не было с его стороны некоей формой мести — лорда Уорбартона нельзя было заподозрить в том, будто он хотел наказать Изабеллу подчеркнутым равнодушием. Было очевидно, что лорд просто решил: ей будет приятно узнать, что он смирился с судьбой. Смирился — как здоровый, мужественный человек, способный справиться с собой и залечить душевные раны. Его вылечило то, что он занялся политикой, — как Изабелла и предполагала. Она подумала с завистью, насколько счастливее удел мужчин, для которых всегда возможно окунуться в воды какой-нибудь деятельности. Лорд Уорбартон, конечно, заговорил о прошлом, но говорил о нем без грусти. Он даже зашел так далеко, что, говоря об их последней встрече в Риме, сказал: «Веселые были времена». И еще

он сказал, что с большим интересом услышал о ее замужестве и рад познакомиться с мистером Озмондом — прошлую встречу едва ли можно назвать знакомством. Здесь Изабелла вспомнила, что он не поздравил ее с замужеством, — но он не стал извиняться за это. Казалось, что в мыслях у него одно: внушить ей, что они просто старые добрые друзья. И видимо, в знак этой дружбы, улыбаясь, после короткой паузы, во время которой он с улыбкой оглядывался по сторонам, лорд внезапно спросил:

— Что ж, я полагаю, вы счастливы и все тому подобное?

Изабелла в ответ рассмеялась — вопрос показался ей почти комическим.

— Вы думаете, если бы это было не так, я бы призналась вам в этом?

— Право, не знаю. Почему бы и нет?

— Действительно. Но, слава богу, я очень счастлива.

— У вас превосходный дом.

— Да, здесь чудесно. Но это заслуга не моя, а мужа.

— Вы хотите сказать, это он обставил его?

— Да, когда мы въехали, здесь не было ничего.

— Да у него талант!

— Он просто гениален во всем, что касается убранства и драпировки, — отозвалась Изабелла.

— Сейчас это модное увлечение. Но ведь вы должны иметь свой вкус.

— Я наслаждаюсь, когда все уже сделано. У меня нет собственных идей. Я ничего не могу предложить.

— Значит, вы принимаете советы со стороны?

— Очень охотно.

— Прекрасно. Я вам тоже кое-что предложу.

— Будет очень любезно с вашей стороны. Но должна предупредить, что в мелочах я способна взять на себя инициативу. Так, например, мне хотелось бы представить вас некоторым из гостей.

— О, прошу вас, не стоит! Мне нравится сидеть здесь. Если, конечно, вы не имеете в виду ту молодую леди в голубом платье. У нее очаровательное личико.

— Та, которая разговаривает с румяным молодым человеком? Это дочь моего мужа.

— Он просто счастливчик, ваш муж. Какая милая девочка.

— Вы должны с ней познакомиться.

— С удовольствием — спустя несколько минут. Мне нравится наблюдать за ней отсюда.

Но лорд Уорбартон довольно скоро перестал

наблюдать за Пэнси. Его взгляд постоянно возвращался к миссис Озмонд.

— Вы знаете, я был не прав, когда сказал, что вы изменились, — произнес он спустя несколько секунд. — Все-таки вы кажетесь мне прежней.

— А мне замужество кажется серьезной переменой в жизни, — весело ответила Изабелла.

— На других оно сказалось сильнее, чем на вас. А я, как видите, не последовал вашему примеру.

— Это меня несколько удивляет.

— Вам-то это должно быть понятно, миссис Озмонд. Впрочем, я хочу жениться, — добавил лорд.

— Что может быть легче, — сказала Изабелла, поднимаясь, и вдруг слегка покраснела при мысли, что вряд ли имела право произносить эти слова при нем. Видимо, заметив румянец на ее щеках, лорд Уорбартон не стал заострять внимание на некой странности этих ее слов.

Тем временем Эдвард Розье сидел на диванчике рядом с чайным столиком Пэнси. Сначала он пытался заговорить с ней о всяких пустяках, но девушка спросила его, кто тот джентльмен, с которым разговаривала ее мачеха.

— Английский лорд, — ответил Розье. — Больше я о нем ничего не знаю.

— Интересно, он будет пить чай? Англичане так любят его.

— Не важно. Мне нужно вам кое-что сказать.

— Не говорите так громко. Нас услышат, — произнесла Пэнси.

— Никто нас не услышит, если вы будете продолжать сидеть так, как сейчас, с таким видом, словно для вас в жизни нет ничего важнее, чем закипающий чайник.

— В нем слишком много воды. Слуги вечно все сделают не так! — со вздохом воскликнула юная леди.

— Знаете, что сегодня сказал мне ваш отец? Что вы не придаете значения тому, что говорили неделю назад.

— Конечно, я не придаю значения всему, что говорю. Как девушка может это сделать? Но я придаю значение тому, что сказала вам.

— Он сказал, что вы забыли меня.

— О, нет, я не забыла, — сказала Пэнси, обнажив в заученной улыбке свои красивые зубки.

— Значит, все остается по-прежнему?

— Нет, не по-прежнему. Папа был очень сердит.

— Что он с вами сделал?

— Спросил, о чем вы со мной говорили, и я ему

все рассказала. Тогда он запретил мне выходить за вас замуж.

— Вам не следует обращать на это внимания.

— Это невозможно. Я не могу ослушаться папу.

— Даже ради того, кто любит вас, и кого любите вы — или вы притворялись?

Пэнси поднесла к губам чашку, посмотрела в нее несколько секунд, затем уронила в ее ароматную глубину четыре слова:

— Я по-прежнему люблю вас.

— И какая мне от этого польза?

— О, — вздохнула Пэнси, подняв свои милые, затуманившиеся глаза. — Я не знаю.

— Какое разочарование, — простонал бедный Розье.

Пэнси несколько секунд молчала и протянула чашку горничной.

— Пожалуйста, больше мне ничего не говорите.

— Это все, чем вы можете меня утешить?

— Папа сказал, чтобы я не разговаривала с вами.

— Вы жертвуете мной? О, это слишком!

— Я хотела бы, чтобы вы немного подождали, — проговорила девушка голосом, в котором нетрудно было расслышать дрожь.

— Конечно, я стану ждать, если вы оставите мне надежду. Но вы меня просто убиваете.

— Я не отступлюсь от вас, нет, нет! — продолжила Пэнси.

— Он постарается выдать вас за кого-нибудь другого.

— Я никогда на это не соглашусь.

— Тогда чего же нам ждать?

Она немного поколебалась.

— Я поговорю с миссис Озмонд, она нам поможет. — Девушка почти всегда называла так мачеху.

— Миссис Озмонд нам не поможет. Она боится.

— Боится чего?

— Вашего отца, я полагаю.

Пэнси покачала головой.

— Она никого не боится! Мы должны набраться терпения.

— О, какое убийственное слово, — простонал совершенно потерянный Розье. Забыв о приличиях, молодой человек уронил голову на руки и с грустью уставился в ковер. Вскоре, впрочем, он ощутил вокруг себя оживленное движение и, подняв голову, увидел, как Пэнси сделала реверанс — не зря же она обучалась в монастыре — перед английским лордом, которого подвела к

ней миссис Озмонд.

Глава 39

Внимательный читатель, вероятно, не удивится, что Ральф Тачетт виделся со своей кузиной гораздо реже после того, как она вышла замуж, чем до этого события — события, отношение молодого человека к которому вряд ли могло содействовать установлению более близких родственных отношений между ними. Как мы знаем, Ральф высказал свое отношение к данному предмету и более к этому не возвращался. Изабелла же не приглашала его возобновить дискуссию, ознаменовавшую собой окончание определенной эпохи их взаимоотношений и изменившую их так, как Ральф и опасался. Нисколько не уменьшив желания Изабеллы вступить в брак, беседа эта едва не погубила их дружбы. Они никогда больше не говорили о Джилберте Озмонде и, набросив на эту тему покров священного молчания, пытались сохранить нечто похожее на взаимную откровенность. Тем не менее все изменилось, — как Ральф и думал. Изабелла не простила его, и никогда не простит — вот все, чего он добился. Ей казалось, будто она больше

не злилась на кузена, и верила, что его мнение ей безразлично — поскольку Изабелла была и горда, и великодушна, эти ее убеждения превратились в определенную реальность. Но независимо от того, оправдаются ли его предсказания или нет, — он все равно нанес кузине обиду, одну из тех, которые женщины не прощают. Став женой Озмонда, она уже не сможет быть ему другом. Если бы оказалось, что Изабелла так счастлива, как и желала, она не могла испытывать ничего, кроме презрения, к кузену, который пытался все разрушить. С другой стороны, если бы его предупреждения подтвердились, она бы поклялась все сделать для того, чтобы Ральф ничего не узнал, и эта клятва легла бы на ее душу тяжелым грузом и не вызывала бы ничего, кроме ненависти. Весь год после свадьбы Изабеллы он предавался подобным мрачным предвидениям, и если мысли Ральфа покажутся читателю болезненно мрачными, он должен вспомнить, что Ральф отнюдь не являлся примером цветущего здоровья. Молодой человек утешил себя по мере возможности тем, что великолепно держался (хотя вид его и был несколько уныл) на церемонии бракосочетания мистера Озмонда с Изабеллой, которая прошла в июне во Флоренции. От своей матери он узнал,

что кузина сначала хотела устроить свадьбу на родине, но, поскольку стремилась к максимальной простоте обряда, наконец решила, несмотря на страстное желание Озмонда совершить путешествие любой продолжительности, что проще всего будет обвенчаться в ближайшей церкви в самый короткий срок. В результате церемония прошла в маленькой американской часовне в очень жаркий день в присутствии лишь миссис Тачетт с сыном, Пэнси Озмонд и графини Джемини. Строгость торжества, о котором я упомянул, частично объяснялась отсутствием двух человек, которых можно было ожидать здесь и которые могли придать событию должную пышность: приглашенная мадам Мерль ввиду необходимости неотлучного пребывания в Риме прислала письмо с изящными извинениями; Генриетту Стэкпол не приглашали, так как существовали обстоятельства, связанные со службой, препятствующие ее отъезду из Америки, о котором сообщил мистер Гудвуд. Но журналистка прислала письмо, правда, менее изящное, чем послание мадам Мерль; в нем она давала понять, что, если бы ей удалось пересечь океан, она присутствовала бы на свадьбе не только как свидетель, но и как критик. Генриетта вернулась в Европу

немного позже и встретилась с Изабеллой осенью в Париже, где, пожалуй, чересчур свободно проявила свой критический гений. Бедный Озмонд, являвшийся основным предметом этой критики, протестовал так резко, что Генриетта была вынуждена заявить Изабелле, что та решилась на шаг, который воздвиг между ними преграду.

— Дело не в том, что ты вышла замуж. Дело в том, что ты вышла за него! — мрачно заметила журналистка, не подозревая, насколько близко ее мнение совпадало с мнением Ральфа Тачетта, хотя у нее не было и доли колебаний и угрызений совести молодого человека. Однако второй визит Генриетты Стэкпол в Европу не оказался бесплодным. В тот самый момент, когда Озмонд заявил жене, что не может долее выносить эту журналистку, а та ответила, что он слишком строг к бедной Генриетте, на сцене появился мистер Бентлинг и предложил Генриетте поехать в Испанию. Ее письма из Испании оказались наиболее яркими из всего, что она публиковала, а одно, озаглавленное «Мавры: тайное и явное», казалось настоящим шедевром. Изабелла в глубине души огорчилась, что муж не смог отнестись к ее подруге с юмором. Она даже задумалась, а не лишен ли он вообще чувства юмора? Сама

Изабелла не считала возможным портить отношения с мужем из-за Генриетты; Озмонд же считал их дружбу чудовищным явлением и не мог понять, что у них было между собой общего. Для него подруга мистера Бентлинга была просто самой вульгарной женщиной в мире, и к тому же совершенно отпетой. Против последнего приговора Изабелла стала возражать так яростно, что Озмонд лишний раз подивился странностям вкусов жены. Она попыталась объяснить ему, что ей нравится общаться с людьми, совершенно не похожими на нее саму.

— Почему же ты не заведешь знакомство с прачкой? — спросил Озмонд, и Изабелла ответила, что вряд ли ее прачке захочется близко сойтись с ней, Генриетта же болеет за нее всей душой.

Ральф почти не встречался с кузиной на протяжении двух лет после ее свадьбы. Зимой, когда она поселилась в Риме, он снова уехал в Сан-Ремо. Весной молодой человек встретился там с матерью, и она поехала с ним в Англию проверить банковские дела — мероприятие, которое миссис Тачетт не могла поручить сыну. Ральф снял в Сан-Ремо маленькую виллу, в которой прожил следующую зиму, но в конце апреля поехал в Рим. Тогда он впервые после того, как кузина вышла

замуж, встретился с ней лицом к лицу. Ему очень хотелось снова увидеть ее. Она писала ему время от времени, но ее письма ни о чем ему не говорили. Ральф спрашивал у матери, чем занималась кузина, и та просто отвечала, что Изабелла наслаждается жизнью. Миссис Тачетт не обладала достаточным воображением, чтобы говорить о человеке, с которым не встречалась; она старалась не общаться с племянницей и видела ее крайне редко. Молодая женщина, казалось, вела достойный образ жизни, но ее тетя по-прежнему придерживалась мнения, что ее замужество было нелепостью. Ей было неприятно думать о семье Изабеллы — она была уверена, что у них все идет вкривь и вкось. Время от времени во Флоренции миссис Тачетт приходилось сталкиваться с графиней Джемини, хотя она и старалась свести эти встречи до минимума, — и, наводя ее на мысли об Озмонде, она невольно заставляла миссис Тачетт вспоминать об Изабелле. О графине Джемини теперь ходило меньше сплетен, но миссис Тачетт не воспринимала это как положительный факт: это только подтверждало ее мнение, что раньше она вела себя отнюдь не достойно. О жизни племянницы она могла узнать у мадам Мерль, но их отношения претерпели серьезные изменения.

Миссис Тачетт прямо заявила подруге, что та сыграла весьма неблаговидную роль в истории с замужеством Изабеллы. Мадам Мерль, которая никогда ни с кем не ссорилась, считая это пустой тратой сил, и которая на протяжении нескольких лет общалась с миссис Тачетт без единой ноты раздражения, теперь довольно резким тоном заявила, что даже не снизойдет до того, чтобы опровергать подобное обвинение. Однако она все же добавила, что обвинить ее можно только в излишней наивности: она доверяла только своим глазам и ей казалось, что Изабелла не испытывала особого желания выходить замуж, а Озмонд совершенно не собирался ее уговаривать (его частые визиты ни о чем не говорили: он просто ужасно скучал на своем холме и приезжал только в надежде развлечься). Изабелла же держала свои переживания при себе, и поездка девушки в Грецию и Египет окончательно отвлекла внимание ее спутницы. Мадам Мерль восприняла замужество подруги спокойно и совсем не была готова считать его скандальным, а уж то, что сама сыграла в нем какую-то роль, отрицала абсолютно. Несомненно, в результате изменения отношения миссис Тачетт к подруге мадам Мерль пришлось отказаться от старой привычки

и провести несколько месяцев в Англии, где ее репутация оставалась незапятнанной. Миссис Тачетт была к ней несправедлива; она не собиралась прощать такие вещи. Мадам Мерль страдала молча — ее чувству собственного достоинства, в котором каждый чувствовал нечто изысканное, можно было только позавидовать.

Ральф, как я уже сказал, хотел увидеть все своими глазами, но снова почувствовал, каким был глупцом, когда решил предостеречь кузину. Он разыграл не ту карту и теперь проиграл. Теперь ему было ни о чем не узнать, ничего не увидеть — для него Изабелла всегда носила маску. Ему нужно было бы открыто выразить восхищение ее решением, чтобы потом, когда, как Ральф выражался, почва ушла бы у нее из-под ног, она могла с удовольствием называть его простаком. А он с радостью согласился бы прослыть простаком, только чтобы побольше знать о жизни кузины. А теперь Изабелла не насмехалась над его хитростями, не притворялась, будто ее собственная уверенность осталась твердой и поныне; если она сейчас носила маску, то эта маска скрывала все ее лицо. Что-то застывшее и механическое виделось Ральфу в нарисованном на нем спокойствии. Это было не выражение лица, говорил

Ральф, а изображение чего-то на лице. Изабелла потеряла ребенка, но говорила о нем не часто — горе ее было так глубоко, что она не могла о нем говорить. Кроме того, ее горе принадлежало прошлому: минуло полгода, и Изабелла уже перестала носить траур. Казалось, она вела обычный светский образ жизни. Ральф слышал, что среди окружающих она вызывала какую-то нелепую зависть, что многие знакомство с ней считали привилегией. Ее дом был открыт не для всех, и она устраивала раз в неделю вечера, на которые приглашение вовсе не было делом само собой разумеющимся. Она жила довольно роскошно, но нужно было стать членом ее окружения, чтобы понять это, — в повседневном обиходе Озмондов не было ничего, чему можно было бы подивиться, что можно было бы покритиковать или чем восхищаться. Ральф во всем этом почувствовал руку мастера, поскольку знал, что Изабелла была не способна подумать, как произвести на людей наибольшее впечатление. Кузина поразила его своей любовью к движению, веселью, поздним вечеринкам, долгим утомительным поездкам. Она все делала с пылкостью — развлекалась, интересовалась чем-то, даже скучала. Она заводила новые знакомства, встречалась с завоевавшими

популярность людьми, исследовала Рим, общалась с некоторыми «замшелыми обломками» из его одряхлевших родов. Но во всем этом чувствовалась какая-то неразборчивость, а не желание саморазвития, что так ценил в ней Ральф ранее. В иных ее порывах ощущался надрыв, в поступках необдуманность, и это очень удивляло молодого человека. Ему показалось, будто кузина даже говорить и двигаться стала быстрее, чем до замужества. Она часто впадала в преувеличения — она, которая так ревниво когда-то охраняла истину! И если раньше Изабелла была восхитительна в благожелательном споре, в игре интеллектов (она никогда не выглядела такой очаровательной, как во время какой-нибудь дискуссии: получая сокрушительный удар прямо в лицо, она отражала его, словно легкое перышко), то теперь, похоже, она относилась с безразличием к тому, спорить ли с людьми или соглашаться с ними; но, несмотря на это безразличие, ее деятельность была еще более энергичной, чем ранее. По-прежнему стройная, еще более привлекательная, Изабелла не выглядела зрелой женщиной, но величественность и блеск придавали ее красоте немного высокомерия. Бедная отзывчивая Изабелла, что сделало с ней ее упрямство? Легкий когда-то шаг девушки

заметно потяжелел, появилась величавая осанка; живая, утонченная девушка стала другим человеком. Ральф увидел прекрасную светскую даму, которая будто бы действовала от чьего-то имени, представляла кого-то. «Кого?» — спрашивал себя молодой человек и находил только один ответ: Джилберта Озмонда. «Боже мой, что за жизненное назначение!» — горестно восклицал он.

Как я уже сказал, Ральф узнавал руку Озмонда на каждом шагу. Он видел, как Озмонд ставил везде рамки, все упорядочивал, предопределял, был вдохновителем их образа жизни. Озмонд был в своей стихии — наконец-то он имел под рукой материал для того, чтобы творить. Он всегда любил производить эффект, и он всегда был у него точно рассчитан. Он достигал эффекта отнюдь не тривиальными средствами — искусство его было столь же велико, сколь низменны были побуждения. Окружить свой домашний очаг вызывающим ореолом святости, дразнить общество ощущением собственной исключительности, закрывая перед ним двери, внушать людям, что его дом отличается от всех других, являть свету маску холодной оригинальности — таковыми были изобретательные усилия персонажа, которому Изабелла приписывала высшие моральные

качества. «Он работает с превосходным материалом, — говорил себе Ральф, — и роскошь этого материала не сравнима с его прежними ресурсами». Ральф был умным молодым человеком, но никогда — по его собственным ощущениям — не был он так умен, как в тот момент, когда заметил, что под желанием показать свое стремление только к высшим духовным ценностям Озмонд скрывал, что живет исключительно для того, чтобы производить впечатление на общество. Но, считая себя властелином общества, он на самом деле был его слугой — степень внимания общества являлась для Озмонда единственным мерилом успеха. Озмонд жил, не сводя с общества глаз, а оно по своей глупости не могло распознать его трюк. Все, что делал Озмонд, было позой — позой, столь тонко просчитанной, что невнимательный наблюдатель принимал ее за душевный порыв. Ральф никогда не встречал столь расчетливого человека. Вкусы Озмонда, познания, внешний лоск, коллекции — все служило определенной цели. Его отшельническая жизнь на холме во Флоренции также была многолетней преднамеренной позой. Уединенное существование, апатия, любовь к дочери, хорошие и дурные манеры — все это составляло разные грани об-

раза, который казался ему образцом дерзости и таинственности. Однако Озмонд стремился доставить удовольствие себе, а не обществу, возбуждая его любопытство и затем снисходительно удовлетворяя его. Разыгрывая подобные трюки, он казался себе величественным. Но самое большое удовольствие в жизни он доставил себе одним поступком — женитьбой на Изабелле Арчер, хотя в этом случае легковерное общество олицетворялось бедной девушкой, которую его способность к мистификации совершенно сбила с толку. Конечно, Ральф не мог не быть последовательным — он разработал эту теорию и не собирался от нее отказываться. Я постарался привести этот небольшой набросок его теории довольно точно. Правда, молодой человек очень искусно подгонял подходящие факты — и даже тот, что за целый месяц его тогдашнего пребывания в Риме Джилберт Озмонд отнюдь не смотрел на него как на врага. Теперь Ральф не представлял большого интереса для мистера Озмонда — ни в качестве друга, ни в каком-либо ином. Молодой человек был кузеном Изабеллы и страдал от какого-то неприятного недуга — на этой основе Озмонд и построил свои отношения с Ральфом. Он задавал ему множество вопросов, касавшихся его здоро-

вья, миссис Тачетт, мнения молодого человека о зимних климатах, удобствах отеля, в котором тот остановился. В тех редких случаях, когда они встречались, Озмонд обращался к нему ровно столько раз, сколько это было необходимо — не более, — и всегда делал это с видом успешного человека, разговаривающего с неудачником. В конце концов у Ральфа созрело твердое внутреннее убеждение, что Озмонд сделал все, чтобы его жене было неудобно принимать кузена. Озмонд не ревновал — вряд ли кто-то мог ревновать кого-либо к Ральфу. Но он заставлял Изабеллу расплачиваться за ее былую доброту, которая и теперь не иссякла. Ральф понятия не имел о столь большой цене своих визитов, но когда его подозрения стали острее, он стал ездить к кузине значительно реже — и тем самым лишил ее очень интересного занятия. Она не уставала удивляться, какая сила удерживает Ральфа в живых, и в конце концов решила, что это — его любовь к беседе, и беседы с ним становились для нее все интереснее. Ральф бросил прогулки и больше не был фланирующим насмешником. Весь день он сидел в кресле и был так зависим от окружающих, что если бы не его созерцательные беседы, можно было решить, будто перед вами

слепой. Читателю, знающему о Ральфе больше, чем Изабелла, можно раскрыть тайну: единственное, что удерживало молодого человека в этом мире, — это ощущение, что он еще недостаточно насладился общением с кузиной и потому не был удовлетворен. Более того, он не мог смириться с мыслью о грядущей потере этого общения. Ему хотелось увидеть, что Изабелла сделает из своего мужа или что тот сделает из нее. Сейчас шел только первый акт драмы, и Ральф дал себе слово высидеть весь спектакль. Столь твердое намерение помогло ему продержаться восемнадцать месяцев до времени возвращения в Рим с лордом Уорбартоном. Оно придало больному вид такой решительности жить дальше, что миссис Тачетт, терявшаяся в догадках по поводу своего странного, никчемного сына более, чем когда-либо раньше, не стала отказываться, как мы с вами уже знаем, от поездки за океан.

Если Ральфа удерживало в живых ожидание и неизвестность, то Изабелла испытывала сейчас похожее ощущение — волнение от того, в каком состоянии она его застанет. Именно это испытала Изабелла, поднимаясь в комнаты кузена на следующий день после того, как лорд Уорбартон сообщил ей о его приезде в Рим.

Она провела с ним около часа; за первым визитом последовали и другие. Джилберт Озмонд также исправно навещал его, а когда за Ральфом присылали карету, он ездил в палаццо Рокканера. Прошло две недели, и молодой человек объявил лорду Уорбартону, что не намерен ехать на Сицилию. В тот момент они обедали после долгой прогулки лорда по Кампанье; друзья только встали из-за стола, и лорд Уорбартон, усевшись перед камином и закурив сигару, поинтересовался:

— Не поедете на Сицилию? А куда же тогда?

— Никуда, — шутливым тоном ответил с дивана Ральф.

— Вы хотите сказать, что вернетесь в Англию?

— Нет, я останусь в Риме.

— Рим вам вреден. Здесь недостаточно тепло.

— Не важно. Я сделаю его полезным. Посмотрите, как прекрасно я себя чувствую.

Лорд Уорбартон некоторое время смотрел на него, попыхивая сигарой, словно действительно пытаясь это увидеть.

— Определенно, вы выглядите лучше, чем во время нашей поездки. Удивительно, как вы ее пережили. Но я не уверен в состоянии вашего здоровья и рекомендую вам все же поехать на Сицилию.

— Не могу, — ответил бедный Ральф. — Я не могу двигаться дальше. Не могу даже представить эту поездку. Это все равно что проплыть между Сциллой и Харибдой![71] Не хочу умереть в сицилийских долинах, быть унесенным, как Прозерпина в той же местности в мрачное царство Плутона[72].

— Какого же дьявола вы туда собирались? — спросил лорд.

— Потому что мне в голову пришла идея, а теперь я вижу, что она неправильная. На самом деле не важно, где я нахожусь. Я испробовал все средства, все климаты. Раз я здесь, то я остаюсь. На Сицилии у меня нет кузин.

— Ваша кузина, действительно, серьезная причина. А что говорит доктор?

— Я его не спрашивал, и мне его мнение безразлично. Если я умру здесь, миссис Озмонд меня похоронит. Но я здесь не умру.

— Надеюсь, — сказал лорд Уорбартон, продолжая задумчиво курить. — Но я должен сказать

---

[71] Примечания: 71

Иносказательное выражение, означающее подвергаться опасности с двух сторон. Сцилла и Харибда — два чудовища (Гомер, «Одиссея»).

[72] Примечания: 72

Богиня земного плодородия Прозерпина была похищена владыкой подземного царства Плутоном *(миф.)*.

— я рад, что вы не едете на Сицилию. Это путешествие наводило на меня ужас.

— О, вам не стоило беспокоиться. Я и не позволил бы вам сопровождать себя.

— А я не собирался отпускать вас одного.

— Мой дорогой Уорбартон, я не ожидал, что вы поедете со мной так далеко! — воскликнул Ральф.

— Я непременно поехал бы с вами и проследил бы за тем, как вы устроились, — сказал лорд.

— Вы отличный друг. Вы очень любезны.

— А потом я вернулся бы сюда.

— И через некоторое время уехал в Англию.

— Нет, нет, я задержался бы здесь.

— Ну что же, — сказал Ральф, — если это устраивает нас обоих, я не понимаю, при чем здесь Сицилия?

Его друг молчал, глядя в огонь, затем поднял глаза.

— Скажите, — произнес он, — вы на самом деле собирались на Сицилию, когда мы отправились в поездку?

— Сначала я задам вопрос. Вы поехали со мной совершенно… бескорыстно?

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать. Я просто решил прогуляться за границу.

— Вам не кажется, что мы играем друг с другом в некую игру?

— Говорите за себя. Я и не скрывал, что хотел на некоторое время тут задержаться.

— Да, помню, вы сказали, что хотели бы повидаться с министром иностранных дел.

— Я встречался с ним три раза. Очень занятный человек.

— Мне кажется, вы забыли, зачем приехали, — произнес Ральф.

— Очень возможно, — немного торжественно ответил его собеседник.

Оба джентльмена принадлежали к той расе, которую отнюдь нельзя упрекнуть в отсутствии сдержанности. Они проехали вместе от Лондона до Рима, старательно умалчивая о том, что занимало их мысли более всего. В их разговоре всплыла однажды некая тема, но непонятно как угасла, и даже после приезда в Рим, где многое их к этой теме возвращало, друзья по-прежнему хранили уверенно-неуверенное молчание.

— Все же я рекомендую вам проконсультироваться с доктором, — продолжил лорд Уорбартон после короткой паузы.

— Это все испортит. Если бы я мог, то никогда не обращался бы к врачам за консультацией!

— А что думает миссис Озмонд?

— Я не говорил ей. Вероятно, она скажет, что в Риме слишком холодно, и даже предложит мне поехать со мной в Катанию. Кузина на это способна.

— На вашем месте я бы этому радовался.

— Ее муж будет недоволен.

— Да, могу себе представить; и что вам до этого? Это его дело.

— Не хочу причинять этому семейству лишние неприятности, — ответил Ральф.

— А их уже много?

— Мне почему-то кажется, что почва для них уже подготовлена. Отъезд Изабеллы со мной вызовет взрыв. Озмонд вовсе не в восторге от кузена жены.

— Согласен, это явится причиной их ссоры. Но не случится ли так и в том случае, если вы застрянете здесь?

— Именно это мне и хочется узнать. Что-то подобное произошло, когда я был последний раз в Риме, и я посчитал своей обязанностью уехать. Теперь я считаю, моя обязанность остаться и защитить Изабеллу.

— Мой дорогой Тачетт, ваши защитные силы… — с улыбкой начал лорд Уорбартон, но

заметил что-то в лице собеседника, что заставило его остановиться. — Ваши обязанности в данных условиях кажутся мне проблематичными.

Ральф некоторое время молчал.

— Да, мои защитные силы действительно невелики, — заметил он наконец, — но наступательные еще меньше, и потому Озмонд может счесть, что на меня не стоит тратить пороху. Во всяком случае, — добавил он, — мне было бы любопытно узнать, что будет дальше.

— Вы жертвуете своим здоровьем ради любопытства?

— Меня не очень интересует мое здоровье. Меня гораздо больше интересует миссис Озмонд.

— Меня тоже. Но иначе, чем раньше, — быстро добавил лорд Уорбартон. Он еще ни разу не говорил с Ральфом об этом.

— Как вам показалось? Она очень счастлива? — спросил Ральф, ободренный доверием друга.

— Не знаю. Я еще не обдумал это. Она сказала мне, что счастлива.

— О, конечно — вам! — с улыбкой воскликнул Ральф.

— Не знаю. Мне кажется, я как раз тот человек, которому можно пожаловаться.

— Пожаловаться? Изабелла никогда не станет

жаловаться. Она знает, что сделала это сама, и пожалуется вам в последнюю очередь. Она очень осторожна.

— И напрасно. Я не собираюсь снова признаваться ей в любви.

— Во всяком случае, насчет того, в чем состоит ваш долг, сомнений нет.

— О, нет, — серьезно сказал лорд Уорбартон, — никаких.

— Позвольте мне спросить, — продолжил Ральф, — не с той ли целью, чтобы доказать Изабелле, что вы не собираетесь за ней ухаживать, вы так любезны с одной молоденькой девушкой?

Лорд вздрогнул, поднялся и встал у камина, слегка покраснев.

— Это показалось вам нелепым?

— Нелепым? Нисколько, если она вам действительно нравится.

— Она необыкновенно мила. Не помню, чтобы мне так нравилась девушка ее возраста.

— Она очаровательна. И главное, она совершенно искренна.

— Конечно, между нами большая разница в возрасте… более двадцати лет.

— Дорогой Уорбартон, — произнес Ральф, — вы это серьезно?

— Совершенно серьезно… насколько я могу быть серьезным.

— Я очень рад. Господи, — воскликнул Ральф, — как же будет ликовать Джилберт Озмонд!

Его собеседник нахмурился.

— Не надо портить мне настроение. Я собираюсь сделать предложение дочери не для того, чтобы доставить удовольствие сему господину.

— Тем не менее Озмонд будет доволен — вам назло.

— Я настолько ему по вкусу? — спросил лорд.

— По вкусу? Мой дорогой Уорбартон, недостаток вашего положения заключается в том, что людям не нужно хорошо к вам относиться, чтобы жаждать с вами породниться.

Вот мне бы в подобной ситуации можно было бы тешить себя мыслью, что любят меня самого.

Но, судя по всему, лорд Уорбартон не был настроен в данную минуту предаваться обдумыванию проблем общего характера. Он думал о чем-то своем.

— А как вы думаете, она будет рада?

— Девушка? Конечно, она придет в восторг.

— Нет, нет, я имею в виду миссис Озмонд.

Ральф несколько секунд пристально смотрел на лорда.

— Мой дорогой друг, она-то какое имеет к этому отношение?

— Самое прямое. Она очень любит Пэнси.

— Да, это правда. — Ральф медленно поднялся. — Интересный вопрос — как далеко заведет ее привязанность к Пэнси… — Молодой человек постоял несколько секунд, засунув руки в карманы, с грустью глядя перед собой. — Надеюсь, вы, как говорится, уверены — совершенно уверены… а, черт! Не знаю, как сказать.

— Уж кто-кто, а вы всегда знаете, что сказать.

— Да, только язык не поворачивается. Надеюсь, вы уверены в том, что среди всех добродетелей Пэнси то, что она… падчерица миссис Озмонд… не самое главное?

— Боже милостивый, Тачетт! — сердито воскликнул лорд Уорбартон. — За кого вы меня принимаете?

Глава 40

После своего замужества Изабелла почти не виделась с мадам Мерль, так как та стала часто уезжать из Рима. Однажды она провела полгода в Англии, затем прожила часть зимы в Париже. Она наносила визиты своим многочисленным друзьям и тем заставляла предположить, что в ближайшем будущем она не будет такой уж закоренелой римлянкой, как раньше. Поскольку ее прежняя «закоренелость» выражалась только в том, что она снимала квартирку в одном из самых солнечных уголков города — да и к тому же та частенько пустовала, — это наводило на мысль об уже постоянном отсутствии, и Изабелла одно время горевала об этом. Близкое знакомство несколько изменило ее первое впечатление о подруге, но в сущности оно не сильно изменилось — в нем еще оставалась доля восхищения. Мадам Мерль всегда была во всеоружии — было приятно наблюдать за человеком, так великолепно экипированным для социальных битв. Она отважно несла свое знамя, а оружием ей служила отточенная сталь; она владела им с искусством,

которое все больше поражало Изабеллу. Мадам Мерль никогда не выглядела усталой, отвращение никогда не одолевало ее; казалось, она не нуждается ни в утешении, ни в отдыхе. У нее были свои представления о жизни — когда-то во многие из них она посвятила Изабеллу, которая знала, что под видом абсолютного самообладания ее наделенная столькими совершенствами подруга скрывала способность глубоко чувствовать. Но воля мадам Мерль была повелительницей ее жизни: во всех ее поступках был какой-то блеск — казалось, будто она распознала какой-то секрет и жизнь являлась всего-навсего хорошо известным ей фокусом. Став старше, Изабелла узнала и обратную сторону жизни. Иногда выдавались дни, когда мир вокруг казался мрачным, и она настойчиво задавала себе вопрос, для чего, собственно, она живет на этом свете? Раньше ею двигал энтузиазм, она жила, влюбляясь в неожиданно возникающие возможности, с надеждой на будущее. Она так привыкла в юные годы переходить из одного взволнованного состояния в другое, что между ними почти не оставалось скучных пробелов. А мадам Мерль подавила в себе энтузиазм — она жила только благоразумием, руководствуясь исключительно рассудком.

Порой Изабелла была готова отдать что угодно за уроки такого искусства — в некоторые минуты, если бы это было возможно, она бы непременно взывала к мадам Мерль. Изабелла теперь стала понимать, как выгодно быть такой — защищенной надежной броней, своеобразными серебряными латами. Но, как я уже сказал, мадам Мерль не появлялась в Риме до самой зимы.

Правда, теперь Изабелла стала снова видеться с мадам Мерль гораздо чаще, но нужды и склонности нашей героини сильно изменились. У нее уже не было желания обращаться к подруге за помощью и перенимать ее «фокусы». Теперь она считала, что, если у нее возникли проблемы, она должна была справиться с ними сама, и если жизнь была сложной, признание собственного поражения не делало ее легче. Мадам Мерль, безусловно, очень заботилась о себе, являлась украшением любого общества, но могла ли она — желала ли быть полезной другим в их трудный период жизни? Не лучше ли было просто подражать ей — быть такой же стойкой и умной, как она. Мадам Мерль не признавала затруднений, и Изабелла, учитывая этот факт, в пятидесятый раз намеревалась отбросить прочь свои. Впрочем, Изабелле показалось, что после долгой разлуки

мадам Мерль тоже изменилась — казалось, ее преследовал надуманный страх выглядеть неблагоразумной. Как известно, Ральф Тачетт считал, что мадам Мерль склонна к преувеличениям или к излишнему усердию, — Изабелла никогда не соглашалась с подобным обвинением, хотя прекрасно понимала основания для него. Поведение мадам Мерль, по ее мнению, постоянно носило печать отменного вкуса и всегда было безупречным. Но в своем стремлении не вмешиваться в жизнь семьи Озмондов мадам Мерль все же немного перестаралась. И Изабелла сочла, что это не было признаком тонкого вкуса, а скорее выглядело нелюбезным. Она как будто все время напоминала себе, что Изабелла теперь была замужем, что у нее теперь появились другие интересы и что сама она, мадам Мерль, хоть и знала Джилберта Озмонда и его маленькую Пэнси лучше других, но отнюдь не являлась их родственницей. Она постоянно была настороже: никогда не говорила о семейных делах, пока ее не спрашивали или даже не вынуждали к этому, требуя высказать свое мнение. Она боялась вмешиваться в чужую жизнь — о прямоте мадам Мерль мы уже знаем, и именно с этой прямотой она однажды поделилась своим страхом с Изабеллой.

— Я постоянно должна быть начеку, — сказала она. — Я очень легко могу задеть вас, сама того не подозревая. И вы окажетесь правы, даже если мои намерения будут самыми чистыми. Я не должна забывать, что знала вашего мужа еще до того, как вы с ним познакомились. Если бы вы были неумной женщиной, то стали бы ревновать ко мне. Но вы умны, и я это прекрасно знаю. Но ведь и я умна и потому не намерена накликать на себя беду. Очень легко сделать промах: ошибка совершается до того, как человек осознает ее. Конечно, если бы я хотела завести роман с вашим мужем, для этого у меня было десять лет — ничто мне не мешало, и потому было бы странно, если бы я решила заняться этим сейчас, когда стала уже не такой привлекательной, как раньше. Но если вам случалось тревожиться из-за того, что я хотела занять место, которое мне не принадлежит, то напрасно. Вы должны были бы просто сказать, что я вышла за границы приличий; впрочем, я не намерена забывать о них. Конечно, добрые друзья редко размышляют на подобные темы — друзей не подозревают в вероломстве. Я, например, ни в чем вас не подозреваю; однако я не доверяю человеческой природе. Не думайте, будто я испытываю неудобства — да и не всегда

же я слежу за каждым своим словом. Мне кажется, я доказала это, разговаривая сейчас с вами. Единственное, что хочется сказать: если вы все же станете ревновать — если это примет такую форму, — я сочту, что в этом есть доля моей вины. Но никак не вашего мужа.

Изабелла три года раздумывала над теорией миссис Тачетт, что женитьбу Джилберта Озмонда устроила мадам Мерль. Мы знаем, как наша героиня сначала восприняла эту мысль. Даже если мадам Мерль могла устроить женитьбу Джилберта Озмонда, она не могла устроить судьбу Изабеллы Арчер. Силы ли природы или само провидение участвовало в этом — Изабелла вряд ли могла ответить. Недовольство ее тети касалось не столько действий мадам Мерль, сколько двойственности ее поведения. Она была виновницей этого брака, но отказалась признать свою вину — впрочем, Изабелла и не видела греха в том, что мадам Мерль вольно или невольно содействовала ее роману с Озмондом. Так думала Изабелла тогда, после разговора с тетей, незадолго до свадьбы. Если мадам Мерль хотела, чтобы подруга вышла замуж, что в этом было дурного? Она была откровенной с Изабеллой и никогда не скрывала своего высокого мнения об Озмонде.

После свадьбы Изабелла обнаружила, что у мужа, в свою очередь, был менее благоприятный взгляд на его отношения с мадам Мерль. Он редко говорил о своей старинной приятельнице и, когда его жена вспоминала о ней, стремился сменить тему разговора.

— Тебе не нравится мадам Мерль? — спросила однажды Изабелла. — Она о тебе очень высокого мнения.

— Я отвечу тебе раз и навсегда, — ответил Озмонд. — Раньше она нравилась мне больше, чем сейчас. Я устал от нее, и мне из-за этого немного неловко. Мадам Мерль — прекрасная женщина! Но я рад, что ее нет в Италии. Это нечто вроде передышки. Не стоит часто вспоминать о ней — будет казаться, что она где-то рядом. Она и так все равно вернется — много раз.

Мадам Мерль в самом деле возвратилась прежде, чем стало слишком поздно — я имею в виду, слишком поздно для того, чтобы снова обрести все преимущества, которые она, возможно, уже утратила. Как я уже сказал, она стала немного другой — но ведь и Изабелла изменилась. Ее ощущения сохранили свою прежнюю остроту — только в ней появилось сознание неудовлетворенности. А как известно, человеку отнюдь не

надо искать причин для неудовлетворенности — причины для нее цветут пышно, как лютики в июне. Тот факт, что мадам Мерль приняла участие в женитьбе Джилберта Озмонда, уже не ставился ей в заслугу, да и вообще оказалось, что ее не за что благодарить. Чем дальше, тем поводов для благодарности оставалось меньше, и однажды Изабелла вынуждена была признаться себе, что если бы не мадам Мерль, этого ее замужества никогда бы не произошло. Правда, она тут же отогнала эту мысль прочь, испытав при этом нечто вроде ужаса. «Что бы со мной ни случилось дальше, но я не буду несправедливой, — подумала она. — Я понесу свой крест сама и не стану перекладывать его на плечи других!» Это ее умонастроение подверглось большому испытанию, когда мадам Мерль прибегла к столь хитроумному извинению за свое поведение — в ее рассуждениях было нечто вроде насмешки, что вызвало раздражение Изабеллы. Мысли Изабеллы последнее время абсолютно запутались — в них мешались сожаления и страхи. Отвернувшись от своей приятельницы, когда та произнесла то, что было сказано выше, Изабелла почувствовала себя совершенно беспомощной. Знала бы мадам Мерль, о чем думала Изабелла!

Но наша героиня вряд ли смогла бы это доходчиво объяснить. Ревновать? Ревновать Джилберта к ней? Эта идея казалась совершенно невероятной. Изабелла почти желала, чтобы ревность стала возможной — это, вероятно, принесло бы некоторое облегчение, ведь ревность предполагает наличие счастья, которое страшно терять. Но мадам Мерль была мудрой женщиной. Казалось, она знала Изабеллу лучше, чем та знала себя. Изабелла всегда была полна намерений всевозможного толка, — как правило, они были очень возвышенными, — но никогда еще они не цвели так ярко в глубине ее сердца, как сейчас. Правда, все они были похожи друг на друга и в итоге сводились к одному: если Изабелле суждено быть несчастной, пусть это произойдет не по ее вине. Бедная ее душа всегда страстно стремилась ко всему лучшему и еще не испытывала серьезного разочарования. Поэтому она и стремилась оставаться справедливой и не опускаться до мелочной мстительности. Связывать мадам Мерль со своими разочарованиями и расстройствами как раз и означало мелкую месть, тем более что получаемое при этом удовольствие было совершенно неискренним. Невозможно было притворяться, будто она действовала с закрытыми глазами. Сво-

боднее Изабеллы перед ее замужеством трудно было даже кого-либо представить; единственный источник ее ошибок находился в ней самой. Не было ни интриг, ни ловушек — Изабелла сама наблюдала, думала и выбирала. Когда женщина совершает подобную ошибку, у нее есть только один способ исправить ее — примириться с ней. Достаточно одного безумного шага, да еще такого, который должен длиться всю жизнь; второй вряд ли поможет делу. В этом молчаливом обете было немало благородства, и это давало силы Изабелле держаться. Но мадам Мерль все же была права, приняв меры предосторожности.

Как-то раз — спустя примерно месяц после приезда Ральфа Тачетта в Рим — Изабелла вернулась домой после прогулки с Пэнси. Не только из-за своих возвышенных намерений — скорее благодаря своей нежности ко всему чистому и слабому Изабелла была благодарна судьбе за падчерицу. Пэнси была дорога Изабелле. Ничто в жизни не было столь приятно для нее, как привязанность этой девочки, — при взгляде на нее чувство необыкновенной мягкости возникало в Изабелле: словно в ее руку вложили детскую ладошку. Для Пэнси же в отношении к мачехе помимо любви была и своего рода горячая слепая

вера. Сознание того, что девочка зависит от нее, доставляло Изабелле огромное удовольствие, и в своих действиях она руководствовалась им, хотя мотивы действий от нее частенько ускользали. Изабелла говорила себе: мы должны выполнять свой долг, это единственное, к чему мы должны стремиться. Привязанность Пэнси являлась своего рода прямым указанием, провозглашающим: вот вы и нашли то, что искали. В чем именно заключался ее долг, Изабелла точно определить бы не могла — главным образом, как она понимала, она должна была быть для ребенка надежной опорой. Она теперь часто улыбалась, вспоминая, как когда-то ее маленькая падчерица казалась ей неискренней, поскольку сейчас убедилась, что неискренность Пэнси была просто житейской неопытностью. Изабелла не могла себе представить, кто еще мог бы стараться так же отчаянно, чтобы доставить окружающим радость. Она постоянно наблюдала эту удивительную способность девочки. Пэнси была целостной натурой, и это был ее дар — у нее не было гордыни; она постоянно одерживала победы, но не требовала за них наград. Изабелла и Пэнси постоянно находились вместе — миссис Озмонд редко видели без падчерицы. Ей нравилась компания девочки,

как подчас нравится букет, составленный из одинаковых цветов; и вообще забота о падчерице приобрела для нее чуть ли не религиозный характер. И Пэнси, судя по всему, с Изабеллой была счастливее, чем с кем бы то ни было, кроме, разумеется, своего отца, который был ее кумиром. Что же касается Озмонда, то он получал от своего отцовства утонченное удовольствие, и он всегда был подчеркнуто мягок с дочерью. Изабелла видела, как нравилось девочке ее общество, и как она старается ей угодить. В конце концов она решила, что лучший способ угодить Изабелле — не доставлять ей никаких неприятностей; разумеется, она ничего не могла сделать с теми неприятностями, которые существовали независимо от нее. Поэтому Пэнси была удивительно послушна, покорна и, соглашаясь на предложения Изабеллы, старалась умерить свою пылкость, так что даже оставалось непонятным, довольна ли она. Она никогда не перебивала собеседника, никогда не задавала праздных вопросов и, хотя для нее не было большей радости, чем снискать похвалу, — она даже бледнела, услышав приятные слова, — она никогда не напрашивалась на них. Она просто лишь с мечтательным видом ждала, и ее умные глазки благодаря этому

выражению с возрастом стали совершенно прелестны. Когда во вторую зиму пребывания их в палаццо Рокканера Пэнси начала выезжать в свет, танцевать, она всегда в нужный час, чтобы не утомилась миссис Озмонд, первой предлагала Изабелле возвращаться домой. Изабелла ценила эту жертву: она знала, как нелегко было Пэнси отказываться от последних танцев, поскольку знала, как та их обожала, двигаясь под музыку, как настоящая фея. Девушка не видела никаких неудобств в том, чтобы бывать в обществе, ей даже нравились отрицательные стороны этого действа — духота бальных залов, скука обедов, толчея при разъезде, томительное ожидание экипажа. А в этом самом экипаже Пэнси сидела рядом с Изабеллой в милой позе, чуть наклонившись вперед и едва заметно улыбаясь, словно ее в первый раз вывезли кататься.

В тот день, о котором я веду рассказ, они выехали за городские ворота и через полчаса оставили экипаж ждать их на обочине дороги, а сами отправились по невысокой траве, которая даже в зимние месяцы была усеяна мелкими цветочками. Это стало почти ежедневной привычкой Изабеллы — она любила пешие прогулки и ходила очень быстро, хотя уже и не так быстро, как

тогда, когда впервые приехала в Европу. Для Пэнси прогулки не являлись любимым занятием, но они все равно ей нравились, поскольку девушке нравилось все. Она семенила, чуть отставая от мачехи, которая потом по возвращении в Рим отдавала дань вкусам падчерицы, проезжая с ней круг, например, по парку виллы Боргезе. Собрав на солнечной полянке вдали от стен Рима букетик цветов, Пэнси, вернувшись в палаццо Рокканера, сразу прошла к себе в комнату и поставила его в воду. Изабелла направилась в гостиную, ту, в которой обычно проводила дни, — ту, которая находилась сразу за первым залом для приемов, куда вела лестница. Она была пустовата; даже дорогие экспонаты Джилберта Озмонда не могли скрыть впечатление пустого пространства. Изабелла остановилась на пороге гостиной. Причиной тому было возникшее вдруг у нее ощущение — оно не было, строго говоря, новым, просто Изабелла по-новому его восприняла, а поскольку она ступала беззвучно, то стала свидетелем любопытной сцены. В комнате была мадам Мерль; она не сняла шляпу. Джилберт Озмонд что-то говорил ей. В течение примерно минуты они не замечали вернувшуюся хозяйку. Изабелла наблюдала подобную сцену уже много раз, но

чего она никогда не видела — это чтобы подобный диалог вдруг перешел в непринужденное, загадочное для нее молчание, которое, как тут же поняла Изабелла, ее появление непременно бы нарушило. Мадам Мерль стояла на коврике возле камина; Озмонд сидел в кресле, откинувшись на спинку, и пристально смотрел на нее. Она, как обычно, держала голову прямо, но взгляд свой склонила к нему. Прежде всего Изабеллу поразило, что Озмонд сидел, в то время как мадам Мерль стояла, — это было такое аномальное явление, что она застыла на месте. Затем она поняла, что собеседники прервали свой обмен мнениями и погрузились в размышления, как старые друзья, которые иногда делятся своими мыслями, особенно на них не настаивая. Казалось бы, в этом не было ничего шокирующего — ведь они и на самом деле были старыми друзьями. Однако все вместе сложилось в некую картину, мелькнувшую словно внезапная вспышка света. Их позы, поглощенные одним и тем же соединившиеся взгляды потрясли Изабеллу. Но едва она успела это увидеть, как все закончилось. Мадам Мерль заметила ее и поприветствовала, не сходя с места. Джилберт Озмонд, напротив, вскочил с кресла, пробормотал что-то о желании прогуляться по

саду и, попросив извинения у мадам Мерль, покинул комнату.

— Я пришла к вам, но вас не было, и я решила подождать, — сказала гостья.

— Он что, не предложил вам сесть? — с улыбкой спросила Изабелла.

Мадам Мерль оглянулась.

— Ах, да! Но я просто уже собиралась уходить.

— Надеюсь, теперь вы останетесь?

— Конечно, ведь я пришла не просто так. У меня кое-что для вас есть.

— Я уже как-то сказала вам, что должно произойти нечто экстраординарное, чтобы вы появились в этом доме, — сказала Изабелла.

— И вы помните, что я вам ответила. Здесь я или нет, но у меня всегда один и тот же мотив действий — любовь к вам.

— Да, вы говорили это.

— Вы как будто мне не верите, — произнесла мадам Мерль.

— О, я никогда не сомневалась в том, что вы руководствуетесь глубокими мотивами, — сказала Изабелла.

— Скорее вы готовы усомниться в моей искренности?

Изабелла покачала головой.

— Вы всегда были очень добры ко мне.

— Всегда, когда вы мне это позволяли. А так как это бывало не всегда, поневоле приходилось оставлять вас в покое. Но сегодня я пришла не ради того, чтобы проявить доброту, а наоборот. Я собираюсь переложить на вас часть своих забот. Об этом я и говорила с вашим мужем.

— Удивительно. Он не очень-то любит заботы.

— Особенно чужих людей. Я знаю это. Но, полагаю, вы не такая. В общем, как бы то ни было, вы должны мне помочь. Речь идет о мистере Розье.

— О, — задумчиво вздохнула Изабелла, — так это его заботы, а не ваши.

— Он переложил их на меня. Молодой человек приходит ко мне по десять раз на неделе и заводит разговоры о Пэнси.

— Да, он хочет на ней жениться. Я знаю.

Мадам Мерль на мгновение замялась.

— По словам вашего мужа, вы ничего не знали.

— Откуда ему знать, что знаю я? Он ни разу не говорил со мной об этом деле.

— Наверное, потому, что не знал, как приступить к разговору?

— Это не тот вопрос, который может поставить его в тупик.

— Да, поскольку обычно отлично знает, как

отнестись к тому или иному обстоятельству, а теперь нет.

— Но, надеюсь, вы научили его? — осведомилась Изабелла.

Мадам Мерль улыбнулась своей лучезарной улыбкой.

— Вы что-то сегодня суровы.

— Что поделаешь… Мистер Розье говорил и со мной.

— И совершенно правильно сделал. Вы так близки с девочкой.

— О, — вздохнула Изабелла, — мне не удалось его порадовать. Если я вам кажусь суровой, представляю, что думает обо мне молодой человек.

— Думаю, он считает, что вы можете сделать больше, чем сделали.

— Я ничего не могу сделать.

— По крайней мере, больше, чем я. Не знаю, какую таинственную связь мистер Розье усмотрел между мной и Пэнси, но сначала он пришел ко мне, будто ее судьба в моих руках. Теперь молодой человек все ходит, чтобы пришпорить меня, узнать, на что можно надеяться, чтобы излить мне свою душу.

— Он очень влюблен, — заметила Изабелла.

— Очень — для него.

— Можно сказать, и для Пэнси — тоже.

Мадам Мерль на секунду опустила глаза.

— Вы не считаете ее привлекательной?

— Девочка — самое прелестное существо на свете, но она очень ограниченна.

— Тем лучше для мистера Розье. Он тоже не блещет.

— Ну да, — подхватила Изабелла, — его развитие не простирается за пределы носового платка — знаете, такого маленького платочка, окаймленного кружевами.

Юмор ее в последнее время все больше смахивал на сарказм, и через мгновение она смутилась оттого, что отпустила подобное замечание в адрес столь невинного человека, как поклонник Пэнси.

— Мистер Розье очень добрый, очень честный человек, — добавила она. — И вовсе не такой глупец, каким кажется.

— Он утверждает, что Пэнси восхищена им, — сказала мадам Мерль.

— Не знаю. Я у нее не спрашивала.

— Вы никогда ее не спрашивали о личных делах?

— Это не мое дело, а ее отца.

— Не слишком ли вы педантичны? — спросила

мадам Мерль.

— Я действую так, как считаю нужным.

Мадам Мерль снова улыбнулась.

— Вам нелегко помочь, — сказала она.

— Помочь мне? — очень серьезно переспросила Изабелла. — Что вы имеете в виду?

— Как легко испортить вам настроение! Вы видите, насколько я мудра, что веду себя осторожно? Я сообщаю вам, как уже сообщила Озмонду, что я умываю руки. Меня не касаются любовные дела Пэнси и мистера Эдварда Розье. Не могу же я говорить о нем с Пэнси. Особенно потому, — добавила мадам Мерль, — что не считаю его идеальной кандидатурой в мужья.

Изабель задумалась, затем с улыбкой произнесла:

— И вы говорите о том, что умываете руки! — и потом добавила совсем другим тоном: — Нет, вы не можете; вы слишком заинтересованное лицо.

Мадам Мерль медленно поднялась, бросив на Изабеллу взгляд столь же мгновенный, что и странная картина, явившаяся Изабелле, когда она некоторое время назад появилась на пороге гостиной. Но Изабелла ничего не заметила.

— Спросите его в следующий раз, когда он придет, и увидите.

— Я не могу его спросить — он перестал бывать у нас. Джилберт дал ему понять, что его визиты нежелательны.

— Ах да, — проговорила мадам Мерль. — Я забыла. Мистер Розье утверждает, будто Озмонд оскорбил его. Но все-таки Озмонд не до такой степени не расположен к Розье, как тому кажется.

Мадам Мерль, встав с кресла как бы для того, чтобы дать понять, что разговор окончен, все же медлила, оглядываясь по сторонам и, очевидно, желая сказать что-то еще. Изабелла все прекрасно понимала и даже знала, что, но у нее были свои причины не приходить на помощь гостье.

— Мистеру Розье будет приятно, если вы скажете ему об этом, — с улыбкой произнесла она.

— Конечно, я ему сказала это и тем самым немного подбодрила. Я призываю его набраться терпения и прошу не отчаиваться, а только лишь держать язык за зубами и вести себя тихо. К несчастью, молодой человек вдруг стал ревновать.

— Ревновать?

— К лорду Уорбартону, который, по его словам, постоянно приезжает сюда.

Изабелла, устав за время прогулки, до сих пор сидела, но сейчас тоже встала и сделала несколько шагов по направлению к камину.

— О! — только и воскликнула она.

Мадам Мерль молча смотрела, как приятельница остановилась перед зеркалом, висевшим над каминной полкой, поправляя свои роскошные волосы.

— Бедный мистер Розье утверждает, будто вполне возможно, что лорд Уорбартон влюбился в Пэнси, — продолжила она.

Изабелла некоторое время молчала, затем обернулась.

— Действительно… это вполне возможно, — сдержанно, хотя и более мягко, произнесла она наконец.

— И я была вынуждена согласиться с мистером Розье. И ваш муж тоже так думает.

— Этого я не знаю.

— Спросите его сами.

— Я не стану его спрашивать, — сказала Изабелла.

— Извините, я забыла, что вы мне это уже говорили. Конечно, — добавила мадам Мерль, — у вас гораздо больше возможностей наблюдать за поведением лорда.

— Не вижу причин, почему я должна скрывать от вас, что ему очень нравится моя падчерица.

Мадам Мерль снова бросила на Изабеллу быст-

рый взгляд.

— Только лишь нравится? Или здесь именно то, что имеет в виду мистер Розье?

— Не знаю, что имеет в виду мистер Розье, но лорд Уорбартон дал мне понять, что очарован Пэнси.

— И вы никогда не говорили этого Озмонду? — вопрос прозвучал мгновенно. Он буквально сорвался с губ мадам Мерль.

Изабелла улыбнулась.

— Полагаю, он со временем все узнает. Лорд Уорбартон вряд ли испытывает затруднения в выражении собственных мыслей — у него есть язык.

Мадам Мерль поняла, что поспешила с вопросом, и слегка покраснела. Она дала себе немного времени успокоиться и задумчиво произнесла:

— Это значительно лучше, чем выйти замуж за нашего милейшего Розье.

— Гораздо лучше.

— Это было бы превосходно! Лорд Уорбартон — прекрасная партия. Со стороны лорда это очень любезно.

— Очень любезно?

— Удостоить вниманием миленькую простушку.

— Я так не считаю.

— Это очень хорошо. Но ведь Пэнси Озмонд…

— В конце концов, Пэнси Озмонд — самая привлекательная девушка из всех, кого лорд когда-либо знал! — воскликнула Изабелла.

Мадам Мерль озадаченно посмотрела на Изабеллу. Она была совершенно сбита с толку.

— Мне показалось, несколько минут назад вы отзывались о ней не столь любезно.

— Я назвала ее ограниченной. Так оно и есть. Но лорд Уорбартон тоже ограничен.

— Да и все мы, если уж на то пошло. Что ж, если Пэнси достаточно хороша для него, тем лучше. Однако вряд ли это так, если она предпочтет такому человеку, как Уорбартон, мистера Розье. Это будет просто ни на что не похоже.

— Мистер Розье — зануда! — воскликнула вдруг Изабелла.

— Вполне с вами согласна. И я рада, что от меня не требуется более поддерживать бушующее в нем пламя. Теперь мои двери для него будут закрыты. — И, подобрав свою накидку, мадам Мерль двинулась к двери, но была остановлена на полпути неожиданной просьбой Изабеллы.

— И все же, прошу вас, будьте с ним подобрее.

Мадам Мерль, подняв брови и плечи, изумлен-

но взглянула на приятельницу.

— Вы сами себе противоречите. Как же я могу быть с ним добра? В этом будет чувствоваться фальшь. Ведь я хотела бы видеть ее замужем за лордом Уорбартоном.

— Надо еще дождаться, чтобы он сделал ей предложение.

— Если то, что вы говорите, правда, за этим дело не станет. Особенно, — добавила мадам Мерль, — если вы подтолкнете его к этому.

— Подтолкну?

— Это в ваших силах. Вы имеете на него огромное влияние.

Изабелла слегка нахмурилась.

— Почему вы так решили?

— Не из ваших слов, конечно. Так сказала мне миссис Тачетт, — с улыбкой ответила мадам Мерль.

— Разумеется, я не говорила вам ничего подобного.

— А ведь могли бы — тогда, когда мы откровенничали. Но вы очень мало что рассказывали мне. Я часто думала об этом с тех пор.

Изабелла тоже думала об этом, причем иногда с большим удовлетворением, но не стала признаваться, возможно, потому, что не желала

показать, как она довольна этим обстоятельством.

— Похоже, в лице тети вы нашли превосходного информатора, — произнесла она.

— Миссис Тачетт рассказала мне, что вы отвергли предложение лорда Уорбартона, поскольку была очень раздосадована. Я считаю, вы поступили правильно. Но раз уж вы не вышли за лорда Уорбартона сами, загладьте свою вину и помогите ему жениться на другой.

Изабелла слушала все это едва ли не с каменным лицом, но вдруг высказалась довольно рассудительно и мягко:

— Право же, я была бы действительно рада, если бы Пэнси вышла за лорда.

Ее подруга, посчитавшая, очевидно, эти слова хорошим знамением, обняла Изабеллу нежнее, чем это можно было бы ожидать, и удалилась.

Глава 41

Тем же вечером Озмонд впервые заговорил на эту тему, довольно поздно спустившись в гостиную, где сидела его жена. Вечер они проводили дома; Пэнси уже отправилась спать. Сам Озмонд после обеда сидел в маленькой комнатке, куда он перенес свои книги и которую называл кабинетом. В десять часов приехал лорд Уорбартон — он теперь всегда появлялся в это время, если узнавал, что Изабелла никуда не собирается выезжать. Лорд от них собирался ехать куда-то еще и просидел всего полчаса. Узнав новости о Ральфе, Изабелла намеренно не поддерживала разговор; ей хотелось, чтобы лорд Уорбартон поговорил с Пэнси. Она взяла в руки книгу, а несколько минут спустя даже направилась к фортепиано, спрашивая себя, не стоило ли ей вообще покинуть гостиную. Она понемногу привыкла к идее выдать Пэнси за хозяина прекрасного Локли, хотя поначалу эта мысль не вызывала у нее энтузиазма. Мадам Мерль в тот день поднесла спичку к воспламеняющемуся материалу. Когда Изабелла бывала несчастлива, она всегда оглядывалась во-

круг — осознанно или неосознанно — в поисках предмета, на который можно было бы направить полезные усилия. Ей не удавалось избавиться от убеждения, будто быть несчастной — это своего рода болезнь, которой страдают праздные люди. Действовать, что-то делать — причем не важно, что — вот где лежал путь к выздоровлению. Это было лучшим лекарством. Кроме того, Изабелла хотела убедить себя в том, что она делала все от нее зависящее, чтобы ее муж был доволен. Озмонду было бы приятно видеть дочь замужем за английским аристократом — и это удовольствие было бы вполне оправданно, ибо лорд был прекрасным человеком. Изабелле казалось, что если бы она способствовала ускорению этого события, то проявила бы себя, как хорошая жена. Она искренне хотела быть хорошей женой, и ей хотелось верить, что дело обстоит именно таким образом. К тому же эти хлопоты имели и другую сторону — они отвлекали мысли Изабеллы, и это ее очень устраивало. Она надеялась, что это развлечет ее, а если что-нибудь развлечет ее, она спасена. И, наконец, это услуга лорду Уорбартону, который, судя по всему, очарован Пэнси. Подобный выбор, конечно, был странен для него — но ведь, как известно, сердцу не прикажешь.

Пэнси могла пленить кого угодно — впрочем, кого угодно, только не лорда Уорбартона. Изабелла считала девушку для этого слишком слабой, незначительной и, возможно, даже слишком искусственной. Она всегда чем-то напоминала куклу, но ведь лорд искал нечто иное? Хотя кто может сказать, что ищут мужчины? Они ищут то, что находят, — и осознают, что им нравится что-то, когда видят это своими глазами. В таких делах не действовала ни одна теория. Если лорд Уорбартон когда-то ухаживал за Изабеллой, не странно ли, что он обратил внимание на Пэнси, которая не имела ничего общего со своей мачехой? Может быть, Изабелла не слишком-то интересовала его, а если и интересовала когда-то, то ему удалось одолеть свою страсть? Вполне естественно, что, получив ее отказ, он решил добиться взаимности от девушки совершенно иного толка, думала Изабелла. Как я уже упоминал, сначала Изабелла не испытывала особого энтузиазма по поводу этого дела, но теперь вдруг почувствовала себя почти счастливой. Удивительно, какое счастье она могла еще испытывать при мысли о том, что может порадовать своего мужа. Жаль только, что на их пути стоял Эдвард Розье!

При этой мысли свет, который было забрезжил

на этом пути, померк. К несчастью, Изабелла была настолько уверена в том, что Пэнси считала мистера Розье самым милым молодым человеком в мире, словно лично слышала это от падчерицы. Поскольку в этом вопросе она предпочитала избегать какой-либо ясности, эта уверенность вызывала в ней досаду, и еще более досадным было то, что Эдвард Розье вообще сунулся в это дело. Молодой человек явно проигрывал лорду Уорбартону, причем не только в знатности и богатстве: молодой американец был слишком легковесен и напоминал праздного денди больше, чем английский лорд. Конечно, у Пэнси не было никаких особенных достоинств, чтобы выйти замуж за государственного человека; но коль скоро государственный человек восхищался ею, это было его дело, а уж девушка составит ему прекрасную пару.

Читателю может показаться, будто Изабелла вдруг стала циничной, ибо в конце концов она сказала себе, что с этой проблемой можно справиться. Преграда в лице бедного Розье не выглядела опасной, а второстепенные препятствия всегда можно обойти. Изабелла прекрасно понимала, что ей неизвестна степень стойкости Пэнси, но предпочитала думать, что девушка не окажет-

ся слишком упрямой, поскольку та всегда гораздо легче соглашалась, чем возражала кому-либо. Ей необходимо обвиться вокруг кого-то, но право же, не очень существенно, вокруг кого именно. Лорд Уорбартон для этой цели годился ничуть не меньше, чем Розье, — тем более, что она чувствовала к лорду симпатию, она сама говорила об этом Изабелле. Беседы с лордом казались Пэнси очень интересными — он так много рассказал ей об Индии, поделилась она с Изабеллой. Изабелла, наблюдая за ними со стороны, в который раз отметила безупречные манеры лорда — он разговаривал с Пэнси без малейшего намека на покровительственность, как с равной, словно не придавая значения тому, что его собеседница так юна и может не понять предмет разговора. Лорд был так же любезен с Пэнси, как когда-то в Гарденкорте с Изабеллой. Это не могло не тронуть девушку; Изабелла же помнила, как это тронуло ее самое, и она сказала себе, что, пожалуй, ее тронуло бы это еще больше, если бы она была столь же простодушна, как Пэнси. Но она не была простодушной, когда отказывала лорду Уорбартону, — у нее все было так сложно, впрочем, так же сложно, как впоследствии, когда она решила принять предложение Озмонда. Впрочем, Пэнси,

несмотря на свое простодушие, абсолютно все понимала и радовалась, что лорд охотно разговаривал с ней не о ее подругах и букетах цветов, а о жизни в Италии, ее городах, своих впечатлениях о римском обществе. Девушка смотрела на него так пронзительно, словно протыкала иглой свою вышивку, — милыми, внимательными глазами; а опуская их, словно украдкой бросала скрытые взгляды на его руки, ноги, одежду, словно изучая его. Да он и внешне куда привлекательнее Розье, хотела в эти минуты ей сказать Изабелла. В такие минуты она вспоминала, что молодой человек куда-то исчез, и радовалась, что он больше не появлялся в палаццо Рокканера. Как я уже сказал, было просто удивительно, как Изабеллу захватила мысль доставить удовольствие мужу.

Удивительно это было по разным причинам, которых я сейчас коснусь. В тот вечер, о котором я говорю, когда лорд Уорбартон находился в доме Изабеллы, хозяйка чуть было не решилась на героический шаг — из комнаты, чтобы оставить беседующих наедине. Я сказал «героический шаг», потому что именно так воспринял бы это Джилберт Озмонд, а его супруга изо всех сил старалась придерживаться взглядов мужа. Обычно ей это удавалось, но сейчас она все-таки

не отважилась на вышеупомянутое. Изабелла просто не в состоянии была выйти из комнаты — что-то удерживало ее там. Женщины спокойно прибегают к подобного рода уловкам, а Изабелла обладала всеми качествами своего пола, но ей мешало смутное сомнение, чувство, что она не вполне уверена в необходимости этого. Итак, она осталась в гостиной, а лорд Уорбартон через некоторое время откланялся, пообещав назавтра отчитаться перед Пэнси о приеме, на который отправился. Изабелла спросила себя, не помешала ли она чему-нибудь, что могло бы произойти, если бы она отлучилась из комнаты на четверть часа, но потом решила, что если бы лорд хотел остаться с девушкой наедине, то нашел бы способ намекнуть ее мачехе на это. Пэнси ничего не сказала о лорде после его ухода, и Изабелла тоже молчала, поскольку решила не ускорять событий, пока Уорбартон сам не объяснится. Он немного медлил, — если учесть то, как он описывал Изабелле свои чувства. Пэнси отправилась спать, и ее мачеха была вынуждена признать, что не может даже предположить, о чем думала падчерица. Ту всегда было видно насквозь — но теперь все изменилось.

Изабелла сидела одна, глядя на огонь в камине,

пока через полчаса в гостиную не вошел ее муж. В полной тишине он прошелся по комнате, затем сел и тоже стал смотреть на огонь. Но Изабелла перевела взгляд с мерцающего пламени на лицо Озмонда и некоторое время следила за ним. Наблюдать тайком вошло у нее в привычку — не будет преувеличением сказать, что причиной этого было нечто похожее на инстинкт самосохранения. Она желала как можно больше знать о мыслях мужа, знать заранее, что он собирается сказать, чтобы приготовить ответ. Подобная предусмотрительность не была ей свойственна ранее — скорее наоборот, она была «крепка задним умом». Но она научилась быть осторожной, и научило ее этому выражение лица мужа. Это было то же самое лицо, в которое она смотрела не менее внимательным, хотя и не столь проницательным взглядом на террасе известной нам флорентийской виллы. Правда, Озмонд стал выглядеть солиднее после женитьбы, но оставался по-прежнему изящным.

— Здесь был лорд Уорбартон? — спросил Озмонд наконец.

— Да. Полчаса.

— Он видел Пэнси?

— Да, сидел на диване рядом с ней.

— Они много разговаривали?

— Лорд разговаривал только с ней.

— Мне кажется, лорд проявляет к Пэнси внимание. По-моему, ты так это называешь?

— Я ничего не называю, — ответила Изабелла. — Я ждала, когда ты сам дашь этому название.

— Ты далеко не всегда проявляешь такую предупредительность, — заметил после короткой паузы Озмонд.

— На этот раз я решила попытаться действовать так, чтобы тебе понравилось. Мне так часто это не удавалось.

Озмонд медленно повернул голову и взглянул на жену.

— Ты хочешь устроить мне сцену?

— Нет, просто пытаюсь жить спокойно.

— Нет ничего проще. Ты же знаешь, я никогда не ссорюсь.

— А как ты назовешь те случаи, когда ты стараешься вывести меня из себя? — спросила Изабелла.

— Я не стараюсь. Если так и получается, то неумышленно. Во всяком случае, сейчас я ни в коем случае не стараюсь разозлить тебя.

Изабелла улыбнулась.

— Это не имеет значения. Я решила больше никогда не выходить из себя.

— Великолепное решение. Характер у тебя неважнецкий.

— Да… пожалуй. — Она отложила книгу, которую читала, и взяла вышивку, оставленную на столе Пэнси.

— Частично поэтому я не говорю с тобой о моей дочери, — сказал Озмонд. Именно так он чаще всего называл Пэнси. — Я боялся встретить сопротивление, думал, что у тебя могут быть свои мысли на этот счет. Я отделался от Розье с его притязаниями.

— Ты боялся, что я буду просить за него? А ты заметил, что я никогда не говорила с тобой о нем?

— Я не давал тебе такой возможности. Последнее время мы так мало разговариваем. Но я знаю, что молодой человек — твой старый приятель.

— Да, он мой старый друг.

Розье интересовал Изабеллу ничуть не больше, чем та вышивка, которую она держала в руках. Но он на самом деле был ее старым другом, а имея дело с мужем, она старалась не приуменьшать значения своих дружеских связей. Озмонд так говорил о них, что его неуважительная манера вызывала в ней сопротивление, даже если они,

как в данном случае, сами по себе для нее ничего не значили. Иногда Изабелла испытывала нежность к своим воспоминаниям уже за одно то, что они принадлежали ее незамужней поре.

— Что касается Пэнси, — произнесла она через мгновение, — то я не давала мистеру Розье никаких надежд.

— К счастью, — заметил Озмонд.

— Полагаю, ты хотел сказать, к счастью для меня. Для него это ничего не меняет.

— О нем говорить нет никакого смысла, — сказал Озмонд. — Я, как уже сказал тебе, отправил его прочь.

— Да, но получивший отказ влюбленный все равно остается влюбленным. Иногда его чувства от этого только усиливаются. Мистер Розье все еще лелеет надежду.

— Как ему будет угодно! Моей дочери всего-навсего нужно сидеть спокойно и не дергаться — чтобы стать леди Уорбартон.

— Ты был бы доволен? — спросила Изабелла с простодушием, которое не являлось таким уж фальшивым, как могло показаться. Она решила не строить на этот счет предположения, поскольку Озмонд с легкостью мог обернуть их против нее самой. Его страстное желание выдать

Пэнси за лорда было последнее время отправной точкой всех умозаключений Изабеллы. Но это она говорила только себе и не намерена была делиться с Озмондом, пока он не озвучил это свое желание — пока он не выскажется, ни за что нельзя было ручаться, даже за то, что он считает брак дочери с лордом Уорбартоном крупным призом, за который стоит бороться и приложить к этому определенные усилия. Озмонд, не в обычае которого было прилагать усилия, всегда вел себя так, будто ничто на свете не являлось для него крупным призом, будто он постоянно на равных общался с сильными мира сего, а его дочери достаточно лишь бросить взгляд вокруг, чтобы заполучить в мужья принца. Признаться, что он мечтает о лорде Уорбартоне, что если сей знатный джентльмен ускользнет, ему вряд ли удастся подыскать равноценную замену, было бы некоторой непоследовательностью, а Озмонд всегда утверждал, что этот недуг ему несвойственен. Ему очень хотелось бы, чтобы от жены ускользнул этот аспект. Но как ни странно, Изабелла, которая часом раньше размышляла, как бы ему угодить, теперь, когда сидела с ним лицом к лицу, не собиралась притворяться ничего не замечающей. Она отлично знала, какой эффект

произвел на Озмонда ее вопрос — он был сродни унижению. Пусть так; сам-то Озмонд умел превосходно унижать ее. Более того, он отлично умел дожидаться удобных случаев, внешне проявляя при этом абсолютное равнодушие. Изабелла же воспользовалась случаем довольно незначительным — да и выгоды ей в этом не было никакой.

Наконец, Озмонд с достоинством признался:

— Да, я был бы очень рад: это превосходная партия. К тому же у лорда Уорбартона есть еще одно преимущество — он твой старый друг. Ему будет приятно с нами породниться. Довольно странно, что все поклонники Пэнси твои старые друзья.

— Вполне естественно: они приезжают, чтобы встретиться со мной, и встречают Пэнси. А увидев ее, они влюбляются в нее — что тоже вполне естественно.

— Я тоже так считаю. Ты, кажется, не против?

— Если Пэнси выйдет за лорда Уорбартона, я буду очень рада, — искренне заявила Изабелла. — Он замечательный человек. Ты говоришь, что ей всего лишь надо сидеть спокойно. А если она не захочет? Если не захочет потерять мистера Розье и взбунтуется?

Казалось, Озмонд не обратил на слова жены никакого внимания. Он сидел, глядя на огонь.

— Пэнси будет приятно стать знатной дамой, — заметил Джилберт через мгновение с заметной нежностью в голосе. — Ну, и поскольку она всегда стремится угодить…

— А вдруг ей захочется угодить… мистеру Розье?

— Это невозможно. Она всегда хочет угодить мне.

— Мне тоже немного, я полагаю, — сказала Изабелла.

— Да, дочь о тебе очень высокого мнения. Но она сделает то, что я скажу.

— Прекрасно — если ты так уверен в этом.

— В то же время мне хотелось бы побеседовать с нашим замечательным гостем, — заметил Озмонд.

— Он говорил… говорил со мной и признался, что был бы очень рад, если бы Пэнси обратила на него свое внимание.

Озмонд быстро повернулся к жене, но сначала не произнес ни слова.

— Почему ты мне ничего не сказала? — наконец резко спросил он.

— Не было возможности. Тебе ли не знать наш образ жизни? Я пользуюсь первым же предоставившимся шансом.

— Ты говорила с ним о Розье?

— О да — в двух словах.

— Вряд ли это было необходимо.

— Я посчитала, что ему лучше знать, чтобы… — Изабелла замолчала.

— Чтобы что?

— Чтобы он мог вести себя в соответствии с обстоятельствами.

— Чтобы отступил?

— Нет, чтобы перешел в наступление, пока не поздно.

— Похоже, твои слова не вызвали такого эффекта.

— Ты должен запастись терпением, — сказала Изабелла. — Англичане очень застенчивы.

— Этот не из таких. Ухаживал же этот скромник за тобой.

Изабелла боялась, что Озмонд заговорит об этом. Ей стало неприятно.

— Тут ты абсолютно не прав. Он как раз был удивительно скромен, — возразила она.

Озмонд некоторое время молчал; он взял книгу и стал листать ее. Изабелла безмолвно изучала вышивку Пэнси.

— Для него, должно быть, много значит твое мнение, — продолжил наконец Озмонд. — Если

ты действительно захочешь этого, он будет действовать.

Изабелле не хотелось говорить и об этом, но она понимала, что предположение мужа не грешит против логики. Кроме того, приблизительно то же самое сказала себе и она.

— Почему ты думаешь, что мое мнение должно много значить для него? — спросила Изабелла. — Что я такого сделала, чтобы лорд считал возможным с ним считаться?

— Отказалась выйти за него замуж, — ответил Озмонд, не отрывая взгляда от книги.

— И ты уверен, что это позволяет надеяться? — мягко спросила Изабелла.

Озмонд, наконец, отбросил книгу, поднялся и остановился перед камином, заложив руки за спину.

— Что ж, — произнес он. — Так или иначе, ты держишь это дело в своих руках. Я поручаю все тебе. Тебе нужно всего лишь немного постараться, чтобы все устроить. Подумай об этом и помни, что я на тебя рассчитываю.

Озмонд немного подождал, чтобы дать жене время ответить, но ничего не услышал и не спеша удалился.

Глава 42

Изабелла ничего не ответила потому, что муж обрисовал ей ситуацию, и она погрузилась в размышления над ней, тщательнейшим образом ее обдумывая. Что-то в его словах вызвало в ней дрожь, и она не решилась заговорить. После ухода Озмонда она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и долго, до поздней ночи в задумчивости сидела в тихой гостиной. Вошел слуга, чтобы проверить огонь в камине; Изабелла велела ему принести свечи, а затем отправила его спать. Озмонд сказал, чтобы она подумала над его словами, и Изабелла действительно задумалась — и это потянуло за собой вереницу других мыслей. Высказанное вслух мужем предположение, что она имеет влияние на лорда Уорбартона, как это часто бывает, послужило толчком. Существовало ли еще что-то между ними, чем можно было бы воспользоваться и заставить его объясниться с Пэнси, — его повышенная чувствительность, желание сделать Изабелле приятное? Она никогда не задавала себе такого вопроса, но сейчас, когда он встал прямо перед ней, она увидела ответ, и

этот ответ ее напугал. Да, что-то было… со стороны лорда Уорбартона. Когда он появился в Риме, Изабелле показалось, что ниточка, связывавшая их, окончательно оборвалась, но постепенно она убедилась в обратном. Ниточка была тонкой, как волосок, но порой Изабелле казалось, будто она ощущала, как она вибрирует. Лично для нее ситуация никак не изменилась — она думала о лорде Уорбартоне так же, как обычно, да и вряд ли именно сейчас было уместно менять свое мнение. Изабелла придерживалась своего прежнего мнения о лорде Уорбартоне. А он? Неужели он еще не оставил мысль, что она по-прежнему значила для него больше, чем какая-либо другая женщина? Или склонен воспользоваться воспоминанием о минутах их душевной близости — кое-что подобное она, как ей казалось, заметила. Изабелла понимала, что была недалека от истины. Но на что он надеялся и каким образом все это уживалось с вполне очевидной симпатией к Пэнси? Неужели лорд влюблен в жену Джилберта Озмонда, и если так, то на что он рассчитывает? Если лорд Уорбартон был влюблен в Пэнси, то он не мог любить ее мачеху. А если джентльмен был по-прежнему влюблен в ее мачеху, то он не мог любить Пэнси. Что же, Изабелла должна

воспользоваться его чувством для того, чтобы лорд, с целью доставить удовольствие ей, а не ради самой девушки, сделал предложение Пэнси? Не о такой ли услуге просил ее муж? Во всяком случае, так выглядела ситуация с той минуты, как Изабелла призналась себе, что лорд Уорбартон по-прежнему искал ее общества. Подобная задача была не просто неприятной — она была омерзительна. В смущении Изабелла задала себе вопрос, не собирался ли лорд Уорбартон предложить Пэнси свою руку с целью войти в семью и потом ждать случая общаться с Изабеллой, — но она не могла приписать ему такое коварство. Уорбартон был кристально честен. Но если его восхищение Пэнси являлось иллюзией, это было вряд ли лучше, чем притворство. Изабелла блуждала среди ужасных предположений, пока окончательно не запуталась; некоторые из них, когда она на них наталкивалась, казались ей совершенно безобразными. Наконец, она вырвалась из лабиринта и, протерев глаза, решила, что ее воображение делает ей мало чести. А воображение мужа делало еще меньше чести ему самому. Лорд Уорбартон совершенно потерял всякий интерес к ней, и она теперь значила для него не больше, чем ей хотелось. На этом она и остановится, пока ей не

докажут обратное; докажут чем-то более убедительным, чем циничные намеки Озмонда.

Данная мысль, однако, в тот вечер не очень успокоила Изабеллу. Ее душа шарахалась прочь от ужасных образов, стремительно возникавших и толпившихся в мыслях. Изабелла не понимала, что заставило их вдруг так разыграться. Разве только странное впечатление, возникшее днем при виде необычно интимной беседы мужа с мадам Мерль. Она время от времени вспоминала о нем и не понимала, как она не замечала такого раньше. Кроме того, короткий ее разговор с Озмондом явился потрясающим примером уникальной способности мужа отравлять ей все, на что падал его взгляд. Было очень легко притвориться перед самой собой и пытаться выказывать ему преданность — но сам факт того, что Озмонд чего-то ждал от нее, вызывал у нее негодование — словно у него был дурной глаз, словно его присутствие было губительным для всего вокруг, а его благоволение — несчастьем. В чем заключалась причина? В нем самом или в глубоком чувстве недоверия, которое испытывала к нему Изабелла? Недоверие являлось единственным итогом ее короткой семейной жизни. Между супругами словно образовалась глубокая пропасть,

поверх которой они обменивались взглядами, обвинявшими друг друга во лжи и обмане. Это было странное противостояние, которое Изабелле и во сне никогда не снилось, — противостояние, в котором жизненные принципы одного являлись предметом презрения другого. Тут не было ее вины — она не привыкла лгать, только восхищаться и верить. Изабелла делала первые шаги очень самоуверенно, но затем вдруг обнаружила, что бесконечное пространство жизни оказалось темной узкой аллеей с глухой стеной в дальнем конце. Вместо того чтобы привести ее на высоты счастья, с которых открывался распростершийся внизу мир и счастливый человек мог созерцать его с волнением и радостью, оценивать, выбирать и жалеть, эта аллея вела вниз, под землю, в царство ограничений и угнетенности, где голоса других живых существ, более беззаботных и свободных, доносились сверху и служили лишь для усиления осознания собственной непоправимой беды. Именно недоверие к мужу делало мир вокруг Изабеллы таким мрачным. Это чувство было легко назвать, но трудно объяснить — оно казалось столь сложным, что требовалось много времени и болезненных усилий, чтобы придать ему законченный вид. Страдание у Изабеллы

было состоянием деятельным и проявлялось не в оцепенении, ощущении леденящего ужаса, шока и отчаяния, а в кипучей работе ума, в отклике на малейшее внешнее воздействие. Она льстила себе, считая, что факт крушения веры скрыла в себе — от всех, кроме Озмонда. О, он все знал, и временами ей казалось, будто муж наслаждался этим. Это ощущение пришло к Изабелле постепенно, и встревожилась она лишь к концу первого года семейной жизни. Затем вокруг начали сгущаться тени — словно Озмонд последовательно, намеренно — или злонамеренно? — тушил одну свечу за другой. Сначала сумерки были слабыми, и Изабелла еще видела в них перспективу. Но они сгущались. Порой тени расступались, но были определенные закоулки, постоянно остававшиеся во мраке. Изабелла была уверена, что эти тени порождались вовсе не воображением — она изо всех сил старалась оставаться спокойной и сдержанной, придерживаться только истины. Тени зарождались от одного лишь присутствия ее мужа. Они не являлись следствием каких-то его преступлений или подлостей — Изабелле было не в чем обвинить Озмонда. Почти ни в чем. Кроме одной вещи, которую нельзя было считать преступлением. Муж не был ни вспыльчивым,

ни грубым.

Он просто ее ненавидел. Это единственное, в чем Изабелла обвиняла его, но, к сожалению, это точно не являлось преступлением — в ином случае она смогла бы себя защитить. Озмонд обнаружил, что жена оказалась совсем другой женщиной, не такой, какой он ее себе представлял. Сначала ему казалось, что он сможет ее изменить, и она изо всех сил старалась угодить супругу. Но ведь в конце концов она могла быть только собою и ничего не могла с этим поделать. Теперь уже не имело смысла притворяться, играть роль, поскольку Озмонд прекрасно узнал ее. Она не боялась мужа и даже представить себе не могла, что он мог причинить ей какой-либо вред. Враждебность, с помощью которой Озмонд преследовал Изабеллу, не имела никакого отношения к опасности. Он постарается всегда выглядеть правым, не допустить ни одного промаха. Заглядывая в будущее трезвыми глазами, Изабелла понимала, что в этом муж точно возьмет над ней верх. Она-то как раз сделает много промахов и много раз будет не права. Иногда Изабелла почти жалела Озмонда. Ведь она ввела его в свое время в заблуждение, притворившись, что она меньше, чем была на самом деле. Только ее невероятное

очарование заставило джентльмена действовать и в конце концов сделать предложение. Он не изменился с тех пор; не «маскировался» в первый год своих ухаживаний. Но Изабелла видела тогда лишь половину его характера, как Луну, которая частично скрыта тенью Земли. Сейчас же она видела полную луну — видела человека целиком. А ведь она и «притаилась» тогда для того, чтобы предоставить Озмонду поле для деятельности, возможность проявить себя, и, несмотря на это, все равно ошиблась в нем — приняла часть за целое.

О, Изабелла по-прежнему была под его очарованием! И это очарование никуда не исчезло. Она по-прежнему прекрасно знала, что он может, когда хочет, быть неотразим. А Озмонд хотел этого, когда ухаживал за ней, и, поскольку она хотела быть очарованной, для него не представляло труда исполнить это его желание. Не представляло труда потому, что в эти минуты он был искренним — ей не приходилось в этом сомневаться. Он восхищался ею, говорил, почему именно — потому что она была женщиной с самым богатым воображением в мире. Это, несомненно, было правдой — поскольку Изабелла создала себе мир, далекий от реальности. В свое

время у нее создалось неверное впечатление о муже. Некоторое сочетание черт тронуло ее, и она дорисовала в мыслях необыкновенный портрет. Озмонд был беден, одинок и при этом наделен душевным благородством — вот что вызвало в ней интерес. Какая-то в нем была неуловимая прелесть — в складе его ума, в его облике, в самой его жизни. В то же время Изабелла чувствовала, что он беспомощен, бездеятелен, и это чувство приняло форму нежности, увенчавшей ее уважение к нему. Озмонд напоминал скептически настроенного путешественника, шагающего вдоль пляжа в ожидании прилива, глядя в сторону моря, но не решаясь пуститься в плавание. И Изабелла решила, что ее назначение именно в этом. Она поможет ему уйти в плавание, стать для него провидением, будет любить его. И Изабелла полюбила Озмонда — большей частью того Озмонда, которого придумала сама себе, но и в какой-то степени такого, каким он оказался на самом деле. Вспоминая те недели, она ощущала нечто вроде материнского чувства — счастье женщины, принесшей жертву. Теперь ей казалось, что, не будь у нее денег, она ни за что бы не решилась на этот брак. Ее мысли неслись к бедному мистеру Тачетту, покоившемуся теперь

в английской земле, ее благодетелю, вызвавшему своим благородным поступком огромное число неприятностей! Это был неоспоримый факт. В глубине души Изабелла считала свое состояние тяжелой ношей и с самого начала хотела передать этот груз под чью-нибудь ответственность. Что могло более облегчить ее собственную совесть, как не менее благородный поступок — отдать деньги человеку, обладавшему самым тонким вкусом в мире? Разве только передать их какой-нибудь больнице… Но ей захотелось обратить свою благотворительность именно на Джилберта Озмонда. Он мог воспользоваться ее состоянием наилучшим образом, лишив его налета вульгарности, неотделимого от удачи в виде получения неожиданного наследства. Не было ничего изысканного в том, чтобы унаследовать семьдесят тысяч фунтов, — вся изысканность исчерпалась поступком мистера Тачетта. А вот выйти замуж за Джилберта Озмонда и принести ему свое состояние — это представлялось Изабелле делом весьма изысканным. Может быть, Озмонду так и не казалось, но это уж было его делом: если он любил ее, то не должен был возражать против того, чтобы принять ее богатство. Достало же у него мужества сказать — да, он рад,

что она богата.

При этой мысли кровь бросилась ей в лицо. Она спросила себя, неужели она вышла замуж из ложных побуждений — только для того, чтобы по возможности более красиво распорядиться своими деньгами? Но Изабелла очень быстро нашла ответ: это была лишь половина правды. Ею владели совершенно определенные чувства — жажда любви Озмонда и восхищение его личностью. Он был лучше всех на свете. Это счастливое убеждение наполняло жизнь Изабеллы уже в течение многих месяцев, и она ничего не могла с этим поделать. Самая прекрасная личность, которую она когда-либо знала, стала принадлежать ей — это ощущение было сродни преклонению. Изабелла не ошиблась насчет его ума и теперь знала сей орган превосходно — с ним, вернее, чуть ли не в нем она теперь жила — он стал ее обиталищем. Если уж Изабелла оказалась в ловушке, для ее пленения требовалась очень крепкая рука — подобное соображение кое-чего стоило. С разумом более развитым, более тонким, более опытным ей было тяжело сражаться — а теперь ей приходилось считаться с этим изысканным инструментом. В бесконечном отчаянии Изабелла думала о том, как невероятно жестоко

обманулся Озмонд, и она удивлялась, как это он не возненавидел ее еще более. Она прекрасно поняла, как Озмонд подал первый сигнал — он прозвучал как последний звонок перед поднятием занавеса и началом основного акта драмы их семейной жизни. Однажды Озмонд сказал Изабелле, что у нее слишком много идей и что ей следовало от них избавиться. Он говорил это и перед женитьбой, но тогда она не обратила внимания на его слова и вспомнила только некоторое время спустя. Но теперь Изабелла с ужасом увидела, что он отнюдь не шутил. На первый взгляд его слова ничего особенного не значили, после некоторых раздумий они показались Изабелле зловещими. Озмонд действительно имел в виду то, что говорил. Ему очень хотелось бы, чтобы его жена не обладала ничем, кроме приятной внешности. Она осознавала, что у нее было слишком много идей, — даже больше, чем Озмонд предполагал, и гораздо больше, чем Изабелла высказала ему к тому времени, как он сделал ей предложение. Да, она была притворщицей; но он ей так нравился! У нее было слишком много идей даже для нее самой, но ведь девушки для того и выходят замуж, чтобы поделиться ими с супругом. Вырвать их с корнем нельзя, можно

только подавить их в себе и соблюдать осторожность, чтобы случайно не потревожить снова. Дело было не в том, что Озмонд возражал против ее мнений — у Изабеллы не было такого мнения, которым она не пожертвовала бы ради любви. Но ведь муж имел в виду ее всю — характер, чувства, суждения. Именно это Изабелла хранила в себе. Именно этого Озмонд не знал, пока не столкнулся с этим лицом к лицу, — но было уже поздно. Оказалось, что Изабелла имела взгляды на жизнь, которые ее муж воспринял как оскорбление. Странно, но она даже не предполагала, что его взгляды окажутся настолько иными. Ей казалось, что они — широкие, просвещенные, в общем, взгляды настоящего джентльмена. Разве Озмонд не говорил ей, что у него нет никаких предрассудков и предубеждений? Разве весь его облик не провозглашал о том, что он человек, равнодушный к мелким заботам, стремящийся только к истине и знаниям, верящий, что два умных человека должны искать лишь правду и подлинное понимание жизни и, вне зависимости от результата поисков, найти в них счастье? Озмонд утверждал, что любит все традиционное, и в этих словах слышалось что-то благородное, что-то сродни любви к гармонии и порядку. Изабелла

добровольно пошла за ним — его предупреждение не казалось дурным знамением. Но по мере того, как шли месяцы, Изабелла следовала за мужем все дальше, и, когда он, наконец, привел ее в свою обитель, она увидела, куда попала.

Изабелла и сейчас еще ощущала ужас, который охватил ее. С тех пор она жила в этих четырех стенах, которые должны были окружать ее всю оставшуюся жизнь, в царстве мрака, безмолвия, удушья. Прекрасный ум Озмонда не снабдил его ни светом, ни воздухом; он, словно дразня Изабеллу, заглядывал в ее мрачное царство сверху, через маленькое окошечко. Конечно, это были не физические страдания — от них Изабелла смогла бы избавиться. Она была абсолютно свободна; муж ее был крайне учтив. Однако он так серьезно относился к собственной персоне, что это вызывало отвращение. Под всей его образованностью, любезностью, уступчивостью, под всем добродушием, словно змея в цветах, таился эгоизм. Изабелла относилась к нему серьезно, но все же не настолько. Да и как она могла бы воспринимать Озмонда слишком серьезно, если так хорошо знала его? Она должна была думать о нем так же, как думал он о себе сам: что он в Европе — первый джентльмен. Она так и думала

о нем вначале, и, собственно, именно поэтому она и вышла за него замуж; но потом увидела, что есть на самом деле, и отшатнулась. Озмонд относился с высокомерием и презрением ко всем, кроме трех-четырех избранников судьбы, которым он завидовал, и ко всему, кроме некоторых своих убеждений. Ну что ж. Изабелла пошла бы за ним даже тогда, ибо он показал ей низость и убогость жизни, широко раскрыл ей глаза на глупость, деградацию, человеческое невежество; она была буквально потрясена окружавшей ее пошлостью и, напротив, неоспоримыми достоинствами того, кому удавалось оставаться среди всего этого незапятнанным. Но потом оказалось, что в этом подлом, низком мире предстояло жить, и не ради того, чтобы переделать или изменить его, а для того, чтобы добиться признания своего превосходства. С одной стороны, общество, которое их окружало, было достойно презрения, с другой — принималось за образец. Озмонд говорил жене о своей отреченности, равнодушии, о легкости, с которой отказывался от обычных средств для достижения успеха, — это казалось ей восхитительным, она считала такое равнодушие благородным, подобную независимость — утонченной. Но на самом деле равнодушие

было свойственно Озмонду в последнюю очередь — Изабелла еще не видела человека, который так много оглядывался бы на других. Саму ее окружающее общество интересовало всегда, и она постоянно старалась изучать своих ближних. Однако она охотно бы отказалась от всех своих изысканий во имя личной жизни, если бы муж ее оказался личностью, способной убедить, что он того заслуживает. Таковым, во всяком случае, теперь было ее убеждение; но, так это было или не так, несомненным было одно: это далось бы Изабелле легче, чем столь сильная зависимость от общества, как у Озмонда.

Он не мог жить без общества; Изабелла вдруг поняла, что так было всегда. И даже когда казалось, что он от него совершенно удалился, Озмонд наблюдал за ним из своего окна. Озмонд создал свой идеал — как пыталась создать его себе и Изабелла. Как же было странно, что они молились столь разным богам! Идеал в представлении Озмонда заключался в процветании, в соблюдении норм морали и благопристойности, в аристократизме. Он не отступал от него ни на шаг — в противном случае он вряд ли оправился бы от стыда. Ладно. В этом Изабелла могла бы согласиться с ним, — но только одно и то же

понятие заключало для каждого из супругов совершенно разные идеи, ассоциации и желания. Ее представление об аристократической жизни заключалось в союзе высшей степени понимания с высшей степенью свободы — в понимании коренится чувство долга, а свобода доставляла удовольствие. А для Озмонда аристократическая жизнь являлась воплощением соблюдения этикета, хорошо просчитанной позы. Он испытывал нежные чувства ко всему старинному, освященному веками; она тоже это любила, но не желала становиться рабом этого. Озмонд страстно уважал традиции и однажды сказал Изабелле, что нет ничего лучше, чем придерживаться традиций, а если кому-то не посчастливилось иметь их, тот человек должен сделать все, чтобы их приобрести. Она прекрасно поняла, что муж намекал на то, что у нее, в отличие от него, не было никаких традиций; но где он обзавелся своими, она так и не поняла. Во всяком случае, их было немало; его жена вскоре после свадьбы убедилась в этом. Главным было — следовать им, главным не только для него, но и для нее. И хотя Изабелла была убеждена, что лишь самые возвышенные традиции заслуживают того, чтобы их придерживались, она согласилась на предложение мужа

торжественно маршировать под бравурную музыку, доносившуюся откуда-то из неведомых глубин его прошлого, — это она, которая всегда стремилась к абсолютной свободе, была столь непоследовательной, сомневающейся, старалась идти не в ногу, своим путем! Существовали определенные вещи, которые требовалось делать, определенное положение, которое требовалось занимать, определенные люди, с которыми следовало или не следовало общаться. Когда она почувствовала, как эти железные установления, пусть и замаскированные плотными узорчатыми шторами, постепенно смыкаются вокруг нее, ей стало, как я уже упоминал, нечем дышать; ей казалось, будто ее заперли в помещении, где воздух был пропитан запахом плесени и разложения. Конечно, она сопротивлялась — сначала шутливо, нежно, с иронией, затем, когда ситуация начала становиться все серьезнее, сопротивление приняло более страстный характер. Изабелла защищала свою независимость, свободу поступать во всем по своему усмотрению, не принимая в расчет внешние аспекты и условности своей семейной жизни, а также другие свои привычки, желания и идеалы.

Вот тут-то на передний план вышла личность

ее мужа. Все слова супруги Озмонд встречал презрением; она видела, что ему стыдно за нее. Что Озмонд думал о своей жене? Что она низменна, пошла, груба? По крайней мере, ему стало ясно, что она не придерживалась никаких традиций! Он просто не мог предвидеть, что его жена окажется столь примитивной — все ее чувства, считал он, были достойны лишь радикальной газеты или унитарного проповедника. Истинным оскорблением, как поняла потом Изабелла, было то, что у нее вообще обнаружился собственный ум. Разум жены должен был принадлежать мужу — являться его частью, словно небольшой садик в старом заросшем парке. Озмонд стал бы рыхлить там почву, поливать цветы, уничтожать сорняки и наслаждаться ароматом растений. Это был милый кусочек собственности заботливого хозяина. Озмонд не хотел, чтобы его жена была глупой. Наоборот, именно своим умом Изабелла пленила его. Но Озмонд ожидал, что этот ум будет действовать в соответствии с его желаниями, и льстил себе надеждой, что он окажется отзывчивым на его требования. Озмонд думал, будто супруга станет чувствовать так же, как он, даже для него, будет разделять его мнения, амбиции, предпочтения. Изабелла была вынуждена при-

знать, что это было не очень-то оправданное требование со стороны мужа. Ведь существовали определенные вещи, которые она просто не могла принять. Прежде всего, из-за их отвратительной нечистоплотности. Изабелла не была пуританкой, но тем не менее очень верила в чистоту и даже скромность. Об Озмонде этого нельзя было сказать. Некоторые его «традиции» просто коробили Изабеллу. Неужели все женщины имели любовников? Неужели все они лгут и всех их можно купить? И всего лишь две-три никогда не обманывали своих мужей? Изабелла относилась к таким его высказываниям с большим презрением, чем к сплетням кумушек где-нибудь в глухой провинции, — презрением, сохранявшим свою свежесть в затхлом воздухе, — воздухе, окружавшем золовку Изабеллы. Похоже, Озмонд судил о всех женщинах, глядя на свою сестру. Графиня Джемини очень часто лгала и обманывала своего мужа не только на словах. Достаточно и того, что сии факты традиционны для окружения Озмонда; зачем же приписывать их всем подряд? Вот это ее презрение к подобным предположениям мужа и заставило того «встать в стойку» — у него самого был изрядный запас презрения, и жене его, разумеется, дозволялось иметь критический

взгляд на некоторые вещи, но что она обратит свое презрение против его самого — этого Озмонд не мог предположить. Он полагал, что в любой момент сможет обуздать ее эмоции. Изабелла легко могла представить себе, как он взбесился, когда понял, что это не так. Когда жена заставляет мужа испытать такого рода ощущения, ему ничего не остается, как возненавидеть ее.

Сейчас Изабелла была совершенно уверена в том, что эта ненависть, в которой раньше Озмонд искал утешения и успокоения, сделалась теперь делом его жизни. Чувство это было искренним и потому глубоким. Озмонду вдруг пришло в голову, что Изабелла может покинуть его. Если саму Изабеллу эта мысль сначала испугала до смерти, показалась своего рода изменой, кощунством, какой огромный эффект она могла произвести на ее супруга? Все было очень просто. Озмонд ни во что ее не ставил — у нее не было традиций, а ее кругозор напоминал кругозор унитарного священника[73]. Бедная Изабелла, которая никогда не могла понять, что такое унитаризм! Она не знала, чего ей ждать от жизни. Что ждало ее впереди? Что сделает он? Что должна сделать она?

---

[73] Примечания: 73

Унитарии — протестантская секта, распространившаяся в XIX веке в США.

Когда человек ненавидит свою жену — к чему это обычно приводит? Изабелла вовсе не ненавидела мужа и иногда испытывала страстное желание приятно удивить его. Но куда чаще она испытывала страх, и ее постоянно мучило сознание того, что она с самого начала обманула Озмонда. Это был странный брак; они вели ужасную жизнь. Перед этим Озмонд почти целую неделю не разговаривал с Изабеллой и был невероятно холоден. Она знала — на то у него имелись особые причины. Ему не нравилось затянувшееся пребывание в Риме Ральфа Тачетта. Озмонд считал, что жена уделяла слишком много внимания своему кузену. Неделю назад он сказал ей, что ездить к Ральфу в отель неприлично. Он еще бы и не то сказал, если бы состояние здоровья молодого человека не исключало подобную неделикатность. Однако необходимость сдерживаться только усиливало отвращение Озмонда к жене. Изабелла видела все это так же четко, как мы видим, который час, глядя на стрелки часов на циферблате. Она отлично знала — внимание, которое она оказывала кузену, подстегивает ярость мужа; она понимала, что будь его воля, он бы с удовольствием запер ее. Она искренне считала, что никакой непокорности не проявляет, — не могла же она делать

вид, что равнодушна к Ральфу. Она видела, что кузен умирал, что им уже больше никогда не увидеться, и это породило в ней неведомую доселе нежность к больному. Все прелести жизни сейчас для нее потускнели, — да и могла ли чему-нибудь радоваться женщина, знавшая, что понапрасну загубила свою жизнь? На сердце Изабеллы лежал тяжкий груз, и все вокруг было словно освещено мертвенно-бледным светом. А встречи с Ральфом были све-том во мраке, пока она была с ним, дух ее креп. Изабелле казалось, будто молодой человек — ее брат. У нее никогда не было брата, но если бы он был и точно так же умирал, она испытывала бы к нему нежность не большую, чем сейчас к Ральфу. О да, Джилберт имел основания ревновать — время, проведенное у Ральфа, отнюдь не способствовало тому, чтобы он что-то выиграл в ее глазах. Не потому, что они говорили о нем, и не потому, что она жаловалась. Его имя никогда не произносилось между супругами. Просто Ральф был благороден, а Озмонд — нет. Что-то в словах молодого человека, в его улыбке, — в самом факте пребывания в Риме, — словно раздвигало пределы порочного круга, в котором она была. Он заставлял ее верить в существование добра, верить, что все могло быть

иначе. Он ведь не уступал Озмонду в уме, если не был более умен. Изабелла считала необходимым скрывать от кузена свои неприятности и тщательно следила за своими словами. В беседах с Ральфом она тщательно занавешивала свои фразы плотными шторами и расставляла ширмы. В ней еще живо было воспоминание — оно никогда и не стиралось из ее памяти — о том утре в саду во Флоренции, когда Ральф предупреждал Изабеллу насчет Озмонда. Стоило ей сейчас закрыть глаза, как она видела место действия, слышала голос кузена, ощущала теплый, приятный ветерок. Откуда он мог все предчувствовать? Какая загадка! Какая удивительная мудрость! Так же умен, как Джилберт? Нет, Ральф был гораздо умнее, если смог так точно оценить Озмонда. Тогда Изабелла пообещала кузену, что от нее он никогда не услышит, был ли он прав насчет Озмонда или нет, и изо всех сил старалась сдержать обещание. Это требовало множества усилий — она делала это страстно, будто исполняя благочестивый долг; женщины вообще иногда ведут себя довольно странно. И сейчас Изабелла, играя роль перед кузеном, думала, что таким образом совершает милосердное деяние, — но Ральф отнюдь не был простаком, и его трудно было провести. На са-

мом-то деле милосердие Изабеллы сводилось к тому, что всем своим поведением она пыталась доказать Ральфу, что когда-то он ее жестоко обидел, но оказался не прав, но так как она очень великодушна, а он серьезно болен, то она не держит на него зла и сознательно не желает выставлять напоказ свое счастье. Ральф, лежа на диване, мысленно улыбался такой необычной форме заботы, но прощал Изабеллу за то, что она простила его. Она не хотела причинять ему боль и говорить о том, что несчастлива; это и было главным, а то, что, если бы она призналась, это могло бы оправдать его в собственных глазах, не имело такого уж значения.

И вот теперь Изабелла допоздна засиделась в безмолвной гостиной. Огонь в камине давно погас, но она не боялась замерзнуть — она вся горела. Было уже очень поздно — она слышала, как время от времени били часы, но не обращала на это внимания. Мозг ее, осажденный видениями, был возбужден, и она не видела смысла в том, чтобы идти ложиться спать — все равно эти видения не исчезнут, если она прикоснется головой к подушке, а с тем же успехом будут мучить ее. Как я уже сказал, Изабелла не считала себя непокорной — какое иное доказательство

могло быть лучшим, чем то, что она полночи просидела, стараясь убедить себя, что Пэнси можно было «отправить» замуж так, как посылают по почте письмо. Когда часы пробили четыре, Изабелла встала, собираясь, наконец, лечь в постель, поскольку лампа давно погасла, а свечи догорели. Но, дойдя до середины гостиной, она остановилась и замерла, вглядываясь в еще одно видение, возникшее перед ней: ее муж и мадам Мерль, связанные таинственной, но явственно ощутимой близостью.

Глава 43

Спустя три дня Изабелла повезла Пэнси на великосветский бал. Озмонд, не любивший танцев, не поехал с ними. Девушка, как всегда, страстно ждала возможности потанцевать: она обожала это занятие, а запрет отца, как она понимала, касался только любви. Выжидала ли она время, надеялась ли перехитрить своего отца? Рассчитывала ли на успех в этом? Изабелла не верила в ее хитрость. Ей казалось, что падчерица просто решила быть послушной девочкой, а это был прекрасный шанс показать, как она послушна. Пэнси вела себя не менее предупредительно, чем обычно, не менее заботливо следила за своими воздушными юбками, сжимала в руке свой букетик и в двадцатый раз пересчитывала цветы. Глядя на нее, Изабелла почувствовала себя старой — как много времени минуло с тех пор, как она испытывала на балу радостный трепет! У Пэнси никогда не было недостатка в кавалерах, и вскоре после того, как они вошли в зал, она передала Изабелле, которая не танцевала, свой букет. Охотно оказавшая ей эту услугу Изабелла через

несколько минут заметила рядом с собой Эдварда Розье. От его приятной улыбки не осталось и следа — весь он дышал отважной решимостью. Подобная перемена заставила бы Изабеллу улыбнуться, если бы она не понимала, что в глубине души молодого человека бушевала буря. Обычно-то от него пахло духами, а не порохом. Несколько мгновений Розье пристально смотрел на нее, словно давая понять, что сейчас опасен, затем взглянул на букет, и взгляд его смягчился:

— Это анютины глазки. Конечно, ее?

Изабелла приветливо улыбнулась.

— Да, она дала мне их на время танца.

— Можно мне подержать их немного, миссис Озмонд? — взмолился молодой человек.

— Нет, я не могу доверять вам. Боюсь, вы не вернете букет.

— Я тоже не уверен в себе. Наверное, я способен тут же убежать с ними отсюда. Но можно мне взять хотя бы один цветок?

Изабелла несколько секунд колебалась, потом улыбнулась и протянула Розье букет.

— Выберите сами. То, что я для вас делаю, ужасно.

— О, если бы вы сделали больше, миссис Озмонд! — жалобно воскликнул молодой человек,

вставив в глаз свой монокль и тщательно выбирая цветок.

— Только не вдевайте его себе в петлицу, — произнесла Изабелла. — Ни в коем случае!

— Мне хотелось бы, чтобы Пэнси увидела его. Она отказалась танцевать со мной, но мне хотелось бы показать ей, что я по-прежнему верю в ее чувство.

— Показать ей — куда ни шло, но здесь есть и другие. Ее отец не разрешил ей танцевать с вами.

— И это все, что вы можете для меня сделать? Я ожидал от вас большего, миссис Озмонд, — сказал молодой человек с укоризной. — Разве вы не помните — наше знакомство уходит в далекое прошлое, в дни нашего невинного детства!

— Не надо мне напоминать, как я стара, — с улыбкой ответила Изабелла. — Зачем постоянно возвращаться к тому, чего я не отрицаю? Но, должна сказать вам, какими бы друзьями мы ни были, если бы вы оказали мне честь и предложили выйти за вас замуж, я бы вам отказала.

— О, значит, вы недооцениваете меня. Скажите уж сразу, что вы считаете меня пустым человеком!

— Я очень высоко вас ценю, но я от вас не в вос-

торге — я имею в виду вас как партию для Пэнси.

— Очень хорошо. Я понимаю. Вы жалеете меня, вот и все.

Эдвард Розье совершенно не к месту оглянулся по сторонам, блеснув своим моноклем. Для него было новостью, что он может прийтись не по вкусу, но у него хватило гордости, чтобы не допустить даже в мыслях, что это может быть общим правилом.

Изабелла некоторое время молчала. Манеры и внешний облик Розье вовсе не выражали то, что он переживает трагедию, — чего стоил только его этот поблескивающий монокль. Но вдруг она почувствовала себя растроганной — в конце концов, их переживания имели нечто общее. Она поняла, что перед ней — если не в самой романтической, то в достаточно убедительной форме — нечто бесконечно волнующее: юная любовь, сражающаяся с бедой.

— Вы и вправду будете к ней добры? — тихо спросила Изабелла.

Розье опустил глаза и с благоговением поднес к губам цветок, затем снова взглянул на собеседницу.

— Меня вам жаль. А ее?

— Не знаю. По правде сказать… Жизнь всегда

будет доставлять ей радость.

— Все зависит от того, что вы называете жизнью! — воскликнул Розье. — Она не будет радоваться, если ее будут мучить.

— Ничего подобного ей не грозит.

— Рад слышать это. Но она знает, чего хочет. Вот увидите.

— Думаю, да — и она никогда не пойдет против воли отца. Но Пэнси возвращается, — добавила Изабелла. — Я должна попросить вас удалиться.

Розье несколько мгновений колебался, пока в его поле зрения не появилась Пэнси, которую вел под руку кавалер. Молодой человек взглянул ей в глаза и с гордо поднятой головой удалился. Было очевидно, что эта жертва ему нелегко далась, — и Изабелла поняла, что бедный Розье был страстно влюблен.

Пэнси, совершенно не разгоряченная танцами — она оставалась после этих упражнений неизменно свежей и спокойной, — подождав немного, взяла свой букет. Изабелла заметила, как девушка стала пересчитывать цветы, после чего сказала себе, что в происходящем гораздо больше драматизма, чем ей показалось ранее. Пэнси видела, как удалился Розье, но ничего не сказала мачехе. После того, как ее кавалер с по-

клоном отошел, девушка говорила только о нем, о музыке, о паркете в танцевальном зале, о том, что умудрилась порвать свое платье. Изабелла была уверена, что падчерица убедилась в том, что ее поклонник похитил цветок, — правда, ничто в поведении Пэнси это не обнаружило, она с заученной любезностью встретила очередного кавалера. Подобная приветливость в любых обстоятельствах входила в систему ее воспитания. Девушка, на сей раз взявшая свой букетик с собой, снова отправилась в танцевальный зал в сопровождении раскрасневшегося молодого человека. Не прошло и нескольких минут после этого, как Изабелла увидела пробиравшегося к ней через толпу лорда Уорбартона. Наконец он оказался рядом и пожелал ей доброго вечера. Изабелла не видела его с позавчерашнего дня. Лорд огляделся по сторонам и спросил:

— А где же наша маленькая леди?

У него вошло в привычку так называть Пэнси.

— Она танцует, — ответила Изабелла. — Приглядитесь, и вы увидите ее.

Лорд взглянул в направлении танцевального зала и наконец разглядел Пэнси.

— Она видит меня, но не хочет замечать, — усмехнулся он. — Вы не танцуете?

— Как видите, я сегодня — что-то вроде растения, вьющегося по стене.

— Почему бы вам не потанцевать со мной?

— Благодарю вас. Но лучше вам потанцевать с маленькой леди.

— Одно не исключает другого. К тому же она занята.

— У Пэнси не все танцы заняты. Попросите ее оставить какой-нибудь для вас и приберегите силы — она танцует без устали, ей трудно быть ровней.

— Она танцует прекрасно, — произнес лорд Уорбартон, следя глазами за Пэнси. — О, наконец-то, она мне улыбнулась.

Изабелла смотрела на него и вдруг снова подумала, как странно, что такой значительный, красивый человек обратил внимание на молоденькую девочку. Они казались ей совершенно несовместимыми — и ни очарование Пэнси, ни благородство и доброта лорда, ни его постоянное стремление к новым впечатлениям не могли этого объяснить.

— Я хотел бы потанцевать с вами, — продолжил он через мгновение, повернувшись к Изабелле, — но, мне кажется, с еще большим удовольствием я поболтаю с вами.

— Да, так гораздо лучше. И это больше соответствует вашему высокому сану. Государственному мужу не пристало вальсировать.

— Не надо насмешек. Зачем же вы тогда советовали мне танцевать с мисс Озмонд?

— О, это другое дело. Если бы вы танцевали с ней, это выглядело бы просто как акт доброты с вашей стороны, как желание доставить ей удовольствие. А если бы вы стали танцевать со мной, это выглядело бы так, будто вы доставляете удовольствие себе.

— А разве я не имею права доставлять себе удовольствие?

— Нет. Ведь вы держите в своих руках судьбы великой Британской империи.

— Опять Британская империя! Вы всегда смеетесь над ней.

— Развлеките себя разговором со мной, — сказал Изабелла.

— Я не уверен, что это развлечение. Вы слишком агрессивны — я всегда вынужден обороняться. А нынче вечером вы, на мой взгляд, опасны больше обычного. Вы действительно не хотите танцевать?

— Я не могу уйти отсюда. Пэнси должна найти меня здесь.

Лорд некоторое время молчал.

— Вы очень добры к ней, — вдруг произнес он.

Изабелла взглянула на него и улыбнулась.

— А вы можете представить себе человека, который не был бы к ней добр?

— Разумеется, нет. Я знаю, как все любят ее; но вы очень много для нее делаете.

— Я всего лишь вывожу Пэнси с собой в свет, — продолжая улыбаться, сказала Изабелла. — И присматриваю за тем, чтобы у нее было достаточное количество красивой одежды.

— Однако ваше общество для нее большое благо. Вы беседуете с ней, даете советы, помогаете развиваться.

— О, да, если уж она пока нераспустившийся бутон, так зато растет рядом с прекрасной розой, — рассмеялась Изабелла.

Ее собеседник улыбнулся, но глаза его оставались невеселыми.

— Все мы стараемся быть как можно ближе к этой прекрасной розе, — пробормотал лорд после некоторого колебания.

Изабелла отвернулась от него — Пэнси уже направлялась к ней, и она с радостью восприняла возможность прервать беседу. Мы знаем, как Изабелле нравился лорд Уорбартон. Она счи-

тала его восхитительным человеком. Дружба с ним казалась надежной, была как некий крупный счет в банке на случай непредвиденных осложнений. Когда он находился рядом, она чувствовала себя счастливее — в его манерах было что-то успокаивающее, звук его голоса был так же благотворен, казалось ей, как сама природа. Однако, несмотря на это, Изабелле не хотелось слишком сближаться с ним, не хотелось, чтобы он воспринимал ее дружелюбие как само собой разумеющееся. Она боялась этого, старалась избежать, всей душой надеялась на то, что он запретит себе это — ведь если лорд Уорбартон слишком приблизится, придется приказать ему соблюдать дистанцию. Пэнси вернулась с очередной прорехой в юбке, которая неизбежно последовала за первой и которую девушка с озабоченным видом продемонстрировала мачехе. На балу было много мужчин в военных мундирах и в сапогах со шпорами, опасными для платьев молодых девушек. Вскоре стало ясно, что женщины удивительно хитроумны — Изабелла нашла булавку и заколола Пэнси платье, одновременно с улыбкой слушая отчет падчерицы о своих приключениях. Внимание Изабеллы, ее сочувствие были неподдельны, но думала она о другом

— она не могла отделаться от впечатления, что лорд Уорбартон снова пытается ухаживать за ней, Изабеллой. Ее уже давно наводила на эту мысль некоторая непоследовательность в его поведении, — а теперь еще эти его слова… Вот о чем думала Изабелла, поправляя платье Пэнси. Если она не ошибалась, чего на самом деле очень желала, то лорд поступал так неосознанно, не отдавая себе отчета в своих намерениях. Но это нисколько не облегчало ситуацию. Чем скорее лорд Уорбартон осознает смысл сказанного им, тем лучше. Сейчас он сразу заговорил с Пэнси, обратив к ней преданную улыбку — не Изабелле ли она должна была быть предназначена? Девушка отвечала ему, как всегда, со своей послушной готовностью. Лорду приходилось, из-за своего роста, в разговоре склоняться к ней, и ее глаза привычно скользили по нему, оглядывая его крепкую фигуру — он словно выставлял себя на обозрение. При этом Пэнси постоянно выглядела немного испуганной, но ее страх не содержал в себе ничего, что свидетельствовало бы о неприязни; наоборот, она смотрела на него так, будто знала: он чувствует, что нравится ей. Очень скоро Изабелла оставила их наедине и направилась к приятельнице, которую заметила

неподалеку; она разговаривала с ней до тех пор, пока не объявили следующий танец. Изабелла знала, что на этот танец Пэнси тоже ангажирована. Она взволнованно подлетела к мачехе, и Изабелла, скрупулезно следуя указанию Озмонда — он ни в чем не был склонен предоставлять дочери самостоятельность, — передала ее, словно драгоценный переходящий приз, очередному кавалеру. Но об этой абсолютной зависимости Пэнси у Изабеллы были свои представления — порой они обе имели из-за этого глуповатый вид. Озмонд поручил жене роль дуэньи, расписав ей ее обязанности, заключавшие в себе перечень уступок и ограничений. Некоторые его указания Изабелла выполняла буквально, и тем самым иногда доводила свое дело до абсурда.

После того как Пэнси отправилась танцевать, Изабелла снова обнаружила рядом с собой лорда Уорбартона и внимательно посмотрела на него — ей хотелось прочитать его мысли. Он совершенно не смутился под ее взглядом.

— Она обещала потанцевать со мной попозже, — произнес лорд.

— Я рада. Полагаю, вы ангажировали ее на котильон?

Лорд, казалось, пребывал в некотором замеша-

тельстве.

— Нет, я пригласил ее на кадриль.

— Какая жалость! — почти сердито воскликнула Изабелла. — Я просила ее придержать для вас именно котильон.

— Подумать только! Бедняжка! — Лорд Уорбартон от души рассмеялся. — Но если вы так хотите, я выполню ваше желание.

— Если я хочу? О, как будто вы танцуете с Пэнси только ради меня!

— Я боюсь ей наскучить. У нее очень много юных кавалеров.

Изабелла опустила глаза, лихорадочно раздумывая. Лорд Уорбартон стоял и смотрел на нее. Она чувствовала на своем лице взгляд, и ей было как-то неуютно. Спустя минуту она произнесла:

— Прошу вас, объясните мне, я не могу понять.

— Понять что?

— Десять дней назад вы сказали мне, что хотели бы жениться на моей падчерице. Вы не забыли?

— Забыл? Сегодня утром я написал об этом мистеру Озмонду.

— О, он не сказал мне об этом ни слова, — проговорила Изабелла.

Лорд Уорбартон слегка замялся.

— Я… я еще не отослал письмо.

— Так все-таки вы забывчивы.

— Нет, просто я недоволен письмом. Не так-то это легко. Но я его сегодня же отошлю.

— То есть завтра утром.

— Нет, позже. Скорее ближе к вечеру.

— Отлично. Следовательно, вы по-прежнему хотите на ней жениться?

— Очень.

— И вы не боитесь наскучить ей?

Собеседник удивленно посмотрел на Изабеллу, не понимая, и она добавила:

— Если вы боитесь, что Пэнси не сможет танцевать с вами полчаса, как же она будет танцевать с вами всю жизнь?

— О! — с готовностью отозвался лорд Уорбартон — Я позволю ей танцевать с другими людьми! А насчет котильона, на самом деле я думал, вы… что вы…

— Буду танцевать с вами? Я же уже сказала вам, что не танцую.

— Вот именно. Во время танца мы могли бы присесть где-нибудь в тихом месте и поговорить.

— О, вы слишком внимательны ко мне, — сказала Изабелла без улыбки.

Когда наступила очередь котильона, Пэнси оказалась ангажированной — она подумала, что

лорд Уорбартон не имел намерений пригласить ее. Изабелла посоветовала ему найти другую партнершу, но он заверил ее, что согласится танцевать только с ней. Но поскольку она уже отклонила все другие приглашения, несмотря даже на уговоры хозяйки дома, она не могла сделать исключение для лорда Уорбартона.

— Вот и прекрасно — я-то равнодушен к танцам, — сказал он. — Это развлечение варваров. Мне как раз хотелось поболтать с вами.

И лорд сообщил, что нашел уединенное место, которое искал, — укромный уголок в одной из маленьких комнат, куда музыка доносилась слабо и не мешала разговору. Изабелла решила позволить ему высказаться — ей надо было удостовериться. Они с лордом покинули зал, хотя Изабелла знала, что муж не одобрил бы, что она оставила Пэнси без присмотра. Однако Уорбартон был претендентом на руку его дочери, и это могло послужить ей оправданием. Выходя, Изабелла заметила Эдварда Розье, который стоял в дверях танцевального зала, сложив руки, с безнадежным видом смотрел на танцующих. Она остановилась и спросила, почему он не танцует.

— Если бы я мог танцевать с ней! — ответил Розье.

— Тогда, может быть, вам лучше уйти, — посоветовала Изабелла.

— Я не уйду, пока не уйдет она! — И молодой человек, не глядя на лорда Уорбартона, посторонился и позволил тому пройти.

Но лорд обратил внимание на мрачного молодого человека и поинтересовался у своей спутницы, кто этот ее расстроенный друг, заметив, что его лицо кажется ему знакомым.

— Я рассказывала вам об этом молодом человеке. Он влюблен в Пэнси, — ответила Изабелла.

— Ах да, помню. Выглядит он не слишком хорошо.

— У бедняги есть на то причины. Мой муж не стал даже слушать его.

— А почему? — спросил лорд Уорбартон. — Он выглядит совершенно безобидным.

— У него недостаточно денег, и он не очень умен.

Лорд Уорбартон слушал с большим интересом. Казалось, его поразила такая характеристика Эдварда Розье.

— Но молодой человек выглядит достаточно состоятельным.

— Так и есть, но у моего мужа на этот счет особое мнение.

— Понимаю. — Лорд сделал паузу. — И какой же у него доход?

— Около сорока тысяч франков в год.

— Тысяча шестьсот фунтов? На мой взгляд, это весьма неплохо.

— Я тоже так думаю. Но у моего мужа более серьезные запросы.

— Да, я это уже заметил. А этот молодой человек действительно глуповат?

— Ни в коем случае. Он очарователен. Когда ему было двенадцать лет, я сама была влюблена в него.

— Он и сейчас выглядит немногим старше, — заметил лорд Уорбартон, оглядываясь. — Давайте присядем здесь?

— Как вам будет угодно.

Комната напоминала будуар, освещенный слабым розовым светом. Когда наши друзья появились на пороге, из нее вышли двое — мужчина и женщина.

— Очень любезно с вашей стороны проявить такой интерес к мистеру Розье, — сказала Изабелла.

— Мне кажется, с ним обращаются дурно. У него даже лицо вытянулось. Я даже подумал сначала, что он болен.

— Вы удивительно доброжелательны, — произнесла Изабелла, — даже к своему сопернику.

Лорд резко повернулся к ней и изумленно взглянул на нее.

— Соперник? Вы называете его моим соперником?

— Конечно. Ведь вы оба хотите жениться на одной девушке.

— Да… но у него нет шансов!

— Тем не менее мне нравится, что вы поставили себя на его место. Это свидетельствует о богатом воображении.

— Я вам этим нравлюсь? — Лорд Уорбартон загадочно посмотрел на собеседницу. — Или, скорее всего, вы просто смеетесь надо мной.

— Да, посмеиваюсь — чуть-чуть. Но вы все равно мне нравитесь.

— Тогда, позвольте мне чуть больше войти в его ситуацию. Что, по вашему мнению, можно для него сделать?

— Поскольку я так высоко оценила ваше воображение, то вам лучше решить это самому, — ответила Изабелла. — Пэнси вы тоже бы этим понравились.

— Мисс Озмонд? Надеюсь, я и так уже ей нравлюсь.

— И очень, я полагаю.

Лорд немного поколебался. На его лице все еще сохранялось вопросительное выражение.

— Тогда я вас не понимаю. Вы же не хотите сказать, что она тоже неравнодушна к молодому человеку?

— Конечно. И я говорила вам об этом.

Лорд вспыхнул.

— Вы говорили, что она во всем слушается отца; и поскольку, я так понимаю, он даст мне свое согласие… Он умолк и потом добавил: — Вы так не считаете?

— Да, я говорила вам, что она всегда старается угодить своему отцу и ради этого решится на все.

— Очень хорошее качество, — заметил лорд Уорбартон.

— Не спорю, — согласилась Изабелла и на некоторое время замолчала.

Они были по-прежнему одни в комнате. До собеседников доносилась тихая музыка.

Наконец Изабелла произнесла:

— Но мне кажется, вряд ли мужу понравится, если он поймет, что она вышла за него замуж исключительно из подобных убеждений.

— Не знаю. Если жена хорошая, а он уверен, что она сделала достойную партию…

— Естественно, вы должны думать именно так.

— Да, я так думаю и ничего не могу с этим поделать. Вы, конечно, скажете, что это очень по-английски.

— Нет, не скажу. Для Пэнси брак с вами — большая удача. Вы знаете это лучше, чем кто-либо. Но вы не влюблены.

— Влюблен, миссис Озмонд!

Изабелла покачала головой.

— Вам нравится так думать, пока вы сидите здесь со мной. Но у меня другое впечатление.

— Конечно, я не тот молодой человек, который стоял в дверях танцевального зала. Признаюсь в этом. Но что тут странного? И разве мисс Озмонд не самая очаровательная девушка в мире?

— Возможно. Но любовь никогда не руководствуется разумом.

— Я с вами не согласен. Мне нравится руководствоваться разумом — всегда.

— Естественно. Но если бы вы были влюблены по-настоящему, это бы вас не занимало.

— О, по-настоящему… быть влюбленным по-настоящему… — задумчиво протянул лорд Уорбартон, сложив руки на груди, отклонив назад голову и слегка вытянувшись в кресле. — Вы должны помнить, что мне сорок лет. Я не тот,

что был.

— Ну, если вы уверены, — сказала Изабелла, — тогда все прекрасно.

Лорд ничего не ответил. Он сидел, откинув голову назад и глядя в пространство. Затем он вдруг резко изменил позу и быстро повернулся к собеседнице.

— Почему вы так скептически настроены?

Их глаза встретились. Если Изабелла хотела удостовериться в чем-то, то она удостоверилась. Она увидела по глазам лорда, что он догадывался о ее озабоченности, возможно, даже о ее страхе. В них была не надежда, а подозрение. Но именно это Изабелле и хотелось узнать. Лорду вовсе не полагалось подозревать, что она догадалась о том, что его стремление жениться на падчерице было вызвано желанием быть поближе к мачехе. Взгляды, которыми сейчас обменялись собеседники, таили в себе гораздо больше, чем они в данный момент осознавали.

— Мой дорогой лорд Уорбартон, — с улыбкой произнесла Изабель. — Что касается меня, то вы можете поступать так, как вам угодно.

С этими словами она встала и направилась в смежную комнату, где столкнулась со своими знакомыми. Беседуя с ними, Изабелла почув-

ствовала сожаление, что так поспешно покинула лорда Уорбартона, — это выглядело бегством. Тем более он не последовал за ней. Однако Изабелла была рада: она, по крайней мере, удостоверилась — настолько, что, когда возвращалась в танцевальный зал и заметила Эдварда Розье, словно приросшего к порогу, остановилась и снова заговорила с ним:

— Вы правильно сделали, что не ушли. Могу вас немного успокоить.

— Мне это так необходимо, — пробормотал молодой человек, — ведь я вижу вас рядом с ним!

— Не надо о нем. Я сделаю для вас все, что смогу. Боюсь, немного, но все, что смогу.

Розье мрачно смотрел на нее.

— Что вдруг заставило вас изменить свои намерения?

— Потому что вы постоянно торчите на пороге и не даете пройти! — с улыбкой ответила Изабелла, минуя его.

Полчаса спустя они с Пэнси направились к выходу и задержались внизу у лестницы в ожидании экипажа. Когда его подали, появился лорд Уорбартон и, проводив их до кареты, спросил Пэнси, как ей понравилось на балу. Отвечая ему, девушка с утомленным видом слегка откинулась

назад. Изабелла, глядя на него из окошка, тихо сказала:

— Не забудьте отправить письмо ее отцу!

Глава 44

Графиня Джемини частенько скучала — скучала, по ее словам, до изнеможения. Однако она все же не изнемогла и отважно боролась со своей судьбой, а именно с семейной жизнью с непокладистым флорентинцем, который не желал покидать родной город, где получал удовольствие от возможности относить себя к людям, чей талант проигрывать в карты не относился к добродетелям второстепенного характера. Графа Джемини не любили даже те, кто у него выигрывал, и если его имя еще ценилось во Флоренции, то его можно было сравнить с монетой, которая имела хождение в родном городе и больше нигде. В Риме его считали неотесанным флорентинцем, и неудивительно, что он не стремился часто ездить в столицу, где, в отличие от его родного города, чтобы оправдать сию неотесанность, требовались основания более веские, чем он мог предъявить. Графиня Джемини постоянно стремилась в Рим, и одно из главных несчастий ее жизни заключалось в том, что там у нее не было своего дома. Она стеснялась говорить, как редко

ей позволялось ездить в столицу, и то, что некоторые представители флорентийского света вообще ни разу там не были, вряд ли могло ее утешить. Она уезжала туда, как только предоставлялся случай, — вот все, что она могла сказать. На самом деле графиня Джемини могла сказать гораздо больше и иногда объясняла, почему ненавидела Флоренцию и хотела окончить свои дни в тени собора Святого Петра. Впрочем, эти причины к нашей истории не относятся и обычно сводились в ее речи к тому, что Рим был Вечным городом, Флоренция всего-навсего милым ординарным захолустьем. Очевидно, графине хотелось осенить свои развлечения идеей вечности. Она была убеждена, что римское общество гораздо более интересное и в течение зимы на приемах там можно встретить различных знаменитостей. Во Флоренцию же знаменитости не приезжали, по крайней мере, такие, о которых бы все слышали. После женитьбы брата раздражение графини Джемини заметно усилилось — она была уверена, что его жена вела более блестящую жизнь, чем она. Разумеется, она не так умна, как Изабелла, но уж ее ума хватило бы, чтобы оценить Рим — если не развалины и катакомбы и, возможно, даже не церковные церемонии и пейзажи, то уж

все остальное. До нее доносились слухи об Изабелле, и она точно знала, что та процветает, — ей и самой пришлось это видеть, представилась возможность насладиться гостеприимством палаццо Рокканера. Графиня Джемини провела там неделю в первую зиму после женитьбы брата, но больше не получала приглашения. Озмонд не хотел видеть сестру у себя. Графиня отлично осознавала это, но поехала бы в гости все равно, поскольку мнение брата ее нисколько не интересовало, — но мешало, как всегда, отсутствие денег и невозможность добиться согласия мужа.

Изабелла была в тот раз очень мила с ней. Графиня Джемини, которой сразу понравилась сноха, не была ослеплена завистью к ней. Графиня Джемини всегда отмечала, что легче уживалась с умными женщинами, чем с такими же глупыми, как она сама. Глупые никогда не понимали степень ее мудрости, а умные — по-настоящему умные — были способны оценить всю глубину ее глупости. Ей казалось, что, какими бы разными внутренне и внешне ни были, но они с Изабеллой всегда могли найти общий кусочек почвы под ногами. Этот кусочек, может быть, невелик, но зато почва эта твердая. И потом, графине Джемини было приятно находиться

рядом с Изабеллой. Она постоянно ожидала момента, когда Изабелла взглянет на нее свысока, но этот момент постоянно откладывался. Она спрашивала себя, когда же это произойдет, и не понимала, почему ничего не происходит. Ее сноха относилась к ней спокойно и не выражала по отношению к ней ни презрения, ни восхищения. На самом деле Изабелле и в голову не приходило осуждать графиню Джемини — не осуждаем же мы за отсутствие моральных принципов кузнечика. Она, впрочем, не была равнодушна к сестре мужа и даже немного побаивалась ее — графиня не переставала удивлять ее своей экстраординарностью. Ей казалось, что у золовки не было души, — она напоминала Изабелле погремушку, в которой, если тряхнешь, что-то брякало. Вот это побрякивание, казалось Изабелле, и являло собой духовный мир графини — маленький усохший орешек метался внутри оболочки. Как можно было презирать ее, когда она была такой необычной, что ее даже было невозможно с кем-нибудь сравнить! Изабелла пригласила бы графиню Джемини снова (о приглашении графа вопрос даже не ставился), но Озмонд после женитьбы без стеснения высказался откровенно в том духе, что Эми была глупейшим существом, чье безрассудное

поведение в некотором роде вредно для окружающих. Затем он заявил, что у сестры нет сердца, и добавил, что она раздала его по кусочкам, как свадебный торт. Отсутствие приглашения, конечно, являлось помехой для поездки графини в Рим, но именно в этот момент нашего повествования она вдруг неожиданно получила предложение провести несколько недель в палаццо Рокканера. Приглашение пришло от самого Озмонда, который, правда, добавил, чтобы она приготовилась вести себя очень тихо. В полной ли мере графиня поняла, что хотел этим сказать брат, неизвестно, но она согласилась приехать на любых условиях. Более того, ее мучило любопытство — в первый визит у нее сложилось впечатление, что брат ее нашел жену себе под стать. Перед его женитьбой она жалела Изабеллу, причем настолько, что серьезно задумалась — если, конечно, можно предположить, что она могла серьезно задумываться, — о том, чтобы встать на ее защиту. Но потом графиня Джемини успокоилась. Озмонд был все так же высокомерен — но его жена не стала легкой добычей. Графиня была неточна в оценках, но ей показалось, что, если бы Изабелла выпрямилась, высоты духа в ней хватило бы на двоих. Теперь графиню снедало любопытство, ей

хотелось узнать, встала ли уже Изабелла во весь рост, — вид униженного Озмонда доставил бы его сестре огромное удовольствие.

За несколько дней до отъезда в Рим слуга подал ей карточку с простой надписью — «Генриетта Стэкпол». Графиня провела пальцем по лбу, пытаясь вспомнить хоть кого-нибудь по имени Генриетта. Затем слуга заметил, что леди просила его сказать, если графиня не вспомнит ее имени, то сразу узнает при встрече. Выйдя к гостье, графиня Джемини действительно сразу вспомнила, что встречала ее у миссис Тачетт, тем более что Генриетта ничуть не изменилась. Это была единственная знакомая графине представительница мира литературы — единственная, разумеется из ныне живущих, поскольку сама графиня была дочерью поэтессы. Графиня, будучи вполне добродушной женщиной, посчитала визит такой популярной личности очень лестным. И потом, ей хотелось узнать, было ли у мисс Стэкпол что-нибудь общее с ее матерью. Но американская подруга Изабеллы вовсе не походила на ее мать. С первого взгляда можно было определить, что эта леди была гораздо более современной, и у графини создалось впечатление, что в далеких странах произошли заметные перемены к лучшему в об-

лике женщин, занимающихся литературой. Мать графини обычно набрасывала римский шарф на обнаженные плечи, и лавровый венок — на блестящие локоны. У нее был мягкий, нечеткий говор с южным акцентом, она часто вздыхала и была абсолютно непредприимчивой. Генриетта же была всегда аккуратно одета и причесана, отличалась живостью и деловитостью. Ее манеры казались совершенно непринужденными. Графиня Джемини неохотно осознала, что корреспондентка «Интервьюера» была гораздо более, чем ее мать-поэтесса, развита и эрудированна.

Генриетта объяснила свой визит тем, что во Флоренции знала только графиню, а во время путешествий ей всегда хотелось видеть больше, чем видят обычные зеваки-туристы. Она знакома с миссис Тачетт, но та сейчас уехала в Америку; однако даже если бы она была здесь, Генриетта вряд ли поехала бы к ней, поскольку миссис Тачетт вовсе не вызывала у нее восхищения.

— Значит, я у вас его вызываю? — с любезной улыбкой спросила графиня.

— Да. Вы нравитесь мне больше, — ответила мисс Стэкпол. — Помню, когда я встретила вас, вы показались мне интересной. Не знаю, был ли в этом элемент случайности или в этом ваш

стиль. Во всяком случае, ваши высказывания произвели на меня сильное впечатление. Я даже использовала их впоследствии в своих статьях.

— Дорогая! — возбужденно воскликнула графиня. — Я понятия не имела, что говорила когда-либо что-то интересное! Хотела бы я знать, что именно?

— Вы говорили о положении женщины в этом городе, — заметила мисс Стэкпол, — и пролили много света на эту проблему.

— Положение женщины у нас весьма плачевно! Вы об этом? Вы записали эти мои слова и опубликовали? — всполошилась графиня. — Дайте мне почитать!

— Я напишу в редакцию, чтобы они прислали вам экземпляр журнала, если хотите, — сказала Генриетта. — Я не упоминала вашего имени, а просто написала «дама из высшего света» и потом процитировала ваше мнение.

Графиня резко откинулась назад, всплеснув руками.

— Знаете, а мне очень жаль, что вы не упомянули мое имя! Я бы очень хотела увидеть его в печати! Я уже забыла их, те свои высказывания. Я постоянно витийствую! Но я не стыжусь этого. И я совсем не похожа на своего брата. Полагаю,

вы знаете моего брата? Он считает, что быть упомянутым в газете — недостойно. Если бы вы процитировали его, он бы вам этого в жизни не простил.

— Ему не стоит беспокоиться. Я никогда не стану ссылаться на него, — сухо произнесла мисс Стэкпол. — Но есть и еще одна причина, по которой я приехала к вам. Вы знаете, что мистер Озмонд женат на моей лучшей подруге.

— Ах да, вы же подруга Изабеллы. А я все пыталась вспомнить, откуда я вас знаю.

— Я очень рада, что известна вам именно благодаря этому факту, — заявила Генриетта. — Но это не нравится вашему брату. Он пытался разорвать наши отношения с Изабеллой.

— А вы не сдавайтесь! — выпалила графиня.

— Именно об этом я и хотела поговорить. Я еду в Рим.

— Я тоже! — воскликнула графиня. — Поедем вместе.

— С огромным удовольствием. И когда я буду писать об этой поездке, я обязательно упомяну ваше имя.

Графиня соскочила с кресла и подсела к гостье.

— О, вы должны прислать мне журнал! Моему мужу это не понравится, но ему вовсе не обяза-

тельно его видеть. Кроме того, читать — не в его привычках.

Большие глаза Генриетты стали и вовсе огромными.

— Он не читает? Могу я написать об этом в своей статье?

— В статье?

— В «Интервьюере». Это мой журнал.

— О, да, как пожелаете. Можете даже упомянуть его имя. Вы хотите остановиться у Изабеллы?

Генриетта подняла голову и взглянула на хозяйку.

— Она меня не пригласила, — сказала она после небольшой паузы. — Я написала ей о своем приезде, и она ответила, что сняла для меня комнату в пансионе.

Графиня выслушала с величайшим интересом.

— Это Озмонд, — заключила она, тяжело вздохнув.

— Изабелла должна сопротивляться, — с сожалением произнесла мисс Стэкпол. — Боюсь, она сильно изменилась. Я предсказывала ей это.

— Мне очень горько это слышать. Я надеялась, что она сможет противостоять Озмонду. А почему вы не понравились моему брату? — простодушно спросила графиня.

— Не имею понятия, и мне это все равно. Он может не любить меня. Я отнюдь не хочу нравиться всем — я думала бы о себе хуже, если бы меня все любили. Журналист тогда только чего-то стоит, когда способен вызывать к себе ненависть. То же, кстати, справедливо и в отношении женщин. Но вот Изабелла… я от нее этого не ожидала.

— Вы хотите сказать — она тоже вас ненавидит? — спросила графиня.

— Не знаю. Видно будет. Вот для чего я еду в Рим.

— Дорогая, но ведь это такая неприятная задача!

— От нее приходят теперь совершенно другие письма. Разница просто в глаза бросается. Если вы что-то знаете, может быть, скажете мне? Я могла бы заранее выработать линию поведения.

Графиня выпятила нижнюю губу и двинула плечами.

— Что я могу знать? Я почти не вижу Озмонда. Он любит меня не больше, чем вас.

— Но ведь вы не журналистка, — задумчиво произнесла Генриетта.

— О, у него масса причин. Тем не менее они меня пригласили. Я остановлюсь в их доме! — И графиня торжествующе улыбнулась. Ее выска-

зывание слегка расстроило мисс Стэкпол, но она восприняла это довольно снисходительно.

— Я бы не стала жить у них, даже если бы Изабелла пригласила меня, — по крайней мере, мне так кажется. И я даже рада, что так получилось. Вопрос очень сложный — мне не хотелось бы отказывать ей, а в ее доме я вряд ли буду комфортно себя чувствовать. А пансион меня вполне устроит. Но ведь дело не только в этом…

— Рим сейчас очень хорош, — сказала графиня. — Множество блестящих людей сейчас там. Вы когда-нибудь слышали о лорде Уорбартоне?

— Слышала? Я очень хорошо его знаю. Вы считаете его блестящим? — спросила Генриетта.

— Я его не знаю, но мне говорили о нем как об очень благородном человеке. И он неравнодушен к Изабелле.

— Неравнодушен к Изабелле?

— Я слышала краем уха, — спокойно ответила графиня. — Но Изабелла очень осторожна.

Генриетта молча внимательно смотрела на хозяйку.

— Когда вы едете в Рим? — коротко спросила она.

— Боюсь, не на этой неделе.

— Я отправляюсь завтра, — сказала Генриет-

та. — Мне кажется, лучше не ждать.

— Очень жаль, дорогая. У меня еще несколько платьев в работе. Мне сказали, Изабелла устраивает множество приемов. Но мы с вами там увидимся. Я приеду к вам в пансион.

Генриетта молчала. Она потерялась в собственных мыслях. Вдруг герцогиня вскрикнула:

— О, но если вы не поедете со мной, вы не сможете упомянуть, что я путешествовала с вами!

Казалось, мисс Стэкпол нисколько не тронуло это замечание. Она думала о чем-то другом и, наконец, высказала свою мысль:

— Я не уверена, что поняла ваши слова насчет лорда Уорбартона.

— Не поняли меня? Я хотела сказать, что он очень приятный человек, вот и все.

— Вы считаете, что приятный человек может предлагать свою любовь замужней женщине? — мягко спросила Генриетта.

Графиня несколько мгновений молча смотрела на нее, затем несколько натянуто рассмеялась.

— Конечно, именно это и придает им особую привлекательность. Выйдите замуж, и сами увидите! — сказала она.

— Одной этой мысли достаточно, чтобы я не вышла замуж, — ответила мисс Стэкпол. — Мне

нужен мой собственный муж, а не чей-то еще. Вы думаете, Изабелла виновна… виновна в… — Генриетта сделала паузу, подбирая выражение.

— Изабелла виновна? О нет, дорогая. Надеюсь, нет. Я только хотела сказать, что Озмонд очень тяжелый человек, а лорд Уорбартон, по слухам, частенько бывает у них в гостях. Боюсь, вы меня не так поняли.

— Нет, просто я очень волнуюсь за нее, — сказала Генриетта.

— Вы не очень лестно отзываетесь об Изабелле! Вам нужно ей больше доверять. А хотите, — быстро добавила графиня, — чтобы вас успокоить, я постараюсь отбить лорда.

Мисс Стэкпол посмотрела на нее еще более серьезным взглядом.

— Вы меня не поняли, — проговорила она через некоторое время. — Я, в общем-то, не имею в виду то, что вы предположили. Я не боюсь за Изабеллу… в этом смысле. Я только боюсь, что она несчастна… Вот что я хочу выяснить.

Графиня помотала головой, нетерпеливо и саркастически.

— Это вполне возможно. А мне так хотелось бы знать, несчастен ли Озмонд.

Мисс Стэкпол уже слегка утомила ее.

— Если Изабелла действительно изменилась, перемены скрыты в глубине ее души, — продолжала Генриетта.

— Что ж, увидите. Она вам сама все скажет, — заметила графиня.

— Она может не сказать… Вот чего я опасаюсь!

— Но если Озмонд недоволен жизнью, я-то, надеюсь, уж точно замечу это, — сказала графиня.

— Это не имеет для меня никакого значения, — ответила Генриетта.

— А для меня имеет! Если Изабелла несчастна, мне ее очень жаль, но я ничего не могу поделать. Наоборот, я могу сказать ей что-то, что вовсе лишит ее сна. И зачем только она вышла за него замуж? Послушалась бы меня и избавилась от моего брата. Но я прощу ее — если узнаю, что она усложнила ему жизнь! А вот если она позволила Озмонду растоптать себя, я не испытаю к ней даже жалости. Но, надеюсь, это не так. Надеюсь, что если Изабелла несчастна, то, по крайней мере, сделала таким же и моего брата.

Генриетта встала. Естественно, такие мысли показались ей ужасными. Она искренне полагала, что не желала бы видеть мистера Озмонда несчастным. Да и вообще он ее мало интересовал. В целом графиня разочаровала мисс Стэкпол

— ее кругозор был гораздо уже, чем ожидала Генриетта.

— Было бы лучше, если бы они любили друг друга, — торжественно сказала Генриетта.

— Этого не может быть. Озмонд не способен кого-то любить.

— Я так и думала. И мой страх за Изабеллу только усиливается. Я обязательно отправлюсь завтра.

— У Изабеллы такие преданные друзья, — с ослепительной улыбкой произнесла графиня. — Чего же ее жалеть?

— Наверное, я не смогу ей ничем помочь, — сказала мисс Стэкпол.

— Но вы, по крайней мере, хотите. Это уже кое-что. Ведь вы для этого приехали из Америки? — вдруг спросила графиня.

— Да, я хотела присмотреть за Изабеллой, — тихо проговорила Генриетта.

Хозяйка дома стояла и улыбалась ей. Ее маленькие глазки блестели, а щеки вспыхнули румянцем.

— О, это очень мило… очень любезно! — сказала она. — Это как раз и называется настоящей дружбой?

— Не знаю, что называется дружбой, но я реши-

ла, что мне надо приехать.

— Эта Изабелла очень счастливая… просто везучая, — продолжила графиня. — У нее есть не только вы. А я — я так же несчастна, как Изабелла. У меня такой же ужасный муж, как Озмонд, и совсем нет ни друзей, ни подруг. Я думала, что они есть, а их нет. Никто не сделал бы для меня то, что вы сделали для Изабеллы.

Генриетту тронули откровения графини. Она несколько секунд молча смотрела на нее, затем сказала:

— Послушайте, графиня, я сделаю для вас все, что хотите. Я подожду и поеду в Рим вместе с вами.

— Это не имеет значения, — ответила та. — Лишь бы вы написали про меня в газете!

Генриетта была вынуждена дать хозяйке понять, что не могла представить в журнал вымышленное описание своей поездки в Рим. В своих статьях она была скрупулезно правдива.

Выйдя от графини, она отправилась на Ланг-Арно, залитую солнцем набережную реки, где стояли в ряд хорошо знакомые туристам гостиницы. Генриетта заранее разработала маршрут по улицам Флоренции (в подобных делах она отличалась быстротой) и потому решительно

свернула с маленькой площади перед мостом Святой Троицы. Далее женщина повернула налево к Понте-Веккьо[74] и остановилась перед одним из весьма изящных на вид отелей. Здесь мисс Стэкпол вынула маленькую книжечку, достала из нее визитную карточку и карандаш и после недолгого раздумья записала несколько слов. Если бы мы позволили себе нескромность заглянуть ей через плечо, то прочли бы вопрос: «Могу я встретиться с вами сегодня вечером по очень важному делу?» Генриетта добавила, что завтра отправляется в Рим, подошла к стоявшему на пороге швейцару и спросила, у себя ли мистер Гудвуд. Тот ответил, как обычно отвечают все швейцары во все времена, — что мистер Гудвуд вышел двадцать минут назад. Тогда Генриетта протянула ему карточку и попросила передать ее лично мистеру Гудвуду, когда он вернется. Затем она покинула гостиницу и пошла по набережной к знаменитой галерее Уффици. Войдя туда, мисс Стэкпол поднялась по высокой лестнице, ведущей в верхние залы. За длинным коридором, застекленным с одной стороны и украшенным античными бюстами с другой, открывался зал,

[74] Примечания: 74

Знаменитый старинный мост через Арно в центре Флоренции с ювелирными лавочками.

в котором было пустынно; яркий зимний свет лился на мраморный пол. В галерее было очень холодно, и потому в середине зимы ее мало посещали. Вы можете сказать, что мисс Стэкпол не проявляла особой любви к живописи, но, как оказалось, у нее все же были свои привязанности и предпочтения. Одним из таких стал небольшой холст Корреджо — Дева Мария, стоящая на коленях перед новорожденным улыбающимся божественным младенцем, лежащим на подстилке из сена, и протягивающая ему руки. Эта сцена производила на Генриетту огромное впечатление — и картина казалась ей лучшей в мире. И хотя сейчас по дороге из Нью-Йорка в Рим женщина остановилась во Флоренции всего на три дня, она сказала себе, что не должна покинуть город, не взглянув еще раз на свое любимое произведение искусства. Она прекрасно — во всем — чувствовала красоту, и это накладывало на нее множество интеллектуальных обязательств. Она уже собиралась войти в зал, когда из него вышел джентльмен — и Генриетта негромко вскрикнула. Перед ней был Каспар Гудвуд.

— Я только что была в вашем отеле, — сообщила она, — и оставила для вас записку.

— Я очень вам признателен, — ответил Каспар

Гудвуд так, словно действительно испытывал необыкновенную благодарность.

— Мне не нужны ваши реверансы — я писала вам уже несколько раз и знаю, что вам это не нравится. Но мне нужно с вами кое о чем поговорить.

Каспар несколько секунд смотрел на пряжку, украшавшую ее шляпу.

— Буду очень рад вас послушать.

— Вам неприятно говорить со мной, — заявила Генриетта, — но мне это безразлично. Я разговариваю с вами не ради развлечения. В записке я просила вас о встрече, но сейчас это уже не имеет значения, раз мы с вами здесь беседуем.

— Я как раз собирался уходить, — сказал мистер Гудвуд, — но теперь, конечно, останусь.

Молодой человек был любезен, но особого энтузиазма не проявлял.

Впрочем, Генриетте этого и не требовалось. Она была столь взволнованна, что испытывала благодарность только за одно то, что мистер Гудвуд выслушает. Но сначала она спросила его о том, что ему удалось посмотреть.

— Я посмотрел все, что хотел увидеть. Я здесь уже больше часа.

— Интересно, видели ли вы моего Корреджо, —

сказала Генриетта. — Я пришла сюда, только чтобы полюбоваться им.

Женщина медленно пошла по залу, и Каспар последовал за ней.

— Думаю, я его видел, но не знал, что он ваш. Я не запоминаю картины… особенно такие.

Генриетта показала своему спутнику свою любимую картину, и мистер Гудвуд поинтересовался:

— Так вы хотели поговорить со мной о Корреджо?

— Нет, — ответила Генриетта, — кое о чем куда менее гармоничном!

Они стояли в этом блистательном хранилище сокровищ совершенно одни. Лишь вдалеке, у статуи Венеры, был виден одинокий смотритель.

— Мне нужна ваша помощь, — продолжила мисс Стэкпол.

Каспар Гудвуд слегка нахмурился, но совсем не смутился того, что не проявил к предполагаемой беседе должного интереса. С момента нашей последней встречи он заметно повзрослел.

— Значит, речь пойдет о том, что мне не слишком приятно, — довольно громко произнес он.

— Думаю, что нет — иначе я бы выразилась иначе.

— Хорошо, я вас слушаю, — сказал Каспар обреченным тоном человека, четко осознающего, какое одолжение он делает.

— Вы можете сказать, что у меня нет никакого права обращаться к вам за помощью. Но на самом деле такое право у меня есть. Если позволите, я объясню вам, — мягкий, но строгий голос Генриетты, которая вовсе не старалась произвести на собеседника эффект, звучал очень искренне, и Каспар Гудвуд, приготовившись к отпору, все же был тронут. Однако Каспар Гудвуд редко проявлял внешние признаки волнения: он никогда не краснел, не отводил глаз и не выглядел озабоченным. Он лишь весь собирался и становился сосредоточенным. Казалось, при этом у него появлялись дополнительные силы. Поэтому Генриетта продолжила без особого энтузиазма:

— Могу вам сказать — и мне кажется, сейчас подходящий случай, — что если я когда-либо ставила вас в трудное положение (думаю, я вполне на это способна), то делала это, все хорошо продумав. Вне всяких сомнений, я причиняла вам неприятности. Но я делала это ради вас.

Мистер Гудвуд взглянул на нее.

— Вы и сейчас этим занялись.

— Да, пожалуй. Я хочу, чтобы вы задумались

— хорошо ли, что вы едете в Рим.

— Я ждал от вас этих слов! — воскликнул мистер Гудвуд.

— Значит, вы задумывались над этим?

— Конечно. И очень много думал. Именно для этого я сделал остановку на два месяца в Париже.

— Боюсь, вы выбрали самое удобное для себя решение — поехать стоит, поскольку Рим сильно влечет вас.

— Стоит? — переспросил мистер Гудвуд. — И вы знаете, почему?

— Потому что вам так хочется. А как на это посмотрит миссис Озмонд?

— О, моя поездка в Рим нисколько ее не взволнует. Тут я не льщу себе надеждой.

— Добро бы просто взволновало — не причинило бы ей вреда, вот в чем вопрос!

— Не понимаю, какое это вообще имеет к ней отношение. Я для миссис Озмонд никто. Но если хотите знать, я с радостью встретился бы с ней.

— Именно поэтому вы и едете.

— Конечно. Разве можно найти более вескую причину?

— Чем это вам поможет? Вот что мне хотелось бы знать, — сказала мисс Стэкпол.

— Как раз этого я и не могу вам сказать. Вот о чем я так много думал в Париже.

— Поездка вызовет у вас только раздражение.

— Почему вы так говорите? — несколько резко спросил Каспар. — Откуда вы знаете, чем я могу быть раздражен?

— Ну, — Генриетта немного поколебалась, — кажется, никто с тех пор не затронул ваших чувств.

— Откуда вам знать про мои чувства? — вскричал мистер Гудвуд и вспыхнул. — Я чувствую, что должен ехать в Рим!

Генриетта молча смотрела на него своими блестящими глазами.

— Ладно, — сказала она наконец. — Я просто хотела высказать вам свое мнение. Это не давало мне покоя. Конечно, вы считаете, что это не мое дело. И, в принципе, вообще никто не должен совать нос в чьи-то дела.

— Это так любезно с вашей стороны. Я очень признателен вам за ваши хлопоты, — поблагодарил Каспар Гудвуд. — Я поеду в Рим и не причиню миссис Озмонд никакого вреда.

— Вреда вы ей не причините, но поможете ли? Вот в чем вопрос.

— Она нуждается в помощи? — медленно прого-

ворил Каспар, пристально глядя на собеседницу.

— Большинство женщин нуждается в помощи, — уклончиво ответила Генриетта. — Если вы едете в Рим, надеюсь, вы будете вести себя как настоящий друг, а не как эгоист.

Она отвернулась от собеседника и пошла вдоль стены, рассматривая картины.

Каспар Гудвуд постоял-постоял и последовал за ней.

— Вы что-то слышали о миссис Озмонд, — произнес он. — Могу я узнать что?

Генриетта никогда в своей жизни не увиливала, и, хотя сейчас для этого представился весьма удобный момент, она после секундного замешательства решила все же не делать исключения.

— Да, я слышала, — ответила она. — Но поскольку я не хочу, чтобы вы ехали в Рим, то ничего вам не скажу.

— Как вам будет угодно. Я все увижу своими глазами, — сказал мистер Гудвуд и довольно непоследовательно добавил: — Вы слышали, что она несчастна?

— Ну, этого вы своими глазами не увидите! — воскликнула Генриетта.

— Надеюсь, нет. А когда вы выезжаете?

— Завтра утренним поездом. А вы?

Мистер Гудвуд задумался. Ему совсем не хотелось отправляться в Рим в компании с мисс Стэкпол. Без сомнения, его отношение к ней отличалось от отношения Джилберта Озмонда, но в данный момент между ними возникла точка соприкосновения, хотя чувство Каспара, в отличие от Озмонда, основывалось на признании добродетелей мисс Стэкпол. Каспар считал Генриетту замечательной и к тому же ничего не имел против пишущей братии. Существование журналистики — как и, разумеется, журналисток — казалось ему частью естественного положения вещей в прогрессивной стране. Хотя Каспар никогда не читал ее статей, он полагал, что они неким образом способствуют социальному прогрессу. Но именно из-за высоты ее положения ему не хотелось, чтобы мисс Стэкпол так много принимала как само собой разумеющееся. Раз уверовав, что Каспар всегда был готов к разговорам по поводу миссис Озмонд, она постоянно вела себя в соответствии с этим — и когда спустя полтора месяца после его приезда в Европу встретилась с ним в Париже, и в других подобных случаях.

Каспар не хотел постоянно слышать о миссис Озмонд — он был совершенно уверен, что вовсе не думал о ней день и ночь. Мистер Гудвуд являл-

ся одним из самых сдержанных или, по крайней мере, рассудительных мужчин в мире, а эта любопытная журналистка постоянно зажигала лампу и светила ею в самые потаенные уголки его души. Ему хотелось, чтобы мисс Стэкпол не так сильно интересовалась его делами, и даже — хотя это может прозвучать довольно грубо — чтобы эта леди оставила его в покое. Но несмотря на это, молодому человеку тотчас же пришли в голову иные мысли — что, несомненно, показывает, насколько его дурное настроение отличалось от дурного настроения Джилберта Озмонда. Мистеру Гудвуду хотелось немедленно ехать в Рим — отправиться туда одному вечерним поездом. Он ненавидел европейские вагоны, тесные, неуютные, где приходилось сидеть, упираясь коленями и носом в незнакомого человека, который к тому же непременно вдруг начинал яростно возражать против того, чтобы открыть окно. Ночью в них было еще хуже, чем днем, — но, по крайней мере, ночью в них можно было хотя бы спать и видеть во сне просторные американские вагоны. Но не мог же Каспар выехать вечерним поездом, когда мисс Стэкпол собиралась выехать завтра утром, — это будет оскорблением для беззащитной женщины. Не мог он также ждать, чтобы она уехала, и толь-

ко потом пускаться в путь, — ведь его терпение тоже имело свои границы. Генриетта тяготила Гудвуда и угнетала его. Перспектива провести в ее компании целый день в европейском вагоне вызывала в нем сложные чувства. Но когда дама путешествует одна, долг каждого джентльмена — предложить ей свои услуги. Тут не могло быть двух мнений, все было предельно ясно. Мистер Гудвуд обреченно принял весьма торжественный вид и твердо, хотя и не обременяя себя тем, чтобы придать своему тону оттенок любезности, произнес:

— Конечно, раз вы намереваетесь ехать завтра, поедем завтра. Буду рад сопровождать вас.

— Прекрасно, мистер Гудвуд, я и не сомневалась! — удовлетворенно ответила Генриетта.

Глава 45

У меня уже был случай сказать, что Изабелла знала о недовольстве мужа затянувшимся визитом Ральфа в Рим. Мысль об этом снова пришла ей в голову, когда она отправилась в отель к кузену на следующий день после того, как посоветовала лорду Уорбартону открыто предъявить доказательство своей искренности. В этот момент, впрочем, как и в любой другой, Изабелла достаточно ясно понимала источник недовольства Озмонда. Он не хотел предоставлять супруге духовной свободы и прекрасно понимал, что Ральф являлся апостолом такой свободы. Именно по этой причине, призналась себе Изабелла, ей и было особенно приятно повидать кузена — эта поездка доказывала, что она может пренебречь неодобрением мужа. Изабелла еще не перешла к открытому сопротивлению воле Озмонда. Он оставался ее хозяином и повелителем — в ее сознании, находящемся под давлением, неизменно присутствовало признание необходимости свято хранить добродетель, узы брака и не отступать от приличий. Идея сопротивления этим постулатам

приводила Изабеллу в замешательство, вызывала ужас, поскольку, когда она выходила замуж, то, отдавая себя Озмонду, она не допускала и мысли о подобной возможности — ее вера в то, что намерения ее супруга столь же благородны, как и ее собственные, была безгранична. Однако теперь Изабелла, казалось, ощущала быстрое приближение того дня, когда она возьмет обратно кое-что из того, что когда-то столь торжественно отдала. Она понимала, что этот процесс будет одиозным и ужасным, — поэтому предпочитала не думать о нем. Озмонд ведь ничем не поможет ей, когда это начнется, и возложит всю тяжелую ношу на нее. Формально он еще не запретил ей навещать Ральфа — но Изабелла чувствовала, что, если кузен вскоре не уедет, это не заставит себя ждать. Но как бедный Ральф мог уехать? Погода этого не позволяла. Изабелла прекрасно могла понять, что муж с удовольствием бы ускорил это событие, — собственно, было совершенно невероятно, чтобы ему могло понравиться общение жены со своим кузеном. Ральф никогда не произнес об Озмонде дурного слова, но отношение того тем не менее имело под собой веские основания. Если Озмонд вмешается в ход событий, Изабелле придется принимать решение, — и это будет

нелегко. Стоило ей подумать об этом, сердце ее начинало сильно биться, а щеки — пылать. Порой в своем желании избежать открытого конфликта с мужем Изабелла принималась желать, чтобы Ральф отправился домой, даже рискуя своим здоровьем. И когда она ловила себя на этой мысли, ей становилось стыдно, она принималась ругать себя, называла себя слабой духом, трусливой, но это не приносило никакой пользы. Изабелла любила кузена ничуть не меньше, чем раньше, но готова была согласиться на все — лишь бы не отречься от самого своего серьезного поступка в жизни, от своих священных обязанностей жены. Будущее после прекращения исполнения этого священного долга казалось ей ужасным. Разорвать отношения с Озмондом один раз означало разорвать их навсегда — любое открытое проявление непримиримости явилось бы признанием, что попытка их совместной жизни потерпела полный крах. Для них не могло существовать ни компромиссов, ни примирений, ни формального благополучия — они пытались жить «изящно», и если им это не удалось, это означало полный крах: никакой замены не существовало.

Однако Изабелла по-прежнему ездила в «Отель де Пари» так часто, как считала нужным, — едва

ли нужны доказательства, что ее моральные принципы были тщательно ею продуманы. А сейчас она даже позволила себе отнестись к своему очередному походу либеральнее, чем когда-либо, — помимо стремления не оставить Ральфа на смертном одре одного, Изабелла хотела кое о чем спросить кузена, а это, в конце концов, касалось не только ее, но и Джилберта.

Она почти сразу заговорила с Ральфом об интересовавшем ее предмете.

— Я хочу, чтобы вы ответили мне на вопрос, — потребовала Изабелла. — Он касается лорда Уорбартона.

— Мне кажется, я знаю, о чем вы захотите спросить, — ответил Ральф. Он полулежал в своем кресле, и его ноги казались длиннее, чем обычно.

— Вполне возможно, — согласилась Изабелла. — Тогда ответьте, пожалуйста.

— О, я ведь не сказал, что могу ответить.

— Вы с лордом близкие друзья, — начала Изабелла, — а сейчас он постоянно на ваших глазах.

— Совершенно верно. И только представьте, как ему приходится притворяться!

— Почему ему приходится притворяться? Это не в его характере.

— Вы должны помнить, что обстоятельства довольно необычные, — весело проговорил Ральф.

— До определенной степени — да. Но лорд действительно влюблен?

— Думаю, очень. Это очевидно.

— О! — несколько суховато отозвалась Изабелла.

Ральф взглянул на кузину. К его веселому настрою едва заметно примешалась тень недоумения.

— Вы сказали это так, словно вас это расстроило.

Изабелла медленно поднялась, разглаживая свои перчатки и не отрывая от них взгляда.

— Вообще-то это не мое дело.

— Вы настроены философски, — произнес Ральф. — Могу я поинтересоваться, о чем идет речь?

Изабелла удивленно посмотрела на кузена.

— Я думала, вы знаете. Лорд Уорбартон сказал мне о своем желании жениться на Пэнси. Я говорила вам об этом раньше, но вы не потрудились высказать свое мнение. Сегодня можете рискнуть. Вы думаете, он действительно влюблен в девушку?

— В Пэнси? Нет! — решительно заявил Ральф.

— Но вы минуту назад подтвердили, что лорд влюблен!

Ральф помолчал, потом сказал:

— Он влюблен в вас, миссис Озмонд.

Изабелла торжественно покачала головой.

— Это совершенная глупость, и вы это прекрасно знаете.

— Разумеется. Но не моя, а Уорбартона.

— До чего же это скучно, — произнесла Изабелла, надеясь, что ее фраза прозвучала изысканно.

— Должен вам сказать, — продолжил Ральф, — что в разговоре со мной он это отрицал.

— Очень мило с вашей стороны, что вы это обсуждаете! Ну и что — лорд не говорил вам при этом, что влюблен в Пэнси?

— Он очень много говорил о ней… Очень хорошо отзывался. Конечно, Уорбартон намекнул, что ей было бы неплохо в Локли.

— Лорд действительно так думает?

— Ну, что на самом деле думает Уорбартон… — вздохнул Ральф.

Изабелла снова принялась разглаживать свои перчатки. Они были длинными, и потому хозяйке предоставлялось большое поле деятельности. Однако вскоре она снова подняла глаза и горячо воскликнула:

— Ральф, вы совсем не хотите помочь мне!

Впервые Изабелла заговорила вслух о том, что нуждается в помощи, и эти слова потрясли ее кузена. Он что-то пробормотал в ответ. В его голосе звучали облегчение, жалость, нежность. Ему показалось, что через разделявшую их с кузиной пропасть наконец-то перекинули мост, и он воскликнул:

— Как же вы, должно быть, несчастны!

Прежде чем Ральф успел еще что-то сказать, Изабелла взяла себя в руки и мгновенно решила притвориться, будто не слышала его последних слов.

— Обращаясь к вам за помощью, я поступаю просто глупо, — произнесла она, поспешно улыбнувшись. — Подумать только, беспокоить вас своими семейными проблемами! Все очень просто. Лорд Уорбартон должен действовать самостоятельно. Я не могу предпринять ничего, что могло бы ему помочь.

— Он должен легко добиться успеха, — сказал Ральф.

Изабелла на мгновение задумалась.

— Не знаю. Не всегда так было.

— Верно. Но вы знаете, как это меня удивило. А мисс Озмонд тоже способна преподнести нам

сюрприз?

— Скорее сюрприз будет с его стороны. Я подозреваю, что в конце концов он сам провалит дело.

— Но он никогда не позволит себе поступить непорядочно, — заметил Ральф.

— Конечно. Но ничто не будет более порядочно с его стороны, как оставить девочку в покое. Ей нравится один молодой человек, и разве не жестоко пытаться подкупить ее великолепным предложением?

— Жестоко по отношению к молодому человеку. Это возможно. Но Уорбартон не обязан думать о нем.

— Нет, жестоко по отношению к ней, — возразила Изабелла. — Девушка будет очень несчастна, если покорится и оставит бедного Розье. Эта идея, кажется, веселит вас. Конечно, не вы влюблены в него. У него есть одно несомненное достоинство — он любит Пэнси. А лорд Уорбартон — нет, и она это видит.

— Уорбартон был бы ей отличным мужем, — сказал Ральф.

— Он уже сейчас хорош с ней. К счастью, он не сказал ни слова, которое могло бы встревожить ее. И спокойно может прийти завтра и

попрощаться с Пэнси. А как к этому относится ваш муж?

— Отрицательно. И возможно, он прав. Только он сам должен заботиться о своих интересах.

— А он, конечно, поручил это вам? — рискнул поинтересоваться Ральф.

— Вполне естественно, что как старый добрый друг лорда Уорбартона я стала интересоваться его намерениями.

— То есть — не откажется ли он от своих намерений, вы хотите сказать?

Изабелла слегка нахмурилась.

— Не могу понять — вы его защищаете?

— Ни в коем случае. Я буду очень рад, что лорд не станет мужем вашей падчерицы. При этом возникла бы очень странная родственная связь между вами! — с улыбкой ответил Ральф. — Но я боюсь, как бы ваш муж не подумал, что вы оттолкнули Уорбартона.

Изабелла тоже смогла улыбнуться.

— Озмонд знает меня достаточно хорошо, чтобы ожидать, будто я кого-то оттолкну. Полагаю, сам он не имеет намерений отталкивать выгодного жениха. Я не боюсь, что мне не удастся оправдаться! — легко воскликнула она.

Маска на мгновение исчезла с лица Изабеллы,

но, к огромному разочарованию Ральфа, она снова надела ее — молодой человек успел бросить лишь мимолетный взгляд на истинное лицо кузины. Ральф страстно желал, чтобы Изабелла пожаловалась на мужа, призналась, что в случае отступничества лорда Уорбартона отвечать придется ей. Он был уверен, что именно в такой ситуации находилась кузина, инстинктивно чувствовал, какую форму в таком случае приобретет недовольство Озмонда — низкую и подлую. Ему хотелось предупредить Изабеллу, дать ей понять, что он все понимает и все может предугадать. Ему было не важно, что Изабелла сама знает все, — Ральфу больше всего на свете хотелось доказать свою проницательность. Он снова и снова хладнокровно пытался заставить кузину сказать правду об Озмонде, хотя и чувствовал себя при этом бесчувственным, грубым, почти бесчестным. Все равно это вряд ли имело какое-то значение, поскольку он не мог ничего добиться. Тогда зачем Изабелла пришла к нему и почему, казалось, была готова предложить молчаливый союз? Зачем она спросила у него совета, если не дала возможности ответить? Как они могли говорить о ее семейных проблемах, как она с юмором называла их, если основная причина так и не

была упомянута? Эти противоречия уже сами по себе свидетельствовали о том, что Изабелла несчастлива, — и ее крик о помощи никак не выходил из головы Ральфа.

— Боюсь, ваши надежды не оправдаются, — произнес он через мгновение.

Кузина ничего не ответила и смотрела на него, словно не понимая.

— Вот увидите — ваше взаимопонимание имеет границы, — продолжил Ральф.

— Этим грешит большинство супружеских пар.

Изабелла взяла свой зонтик. Ральф заметил, что она нервничала, опасаясь того, что он мог сказать дальше.

— Но по этому поводу мы вряд ли можем поссориться, — добавила она, — поскольку затронуты в основном его интересы. И это вполне естественно. Ведь Пэнси его дочь, а не моя.

Изабелла протянула Ральфу руку, собираясь уходить. Молодой человек принял решение не отпускать ее, пока она не поймет, что он догадался обо всем. Жаль было упустить такую прекрасную возможность.

— А знаете, что, исходя из этих его интересов, он скажет вам в конце концов? — спросил Ральф,

пожимая кузине руку.

Она покачала головой несколько холодно, но нерешительно, и молодой человек продолжил:

— Что ваше недостаточное усердие продиктовано ревностью.

Ральф замолчал. Лицо кузины испугало его.

— Ревностью?

— Ревностью к его дочери.

Изабелла вспыхнула, гордо вскинув голову.

— Вы бессердечны, — произнесла она голосом, который Ральф еще никогда не слышал.

— Будьте откровенны со мной — прошу вас, — сказал он.

Но Изабелла ничего не ответила, а только выдернула свою руку, несмотря на то что кузен хотел задержать ее, и быстро вышла.

Она решила поговорить с Пэнси и нашла такую возможность в тот же день, войдя в комнату девушки перед обедом. Пэнси была уже одета. Она всегда одевалась заранее. Это, казалось, иллюстрировало ее терпение и грациозное спокойствие, с которым она могла сидеть и ждать. Сейчас девушка сидела в новом платье перед камином. Закончив одеваться, она задула свечи, — Пэнси привыкла быть экономной с детства. Спальня освещалась только горящими в камине

поленьями. Комнаты в палаццо Рокканера были столь же просторны, как и многочисленны, и девичий будуар Пэнси представлял собой огромное помещение с тяжелыми деревянными балками под потолком. Его маленькая хозяйка казалась в нем мельчайшей пылинкой; когда она, приветствуя Изабеллу, встала, это впечатление даже усилилось — из-за застенчивой искренности Пэнси. Перед ее мачехой стояла сложная задача, и выполнить ее надо было с предельной простотой. Изабелла была в крайнем раздражении, но заставила себя скрыть это от Пэнси. Она даже боялась, что выглядит слишком строго и может напугать падчерицу. Но Пэнси, казалось, догадалась, что Изабелла пришла в некотором смысле в качестве исповедника, поскольку, придвинув кресло, в котором минуту назад сидела сама, поближе к огню и предложив его мачехе, она опустилась коленями на лежавшую на полу подушечку, подняла глаза и положила руки на колени Изабеллы. Больше всего Изабелле хотелось услышать от падчерицы, что ее мысли не заняты лордом Уорбартоном, но поскольку ей требовалось убедительное доказательство, она запретила себе каким-либо образом провоцировать Пэнси. Отец Пэнси квалифицировал бы это как вероломство,

и Изабелла решила, что если девушка выдаст хотя бы малейший признак своего расположения к лорду Уорбартону, обязанностью мачехи будет молчать. Изабелла медлила — простота и невинность Пэнси придавали самому безобидному вопросу характер предупреждения. Девушка в своем милом платьице стояла на коленях в тусклом свете камина, покорно сложив руки и устремив на Изабеллу серьезный взгляд. Она смотрела как мученица, назначенная для жертвоприношения и почти потерявшая надежду на спасение. Когда Изабелла сказала, что не говорила с ней о вещах, касающихся ее замужества, и что подобное молчание было продиктовано не равнодушием и безразличием, а только лишь желанием предоставить ей свободу, Пэнси подалась вперед, приближая свое лицо к Изабелле. Шепотом, очевидно, от сильного волнения, она высказала свое давнее страстное желание поговорить об этом, а также стала умолять ее дать совет.

— Мне трудно советовать, — ответила Изабелла. — Я не уверена, что могу взять на себя ответственность. Совет тебе должен дать твой отец, а ты должна его послушаться.

Пэнси опустила глаза и некоторое время мол-

чала.

— Мне бы хотелось получить совет от вас, а не от папы, — наконец прошептала она.

— Это неправильно, — сухо заметила Изабелла. — Я очень люблю тебя, но папа любит тебя еще сильнее.

— Дело не в вашей любви… дело в том, что вы женщина, — ответила Пэнси с очень серьезным видом. — Женщина может дать девушке лучший совет, чем мужчина.

— Тогда я советую тебе уважать волю отца.

— О да, — пылко согласилась Пэнси. — Я ее уважаю.

— Но если я говорю сейчас с тобой о замужестве, то не для тебя, а скорее для себя, — продолжила Изабелла. — Если я пытаюсь узнать от тебя, чего ты ждешь, каковы твои желания, то это потому, что только в этом случае у меня будет возможность действовать верно.

Пэнси взглянула на мачеху и очень быстро спросила:

— Вы выполните любое мое желание?

— Перед тем, как ответить «да», я должна знать это желание.

И Пэнси сказала ей, что больше всего хотела бы выйти замуж за мистера Розье. Он уже сделал

ей предложение, и она ответила, что согласится, если на то даст разрешение папа. Но он против.

— Ну, тогда это невозможно, — сказала Изабелла.

— Невозможно, — эхом отозвалась Пэнси. Выражение ее лица не изменилось.

— Значит, ты должна подумать о ком-то другом, — продолжила ее мачеха.

Девушка вздохнула и сказала, что предпринимала такие попытки, но безуспешно.

— Всегда думаешь о тех, кто думает о тебе, — произнесла она с печальной улыбкой. — Я ведь знаю, мистер Розье тоскует по мне.

— А он не должен этого делать, — наставительно проговорила Изабелла. — Твой папа решительно требует, чтобы он забыл тебя.

— Тут ничего нельзя сделать — мистер Розье знает, что и я думаю о нем.

— Ты не должна думать о нем. У него, возможно, есть какие-то оправдания, а у тебя — нет!

— Не могли бы вы подыскать хоть какое-нибудь для меня? — взмолилась девушка, словно обращаясь к Мадонне.

— Это было бы с моей стороны не слишком хорошо, — ответила Мадонна с необычной для нее суровостью. — Если бы ты знала, что кто-то

еще думает о тебе, стала бы ты думать об этом человеке?

— Не существует того, кто так бы тосковал по мне, как мистер Розье. Да никто и не имеет такого права.

— Но я не признаю этого права и за мистером Розье! — раздраженно воскликнула Изабелла.

Пэнси молча смотрела на мачеху — очевидно, она была озадачена. Воспользовавшись этим, Изабелла заговорила об ужасных последствиях неподчинения отцу. Девушка прервала ее, сказав, что никогда не ослушается его и не выйдет замуж без родительского благословения. А далее Пэнси совершенно спокойно заявила, что, если ей и не суждено выйти за мистера Розье, думать о нем она не перестанет никогда. Казалось, девушка смирилась с мыслью о вечном одиночестве, и Изабелла подумала, что Пэнси не понимает всего до конца. Пэнси говорила совершенно искренне и была готова оставить своего возлюбленного. Это могло бы быть серьезным шагом по направлению к другому человеку, но только не для Пэнси. Девушка не испытывала горечи по отношению к отцу. В ее сердце не было злобы, а лишь только нежная преданность мистеру Эдварду Розье и странное чувство — ей казалось, что она скорее

докажет свою верность Розье оставшись одинокой, чем выйдя за него замуж.

— Твой отец мечтает о более достойной партии для тебя, — заявила Изабелла. — Состояние мистера Розье не слишком велико.

— Что имеется в виду под «более достойной»? Значит, мистер Розье — все же достойная партия? Зачем мне гнаться за деньгами? К тому же у меня самой нет состояния.

— Вот именно поэтому, — сказала Изабелла. Она была рада, что в комнате царил полумрак, поскольку чувствовала, каким неискренним было сейчас выражение ее лица. Она делала это для Озмонда. Вот что приходится ей делать для Озмонда! Ее глаза встретились с грустными глазами Пэнси, и Изабелла слегка смутилась. Ей стыдно было подумать о том, что она словно признавала чувства девушки несущественными.

— Как я, по-вашему, должна поступить? — мягко спросила Пэнси.

Вопрос был страшен, и Изабелла малодушно увильнула от прямого ответа.

— Подумать о том, какую радость ты можешь принести папе.

— Выйти замуж за кого-то другого… если он попросит?

Изабелла на мгновение задержалась с ответом, затем в полной тишине услышала свои слова словно со стороны.

— Да… выйти за другого.

Взгляд Пэнси становился все более испытывающим. Изабелле показалось, что девушка засомневалась в ее искренности и потому поднялась с колен. Она застыла с опущенными руками и затем с тяжелым вздохом произнесла:

— Я надеюсь, никто не станет делать мне предложение!

— Этот вопрос уже возникал. Кое-кто уже готов сделать тебе предложение.

— Не думаю, что он готов, — сказала Пэнси.

— Так было бы… если бы он был уверен в успехе.

— Если бы был уверен? Тогда он не готов!

Изабеллу поразила эта мысль. Она тоже встала и стояла некоторое время, глядя в камин.

— Лорд Уорбартон оказывает тебе много внимания, — произнесла она. — Ты, конечно, понимаешь, что я говорю о нем.

Изабелла неожиданно почувствовала себя так, как будто бы ей надо было оправдываться, и потому заговорила куда более прямо, чем хотела сначала.

— Он очень любезен со мной. Он мне очень нравится, но если вы считаете, будто лорд сделает мне предложение, я думаю, вы ошибаетесь.

— Возможно. Но твоему отцу это бы очень понравилось.

Пэнси со слабой и мудрой улыбкой покачала головой.

— Лорд Уорбартон не станет делать мне предложение только ради того, чтобы доставить удовольствие папе.

— Твой папа хотел бы, чтобы ты пошла ему навстречу, — механически продолжила Изабелла.

— Что я должна делать?

— Не знаю. Твой отец сам должен сказать тебе это.

Пэнси молчала и вдруг улыбнулась — словно ее осенила приятная мысль.

— Мне кажется, что от лорда не может исходить опасность, — сказала она.

В ее словах прозвучала такая уверенность, что Изабелла почувствовала себя неловко. Она ощутила укол совести, и мысль о своей нечестности показалась ей отвратительной. Дабы восстановить самоуважение, Изабелла уже была готова заявить, что опасность существует и лорд Уорбартон дал ей об этом знать; но она этого не сделала,

а лишь смущенно заметила, что лорд — прекрасный и добрый человек.

— Да, он очень любезен, — согласилась Пэнси. — Этим он мне и нравится.

— Тогда зачем все так усложнять?

— У меня всегда создается впечатление, будто он знает то, что я не хочу… как вы это назвали? Пойти ему навстречу? Лорд знает, что я не стремлюсь выйти замуж, и хочет дать мне понять, что раз так, он не станет меня тревожить. Вот в чем состоит его доброта. Он словно говорит мне: «Вы мне очень нравитесь, но если вам это все равно, я никогда не скажу этого». Я думаю, это очень благородно. Это все, что мы сказали друг другу. Я ему безразлична. О, нет, в нем опасности нет!

Изабелла была тронута, став свидетельницей таких глубоких размышлений этого смиренного существа. Устрашившись мудрости Пэнси, она почти капитулировала перед ней.

— Ты должна сказать это отцу, — сдержанно сказала Изабелла.

— Не думаю, — отозвалась Пэнси.

— Он не должен питать ложные надежды.

— Возможно, это некрасиво, но для меня лучше, чтобы он их питал. Пока папа верит, что лорд Уорбартон намеревается поступать так, как вы

говорите, он не станет искать другую кандидатуру. И это даст мне преимущество, — спокойно сказала Пэнси.

Ее рассудительность была поразительна. Изабелла глубоко вздохнула — теперь всякая ответственность с нее снималась. Пэнси сама все прекрасно понимала, и Изабелла почувствовала, что ее помощь здесь не требовалась. Тем не менее мысль о том, что она должна быть на стороне Озмонда, все еще не давала ей покоя. Под ее влиянием она перед уходом высказала еще одно предположение — предположение, высказав которое, как ей казалось, она могла считать, что с ее стороны сделано все возможное.

— Твой папа считает само собой разумеющимся, что ты выйдешь замуж за аристократа.

Пэнси стояла на пороге двери и сделала шаг в сторону, пропуская мачеху.

— Мистер Розье — аристократ, — все тем же серьезным тоном произнесла она.

Глава 46

Лорда Уорбартона не видели в гостиной миссис Озмонд несколько дней, и Изабелла не могла не обратить внимания, что ее муж ничего не сказал о том, что от него было какое-то письмо. Она не могла не заметить также, что муж находился в состоянии ожидания, и, хотя ему было несвойственно выдавать свои чувства, было очевидно, что он с раздражением думал о том, что их замечательный друг заставляет себя слишком долго ждать. Вечером четвертого дня Озмонд наконец заговорил о его отсутствии.

— Что случилось с Уорбартоном? Почему он ведет себя как человек, скрывающийся от торговца, который пришел предъявить счет?

— Я ничего о нем не знаю, — ответила Изабелла. — Я видела его в прошлую пятницу на балу. Он сказал, что собирался написать тебе.

— Он этого не сделал.

— Я так и поняла, раз ты мне не сказал.

— Он странный тип, — сказал Озмонд и, не услышав ответа жены, продолжил выяснять, неужели его светлости требовалось пять дней,

чтобы написать письмо. — Лорд с таким трудом складывает из букв слова?

— Не знаю, — сказала Изабелла. — Я никогда не получала от него писем.

— Никогда? А я полагал, что одно время вы переписывались.

Изабелла ответила, что он ошибается, и переменила тему беседы. Однако на следующий день ее супруг возобновил разговор.

— Когда лорд Уорбартон сказал тебе о своем намерении написать мне, что ты ему ответила? — спросил он.

Изабелла в нерешительности молчала.

— Кажется, я посоветовала ему поспешить с этим.

— Тебе показалось, что есть опасность, что он не сделает этого?

— Как ты сам выразился, он странный тип.

— И все же он не сделал этого, — проговорил Озмонд. — Будь так добра, напомни ему.

— Ты хочешь, чтобы я ему написала? — поинтересовалась Изабелла.

— Не имею никаких возражений.

— Ты ждешь от меня слишком многого.

— О да, я жду от тебя очень многого.

— Боюсь, я тебя разочарую, — сказала Изабел-

ла.

— Мои ожидания не раз кончались разочарованием.

— Конечно, я знаю это. Но подумай, какие разочарования испытала я! Если тебе действительно хочется заполучить лорда Уорбартона, придется действовать самому.

Пару минут Озмонд молчал, затем произнес:

— Это будет нелегко. Ведь ты действуешь против меня.

Изабелла вздрогнула и напряглась. Озмонд имел привычку смотреть на нее из-под полуопущенных век, словно думая, что она этого не видит. В этом его взгляде Изабелле чудилось что-то оскорбительное — казалось, муж покорялся неизбежной необходимости думать о ней, но видеть ее было ему неприятно. Именно так он выглядел сейчас.

— Похоже, у тебя есть против меня какие-то серьезные обвинения, — проговорила Изабелла.

— Я обвиняю тебя в том, что тебе нельзя доверять. Если лорд не доведет дело до конца, то только потому, что ты удержишь его. Не знаю, насколько осознанно; женщины вытворяют такие вещи не задумываясь. Я не сомневаюсь, что ты все прекрасно понимаешь.

— Я уже говорила тебе, что сделаю все, что в моих силах, — ответила Изабелла.

— Да, и тем самым выиграла время.

После этих слов Изабеллу внезапно пронзила мысль: а ведь когда-то Озмонд казался ей прекрасным человеком.

— Как же тебе хочется заполучить лорда! — вырвалось у нее.

Едва высказав это, она поняла тайный смысл своих слов, хотя, начав говорить, еще этого не понимала. Эти слова проводили грань между нею и Озмондом — они словно указывали ему, что она-то держала в руках это сокровище, но сочла возможным его выпустить из рук. На миг ликование охватило ее — отвратительный восторг от сознания того, что ей удалось ранить Озмонда, ибо выражение его лица свидетельствовало о том, что смысл ее слов не ускользнул от него. Однако Озмонд сдержал себя и сказал только:

— Да, я хочу заполучить его.

В это время вошел дворецкий, чтобы объявить о госте, но лорд Уорбартон уже шел вслед за ним. Увидев Озмонда, он на мгновение остановился и быстро перевел взгляд с хозяина дома на хозяйку — движение, которое, казалось, свидетельствовало о нежелании прерывать их беседу или вникать

в накаленную, что было очевидно, ситуацию. Затем лорд снова двинулся вперед. Его легкая застенчивость казалась неотъемлемой частью его чисто английской благовоспитанности.

Озмонд был смущен и не мог ничего сказать, но Изабелла сразу взяла себя в руки и заявила, что они как раз говорили о нем. После чего муж ее добавил, что они гадали, куда он пропал, и забеспокоились, не уехал ли он.

— Нет, — с улыбкой ответил лорд Уорбартон, глядя на Озмонда. — Я только собираюсь уезжать.

И он объяснил, что его неожиданно вызвали в Англию, и завтра утром он возвращается на родину.

— Хотя мне очень жаль оставлять бедного Тачетта! — воскликнул в завершение лорд.

Несколько мгновений оба его собеседника молчали. Озмонд не говоря ни слова откинулся на спинку кресла. Изабелла не смотрела на него — она ясно представляла себе, как он выглядит. Ее взгляд был прикован к лицу лорда Уорбартона, однако его светлость опустил глаза. Изабелла не сомневалась: если бы их взгляды встретились, они были бы очень красноречивы.

— Вам лучше было бы взять бедного Тачетта с

собой, — услышала она спустя мгновение слова мужа, сказанные довольно непринужденным тоном.

— Ему лучше дождаться более теплого времени, — ответил лорд Уорбартон. — Я бы не посоветовал ему ехать сейчас.

Он пробыл в гостях четверть часа, разговаривая так, словно не собирался встречаться с ними вскоре снова — разве что они сами не соберутся в Англию. Лорд искренне советовал совершить эту поездку. Почему бы им не приехать в Англию осенью? Они могли бы провести у него целый месяц — он был бы рад. Озмонд, по его собственному признанию, был в Англии лишь один раз и потому толком и не знал ее. Ему обязательно следовало познакомиться с ней поближе. Затем лорд Уорбартон спросил у Изабеллы, помнит ли она, какое чудесное время провела в Англии и не хотелось бы ей еще раз увидеть Гарденкорт? Это по-настоящему прекрасное место. Тачетт не очень следит за ним, но даже в запустении Гарденкорт по-прежнему хорош. Почему бы им не навестить там Тачетта? Ведь он наверняка уже приглашал их. Разве нет? Вот невежа! И лорд Уорбартон обещал устроить хозяину Гарденкорта хорошенький нагоняй. Конечно, это

не нарочно. Молодой человек будет рад гостям. Проведя месяц с Тачеттом и месяц с ним самим, познакомившись с местным обществом, супруги хорошо узнают страну, и она им понравится. Лорд Уорбартон добавил, что поездка понравится и мисс Озмонд, которая говорила ему, что ни разу не была в Англии. Сам он советовал девушке обязательно посмотреть ее. Конечно, чтобы ею восхищались, не обязательно ехать в Англию — она будет вызывать восхищение всюду, где только появится. Но в Англии ее точно ожидает успех.

Затем лорд спросил, дома ли девушка и мог ли он с ней попрощаться? Вообще-то он ненавидит прощания и всегда старается избегать их. Уезжая из Англии последний раз, он ни с кем не стал прощаться. Ему и Рим хотелось покинуть, не тревожа миссис Озмонд. Что может быть более скучным, чем прощание? С одной стороны, никогда и не вспомнишь, о чем же хотел сказать, и только после, чуть ли не через час, к тебе приходят нужные мысли. С другой стороны, говоришь массу вещей, которые говорить вовсе не стоило бы, — только оттого, что надо же что-то говорить. Это ощущение сбивает с толку, заставляет нервничать — вот точь-в-точь именно это лорд в данную ми-

нуту и испытывал. Если миссис Озмонд находит сейчас его слова неподходящими моменту, она должна как раз отнести их на этот счет. Прощаться с миссис Озмонд нелегко. Ему так жаль, что необходимость заставляет его уехать. Сначала он даже хотел не приезжать, а написать ей… но он напишет ей в любом случае и расскажет обо всем том, что наверняка придет ему в голову после того, как он покинет их дом. И пусть они не забудут серьезно подумать о его приглашении.

Если было что-то неловкое в обстоятельствах визита лорда Уорбартона или в его объявлении об отъезде, то наружу это не вышло. Лорд говорил о своем волнении, но никак не проявил его, и Изабелла видела: раз уж он решил отступить, то сделает это безупречным образом. Она была очень рада за него. Лорд ей нравился, и она желала ему с успехом вынести это испытание. Это не могло быть иначе — просто потому, что лорд был человеком успешным по своему факту рождения, и Озмонд ничего тут не мог поделать. В голове Изабеллы же все это время шла сложная двойная работа мысли. Она слушала лорда Уорбартона, отвечала ему, более-менее удачно прочла все то, что он хотел сказать между строк, и представляла, как бы он говорил все это, если бы был с ней

наедине. Одновременно она очень ясно представляла себе ощущения Озмонда. Ей было почти жаль его. Он испытывал острую боль утраты, которую нельзя было облегчить проклятиями. На его глазах его страстная мечта превращалась в дым, а ему приходилось сидеть и улыбаться! Озмонда невозможно было упрекнуть в том, что его улыбка была чересчур яркой, и, разговаривая с Уорбартоном, ему удавалось сохранить на своем умном лице хладнокровное выражение. Собственно, его главный талант и состоял в том, что он в любой момент оставался неуязвим, — и точно так же сейчас он ничем не выдал своего разочарования. Чем более страстным было его желание, тем менее кто-либо мог прочесть это на его лице — в этом был весь Озмонд. Он с самого начала настроился заполучить лорда Уорбартона в зятья, но никогда не позволял прочесть на своем лице нетерпение и обращался с английским пэром, как с любым другим человеком, — с таким видом, будто проявляет к нему интерес только ради его, а никак не собственного удовольствия. Озмонд ни за что не позволил бы своей ярости — ярости от того, что такая блестящая возможность была упущена, — вырваться наружу. Изабелла была в этом уверена, и, как ни странно, ей это при-

несло удовлетворение. Она желала, чтобы лорд Уорбартон был триумфатором, и в то же время — чтобы Озмонд при этом выглядел достойно.

Озмонд и впрямь был достоин восхищения. Он, как и гость, имел привычку, вошедшую «в плоть и кровь». Это, однако, не была привычка к успеху, как у лорда Уорбартона, — а привычка ничего не предпринимать для того, чтобы успеха достигнуть. Откинувшись на спинку кресла, рассеянно слушая дружеские предложения и сдержанные объяснения лорда — было вполне естественно предположить, что они предназначались главным образом его супруге, — Озмонд испытывал удовлетворение по крайней мере от того (а что ему еще оставалось?), с каким достоинством воспринял он новость, и как его равнодушный вид — единственно возможный в данный момент — доказывал его абсолютную свободу от каких бы то ни было притязаний. Происходящее требовало вести себя так, словно отъезд гостя совершенно его, Озмонда, не касался. Лорд, со своей стороны, превосходно справился с ситуацией, но игра Озмонда была ничуть не хуже и выглядела совершенной. К тому же положение лорда Уорбартона было более простым — отбытие из Рима домой было вполне естественным. Он не

брал на себя никаких обязательств и поэтому не мог скомпрометировать себя — честь его была безупречна. Озмонд внешне не проявил особого интереса ни к предложению приехать в Англию, ни к высказанной гостем мысли, что Пэнси эта поездка может оказаться очень полезной. Он пробормотал что-то в знак признательности, но предоставил право Изабелле сказать, что подобное мероприятие требовало серьезных размышлений. И, произнося эти слова, Изабелла совершенно ясно представила себе, какая перспектива открылась сейчас в воображении мужа. И в центре ее находилась Пэнси.

Лорд Уорбартон попросил предоставить ему возможность попрощаться с девушкой, но ни Изабелла, ни Озмонд даже не пошевелились, чтобы послать за ней. Гость всячески старался показать, что его визит будет коротким — он сел не в кресло, а на стул и все время держал шляпу в руках.

Но время шло, а лорд все не уходил. Изабелла спрашивала себя, чего он ждал — не встречи же с Пэнси, ей казалось, что для него предпочтительней было с Пэнси как раз и не встречаться. Конечно, ему захотелось остаться наедине с ней, Изабеллой, — он хотел ей что-то сказать наедине.

Изабелла не имела большого желания выслушивать его, поскольку боялась объяснений, — она могла совершенно спокойно обойтись без них. Наконец Озмонд поднялся — с видом воспитанного человека, который понял, что столь упорно чего-то ждущий гость хотел остаться наедине с дамами.

— До обеда мне нужно написать письмо, — сказал он. — Прошу прощения. Я посмотрю, не занята ли дочь, и пришлю ее сюда. Если приедете в Рим, мы всегда вам рады. О поездке в Англию с вами поговорит моя жена — она сама решает подобные вопросы.

Легкий наклон головы вместо рукопожатия, которым Озмонд закончил свою небольшую речь, вероятно, был довольно скромным знаком прощания, но вполне соответствовал ситуации. Изабелла подумала, что после ухода супруга из комнаты у лорда Уорбартона не появится повода спросить: «Ваш муж очень рассердился?» — что было бы ей очень неприятно. Тем не менее, если бы гость сказал это, она ответила бы: «О, не тревожьтесь. Он ненавидит не вас, а меня!»

Только когда они остались вдвоем, лорд обнаружил признаки неловкости — он пересел в кресло и повертел в руках два-три предмета, которые

валялись рядом на столике.

— Надеюсь, он пришлет сюда мисс Озмонд, — наконец заметил лорд Уорбартон. — Мне очень хотелось бы ее увидеть.

— Я рада, что это — в последний раз, — сказала Изабелла.

— Я тоже. Я ей безразличен.

— Да, вы ей безразличны.

— Ничего удивительного, — произнес лорд Уорбартон и неожиданно добавил: — Так вы приедете в Англию?

— Думаю, не стоит.

— Но вы должны приехать. Помните, вы уже однажды обещали приехать в Локли, но так и не собрались?

— Все с тех пор изменилось, — ответила Изабелла.

— Изменилось — но ведь не к худшему же, правда? А видеть вас под крышей моего дома будет для меня большой радостью…

Она боялась объяснений, но этим все и ограничилось. Они поговорили немного о Ральфе, и через некоторое время в гостиную вошла Пэнси, уже одетая к обеду. На ее щеках горел румянец. Она протянула руку лорду Уорбартону и посмотрела на него с застывшей улыбкой. Изабелла

знала эту улыбку. Она являлась признаком едва сдерживаемых слез.

— Я уезжаю, — произнес лорд. — Хотел с вами попрощаться.

— До свидания, лорд Уорбартон. — Голос девушки слегка дрожал.

— Хочу пожелать вам счастья.

— Спасибо, лорд Уорбартон, — ответила Пэнси.

Лорд на секунду замешкался и взглянул на Изабеллу.

— Вы должны быть счастливы… У вас есть ангел-хранитель.

— Конечно, я буду счастлива, — сказала Пэнси тоном человека, который и мысли не допускает о другом повороте событий.

— Такая убежденность очень вам поможет. Но если когда-нибудь она вам изменит, помните… помните… — Лорд запнулся. — Думайте иногда обо мне.

Он смущенно рассмеялся, молча подал руку Изабелле и, наконец, ушел.

После ухода гостя Изабелла ожидала от падчерицы, что та разрыдается, но Пэнси повела себя совсем по-другому.

— Я думаю, мой ангел-хранитель — это вы! — радостно выпалила она.

Изабелла покачала головой.

— Никакой я не ангел. Я просто твой друг.

— Но очень хороший друг! Это ведь вы попросили папу быть со мной милосердным?

— Я ни о чем не просила твоего папу, — удивленно ответила Изабелла.

— Он велел мне спуститься в гостиную и очень нежно поцеловал.

— О! — вздохнула Изабелла. — Это полностью его идея!

Она все прекрасно поняла — сей поступок был весьма характерным для мужа. Даже с Пэнси он держался так, чтобы не выдать себя.

В тот день они обедали в гостях, а после обеда отправились развлекаться, так что Изабелла осталась с супругом наедине лишь только поздно вечером. Когда Пэнси поцеловала его перед тем, как отправиться спать, он необыкновенно сердечно обнял дочь, и Изабелла подумала, уж не решил ли Озмонд заняться разыгрыванием сцен, наводящих Пэнси на мысль, что причина ее страданий — исключительно коварство мачехи. Изабелла направилась было вслед за Пэнси, но Озмонд попросил ее задержаться — ему нужно было ей что-то сказать. Он несколько раз прошелся по гостиной, а Изабелла ждала, не снимая

плаща.

— Не понимаю, чего ты хочешь добиться, — проговорил наконец Озмонд. — Мне хотелось бы знать… чтобы я мог что-то предпринять.

— Сейчас я хочу только пойти и лечь спать. Я очень устала.

— Присядь и отдохни. Я не задержу тебя надолго. Не здесь… сядь на более удобное место. — Он указал на множество подушек, в живописном беспорядке разбросанных на диване. Однако Изабелла не воспользовалась его предложением, а опустилась в ближайшее кресло. Огонь в камине погас, в огромной комнате горело лишь несколько свечей. Изабелла поплотнее завернулась в свой широкий плащ — она сильно замерзла.

— Думаю, ты пытаешься унизить меня, — продолжил Озмонд. — Нет ничего абсурднее этого намерения.

— Я совершенно не понимаю, что ты имеешь в виду, — отозвалась Изабелла.

— Ты разыграла отличную партию и устроила все просто превосходно.

— Что я устроила?

— Но тебе не все удалось. Мы увидим его снова.

Озмонд остановился перед женой, держа руки в

карманах и задумчиво глядя на нее, словно давая ей понять, что если она и занимает его мысли, то исключительно как досадное обстоятельство происходящего вокруг.

— Если ты думаешь, что лорд Уорбартон должен вернуться, то глубоко заблуждаешься, — сказала Изабелла. — У него нет никаких обязательств.

— Это мне и не нравится. Но сказав, что мы его еще увидим, я не имел в виду, будто он вернется из чувства долга.

— Больше ничто не заставит его вернуться. Думаю, Рим ему уже надоел.

— О, нет, аргумент слабый. Рим не может надоесть. — И Озмонд снова начал прогуливаться по гостиной. — Но время есть. Поездка в Англию — неплохая идея. Если бы не опасение встретить там твоего кузена, я попытался бы уговорить тебя.

— Вполне возможно, что ты не встретишь там моего кузена, — сказала Изабелла.

— Хотелось бы быть уверенным. С другой стороны, мне хотелось бы увидеть его дом, о котором ты когда-то так много мне рассказывала. Как ты его называешь? Гарденкорт? Должно быть, очаровательное место. И к тому же, как ты знаешь, я чту память твоего дяди. Своими рассказами о

нем ты произвела на меня неизгладимое впечатление. Мне хотелось бы посмотреть, где он жил и умер. Однако это не главное. Твой друг был прав — Пэнси должна увидеть Англию.

— Не сомневаюсь, что она ей понравится, — заметила Изабелла.

— Но ждать долго. Осень еще далеко, — продолжил Озмонд. — И в то же время существуют вещи, которые гораздо более нас касаются. Скажи-ка, ты что, считаешь меня непомерно гордым? — вдруг спросил он.

— Я считаю тебя очень странным.

— Ты меня не понимаешь.

— Увы, нет — даже когда ты меня оскорбляешь.

— Я тебя не оскорбляю. Я на это не способен. Я просто упоминаю определенные факты, и, если разговор о них причиняет тебе боль, в том нет моей вины. А один из фактов заключается в том, что все это в твоих руках.

— Ты снова о лорде Уорбартоне? — спросила Изабелла. — Я очень устала слышать его имя.

— Ты еще много раз услышишь его, пока мы покончим с этим делом.

И вдруг Изабелла почувствовала, как боль отпустила ее, — ей стало вдруг все безразлично.

Он падал все ниже и ниже в ее глазах — и у нее просто голова от этого кружилась, но что с того? Он был слишком странным, слишком «другим» и больше не мог задеть ее. Его поведение было столь отвратительным, что Изабелле стало любопытно, как сам-то он оценивал себя.

— Так тебе нечего больше сказать мне? Или я ошибаюсь? — спросила Изабелла. — Ну а мне хотелось бы услышать, в чем ты меня обвиняешь.

— В том, что ты отговариваешь Пэнси выйти замуж за Уорбартона. Разве это не ясно?

— Наоборот, я очень заинтересована в этом. Я уже говорила тебе, и когда ты сказал, что рассчитываешь на меня — кажется, ты именно так сказал? — я приняла на себя некие обязательства. Это было довольно глупо с моей стороны — но я сделала это.

— Ты притворялась, даже сделала вид, будто тебе не хочется вмешиваться в это дело, — чтобы я доверился тебе. А затем стала хитроумно убирать его с дороги.

— Кажется, я тебя поняла, — сказала Изабелла.

— Где то письмо, которое он должен был прислать мне? — спросил ее муж.

— Понятия не имею. Я его не спрашивала.

— Ты не дала лорду послать его, — заявил Оз-

монд.

Изабелла медленно поднялась и гордо выпрямилась — в своем белом плаще-накидке, укрывавшем ее с головы до ног, она вся выражала Презрение, а оно, как известно, ближайший родственник Жалости…

— Боже мой, Озмонд, ты ли это? Ты, который был так прекрасен? — уронила она.

— Я никогда не был для тебя прекрасным! Ты всегда поступала так, как хотела. Ты тайно убрала лорда с дороги, а меня поставила в такое положение, в котором тебе угодно было меня видеть, — в положение человека, который надеялся выдать дочь за аристократа и потерпел поражение.

— Пэнси равнодушна к нему. Она очень рада, что лорд уехал! — сказала Изабелла.

— Это не имеет никакого отношения к делу.

— И лорд равнодушен к Пэнси.

— Неправда! Ты говорила мне обратное! Не знаю, почему ты захотела восторжествовать надо мной именно в этом вопросе. Могла бы выбрать любой другой. Мне кажется, что я не позволял себе быть дерзким и многое воспринимал как само собой разумеющееся. Я был очень скромен. Идея принадлежала не мне! Лорд начал выражать свою симпатию к Пэнси еще до того, как я

подумал об этом. И я все поручил тебе.

— Да, ты был рад все свалить на меня. Теперь тебе придется заботиться обо всем самому.

Озмонд некоторое время молча смотрел на жену, потом отвернулся.

— Я думал, ты любишь мою дочь.

— Да, и чем дальше, тем больше.

— Твоя любовь не безгранична. Впрочем, это вполне естественно.

— Это все, что ты хотел сказать мне? — спросила Изабелла, взяв с одного из столов свечу.

— Ты удовлетворена? Я достаточно разочарован?

— Не думаю, что ты слишком разочарован. У тебя осталась лазейка.

— Дело не во мне. Главное, что у Пэнси все же остался шанс попасть в высшее общество.

— Бедняжка Пэнси! — вздохнула Изабелла и со свечой в руке двинулась вон из гостиной.

Глава 47

Изабелла узнала о приезде в Рим Каспара Гудвуда от Генриетты Стэкпол — это произошло через три дня после отъезда лорда Уорбартона, а этому событию предшествовало еще одно, небезразличное для Изабеллы — мадам Мерль временно покинула Рим и отправилась в Неаполь погостить у подруги, счастливой обладательницы виллы в Посилиппо. Мадам Мерль постепенно перестала содействовать счастью Изабеллы, которая наконец стала задумываться, не является ли эта самая здравомыслящая женщина в мире и самой опасной. Иногда по ночам перед ней возникали странные видения. Окутанные дымкой, так, что она едва могла их различить, перед ней проносились Озмонд и мадам Мерль. Изабелле стало казаться, что та не была с ней до конца откровенна и утаивала нечто важное. Ее воображение стремилось распознать, что это, но все заканчивалось приступом непонятного страха; поэтому когда мадам Мерль уезжала из Рима, Изабелла испытывала облегчение.

Итак, она узнала от мисс Стэкпол, что Каспар

Гудвуд приехал в Европу — та написала ей об этом сразу же, как только встретилась с молодым человеком. Сам он никогда не писал Изабелле, и ей казалось вполне вероятным, что он не захочет увидеться с ней. Их разговор перед тем, как она вышла замуж, свидетельствовал о полном разрыве — насколько Изабелла помнила, он сказал ей тогда, что они видятся в последний раз. С тех пор он являлся самым неприятным воспоминанием ее юности — единственным, которое неизменно причиняло боль.

Их встреча тогда была как столкновение двух кораблей среди бела дня — когда не было ни тумана, ни подводного течения, чем бы можно было объяснить происшедшее. И потому это ввергло Изабеллу в состояние шока. Изабелла была уверена, что искусно управляет штурвалом, — а судно Каспара врезалось в нос ее корабля, нанесло мощный удар по ее корпусу, и — чтобы сравнение было полным — удар был настолько сильным, что долго давал о себе знать — ее легкое суденышко до сих пор время от времени от этого поскрипывало. Ей не слишком хотелось его видеть — он был единственным человеком, которому, это было для нее очевидно, она причинила зло; она сделала его несчастным и ничего

не могла с этим поделать. Несчастье Гудвуда было реальностью. Изабелла рыдала после его ухода, сама не зная почему, но убедила себя, что от его неделикатности. Каспар пришел к ней со своим горем в тот момент, когда она была столь счастлива, — и сделал все возможное, чтобы затенить лучи чистого света. Он не был излишне настойчив — и все же от него исходило какое-то давление. Возможно, это было лишь оправданием ее слез и переживаний, которые длились еще три или четыре дня. Затем впечатление от визита Каспара Гудвуда постепенно потускнело, и в течение первого года семейной жизни молодой человек почти совершенно не занимал ее мысли. Было неприятно думать о человеке, который из-за тебя был несчастен и которому ты не могла ничем помочь. Другое дело, если бы Изабелла могла хоть чуть-чуть сомневаться в его несчастье, как позволяла себе в отношении лорда Уорбартона. Но, к сожалению, Изабелла верила Каспару, а его агрессивность и бескомпромиссность делала ситуацию отталкивающей. Чем он, в отличие от ее английского поклонника, мог уж так быть вознагражден? Не новой же фабрикой по переработке хлопка — в глазах Изабеллы подобные вещи не имели особой цены… А что

у него было кроме этого, она не знала. Вот сила духа у него точно была. Он расширял и укреплял свой бизнес, и это, по мнению Изабеллы, была единственно возможная точка приложения его сил; он делал это ради самого бизнеса, а не для того, чтобы забыть о прошлом. Это придавало его облику некую незащищенность и унылость, из-за которых встреча с ним была бы опять чем-то вроде шока — в Гудвуде не было того глянца, который многое смягчает в отношениях светских людей. Более того, абсолютное молчание Гудвуда, тот факт, что Изабелла не получала ни от него, ни о нем никаких вестей, лишь усиливал впечатление полного его одиночества.

Изредка она спрашивала у Лили о нем, но сестра ничего не знала о том, что происходит в Бостоне, — ее жизненные интересы ограничивались пределами Манхэттена. С годами Изабелла все чаще и почти без осуждения стала думать о Каспаре — несколько раз ей даже хотелось написать ему. Она никогда не рассказывала о нем мужу, не упомянув Озмонду и о его визите во Флоренцию. Это было продиктовано вовсе не желанием держать все в секрете от супруга — просто она считала, что не вправе говорить о личных делах Гудвуда. Изабелла считала, что

не очень-то красиво выдавать чужую тайну; да и с какой стати Озмонда бы могли интересовать чувства Гудвуда? В конце концов, Изабелла так и не написала Каспару. Ей казалось, что этого ей уж никак не следовало делать, учитывая то, что она нанесла ему обиду. Тем не менее ей хотелось бы каким-то образом быть ближе ему. Конечно, Изабелле никогда не приходило в голову, будто она могла бы выйти за него. Даже когда последствия ее замужества стали ей очевидны, она никогда не думала об этом. Но, почувствовав себя несчастной, Изабелла как бы вошла в его круг. Я уже отмечал, как страстно Изабелла желала ощущать, что ее горести посланы ей не в наказание за ее собственные поступки. Она не опасалась смерти, но все же хотела жить в согласии с миром и привести свои духовные дела в порядок. Время от времени ей казалось, что у нее остался долг перед Каспаром Гудвудом, и этот долг следовало вернуть как раз сейчас, чтобы облегчить ему жизнь. Но, узнав о его приезде в Рим, она испугалась. Ему было бы более неприятно, чем кому-либо другому, узнать, что она несчастна, — в глубине души Изабелла чувствовала, что Каспар отдал бы ради ее счастья все, в то время как другие вряд ли были бы способны на это. Придется и от него

скрывать, что ей не по себе. Однако, приехав в Рим, мистер Гудвуд несколько дней не приезжал с визитом — и она успокоилась.

Что касается Генриетты Стэкпол, то она, естественно, не заставила себя ждать — и Изабелла много времени проводила в обществе подруги. Теперь, когда Изабелла стала особенно заботиться о чистоте своей совести, она таким образом стремилась доказать себе, что отнюдь не была поверхностной натурой, — ибо пролетевшие годы скорее обострили, чем свели на нет те странности Генриетты, которые с юмором критиковались людьми не столь заинтересованными, как Изабелла. Теперь они, эти черты, приняли уж совсем героический оттенок. Генриетта осталась такой же резковатой, энергичной и любознательной, как прежде, и почти такой же подтянутой, веселой и откровенной. Ее взгляд не потерял и доли искренности, в одежде ее по-прежнему сохранялась опрятность, а высказывания по-прежнему благоухали сугубо национальным ароматом. И все же нельзя было сказать, что мисс Стэкпол совершенно не изменилась. Изабелла заметила, что подруга стала не такой четкой, как прежде, — будто бы ее мучило какое-то беспокойство. Раньше за ней подобного не замечалось — хотя Генриет-

та всегда находилась в движении, трудно было найти более осмотрительного человека; на все, что она делала, она могла привести множество причин. Тогда мисс Стэкпол приезжала в Европу, чтобы посмотреть континент, — но сейчас у нее уже не могло быть такого мотива. Впрочем, она и не стала притворяться, будто интерес к пришедшим в упадок цивилизациям имел какое-то отношение к ее нынешней поездке. Это было скорее выражением независимости от Старого Света, чем чувство преклонения перед ним.

— В Европу приезжать совершенно незачем, — сказала Генриетта Изабелле. — Что тут делать? Гораздо лучше оставаться дома. Это более важно.

Следовательно, ее очередное паломничество в Рим не было продиктовано чувством чего-то важного. Она много раз видела этот город, тщательно обследовала его, и нынешний приезд являлся всего лишь знаком того, что теперь она, как любой другой человек, имеет право приезжать сюда просто так. Итак, все было прекрасно, но Генриетта почему-то была беспокойна. Впрочем, на это она имела право. У нее была серьезная причина приехать в Рим — Изабелла сразу догадалась о ней и оценила преданность подруги — посреди зимы пересечь океан, догадавшись

о том, что у Изабеллы тяжело на душе! Она и раньше была прозорлива, но никогда ее догадка не попадала так точно в цель, как на этот раз. У Изабеллы теперь редко появлялись причины для радости, но даже если бы это происходило чаще, ей все равно было бы приятно, что она не зря так высоко ценила Генриетту. Не то чтобы Изабелла не видела ее недостатков, но она знала: в любом случае это для нее дорогой человек. Но дело было даже не в этом. Наконец появился кто-то, с кем она смогла поделиться тем, что у нее на душе, и ей стало легче. Перед Изабеллой был не Ральф, не лорд Уорбартон, не Каспар Гудвуд — а женщина, сестра…

Генриетта без малейшего промедления все поняла и без обиняков заявила — Изабелла изменилась, Изабелла стала выглядеть просто жалкой.

— Да, я жалкая, — согласилась Изабелла, стараясь произнести это как можно бесстрастнее. Ей был ненавистен собственный голос, несмотря на все старания придать ему рассудительности.

— Что он с тобой делает? — спросила Генриетта, нахмурившись так, словно выясняла подробности действий шарлатана от медицины.

— Ничего. Но я ему не гожусь.

— Положим, ему трудно угодить! — воскликнула мисс Стэкпол. — Почему ты его не оставишь?

— Я не могу изменить существующую ситуацию таким образом, — ответила Изабелла.

— Почему, хотелось бы мне знать? Не хочешь признать, что совершила ошибку? Ну и гордячка!

— Не знаю, гордячка я или нет, но я не могу придать огласке свою ошибку. Это недостойно. Я скорее умру.

— Ты не всегда будешь так думать, — заметила Генриетта.

— По-моему, всегда — не знаю, что должно произойти, чтобы я изменила свое мнение. Я вышла за него замуж открыто и по своей воле, хорошо обдумав то, что я делаю. Как же можно это вдруг изменить?

— Почему нет? Ведь ты же изменилась? И сильно. Надеюсь, ты не хочешь упорствовать в том, что любишь его?

Изабелла несколько секунд молчала.

— Нет, я его не люблю. Я рада сказать тебе об этом, потому что уже измучилась держать все в себе. Но довольно. Больше ни слова.

Генриетта от души рассмеялась.

— А ты не слишком ли деликатна?

— Я деликатна по отношению к себе, а не к нему! — ответила Изабелла.

Неудивительно, что Джилберт Озмонд не испытывал удовольствия в присутствии мисс Стэкпол. Его инстинкт подсказал ему, что американка была способна дать Изабелле не слишком приятные для него советы. Когда она приехала в Рим, Озмонд выразил надежду, что журналистка не станет особенно докучать им. Изабелла ответила, что ему совершенно незачем этого опасаться. Она откровенно сказала подруге о неприязни, которую испытывал к ней Озмонд, и добавила, что не сможет приглашать ее на обед, но это не помешает им видеться. Изабелла спокойно принимала мисс Стэкпол в своей гостиной и постоянно брала ее кататься в карете вместе с Пэнси. Девушка, наклонившись немного вперед на противоположном сиденье экипажа, просто поедала глазами знаменитую журналистку. Генриетта пожаловалась подруге, что мисс Озмонд ее стесняет: у нее такой вид, будто она хочет запомнить каждое слово.

— Я не хочу, чтобы меня запоминали таким образом, — сказала мисс Стэкпол. — Я считаю, что мои высказывания, как и утренние газеты, относятся только к настоящему моменту. Твоя

падчерица словно собирает все старые номера, чтобы однажды вытащить их и использовать против меня!

Она не могла заставить себя более снисходительно относиться к Пэнси, чья безынициативность, молчаливость, отсутствие каких-либо требований казались ей неестественными для двадцатилетней девушки и даже безобразными. Изабель вскоре заметила, что Озмонд недоволен: ему было бы приятно немного помучить ее из-за подруги, отказываясь принимать Генриетту и объясняя это отсутствием у той хороших манер. Но безоговорочное согласие жены сбило его с толку. Выражая презрение, невозможно одновременно выказывать людям свое доброе отношение и гордиться этим. Озмонд держался за свою правоту и в то же время не желал отказаться от своих возражений — и примирить эти два желания было невозможно. Ему бы хотелось, чтобы мисс Стэкпол пришла раза два на обед в палаццо Рокканера, а он дал ей понять (несмотря на всю свою внешнюю любезность), как мало удовольствия он от этого визита испытывал. Но поскольку обе дамы оказались такими неуступчивыми, джентльмену оставалось только мечтать, чтобы Генриетта побыстрее сама убра-

лась подобру-поздорову. Удивительно, как ему не нравились все друзья Изабеллы. Озмонд выбрал момент, чтобы обратить внимание жены на это.

— Тебе определенно не везет с друзьями. Мне бы хотелось, чтобы ты завела новые знакомства, — сказал он однажды утром без видимого повода, но таким тоном, словно это была созревшая мысль, которая лишала сие неожиданное замечание его резкости. — Ты будто специально собираешь вокруг себя людей, с которыми у меня нет ничего общего. Твоего кузена я всегда считал самонадеянным ослом. Досадно, что никто не может указать ему на это. Все вокруг должны заботиться о его здоровье. А по мне, так ему просто с этим повезло! Его здоровье дает ему привилегию никого не любить, кроме себя. Если он действительно так сильно болен, есть только один способ доказать это — но он не торопится. А этот Уорбартон и того хуже. Что за редкостное оскорбительное высокомерие! Он приезжает и смотрит на чью-то дочь, словно это выставленные на продажу апартаменты. Трогает ручки, выглядывает из окон, гладит стены и почти решается снять. Набросайте-ка, пожалуй, договор! Потом он решает, что комнаты тесноваты, ему не нравится жить на третьем этаже, и

нужно поискать что-нибудь более подходящее. И уезжает, прожив в квартире целый месяц и не заплатив… Но мисс Стэкпол — твое самое удивительное приобретение. Она кажется мне настоящим монстром — у меня дрожит от нее каждый нерв. Она никогда не казалась мне женщиной. Сказать тебе, кого она мне напоминает? Недавно изобретенное стальное перо — самую гнусную вещь в мире. Мисс Стэкпол говорит так, будто царапает по бумаге этим стальным пером. А думает, двигается, ходит и смотрит точно так же, как говорит. Ты можешь сказать, что я ее не вижу. Да, я ее не вижу, но слышу. Слышу целый день. Ее голос постоянно звучит в моих ушах. Я не могу от него избавиться. Я точно знаю, что она говорит и каким тоном это произносится. А обо мне эта дама говорит совершенно очаровательные вещи… и они доставляют тебе удовольствие. Мне невыносимо думать о том, что она вообще осмеливается говорить обо мне. Я чувствую себя при этом так, словно узнал, что в моих шляпах гулял лакей!!!

Изабелла поспешно заверила Озмонда, что Генриетта говорила о нем гораздо меньше, чем он подозревал. У нее вообще было множество других тем для разговора, две из которых могут особенно

заинтересовать читателя. Во-первых, Генриетта дала Изабелле понять, что Каспар Гудвуд догадался о ее несчастье, хотя она просто отказывалась понимать, как именно он собирался помочь Изабелле, если приехал в Рим, но до сих пор не объявился. Дважды дамы видели его на улице, но он не заметил их. Они ехали в экипаже, а у Каспара была привычка всегда смотреть прямо перед собой, словно рассматривая что-то. Изабелле показалось, что они только вчера расстались, — с таким же лицом и такой же походкой он уходил после их последнего разговора в доме миссис Тачетт, да и одет был точно так же, как и в тот день, Изабелла запомнила цвет его галстука. Но, несмотря на привычность его облика, в нем было что-то незнакомое, что вдруг заставило Изабеллу подумать о том, что ему не следовало приезжать в Рим. Казалось, он стал еще выше и крупнее, чем раньше, хотя и в те дни был довольно рослым. Изабелла обратила внимание на то, что люди оглядывались ему вслед, но он проходил мимо с высоко поднятой головой, и лицо его было похоже на холодное февральское небо.

Вторая тема, занимавшая мисс Стэкпол, была совершенно иной — она сообщила Изабелле последние новости о мистере Бентлинге. Он при-

езжал в прошлом году в Соединенные Штаты, и Генриетта с радостью сообщила, что смогла уделить ему большое внимание. Она не знала, насколько их встречи доставляли радость джентльмену, но польза от них, несомненно, была — мистер Бентлинг уезжал из Америки уже другим человеком. Поездка открыла ему глаза и показала, что Англия — это еще далеко не все. Ему очень понравилось в Америке. Он очень легко воспринял ее, чего почти невозможно было ожидать от большинства британцев. Некоторые люди сочли, что он притворялся, — видимо, они приняли легкость и простоту мистера Бентлинга за притворство. Некоторые его вопросы звучали действительно странно: то ли он принимал всех горничных за дочек фермеров, то ли дочек фермеров — за горничных, Генриетта не могла вспомнить точно. Сей джентльмен так и не смог вникнуть в систему образования — это было для него уже слишком сложно. В целом многое казалось ему в чужой стране слишком сложным, и он решил осмыслить лишь малую часть того, что его окружало, — систему отелей и речную навигацию. Отели просто очаровали его — он фотографировал каждый, в котором останавливался. Но главный интерес у англи-

чанина вызвали речные пароходы — он хотел путешествовать только таким образом. Они с Генриеттой проплыли из Нью-Йорка в Милуоки, останавливаясь по дороге в наиболее живописных городах, и он постоянно настаивал, чтобы они продолжали путь только на пароходе. Казалось, он не имел ни малейшего представления о географии, считал, что Балтимор на западе, и постоянно ждал, когда же они достигнут Миссисипи. Видимо, мистер Бентлинг не слышал больше ни об одной американской реке и был не готов услышать о существовании Гудзона, хотя в конце концов вынужден был признать, что эта река ничуть не уступала Рейну. Парочка много ездила и в салон-вагонах. Бентлинг всегда заказывал у цветных проводников мороженое и никак не мог привыкнуть к мысли, что мороженое можно заказать в поезде. Конечно, в английских поездах нельзя было купить ни вееров, ни пирожных и вообще ничего! Мистер Бентлинг нашел американскую жару неслыханной — Генриетта выразила надежду, что ему такой жары еще испытать не доводилось. В настоящее время Бентлинг в Англии охотился — «пришла ему охота поохотиться», как выразилась Генриетта.

— Подобное развлечение достойно лишь крас-

нокожих, — сказала она, — англичане считают, что мы у себя на родине только и делаем, что расхаживаем с перьями и томагавками, а подобные обычаи больше подходят самим англичанам, мы же давно отказались от мысли кого-либо преследовать.

Мистер Бентлинг не смог присоединиться к мисс Стэкпол в Италии, но когда она отправится в Париж, там они встретятся. Он очень хотел еще раз побывать в Версале — он был поклонником старого режима. В этом взгляды друзей расходились: Генриетте нравился Версаль как раз потому, что он свидетельствовал о его свержении. Там больше не было ни герцогов, ни маркизов. Наоборот, она помнила, как однажды встретила там по меньшей мере пять прогуливавшихся американских семейств. Мистер Бентлинг волновался, когда Генриетта ругала англичан, и считал, что она должна относиться к его стране снисходительнее. За последние два-три года Англия сильно изменилась. Джентльмен был уверен, что если бы мисс Стэкпол теперь поехала бы туда, ей наверняка бы удалось получить приглашение к его сестре леди Пензл, и он поехал бы с ней. Что случилось с тем, первым приглашением, он так и не пояснил ей.

Наконец, Каспар Гудвуд приехал в палаццо Рокканера, предварительно прислав Изабелле записку с просьбой разрешить ему нанести этот визит. Разрешение тут же последовало. Она назначила встречу на шесть часов вечера и весь день размышляла над целью его прихода. Чего мистер Гудвуд ожидал от их встречи? Он ни в коем случае не был человеком, способным на компромисс и готовым принять все так, как есть. Но Изабелла приняла его радушно и не стала задавать вопросов. Ей показалось, что ей удалось без особого труда ввести гостя в заблуждение и заставить его предположить, что он был неверно информирован. Ей показалось, что Гудвуд совсем не расстроился, как поступило бы на его месте большинство мужчин. Как она поняла, он приехал в Рим вовсе не затем, чтобы воспользоваться случаем, — а зачем в таком случае он приехал, было неясно; никаких причин он ей не привел. Похоже, была всего одна, и она была предельно простой — Каспар хотел увидеть Изабеллу. Иными словами, он приехал ради собственного удовольствия. Изабелла ухватилась за эту мысль, которая ее полностью устроила, и развивала ее с большой радостью: раз он приехал в Рим ради удовольствия, значит, он избавился от сво-

их душеных страданий. А раз он избавился от душевных страданий, значит, Изабелла могла снять с себя ответственность за его судьбу. Правда, мистер Гудвуд не производил впечатления человека довольного жизнью, но он ведь никогда и не был легок в общении, и Изабелла имела все основания считать, что гость был удовлетворен тем, что увидел. Каспар не удостаивал доверием Генриетту (хотя сам и вызывал у нее доверие), и, следовательно, Изабелла не могла знать, что делается в его душе. Он говорил только на общие темы — Изабелла вспомнила, как сказала о нем однажды несколько лет назад: «Мистер Гудвуд много говорит, но болтать не любит». Вот и теперь Каспар много говорил, но не поддерживал легкой светской болтовни — хотя в Риме тем для нее было предостаточно. Рассчитывать, что его приезд благотворно повлияет на ее отношения с мужем, не стоило, поскольку Озмонду не нравились все друзья жены. А мистер Гудвуд был ее старинный друг, вот и все, больше ей нечего было даже сказать о нем. Изабелле пришлось представить мистера Гудвуда Озмонду — было невозможно не пригласить гостя на обед или на ее традиционные четверги, от которых сама она ужасно устала, но на которых настаивал

супруг. По четвергам мистер Гудвуд приезжал регулярно, рано и с очень торжественным видом — казалось, он относился к ним со всей серьезностью. Изабеллу время от времени раздражала его педантичность. Мог бы догадаться, что она не знает, как вести себя с ним, раздраженно думала она. Изабелла не осмелилась бы называть Каспара глупцом — он ни в коем случае им не был. Просто это был человек невероятной честности, а это, несомненно, отличало его от остальных, и он словно вынуждал быть с ним честным тоже. Изабелла сделала последнее заключение как раз в тот момент, когда льстила себе надеждой, будто ей удалось убедить своего старого друга, что она являлась самой беззаботной женщиной в мире. Он ни разу не подверг это сомнению, не задал ни одного щекотливого вопроса.

С Озмондом Каспар неожиданно поладил. Супруг Изабеллы страшно не любил, когда на него в чем-то рассчитывали, и в таких случаях испытывал неодолимое желание разочаровать собеседника. Из чувства противоречия он и отнесся с симпатией к этому прямолинейному бостонцу, к которому ему по всему должно было проявить холодность. Озмонд поинтересовался у Изабеллы, являлся ли мистер Гудвуд очередным

претендентом на ее руку и выразил удивление, почему она не приняла в свое время его предложение. Как было бы чудесно жить у подножия высокой колокольни, часы на которой били бы где-то в вышине и сотрясали воздух. Озмонд заявил, что ему нравилось беседовать с великим Гудвудом. Сначала, правда, это непросто — требуется забраться по огромной крутой лестнице на вершину башни, но когда ты забирался туда, перед тобой открывается прекрасный вид и тебя обдувает прохладным ветром. Как мы с вами знаем, Озмонд обладал множеством достоинств, и он любезно демонстрировал их все при общении с мистером Гудвудом. Изабелла заметила, что Каспар лучшего мнения о ее муже, чем ему хотелось бы, — хотя в одно далекое флорентийское утро ей казалось, что он просто не дает приятным впечатлениям поселиться в своей душе. Озмонд часто приглашал его обедать, и после обеда они выкуривали по сигаре. Гудвуд даже просил иногда Гилберга показать его коллекцию. Озмонд называл за глаза гостя большим оригиналом; он сказал Изабелле, что ее бывший ухажер так же надежен, как английский добротный кожаный чемодан. Каспар Гудвуд часто отправлялся на прогулки по Кампанье верхом и уделял этому за-

нятию много времени, следовательно, Изабелла видела его в основном по вечерам. Однажды она решила попросить его об услуге.

— Не знаю, правда, есть ли у меня право просить вас, — с улыбкой сказала она.

— Вы именно тот человек, который имеет на это право, — ответил Каспар Гудвуд. — Я когда-то дал вам заверения, которых не давал никому другому.

Услуга заключалась в том, что он должен был навестить ее больного кузена Ральфа, который в одиночестве лежал в «Отеле де Пари». Мистер Гудвуд никогда не видел молодого человека, но слышал о нем. Если она не ошибалась, кузен однажды даже приглашал его в Гарденкорт. Каспар прекрасно помнил это приглашение, и хотя он не производил впечатления отзывчивого человека, у него оказалось достаточно воображения, чтобы поставить себя на место несчастного больного, умиравшего в римской гостинице. Мистер Гудвуд отправился в «Отель де Пари» и, войдя в номер хозяина Гарденкорта, увидел возле его дивана мисс Стэкпол. В отношениях этой леди с Ральфом Тачеттом произошли некоторые изменения. Изабелла не просила ее навестить кузена. Генриетта услышала о его болезни, отправилась к

бедному Ральфу сама, после чего ее визиты стали ежедневными — впрочем, Генриетта не уставала напоминать, что они с больным были заклятыми врагами.

— О да, мы враги не разлей вода, — обычно говорил Ральф и открыто обвинял мисс Стэкпол — открыто, впрочем, ровно настолько, чтобы не выйти за границы его обычной иронии, — что она приходила замучить его до смерти. На самом деле они подружились, и Генриетта удивлялась, почему молодой человек раньше вызывал у нее такое отторжение. Ральфу же леди нравилась, как прежде. Он никогда не сомневался, что она была прекрасным товарищем. Они болтали обо всем — кроме, пожалуй, Изабеллы, — и всегда их мнения не совпадали. Когда речь заходила об Изабелле, Ральф подносил свой тонкий палец к губам. Зато мистер Бентлинг был поистине неисчерпаемой темой беседы, и Ральф мог обсуждать его с Генриеттой часами. Дискуссия подогревалась, конечно, неизбежно разными взглядами собеседников. Ральф развлекался, называя добрейшего эксгвардейца настоящим последователем Макиавелли. Каспар Гудвуд не мог внести своей лепты в эту беседу, но, оставшись наедине с Тачеттом, нашел много других

тем для разговора. Разумеется, только что вышедшую из комнаты леди они не трогали — Каспар признавал все достоинства мисс Стэкпол, но от дальнейших замечаний в ее адрес воздержался. Также джентльмены не стали упоминать и о миссис Озмонд — как и Ральф, мистер Гудвуд чувствовал, что эта тема опасна. Каспару было очень жаль Ральфа. Он не мог смотреть на то, как беспомощен этот чудесный человек. И все же он продолжал навещать Ральфа, а Изабелла радовалась, как ловко ей удалось найти занятие для мистера Гудвуда, присутствие которого в Риме казалось ей излишним. У Изабеллы созрел план отправить их с кузеном на север, как только позволит погода. Лорд Уорбартон привез Ральфа в Рим, а мистер Гудвуд отвезет его обратно — эта мысль казалась Изабелле весьма удачной. Она страстно хотела, чтобы Ральф покинул Рим — она все время боялась, что кузен умрет здесь. Ужас наводил тот факт, что это могло произойти в гостинице, здесь, недалеко от ее дома, в двери которого Ральф так мало входил. Ральф должен был обрести покой в дорогом ему собственном доме, в одной из просторных, сумрачных комнат Гарденкорта, где вился, цепляясь за рамы поблескивающих окон, темный плющ.

Для Изабеллы Гарденкорт стал чем-то священным — ни одна глава ее прошлого не казалась ей такой значимой. Когда она вспоминала о месяцах, проведенных там, слезы наворачивались ей на глаза. Льстя себе, она обычно хвалила себя за находчивость — но внезапно ей потребовалось получить этому подтверждение; она должна была собрать все свои силы, поскольку произошел ряд событий, которые, казалось, противостояли ей и бросали вызов. Из Флоренции прибыла графиня Джемини — прибыла со своими чемоданами, платьями, болтовней, сплетнями, легкомыслием, утомительными воспоминаниями о своих любовниках. Эдвард Розье, куда-то исчезавший — никто, включая Пэнси, не знал, где он, — вновь объявился в Риме и стал присылать Изабелле длинные письма, на которые она никогда не отвечала. А из Неаполя возвратилась мадам Мерль и со странной улыбкой сказала ей:

— И куда это вы, скажите на милость, подевали лорда Уорбартона?

Как будто это было ее дело!

Глава 48

В конце февраля Ральф Тачетт решил вернуться в Англию. На то у него имелись свои причины, которые молодой человек не намеревался оглашать. Однако Генриетте Стэкпол, которой он сказал о своем намерении, показалось, что догадаться о них нетрудно. Впрочем, она поборола желание высказать свои предположения и, сидя возле дивана больного, лишь сказала:

— Полагаю, вы понимаете, что не можете ехать один?

— Я и не собираюсь ехать один, — ответил Ральф. — Со мной будет много людей.

— Кого вы имеете в виду под «людьми»? Слуг, которым вы платите?

— О, — улыбнулся молодой человек, — должен вас удивить, — они тоже живые существа.

— Среди них есть женщины? — спокойно поинтересовалась мисс Стэкпол.

— Вы говорите так, словно у меня здесь дюжина слуг! Нет, признаюсь, в моей свите нет субретки.

— Тогда, — уверенно произнесла Генриетта, — вы не можете ехать в Англию. Вам нужен

женский уход.

— Я так много видел его с вашей стороны в последнее время, что мне его хватит надолго.

— Этого вам недостаточно. Думаю, я поеду с вами, — заявила мисс Стэкпол.

— Со мной? — Ральф медленно приподнялся на диване. — Да, я знаю, что не нравлюсь вам, но поеду все равно. Вам лучше лечь.

Ральф молча взглянул на Генриетту, затем снова медленно лег.

— Вы мне очень нравитесь, — произнес он через некоторое время.

Мисс Стэкпол издала смешок, который редко можно было услышать.

— Вам не нужно думать, что, высказавшись таким образом, вы откупились от меня. Я поеду с вами и, более того, буду за вами ухаживать.

— Вы прекрасная женщина, — сказал Ральф.

— Скажете это, когда доберемся к вам домой. Путь будет нелегкий. И все же вам лучше поехать.

Перед ее уходом Ральф сказал ей:

— Вы действительно хотите ухаживать за мной?

— Да, хочу попробовать.

— Тогда сообщаю вам, что я покоряюсь. О, я

покоряюсь!

Не в знак ли этого смирения из груди молодого человека после того, как мисс Стэкпол вышла из комнаты, вырвался сардонический смех? Возвращение домой под надзором мисс Стэкпол — можно ли выдумать более неуместное, более окончательное доказательство его бессилия и потери всех жизненных функций. Но что еще более странно — такая перспектива казалась ему даже приятной! Он даже стал испытывать нетерпение поскорее выехать — ему хотелось достичь родного дома как можно скорее. Конец был близок. Ральфу казалось, будто он мог протянуть руку и коснуться конечной цели, — и он хотел умереть дома. Это было единственное оставшееся у него желание. Молодой человек хотел растянуться на кровати в просторной тихой комнате, где он в последний раз видел отца, и закрыть глаза навечно на закате летнего солнца…

В тот же день навестить Ральфа пришел Каспар Гудвуд. Больной сообщил гостю о решении мисс Стэкпол сопровождать его в Англию.

— О, тогда, — сказал Каспар, — боюсь, я окажусь пятым колесом в телеге. Я пообещал миссис Озмонд поехать с вами.

— Силы небесные — просто какой-то золотой

век! Вы все слишком добры ко мне.

— Ну, что касается моей доброты, то она скорее относится к ней, чем к вам.

— В таком случае, добра она, — с улыбкой заметил Ральф.

— Что посылает кого-то сопровождать вас? Что ж, это своего рода доброта, — заметил мистер Гудвуд абсолютно серьезно. — Что касается меня, то осмелюсь сказать, что я предпочел бы поехать с вами и мисс Стэкпол, чем с ней одной.

— А с еще большей охотой вы бы остались, — предположил Ральф. — Вам действительно незачем ехать. Генриетта потрясающе энергична.

— Не сомневаюсь. Но я обещал миссис Озмонд.

— Вы можете ей все объяснить.

— Она ни за что не освободит меня от этой обязанности. Ей хочется, чтобы я присмотрел за вами, но это не главное. Ее основная цель — отправить меня из Рима.

— О, вы преувеличиваете, — усмехнулся Ральф.

— Я наскучил ей, — продолжал мистер Гудвуд. — Ей нечего сказать мне и потому она придумала эту поездку.

— Если кузина так хочет, то я, разумеется, возьму вас с собой. Хотя я не понимаю ее интереса.

— Она думает, будто я слежу за ней, — просто ответил Каспар Гудвуд.

— Следите за ней?

— Пытаюсь выяснить, счастлива ли она.

— В этом легко убедиться, — сказал Ральф. — Внешне она самая счастливая женщина в мире.

— О да. Именно так, — сухо отозвался мистер Гудвуд, но даже при всей его сухости ему еще было что сказать. — Да, я наблюдал за ней. Мы старые друзья, и мне показалось, что у меня есть на это право. Она хотела быть счастливой — вот я и решил увидеть своими глазами, что это у нее за такое счастье Я посмотрел, — в его голосе внезапно прорвалась горечь, — и больше на это смотреть не хочу. Я готов к отъезду.

— А вы знаете, что нам одновременно пришла в голову одна и та же мысль? — произнес Ральф.

И это была единственная беседа двух джентльменов об Изабелле Озмонд.

Меж тем Генриетта принялась готовиться к отъезду и среди прочих хлопот нашла возможность сказать несколько слов графине Джемини, которая нанесла ей визит в пансион в ответ на то, что Генриетта посетила ее во Флоренции.

— Вы ошибались насчет лорда Уорбартона, — заметила она графине. — Думаю, вам следует

знать это.

— О его любви к Изабелле? Моя дорогая, он бывал у нее по три раза в день — всюду следы его посещений! — воскликнула графиня.

— Он хотел жениться на вашей племяннице. Вот почему он приезжал к ним.

Графиня несколько мгновений молча смотрела на собеседницу, затем громко рассмеялась.

— Это вам рассказала Изабелла? Неплохо. Если лорд хочет жениться на моей племяннице, почему же он этого не делает? Может быть, он поехал за обручальными кольцами и вернется в следующем месяце, когда я уеду?

— Нет, он не вернется. Мисс Озмонд не хочет выходить за него.

— Ах, эта ее услужливость! Я знала, что девочка обожает Изабеллу, но не думала, что до такой степени.

— Я вас не понимаю, — холодно произнесла Генриетта и подумала, что графиня была неприятной и испорченной женщиной. — Простите, я буду настаивать на своей точке зрения — Изабелла никогда не давала лорду Уорбартону никаких надежд.

— Дорогая моя, что мы там с вами знаем! Только то, что мой брат способен на все…

— Я не знаю, на что он способен, — с достоинством ответила Генриетта.

— Я сержусь на нее не за то, что она не давала лорду никаких надежд, а то, что она отослала его. Я очень хотела с ним встретиться. Может быть, она испугалась, что я отобью у нее поклонника? — продолжала графиня с дерзкой настойчивостью. — Но ведь он у нее в руках — каждый знает это. Дом до сих пор полон им — это чувствуется в воздухе. Его след еще не остыл. Я уверена, уверена, я еще увижу его…

— Что ж, — произнесла после короткого молчания Генриетта в одном из тех порывов вдохновения, которые являлись главной ценностью статей, отправляемых ею в «Интервьюер», — возможно, с вами ему повезет больше, чем с Изабеллой.

Когда мисс Стэкпол сообщила своей подруге о предложении, которое она сделала Ральфу, Изабелла тотчас выпалила, что ей трудно представить более благородный поступок. В глубине души она всегда верила, что Ральф и Генриетта должны понять друг друга.

— Мне совершенно безразлично, понимает он меня или нет, — заявила мисс Стэкпол. — Главное, что он не должен умереть в вагоне.

— Этого не будет! — воскликнула Изабелла и покачала головой.

— Не будет, если я помогу ему. Я вижу — ты хочешь, чтобы мы все уехали. Только не могу понять, почему.

— Хочу остаться одна, — ответила Изабелла.

— Как это может быть — у тебя в доме столько народу.

— О, они — участники комедии. А все вы зрители.

— Вы называете это комедией, Изабелла Арчер? — строго спросила Генриетта.

— Трагедия, если тебе так больше нравится. Вы все смотрите на меня. Это мне неприятно.

Генриетта некоторое время молча смотрела на подругу.

— Ты как раненая лань, пытающаяся спрятаться в густой тени. Ох, что за беспомощность! — вдруг выкрикнула она.

— Я вовсе не беспомощна. Я собираюсь много что сделать.

— Речь не о тебе, а обо мне. Приехать для того, чтобы тебе помочь, — и оставить тебя в том же состоянии.

— Ничего подобного. Ты меня подбодрила, — сказала Изабелла.

— Нечего сказать — бодрая! Посмотрите-ка на нее! Точь-в-точь кислый лимонад! Ну-ка, пообещай мне кое-что.

— Не могу. Я больше никогда не стану давать обещания. Четыре года назад я дала одно торжественное обещание и так плохо его держу.

— Просто тебя никто не поддерживал, а я обещаю свою поддержку. Уйди от мужа пока не поздно.

— Поздно? Да что же такое может со мной случиться?

— Пока ты не сломалась.

— Этого не будет, — с улыбкой ответила Изабелла. — Я прилагаю к этому немало стараний. Но что меня поражает — как спокойно ты говоришь женщине, чтобы она оставила своего мужа. Сразу видно, что ты никогда не была замужем.

— Ну, — воинственно произнесла Генриетта, словно начинала прения, — в наших западных городах это вполне распространенное явление, а это, в общем-то, и есть наше будущее…

Однако ее аргументы не имеют никакого отношения к нашей истории, и мы оставим их за пределами нашего повествования — в нем нам и так предстоит распутать немало нитей. Генриетта объявила Ральфу Тачетту, что готова

покинуть Рим в любой момент, как только он пожелает, и молодой человек принялся за сборы. Изабелла пришла попрощаться с кузеном, и он сказал ей то же самое, что и Генриетта, — как странно, что Изабелла рада избавиться от всех близких людей.

Положив свою ладонь на руку Ральфа, Изабелла на это тихо и с растаявшей на губах мимолетной улыбкой произнесла:

— Мой дорогой Ральф…

Ему этого было достаточно. Однако с тем же легким лукавством он произнес:

— Я видел вас меньше, чем мне хотелось, но это лучше, чем ничего. И потом, я так много о вас слышал!

— При вашем-то образе жизни — от кого же?

— Знаете ли, в воздухе носятся голоса… Ни-ни, больше ни от кого. Я не позволяю другим людям сплетничать о вас. Они всегда называют вас «очаровательной», а это слишком простое определение.

— Конечно, я могла бы почаще навещать вас, — признала Изабелла, — но у замужней женщины так много обязательств…

— К счастью, я не женат. Когда вы приедете ко мне в Англию, я смогу развлекать вас, пользуясь

всей своей свободой холостяка.

Ральф продолжал говорить так, будто они обязательно должны были встретиться снова, и благодаря этому его предположение стало выглядеть вполне реальным. В его речи не было даже намека на то, что его конец был близок, что, возможно, ему не удастся пережить лето. Раз уж он предпочитал говорить в таком тоне, Изабелла охотно ему вторила. Реальность была совершенно четкой — и на пути их беседы вовсе не требовались указательные столбы… Так не было в самом начале их знакомства, хотя, надо признать, эгоцентриком Ральф никогда не был. Они обсудили его поездку, решали, на какие части ее следовало разделить. Изабелла предостерегала его от различных опасностей.

— Генриетта прекрасно обо мне позаботится, — сказал Ральф. — У нее поразительно развита совесть.

— Конечно, она будет добросовестна.

— Будет? Она уже добросовестна! Генриетта считает своим долгом поехать со мной. Как вам такое поразительное чувство долга?

— Да, это так благородно с ее стороны, — согласилась Изабелла, — и из-за нее мне очень стыдно. С вами должна была поехать я.

— Вашему мужу это не понравилось бы.

— Да, не понравилось бы. Но все равно мне следовало бы это сделать.

— Ваше воображение столь смело! Вы только представьте: я — причина разногласий между леди и ее мужем!

— Вот почему я и не еду с вами, — просто, хотя и не очень понятно ответила Изабелла.

Однако Ральф все прекрасно понял.

— Конечно, — отозвался он, — вероятно, все дело в ваших неисчислимых обязательствах, о которых вы мне говорили.

— Дело не в этом. Я боюсь, — произнесла Изабелла и после короткого молчания повторила скорее для себя, чем для кузена: — Я боюсь.

Ральф не мог решить, что означал ее тон. Он был тверд и, казалось, лишен малейших эмоций… Хотела ли она вслух покаяться в том, в чем ее никто и не обвинял? Или просто пыталась разобраться сама в себе? Как бы то ни было, Ральф не смог упустить благоприятного случая.

— Боитесь мужа? — произнес он игривым тоном.

— Себя! — ответила Изабелла, поднимаясь. Она постояла несколько секунд и добавила: — Бояться мужа — мой долг, женщине это должно.

— О, да, — рассмеялся Ральф. — А в качестве компенсации всегда существуют мужчины, страшно боящиеся женщин!

Изабелла не откликнулась на это шутливое замечание и неожиданно резко сменила тему разговора:

— С Генриеттой во главе вашей милой компании мистеру Гудвуду просто нечего будет делать!

— О, милая моя Изабелла, — ответил Ральф, — он уже привык к этому. Здесь, в Риме, мистеру Гудвуду тоже нечего делать!

Изабелла вспыхнула, затем торопливо заявила, что ей пора идти. Они постояли несколько мгновений, держась за руки.

— Вы были моим лучшим другом, — сказала Изабелла.

— Только ради вас я хотел… хотел жить. Но я вам не нужен.

И вдруг Изабелла окончательно поняла, что вряд ли когда-нибудь еще увидит кузена. Она не могла смириться с этим, не могла расстаться с ним вот так.

— Если вы пришлете за мной, я приеду, — произнесла она наконец.

— Ваш муж не согласится на это.

— Я как-нибудь улажу это.

— Я приберегу это напоследок — в качестве последнего желания, — сказал Ральф.

В ответ Изабелла просто поцеловала его.

Это было в четверг, и вечером Каспар Гудвуд одним из первых приехал в палаццо Рокканера. Он провел некоторое время в беседе с Джилбертом Озмондом, который почти всегда присутствовал на приемах супруги. Они сидели рядом. Разговорчивый, общительный, благожелательный и невероятно веселый Озмонд без умолку болтал, скрестив ноги и откинувшись на спинку дивана, в то время как мистер Гудвуд чувствовал себя встревоженным, постоянно менял позу и теребил в руках шляпу. Диван под ним постоянно поскрипывал. На лице Озмонда плясала острая, вызывающая улыбка. Он напоминал человека, который получил какую-то волнующую весть, и поэтому нервы его вибрируют, как струны. Он сказал Гудвуду, как ему жаль с ним прощаться и что ему будет особенно скучно без него. Ведь в Риме интеллигентные люди — редкость. Мистеру Гудвуду следует вернуться сюда. Для давно живущего в Италии человека, такого, как сам Озмонд, общение с просвещенным иностранцем как дуновение свежего ветра.

— Я обожаю Рим, — сказал хозяин дома, — но больше всего я люблю встречаться с людьми, лишенными этого предрассудка. Ведь современный мир тоже неплох. Вот вы, например, вполне современный человек, но ни в коем случае не поверхностный. А как много среди «героев современности» весьма убогих натур… Если они — дети будущего, уж лучше нам умереть молодыми. Разумеется, все эти римские древности надоедают. Мы с женой признаём все новое, но по-настоящему новое, а не подделку. Глупость и невежество отнюдь не новы, а нас потчуют именно этим под флером прогресса и просвещенности. А на самом деле это просто проявление пошлости — в новых одеждах. Не думаю, что раньше, до нынешних времен, существовало нечто подобное. Легкие намеки на нее появляются лишь в начале нашего века, а сейчас атмосфера стала такой затхлой, что утонченность просто исчезла. Так вот, вы нам понравились. — Озмонд сделал короткую паузу, дружески положив руку на колено Гудвуда и улыбаясь, одновременно и самоуверенно, и смущенно. — Может быть то, что я скажу, будет звучать излишне снисходительно — не обижайтесь, позвольте мне это. Вы понравились нам потому… потому что немного примирили нас с

будущим. Если в нем будет жить хотя бы немного таких людей, как вы, — это не так плохо! Знаете, я говорю сейчас и от своего имени, и от имени своей жены. Ведь она частенько так поступает, почему бы мне не сделать то же самое? Мы ведь с ней едины — как канделябр и щипцы для снятия нагара… Насколько я понял, вы занимаетесь коммерцией? Это дело, знаете ли, таит в себе некоторые опасности — мы немало удивлены тем, что вам удалось их избежать. Простите, если мой комплимент выглядит несколько бестактным… К счастью, жена меня сейчас не слышит. Я хочу сказать, что вы тоже могли бы стать одним из тех… о ком мы сейчас говорили. Американский образ жизни просто толкал вас на это. Но вы избежали этого — в вас есть что-то, что помогло вам спастись. И в то же время вы очень современны, очень, вы — самый современный человек из всех, кого я знаю! Приезжайте еще. Мы всегда будем рады видеть вас у себя.

Я сказал, что Озмонд находился в превосходном настроении, и его речь только подтверждала этот факт. Его высказывания были намного менее сдержанными, чем он обычно себе позволял. Если бы Каспар Гудвуд отнесся к ним более внимательно, то мог подумать, что выступление в

защиту утонченности прозвучало из уст довольно далекого от совершенства в данной области человека. Мы же, однако, знаем, что его собеседник обычно прекрасно отдавал себе отчет в своих словах, и если он решил быть немного бесцеремонным, то знал, ради чего это делал. Гудвуд едва ли понимал, что подразумевал Озмонд. Он хотел остаться наедине с Изабеллой, и эта мысль звучала в нем так громко, что заглушала отлично поставленный голос ее супруга. Каспар видел, как хозяйка дома разговаривала с другими гостями, и размышлял, мог ли он попросить ее пройти с ним в другую комнату, когда Изабелла освободится. В отличие от Озмонда Каспар Гудвуд был не в духе, и все происходящее вокруг вызывало у него необъяснимую ярость. До сих пор он не испытывал к Озмонду неприязни, а просто считал его начитанным, любезным, более того, более подходящим Изабелле Арчер в качестве мужа, чем он, Гудвуд. Озмонд победил его в открытой, честной борьбе — и Каспар не позволил бы себе как-то принизить соперника даже мысленно. Он не стремился достичь того, чтобы Озмонд ему понравился — на такой порыв сентиментального добродушия Каспар был не способен даже в те дни, когда почти примирился с происшедшим.

Мистер Гудвуд считал хозяина дома прекрасным образцом некоей дилетантской личности, страдающей от избытка свободного времени, которое он старался занимать изысканной болтовней. Но он не очень доверял Озмонду и никак не мог понять, почему тот одарил подобной беседой именно его. Каспар заподозрил, что Озмонд таким образом просто развлекался, и потому у него возникло впечатление, что в характере его удачливого соперника была какая-то извращенность. Гудвуд понимал, что муж Изабеллы не имел причин желать ему зла — ему не из-за чего было опасаться гостя. Он обладал огромным преимуществом и мог позволить себе быть любезным с человеком, который проиграл. Правда, иногда Гудвуд желал Озмонду смерти и, как ему казалось в эти минуты, с удовольствием помог бы джентльмену в этом; но тот, естественно, ничего подобного не подозревал, поскольку жизнь научила Каспара искусству скрывать силу своих чувств. Мистер Гудвуд осваивал это искусство с целью обмануть себя, но главным образом ему удавалось обмануть других. Ему самому ничего помочь не могло, и лучшим доказательством этого являлось то глухое раздражение, с которым он слушал разглагольствования Озмонда о том, что он имеет

право говорить за свою жену.

Это единственное, что Каспар запомнил в тот вечер из слов хозяина дома. Он понимал, что Озмонд высказал нечто большее, чем обычное суждение о супружеском согласии, царившем в палаццо Рокканера. Озмонд более, чем когда-либо, подчеркивал то, что их отношения с женой являлись образцовыми, и поэтому было вполне естественным для него говорить не «я», а «мы». Во всем этом ощущался какой-то умысел, который озадачивал и раздражал бедного бостонца, ему лишь оставалось ради собственного спокойствия сказать себе то, что отношения миссис Озмонд с ее супругом его не касались. Мистер Гудвуд не имел никаких доказательств, что Озмонд выставлял их в ложном свете. И если судить по внешним проявлениям, можно было сказать, что Изабелле нравилась ее жизнь — она ни разу не высказала Каспару ни малейшего недовольства. Мисс Стэкпол, правда, утверждала, что ее подруга утеряла все свои иллюзии, но работа в журнале сделала леди слишком падкой на сенсации — она обожала всякие свежие новости. Более того, после приезда в Рим Генриетта держалась сдержанно и перестала держать Каспара в курсе дел. Отдавая ей дань, мы можем сказать, что это

вряд ли было неосознанно. Мисс Стэкпол увидела жизнь Изабеллы своими глазами, и это заставило ее стать осторожной. Как бы она ни стремилась помочь подруге, вряд ли можно было назвать полезной формой помощи, если бы дама воспламеняла бывших поклонников хозяйки палаццо Рокканера сообщением о том, что та несчастлива. Генриетта продолжала принимать участие в душевном состоянии мистера Гудвуда, но проявлялось это теперь только в том, что она посылала ему вырезки из американских журналов, которые получала в больших количествах с каждой почтой и всегда просматривала с ножницами в руках. Вырезанные статьи она запечатывала в конверты, адресованные Каспару, и лично оставляла их в его отеле. Он никогда не спрашивал ее об Изабелле. Разве он не преодолел пять тысяч миль, чтобы увидеть все воочию? Мистер Гудвуд не позволял себе думать, будто миссис Озмонд была несчастна, однако это действовало как раздражитель, вызывающий сильную боль, которая, увы, свидетельствовала о том, что ему не все безразлично — и, однако, совершенно не на что надеяться. Даже если бы ему доверились, даже если бы оказалось, что Изабелла несчастна, это бы ничего не изменило — последнее легко

доказывал ее хитроумный план отправить его из Рима. Он был здесь лишним, он был беспомощен; его положение было безнадежно. Каспар не возражал против того, чтобы помочь Ральфу Тачетту, но скрежетал зубами при мысли о том, что из всех услуг, которые он мог ей оказать, она выбрала именно эту. Теперь ей можно было не беспокоиться о том, что он останется в Риме!

Этим вечером мистер Гудвуд главным образом думал о своем завтрашнем расставании с Изабеллой и о том, что его поездка не принесла ему ничего нового, кроме подтверждения того, что он был не нужен ей, как и прежде. О ней Каспар тоже не узнал ничего нового. Она была невозмутимой и неприступной. Он испытывал сильную горечь, и, как он ни старался проглотить ее, она снова и снова комом поднималась в горле — Каспар понял, что есть разочарования, которые длятся всю жизнь. Озмонд продолжал говорить, и Каспар смутно осознал, что он снова коснулся темы своего потрясающего единодушия с женой. На мгновение ему показалось, будто хозяин дома обладал какой-то демонической проницательностью — трудно было представить, чтобы он выбрал столь необычную тему без какого-то умысла. Впрочем, какое имело значение,

был ли Озмонд демонически проницателен или нет, любила или ненавидела ли мужа Изабелла? Лично Гудвуд от этого ничего не выигрывал.

— Кстати говоря, вы едете с Тачеттом, — сказал Озмонд. — Полагаю, это означает, что вы будете двигаться медленно?

— Не знаю. Мы будем ехать так, как ему понравится.

— Вы очень любезны. Мы вам невероятно обязаны — вы должны мне позволить сказать это. Моя жена, вероятно, говорила вам, как мы вам благодарны. Тачетт был под нашей опекой всю зиму. Не один раз нам казалось, что молодой человек уже никогда не уедет из Рима. Ему не следовало приезжать сюда. Для людей в таком состоянии путешествие — больше чем неблагоразумие. Это некоторого рода неделикатность. Я бы ни за что не согласился быть так же обязанным Тачетту, как он обязан мне и моей жене. Ведь неизбежно возникает необходимость в уходе за ним, а отнюдь не каждый столь великодушен, как вы.

— Просто мне совершенно нечем больше заняться, — сухо ответил мистер Гудвуд.

Озмонд искоса взглянул на него.

— Вы должны жениться, и тогда у вас будет масса дел! Правда, тогда у вас не останется особых

возможностей проявлять милосердие.

— Вот вы женаты. Разве вы очень заняты?

— О, знаете ли, быть женатым — само по себе занятие. Вы часто при этом не имеете особых дел, но бездеятельность этого рода требует ощутимых усилий. Потом, мы с женой очень много делаем вместе. Читаем, приобретаем новые знания, музицируем, прогуливаемся, ездим кататься и даже говорим между собой с таким интересом, словно только недавно познакомились. Я до сих пор наслаждаюсь беседами с женой. Если вы когда-нибудь измучаетесь от скуки — женитесь. Жена, правда, может вам впоследствии наскучить, но сами по себе вы скучать больше никогда не будете. Вам всегда будет что сказать себе… с чем мысленно поспорить.

— Мне не скучно, — ответил мистер Гудвуд. — Мне есть о чем подумать и что сказать себе.

— И, наверное, больше, чем сказать другим! — хохотнул Озмонд. — Куда вы поедете потом? Я имею в виду, после того, как передадите Тачетта в чьи-то надежные заботливые руки? Надеюсь, его мать наконец-то вернется, чтобы ухаживать за сыном. Эта леди просто изумительна. Она пренебрегает всеми обязанностями! А вы, вероятно, проведете лето в Англии?

— Не знаю. У меня нет планов.

— Счастливый человек! Так заявлять — открыто и свободно!

— О да, я совершенно свободен и волен делать все, что пожелаю.

— Надеюсь, вы будете вольны вернуться в Рим, — сказал Озмонд, увидев новую группу гостей, входящих в комнату и заканчивая разговор. — Так помните, если вы вернетесь, мы на вас рассчитываем!

Гудвуд намеревался уехать пораньше, но вечер все длился, а возможности поговорить с Изабеллой наедине все не представлялось. Она с каким-то некрасивым упорством избегала Каспара. Неутоленная обида заставляла Гудвуда считать ее действия неприкрыто преднамеренными. Абсолютно неприкрыто. Она несколько раз встречалась с ним взглядом, гостеприимно улыбалась, словно обращаясь с просьбой подойти и помочь ей развлечь гостей. Но Каспар не сдавался и ждал. Он ходил по комнатам, иногда разговаривал — с несколькими знакомыми людьми, которые нашли, что в своих речах он нынче противоречит сам себе. Такое редко случалось с Каспаром Гудвудом. Обычно он противоречил другим. В палаццо Рокканера почти всегда звуча-

ла хорошая музыка. Под ее воздействием мистеру Гудвуду удавалось сдерживать себя, но в конце вечера, увидев, что некоторые гости потянулись к выходу, он подошел к Изабелле и, понизив голос, спросил, не могли бы они поговорить наедине в одной из освободившихся комнат. Она улыбнулась так, словно ей самой очень хотелось бы этого, но не имеет никакой возможности выполнить просьбу старого друга.

— Боюсь, это невозможно. Гости постепенно уходят, и я должна проводить их.

— Тогда я подожду, когда они все уйдут!

Изабелла несколько мгновений колебалась.

— О, это будет превосходно! — воскликнула она наконец.

И Каспар стал ждать, хотя время тянулось очень медленно. Несколько оставшихся гостей, казалось, приросли к ковру. Графиня Джемини, которая, по собственному признанию, оживала только к полуночи, и вовсе не догадывалась, что вечер закончился. Она по-прежнему сидела возле камина в окружении нескольких джентльменов, их компания то и дело разражалась вспышками смеха. Озмонд исчез. Он никогда не придавал большого значения проводам гостей, и поскольку графиня Джемини, по своему обыкновению,

расширила круг затрагиваемых в беседе тем, Изабелла отправила Пэнси спать, а сама села немного в стороне. Казалось, ей тоже хотелось, чтобы ее золовка приутихла и позволила оставшимся гостям спокойно разойтись.

— Могу я теперь поговорить с вами? — спросил ее мистер Гудвуд.

Изабелла с улыбкой поднялась.

— Конечно. Если хотите, можем пройти куда-нибудь.

Они вышли вместе, оставив графиню с ее собеседниками. Ни Каспар, ни Изабелла не проронили ни слова, пока не переступили порога другой комнаты. Изабелла не стала садиться и остановилась в центре гостиной, грациозно обмахиваясь веером. Казалось, она ждала, когда заговорит Каспар. Сейчас, когда они остались наедине, вся страсть, которую Гудвуд нещадно давил в себе, вдруг вырвалась на свободу — в глазах его все плыло, голова кружилась, ярко освещенная пустая комната заволоклась туманом, и сквозь эту непрочную паутину он видел лишь сияющие глаза и приоткрытые губы Изабеллы. Если бы Каспар мог видеть более четко, он убедился бы, что ее улыбка была застывшей и немного вымученной — она испугалась того, что прочла на его лице.

— Полагаю, вы хотите попрощаться со мной? — спросила Изабелла.

— Да… но это против моей воли. Я не хочу уезжать из Рима, — почти горестно ответил Гудвуд.

— Хорошо вас понимаю. Но это очень любезно с вашей стороны. Не могу выразить, как я вам благодарна.

Некоторое время Каспар молчал.

— Подобными словами вы прямо-таки вынуждаете меня уехать, — заметил он.

— Когда-нибудь приедете еще, я надеюсь, — приветливым тоном возразила Изабелла.

— Когда-нибудь? Когда-нибудь в далеком будущем?

— О, нет, я вовсе не хотела этого сказать.

— А что же вы хотели сказать — не понимаю! Но раз я обещал поехать, я уезжаю, — заявил мистер Гудвуд.

— Возвращайтесь в любое время, когда захотите, — ответила Изабелла, изо всех сил пытаясь выглядеть любезной.

— Что мне до вашего кузена, в конце концов! — вдруг выкрикнул Каспар.

— Вы именно это хотели сказать мне?

— Нет, нет, я не хотел вам ничего говорить. Я только хотел спросить вас… — Он сделал паузу

и продолжил: — Что же вы сделали со своей жизнью? — Каспар замолчал, словно дожидаясь ответа.

Изабелла ничего не ответила.

— Я не могу понять, не могу объяснить себе ваши поступки! — продолжал он. — Во что я должен поверить? Что вы хотите, чтобы я думал?

Изабелла продолжала молчать и только смотрела на Каспара уже без улыбки.

— Я слышал, вы несчастливы. Если это так, то мне хотелось бы знать правду. Мне нужно это. Но вы говорите, что вы счастливы. Вы спокойны, уравновешенны. Вы совершенно изменились — все скрываете… Мне так и не удалось подойти к вам ближе.

— Вы уже близко, — ответила Изабелла вежливо, но предупреждающим тоном.

— Но вы все равно далеко! Я хочу знать правду. У вас все хорошо?

— Вы хотите слишком многого.

— Да… я всегда многого хотел. Конечно, вы мне не скажете и сделаете все, чтобы я никогда не узнал истины. Кроме того, это не мое дело.

Каспар говорил, отчаянно стараясь сдержать себя, как-то обуздать безумие, овладевшее его разумом. Но чувство, что это его последний шанс,

что он любит Изабеллу и теряет ее, что она теперь будет считать его глупцом, что бы он ни сказал, больно хлестнуло его. Низкий голос Каспара задрожал.

— Вы совершенно непроницаемы, вот почему я думаю, будто вы что-то скрываете. Я сказал, что мне нет дела до вашего кузена, но это не значит, будто он мне не нравится. Я имел в виду, что еду с ним не ради него. По вашей просьбе я поехал бы даже со слабоумным. По вашей просьбе я завтра утром мог бы отправиться в Сибирь. Почему вы гоните меня? У вас должны быть для этого какие-то причины. Если вам действительно так хорошо, как вы пытаетесь изобразить, тогда вам должно быть все равно. Я хотел бы знать правду о вас, какой бы жестокой она ни была. Но я приехал сюда не за этим. Мне хотелось убедиться, что я могу больше не думать о вас. Но ни о чем другом я думать не смог, и вы совершенно правы, что хотите от меня избавиться. Но если уж мне суждено уехать, нет никакого вреда в небольшом откровении, не так ли? Если вы действительно страдаете — если он заставляет вас страдать, — ничто из моих слов не причинит вам боли. Я люблю вас — это главная причина моего приезда сюда. Я не стал бы говорить этого, если бы не ве-

рил, что больше никогда вас не увижу. Это наша последняя встреча… так дайте же сорвать мне этот цветок. Я знаю, у меня нет права говорить это, а у вас нет права слушать. Но вы не слушаете, вы никогда не слушаете меня, а думаете о своем. Теперь, конечно, я должен уехать, но теперь у меня хотя бы будет причина. Ведь ваша просьба — не причина, не настоящая причина! Я не могу ничего сказать о вашем муже. — Каспар говорил непоследовательно, почти бессвязно. — Я его не понимаю, он говорит, что вы в восторге друг от друга. Зачем он говорит мне это? Какое мне до этого дело? Вот я вам это рассказываю, и у вас такое странное выражение лица. Но у вас все время странный вид. Да, вам есть что скрывать. Но это меня не касается… И все же я люблю вас, — закончил он.

У Изабеллы действительно был странный вид. Она посмотрела на дверь, в которую они вошли, и словно в знак предупреждения подняла веер.

— Вы так хорошо себя вели. Зачем все портить? — сказала она мягко.

— Никто меня не слышит. Просто замечательно, что вы прощаетесь со мной такими словами. А ведь я люблю вас — люблю вас так, как не любил никогда.

— Я знаю. Я поняла это, как только вы согласились уехать.

— Но вы ничего не можете поделать… конечно, нет. Вы помогли бы мне, но, к несчастью, не можете. К несчастью для меня. Я ни о чем не прошу вас… ни о чем. Только об одном. Скажите мне… скажите…

— Сказать что?

— Могу я жалеть вас?

— Вам так это нужно? — спросила Изабелла, снова попытавшись улыбнуться.

— Жалеть вас? Конечно! По крайней мере, это будет хоть какое-то занятие. Я посвящу этому всю жизнь.

Изабелла подняла веер и спрятала за ним лицо, кроме глаз. На мгновение ее взгляд встретился со взглядом Каспара.

— Посвящать этому жизнь не стоит. Но разрешаю вам делать это — иногда.

С этими словами Изабелла возвратилась к графине Джемини.

Глава 49

Мадам Мерль не появилась в палаццо Рокканера в тот четверг, о некоторых событиях которого я рассказал. Изабелла, хотя и заметила ее отсутствие, но не удивилась. Развитие их отношений отнюдь не добавляло стимулов для общения, и, чтобы оценить это, мы должны оглянуться назад. Уже упоминалось, что мадам Мерль вернулась из Неаполя вскоре после того, как лорд Уорбартон покинул Рим. При первой же встрече с Изабеллой (нужно отдать мадам Мерль должное, она сразу же приехала повидаться с подругой) она стала расспрашивать, куда отправился из Италии сей английский аристократ — как будто бы Изабелла несла ответственность за его местонахождение.

— Прошу вас, хватит, — ответила Изабелла. — Мы и без того то и дело слышали о нем в последнее время.

Мадам Мерль в знак протеста наклонила голову и скривила левый уголок рта в подобие улыбки.

— Разумеется. Но я-то — нет; я была в Неаполе. Я надеялась встретиться с ним здесь и поздравить Пэнси.

— Можете ее поздравить, но не с тем, что лорд Уорбартон сделал ей предложение.

— Как вы можете так говорить! Разве вы не знаете, как я об этом мечтала? — воскликнула мадам Мерль с плохо скрытым негодованием, однако стараясь при этом сохранить добродушный вид.

Изабелла разволновалась, но тоже решила не выдавать своих чувств и сказала вполне дружелюбно:

— Тогда вам не следовало ездить в Неаполь. Нужно было остаться здесь и следить за развитием событий.

— Я слишком доверилась вам. Думаете, уже поздно?

— Спросите лучше Пэнси, — ответила Изабелла.

— Я непременно спрошу у нее, что вы ей посоветовали.

От этих слов Изабелла мгновенно подобралась — ей стало ясно, что гостья пришла с агрессивными намерениями. Мы с вами знаем, что до настоящего времени мадам Мерль отличала сдержанность — она никогда никого не критиковала и избегала вмешиваться в чужие дела. Но, очевидно, она просто собирала силы, поскольку теперь в ее глазах появился опасный блеск, а на

лице проявилось негодование, которое не могла скрыть даже ее восхитительная улыбка. Мадам Мерль была страшно разочарована, и это изумило Изабеллу — она и представить не могла, как сильно волновало ее приятельницу замужество Пэнси. Мадам Мерль выдала себя и тем самым встревожила Изабеллу. Та вдруг ясно — более ясно, чем обычно, — из той непонятной мглы, окружавшей ее, услышала предупреждающий голос, и он прошептал ей, что эта блестящая, сильная, прекрасная женщина, это олицетворение практичности и себялюбия, сыграла важную роль в ее судьбе. Она занимала в ее жизни гораздо больше места, чем казалось Изабелле ранее, — и постоянно была где-то «около», — и вдруг Изабелла поняла, что это не было случайностью. Участие мадам Мерль к ее судьбе Изабелла долго воспринимала как дружеское расположение — но это было не так, и она ясно осознала это в ту минуту, когда увидела, как Озмонд и мадам Мерль вели себя друг с другом наедине. Никакого определенного подозрения у Изабеллы еще не возникло, но она взглянула на мадам Мерль другими глазами и поняла, что в поведении ее приятельницы было гораздо больше умысла, чем ей казалось раньше. О, да, здесь существовал умы-

сел, сказала себе Изабелла, и словно пробудилась от долгого, мучительного сна. Что же заставило ее решить, что умысел мадам Мерль был недобрым? Исключительно недоверие, которое постепенно приняло четкие очертания, а сейчас соединилось с сильным удивлением, вызванным столь глубоким интересом гостьи к судьбе бедной Пэнси. Что-то в этом интересе сразу вызывало раздражение Изабеллы — она не понимала, почему ее приятельница вдруг утратила столь свойственную ей сдержанность и деликатность. Да, мадам Мерль, конечно, не вмешивалась в чужие дела, но только до тех пор, пока в этом не было необходимости. Читателю может показаться, будто Изабелла очень быстро поддалась сомнениям под воздействием одного простого подозрения после нескольких лет доверительных отношений с подругой. Да, она действительно быстро поддалась им, но не без оснований — в ее душе поселилась мысль, пугающая своей очевидностью: желания мадам Мерль в отношении судьбы Пэнси ничем не отличались от желаний Озмонда. Почему?

— Думаю, Пэнси не скажет вам ничего, что могло бы усилить ваш гнев, — заметила Изабелла в ответ на последнее замечание подруги.

— Я вовсе не в гневе, с чего вы взяли? Просто

мне очень хочется исправить ситуацию. Вы считаете, его светлость уехал от нас навсегда?

— Откуда я знаю? Я вас не понимаю — все кончено, давайте оставим это. Озмонд так замучил меня с этим вопросом, что я не могу больше ничего говорить об этом. У меня нет сомнений, — добавила она, — что мой муж с удовольствием обсудит данную тему с вами.

— Я знаю его мнение. Он приезжал ко мне вчера вечером.

— Как только вы приехали? Тогда вы все знаете, и вам не стоило обращаться за сведениями ко мне.

— Мне не сведения нужны, а ваше сочувствие. Я желала этого брака для девочки. Мечты об этом не покидали мое воображение.

— Ваше — но ведь не тех, кого это касается напрямую.

— Вы, конечно, хотите сказать, что меня это не касается. Да, может быть, вы и правы. Но когда речь идет о таком старинном друге, человек готов все поставить на кон. Вы забыли, сколько лет я знаю Пэнси. Но вы-то ведь сами принадлежите к числу заинтересованных лиц, я полагаю?

— Разумеется. Однако я очень устала от всего этого.

После небольшой паузы мадам Мерль произнесла:

— Еще бы, вы ведь сделали все, что могли.

— Следите, пожалуйста, за своими словами, — сказала Изабелла серьезно.

— О, я слежу за своими словами, причем даже больше, чем вам кажется. Ваш муж недоволен вами.

На несколько мгновений Изабелла просто онемела — ее душила горечь. Больше всего в первый момент ее потрясла даже не дерзость мадам Мерль, которая свидетельствовала о том, что Озмонд взял ее в союзницы и настроил против своей жены, — она сначала просто даже не восприняла ее слова как оскорбление. Мадам Мерль очень редко бывала бестактной и осмеливалась на это только в крайнем случае — следовало ли понимать ее так, что это и был крайний случай? Как капля разъедающей кислоты, упавшая на открытую рану, подействовало на Изабеллу известие, что Озмонд пускается в суждения о ней вслух, беседуя с посторонними людьми.

— Может быть, вы хотите знать, довольна ли я им? — спросила она, помолчав.

— Нет, потому что вы никогда мне не скажете. И мне было бы больно узнать правду.

Наступило молчание, и впервые с момента знакомства с мадам Мерль Изабелла почувствовала неприязнь к ней.

— Вспомните, как Пэнси привлекательна, и не отчаивайтесь, — коротко проговорила она, желая закончить разговор.

Но мадам Мерль, развернувшись во всю мощь, не пожелала отступить. Она плотнее запахнула накидку, отчего по комнате поплыл тонкий аромат духов.

— Я не отчаиваюсь, — ответила она. — Я полна надежд. И я пришла не ссориться с вами, а, если возможно, узнать правду. Ведь вы все скажете мне, если я попрошу. Огромное счастье иметь такую подругу. Вы не поверите, как эта мысль греет мое сердце.

— О какой правде вы говорите? — удивленно спросила Изабелла.

— О самой простой. Лорд Уорбартон изменил свое решение сам или по вашей рекомендации? Я имею в виду, сделал он так потому, что захотел этого сам или хотел угодить вам? Видите, как велико мое доверие к вам, если я задаю такой вопрос, — продолжила мадам Мерль с улыбкой, — хотя оно слегка и пошатнулось!

Она посмотрела на собеседницу, словно оцени-

вая эффект своих слов, и продолжала:

— Не становитесь в героическую позу, не теряйте благоразумия, не обижайтесь. То, что я говорю так с вами, оказывает вам честь — ни с одной женщиной в мире я не стала бы так говорить. И ни одна женщина в мире никогда не сказала бы мне правду. Разве вы не понимаете, что вашему мужу надо все знать? Он, должно быть, не проявил достаточного такта, пытаясь выведать у вас истину, и пошел на поводу у своих неуместных предположений. Но это не важно: как бы то ни было, ему нужно знать, что произошло в действительности, и правильно расценить шансы дочери. Если лорду Уорбартону просто наскучило бедное дитя — это одно. Очень жаль. Но если он бросил ее в угоду вам — это другое. Тоже жаль, но по-другому. Во втором случае вы просто расписались в том, что вам неприятно… видеть свою падчерицу замужем. Тогда бы я попросила вас: оставьте лорда в покое. Предоставьте дело нам!

Мадам Мерль говорила очень четко, наблюдая за собеседницей и, очевидно, не сомневаясь в своем праве спокойно развивать свои мысли. Изабелла же, по мере того как мадам Мерль говорила, все больше бледнела и крепче сжимала руки, лежащие на коленях. Дело было не в том,

что мадам Мерль решила, что наступил подходящий момент и можно перейти к дерзостям. Изабелла чувствовала — все было куда ужаснее.

— Кто вы такая? Кто дал вам право? — пробормотала Изабелла. — Что у вас общего с моим мужем?

Странно, но в какое-то мгновение она подумала об Озмонде с таким волнением, словно любила его.

— Значит, вы все же решили исполнить партию героини! Очень жаль. Не надейтесь, что я буду вести себя так же.

— И что у вас общего со мной? — продолжала Изабелла.

Мадам Мерль медленно встала и поправила свою муфту, не сводя глаз с собеседницы.

— Все! — ответила она.

Изабелла смотрела на нее, не поднимаясь с кресла. Ее лицо словно молило о том, чтобы мадам Мерль сказала что-нибудь, что рассеяло бы сдавившую Изабеллу тьму. Но в глазах мадам Мерль была та же тьма.

— Какой ужас! — пробормотала Изабелла, откинулась на спинку кресла и закрыла лицо руками. Страшная мысль осенила ее — миссис Тачетт была права! Это мадам Мерль выдала ее

замуж! Когда Изабелла опустила руки, ее гостья уже исчезла.

В тот день Изабелла отправилась на прогулку одна. Ей хотелось уехать подальше, туда, где можно выйти из экипажа и прогуляться под чистым небом, по лугу, усеянному ромашками. У нее уже давно вошло в привычку исповедоваться Древнему Риму — на фоне его развалин ее несчастья не выглядели столь катастрофичными. Изабелла поверяла свою усталость камням, которые разваливались уже много веков, но все же выстояли. Ее тайная грусть мешалась с тишиной уединенных римских уголков и постепенно таяла и становилась почти неощутимой, — настолько, что, когда Изабелла присаживалась зимним днем где-нибудь, где было не так холодно, или стояла в каком-нибудь давно заброшенном полуразвалившемся храме, — нашей героине удавалось даже посмеиваться над ней, а иногда даже вообще почти не ощущать ее. По сравнению с огромным, великолепным Римом ее грусть была действительно ничтожна, и не покидавшее Изабеллу ощущение непрерывности человеческих судеб позволяло ей легко отделять малое от великого. Она полюбила Рим настоящей любовью; он умерял, смягчал ее страсти. Но постепенно

она стала думать о Риме как о месте, где люди страдали. Именно это приходило ей в голову в полуразрушенных храмах, где восстановленные из языческих развалин мраморные колонны словно предлагали брать с них пример в стойкости, а застарелый запах ладана напоминал о давних, никем не услышанных молитвах. Едва ли можно было встретить где-нибудь более смиренную и менее последовательную еретичку, чем Изабелла. Самый истовый верующий, глядя на потемневшие лики алтарных икон или колеблющиеся язычки пламени множества свечей, не мог более сильно, чем она, ощущать высокую духовность, пронизывающую здесь каждую толику пространства. Пэнси, как мы знаем, почти всегда сопровождала мачеху, а последнее время их выезд украшала и графиня Джемини со своим розовым зонтиком от солнца. Но иногда Изабелле все же удавалось выбраться на прогулку одной. На такие случаи у нее было несколько прибежищ. Самым доступным был низкий, поросший травой парапет, который окаймлял большую площадь, поросшую травой, перед высоким горделивым фасадом собора Сан-Джованни, где можно было сесть и смотреть на огромную долину и видневшиеся вдали очертания гор. После отъезда

кузена и его спутников Изабелла стала гулять дольше обычного — печальный настрой ее души заставлял ее вновь и вновь посещать любимые места. Даже в присутствии Пэнси и графини Джемини она ощущала присутствие исчезнувшего мира. Выехав за пределы римской стены, экипаж катился по узким дорожкам, где дикая жимолость оплетала изгороди, или ждал Изабеллу, прикорнув в каком-нибудь уединенном месте. Вокруг расстилались поля, и Изабелла шла все дальше и дальше по усыпанному цветами дерну или усаживалась на какой-нибудь уцелевший каменный обломок и сквозь дымку своей грусти воспринимала величественную грусть расстилавшегося перед ней пейзажа. Густой теплый свет ласкал беспорядочные мягкие переливы цветовых пятен — неподвижные стада вдалеке, холмы, куда мягким румянцем ложились тени от облаков…

В тот день, о котором я начал рассказывать, Изабелла решила больше не думать о мадам Мерль, но ей это не удалось — образ этой женщины постоянно стоял перед ее глазами. Она, как-то по детски пугаясь своему предположению, спрашивала себя, можно ли было соотнести со своей близкой на протяжении нескольких лет

приятельницей освященное древностью понятие греховности, скверны? До сих пор Изабелла знала об этом только из Библии и других книг — ей лично не приходилось сталкиваться с чем-то подобным. Хотя Изабелла стремилась к широкому познанию жизни, хотя она льстила себе, воображая, будто добилась в этом некоторого успеха — в сей элементарной привилегии ей было отказано. Греховно ли, размышляла она, в том, древнем смысле, быть фальшивой — а именно такой и была мадам Мерль? Лидия Тачетт, тетка Изабеллы, давно разгадала свою подругу и сказала об этом племяннице, но та решила, что у нее гораздо более широкий взгляд на мир, чем у «поверхностно мыслящей» тетки, и все ее ощущения, и, в частности, то, что ее судьба зависит только от нее самой, непогрешимы. Мадам Мерль, поняла Изабелла, добилась того, чего хотела, организовав союз двух своих друзей. И тогда сразу возникал вопрос: какую цель она преследовала? Существовали люди, охваченные страстью сватовства, у них это была страсть к искусству ради искусства, но мадам Мерль, великий мастер своего дела, вряд ли относилась к ним. Она была слишком невысокого мнения о браке, слишком невысокого мнения о жизни вообще; она жаждала заключить именно

этот союз, а не какой-нибудь другой. Следовательно, она преследовала свою цель, и Изабелла спрашивала себя, в чем может быть ее выгода.

Естественно, на решение данной задачи у Изабеллы ушло очень много времени, да и вышло оно далеко не полным. Изабелла вспомнила, что, хотя мадам Мерль сразу выказала ей симпатию, но особо прониклась к ней уже позже, после того, как Изабелла была столь щедро облагодетельствована стариком Тачеттом. Свою корысть мадам Мерль проявила удивительно изощренно: нет чтобы одолжить у новоиспеченной наследницы крупную сумму денег, так она приставила к ее богатству одного из своих близких друзей. Естественно, мадам Мерль избрала для этого самого близкого друга — и Изабелле было уже достаточно ясно, что эту позицию занимал Джилберт Озмонд. Она пыталась сопротивляться мысли, что единственный мужчина во всем мире, в котором она никак не могла заподозрить низости, женился на ней из-за денег. Странно, но это до сих пор никогда не приходило Изабелле в голову. Думая о зле, которое причинял ей Озмонд, она ни разу не заподозрила его в корысти. Это было худшее из того, что можно было подумать, и она с ужасом подумала, что это, видимо, еще

не самое худшее. Мужчина может жениться на женщине из-за денег, такое случается, — но, по крайней мере, он должен был дать ей знать! Интересно, если ему были нужны деньги, может, он ими и удовольствуется сейчас — заберет их, а ее отпустит? О, если бы благодеяние мистера Тачетта могло помочь ей сегодня — каким бы это было счастьем! В тот же миг Изабелла подумала, что если мадам Мерль хотела оказать Озмонду услугу, то вряд ли она могла теперь по-прежнему рассчитывать на его благодарность. Какими же должны быть сейчас его чувства к своей слишком преданной благодетельнице — и как, интересно, он, этот мастер иронии, их выражает?

И — может быть, читателю это покажется странным — Изабелла вдруг воскликнула:

— Бедная мадам Мерль!

Она убедилась бы в справедливости своего сочувствия, если в тот же день спряталась бы за дорогой, потемневшей от времени, портьерой из дамаста, украшавшей небольшую гостиную, принадлежавшую леди, к которой это восклицание относилось. Мы уже посещали ее с читателем в компании благоразумного мистера Розье. В этой же комнате около шести часов вечера сидел Джилберт Озмонд. Напротив него стояла хозяй-

ка — стояла так же, как тогда, когда их вместе увидела Изабелла в тот самый момент, который мы в свое время описали так подробно потому, что он был исполнен немалого, пока скрытого от нас, значения.

— Я не верю, что вы несчастны. Вы вполне всем этим довольны, — сказала мадам Мерль.

— Разве я сказал, что я несчастен? — спросил Озмонд с таким мрачным выражением лица, что вполне логично было бы предположить, что так оно и есть.

— Нет, но вы не говорите и обратного — хотя в знак простой благодарности…

— Не говорите мне о благодарности, — сухо сказал Озмонд. — Не раздражайте меня.

Мадам Мерль медленно села, сложив руки. Она выглядела невозмутимой, но очень грустной.

— А вы, со своей стороны, не пытайтесь запугать меня, — проговорила она. — Иногда я думаю, уж не читаете ли вы мои некоторые мысли.

— Мне вполне достаточно своих.

— Потому, что они восхитительны?

Озмонд опустил голову на спинку кресла и пристально взглянул на собеседницу с циничной прямотой, сквозь которую, впрочем, проглядывала усталость.

— Вы бесите меня, — заметил он через некоторое время. — Я очень устал.

— А я-то! — воскликнула мадам Мерль.

— Вы сами себя утомляете. Со мной другой случай.

— Я утомляю себя ради вас. Я сделала вашу жизнь интересной. Это величайший дар.

— А вы видите интерес? — вяло осведомился Озмонд.

— А как же — и это помогает вам убивать время.

— Время никогда не текло для меня так медленно, как этой зимой.

— Вы никогда так хорошо не выглядели, никогда не были столь приятным, никогда не были столь блестящи.

— Будь проклят этот блеск! — задумчиво пробормотал Озмонд. — Как же мало вы меня знаете!

— Если уж я не знаю вас, то не знаю вообще ничего, — с улыбкой заметила мадам Мерль. — Вы наконец почувствовали вкус успеха.

— Нет, и вообще не смогу чувствовать, пока мне не удастся заставить вас перестать судить меня.

— Я уже давно перестала, а говорю просто по привычке. Но вы и сами то и дело показываете

когти.

Озмонд некоторое время молчал.

— А мне хотелось бы, чтобы вы поменьше выпускали свои!

— Хотите заставить меня замолчать? Разве я когда-нибудь была болтуньей? В общем, я все равно должна сказать вам три-четыре вещи. Ваша жена не знает, что ей с собой делать, — добавила мадам Мерль изменившимся тоном.

— Прошу прощения, она все прекрасно знает. У нее есть четкая линия поведения. Она хочет осуществить свои идеи.

— Сейчас они у нее весьма примечательны.

— Конечно. И сейчас их больше, чем когда-либо.

— Сегодня утром, впрочем, твоя жена не смогла сформулировать мне ни одной из них, — заметила мадам Мерль. — Такое впечатление, что ей трудно выражать свои мысли. Или у нее их нет. Похоже, она совершенно сбита с толку.

— Вам лучше сразу сказать, что она впадала в патетику.

— О, нет, я не хочу слишком поощрять вашу язвительность.

Голова Озмонда по-прежнему покоилась на спинке кресла. Лодыжку одной ноги он закинул

на колено другой, и сидел так некоторое время молча.

— Хотелось бы знать, что с вами все-таки происходит, — произнес он наконец.

— Что со мной… что со мной… — Мадам Мерль вдруг умолкла, но почти сразу продолжила с невероятной страстью, которая прозвучала в ее словах, словно гром среди ясного неба: — Я отдала бы свою правую руку, чтобы выплакаться, — и не могу!

— Что вам за польза в рыданиях?

— Чтобы снова стать такой, какой я была до встречи с вами.

— Если я осушил ваши слезы, это уже кое-что. Но мне приходилось видеть, что вы вполне способны проливать их.

— Не сомневаюсь, что ты еще вынудишь меня к этому. Что ж, слезы — такое облегчение. Сегодня утром я вела себя низко, подло, — сказала мадам Мерль.

— Если Изабелла так поглупела, как вы говорите, она вряд ли поняла это, — сказал Озмонд.

— Эта дьявольщина, что лезла из меня, подавила ее способность соображать. Я не смогла сдержаться. Во мне бушевало зло. Впрочем, может быть, это и к лучшему, не знаю. Ты не только

осушил мои слезы, но и иссушил мою душу.

— Итак, не я несу ответственность за состояние души своей жены, — сказал Озмонд. — Но, однако, именно мне придется пожинать плоды вашего поведения. Но разве вам неизвестно, дорогая, что душа бессмертна? Каким же образом она может подвергнуться каким-либо изменениям?

— Я не верю в бессмертие души и верю, что ее можно уничтожить. Именно это случилось с моей. Это как раз и случилось с моей душой, в которой когда-то не было места злу. И этим я обязана вам. Вы очень дурной человек, — серьезно сказала мадам Мерль.

— На этом, полагаю, мы и закончим? — осведомился Озмонд нарочито холодным тоном, который был так характерен для него.

— Закончим? Увы, я не знаю, чем мы закончим. Хотелось бы знать… Не знаю, на чем мы закончим. Мне бы хотелось все завершить! Как кончают дурные люди? Вы превратили меня в дурную женщину.

— Я вас не понимаю. По мне, так вы достаточно хороши, — произнес Озмонд, придав своему тону максимум равнодушия.

Мадам Мерль же, наоборот, стало покидать самообладание — она была близка к тому, что-

бы потерять его окончательно. Пожалуй, такой взволнованной нам ее наблюдать не приходилось. Глаза ее метали молнии, улыбка выдавала невероятное напряжение.

— Достаточно хороша — после всего того, что я с собой сделала? Вы это имеете в виду?

— Достаточно хороши, чтобы быть очаровательной — как всегда! — с улыбкой же воскликнул Озмонд.

— О боже! — пробормотала его собеседница и вдруг повторила тот жест, который вынудила сделать сегодня утром Изабеллу, — наклонила лицо и закрыла его руками.

— Вы все-таки собираетесь зарыдать? — спросил Озмонд.

Мадам Мерль оставалась неподвижной, и он продолжил:

— Разве я когда-нибудь выражал недовольство?

Мадам Мерль отняла руки от лица.

— Нет, вы действовали иначе… вы вымещали зло на ней.

Озмонд еще больше откинул назад голову и посмотрел в потолок, словно обращаясь к небесным силам.

— О, женское воображение! По сути своей оно

всегда пошлое. Вы говорите о мести как третьесортный беллетрист.

— Конечно, вы никогда не жаловались. Вы упивались своим торжеством.

— Интересно знать, что вы называете моим торжеством.

— Вы заставили свою жену бояться вас.

Озмонд сменил позу. Он подался вперед, оперся локтями о колени и некоторое время смотрел на прекрасный старинный персидский ковер под ногами. Весь вид его говорил о том, что у него есть собственные представления обо всем, и о времени тоже, и он не особенно склонен с кем-то считаться. Эта особенность несказанно раздражала его собеседников.

— Изабелла меня не боится, и я вовсе не ставлю это своей целью, — проговорил наконец Озмонд. — На что вы хотите спровоцировать меня, говоря такие вещи?

— Я думала о том, какой вред вы можете причинить мне, — сказала мадам Мерль. — Ваша жена испугалась меня сегодня утром, но в действительности она испугалась вас.

— Значит, вы позволили себе какие-нибудь вульгарные высказывания; я не несу за это ответа. Я вообще не понимаю, зачем вы пошли к

ней, — вы способны действовать и без нее. Вас ведь мне не удалось запугать, не правда ли? Как же это удалось мне с ней? Она не менее отважная, чем вы. Не могу понять, как вам в голову могла прийти такая абракадабра — кто бы мог ожидать, что вы так плохо меня знаете!

С этими словами Озмонд поднялся, подошел к камину и стал рассматривать стоявший на нем фарфор так, словно видел его впервые. Он взял маленькую чашечку, подержал ее, затем, все еще держа ее, оперся локтем о каминную полку и продолжил:

— Как вы любите все преувеличивать. У меня такое впечатление, что вы просто теряете чувство реальности. Я гораздо проще, чем вы думаете.

— Да, я думаю, вы действительно просты. — Мадам Мерль тоже смотрела на чашечку. — Со временем я пришла к такому выводу. Как я сказала, я судила вас и раньше, но хорошо поняла вас только после вашей женитьбы. Со стороны виднее — я лучше вижу, что вы делаете со своей женой, чем видела то, что вы делали со мной. Кстати, если можно, будьте осторожны — это дорогая чашка.

— Здесь уже есть небольшая трещинка, — холодно отозвался Озмонд, ставя чашечку на

место. — Если вы не понимали меня до женитьбы, было весьма неосмотрительно с вашей стороны втягивать меня в такое дело. Впрочем, я сам попался — я воображал, что в этом не будет… не будет напряжения. Мне ведь, собственно, так немного требовалось… Мне хотелось, чтобы она восхищалась мной.

— Чтобы она обмирала от восторга!

— Ну разумеется. Каждый в таких случаях рассчитывает на максимум. Чтобы она восторгалась мной, если хотите. Да, я желал этого.

— Я никогда не восхищалась вами, — сказала мадам Мерль.

— Но вы по крайней мере притворялись…

— Но вы никогда и не считали, что со мной вам не придется напрягаться, — прервала его мадам Мерль.

— …а моя жена не желает делать ничего подобного, — продолжал Озмонд. — Если вы намерены делать из всего этого трагедию, то, знаете, вряд ли это трагедия для нее.

— Это трагедия для меня! — воскликнула мадам Мерль, поднимаясь с глубоким вздохом, но в то же время не забыв окинуть взглядом фарфор на своей каминной полке. — Похоже, мне предстоит до дна испить горькую чашу ложного

положения.

— Вы высказываете прописные истины. Весь смысл в том, чтобы жить без напряжения… насколько это возможно. Да, я не нравлюсь собственной жене, но, по крайней мере, меня любит мой ребенок. Пэнси вознаградит меня. К счастью, тут меня не ждут разочарования.

— О, — мягко проговорила мадам Мерль, — если бы у меня был ребенок…

Озмонд сделал короткую паузу и несколько официально произнес:

— Любой ребенок представляет интерес — не обязательно свой.

— Вы можете высказывать прописные истины не хуже меня. Значит, что-то нас все же объединяет.

— Скажем, тот вред, который, по вашему мнению, я причинил вам, — сказал Озмонд.

— Нет. Скорее уж то добро, которое я делаю для вас. Вот почему Изабелла вызывает во мне ревность — я бы хотела сама сделать то, что она сделала для вас.

Искаженные горечью черты мадам Мерль вдруг разгладились, и лицо ее снова стало излучать приятное спокойствие.

Озмонд взял зонтик и шляпу, и, стряхнув с нее

обшлагом две-три невидимые соринки, сказал:

— В общем, я думаю, вам лучше предоставить это дело мне.

После того как он ушел, мадам Мерль первым делом подошла к камину и взяла в руки ту изящную кофейную чашечку, на которой гость разглядел трещинку; но смотрела на нее весьма отвлеченным взглядом.

— Неужели получится, что я понапрасну была такой дрянью? — пробормотала она.

Глава 50

Поскольку графиня Джемини не была знакома с древними памятниками, Изабелла иногда предлагала показать ей какую-нибудь из этих реликвий и прогуляться утром, чтобы осмотреть ее. Графиня, которая не раз вслух провозглашала необыкновенную ученость своей снохи, никогда не возражала и осмотрела массу римских каменных кладок с таким терпением, словно это были выставки модных тканей. Она не была любительницей древностей, но так радовалась своему пребыванию в Риме, что хотела лишь одного — плыть по течению. Она с удовольствием бы проводила по часу ежедневно в термах Тита[75], в их сырой темноте, если бы это было условием ее дальнейшего проживания в палаццо Рокканера. Изабеллой не то чтобы владела идея вложить как можно больше знаний в голову своей родственницы — просто ей хотелось избежать постоянных разговоров о любовных приключениях флорентийских дам, о чем графиня могла говорить без

[75] Примечания: 75

Термы Тита, развалины здания общественных бань, построенных при Тите Флавии Веспасиане (39–81 гг.).

устали. Графиня Джемини, впрочем, впитывала знания не слишком активно — она предпочитала сидеть в экипаже и время от времени восклицать, что все вокруг невероятно интересно. Так она осмотрела Колизей, к огромному сожалению ее племянницы, которая — при всем уважении к тете — не могла понять, почему нужно смотреть на него из окошка вместо того, чтобы войти внутрь. У Пэнси было так мало возможностей гулять, что она еще не исчерпала своего интереса к городу — возможно, она питала тайную надежду на то, что тетю удастся заставить подняться на верхние ярусы Колизея. И вот настал день, когда графиня Джемини изъявила желание совершить сей подвиг — это было в теплый мартовский день, когда вокруг уже пахло весной, — и три дамы вместе вошли в Колизей. Изабелла, впрочем, вскоре отделилась от своих спутниц. Она часто поднималась по этим древним ступеням, где когда-то аплодировала римская публика и где теперь в глубоких трещинах (если им позволяли, конечно) росли лишь полевые цветы; но сегодня она чувствовала слабость и потому решила посидеть возле разрушенной арены. К тому же это была передышка — поскольку графиня гораздо больше требовала внимания к себе, нежели уделяла его кому-то, и

потом Изабелла рассчитывала, что, оставшись наедине с племянницей, графиня уймется и позволит скандальной летописи Флоренции слегка запорошиться пылью. Пэнси повела свою тетю к крутой каменной лестнице, у подножия которой сторож открыл высокую деревянную дверь, а Изабелла осталась внизу.

Огромное пространство, огороженное стеной, наполовину было погружено в тень; вечернее солнце окрасило бледно-розовым цветом травертиновые[76] блоки, и это было единственным, что придавало какую-то жизнь этим колоссальным развалинам. То тут, то там изредка появлялась фигура крестьянина или туриста — каждый задирал голову и смотрел в небо, где в ясной синеве мелькали стайки ласточек. Изабелла вдруг заметила, что один из посетителей, устроившись неподалеку, не спускал с нее пристального взгляда. Он смотрел на нее, гордо вскинув голову, с характерным упрямым выражением на лице. Несколько недель назад ей уже удалось наблюдать это выражение решимости наперекор всему — на одном хорошо знакомом ей лице. Да, разумеется, это был мистер Розье, который раздумывал,

---

[76] Примечания: 76
Травертин — известковый туф, строительный материал.

может ли он сейчас заговорить с Изабеллой. Убедившись, что она одна, он подошел поближе и сказал, что хотя она и не ответила на его письма, но, может быть, позволит сказать несколько слов. Изабелла ответила, что ее падчерица находится поблизости и должна появиться минут через пять. Молодой человек достал часы и опустился на огромный камень рядом с ней.

— Короче говоря, — выпалил Эдвард Розье, — я продал все свои безделушки!

У Изабеллы невольно вырвался возглас ужаса — словно молодой человек сообщил ей, что ему вырвали все зубы.

— Я продал их на аукционе у Дрюо, — продолжил мистер Розье. — Торги состоялись три дня назад, и мне прислали телеграмму с результатами. Они прекрасны.

— Рада слышать это, но мне хотелось бы, чтобы милые вещицы остались у вас.

— Вместо них у меня теперь есть деньги. Сорок тысяч долларов. Теперь мистер Озмонд сочтет меня достаточно состоятельным?

— Вы для этого все продали? — мягко спросила Изабелла.

— Для чего же еще? Я только об этом и думал. Я поехал в Париж и все приготовил. Ничто не могло

меня остановить. Я не смог присутствовать при этом — я боялся, что меня хватит удар. Но я передал вещи в хорошие руки. Их удачно продали. Должен признаться, я сохранил эмали. Теперь, когда у меня есть деньги, он не может сказать, будто я беден! — с достоинством воскликнул молодой человек.

— Он скажет, что вы неразумны, — ответила Изабелла, словно Джилберт Озмонд не говорил этого раньше.

Розье взглянул на Изабеллу исподлобья.

— Вы хотите сказать, что без моих безделушек я ничто? Вы хотите сказать, что они — лучшее, что у меня было? Да, это мне говорили в Париже. О, они были правы. Но они не видели ее!

— Мой дорогой друг, я так желаю вам успеха, — очень мягко произнесла Изабелла.

— Вы говорите это так грустно, словно не уверены в нем.

Мистер Розье вопросительно и с тревогой посмотрел на собеседницу. У него был вид человека, о котором неделю говорили в Париже, и это его возвысило; но в то же время его снедало подозрение, что, несмотря на это, некоторые люди по-прежнему считают его ничтожеством.

— Я знаю, что произошло здесь в мое отсут-

ствие, — продолжил молодой человек. — Чего же теперь ждет мистер Озмонд после того, как она отказала лорду Уорбартону?

Изабелла несколько секунд молчала.

— Что она выйдет за другого аристократа.

— Какого?

— Которого он ей найдет.

Розье медленно поднялся и убрал часы в карман.

— Вы над кем-то смеетесь, но на этот раз, думаю, не надо мной.

— Я не смеюсь, — отозвалась Изабелла. — Я вообще очень редко смеюсь. А теперь, боюсь, вам лучше уйти.

— А мне нечего бояться! — заявил Розье, не трогаясь с места. Впрочем, чувствовалось, что ему потребовалось много сил, для того чтобы произнести эту фразу громким голосом; покачиваясь на мысках, он с самодовольным видом оглядел Колизей, словно тот был полон публики. Вдруг Изабелла заметила, как изменилось лицо молодого человека — зрителей оказалось больше, чем он ожидал. Изабелла обернулась и увидела, что ее спутницы возвращаются после своей короткой экскурсии.

— Вы и в самом деле должны уйти, — быстро

произнесла Изабелла.

— О, миссис Озмонд, сжальтесь! — пробормотал Эдвард Розье уже совершенно другим тоном и вдруг добавил с пылкостью человека, которому в горе вдруг пришла счастливая мысль: — Ведь это графиня Джемини? Я давно хотел быть ей представленным.

Изабелла взглянула на Эдварда.

— Она не имеет влияния на своего брата.

— Из ваших слов получается, что он просто какой-то монстр! — воскликнул Розье, глядя на графиню, которая быстро шагала впереди Пэнси, возможно заметив, что ее сноха разговаривала с каким-то весьма симпатичным молодым человеком.

— Я рада, что у вас остались ваши эмали, — сказала Изабелла и направилась прямо к Пэнси, которая, заметив Эдварда Розье, остановилась и потупилась.

— Вернемся к экипажу, — мягко сказала Изабелла.

— Да, уже пора, — покорно согласилась Пэнси и пошла к экипажу, не смея оглянуться назад.

Изабелла, напротив, позволила себе эту вольность и увидела, что встреча графини Джемини и мистера Розье состоялась. Молодой человек

снял шляпу, поклонился, улыбнулся и, очевидно, представился. Изабелле показалось, что спина графини изогнулась весьма выразительно — и «выразила» симпатию к юноше. Факт, однако, остался неуточненным, поскольку Пэнси и ее мачеха заняли свои места в экипаже. Девушка сначала не поднимала глаз, но потом подняла их и встретилась взглядом с Изабеллой. Глаза Пэнси взывали о жалости, и у Изабеллы сжалось сердце. И в ту же минутуее кольнула зависть — предмет страдания девушки имел вполне конкретные очертания, в то время как почти совсем отчаявшейся Изабелле помочь было невозможно.

— Бедная маленькая Пэнси! — с любовью произнесла Изабелла.

— Все в порядке, — извиняющимся тоном успокоила ее Пэнси.

Затем наступило молчание. Графиня довольно долго не возвращалась.

— Ты все показала тетушке? Ей понравилось? — спросила наконец Изабелла.

— Да, я все ей показала. Думаю, она осталась довольна.

— Ты не устала?

— Нет, спасибо.

Графини все еще не было, и Изабелла попроси-

ла кучера возвратиться в Колизей и напомнить даме, что ее ждут. Тот вскоре вернулся и сказал, что синьора графиня просила ее не ждать. Она прекрасно доберется домой в наемной карете.

Спустя неделю после знакомства графини с мистером Розье Изабелла, собираясь переодеться к обеду, нашла в своей комнате Пэнси. Девушка ждала ее и поднялась со скамеечки.

— Простите меня за такую вольность, — произнесла она тихим голоском. — Я больше не буду. Это в последний раз…

Ее голос звучал странно. В широко раскрытых глазах были видны тревога и страх.

— Ты ведь никуда не уезжаешь? — воскликнула Изабелла.

— Я возвращаюсь в монастырь.

— В монастырь?

Пэнси медленно подходила все ближе и ближе к мачехе и, наконец, уронила ей голову на плечо и обняла ее. Так она стояла несколько секунд, не шевелясь, Изабелла чувствовала, как ее била дрожь — она говорила о ее ощущениях лучше любых слов.

— Почему? — только и спросила Изабелла.

— Потому что папа считает, что так лучше. Он говорит, что девушке следует время от времени

удаляться от мирской жизни, что мир несет им зло. А это возможность уединиться… и поразмышлять. — Пэнси говорила отрывисто, словно боясь начинать длинную фразу. Потом, овладев собой, добавила уже спокойнее: — Я думаю, папа прав. Я слишком много бывала в обществе этой зимой.

Это заявление поразило Изабеллу так, словно оно несло в себе нечто гораздо большее, то, о чем Пэнси и не подозревала.

— Когда это было решено? — спросила Изабелла.

— Папа сказал мне об этом полчаса назад. Он счел, что иначе было бы много рассуждений по этому поводу. Это всего на несколько недель. Мне будет там хорошо, я уверена. Мадам Катрин приедет за мной в четверть восьмого, и я возьму с собой только два платья. Я увижусь с матушками, которые были так добры ко мне, и с маленькими воспитанницами, — с некоторым энтузиазмом произнесла Пэнси. — А еще я очень люблю матушку Катрин. Я стану вести себя тихо-тихо и буду много размышлять.

Потрясенная Изабелла слушала ее, затаив дыхание. Она испытывала почти благоговейный страх.

— Думай иногда обо мне, — сказала она.

— О, поскорее приезжайте навестить меня! — воскликнула Пэнси, и это жалобное восклицание сильно отличалось от тех героических слов, которые она произнесла несколько мгновений назад.

Изабелла больше не могла говорить. Она ничего не понимала и только чувствовала, что еще совершенно не знала своего мужа. Вместо ответа, она попрощалась с Пэнси нежным поцелуем.

Спустя полчала она узнала от горничной, что мадам Катрин приехала в карете и увезла синьорину. По пути в гостиную перед обедом Изабелла встретила графиню Джемини, которая, встряхнув головой, пробормотала:

— Нет, вы подумайте, дорогая, ну и выходка!

«Вот уж действительно выходка, — мысленно согласилась Изабелла, — но что же Озмонд хотел этим сказать?» Она лишь смутно осознавала, что он хотел показать: свод неписаных законов, установленных им, должен соблюдаться неукоснительно. У нее вошло в привычку быть с ним крайне осторожной, поэтому она некоторое время колебалась, после того как он вошел в столовую, и заговорила с ним о внезапном отъезде его дочери уже после того, как они сели за стол. Она давно уже запретила себе задавать Озмонду

вопросы. Она лишь сказала:

— Я буду тосковать без Пэнси.

Ее супруг, чуть склонив голову, некоторое время изучал вазу с цветами в центре стола.

— Ну да, — произнес он наконец. — Я думал об этом. Знаешь, ты можешь навещать ее, только не слишком часто. Ты вряд ли поймешь, зачем я отправил дочь в монастырь, и сомневаюсь, что мне удастся объяснить тебе. Вот почему я не говорил о своем решении — я не верил, что ты согласишься с ним. Не стоит волноваться понапрасну. Я всегда думаю о том, какой будет моя девочка — она должна быть нежна и невинна, прекрасна и благовоспитанна. Современные нравы так отвратительны, не дай бог моя Пэнси станет распущенной девицей! Мне кажется, к этому шло — она как-то взбудоражена и слишком много появлялась в свете. Эта суетливая толпа, называющая себя обществом… Пэнси нужно время от времени извлекать из нее. Монастырская тишь весьма благотворна. Мне нравится думать, что моя девочка живет там, в старом саду под аркадой среди спокойных, добродетельных женщин. Многие из них знатного происхождения. Некоторые даже аристократки. Пэнси займется чтением, рисованием, игрой на фортепиано. Ее

ни в чем не будут стеснять — ей не угрожает никакой аскетизм, она будет купаться в любви и симпатии. Зато у нее будет время поразмышлять, а мне хочется, чтобы она кое о чем подумала…

Озмонд говорил четко, неторопливо, все еще слегка наклонив голову, словно любуясь цветами. Его тон говорил о том, что он не столько давал объяснения, сколько облекал свои мысли в слова, складывал их в некую картину и смотрел, как они выглядят. Несколько мгновений он молчал, разглядывал эту нарисованную им картину и, казалось, остался доволен. Затем он продолжил:

— В общем, католики поистине мудры. Монастырь — прекрасное учреждение, мы не можем обойтись без него: он соответствует самым насущным нуждам в семье и обществе. Это школа хороших манер, школа самообладания. О, я вовсе не хочу удалить свою дочь от мира, не хочу, чтобы она сосредоточила свои мысли на чем-то другом. Ведь наш мир не так уж плох, и она может думать о нем, сколько ей хочется. Только она должна думать о нем надлежащим образом.

Изабелла очень внимательно выслушала эту небольшую речь и нашла ее невероятно интересной. Она показала ей, как далеко зашло желание мужа любой ценой добиться своего, — он да-

же был готов проделывать эффектные трюки со своей хрупкой дочерью. Изабелла не могла понять его цели, вернее, не могла понять ее до конца — она понимала лучше, чем Озмонд предполагал, лучше, чем ему этого хотелось, что все происшедшее являлось тщательно разработанной мистификацией, направленной на то, чтобы поразить ее воображение. Озмонд хотел сделать что-то неожиданное и жестокое, внезапное и утонченное с целью обозначить различие между чувствами жены и своими собственными, показать, что раз он считает дочь прекрасным произведением искусства, его забота о завершающих штрихах вполне естественна. И он своего добился. У Изабеллы похолодело сердце. Пэнси знала монастырь с детства и была счастлива там, она любила сестриц, те любили ее, и, следовательно, в случившемся не было ничего страшного. Но Изабелла видела, что Озмонду удалось произвести на девочку именно то впечатление, которого он добивался, — девочка испугалась. Старые протестантские традиции никогда не тускнели в сознании Изабеллы, и чем больше она вдумывалась в этот потрясающий пример гениальности ее супруга — как и он, она сидела, неотрывно глядя на вазу с цветами, — тем

больше бедная маленькая Пэнси становилась для нее героиней трагедии. Озмонд хотел показать, что не остановится ни перед чем, и Изабелле просто кусок не шел в горло. Услышав высокий, «птичий» голос золовки, она, наконец, испытала облегчение. Графиня, вероятно, думала о том же, но пришла к иному заключению, чем Изабелла.

— Это абсурд, мой дорогой Озмонд, — сказала она, — придумывать столько причин для изгнания Пэнси. Почему бы тебе не сказать прямо, что ты хочешь удалить ее от меня подальше? Ты, конечно, узнал, что я прекрасно отношусь к мистеру Розье. И это действительно так. Он чудесный молодой человек! Ему удалось заставить меня поверить в невозможное — в то, что на свете есть настоящая любовь. Кто бы мог подумать! И, конечно, ты решил, что при таком убеждении я — неподходящая компания для Пэнси.

Озмонд не спеша сделал глоток вина. Вид у него при этом был самый благодушный.

— Моя дорогая Эми, — ответил он с улыбкой, словно произнося изысканную любезность, — я абсолютно ничего не знаю о твоих убеждениях, но если бы я заподозрил, что они противоречат моим, мне ничего бы не стоило выгнать тебя отсюда.

Глава 51

Графиня не была изгнана, но она почувствовала всю шаткость своего положения в гостях у брата. Неделю спустя после вышеописанного инцидента Изабелла получила телеграмму из Англии из Гарденкорта от миссис Тачетт.

«Ральф долго не проживет, — сообщала она, — и был бы очень рад увидеться с тобой. Просит тебя приехать, если только у тебя нет других важных обязанностей. Что касается меня, хотелось бы сказать — ты так много толковала о своих обязанностях, что следовало бы установить, в чем они заключаются. Ральф умирает, и кроме меня здесь больше никого нет».

Изабелла была готова к этому известию, получив от Генриетты подробный отчет о поездке в Англию с ее благодарным подопечным. Ральф, когда прибыл домой, был скорее мертв, чем жив; ей удалось доставить его в Гарденкорт, где больного уложили в постель, с которой, как писала мисс Стэкпол, он, очевидно, вряд ли поднимется. «Больным он мне нравится больше, чем здоровым», — писала Генриетта, которая, как

мы помним, несколько лет весьма скептически относилась к недомоганиям Ральфа. Она также добавила, что у нее на руках оказались два пациента вместо одного, поскольку мистер Гудвуд, от которого и так-то не было никакого толка, тоже заболел, хотя, разумеется, и не так, как мистер Тачетт. Потом Генриетта написала, что была вынуждена оставить поле битвы и передать бразды правления миссис Тачетт, которая недавно вернулась из Америки и тут же дала понять гостье, что она не потерпит в Гарденкорте никаких репортеров. Когда Ральф приехал в Рим, Изабелла отправила тете письмо, в котором она сообщала о критическом состоянии ее сына и просила ее побыстрее возвратиться в Европу. Миссис Тачетт сухо поблагодарила за совет, и следующее известие от нее Изабелла получила только второй телеграммой, которую я сейчас процитировал.

Изабелла несколько секунд смотрела невидящим взглядом на телеграмму, затем, положив ее в карман, направилась к двери кабинета мужа. Перед ней она снова на мгновение остановилась, потом открыла дверь и вошла. Озмонд сидел за столом у окна. Перед ним, опираясь на стопку книг, лежал большой фолиант, раскрытый на странице с изображением маленьких цветных

кружочков, и, подойдя, Изабелла различила, что Озмонд копировал рисунок античной монеты. Перед ним лежала коробка акварели и отличные кисти. Он уже перенес на чистый лист аккуратный, прекрасно прорисованный диск. Озмонд сидел спиной к двери, но, не оглядываясь, узнал жену.

— Прости, что я тревожу тебя, — сказала она.

— Входя к тебе, я всегда стучусь, — ответил Озмонд, не отрываясь от своего занятия.

— Я забыла. Мои мысли заняты другим. Мой кузен при смерти.

— О, не верь этому, — заметил Озмонд, разглядывая свой рисунок сквозь увеличительное стекло. — Он умирал еще тогда, когда мы поженились. Он нас переживет.

Изабелла пропустила мимо ушей данное заявление, сделанное с нарочитым цинизмом, а просто торопливо продолжила:

— Тетя прислала телеграмму. Я должна ехать в Гарденкорт.

— Почему ты должна ехать в Гарденкорт? — спросил Озмонд тоном беспристрастного любопытства.

— Чтобы увидеть Ральфа перед смертью.

Некоторое время Озмонд молчал, продолжая

заниматься своей работой, которая не допускала небрежности.

— Не вижу никакой необходимости, — произнес он наконец. — Он приезжал к тебе сюда. Мне это не слишком нравилось, я считал его пребывание в Риме просто непозволительным. Но я вытерпел это, поскольку ты видела своего кузена в последний раз. Теперь ты говоришь мне, что это был не последний. Ты просто неблагодарна!

— За что я должна быть благодарна?

Джилберт Озмонд отложил свои миниатюрные принадлежности для рисования, сдул пылинку с рисунка, медленно встал и впервые посмотрел на жену.

— За то, что я не вмешивался во все это, пока он был здесь.

— О да, за это я благодарна. Я помню, как отчетливо ты давал мне понять, что тебе не нравится мой кузен, и была очень рада, когда он уехал.

— Тогда оставь его в покое. Зачем вешаться ему на шею?

Изабелла перевела взгляд с мужа на его рисунок.

— Я должна ехать в Англию, — произнесла она, прекрасно понимая, что ее тон может быть воспринят раздражительным утонченным чело-

веком, как глупое упрямство.

— Мне это не нравится, — заметил Озмонд.

— Ну и что? Тебе не понравится, даже если я не поеду. Тебе ничего не нравится. Впрочем, нет: тебе нравится думать, будто я лгу.

Озмонд слегка побледнел и холодно улыбнулся.

— Так вот почему ты должна ехать? Не повидать кузена, а отомстить мне?

— Я не знаю, что такое месть.

— Зато я знаю, — сказал Озмонд. — Советую тебе не давать мне повода.

— Ты только этого и ждешь. Тебе страшно хочется, чтобы я совершила какое-нибудь безрассудство.

— Значит, я буду удовлетворен, если ты меня не послушаешься.

— Если я тебя не послушаюсь? — спросила Изабелла таким тихим голосом, что со стороны его можно было счесть робким.

— Надеюсь, тебе ясно — если ты уезжаешь из Рима сегодня, это образец самого явного и обдуманного противодействия.

— Как ты можешь называть это обдуманным? Я получила телеграмму от тети три минуты назад.

— Тебе не нужно много времени на обдумыва-

ние. Это большое твое достоинство. Не понимаю, зачем нам продолжать дискуссию. Я высказал свое мнение.

Озмонд замолчал, словно ожидая увидеть, как жена выбежит из комнаты.

Но Изабелла не двигалась. Как это ни странно, она не могла сдвинуться с места. Ей хотелось найти для себя оправдание. Муж ее обладал способностью все делать так, чтобы она чувствовала себя виноватой.

— Оно абсолютно необоснованно, — сказала Изабелла. — У меня достаточно причин для поездки. Не могу выразить, каким несправедливым ты мне сейчас кажешься. Но я думаю, ты знаешь это. Вот твое противодействие точно тщательно рассчитано. И в нем есть злой умысел.

Она никогда не говорила подобных слову мужу, и Озмонд, должно быть, был потрясен. Но он не показал удивления. Его холодность, очевидно, являлась доказательством того, что он был уверен в неспособности жены устоять перед его натиском.

— Да-а-а, дело зашло дальше, чем я полагал, — обронил Озмонд и добавил почти с дружеским участием: — Все очень серьезно.

Она все понимала и полностью осознавала

всю значимость происходящего — они вплотную приблизились к кризису в их отношениях. Серьезность ситуации сделала ее осторожной, и она промолчала, а ее муж продолжил:

— Ты говоришь, необоснованно? Очень даже обоснованно. Меня до глубины души задевает то, что ты хочешь сделать. Это бесчестно, неделикатно и неприлично. Твой кузен для меня никто, и я не обязан приносить ему жертвы. Я и так уже достаточно это делал, пока он был здесь, — ваши милые отношения были для меня хуже горькой редьки. Но вытерпел это, потому что меня грела мысль о его скором отъезде. Мне никогда не нравился твой кузен, а я никогда не нравился ему. Вот почему ты так его любишь — потому что он ненавидит меня. — Голос Озмонда слегка дрогнул. — У меня есть собственные представления о том, что должна делать и чего не должна делать моя жена. Моя жена не должна путешествовать по Европе одна, пренебрегая моими желаниями, не должна сидеть у кровати другого мужчины. Твой кузен ничего для тебя не значит. Он ничего не значит для нас. Ты улыбаешься особенно выразительно, когда я говорю «нас». Но уверяю тебя, «мы» — это все, что я знаю. Я воспринимаю нашу семейную жизнь серьезно. Ты, кажется, думаешь

иначе. Я не представляю, чтобы мы развелись или расстались. Для меня мы соединены навеки. Ты ближе мне, чем любой другой человек. И я ближе тебе, чем кто-либо другой. Возможно, это не слишком приятная близость, но, во всяком случае, мы сами выбрали друг друга. Я знаю, ты не любишь, когда тебе напоминают об этом, но я хочу напомнить, потому что… потому что… — Озмонд сделал паузу, словно подыскивая нужные слова. — Потому что мы должны отвечать за свои поступки и их последствия; для меня это вопрос чести, а она превыше всего!

Он говорил спокойно, почти мягко — примесь сарказма исчезла из его голоса. Эта сдержанность произвела впечатление на Изабеллу. Решительность, с которой она вошла в комнату, барахталась, словно в паутине. Последние слова муж произнес уже не командным тоном — они содержали нечто вроде призыва, и хотя Изабелла понимала, что любой знак уважения к ней Озмонд мог выказать только в угоду своим эгоистическим целям, в этих словах было что-то красивое и непреложное. Такое же чувство в ней могло возникнуть, если бы священник осенил ее крестом — или она вдруг увидела бы развевающийся по ветру государственный флаг. Он просил

ее соблюдать статус-кво во имя чего-то святого. Они были так далеки друг от друга, как это бывает с разочаровавшимися любовниками, но ведь они еще не расстались. Изабелла не изменилась — ее всегдашняя страсть к справедливости бушевала в ней, и сейчас, когда она слушала кощунственную софистику мужа, эта страсть была готова отдать победу Озмонду. Она решила, что в своем стремлении сохранить приличия он все же не притворялся и что это само по себе достоинство. Десять минут назад Изабелла испытала радость необдуманного поступка — радость, которую она уже подзабыла. И вот под пагубным воздействием ее мужа она была готова отступить. Но если уж ей это было суждено, по крайней мере, она даст ему знать, что является жертвой, а не простофилей.

— Я знаю, ты мастер в искусстве иронизировать, — сказала Изабелла. — Как ты можешь говорить о неразделимом союзе? Как ты можешь говорить о каком-то удовлетворении? Где наш союз, когда ты обвиняешь меня в *лживости*? Где твое удовлетворение, когда в твоем сердце нет ничего, кроме тайного подозрения?

— Оно в нашей благопристойной совместной жизни, несмотря на все препятствия.

— В нашей совместной жизни так мало при-

стойного! — пробормотала Изабелла.

— Согласен — если ты едешь в Англию.

— Это мелочь. Пустяк. Я способна и на большее.

Озмонд поднял брови и даже — немного — плечи. Он прожил достаточно много времени в Италии, чтобы перенять этот жест.

— О, если ты пришла угрожать мне, я лучше вернусь к своему рисунку, — сказал Озмонд, возвращаясь к столу. Он взял в руки лист бумаги и стал рассматривать свою работу.

— Полагаю, если я уеду, ты не будешь ждать меня обратно, — произнесла Изабелла.

Озмонд быстро обернулся, и его жена заметила, что по крайней мере это движение не было заученным. Он молча посмотрел на нее и спросил:

— Ты сошла с ума?

— Что это может быть еще, как не разрыв отношений, — продолжила Изабелла, — особенно если все, что ты сказал, правда?

Она действительно не видела никакого иного выхода, кроме разрыва, и искренне хотела выслушать его мнение.

Озмонд сел за стол.

— Я ничего не могу противопоставить такому явному пренебрежению мной, — сказал он и

снова взял одну из своих кисточек.

Изабелла задержалась еще на несколько мгновений, достаточно долгих, чтобы «впитать» взглядом совершенно равнодушную и в то же время очень выразительную фигуру мужа, и затем торопливо вышла из комнаты. Ее способности, энергия, страсть — все рассеялось, словно какой-то холодный и темный туман вдруг окутал ее. Озмонд прекрасно обладал искусством пользоваться слабостью человека.

По пути в свою комнату Изабелла встретила графиню Джемини, которая стояла в дверях маленькой гостиной, где был шкаф с книгами. В руке графиня держала открытый томик и, казалось, безуспешно пыталась сосредоточиться на чтении. Услышав шаги Изабеллы, она подняла голову.

— О, дорогая моя, — сказала графиня. — Вы такая любительница литературы, посоветуйте, что мне почитать в качестве развлечения! Здесь все ужасно нудное. Вот эта — как вы думаете — не слишком скучна?

Изабелла взглянула на обложку книги в руках графини, но не могла понять, что она читает.

— Боюсь, я не могу вам сейчас советовать. Мой кузен Ральф Тачетт умирает.

Графиня опустила книгу.

— О, он был таким милым! Мне очень вас жаль.

— Вам было бы еще более жаль меня, если бы вы знали…

— А что я должна знать? Вы выглядите просто ужасно, — сказала графиня. — Держу пари, вы только от Озмонда.

Полчаса назад Изабелла холодно выслушала бы наставление, что ей следовало бы проявлять симпатию к золовке, и не было лучшего доказательства ее смятения, чем тот факт, что сейчас она буквально ухватилась за сочувствие этой леди.

— Да, я была у Озмонда, — подтвердила Изабелла.

Блестящие глаза графини жадно внимали ей.

— Уверена, что он был гнусен! — воскликнула графиня Джемини. — Уж не сказал ли он, что рад смерти мистера Тачетта?

— Он запретил мне ехать в Англию.

Когда затрагивались ее интересы, мозг графини работал весьма живо. Она уже предвидела завершение своей поездки в Рим: Ральф Тачетт умрет, Изабелла погрузится в траур, и прости-прощай званые вечера. Такая перспектива в

первое мгновение испортила ей настроение. По ее лицу скользнула гримаска, но это было единственным проявлением разочарования. Кроме того, сказала себе эта леди, игра практически окончена. Она и так уже злоупотребила приглашением брата и его жены. Делать было нечего, графиня решила вникнуть в неприятности Изабеллы и обнаружила, что все обстояло куда как серьезно, и дело было не только в смерти кузена. Нимало не колеблясь, она связала выражение глаз Изабеллы со своим невыносимым братом. Ее сердце забилось в почти радостном ожидании: она поняла, что сейчас сложились самые благоприятные условия для того, чтобы она смогла увидеть Озмонда поверженным. Конечно, если Изабелла решит ехать в Англию, самой ей придется немедленно покинуть палаццо Рокканера — ничто не заставит ее остаться здесь наедине с Озмондом. Однако, несмотря на это, графиня испытывала страстное желание услышать, что Изабелла поедет в Англию.

— Для вас нет ничего запретного, моя дорогая, — вкрадчиво произнесла она. — К чему же тогда ваше состояние, ум и доброта?

— И в самом деле. Но я почему-то чувствую себя глупой и слабой.

— А почему Озмонд не разрешает вам ехать? — спросила графиня нарочито удивленным тоном.

Как только графиня начала задавать вопросы, Изабелла спохватилась; она высвободила руку, которую графиня бесцеремонно взяла в свои. Однако в ее ответе на вопрос прозвучала плохо скрытая горечь:

— Потому что мы так счастливы вместе, что не можем расстаться даже на две недели.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Когда я хочу отправиться в путешествие, мой муж просто говорит мне, что не даст денег! — воскликнула графиня ей вслед.

Изабелла прошла в свою комнату, где в течение часа шагала из угла в угол. Наверное, некоторым читателям может показаться, что Изабелла воспринимала происшедшее чересчур близко к сердцу и для сильной натуры слишком легко позволила остановить себя. Казалось, только сейчас она в полной мере поняла, что такое супружеские обязательства. Супружество означало, что в ситуации, когда необходимо делать выбор, главенствующим являлось мнение мужа. «Я боюсь… Да, я боюсь», — повторяла про себя Изабелла, шагая по комнате. Но боялась она не мужа, не его неудовольствия и страшной мести, не осуждения

своего поведения — соображение, которое всегда сдерживало ее, — а ожесточения, которое возникнет в их отношениях, если она все же уедет. Между ними была пропасть разногласий, но тем не менее он хотел, чтобы Изабелла осталась дома, — он и представить себе не мог, что она уедет. Она прекрасно знала, с какой нервной остротой воспринимал Озмонд ее возражения, прекрасно могла предвидеть все то, что он ей скажет. Однако они были женаты, а супружество означало, что женщина должна подчиняться мужу.

Изабелла в отчаянии бросилась на диван и зарылась лицом в подушки.

Когда она снова подняла голову, над ней склонилась графиня Джемини. Она вошла, не получив разрешения, совершенно бесшумно. На ее губах играла странная улыбка, а в маленьких темных глазах виднелся еще более странный блеск.

— Я стучала, — сказала она, — но вы не отозвались. Поэтому я решилась войти. Я наблюдаю за вами уже минут пять. Вы очень несчастны.

— Да, но я не думаю, что вы можете мне помочь.

— Не позволите ли вы мне попытаться?

Графиня присела на диван рядом с Изабеллой. Она продолжала улыбаться. В выражении ее ли-

ца было что-то такое, что говорило о том, что ей есть что сказать. Графиня пристально смотрела на хозяйку блестящими глазами, и та нашла этот взгляд не слишком приятным.

— Начну с того, что не понимаю вашего состояния духа. Вы вечно в сомнениях, рассуждениях и поисках причин и связей. Когда десять лет назад я поняла, что самым большим желанием моего мужа было сделать меня несчастной — потом-то он просто оставил меня в покое, — это так все расчудесно упростило! Бедная моя Изабелла, вы недостаточно просты.

— Да, я недостаточно проста, — согласилась наша героиня.

— Я хочу кое-что сообщить вам, — заявила графиня, — поскольку, по моему мнению, вы должны знать это. Возможно, вам все уже известно. А возможно, вы догадываетесь. Но если это так, то мне тем более удивительно, почему вы не поступаете так, как вам нравится.

— О чем я должна знать? — Изабелла почувствовала плохое предзнаменование, и ее сердце учащенно забилось. Графиня собиралась что-то объяснять, и одно это уже не предвещало ничего хорошего.

Но графиня Джемини хотела немного поиграть

со своей собеседницей в шарады.

— На вашем месте я догадалась бы об этом еще несколько лет назад. Неужели вы никогда не подозревали?

— Я ничего не подозревала. А что я должна была подозревать? Не понимаю, о чем вы?

— Это потому, что вы так чисты душой. Никогда не видела такой женщины! — воскликнула графиня.

Изабелла медленно поднялась.

— Вы хотите сказать мне что-то ужасное?

— Можете называть это как хотите!

Графиня тоже встала. Казалось, в ней бушевал шторм, и грозные отзвуки его выплескивались на ее оживленное лицо, освещенное молниями, сверкавшими в глазах. Она несколько мгновений молча смотрела на Изабеллу и потом произнесла:

— У моей первой невестки не было детей!

Изабелла бросила на графиню непонимающий взгляд. Что означало это заявление?

— Ваша первая невестка… — пробормотала Изабелла.

— Полагаю, вы знаете, что Озмонд был женат? Я никогда не рассказывала вам о его первой жене — это казалось мне не вполне приличным. Но

другие, менее щепетильные дамы, чем я, должно быть, сделали это? Бедная женщина прожила с моим братом два года и умерла бездетной. Пэнси появилась уже после ее смерти.

Изабелла нахмурилась; ее пересохшие губы раскрылись от растерянности. Она пыталась следить за мыслью графини, но это у нее не очень хорошо получалось.

— Значит, Пэнси — не дочь моего мужа?

— Нет, она дочь именно вашего мужа и никакого другого! И чьей-то жены. О, моя дорогая Изабелла, — нервно воскликнула графиня, — вы совершенно не в состоянии улавливать намеки!

— Я ничего не понимаю. Чьей жены? — спросила Изабелла.

— Жены отвратительного коротышки-швейцарца, который умер двенадцать лет назад. Он никогда не признавал мисс Пэнси, да у него и не было для этого никаких причин. Озмонд признал ее. Это было правильно.

Внезапно Изабеллу озарило — и это чье-то имя едва не сорвалось с ее губ… Она снова опустилась на диван и уронила голову на грудь.

— Зачем вы рассказали мне об этом? — спросила она. Голос с трудом подчинялся ей.

— Потому что устала хранить тайну — это так

утомительно! И это чистая правда, — добавила она.

— Я ничего не знала, — выдохнула Изабелла, глядя на нее.

— Я так и думала — хотя в это трудно поверить. Но неужели вам никогда не приходило в голову, что он был ее любовником?

— Не знаю. Иногда мне что-то мерещилось. Возможно, именно это.

— А как она умно ведет себя по отношению к Пэнси! — воскликнула графиня.

— А это-то мне, несомненно, никогда не приходило в голову, — пробормотала Изабелла. — И все-таки я… я не понимаю.

Она говорила тихим, растерянным голосом, и бедная графиня была в равной степени удивлена и разочарована эффектом ее откровения. Она ожидала всплеска эмоций, бури, скандала, а пока вспыхнула лишь небольшая искорка. Изабелла просто подавленно молчала.

— Разве вы не понимаете, что ее муж никогда не принял бы ребенка? — спросила графиня. — Они давно расстались, и муж мадам Мерль уехал в какую-то далекую страну… Кажется, в Южную Америку. Может быть, у нее были и другие дети и она их потеряла, — но я в этом не уверена. С

другой стороны, обстоятельства сложились достаточно удобно, чтобы Озмонд смог признать ребенка. Его жена, правда, была мертва; но она умерла всего лишь год назад и, вполне естественно, могла оставить ему плод любви. Сменив место жительства — Озмонд жил в Неаполе и покинул его навсегда, — легко было сочинить маленькую сказку… Моя бедная невестка лежала в могиле и не могла ничего опровергнуть, а настоящая мать девочки ради того, чтобы сохранить свою репутацию, отказалась от прав на ребенка.

— Несчастная! — воскликнула Изабелла и разразилась слезами. Ей уже очень давно не приходилось плакать — слишком долго она отходила потом от слез. Но сейчас они хлынули с силой, которая просто перепугала графиню Джемини.

— Очень мило с вашей стороны жалеть ее! — воскликнула она с бессердечным смехом. — Нет, вы и вправду чистейшая душа!

— Значит, он изменял своей жене, — вдруг ясно и трезво проговорила Изабелла.

— Это все, на что вы способны, — сочувствовать ей? — пожала плечами графиня.

— А мне… мне… — Изабелла осеклась; в глазах ее застыл немой вопрос.

— Был ли он верен вам? Все зависит от того, что

вы называете верностью. Женившись на вас, Озмонд прекратил их отношения. Они изменились. Она так высоко ставила соблюдение приличий, что это утомило даже Озмонда. Можете представить, что это было! Но прошлое связывает их.

— Да, — повторила Изабелла, — прошлое связывает их.

— О, в последнее-то время ничего уже не было. Но лет пять они были очень близки.

— Тогда зачем же она захотела, чтобы он женился на мне?

— Тут она превзошла кого бы то ни было! Потому что у вас были деньги — и потом, она считала, что вы будете добры к Пэнси.

— Бедная женщина… и бедная Пэнси, которой она не нравится! — воскликнула Изабелла.

— Это еще одна причина. Мадам Мерль хотела, чтобы рядом с Пэнси был кто-то, кого девочка полюбила бы. Она знала, что так будет. Она все знает.

— Узнает она о том, что вы все мне рассказали?

— Все зависит только от вас. Впрочем, мадам Мерль давно готова к подобному разговору. И знаете, на что она рассчитывает? На то, что вы решите, будто я вас обманываю. Возможно, вы

так и думаете; не стесняйтесь, скажите прямо. Но я не выдумываю. Конечно, бывает, что я плету всякие небылицы; но я никогда никому не вредила, кроме себя самой.

Изабелла сидела и перебирала в уме ворох необыкновенных сведений, которые ей сообщила ее собеседница. Точно бродячая цыганка высыпала перед ней на ковер причудливые вещицы…

— Почему же Озмонд не женился на ней? — спросила наконец Изабелла.

— Потому что у нее не было средств. — У графини на все находился ответ, и если она лгала, то лгала со знанием дела. — Никто не знает и никогда не узнает, на что она живет и как покупает все эти ее дорогие вещи. Думаю, что сам Озмонд этого не знает. К тому же мадам Мерль вряд ли вышла бы за него.

— Но ведь она его любила?

— Сейчас уже этого нет. То есть если любит, то иначе. Когда-то, я думаю, любила и тогда бы, наверное, вышла, но в то время был жив ее муж. Когда мистер Мерль присоединился к своим — я не говорю «предкам», потому что у него их никогда не было, — ее отношения с Озмондом уже изменились. Она стала более честолюбивой и надеялась выйти замуж за кого-нибудь очень

значительного… Это всегда было ее главной мечтой. Она выжидала, наблюдала, расставляла силки и молилась, но так и не добилась успеха. Я, в общем, не назвала бы мадам Мерль удачливой. Не знаю, чего ей еще удастся в жизни достигнуть, но сейчас бедняжке нечем особенно похвастать. Единственный заметный результат, которого она достигла, — кроме, конечно, того, чтобы знать всех вокруг и гостить у них месяцами, не тратя ни копейки своих денег, — это ваше соединение с Озмондом. О, это она все организовала, моя дорогая, и не нужно смотреть на меня с таким изумлением. Я наблюдала за этой парой в течение многих лет. Я знаю все… абсолютно все. Меня считают легкомысленной, но у меня достаточно сообразительности, чтобы увидеть их насквозь. Мадам Мерль ненавидит меня и выражает это, делая такой вид, словно постоянно хочет защитить меня. Когда люди говорят, что у меня пятнадцать любовников, она, негодуя, заявляет, что существование даже половины из них никогда не было доказано. Она боялась меня все эти годы и потому страшно радовалась этим ужасным лживым слухам, которые обо мне распускают. Боится, что когда-нибудь я выдам ее, и даже однажды пригрозила мне, когда Озмонд

начал околпачивать вас. Это было в его доме во Флоренции. Помните тот день, когда она привезла вас и мы пили чай в саду? Тогда мадам Мерль дала мне понять, что если я даже проболтаюсь, они все равно выиграют свою партию. Она делает вид, что больше знает про меня, чем я про нее! Как бы не так! Мне совершенно безразлично, что там она может наплести про меня, просто потому, что мне наплевать. Вам ведь это безразлично. А, пусть мстит, мне все равно, а вам, я думаю, можно ее не опасаться. Она всегда жаждала быть безукоризненной, этаким олицетворением благопристойности, непорочной лилией. Это был ее фетиш. Ведь жена Цезаря должна быть вне подозрений, а мадам Мерль всегда хотела выйти замуж за Цезаря! Вот одна из причин, по которой она не вышла бы за Озмонда, — страх перед тем, что люди, увидев ее с Пэнси, начнут догадываться и даже заметят сходство. Она страшно боялась выдать свою тайну и была осторожна, как никто другой.

— Нет-нет, она себя выдала, — сказала Изабелла. Она была бледна как смерть. — Она выдала себя, я просто не обратила внимания. Пэнси могла сделать блестящую партию, и когда все сорвалось, она была так взбешена, что едва не

сбросила маску.

— Ах вот на чем она сломалась! — воскликнула графиня. — Самой ей ничего не удалось, так она мечтала хотя бы хорошо пристроить свою дочь…

При последних словах, которые так легко произнесла графиня Джемини, Изабелла вздрогнула.

— Просто невероятно, — пробормотала она, пораженная всем услышанным, на миг позабыв, что эта история имеет непосредственное отношение к ней самой.

— Надеюсь, вам не придет в голову отыгрываться на невинном создании! — продолжала графиня. — Девочка очень мила, несмотря на свое жалкое происхождение. Я так привязалась к Пэнси — еще когда она была ее. А что говорить уж теперь, когда она стала вашей…

— Да, она стала моей. И как же эта несчастная должна была страдать, видя, что я… — воскликнула Изабелла, краснея.

— Я не верю в ее страдания. Наоборот, она должна радоваться. Женитьба Озмонда пошла на пользу Пэнси. Раньше они жили в настоящей дыре. Сказать вам, на что рассчитывала ее мамаша? На то, что вы так привяжетесь к девочке, что что-нибудь для нее сделаете. Озмонд, конечно, не смог бы дать за ней приданое. У него ведь на

самом деле нет ни гроша, ну да вы, конечно, все это знали. О, дорогая моя, зачем на вас свалились эти деньги! — Графиня на миг замолчала, словно увидела в лице Изабеллы что-то неожиданное для себя. — Не хотите же вы сказать, что вы все равно дадите за ней приданое? С вас, пожалуй, станется, хоть я в это и не верю… Вольно же вам быть такой доброй! Разозлитесь хоть раз в жизни! Станьте немного безнравственнее!

— Да, странная история… Конечно, мне следовало узнать это, — медленно проговорила Изабелла. — Я вам очень признательна.

— Не очень-то на это похоже! — насмешливо воскликнула графиня. — Возможно, признательны, а возможно, и нет. Но я ожидала, что вы среагируете совсем по-другому!

— А как я должна была среагировать?

— Ну, я бы сказала, как женщина, которую «использовали»!

Изабелла на это ничего не ответила. Она только слушала, и графиня продолжила:

— Они всегда были привязаны друг к другу и остались такими даже после того, как мадам Мерль решила стать… как бы это сказать… добродетельной… Озмонд всегда для нее значил больше, чем она для него. Когда праздник

закончился, они заключили сделку. Каждый предоставлял другому полную свободу, но — когда понадобится — они должны были помогать друг другу. Хотите спросить, откуда мне все это известно? Да я узнала все, наблюдая за их поведением! И видите, насколько женщины лучше мужчин? Мадам Мерль выискала Озмонду жену, а тот и пальцем ради нее не пошевелил! Она столько делала для него, составляла какие-то планы, плела интриги, не один раз доставала для него деньги… А ему она надоела. Превратилась в старую привычку. Иногда он в ней нуждается, но не особенно скучает, когда ее нет поблизости. Более того, мадам Мерль теперь знает это. Так что вам не стоит ревновать! — с улыбкой добавила графиня Джемини.

Изабелла снова поднялась с дивана. Она была ошеломлена; ей нечем было дышать. В голове ее гудело от всего услышанного.

— Я вам очень признательна, — повторила Изабелла и вдруг совсем другим тоном добавила: — А, собственно, как вы все это узнали?

На выражение признательности графиня внимания не обратила; но вот вопрос ее явно раздосадовал. Она бросила на собеседницу дерзкий взгляд и выпалила:

— Допустим, я все это придумала!

Затем изменила тон, положила ладонь на плечо Изабеллы и с вызывающей улыбкой спросила:

— Ну что, теперь вы откажетесь от поездки?

Изабелла слегка вздрогнула и отвернулась; слабость вдруг охватила ее, и ей пришлось опереться о полку камина. Побелев и закрыв глаза, она постояла так минуту и потом уронила закружившуюся голову на руки.

— Зря я вам все рассказала… Вам плохо — из-за меня! — воскликнула графиня.

— Да, я должна увидеть Ральфа! — пробормотала Изабелла. Ни негодования, ни гнева — тех чувств, которые пыталась вызвать в ней графиня Джемини, — в ее голосе не было.

В нем была лишь глубокая печаль.

Глава 52

В тот вечер был поезд на Париж через Турин. После ухода графини Изабелла быстро переговорила со своей расторопной горничной. После этого ей осталось думать только об одном: она должна была повидаться с Пэнси — девочка ни в чем не виновата. После того, как Пэнси уехала в монастырь, они еще не виделись, поскольку Озмонд дал понять, что еще не настало время для этого. В пять часов карета Изабеллы подъехала к высокой двери на узкой улочке недалеко от площади Навона. Добродушная и исполнительная привратница пригласила ее войти.

Изабелла уже бывала здесь — вместе с Пэнси они приезжали проведать сестер. Изабелла знала, что это были добрые женщины, видела, какими чистыми и опрятными выглядели просторные залы монастыря. В прекрасно ухоженном саду зимой было солнечно, а весной разливалась благодатная тень; но все же что-то здесь ей не нравилось и наводило на нее тоску — она ни за что на свете не согласилась бы провести здесь ночь. Сегодня монастырь больше, чем обычно,

напоминал Изабелле благоустроенную тюрьму, поскольку даже не стоило делать вид, будто Пэнси могла свободно покинуть эти стены. Положение этого невинного существа предстало перед ней в несколько ином свете, и Изабелла тут же решила протянуть Пэнси руку помощи.

Привратница попросила Изабеллу подождать в приемной, а сама пошла сообщить о гостье. Приемная была просторным, прохладным помещением с новой на вид мебелью. Большую чистую печь, отделанную белым фарфором, сейчас не топили. Под стеклом на столике располагалась коллекция цветов из воска. На стенах висели гравюры на библейские темы. При других обстоятельствах Изабелла решила бы, что это место больше напоминало не Рим, а Филадельфию, но сегодня ей было не до размышлений, просто помещение показалось ей очень пустынным и тихим. Привратница вернулась минут через пять в сопровождении другой женщины. Изабелла встала, ожидая встретить одну из сестер, но, к своему невероятному удивлению, увидела перед собой мадам Мерль. В глазах у нее помутилось: эта женщина в последние часы так занимала воображение Изабеллы, что, появившись во плоти, она произвела на нашу героиню такое впечат-

ление, словно задвигался портрет. Целый день Изабелла думала о мадам Мерль, ее фальшивости, отваге, ловкости, о невероятных страданиях, которые та могла испытывать, — и все это несомненно было. Когда она вошла, точно пролился свет. Ее появление здесь, собственно, и являлось в некотором роде живым доказательством. Изабелла внезапно ощутила дурноту — если бы ей требовалось сразу заговорить, она бы не смогла это сделать. Впрочем, она и не чувствовала в этом необходимости — ей абсолютно нечего было сказать мадам Мерль. Нельзя не отметить, что при общении с этой дамой вас положительно ничто не сковывало — ее манеры скрадывали не только свои, но и чужие недостатки.

Сейчас, однако, она выглядела слегка по-другому; она медленно вошла вслед за привратницей, и Изабелла сразу увидела, что сегодня мадам Мерль вряд ли приходилось рассчитывать на свою находчивость. Для нее эта встреча тоже оказалась совершенно неожиданна, и она решила вести себя так, как выйдет по обстоятельствам. Это решение придало ей непривычную серьезность — мадам Мерль даже не попыталась улыбнуться. Хотя Изабелла понимала, что мадам Мерль более, чем обычно, играет роль, тем не менее ей показа-

лось, что никогда эта прекрасная женщина еще не выглядела столь естественной. Мадам Мерль оглядела свою приятельницу с ног до головы, но не злобно или испуганно, а скорее с холодной вежливостью, и, очевидно, совершенно не желая вспоминать их последний разговор. Казалось, она хотела сказать, что ситуация изменилась и она уже не испытывает ту досаду.

— Оставьте нас одних, — сказала мадам Мерль привратнице. — Через пять минут леди позвонит в колокольчик.

Она снова повернулась к Изабелле, которая, услышав упоминание о себе, вообще перестала что-либо соображать; взгляд ее блуждал по комнате, она не решалась остановить его на мадам Мерль. Изабелла, пожалуй, предпочла бы больше вообще ее не видеть.

— Вы удивлены, увидев меня здесь, и, боюсь, не обрадованы этим, — произнесла мадам Мерль. — Вам непонятно, зачем я приехала и почему вас опередила. Признаюсь, я поступила несколько неблагоразумно. Мне следовало попросить у вас разрешения.

В ее словах совершенно не звучало никакой иронии. Они были сказаны просто и мягко, но Изабелла, унесенная столь далеко на волне

размышлений и страданий, не взялась бы определить, с каким намерением мадам Мерль высказала это.

— Но я здесь недавно, — продолжила мадам Мерль. — Я задержала Пэнси ненадолго. Я приехала к ней просто потому, что мне подумалось — девочка чувствует себя одинокой и, возможно даже, немного несчастной. Быть может, это и неплохо для молоденьких девушек. Я так мало о них знаю и потому не могу ничего сказать. Но в любом случае здесь скучновато. Поэтому я и заехала… случайно. Конечно, я понимала, что и вы должны приехать, и отец… Но ведь и остальным посещения не запрещены? Эта добрая женщина… как бишь ее зовут? Мадам Катрин… Она не возражала. Я пробыла с Пэнси двадцать минут. У нее очаровательная маленькая комнатка, ни в коем случае не похожая на монастырскую келью. С фортепиано и цветами. Она все восхитительно там устроила — у нее бездна вкуса. Конечно, я понимаю, все это не мое дело… но, повидав девочку, я чувствую себя счастливее. Пэнси даже может иметь горничную, если захочет, но, конечно, ей незачем наряжаться, поскольку некуда выходить. Она ходит в черном платьице и выглядит в нем прекрасно. Потом я зашла к матушке Катрин,

у которой тоже превосходная комната. Уверяю вас, бедные сестрицы ведут вовсе не такую уж аскетичную жизнь. В комнате матушки Катрин стоит весьма кокетливый туалетный столик, который украшает нечто, весьма похожее на пузырек одеколона. Сестра отзывается о Пэнси с восхищением, говорит, что они все счастливы видеть девочку у себя. Она — маленький ангел и служит примером старшим сестрам. Я уже уходила от матушки Катрин, когда пришла привратница и сообщила, что к синьорине приехала посетительница. Конечно, я догадалась, что это вы, и упросила разрешить мне встретить вас в приемной. Должна вам сказать, матушка Катрин сопротивлялась и говорила мне, что столь важную особу, как вы, должна — с должным уважением — встретить настоятельница; но я уговорила не тревожить ее. Я убедила ее, что и сама смогу встретить высокую гостью!

Мадам Мерль говорила с тем особенным блеском, который свойствен светским львицам, постигшим тайны ораторского искусства. Ни одно слово не прошло мимо ушей Изабеллы, хотя она старалась не смотреть на собеседницу. Мадам Мерль еще не удалось уйти в разговоре далеко, когда Изабелла заметила, как голос ее — едва

заметно — сломался, хотя и набрал вновь, очень скоро, свою полноту. Эти легкие перебои в голосе свидетельствовали о том, что мадам Мерль поняла: все изменилось, между ними все кончено; и в тот же миг догадалась о причине. Женщина, стоявшая сейчас перед ней, не была уже прежней Изабеллой — она узнала тайну мадам Мерль. Догадка была внезапной и заставила эту Леди Совершенство пошатнуться на своем пьедестале и потерять самообладание — но лишь на мгновение. Затем ее умение владеть собой вернулось к ней и не изменяло уже до конца — но только потому, что конец был уже близок. Ей пришлось собрать все свои силы, чтобы подавить волнение — ее спасение заключалось только в том, чтобы не выдать себя. Она себя и не выдала, но страх отказывался исчезать из ее голоса. Мадам Мерль ничего не могла с ним поделать. Слыша свой голос, она едва понимала, что говорит. Ее самоуверенность, словно волна в час отлива, сошла почти на нет; ее едва-едва хватило, чтобы, царапая килем о дно, достичь гавани.

Изабелла видела все это так четко, как картину на стене. Возможно, это был для нее великий момент — даже триумф. Мадам Мерль изменила отвага, и она увидела перед собой призрак

разоблачения — это само по себе было местью и предвещало приход светлых дней. И Изабелла, повернувшись к окну и глядя в него, ощутила радость от этой мысли. По ту сторону окна простирался монастырский сад, но Изабелла не видела ни сияющего дня, ни пробуждающихся к жизни растений. В беспощадном свете своего открытия, которое уже стало частью ее жизненного опыта и которому непрочность сосуда, в котором оно было подано, придавала дополнительную ценность, она видела лишь голый, ужасающий факт, что ее просто использовали. Она послужила инструментом для достижения кем-то своей цели — и все.

Вся горечь этого обстоятельства снова хлынула ей в душу — казалось, она на губах ощутила вкус презрения к себе. Был момент, в который, если бы она повернулась и заговорила, из ее горла вырвались бы слова, хлестнувшие не хуже, чем кнут. Но она закрыла глаза, и омерзительное видение исчезло. Осталась только умнейшая женщина, стоявшая в нескольких футах от нее и не знавшая, несмотря на весь свой ум, что ей делать. Единственной местью Изабеллы было молчание, которое длило неизвестность для мадам Мерль, длило столь долго, что она села, что само по себе было уже выражением полной

беспомощности. Наконец Изабелла взглянула на нее. Мадам Мерль была очень бледна и не сводила глаз с лица бывшей подруги. Она могла прочесть на нем многое — но и то, что опасность для нее миновала. Изабелла не собиралась ни обвинять, ни упрекать ее — может быть, для того, чтобы не дать возможность оправдаться.

— Я приехала попрощаться с Пэнси, — наконец произнесла Изабелла. — Вечером я уезжаю в Англию.

— Вечером вы уезжаете в Англию! — эхом отозвалась мадам Мерль, глядя в глаза Изабелле.

— Я еду в Гарденкорт. Ральф Тачетт умирает.

— О, это невосполнимая потеря для вас. — Мадам Мерль удалось восстановить самообладание. У нее появилась возможность выразить сочувствие. — Вы едете одна?

— Да, без мужа.

Мадам Мерль что-то тихо пробормотала о несовершенстве мира. Затем она сказала:

— Мистер Тачетт никогда не любил меня, но мне очень жаль, что он умирает. Вы увидите его мать?

— Да, она вернулась из Америки.

— Раньше миссис Тачетт была со мной хороша, но потом изменилась. Другие тоже измени-

лись, — с легким пафосом проговорила женщина, сделала паузу и потом добавила: — Так вы снова увидите милый старый Гарденкорт!

— Вряд ли это доставит мне много радости, — ответила Изабелла.

— Естественно… в вашем-то горе. А вообще, из всех известных мне домов — а я их видела очень много — это именно тот, в котором мне хотелось бы жить. Не рискну передавать приветы живущим там людям, — добавила мадам Мерль, — разве что самому Гарденкорту…

Изабелла отвернулась.

— Мне пора идти к Пэнси, — сказала она. — У меня не так много времени.

Когда она огляделась в поисках выхода, открылась дверь, и в комнату с любезной улыбкой вошла женщина, потирая под длинными широкими рукавами пухлые руки. Изабелла узнала мадам Катрин, с которой была знакома, и попросила побыстрее отвести ее к мисс Озмонд. Мадам Катрин приветливо улыбнулась и сказала:

— Она будет очень рада вам. Я провожу вас к ней. — Затем она перевела несколько настороженный взгляд на мадам Мерль.

— Вы позволите мне ненадолго остаться? — спросила та. — У вас так хорошо.

— Всегда, когда захотите! — Монахиня улыбнулась понимающей улыбкой.

Она повела Изабеллу коридорами и вверх по лестнице. Все помещения выглядели просторными, легкими и чистыми — Изабелла подумала, что именно так должны выглядеть образцовые исправительные учреждения. Мадам Катрин осторожно приоткрыла дверь комнаты своей воспитанницы, предложила гостье войти, остановилась и сложила руки, наблюдая за тем, как Изабелла и Пэнси обнялись.

— Она рада видеть вас, — повторила монахиня и поставила перед Изабеллой лучшее кресло, но сама стояла, всем своим видом показывая, что готова уйти. — Ну, как выглядит наша девочка?

— Немного бледна, — ответила Изабелла.

— Это из-за радости от встречи с вами. Она очень довольна. В нашем доме с ней стало светлее.

Как и сказала мадам Мерль, на Пэнси было черное платье. Возможно, именно оно придавало бледность ее лицу.

— Ко мне здесь все очень добры… они все продумали! — воскликнула девушка со своим привычным старанием сказать что-то приятное.

— Мы всегда думаем о вас. Вы — наша любимая

воспитанница, — заметила мадам Катрин тоном женщины, для которой доброжелательность являлась привычкой и чье понятие об обязанностях заключалось в заботе о ближнем. Однако эти слова упали свинцовым грузом на душу Изабеллы. Казалось, они являлись олицетворением могущества церкви и полного подчинения ей личности.

Когда мадам Катрин оставила их наедине, Пэнси опустилась перед Изабеллой, спрятала лицо в складках ее платья и замерла так на несколько мгновений, а мачеха гладила ее волосы. Затем Пэнси встала и обвела глазами комнату.

— Вам нравится, как я здесь все устроила? У меня есть все, что было дома.

— Очень мило. Очень уютно, — отозвалась Изабелла. Она не знала, о чем говорить с падчерицей. С одной стороны, Пэнси не должна была почувствовать, что Изабелле жаль ее, с другой — было бы грубой насмешкой притворяться, будто все это радует ее. Поэтому Изабелла добавила просто:
— Я приехала попрощаться с тобой. Я уезжаю в Англию.

Бледное лицо Пэнси вспыхнуло.

— В Англию! И не вернетесь?

— Я не знаю, когда вернусь.

— О, как жаль, — тихо произнесла Пэнси. Ее

голос говорил о том, что она не имела права возражать, но в нем прозвучало глубокое разочарование.

— Мой кузен мистер Тачетт очень болен. Вероятно, он умрет. Я хочу повидаться с ним, — сказала Изабелла.

— О, да, вы говорили мне, что он умирает. Конечно, вы должны ехать. А папа поедет с вами?

— Нет, я поеду одна.

Пэнси замолчала. Изабелла часто спрашивала себя, что девушка думала о подлинных отношениях ее отца и мачехи, но ни одним взглядом, ни одной фразой не позволяла себе дать Изабелле понять, что, по ее мнению, они оставляли желать лучшего. Изабелла была уверена, что Пэнси размышляла об этом. Она наверняка пришла к заключению, что в мире существовали супруги, чьи отношения были более теплыми. Но девушка была осторожна и даже в мыслях ни за что не рискнула бы осуждать свою ласковую мачеху, так же как и критиковать своего великолепного отца. Ее сердце, наверное, замирало при этом не меньше, чем если бы она увидела, как двое святых на большой иконе в монастырской часовне повернули свои нарисованные головы и покачали бы ими. И, подобно тому, что, увидев

сию картину, Пэнси не осмелилась бы никому рассказать о ней, так же она не пыталась разобраться в отношениях взрослых — их тайны ее не касались.

— Вы будете очень далеко, — произнесла она наконец.

— Да, я буду далеко. Но это не имеет особого значения, — сказала Изабелла. — Ведь пока ты здесь, я тоже очень далеко от тебя.

— Да, но вы можете приехать и повидаться со мной хоть изредка.

— Я не приезжаю, потому что твой отец запрещает. Сегодня я ничего тебе не привезла. Я не могу тебя ничем порадовать.

— Меня не нужно радовать. Папа этого не хочет.

— Тогда не имеет никакого значения, нахожусь я в Англии или в Италии.

— Вы несчастливы, миссис Озмонд, — сказала Пэнси.

— Да, не слишком. Но это не важно.

— Так и я себе говорю. Это не имеет значения. Но мне хотелось бы выйти отсюда.

— О, как бы и мне этого хотелось!

— Не оставляйте меня здесь, — тихо проговорила девушка.

Изабелла молчала. Ее сердце быстро забилось.

— Может, поедешь со мной сейчас? — спросила она.

Пэнси умоляюще взглянула на мачеху.

— Папа просил привезти меня?

— Нет, это мое предложение.

— Думаю, тогда мне лучше подождать. Папа не прислал мне письма?

— Вряд ли он знал, что я поехала сюда.

— Папа думает, что я еще недостаточно пожила здесь. — сказала Пэнси. — Но мне уже достаточно. Леди очень добры со мной. Маленькие девочки приходят ко мне. Некоторые совсем малышки… Такие очаровательные детки. А потом, моя комната… Вы сами видите — здесь все так чудесно. Но мне уже достаточно. Папа хотел, чтобы я немного поразмышляла… я думала много.

— Что же ты надумала?

— Что я никогда не должна огорчать папу.

— Ты знала это и раньше.

— Да, но теперь я знаю лучше. Я сделаю все… все, — проговорила Пэнси, и когда она услышала свои собственные слова, густой румянец залил ее лицо.

Изабелла поняла значение этого румянца. Она видела, что бедняжка сдалась. Просто удача,

что мистер Розье не стал продавать свои эмали. Изабелла взглянула в глаза девушки и увидела там мольбу о снисхождении. Изабелла положила ладонь на руку Пэнси в знак того, что этот взгляд не лишал бедняжку права на уважение со стороны мачехи, поскольку быстрота, с которой ее сопротивление (каким бы робким и бессловесным оно ни было) было сломлено, не была нечем иным, как данью понимания реальности. Пэнси не отваживалась судить других, но судить саму себя была вправе и смогла трезво оценить свои возможности. Она не имела сил бороться с трудностями — наказание одиночеством столь ошеломило ее, что она смирилась. Она склонила свою милую головку перед силой и просила лишь о милосердии. Да, весьма, весьма удачно, что Эдвард Розье сохранил хоть что-то из своей коллекции!

Изабелла встала — время шло очень быстро.

— Ну что ж, тогда до свидания, — сказала она. — Я уезжаю из Рима сегодня вечером.

Пэнси вцепилась в ее платье. Она вдруг изменилась в лице.

— Вы выглядите странно. Вы меня пугаете.

— О, меня можете не опасаться, — сказала Изабелла.

— Возможно, вы не вернетесь?

— Возможно. Не могу сказать.

— О, миссис Озмонд, не оставляйте меня!

Изабелла увидела, что Пэнси догадалась обо всем.

— Милое мое дитя, что же я могу для тебя сделать? — вздохнула Изабелла.

— Не знаю… Но я чувствую себя более счастливой, когда думаю о вас.

— Ты всегда можешь думать обо мне.

— Но не когда вы так далеко. Я… немного боюсь, — сказала Пэнси.

— Чего?

— Папы… чуть-чуть. И мадам Мерль. Она только что была здесь.

— Ты не должна так говорить, — заметила Изабелла.

— О, я сделаю все, что они пожелают. Только при вас мне это будет легче.

Изабелла на мгновенье задумалась.

— Я не оставлю тебя, — произнесла она наконец. — До свидания, дитя мое.

Они постояли молча, обнявшись, как две сестры, и потом Пэнси проводила гостью до лестницы.

— Мадам Мерль была здесь, — повторила де-

вушка, а когда Изабелла ничего не ответила, вдруг резко добавила: — Мне она совсем не нравится!

Изабелла замедлила шаг и остановилась.

— Ты никогда не должна говорить… что тебе не нравится мадам Мерль.

Пэнси недоуменно взглянула на мачеху, но ее недоумение никогда не являлось причиной для ослушания.

— Больше никогда не буду, — кротко сказала она.

Возле лестницы им пришлось расстаться — одним из условий не слишком строгого, но тем не менее обязательного для исполнения распорядка жизни Пэнси в монастыре был запрет на то, чтобы она спускалась вниз. Изабелла пошла по ступеням, а девушка осталась стоять наверху.

— Вы вернетесь? — воскликнула она, когда Изабелла была на последней ступеньке, голосом, не раз вспоминавшимся потом нашей героине.

— Да… я вернусь.

Мадам Катрин встретила Изабеллу внизу и проводила до двери приемной, перед которой остановилась.

— Здесь я покину вас, — сказала монахиня. — вас ждет мадам Мерль.

Услышав это, Изабелла вздрогнула и уже хотела спросить, нет ли другого выхода из монастыря, но потом вдруг решила не выдавать почтенной воспитательнице свое нежелание встречаться со второй посетительницей Пэнси. Матушка Катрин очень нежно положила руку ей на плечо и, взглянув на нее своим мудрым, благожелательным взглядом, сказала по-французски слегка фамильярно:

— Дорогая мадам, так что вы думаете обо всем этом?

— О моей падчерице? О, это заняло бы слишком много времени.

— Мы думаем, с нее довольно, — многозначительно сказала мадам Катрин и открыла перед Изабеллой дверь приемной.

Мадам Мерль сидела в той же позе, в какой Изабелла ее оставила. Она была так поглощена своими мыслями, что даже не пошевелилась. Когда мадам Катрин закрыла за Изабеллой дверь, мадам Мерль встала, и Изабелла увидела, что она размышляла все это время не напрасно. Мадам Мерль успокоилась и полностью восстановила самообладание.

— Мне захотелось поговорить с вами, — подчеркнуто вежливо произнесла она. — Но не о

Пэнси.

Изабелла подумала, что слабо представляет себе, о чем мог быть этот разговор, если не о Пэнси, и, несмотря на заявление мадам Мерль, сказала:

— Мадам Катрин считает, что девочка уже достаточно пожила здесь.

— Да, мне тоже так кажется. Я хотела спросить вас о мистере Тачетте. У вас действительно есть причины считать, что он на смертном одре?

— У меня есть лишь телеграмма. К несчастью, она лишь подтверждает эту возможность.

— Я хочу задать вам странный вопрос, — сказала мадам Мерль. — Вы очень любите своего кузена?

И она улыбнулась — тоже не менее странно.

— Да, я очень люблю его. Но я не понимаю вас.

Мадам Мерль немного помедлила.

— Трудно объяснить. Мне в голову пришло кое-что, что, возможно, не приходило вам, и я хотела бы поделиться этим с вами. Ваш кузен однажды проявил к вам удивительную доброту. Вы так никогда и не догадались?

— Он сделал мне много добра.

— Да, но одно его деяние превышает все остальное. Он сделал вас богатой женщиной.

— Так это… он?

Мадам Мерль убедилась в том, что произвела должное впечатление, и с триумфом продолжила:

— Он придал вам тот дополнительный блеск, которого вам недоставало. На самом деле вы должны благодарить именно его.

Она замолчала, заметив в глазах Изабеллы какое-то странное выражение.

— Я вас не понимаю. Это деньги моего дяди.

— Да, это были деньги вашего дяди. Но идея принадлежала вашему кузену. Он внушил ее старику. Сумма ведь, дорогая, была огромной.

Изабелла молча смотрела на мадам Мерль. Казалось, сегодня она целый день пребывала в мире, освещенном зловещими вспышками.

— Не понимаю, зачем вы это говорите! Я не знаю того, что знаете вы.

— Я просто догадалась. Но это так и есть.

Изабелла направилась к двери, но, приоткрыв ее, остановилась и сказала:

— До сих пор мне казалось, что я за все должна благодарить вас.

И только это и было ее местью.

Мадам Мерль стояла, опустив глаза, приняв позу горделивого раскаяния.

— Вы очень несчастны, я знаю. Но я еще боль-

ше.

— Да, могу себе представить. Я бы желала, чтобы это была наша последняя встреча.

Мадам Мерль подняла глаза.

— Я уеду в Америку, — сказала она, когда Изабелла шагнула в дверь.

Глава 53

Это было не удивление, а чувство, которое в других обстоятельствах можно было назвать радостью. Оно возникло в Изабелле, когда она вышла из парижского поезда на вокзале Чаринг-Кросс и оказалась в объятиях Генриетты Стэкпол. Изабелла телеграфировала своей подруге из Турина, и хотя не просила встречать ее, но все же надеялась, что дает телеграмму не напрасно. Во все время долгого пути из Рима Изабелла пребывала в какой-то совершенно бессознательной растерянности, даже не пытаясь думать о будущем. Невидящим взглядом она смотрела на пробегающие за стеклом пейзажи, не замечая, что те были украшены богатейшим цветением весны. Ее мысли блуждали совсем в других краях — мрачных, дремучих землях, где времена года не менялись и, казалось, всегда царила холодная зима. Изабелле нужно было многое обдумать, но ее занимали отнюдь не осознанные размышления; не связанные между собой видения, неожиданные смутные вспышки воспоминаний и ожиданий проплывали у нее в голове. Прошлое

и будущее сменяли друг друга в судорожной динамике, подчинявшейся только собственной логике. Что только не вспоминалось ей! Сейчас, когда ей открылась тайна, когда она узнала то важное, что ее непосредственно касалось, что имело в ее жизни огромное значение и незнание чего сделало ее существование похожим на попытку сыграть в вист неполной колодой карт, вся правда мира, все отношения в нем, все его значение и ужас предстали перед ней в виде некоего огромного архитектурного сооружения. В ее памяти всплывали тысячи мелочей, которые появлялись с той же неожиданностью, с какой пробегает дрожь. В свое время она считала их мелочами, а теперь ощущала их почти свинцовую тяжесть. Однако даже теперь они оставались мелочами — какой смысл был вникать в них?

Все в эти дни казалось Изабелле бессмысленным. Все ее цели и намерения исчезли. И все желания тоже, кроме разве одного — побыстрее добраться до своего прибежища. Гарденкорт был ее стартовой точкой, и возвращение в эти тихие покои было хотя бы временным выходом. Оттуда Изабелла начала свой путь как на крыльях, а возвращалась совершенно обессиленной. Если раньше Гарденкорт являлся для нее просто

отдохновением, то сейчас стал настоящим святилищем. Она завидовала умиравшему Ральфу — ведь если говорить о покое, то был ли покой более совершенный? Умереть, бросить все и не знать больше ничего — эта мысль казалась ей не менее сладкой, чем в полуденный зной в заморской стране мечта о мраморной ванне с прохладной водой. Во время путешествия иногда случались моменты, когда Изабелла действительно казалась себе мертвой. Она сидела в углу купе столь неподвижная, равнодушная, столь далекая от надежд и даже отчаянья, просто ощущая, как поезд вез ее куда-то, что, если бы кто-нибудь решил проникнуть в ее душу, он бы совершенно ясно удостоверился в отсутствии ее телесной оболочки. Сожалеть было не о чем. Все закончилось. Не только время ее безрассудных поступков, но и время раскаяния, казалось, уже умчалось вдаль. Единственное, о чем можно было сожалеть, так это о том, что мадам Мерль оказалась такой… такой неописуемой. Воображение отказало Изабелле, она не способна была определить, какой же именно оказалась мадам Мерль. Но, какой бы она ни была, пусть сама жалеет себя, пусть займется этим в Америке, куда она собиралась. Это больше не касалось

Изабеллы. У нее лишь создалось впечатление, что она больше никогда не увидит мадам Мерль; и эта мысль унесла ее в будущее, куда Изабелла нет-нет да и бросала взгляды. Она видела себя через много лет по-прежнему той, перед которой расстилалась жизнь, и это противоречило ее нынешнему настроению. Хорошо бы было умереть; но в этой привилегии, очевидно, ей было пока отказано. Глубоко в душе у Изабеллы — глубже, чем была ее тяга к небытию, — таилось чувство, что жизнь ее продлится еще долго. В этом убеждении таилось что-то вдохновляющее и бодрящее — временами это заставляло ее встряхнуться. Это было свидетельством силы, доказательством того, что однажды она снова будет счастлива. Невозможно, чтобы в жизни ей было суждено только страдать. Ведь она была еще так молода, и с ней еще очень многое могло случиться. Жить только для того, чтобы страдать и чувствовать, как удары судьбы повторяются и усиливаются, — Изабелле казалось невозможным, чтобы ее предназначение было именно таким, — она считала, что заслуживает большего. Потом она задумывалась, не было ли слишком глупо быть о себе столь высокого мнения? Но если это даже и правда — что это меняло? Разве история не

есть пример уничтожения сплошь да рядом самого ценного? Разве было что-то невероятное в предположении, что утонченная натура должна больше страдать? Из этого следовало, что каждому необходимо иметь в душе что-то грубое, что могло бы охранить его от излишних страданий. В общем, в своих видениях Изабелла уловила ускользающую, но вполне различимую тень долгих лет. Бежать было невозможно; она должна была выдержать все до конца. Затем на нее снова наступало ее настоящее, и оно отгораживало ее от всего своей плотной завесой безразличия.

Генриетта поцеловала подругу. Она всегда делала это так, словно боялась, что ее схватят на месте преступления. Изабелла стояла в толпе, рассеянно оглядываясь вокруг в поисках служанки. Она ни о чем не спрашивала, предпочитая ждать. У нее вдруг появилось ощущение, что она под надежной защитой. Как хорошо, что Генриетта встретила ее — прибытие в Лондон показалось Изабелле почему-то ужасным. Тусклый, закопченный высокий свод вокзала, странный мертвенно-бледный свет, густая, мрачная, толкающаяся локтями толпа наполнили Изабеллу страхом и заставили ее вцепиться в руку подруги. Она вспомнила, как когда-то ей все это нрави-

лось — казалось частью большого волнующего представления. Она помнила, как пять лет назад в зимних сумерках шла через оживленные улицы от Юстонского вокзала — сегодня вряд ли ей удалось бы сделать это, ей казалось, что в тех событиях участвовала не она, а кто-то совсем другой…

— Как прекрасно, что ты приехала, — сказала Генриетта, глядя на подругу так, словно ожидая от нее возражений. — Если бы ты не приехала… если бы ты не приехала… ну я просто тогда не знаю, что бы было, — пробормотала мисс Стэкпол, прозрачно намекая на свое возможное неодобрение.

Изабелла снова огляделась, не видя свою служанку. Ее взгляд упал на человека, которого она уже, несомненно, когда-то встречала, и спустя мгновение она узнала приветливое лицо мистера Бентлинга. Он был слегка в стороне, но толпа была не в силах отвоевать у него ни дюйма земли, на которой он стоял, — истый джентльмен, скромно пережидавший, пока дамы закончат заключать друг друга в объятия.

— Там мистер Бентлинг, — негромко, расслабленно произнесла Изабелла; внезапно ей стало все равно, найдет она свою служанку или нет.

— О да, он везде ходит со мной. Идите сюда, мистер Бентлинг! — позвала Генриетта, после чего галантный холостяк двинулся к ним со сдержанной, согласно торжественности момента, улыбкой. — Разве не мило, что она приехала? Он все знает. Мы долго обсуждали этот вопрос. Мистер Бентлинг говорил, что ты не приедешь, а я, конечно, говорила совершенно обратное.

— Я думала, вы всегда находите общий язык, — ответила Изабелла, обнаружив, что может улыбаться, — излучавшие доброту глаза мистера Бентлинга будто говорили: все хорошо, пусть она помнит, что он старинный друг ее кузена, что он все понимает, что все теперь в порядке… Изабелла протянула ему руку. Его доброта казалась ей бесконечной.

— Вот уж нет: я-то всегда готов согласиться, в отличие от мисс Стэкпол, — заверил он.

— Разве я не говорила тебе, что служанки приносят одни неудобства? — спросила Генриетта. — Наша молодая леди, видимо, осталась в Кале.

— Не важно, — сказала Изабелла, по-прежнему глядя на мистера Бентлинга, который еще никогда не вызывал у нее столь большого интереса.

— Постойте с ней, пока я посмотрю, — скоман-

довала Генриетта, оставив на некоторое время Бентлинга и Изабеллу наедине.

Сначала они стояли молча, затем мистер Бентлинг поинтересовался, как они пересекли Ла-Манш.

— Прекрасно. Впрочем, нет, вообще-то сильно качало, — вспомнила Изабелла к очевидному удивлению собеседника. — Я знаю, вы ездили в Гарденкорт.

— Откуда вы знаете?

— Не могу ничего сказать… просто у вас вид человека, который был там.

— Я выгляжу печальным? Знаете, там действительно очень печально.

— Я не представляю, чтобы вы когда-нибудь выглядели очень печальным. Нет, по вашему виду можно только сказать, что вы чудесный, добрый человек, — сказала Изабелла с откровенностью, для которой ей не потребовалось никаких усилий. Ей казалось, что она больше никогда не будет попусту испытывать смущения.

Однако бедняга Бентлинг не смог подхватить знамя непринужденности. Он сильно покраснел, рассмеялся и стал убеждать женщину, что очень часто бывает уныл, а когда он бывает уныл, то делается ужасно зол.

— Можете спросить мисс Стэкпол, — сказал он. — А в Гарденкорте я был два дня назад.

— Вы видели моего кузена?

— Совсем недолго. Но он принимает гостей. Уорбартон был у него за день до меня. Ральф почти не изменился, только лежит в постели, выглядит ужасно больным и временами даже не может говорить. Но он все такой же насмешник. Как это все ужасно.

Она немедленно живо представила себе эту картину — не помешала даже вокзальная суета.

— Вы были к вечеру?

— Да, специально поехал попозже, поскольку мы подумали, что это будет важно для вас.

— Я очень вам обязана. Могу я отправиться туда сегодня же?

— О, не думаю, что Генриетта отпустит вас, — ответил мистер Бентлинг. — Она хочет, чтобы вы остановились у нее. Я попросил кого-нибудь из прислуги Тачеттов протелеграфировать мне и час назад получил телеграмму в своем клубе. «Все спокойно» — вот что там было написано. Время отправления — два часа дня. Как видите, вы вполне можете подождать до завтра. Вы, наверное, очень устали.

— Да, очень. Еще раз спасибо вам.

— О, мы знали, что вам понравятся последние новости, — сказал мистер Бентлинг.

Изабелла отметила, что хоть в этом мнения мистера Бентлинга и Генриетты наконец сошлись.

Мисс Стэкпол вернулась со служанкой Изабеллы, которая неожиданно нашлась. Она вовсе не потерялась в толпе — просто она получала багаж хозяйки, и теперь Изабелла могла спокойно покинуть вокзал.

— Даже и не думай, чтобы ехать туда сегодня, — заметила Генриетта. — Не важно, есть ли вечерний поезд или нет. Мы поедем прямо ко мне на Уимпол-стрит. Это не римский дворец, но переночевать можно.

— Как тебе угодно, — согласилась Изабелла.

— Ты поедешь ко мне и ответишь на несколько вопросов. Вот что мне угодно.

— А ведь она ничего не говорит насчет обеда, не так ли, миссис Озмонд? — весело спросил мистер Бентлинг.

Генриетта устремила на него пристальный взгляд.

— Вижу, вам не терпится остаться одному. Будьте на Пэддингтонском вокзале завтра ровно в десять.

— Если это ради меня, то не стоит, мистер Бент-

линг, — сказала Изабелла.

— Ничего-ничего, он придет ради меня, — заявила Генриетта, ведя подругу к кебу.

Через некоторое время в просторной сумрачной прихожей на Уимпол-стрит — нужно отдать должное мисс Стэкпол, там женщин ждал обильный ужин — хозяйка задала Изабелле свои вопросы.

— Твой муж устроил тебе сцену перед отъездом? — это был первый вопрос.

— Нет. Не могу сказать, что он устроил сцену.

— Тогда, значит, не возражал?

— Возражал очень сильно. Но это не то, что можно было бы назвать сценой.

— Что же это тогда было?

— Между нами произошел очень спокойный разговор.

Генриетта некоторое время пристально разглядывала подругу.

— Должно быть, это было ужасно, — заметила она.

Изабелла не стала разубеждать ее, просто ограничилась тем, что кратко отвечала на ее вопросы; это было легко, поскольку они носили конкретный характер. Ей не хотелось сейчас пускаться в объяснения.

— Ладно, — улыбнулась Генриетта. — У меня не вызывает восторга лишь одна вещь. Зачем ты пообещала юной мисс Озмонд вернуться?

— Сейчас я не уверена, что сама понимаю, — ответила Изабелла. — Но я пообещала

— Если ты не помнишь, по какой причине это сделала, то, может быть, и не вернешься?

Изабелла несколько секунд молчала, потом сказала:

— Возможно, найдутся другие причины.

— Ни одной основательной ты точно не найдешь.

— В таком случае на первый план выйдет та причина, что я дала обещание, — призналась Изабелла.

— Это-то мне и не нравится.

— Давай не будем сейчас говорить об этом. Мне было трудно уехать, а возвращение будет еще более тяжелым.

— Ну, ты же сказала, что он не устраивает сцен, — с нажимом напомнила Генриетта.

— Да нет, устроит, конечно, — серьезно ответила Изабелла. — Только это будет одна из тех сцен, которые длятся вечно.

Несколько минут женщины молча оценивали такую перспективу, затем мисс Стэкпол, перейдя

по просьбе подруги к другой теме, объявила:

— Я гостила у леди Пензл!

— О, приглашение наконец-то дошло!

— Да, для этого понадобилось пять лет. Но на этот раз она сама хотела со мной встретиться.

— Вполне естественно.

— Более естественно, чем ты думаешь, — сказала Генриетта, глядя в пространство, затем внезапно повернулась и добавила: — Изабелла Арчер, приношу вам свои извинения. И знаешь, почему? Потому что я критиковала тебя, а сама зашла еще дальше. Мистер Озмонд, по крайней мере, был рожден по ту сторону океана!

Изабелла не сразу поняла, что имела в виду подруга, — так тщательно был спрятан смысл тирады Генриетты. И, хотя Изабелла не была настроена воспринимать сейчас что-нибудь комически, она все же рассмеялась. Однако она тут же взяла себя в руки и серьезно, торжественно спросила:

— Генриетта Стэкпол, вы намерены покинуть свою родину?

— Да, бедная моя Изабелла, и не собираюсь это отрицать. Увы, это факт. Я собираюсь выйти замуж за мистера Бентлинга и поселиться в Лондоне.

— Это выглядит весьма странно, — заметила Изабелла, снова позволив себе улыбнуться.

— Думаю, да. Я пришла к этому постепенно. Полагаю, я знаю, что делаю, но не могу объяснить, почему.

— Никто не может объяснить чье-либо замужество, — согласилась Изабелла. — И тебе не нужно ничего объяснять. Мистер Бентлинг очень хороший человек.

Генриетта молчала. Казалось, она запуталась в своих размышлениях.

— Он прекрасный человек, — произнесла она наконец. — Я изучала его на протяжении нескольких лет и вижу теперь насквозь. Он чист, как стекло. В нем нет никакой тайны. Он не интеллектуал, но сам очень ценит интеллект. С другой стороны, он не переоценивает значение ума, что иногда происходит в Америке.

— Да… ты действительно изменилась! — заметила Изабелла. — Впервые в жизни я слышу от тебя что-то негативное о своей стране.

— Я только сказала, что мы слишком интеллектуальны — это скорее достоинство. Но я и в самом деле изменилась. Чтобы выйти замуж, женщине нужно порядком перемениться.

— Надеюсь, ты будешь счастлива. По крайней

мере, тебе наконец-то удастся узнать частную жизнь англичан!

Генриетта тяжело вздохнула.

— Наверное, в этом и ключ к разгадке. Я просто не могла терпеть то, что меня не впускают в их круг! Зато теперь у меня такие же права, как у всех! — произнесла она с нескрываемым восторгом.

Изабеллу очень позабавила новость, но затем ее охватила легкая грусть. В общем-то, не было ничего особенного в том, что Генриетта в конце концов оказалась просто женщиной, а не пламенным борцом с рутиной повседневности. Изабелла испытала легкое разочарование, увидев, что Генриетта поддалась слабости, оказалась подвержена обычным страстям и что ее отношения с мистером Бентлингом вовсе не были оригинальными. В ее желании выйти за него замуж настолько не было ничего оригинального (это было даже немного глупо), что на какое-то мгновение и без того мрачный мир показался Изабелле еще беспросветнее. Чуть позже, однако, она подумала, что мистер Бентлинг, по крайней мере, был большим оригиналом. Однако она не представляла себе, как это Генриетта может бросить родину. Сама она давно уж не тосковала

по родной стране, но она никогда так сильно и не любила ее, как Генриетта. Наконец, Изабелла спросила, как подруге понравилась поездка к леди Пензл.

— О, она не знала, как меня воспринимать, — ответила мисс Стэкпол.

— Это тебя развлекало?

— Очень, поскольку она считается весьма умной и совершенно убеждена, что знает все обо всем; но с женщиной-журналисткой она не сталкивалась! Ей было бы проще, если бы я была немного лучше или немного хуже. А так она была совершенно сбита с толку. Похоже, она считала, что я просто обязана совершать аморальные поступки. И хотя она считает аморальным мое решение выйти замуж за ее брата, все-таки в конце концов это недостаточно аморально. Ей никогда меня не понять… никогда!

— Значит, она не так умна, как ее брат, — сказала Изабелла. — Он, судя по всему, понял.

— О, нет! — решительно возразила мисс Стэкпол. — Я думаю, что он хочет жениться на мне с целью… просто выяснить кое-что для себя. Это его идея фикс. Он как во сне.

— Очень мило, что ты с таким юмором относишься к этому.

— О, да, — сказала Генриетта. — Но мне тоже есть что выяснять!

И Изабелла поняла, что подруга вовсе не отказалась от своей родины, а даже планировала атаку на Англию. Генриетта была готова померяться с ней силами.

Оказавшись на следующий день на Пэддингтонском вокзале в два часа в компании мистера Бентлинга и Генриетты, Изабелла убедилась в том, что сей джентльмен весьма легко переносит неожиданность слов и поступков мисс Стэкпол. Если он еще не понял всего, по крайней мере, ему стало ясно главное — Генриетту не нужно было понукать брать инициативу в свои руки. Мистер Бентлинг, очевидно, выбирал себе жену, исходя именно из этого.

— Генриетта сказала мне, и я очень рада, — произнесла Изабелла, протягивая ему руку.

— Осмелюсь предположить, что вы находите все это очень странным, — ответил мистер Бентлинг, опираясь на свой изящный зонт.

— Да, я нахожу это весьма необычным.

— Но, наверное, все же не до такой степени, как я. Но я всегда предпочитал поступать неординарно, — проговорил мистер Бентлинг невозмутимо.

Глава 54

Второе прибытие Изабеллы в Гарденкорт произошло еще незаметнее, чем первое. Ральф Тачетт держал немногочисленную прислугу, и для новых слуг миссис Озмонд была посторонним лицом, поэтому вместо того, чтобы проводить в приготовленные покои, Изабеллу проводили в гостиную и с холодной учтивостью попросили подождать, пока миссис Тачетт выйдет к гостье. Она ждала долго — казалось, тетушка не торопилась встретить племянницу. Наконец, Изабелла начала нервничать, испытывать беспокойство и даже нечто сродни страху. День выдался мрачным и холодным; в просторной большой комнате по углам сгущались сумерки. Дом был совершенно безмолвным — Изабелла помнила эту тишину. Она наполняла собой все вокруг в течение нескольких дней перед смертью ее дяди. Изабелла вышла из гостиной, прошла в библиотеку и оттуда — в картинную галерею. Шаги ее отдавались гулким эхом. Здесь ничего не изменилось — Изабелла узнавала все, что видела много лет назад, словно стояла тут только вчера.

Она подумала о том, что вещи меняются совсем немного, а люди постепенно старятся, утрачивая свою привлекательность, — и вдруг поняла, что бродила сейчас по дому точно так же, как тетя в свой тогдашний приезд в Олбани. Тогда все и началось — а как она, Изабелла, теперь изменилась! Ее вдруг поразила мысль, что если бы тетя Лидия не приехала тогда, все могло бы быть совершенно иначе. У нее могла бы быть другая жизнь, и она могла бы быть сейчас более счастливой женщиной. Изабелла остановилась перед небольшой картиной — прекрасным ценным Бонингтоном[77] — и долго смотрела на нее, но ничего не видела. Она думала о том, вышла бы она замуж за Каспара Гудвуда, если бы тетушка тогда не приехала.

Когда Изабелла вернулась в пустую гостиную, наконец появилась миссис Тачетт. Она заметно постарела, но по-прежнему высоко держала голову, ее глаза оставались такими же яркими, а тонкие губы были столь же многозначительно поджаты. На ней было серое, ничем не украшенное простое платье, и Изабелла подумала, как в первый раз, — кого больше напоминает ее

---

[77] Примечания: 77

Р-П. Бонингтон (1801–1828) — английский живописец и график.

тетушка — королеву-регентшу или тюремную надзирательницу. Изабелла поцеловала тетю — коснулась и в самом деле неподражаемо тонкой полоски губ.

— Я заставила тебя ждать, потому что сидела с Ральфом, — сказала миссис Тачетт. — Сиделка пошла есть, и я заменила ее. У Ральфа есть слуга-мужчина, но от него нет никакого толку. Он все время смотрит в окно, словно там есть на что смотреть! Я не хотела шевелиться, поскольку мне казалось, что Ральф спал, и боялась, что мой шорох разбудит его, и дождалась возвращения сиделки. Я же помнила, что ты знаешь дом.

— Оказалось, что я знаю его даже лучше, чем полагала. Я прошлась по нему, — отозвалась Изабелла. Затем спросила, как долго спит Ральф.

— Он лежит с закрытыми глазами, не шевелясь. Но я не уверена, что он все время спит.

— Он узнает меня? Сможет поговорить?

Миссис Тачетт поколебалась.

— Ну, посмотришь, — наконец сказала она и предложила отвести Изабеллу в ее комнату. — Я думала, они уже проводили тебя; но это ведь не мой дом, а Ральфа, и я не знаю, что делают слуги. Надеюсь, они по крайней мере внесли твой багаж. Не думаю, что ты привезла с собой много вещей.

Впрочем, это меня не особенно интересует. Думаю, они отвели тебе ту же комнату, в которой ты жила. Когда Ральф узнал, что ты едешь, он сказал, чтобы тебе отвели именно ее.

— Он сказал что-нибудь еще?

— О, дорогая, Ральф уже далеко не столь болтлив, как раньше! — воскликнула миссис Тачетт, поднимаясь по лестнице впереди племянницы.

Это действительно была та же самая комната. Что-то подсказало Изабелле, что в ней никто не жил после ее отъезда. Ее багаж — он был не слишком велик — уже внесли. Глядя на него, миссис Тачетт присела.

— И что, никакой надежды? — спросила Изабелла, стоя перед тетей.

— Никакой. И никогда не было. Нельзя сказать, чтобы его жизнь была удачной.

— Нет… она была прекрасной. — Изабелла заметила, что уже начала противоречить тете. Ее раздражала холодность миссис Тачетт.

— Не знаю, что ты имеешь в виду. Без здоровья нет красоты. Почему ты так странно одета для путешествия?

Изабелла взглянула на свою одежду.

— В Риме я собиралась за час и взяла первое, что попалось под руку.

— Твои сестры в Америке спрашивали, как ты одеваешься. Казалось, это интересовало их больше всего. Я не могла сказать им, но, кажется, у них сложились правильные представления. Ты никогда не носишь ничего проще черной парчи.

— Я кажусь им более блистательной, чем я есть на самом деле, а я боюсь сказать им правду, — произнесла Изабелла. — Лили писала, что вы с ней обедали.

— Она приглашала меня четыре раза, и мне пришлось согласиться. Хотя я считаю, уже после второго раза ей следовало оставить меня в покое. Обед был прекрасным и, видимо, обошелся недешево. У ее мужа отвратительные манеры. Понравилась ли мне поездка в Америку? Почему она должна была мне понравиться? Я езжу туда не ради удовольствия.

Сообщив эти подробности, миссис Тачетт вскоре покинула племянницу, с которой должна была встретиться через полчаса в столовой. За столом женщины сели друг напротив друга; стол, накрытый на столь малое количество персон, будил воспоминания и наводил уныние. Вскоре Изабелла убедилась, что ее тетя вовсе не так холодна, как пытается казаться, и к ней возвратилась прежняя жалость к этой женщине. Как

жаль, что за всю жизнь тетушка не испытала сильных чувств, — каким бы благом для нее было, если бы она могла испытать поражение или хотя бы совершить ошибку! Изабелла считала настоящим блаженством свободу огорчаться и удивлялась, почему миссис Тачетт не пыталась воспользоваться ею, неужели она не понимала, что позволить себе горевать, излить свое горе — значит получить облегчение? Возможно, она боялась — если начать огорчаться, неизвестно куда все это может привести. Однако Изабелла видела, что миссис Тачетт начала осознавать, что что-то в своей жизни упустила — и теперь ей предстоит старость, лишенная воспоминаний. В ее маленьком заострившемся личике было что-то трагическое. Она сказала племяннице, что Ральф по-прежнему лежит неподвижно, но она полагает, что он сможет повидаться с Изабеллой до обеда. Затем миссис Тачетт добавила, что днем раньше Ральфа навещал лорд Уорбартон. Это заявление немного встревожило Изабеллу, поскольку напомнило о соседстве с этим человеком и, следовательно, о возможности случайной встречи с ним. Это казалось ей не очень приятным — она приехала в Англию не для того, чтобы опять вести борьбу с лордом Уорбартоном.

Впрочем, вслух Изабелла только и сказала тете, что лорд очень заботился о Ральфе — она сама была тому свидетельницей в Риме.

— Ему сейчас есть еще о чем подумать, — ответила миссис Тачетт и словно пробуравила племянницу взглядом.

Изабелла сразу поняла намек, но постаралась скрыть это в своем ответе. Сердце ее учащенно билось.

— О да, я понимаю… Палата лордов и все такое прочее… — протянула она.

— Он думает не о лордах, а о леди. По крайней мере, об одной из них. Он сказал Ральфу, что помолвлен и собирается жениться.

— Да? Жениться? — мягко отозвалась Изабелла.

— Ну, если не передумает. Ему показалось, что Ральф должен знать об этом. Бедный Ральф не сможет поехать на свадьбу, хотя, я думаю, она состоится очень скоро.

— И кто же невеста?

— Какая-то аристократка. Леди Флора или леди Фелиция… Что-то в этом роде.

— Я очень рада, — сказала Изабелла. — Видимо, это внезапное решение?

— Думаю, да. Ухаживание длилось три недели.

Объявление было сделано только что.

— Я очень рада, — повторила Изабелла, осознавая, что тетя наблюдала за ней и искала признаки досады. Стараясь не выказать ничего подобного, Изабелла сумела сказать эту фразу совершенно спокойно, почти с облегчением. Миссис Тачетт, конечно, придерживалась традиционных представлений, что женщины, причем даже замужние, рассматривали женитьбу своего бывшего поклонника как оскорбление. Поэтому первым желанием Изабеллы было показать, что она не чувствовала себя оскорбленной. Да, сердце ее учащенно забилось, и она на некоторое время погрузилась в задумчивость, забыв о том, что миссис Тачетт наблюдает за ней, — но не потому, что потеряла поклонника. Ее воображение пронеслось через половину Европы, остановилось, задохнувшись и задрожав. Она представила, как сообщает мужу о том, что лорд Уорбартон повел невесту под венец, и даже не могла себе представить, каким сумрачным стало при этом ее лицо…

Но, наконец, она взяла себя в руки и сказала:

— Должен же он был рано или поздно жениться.

Миссис Тачетт промолчала, затем энергично

встряхнула головой.

— О, дорогая, ты просто невозможна! — воскликнула она, и женщины продолжили обед в тишине. Изабелле казалось, будто ей сообщили о смерти лорда Уорбартона. Она знала его только в роли влюбленного, претендента на ее руку и сердце — и вот с этим было покончено. Он умер и для бедняжки Пэнси… А ведь если бы он остался рядом с Пэнси, Изабелла бы продолжала ощущать его существование…

Слуга все суетился возле них. Миссис Тачетт наконец отослала его. Она закончила завтракать и сидела, положив руки на край стола.

— Мне хотелось бы задать тебе три вопроса, — сказала она, когда слуга ушел.

— Это очень много.

— Меньшим количеством я не могу обойтись. Ничего неуместного.

— Именно этого я и боюсь. Уместные вопросы на самом деле самые ужасные, — ответила Изабелла.

Миссис Тачетт откинулась на стуле, сверля племянницу взглядом, а Изабелла не без умысла встала из-за стола и подошла к глубокой оконной нише.

— Ты когда-нибудь жалела, что не вышла за

лорда Уорбартона? — спросила миссис Тачетт.

Изабелла с улыбкой медленно покачала головой.

— Нет, милая тетя.

— Хорошо. Должна сказать, что я верю тебе.

— Ваше доверие является для меня огромным искушением, — все с той же улыбкой ответила Изабелла.

— Искушением солгать? Не рекомендую тебе делать это, поскольку, когда меня обманывают, я становлюсь такой же опасной, как отравленная крыса. Я не намерена злорадствовать на твой счет.

— Моему мужу не нравится жить со мной, — сказала Изабелла, — ведь второй вопрос будет этот?

— Я могла бы сказать ему об этом заранее. На его счет я могу позволить себе позлорадствовать… Скажи: тебе все еще нравится Серена Мерль? — вдруг спросила миссис Тачетт.

— Не так, как когда-то. Но это не имеет значения. Она уезжает в Америку.

— В Америку? Видимо, она совершила что-то ужасное.

— Да… очень скверное.

— Могу я спросить, что именно?

— Использовала меня для своих целей.

— О! — воскликнула миссис Тачетт. — Меня тоже! Она со всеми так поступает.

— Она и Америку использует в своих интересах, — сказала Изабелла и снова улыбнулась, довольная тем, что вопросы тети закончились.

До вечера она так и не увиделась с Ральфом. Он находился в забытьи весь день. Приходил врач, но потом ушел. Это был тот самый местный доктор, который ухаживал за отцом Ральфа и который ему так нравился. Он приезжал три или четыре раза в день — его очень волновал этот его пациент. Ральфа пользовал сэр Мэттью Хоуп, но больной устал от этого медицинского светила и попросил мать сообщить ему, что он уже умер и, следовательно, больше в услугах врача не нуждается. Миссис Тачетт, однако, написала сэру Мэттью, что он разонравился ее сыну. Как я уже сказал, в день приезда Изабеллы Ральф в течение нескольких часов не подавал признаков жизни, но ближе к вечеру приподнялся и сказал, что знает — приехала его кузина. Как он узнал, было непонятно, — боясь разволновать его, каждый хранил это в тайне. Изабелла вошла в комнату и села рядом с погруженной в полумрак кроватью кузена — одна лишь тусклая свеча горела в даль-

нем углу. Она сказала сиделке, что та может идти и что она сама посидит с больным до конца вечера. Ральф открыл глаза, узнал ее и пошевелил беспомощно лежавшей до этого рукой. Изабелла взяла его руку. Но больной не мог говорить — он снова закрыл глаза и лежал неподвижно некоторое время, держа кузину за руку. Она просидела с ним долго — пока не вернулась сиделка, — но Ральф больше не подавал признаков того, что он в сознании. Он мог уйти, пока Изабелла смотрела на него, — на нем уже лежала печать смерти. Еще в Риме кузина видела, что дни его сочтены, — но сейчас все обстояло гораздо хуже, и теперь была возможна лишь одна перемена в его состоянии.

В лице Ральфа было какое-то странное спокойствие — оно выглядело неподвижным, как крышка гроба. Ральф похудел настолько, что от него остался почти один только скелет. Когда он открыл глаза, чтобы поздороваться с кузиной, ей показалось, что ее взгляд погрузился в бесконечное пространство. Сиделка вернулась лишь к полуночи, но Изабелле не показалось, что время медленно тянется, — ведь именно для этого она и приехала сюда. Да, ведь она приехала сюда, чтобы просто ждать, — и ей была предоставлена эта возможность. Было такое впечатление, что

Ральф замер в благодарном молчании — и оно продолжалось целых три дня. Больной узнавал кузину и временами, казалось, хотел заговорить, но не мог. Тогда он снова закрывал глаза, словно тоже ожидая чего-то — чего-то неотвратимого. Ральф был настолько тихим, что иногда Изабелле казалось, будто ожидаемое уже свершилось, но все же ее никогда не покидало ощущение, что они еще вместе. Впрочем, они не всегда были вместе. Порой, когда Изабелла бродила по пустынному дому, ей слышался голос, не похожий на голос бедного Ральфа. Ее преследовал постоянный страх — она опасалась, что муж может ей написать. Но Озмонд молчал, и Изабелла получила лишь письмо из Флоренции от графини Джемини. А на третий вечер после приезда Изабеллы Ральф наконец заговорил.

— Я чувствую себя сегодня лучше, — пробормотал он, когда кузина сидела рядом. — Думаю, я смогу говорить.

Изабелла опустилась на колени у изголовья, взяла исхудавшую руку кузена и стала умолять его не шевелиться, а то он устанет.

Лицо больного оставалось серьезным — у него уже не было сил на улыбку. Но Ральф еще не потерял способности определять несуразность в

происходящем.

— Что в том, что я устану, когда для того, чтобы отдохнуть, меня ждет вечный покой? — спросил он. — Почему бы мне не сделать последнее усилие? Люди перед концом всегда ощущают некоторое улучшение — я часто слышал об этом и ждал этого. Я делал две или три попытки заговорить… Я боялся, вы устанете сидеть здесь. — Ральф говорил медленно, запинаясь, с длинными паузами. Казалось, его голос доносится издалека. Во время пауз он лежал, глядя на Изабеллу широко открытыми глазами, немигающим взглядом. — Как хорошо, что вы приехали, — продолжал он. — Я так и думал, но не был уверен.

— Я тоже уверилась в этом только тогда, когда приехала, — сказала Изабелла.

— Вы сидели у моей постели словно ангел. Вы ведь знаете — ангел смерти на картинах всегда самый прекрасный… И вы были так прекрасны — точно дожидались меня…

— Я не ждала вашей смерти. Я ждала, когда вы очнетесь. Это не смерть, дорогой Ральф.

— Нет… для вас — нет. Ничто не заставляет нас так чувствовать себя живым, как вид чужой смерти. Это само ощущение жизни… ощущение, что мы остаемся… Оно у меня было когда-то

тоже… Даже у меня. Но теперь мне не остается ничего, кроме как внушать его другим. Со мной все кончено.

Ральф сделал паузу. Изабелла склонялась все ниже — и уткнулась лицом в свои руки, которые лежали на руках Ральфа. Сейчас она не могла его видеть — но до нее донесся его далекий голос.

— Изабелла, — продолжил вдруг Ральф, — я хотел бы, чтобы и для вас все было кончено.

Она ничего не ответила, а лишь зарыдала, не поднимая лица. Больной лежал молча, прислушиваясь к рыданиям кузины, и, наконец, издал тяжелый стон.

— О, дорогая, все это — ради меня?

— А вы — вы-то что сделали ради меня! — воскликнула Изабелла. Волнение почти отогнало ее горе. Был позабыт всякий стыд, всякое желание скрывать что-то. Теперь кузену можно было знать. Теперь он должен был знать, ей хотелось, чтобы он знал, поскольку это связывало их еще крепче, а душевные страдания теперь были ему недоступны. — Вы же знаете, что однажды сделали для меня. О, Ральф, вы для меня — все! А что я сделала для вас? Что я могу сделать для вас сейчас? Я бы умерла, чтобы вы могли жить. Я бы умерла, чтобы не терять вас и быть с вами

вместе.

Ее голос, полный слез и боли, тоже обрывался — как и его.

— Вы не потеряете меня. Я останусь с вами. Сохраните меня в своем сердце. Там я буду еще ближе к вам. Как никогда. Дорогая Изабелла, жизнь лучше — поскольку в ней есть любовь. Смерть хороша, но в ней нет любви.

— Я так и не поблагодарила вас… так никогда и не говорила… не стала такой, какой следовало! — продолжала Изабелла. Она испытывала страстное желание каяться, обвинять себя, позволить горю завладеть ею. Все ее несчастья в одно мгновение слились воедино и сплавились вместе в одну боль. — Что вы должны были думать обо мне? Но откуда я могла знать? Я ничего не знала, а теперь знаю только потому, что не все люди в мире столь глупы, как я.

— Люди… да ну их, — сказал Ральф. — Думаю, будет отрадно распрощаться с ними.

Изабелла подняла голову и свои стиснутые руки. Казалось, она молилась, глядя на кузена.

— Это правда? Правда? — спросила она.

— Правда, что вы глупая? О, нет, — шутливо, насколько мог, ответил Ральф.

— Что вы сделали меня богатой… что все, что у

меня есть, должно было принадлежать вам?

Ральф отвернул от нее голову и некоторое время молчал.

— Не будем об этом… Идея была не слишком удачна. — Он снова медленно повернулся к Изабелле, и их взгляды снова встретились. — Мне кажется, что этим… — Ральф сделал паузу и мягко добавил: — Мне кажется, что этим я погубил вас.

Изабелла была почти уверена, что Ральф уже недоступен душевным страданиям — казалось, он уже в такой малой степени принадлежал этому миру. Но если бы даже это и не было так, она продолжала бы говорить — сейчас для нее ничто не имело значения, кроме сознания, что они вместе смотрят правде в глаза.

— Он женился на мне из-за денег, — выпалила Изабелла.

Ей хотелось рассказать все. Она боялась, что Ральф может умереть и она не успеет сделать это.

Кузен взглянул на нее — и потом впервые за все время опустил глаза. Но в тот же миг поднял их и сказал:

— Он очень любил вас.

— Да, любил, но не женился бы на мне, если бы я была бедна. Я не хочу причинить вам боль,

говоря это. Как бы я могла? Я только хочу, чтобы вы поняли. Я всегда старалась скрывать все от вас, но теперь этому пришел конец.

— Я всегда все понимал, — сказал Ральф.

— Я так и думала, но мне это не нравилось… теперь не то…

— Вы вовсе не причинили мне боли, дорогая… напротив, вы сделали меня счастливым. — Голос Ральфа был полон неподдельной радости.

Изабелла снова склонила голову и прижалась губами к тыльной стороне его ладони.

— Я всегда все понимал, — повторил больной, — хотя это было так обидно… так горько. Вы хотели смотреть на жизнь своими глазами, но вам этого не дали. Вы были наказаны за свое желание. Вас заключили в темницу условностей!

— О да, я наказана, — выдохнула Изабелла и зарыдала.

Ральф прислушивался некоторое время к ее плачу, затем продолжил:

— Он очень плохо отнесся к вашему отъезду?

— Он сделал его для меня очень тяжелым. Не важно.

— Значит, между вами все кончено?

— Нет… не думаю.

— Вы собираетесь… — Ральф запнулся, — вер-

нуться к нему?

— Не знаю… не могу сказать. Я пробуду здесь как можно дольше. Не хочу сейчас ни о чем думать. К чему? Мне все безразлично, кроме вас, и этого довольно, это еще немного продлится. Я стою здесь на коленях, вижу вас, умирающего у меня на руках, и я счастлива так, как не была уже очень давно. Я хочу, чтобы и вы были счастливы, не думали ни о чем грустном… только чувствовали, что я рядом и люблю вас. Зачем нам страдания? Что нам до них в такой час? Есть нечто глубже, чем самое глубокое страдание.

Было очевидно, что Ральфу говорить становилось с каждой минутой все труднее и труднее. Ему приходилось ждать, чтобы накопить силы. Сначала казалось, что он не собирался откликнуться на последние слова кузины — слишком уж большой получилась пауза. Но потом больной прошептал:

— Вы должны остаться здесь.

— Конечно, останусь — пока позволят приличия.

— Позволят… приличия? — повторил Ральф слова кузины. — Ах да, вы придаете этому большое значение…

— Как и все. Но вы очень устали, — спохвати-

лась Изабелла.

— Да… Вы сказали, что страдание — не самая… глубокая вещь в жизни… Нет… нет. Оно очень глубоко. Если бы я мог не уходить…

— Для меня вы всегда будете здесь, — мягко перебила кузена Изабелла.

Его теперь легко было прервать, но через некоторое время он продолжил:

— Страдание… оно проходит в конце концов. А любовь остается. Не знаю, почему мы должны так много страдать. Возможно, мне еще откроется это… В жизни много всего.

— Я чувствую себя очень старой, — сказала Изабелла.

— Вы снова помолодеете. Я только такой вижу вас… Я не верю… не верю… — Ральф опять замолчал. Силы покинули его.

Изабелла умоляла его не продолжать.

— Мы и так, без слов, понимаем друг друга, — сказала она.

— Не верю, что за такую великодушную ошибку, как ваша, придется расплачиваться без конца…

— О Ральф, я так счастлива сейчас, — пробормотала Изабелла сквозь слезы.

— …и запомните, — продолжил Ральф, — если вас и ненавидели, то был кто-то, кто вас… любил.

— Брат мой! — вскричала Изабелла не помня себя от горя.

Глава 55

Когда-то, в самый первый вечер их встречи в Гарденкорте, Ральф сказал кузине, что если ей суждено страдать, однажды ей доведется встретиться с призраком, который обитал в старом доме. Очевидно, необходимое условие было выполнено, поскольку на следующее утро в холодном свете тусклого рассвета она почувствовала, что призрак стоит у ее кровати. Она легла не раздеваясь, так как была уверена, что Ральф не переживет эту ночь, и не собиралась спать — она ждала, прикрыв глаза. Изабелла была уверена, что на исходе ночи услышит стук в дверь. Стука, однако, не было, но, когда темнота начала немного рассеиваться, Изабелла резко села на кровати, словно ее позвали. На мгновение ей показалось, будто в комнате стоял Ральф — неясная фигура, тающая в тени. Несколько мгновений она смотрела в бледное лицо, нежные глаза… затем все исчезло. Изабелла не испугалась — она была уверена, что видела это. Изабелла решительно вышла из комнаты, прошла темными коридорами и спустилась на один пролет по дубовым ступеням

лестницы, освещенной смутным светом, падавшим из окна в холле. Перед дверью Ральфа она остановилась на мгновение и прислушалась, но вокруг царила тишина. Изабелла так осторожно открыла дверь, словно приподняла вуаль с лица покойного, — и увидела миссис Тачетт, которая сидела у кровати сына, держа его руку в своей. С другой стороны кровати стоял врач и профессиональным жестом щупал запястье другой руки бедного Ральфа. Сиделка стояла тут же. Миссис Тачетт не заметила Изабеллу, но доктор посмотрел на нее очень твердо и осторожно положил руку Ральфа. Сиделка тоже жестко взглянула на Изабеллу, но никто не произнес ни слова.

Изабелла увидела то, что ожидала. Ральф никогда в жизни не выглядел таким прекрасным. Лицо его стало удивительно похоже на лицо отца, который несколько лет назад лежал на этой же самой подушке. Изабелла подошла к миссис Тачетт, обняла ее, и тетушка, никогда не требовавшая и сама не выражавшая сочувствия, вдруг поддалась моменту. Она встала и приняла соболезнования племянницы — не проронив при этом ни одной слезы. Ее заострившееся смертельно бледное лицо было страшным.

— Бедная тетя Лидия, — пробормотала Иза-

белла.

— Ступай и поблагодари Бога, что у тебя нет детей, — сказала миссис Тачетт, высвобождаясь из ее объятий.

Три дня спустя немалое количество людей нашло время, чтобы в пик лондонского «сезона» приехать утренним поездом на тихую железнодорожную станцию Беркшир и провести полчаса в небольшой серой церкви, бывшей неподалеку. Возле нее миссис Тачетт и решила похоронить сына. Она стояла у краямогилы, а Изабелла была рядом с ней, и, казалось, даже могильщик не относился к церемонии более деловито, чем миссис Тачетт. Все шло торжественно, но атмосфера была не тягостной — какая-то доброта была словно разлита в воздухе. Погода вдруг наладилась — этот день, один из последних в переменчивом мае, выдался теплым и безветренным. Конечно, грустно было думать о бедном Тачетте, но эта грусть не была мучительной — его-то мучения закончились. Он умирал очень долго и был готов к этому. В глазах Изабеллы блестели слезы, но это были не ослепляющие слезы. Сквозь них она видела красоту дня, расцветающую природу, милый дворик старой английской церкви и склоненные головы друзей.

И лорд Уорбартон был здесь, и группа неизвестных Изабелле джентльменов, некоторые из коих, как она впоследствии узнала, имели отношение к банку. Трое были ей хорошо известны. Прежде всего — мисс Стэкпол с верным мистером Бентлингом. Возвышаясь над всеми остальными, стоял Каспар Гудвуд. Изабелла то и дело чувствовала на себе его взгляд. Он смотрел на нее как-то упорнее, чем обычно позволял себе при посторонних, в то время как все остальные не отрывали глаз от кладбищенской земли, зеленевшей свежей травой. Но она ни разу не подала вида, что заметила его взгляды. Изабелла была несколько удивлена, что Каспар до сих пор в Англии — ей казалось само собой разумеющимся, что, проводив Ральфа до Гарденкорта, он отправился домой, ведь Англия не слишком пришлась ему по вкусу. Однако он был здесь, и что-то в его внешнем облике говорило о том, что у него были довольно непростые намерения. Изабелла избегала его взгляда, хотя в его глазах, несомненно, было сочувствие, — ей было при нем неловко. Когда небольшая группа людей рассеялась, исчез и он. К миссис Тачетт подошло несколько человек — а к Изабелле только Генриетта. Она плакала.

Ральф сообщил кузине о своей надежде, что

она останется в Гарденкорте, и она не стала сразу уезжать, сказав себе, что из чувства сострадания она должна побыть некоторое время с тетей. Она была рада, что нашла предлог, — в противном случае надо было ехать. Ее миссия была выполнена. С тем, ради чего она покинула мужа, было покончено. Ее муж в чужой стране считал часы ее отсутствия, для которого требовались веские основания. Озмонд не был лучшим из мужей, но это ничего не меняло. Семейная жизнь накладывает определенные обязательства, независимо от того, радуют они вас или нет. Изабелла старалась думать о муже как можно меньше, но сейчас, находясь вдали от него, за пределами действия его чар, вспоминала о Риме с душевной дрожью и пыталась спастись в густой тени Гарденкорта. Она так и жила — день за днем, оттягивая отъезд, закрывая глаза, стараясь не думать. Она знала, что пора решать, но ничего не решала. Ее отъезд ведь сам по себе не был решением — она просто сочла необходимым проводить Ральфа в последний путь. Озмонд не давал о себе знать и, очевидно, не собирался этого делать, возложив всю ответственность на жену. От Пэнси тоже не было вестей. Но здесь все было просто — отец запретил ей писать.

Миссис Тачетт с удовольствием разделяла компанию с Изабеллой, но помощи от нее ждать было нечего. Казалось, она погрузилась в раздумья — без энтузиазма, но с абсолютной ясностью попыталась осознать новые обстоятельства своей жизни. Она не была оптимисткой, но даже из мучительных событий пыталась извлечь какую-то пользу. В данном случае она утешила себя мыслью, что, в конце концов, это несчастье случилось не с ней самой. Смерть была неприятной вещью, но все же это была смерть не ее собственная. Миссис Тачетт никогда не льстила себе надеждой, что ее смерть окажется неприятной еще кому-то, кроме нее самой. Ей было лучше, чем бедняге Ральфу, который оставил позади все жизненные удобства и все гарантии; самым неприятным в смерти, по мнению миссис Тачетт, было то, что тогда уже некому будет позаботиться о твоих интересах. А пока она находилась на своем месте, и это было прекрасно.

Миссис Тачетт в точности изложила Изабелле — вечером после похорон сына — несколько последних распоряжений Ральфа. Он все ей доложил и все обсудил с ней. Ральф не оставил ей денег — они ей просто были не нужны. Он оставил ей обстановку Гарденкорта за исключением

картин и книг и право пользоваться домом в течение года. Затем его следовало продать, а деньги, вырученные от продажи, нужно было перевести на счет больницы для неимущих, страдающих той же болезнью, что и он сам. Душеприказчиком по этой части завещания был назначен лорд Уорбартон. Остальная часть состояния Ральфа изымалась из банка и по частям переходила в наследство родственникам. Определенная сумма отправлялась кузинам в Вермонте, в отношении которых его отец уже проявил щедрость. Оставалось также еще несколько мелких сумм.

— Некоторые пункты его завещания выглядят совершенно нелепыми, — сказала миссис Тачетт. — Ральф оставил значительные суммы некоторым людям, о которых я ни разу не слышала. Он дал мне список, и я поинтересовалась, кто здесь есть кто. Сын ответил, что это люди, которые в разные времена отнеслись к нему хорошо. Очевидно, он считал, что ты относилась к нему неважно и потому не оставил тебе ни пенни. По его мнению, в отношении тебя достаточную милость проявил его отец, с чем я не могу не согласиться. Впрочем, я не слышала, чтобы он по этому поводу когда-то выражал недовольство. Картины надо раздать. Ральф распределил их в качестве

маленьких подарков. Наиболее ценная часть коллекции переходит к лорду Уорбартону. А как ты думаешь, что он сделал со своей библиотекой? Очень похоже на шутку. Ральф оставил книги твоей подруге мисс Стэкпол «в знак признания ее заслуг на поприще литературы». Может, он имел в виду то, что она сопровождала его сюда из Рима? Но при чем здесь служба на поприще литературы? В библиотеке очень много редких и ценных книг. Поскольку мисс Стэкпол никогда не сможет таскать их за собой в чемоданах, Ральф посоветовал ей продать все с аукциона! Она, конечно, распродаст все у Кристи и займется тем, что будет издавать свою газету. Может, это и будет заслугой перед литературой?

На этот вопрос Изабелла не ответила — он немного касался того, о чем ей не хотелось говорить после своего приезда в Гарденкорт. К тому же сейчас литература интересовала ее меньше всего. Это Изабелла обнаружила, когда разглядывала полки с книгами, о которых говорила миссис Тачетт. Она совершенно не могла читать. Ее внимание никогда не выходило до такой степени из-под ее контроля. Однажды спустя неделю после похорон она пришла в библиотеку и попыталась сосредоточиться, но ее глаза часто отрывались

от страниц книги и обращались к окну, выходившему на длинную аллею. Именно так Изабелла и увидела скромную пролетку, остановившуюся у дверей, и не без не слишком приятного волнения различила в ее углу лорда Уорбартона. Сей джентльмен всегда был образцом учтивости, и, следовательно, в данных обстоятельствах не было ничего неожиданного в том, что он приехал из Лондона навестить миссис Тачетт. Конечно же, лорд приехал к ней, а не к миссис Озмонд. И для того, чтобы доказать себе справедливость этой теории, Изабелла вышла из дома и направилась в парк. После приезда в Гарденкорт она редко выходила — погода не особенно способствовала прогулкам по окрестностям. Но сегодняшний вечер, однако, выдался чудесным, и Изабелла с радостью решила прогуляться. Теория, о которой я упомянул, была довольно правдоподобной, но она не осенила Изабеллу спокойствием, и, увидев, как она нервно мечется туда-сюда, любой предположил бы, что ее совесть нечиста. Не прошло и получаса, как Изабелла увидела, что из галереи вышла миссис Тачетт в сопровождении своего гостя. Тетя, очевидно, предложила лорду пойти и поискать ее племянницу. Изабелла не настроена была принимать визитеров, и, если

бы у нее было время, она бы с удовольствием спряталась за одним из могучих деревьев. Но она увидела, что ее заметили, и ей не оставалось ничего, кроме как пойти навстречу миссис Тачетт и лорду. Поскольку лужайка Гарденкорта была довольно большой, это заняло некоторое время, и Изабелла заметила, что лорд Уорбартон шел рядом с хозяйкой, держа руки за спиной и не поднимая глаз. Оба, судя по всему, молчали, но даже на таком расстояния Изабелла поймала многозначительный короткий взгляд, который бросила на нее тетя. Казалось, он сурово говорил: «Вот в высшей степени подходящий человек, за которого тебе бы надо выйти замуж!» Но когда лорд Уорбартон поднял свои глаза, они сказали совсем не то. Они лишь говорили: «Мне так неловко, и только вы можете помочь мне». Лорд был очень серьезен; впервые за все время знакомства с Изабеллой он поздоровался с ней без улыбки. Даже во времена его душевных терзаний он начинал разговор с улыбки. Ему, видимо, было сейчас очень неловко.

— Лорд Уорбартон был столь любезен, что приехал навестить меня, — сказала миссис Тачетт. — Он говорит, что не знал, что ты еще здесь. Насколько я помню, вы старые друзья, — вот

я и проводила его в парк, мне сказали, что ты вышла.

— О, я видел, что есть поезд без двадцати семь, и это позволит мне вовремя вернуться домой к обеду, — несколько не к месту пояснил спутник миссис Тачетт. — Я так рад, что вы не уехали.

— Я здесь не надолго, — поспешно сказала Изабелла.

— Надеюсь, вы останетесь хотя бы на несколько недель. Вы приехали в Англию скорее… чем намеревались.

— Да, все решилось внезапно.

Миссис Тачетт отошла от них, как будто бы заинтересовалась, как содержится парк — уход за ним оставлял желать лучшего. Лорд Уорбартон молчал, не решаясь заговорить. Изабелла подумала, что он уже хотел спросить ее о муже, но в последний момент оборвал себя. Он по-прежнему был очень серьезен — то ли потому, что считал, что так следовало говорить в том месте, над которым недавно пронеслась смерть, то ли у него были на то иные причины. Если последнее было верно, весьма удачно, что у него было вышеупомянутое оправдание, подумала Изабелла. Его лицо не было печальным — оно просто до странности ничего не выражало.

— Мои сестры с удовольствием приехали бы, если бы знали, что вы здесь… если бы были уверены, что вы сможете принять их, — продолжил лорд Уорбартон. — Позвольте мне надеяться, что вы окажете им любезность и повидаетесь с ними до того, как покинете Англию.

— С огромным удовольствием. У меня такие приятные воспоминания о них.

— Не согласитесь ли вы приехать на пару дней в Локли? Вы помните свое давнее обещание? — Его светлость слегка покраснел и сразу стал больше похож на себя прежнего. — Возможно, я беру на себя слишком много — ведь вам сейчас не до визитов. Но это вовсе не будет визитом… сестры будут в Локли в течение трех дней после Троицы, и если вы сможете приехать — тем более, раз вы говорите, что не останетесь в Англии надолго, — я позабочусь о том, чтобы больше никого у нас не было.

Изабелла подумала, неужели лорд не пригласит даже свою молодую избранницу с матерью, но решила не высказывать это вслух.

— Большое вам спасибо, — ответила она. — Боюсь, мне трудно сказать, где я буду на Троицу.

— Но все же вы обещаете… Не так ли? Может, в какое-то другое время?..

В последней фразе прозвучали вопросительные нотки, но Изабелла пропустила их мимо ушей. Она некоторое время смотрела на своего собеседника, и результат этого наблюдения оказался таким же, как и раньше: ей стало жаль его.

— Не опоздайте на свой поезд, — сказала женщина. — Желаю вам счастья — во всем.

Лорд еще сильнее покраснел и взглянул на часы.

— О, да, без двадцати семь. Времени и вправду немного, но моя пролетка у дверей. Благодарю вас, — было непонятно, к чему относилась благодарность — то ли к напоминанию о поезде, то ли к пожеланию счастья. — До свидания, миссис Озмонд, до свидания.

Он пожал Изабелле руку, стараясь не смотреть ей в глаза, затем повернулся к миссис Тачетт, которая снова подошла к ним. Прощание с ней было столь же кратким, и через мгновение две женщины посмотрели вслед лорду Уорбартону, который большими шагами, удаляясь от них, шел по лужайке.

— Вы твердо уверены, что он собирается жениться? — спросила Изабелла тетушку.

— Я не могу быть более уверенной, чем он сам, — но это очень похоже на правду. Я поздра-

вила его, и он принял мои поздравления.

— Ну и покончим с этим! — сказала Изабелла, а ее тетушка отправилась в дом, чтобы вернуться к своим занятиям, которые прервал приход гостя.

Однако «покончив с этим», Изабелла продолжала думать о лорде — она думала о нем, направляясь к огромным дубам, отбрасывавшим на газон длинные тени. Через несколько минут Изабелла дошла до грубо сколоченной скамейки, которая была ей чем-то знакомой и с которой было связано какое-то важное событие. Затем Изабелла вспомнила, что сидела здесь шесть лет назад, когда слуга принес ей из дома письмо, в котором Каспар Гудвуд сообщал о своем приезде в Европу. Прочитав это письмо, она подняла глаза и увидела лорда Уорбартона, который сделал ей предложение.

Действительно, это была историческая скамья — Изабелла стояла и смотрела на нее, словно та могла ей что-то сказать. Она не присела на скамью, поскольку немного даже побаивалась ее, — а просто стояла рядом. Прошлое накатило на нее мощной волной, и она ощутила вдруг огромную усталость — такую усталость, что, отбросив все сомнения, она все же опустилась на скамью. Я говорил, что Изабелла была постоянно встрево-

жена, ей было трудно собраться с мыслями — но если вы бы увидели ее сейчас, то решили бы, что в моих словах нет ни слова правды. Вы решили бы, что перед вами сама Праздность. Весь вид Изабеллы говорил об отсутствии какой-нибудь цели — ее безвольно повисшие руки потерялись в складках черного платья, глаза смотрели в одну точку. Ей незачем было возвращаться из сада — в доме сейчас обедали рано, а чай накрывали когда придется. Изабелла не могла сказать, как долго просидела на скамье, но сумерки начали сгущаться, и вдруг она почувствовала, что не одна. Она быстро выпрямилась, огляделась по сторонам и обнаружила, что в нескольких футах от нее стоял Каспар Гудвуд — Изабелла не услышала звука его шагов по траве. Она вдруг вспомнила, что лорд Уорбартон точно так же удивил ее тогда, несколько лет назад.

Изабелла мгновенно поднялась. Увидев, что его заметили, Каспар Гудвуд метнулся к ней. Она не успела сделать и шага, как Каспар взял ее за запястье и снова усадил на скамью. Этот жест… внешне он выглядел как насилие, но им не был — Изабелла не рискнула бы определить, что он выражал. Она прикрыла глаза; Каспар не причинил ей боли, она всего лишь подчинилась

прикосновению — но было в лице мистера Гудвуда что-то такое, чего Изабелле не хотелось бы видеть. Так он смотрел на нее в тот день в церковном дворе, но сейчас это было еще хуже. Сначала Каспар молчал, и Изабелла просто чувствовала его рядом — на мгновение ей показалось, что никто еще не был так близок к ней. Потом Изабелла высвободила свое запястье и взглянула на гостя.

— Вы напугали меня, — сказала она.

— Я не хотел, — ответил мистер Гудвуд. — Но если я немного напугал вас, это не имеет значения. Я уже давно приехал на поезде из Лондона, но не мог сразу прийти сюда. Какой-то человек на вокзале, опередив меня, нанял экипаж, и я слышал, как он назвал ваш адрес. Не знаю, кто это был, но мне хотелось встретиться с вами наедине, поэтому я ходил вокруг и ждал. Привратник, или кто там он, встретил меня и узнал, поскольку я приезжал сюда с вашим кузеном. Потом я уже было пошел к дому, но тут увидел вас. Тот джентльмен ушел? Вы одна? Я хочу поговорить с вами, — мистер Гудвуд очень быстро произносил слова. Он был взволнован так же, как в тот момент, когда они расставались в Риме.

Изабелла надеялась, что Каспар уже успокоился, и сжалась, почувствовав, что ее надежды

тщетны, и, напротив, он еще больше набрал ветру в паруса. Более того, он вызвал в ней чувство приближающейся опасности, чего раньше не было. В его упорстве действительно было что-то пугающее. Изабелла смотрела прямо перед собой; Гудвуд, упершись руками в колени, наклонился вперед, заглянул ей в лицо и сидел так, не спуская с нее глаз. Сумерки вокруг них сгущались.

— Я хочу поговорить с вами, — повторил он. — Мне нужно вам кое-что сказать. Я постараюсь не расстраивать вас… как это случилось тогда в Риме. Это не принесло никакой пользы. Вы только огорчились. Я ничего не мог поделать. Я знал, что был не прав. Но сейчас все по-другому. Пожалуйста, поймите, что сейчас я прав, — пожалуйста! — Время от времени в твердом низком голосе Каспара прорывалась мольба. — Я специально приехал сегодня сюда! Сейчас все по-другому. Тогда не было смысла говорить с вами, но теперь я могу вам помочь.

Изабелла — то ли из-за страха перед мистером Гудвудом, то ли из-за того, что такой голос во тьме казался ей гласом свыше, — слушала Каспара, как никогда раньше. Его слова глубоко проникли ей в душу. Она замерла как зачарованная и с огромным усилием заставила себя отозваться:

— Как вы можете помочь мне?

Изабелла произнесла это тихим голосом, словно воспринимала сказанное весьма серьезно и желала вникнуть во все подробности.

— Если бы вы доверились мне! Теперь я знаю… сегодня я знаю. Помните, о чем я спрашивал вас в Риме? Тогда я был в полном неведении, но теперь все изменилось. Сейчас мне все стало ясно. Хорошо, что вы заставили меня уехать вместе с вашим кузеном. Он был хорошим человеком… благородным человеком. Он рассказал мне, как обстоят дела, и все объяснил — он догадывался о моем отношении к вам. Он был членом вашей семьи и поручил мне до тех пор, пока вы будете находиться в Англии, заботиться о вас, — мистер Гудвуд сказал это так, словно сообщил величайшую новость. — Знаете, что ваш кузен сказал мне, когда я видел его в последний раз, уже на смертном одре? «Сделайте для нее все, что можете. Сделайте для нее все, что она вам позволит».

Изабель вдруг встала со скамьи.

— Вы не должны были говорить обо мне!

— Почему же нет… почему нет? — спросил Каспар, тоже быстро поднявшись. — Ваш кузен умирал. Когда человек умирает, все по-другому.

Изабелла хотела было уйти, но остановилась.

Она слушала его внимательнее, чем обычно. Каспар Гудвуд действительно был не таким, как в прошлый раз. Тогда в нем бродила бесцельная, бесплодная страсть, а сейчас — она интуитивно почувствовала это всем своим существом — он был одержим какой-то идеей.

— Но это не важно! — воскликнул мистер Гудвуд, еще больше приблизившись к ней, хотя и не касаясь на этот раз даже края ее платья. — Если бы Ральф Тачетт и не сказал мне, я бы все равно узнал. Стоило только взглянуть на вас на похоронах кузена, чтобы понять, что с вами происходит. Вам больше не удастся обманывать меня. Ради Бога, будьте честны с тем, кто так честен с вами. Вы самая несчастная женщина в мире, а ваш муж просто дьявол!

Изабелла вскинулась, словно он ударил ее, и воскликнула:

— Вы сошли с ума!

— Я никогда не был настолько в здравом уме. Я все понял. Вам не придется защищать его — я больше не скажу о нем ни одного слова и буду говорить только о вас. Как вы можете делать вид, будто ваше сердце не разбито? Вы не знаете, что делать, куда повернуть. Зачем вы стараетесь играть какую-то роль? Все это осталось позади

— в Риме. Тачетт знал… и я тоже… чего стоила вам поездка сюда. Она может стоить вам жизни, ведь так? Теперь, когда мне все известно, могу ли я не стремиться спасти вас? Что вы подумаете обо мне, если я буду спокойно стоять и ждать, как вы возвращаетесь туда, где вас ждет расплата? «Она заплатит за это высокую цену!» — вот что сказал мне ваш кузен. Это же и я могу сказать вам. Не так ли? Он был вам близким родственником — и мог позволить себе сказать такие слова. Я-то скорее застрелился бы, чем сказал вслух такое. Это случилось, когда Тачетт уже вернулся домой и понял, что умирает. Я понял это тоже. Теперь мне все ясно — вы боитесь возвращаться. Вы совершенно одна и не знаете, где искать защиты. Поэтому я хочу, чтобы вы подумали обо мне.

— Подумать о вас? — переспросила Изабелла, стоя перед Гудвудом в сумерках. Та идея, проблеск которой явился ей несколько мгновений назад, вдруг стала ей понятна. Она немного откинула голову назад и рассматривала его удивленно, так, как какую-нибудь летящую в небе комету.

— Вы не знаете, куда идти. Идите ко мне! Доверьтесь мне! — повторял Гудвуд. Его глаза блестели. — Неужели вы вернетесь назад? Зачем вам соблюдать эти ужасные приличия?

— Чтобы вырваться от вас! — ответила Изабелла, но эти слова далеко не полностью выразили ее чувства. Главное было в том, что она вдруг осознала, что любима — любима, как никогда прежде. У нее перехватило горло. Это чувство — оно словно связало ее по рукам и ногам. Оно просто сбивало с ног.

Изабелла испугалась, что после ее слов Гудвуд впадет в еще большее неистовство. Но он, напротив, стал вдруг спокоен; ему словно хотелось доказать, что он в здравом рассудке и может все объяснить.

— Мне хотелось бы помешать этому. Думаю, я могу это сделать, если вы только выслушаете меня. Невыносимо думать, что вы готовы снова обречь себя на заклание. Это не я, это вы сошли с ума. Доверьтесь мне — представьте, что я ваш опекун. Зачем нам отказываться от счастья, когда вот оно — только протяни руку! Я ваш — навеки веков. Вот я стою перед вами — крепкий, как скала. О чем вам тревожиться? У вас нет детей — это могло бы оказаться серьезным препятствием. А раз так, вам не о чем волноваться. Вы должны спасти то, что осталось от вашей жизни, — часть ее уже загублена. Было бы оскорбительно для вас предположить, будто вы пытаетесь всего лишь

соблюсти внешние приличия, боясь сплетен и тупого осуждения окружающего мира! Что нам до этого — мы люди другого порядка, мы способны воспринимать суть вещей, нам безразлична их оболочка. Вы сделали самый трудный шаг — уехали; следующий гораздо проще. Он вполне естественен. Клянусь, женщине, которую вынуждают страдать, можно простить все — даже если она пойдет на панель, если это выход! Я знаю, как вы страдаете, — вот почему я здесь. Мы вольны в своих поступках — разве мы кому-нибудь что-нибудь должны? Что нас держит — у кого есть хоть малейшее право вмешиваться в этот вопрос? Он касается только нас. Разве мы рождены, чтобы проклинать судьбу и страшиться чего-то? Я не помню, чтобы вы раньше боялись! Доверьтесь мне, и вы не разочаруетесь! Весь мир перед нами — огромный мир! Я кое-что в этом понимаю!

Изабелла застонала, словно настойчивость Каспара давила на нее, причиняла ей боль.

— Мир очень мал, — сказала она, просто чтобы что-нибудь сказать; она страстно желала показать ему, что способна сопротивляться. Но думала она совсем другое. Окружающий мир действительно еще никогда не казался ей столь необъятным — он разверзся и принял ее в себя,

обратившись в безбрежный океан, и ее метало в волнах как щепку. Она нуждалась в помощи, и помощь пришла — она обрушилась на нее мощным потоком. Не знаю, верила ли Изабелла всем словам Каспара Гудвуда, но она знала, что позволить ему заключить ее в свои объятия было бы почти так же прекрасно, как умереть. Эта уверенность мгновенно погрузила ее в исступленный восторг, в котором она тонула и тонула. Погружаясь, Изабелла отчаянно билась, стараясь обрести почву под ногами.

— Я весь ваш — будьте же моей! — услышала она вдруг голос Каспара. Он внезапно прекратил убеждать ее, и этот его возглас, казалось, прорвался сквозь беспорядочный гул.

Гул этот, как выражаются метафизики, был «субъективной реальностью» — и обрывки звуков, и шум воды, и все остальное существовало только в ее закружившейся голове; через мгновение она осознала это.

— Окажите мне величайшую милость, — сказала она. — уходите. Умоляю вас!

— Не говорите этого. Не убивайте меня! — вскричал Каспар.

Изабелла заломила руки. Из ее глаз покатились слезы.

— Если вы любите меня, если в вас есть хоть капля жалости, оставьте меня!

Мгновение он смотрел на Изабеллу; глаза его сверкали в темноте. В следующий момент она почувствовала, как его руки обхватили ее, а губы прижались к ее губам. Его поцелуй был как вспышка молнии — когда она вновь ощутила вокруг себя темноту, она была уже свободна. Она бросилась прочь, даже не оглянувшись. Вдали, в окнах дома горел свет — он падал на лужайку. За удивительно короткое время — хотя расстояние было довольно значительное — Изабелла, ничего не видя вокруг, промчалась сквозь темноту к двери. Только здесь она остановилась, огляделась и прислушалась. Затем взялась рукой за щеколду.

Совсем недавно она еще не знала, куда идти, — но теперь ей все стало ясно. Перед ней была прямая дорога.

Два дня спустя Каспар Гудвуд постучал в дверь дома на Уимпол-стрит, в котором снимала меблированные комнаты Генриетта Стэкпол. Он не успел отпустить молоток, как дверь открылась, и перед ним оказалась мисс Стэкпол собственной персоной. Она была в шляпке и в жакете — следовательно, собиралась уходить.

— Доброе утро, — произнес мистер Гудвуд. — Я

надеялся застать миссис Озмонд.

Генриетта заставила ждать своего ответа несколько секунд, но и молчание мисс Стэкпол было весьма выразительным.

— Но почему вы решили, что она здесь?

— Я ездил утром в Гарденкорт, и лакей сказал, что миссис Озмонд уехала в Лондон. Он предположил, что она отправилась к вам.

Снова мисс Стэкпол — несомненно, из добрых побуждений — несколько секунд держала его в неизвестности, затем сказала:

— Она была здесь вчера и провела ночь. Но утром уехала в Рим.

Каспар Гудвуд не смотрел на Генриетту. Его глаза были прикованы к порогу.

— Уехала? — Мистер Гудвуд запнулся и, не закончив фразы, так и не подняв глаз, отвернулся.

Генриетта вышла, закрыла за собой дверь и положила руку ему на плечо.

— Постойте, мистер Гудвуд, — сказала она, — надо еще подождать!

При этих словах Каспар поднял глаза и взглянул на нее.